

Мюнхен. 1927 г.

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

И.А.ИЛИН

**Собрание сочинений
в десяти томах**

Москва
•РУССКАЯ КНИГА-
1998

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений Том седьмой

Москва
•РУССКАЯ КНИГА
1998

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шкапов

Ильин И. А.
И 46   Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7/Сосг. и ком-
мент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. —
М.: Русская книга, 1998. — 608 е., 1 ил. портр.

В том вошли лекции и брошюры И. А. Ильина, посвящен-
ные анализу идейной и духовной сущности большевизма и
коммунизма как общемировых явлений, разоблачению античе-
ловеческой политики большевиков в советском государстве,
перспективам и путям строительства новой России. Большин-
ство предлагаемых работ публикуется на русском языке впер-
вые.

” 0301030000 - 009
и М - 105 (03) 97 ^{6/06} -
ISBN5 - 268 - 01393 - 9 общ.
ISBN5 - 268 - 01427 - 7 (т. 7)

УДК 1/14
ББК 87.3

© Лисица Ю. Т., 1998 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 1998 г., оформление.

О БОЛЬШЕВИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

БОЛЬШЕВИЗМ И КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

1

Всегда и везде правосознание составляет реальную и священную основу общественного бытия и государства. Трудно себе представить человека, начисто лишенного правосознания. Каждый, кто бы он ни был, обладает правосознанием совершенно независимо от того, знает он об этом или нет, умеет дорожить этим своим духовным наследием или относится к нему с пренебрежением; — его имеет каждый, кто живет и знает, что кроме него есть на свете и другие люди. Ибо право есть незримо присутствующая и объективно существующая грань, отделяющая один живой человеческий дух от другого и в то же время соединяющая их.

Люди, как правило, не замечают правосознания и не воспитывают в себе его правильный духовный ритм, вследствие чего оно часто кажется им беспочвенным и бессильным, легко утрачивает свою истинную цель, пульс его жизни нарушается, а дух становится жертвою дурных страстей. Духовно же здоровому человеку свойственно явное убеждение в том, что во взаимоотношениях людей можно и должно различать объективно верное поведение от объективно неверного, т. е. что на самом деле существует объективно действующая и праведная грань человеческой свободы, которая определяет, что должно, что можно, чего нельзя в плане человеческих желаний и возможностей. Ощущение, пусть даже смутное, этой объективно действующей грани, диктуемое собственным опытом, есть первичный феномен правосознания.

Если подходить к этому ощущению осмотрительно и внимательно, постоянно и с толком превращать его в данность, подкреплять и упражнять его, то зарождается своего рода духовная функция, которую можно назвать правою совестью, или голосом здорового, нормально-го правосознания. Нетрудно догадаться, что правосозна-

ние в человеке наличествует всегда; что данные его имеют определенное, стойкое содержание; что оно имеет *волевую* природу; что из-за своей предметности оно облекается в форму единой высшей *цели* и как своеобразный духовный опыт обладает верной, соответствующей ему структурой духовного акта, которая при овладении ею ведет исследователя прямо к исследуемому предмету.

Вся общественная жизнь — сознательно или бессознательно — пронизана и движима правосознанием, посредством его связывается и реализуется; ибо в стихии правосознания осуществляется любой заработок и любая покупка, равно как и клевета, измена Родине и гражданская война; хотя патриотический подвиг и подлое преступление далеко не равнозначны. Значит, перед каждым человеком, перед любым народом и перед всем человечеством стоит задача — выработать в себе нормальное правосознание и сделать это на основе полной отдачи себя объективной правовой целесообразности, на основе духовно-автономного самообладания, на основе твердых убеждений, правильных понятий о чести, свободе и справедливости. Бывают времена, когда и все общество, и государство делают в этом направлении большие сдвиги. Но беда, если этот процесс остается лишь внешним и поверхностным, если он не закрепляется в глубинах души, на том фундаменте ее, который и есть иррациональная духовность человека, или если эта неосознанная духовность охвачена смутой либо разложением! Тогда между поверхностной гражданской цивилизацией и глубокой политической культурой появляется трещина; правовая жизнь мелеет, формализуется и сводится к чисто внешним процедурам и механизмам. От поколения к поколению передается все более вырождающийся правовой опыт; человек привыкает воспринимать право как нечто внешнее, формальное, насильственное; постепенно утрачивается уважение и доверие к праву; а если и ведется борьба за право, то не за содержательную и предметную справедливость, а за внешнее навязывание своей власти и упрочение своего влияния. Тогда правовая жизнь вырождается, лишается своей духовности, развенчивается, теряет свой чистый источник, свою основу и свою воспитывающую и дисциплинирующую мощь

Право остается без духовного наполнения и животельной силы, постепенно превращается в свирепую власть и дезорганизирующее насилие.

2

Примерно по такому пути двигался и сегодняшний кризис правосознания, который придется сполна испытать и выстрадать России, да и другим народам. Исторически этот кризис связан с процессом секуляризации всей духовной культуры и с угасанием в ней религиозного духа.

Такое в мировой истории наблюдается уже не в первый раз. Когда разложение язычества достигло известного апогея, зашаталась основы *античного правосознания*; римской государственности тоже пришлось пройти трагический период длительной смуты, волнений, гражданских войн, бессилия перед напором варваров. Религиозная беспочвенность неизбежно привела к духовной и этической беспринципности; индифферентизм вылился в крайний нигилизм, способствуя во всем открытой агрессивности. Религиозно-беспочвенное правосознание оказалось неспособным поддерживать общественный порядок и монументальную государственность Рима.

Но в этом явном распаде античного, *civitas*¹ уже закладывались основы нового религиозного опыта, на котором суждено было взрасти и окрепнуть новому, *христианскому, правосознанию*. Христианская религия учила новому отношению к Богу и к людям. Она, во-первых, вызывала живое единение с Божеством в акте совершенной любви Божией; и во-вторых, живое единение с ближним в акте совершенной бого-чтимой человеческой любви. Однако во всем этом не было непосредственного учения о праве и государстве, законе и суде, субъекте права и его общественном положении; более того — все эти понятия как бы отодвигались на задний план и в концепциях первых столетий отчасти как бы даже игнорировались. И тем не менее христианское откровение внесло в мир совестливый, глубокий, чистый, религиозно-этический дух; а искреннее самостояние и пребывание в этом духе привело человека к особому пониманию мира, сограждан, права и государственности. В челове-

ческой душе забил глубокий и чистый родник любви, столь нужный и благоприятный для обновления всех ее деяний, целей и сил.

Вся жизнь стала видеться и восприниматься из нового центра, в новом, едином луче света; и этот центр образовывался вследствие личностного реального единения Бога и человека, и все жизненные обстоятельства и отношения должны были проникнуться, освятиться и поддерживаться новоявленной богочеловеческой волею. В результате образовалась новая почва, на которой смогло расцвести христианское правосознание. Полнота Божественной любви и прислушивание к Божьему голосу связывали человеческую волю, побуждая ее следовать высшей, объективной цели; человек научался подчинять материальное духовному, а личностное — как начало тщеславия, корыстолюбия и гордыни — ставить ниже надличностного — как принципа достоинства, ценности и совершенства. Тем самым правосознание увязывалось со своими основополагающими аксиомами — духовным достоинством, самообладанием (автономией) и идеей социальной целостности. Всюду, где расцветала полнота любви, она творила дух совестливой доброжелательности, выравнивающей справедливости и самоотверженной щедрости. И поборов в себе склонность к отрицанию социального устройства мира, придя к осознанию и утверждению своей правовой субъективности, верующий христианин наполнил свое гражданское и общественное самосознание духом самообуздания, скромности и самоотречения. Он уже впитал в себя бессознательную уверенность в необходимости подавлять или хотя бы укрощать собственное беспредметное тщеславие, жадность, враждебность, склонность к злобным нападкам. Его правосознание уже научилось клеймить эти противоправные наклонности как греховные; на этом пути человек и познал *миротворческую* функцию права. Христианство способствовало развитию в человеке духа миролюбия и братства, духа неформальной, не нивелирующей всех и вся живой справедливости. Оно прививало ему способность смотреть на подчинение не как на ненавистное бремя, а власть воспринимать

как великое бремя ответственности. Давая человеку в руки объективный критерий совершенства, оно позволяло ему отличать хороших людей от дурных; указуя ему на высшую цель государственной власти, оно давало ему возможность понять, кто же есть вождь по предназначению своему. Христианство проповедовало любовь; любовь и доверие к согражданам, равным перед необходимостью подчиняться; любовь, доверие и уважение к вышестоящим. Таким образом оно пронизывало общественный строй духом лояльности и солидарности, духом органичного единения, спланивающим, концентрирующим и облагораживающим национальные силы и политический гений народа.

Тем самым правосознание получало безраздельную, абсолютную поддержку и опору. Дело права и государства в известной мере освещалось религиозным светом христианства изнутри. Так что были времена, когда человек в своих политических деяниях обращал свой духовный взор к высокому и созерцал его в меру своих способностей; дела его приобретали благодаря этому религиозный смысл и значение, а государство благоволило религиозным устремлениям и возводило свое здание не на зыби песков и болот.

3

В общем процессе обособления духовной культуры от христианской церкви, от ее влияния и от духа христианского учения — в так называемом процессе секуляризации — обособлялось и правосознание; со времен Макиавелли оно окончательно самоутвердилось, стало строиться на светских основах и постепенно утрачивать свою прежнюю надежную поддержку и опору; оно забыло свою единую высшую цель, заглушило очевидные истины и позволило развеяться созидательному духу христианства. Правосознание стало светским, нехристианским и более того — *иррелигиозным* (*irreligious*); в результате измельчали его побуждения, утратилась его благородная направленность, разрушились его глубинные начала и, что вполне естественно, началось поклонение прямо противоположному духу.

Новое правосознание, став иррелигиозным, неизбежно принялось за устранение из правовой и политической жизни религиозного духа и религиозного содержания. Постепенно менялось принципиальное отношение человека к своему ближнему, и тем самым нарушалась прочная спаянность государственности с ритмом политической системы. Было перестроено все восприятие права и государства. Правосознание стало жертвой политического релятивизма, буржуазной беспринципности, духовного нигилизма и общественного порока. Этот дух жил, творил и подтачивал изнутри не совсем бессознательно и не только в темных народных массах. Сливаясь то с учением о слепом материализме, то с положениями сенсуалистского позитивизма, этот дух сумел выпестовать множество идеологов и апологетов — от Макиавелли до Маркса, чтобы к началу XX века методично и жестко приняться за дело и воплотиться в жизнь.

XIX век сделал немало разумного и истинного на ниве обоснования государства и права, но не сумел сдерживать напор иррационального кризиса правосознания, процесс перерождения правового опыта; невиданный размах получили абстрактное право и разложение правосознания. Формула извращенного правосознания гласит: *государство есть относительно обусловленное равновесие человеческих атомов, которые чисто материалистически надо воспринимать и чисто количественно оценивать; эти атомы делятся по имущественному принципу на различные социальные классы и ведут между собой борьбу не на жизнь, а на смерть за земные блага. Все это множество призвано к тому, чтобы методом уничтожения хозяйственно и духовно самостоятельной личности добигались потребности счастья, при котором будут искоренены всякое неравенство и различия.*

Это самое что ни на есть новейшее правосознание по своей сути слепо, по форме преступно, по своей созидательной силе хило и бесплодно. На деле оно — лишь видимость правосознания, но считает себя просвещенным и предназначенным для руководства. Будучи «просвещенным», оно уже не верит «старым сказкам» и «сантиментам». Оно верит в силу, в организованный напор, массу и количество; оно ценит захват, силу и лов-

кость; оно борется всеми средствами — агитацией, клеветой, подкупом, интригами и террором; оно стремится к победе на трибуне демагогии и в гражданской войне. Но не в этом главное: социальный распад, волнения и гражданская война всего лишь симптомы. Главное в том, что нынешнее правосознание и *не видит ничего лучшего*, и не *хочет* ничего лучшего; оно беззастенчиво заявляет, что сущность права и государства только в этом и состоит, оно пытается «научно» доказать и уже доказало, что правовые отношения есть не что иное, как отношения силы и власти; оно придает себе вид законченной теории, которая учит тому, что путь к счастью в страстно желаемом будущем лежит через духовный распад и разложение человеческой души.

Таково, вообще говоря, правосознание большевизма.

4 ' .

Кризис нынешнего правосознания прошел три этапа, и все они пришлись на наше поколение; все причинно-преемственно взаимосвязаны, каждый последующий в своем содержании и развитии обусловлен предыдущим, впитал в себя все его ошибки и вывихи, доводя их до определенного уровня. Эти этапы составляют одну целостную картину — картину разрушения, к которому привел единый всеобщий недуг.

I. На первом этапе велась длительная подготовка к бурному развитию; то был долгий и сложный процесс, критическая вспышка которого приходится на конец XVIII века, а быстрое созревание — на XIX век. В XIX веке происходит, с одной стороны, упадок сил и сопротивляемости безрелигиозного духа; с другой — безмерно возрастает бремя задач, стоящих перед разрушенным и расшатанным правосознанием. Открытия естественных наук, расцвет промышленной техники, возможностей транспорта, возникновение и развитие промышленного капитала, прогресс в мировой торговле и на мировой бирже, стремление к сбыту, борьба за колониальные владения — все это привело к новой, усиленной, классовой и государственной дифференциации и предъявило к правосознанию, созидающему и охраняющему социальную жизнь, намного более сложные требования.

С одной стороны, хозяйственные интересы совпадают с государственными, в результате чего четко выраженную экономическую окраску приобретает конкуренция отдельных государств. Тем самым обостряется борьба государств, что требует от их граждан особой, государственно акцентированной дисциплины и солидарности, что, в свою очередь, означает, что нынешний гражданин нуждается в особо сильном, духовно крепком правосознании. И в то же время нынешние государства пребывают в состоянии разделения и расщепления на атомы; почти все располагают обученным рабочим классом, который достаточно беден, чтобы стать духовно беспочвенным; достаточно зависим и неудовлетворен, чтобы впасть в озлобленность; достаточно многочисленен и просвещен, чтобы осознать свои собственные права и стать разрушительной силой. Можно ли ожидать от беспочвенного и озлобленного правосознания, что оно встанет выше классовой борьбы, проявив глубокую мудрость и патриотический героизм?

С другой стороны, хозяйственные интересы перерождаются в алчность, стремящуюся к наживе, сплетаются с борьбой классов и рас за влияние и власть в мире, принимая форму то явной, то тайной международной организации. Деление человечества по вертикали на отдельные, обособленные государства перекрывается и перечеркивается по горизонтали этими самими организациями. Социальная дифференциация создает новые образования и новые комбинации; и эти новые общности и организации пытаются отчасти пренебречь вертикальным разделением, отчасти разрушить его до основания. Нынешний мир просто кишит людьми или действительно не имеющими Отечества, или пытающимися убедить себя, что не имеют его. Понятно, что деятельность подобных людей и подобных классов подрывает последнюю опору секуляризованного правосознания — патриотизм.

Беспомощным, не способным к творческому возрождению, бессильным в борьбе с надвигающимися соблазнами предстало беспочвенное правосознание XIX века перед лицом новой, усиленной социальной дифференциации, отрицающей и подрывающей основные прин-

ципы былой общности. Оно не сумело найти обратного пути к созерцанию своей высшей цели; оно утратило глубины своего истинного опыта и ударились в юридический формализм. Оно привыкло воспринимать право как абстрактную форму, как логическую категорию, как внешнее жизнеустройство, как механизм внешних поступков, как организованную власть. Оно привыкло толковать право вне связи с внутренней мотивацией, с духовными побуждениями, своими собственными аксиомами, своим предназначением. Гораздо привычнее для нынешней культуры беспредметное и беспринципное обращение с правом. А это означает, что правосознание XIX века все заметнее утрачивало правильность своей структуры, подлинность своих намерений, что все сильнее пренебрегало оно великим вопросом о предметном содержании права. Даже лояльность становилась формальностью и «буква» превалировала над духом и целью; внешняя видимость правопорядка подменила собой подлинный, предметный правовой опыт... Вот это несоответствие задач правосознания своим духовным силам и способностям давно стало предвозвестником надвигающейся катастрофы и способствовало ей.

5

II. Разразившаяся мировая война, которая в скрытых формах продолжается и теперь, стала воплощением этого беспочвенного, формалистического и ожесточенного общей конкуренцией правосознания; она стала венцом духовного разложения и наметила *второй* этап нынешнего кризиса.

Эта война, как всякая другая, открыто превратила вопрос права в вопрос власти, правовой спор — в насильственную борьбу, а ожесточившаяся конкуренция стремилась к полному уничтожению врага. Замена правового вопроса вопросом силы означает в правосознании уничтожение идеи праведного, справедливого, мирного примирения интересов, упразднение проблемы обоснования права и методов его аргументации, заглушение воли к уважительной, братской совместной жизни; что означает объявление несущественной разницы между добром и злом в области права. Превратить со-

ревнование и правовой спор в насильственную борьбу за «быть или не быть» — значит уничтожить в правосознании идею взаимного признания, подавить склонности к взаимоуважению и доверию, объявить никчемными принципы верности условиям договора и гуманности; значит разнуздать в глубинах души зверя и отдать правосознание на поругание этому зверю.

Все это, конечно, имеет свои неизбежные следствия. Правосознание во время войны — прямыми приказами, общим состоянием дел и даже действиями из патриотических побуждений — было отделено от своих аксиоматических основ; его надежный главный источник — стремление к объективной правовой цели — был отвергнут как непригодный для борьбы и ничемный практически; истинная его санкция — опыт его собственной предметной правоты — была отринута как излишняя. Даже воля к справедливости и вера в право стали считаться пустыми предрассудками. Грани между допустимым и недопустимым были размыты и утрачены. Война вызвала у беспочвенного правосознания страшнейшие соблазны: все так и кишело искусом и противоречиями, испытать и преодолеть которые было под силу лишь духовно крепкому, зрелому человеку: убийство человека — самое тяжкое и неоправимое из всех правонарушений — стало, например, долгом и героизмом, а небрежность в одежде считалась недопустимой и наказуемой. Военная нажива считалась делом законным, а мародерство, кража и подкуп запрещались; военная конфискация была правомерной, а произвольный захват чужого имущества именовался разбоем и преступлением... Все это и подобное ему было направлено на то, чтобы притупить, подточить порушенное правосознание, особенно в охваченных и потрясенных войной народных массах; конечно, сказывалась продолжительность войны, ее чудовищная, невиданная прежде интенсивность, ее психологически потрясающие внешние формы, голод и отчасти собственная социалистическая, отчасти вражеская, все запутывающая, ставящая с ног на голову пропаганда...

Сотрясаемые конвульсиями торговой и промышленной конкуренции, стремящиеся к уничтожению, разло-

жению и расчленению друг друга, народы боролись не на жизнь, а на смерть; и каждый мало-помалу истощивал свой и без Того) поколебленный патриотизм, свою и без того обескровленную волю к единению; и каждый в беспочвенной надежде на материальное обогащение обеспечивал свою духовную и физическую смерть. Любимой мечтой народа было как-то обеспечить себя, упрочить, но почему-то делает все, чтобы подорвать фундамент своей политической безопасности — духовно сильное правосознание. И все по мере способностей и умения пропагандируют идею вседозволенности и делают это в мировом масштабе то в форме лжи и травли, то в форме голодной блокады, то в форме заражения друг друга чумой революционного брожения и ярости.

6

III. *Революция* стала воплощением правосознания, которое оторвалось от правовых аксиом, от верной волевой мотивации, от проблем обоснования и духовных санкций; которое оказалось уже не в состоянии отличать добро от зла, стало поклоняться насилию и захвату, упиваясь идеей вседозволенности. Это являло собой как бы третий этап кризиса; и выступил он под знаком *большевизма*.

Какой бы ни была история возникновения этого понятия, большевизм как вполне зрелая психическая формация был и остается общепризнанным духовным стержнем нынешней революции. Это необузданный радикализм; максимализм политических и социальных амбиций; желание иметь все и сразу — все, что может принести хоть какую-то политическую или социальную власть, и все это без малейшего внимания к разнородным духовным ценностям. Собственно большевизм никоим образом не равнозначен коммунизму. Большевизм — это не система: он никогда ею не был и не будет; это не теория и не концепция; это состояние души, настроение, импульс, порыв, возможно, и «состояние правосознания». Этой политической болезнью могут поддаться различные группы, сословия и классы; так, например, возможен большевизм правый, расовый и т. д. Как психическое явление большевизм, можно сказать, есть (зависть, ненависть, алчность, не-

терпимость, прямолинейность, наглость; все это, конечно, произошло на почве духовной черствости и политического вырождения. Большевик — это не обязательно коммунист; большевистски настроенный человек может даже самым враждебным образом противиться всякому социализму и коммунизму (например, большевизм революционных крестьян-бедняков). Коммунизм, в отличие от большевизма, есть система, выдуманная теория, доктрина. Коммунизм не туп, он ясен; это не просто настроение, это — воля; у него есть план, он хорошо знает, чего хочет, и вовсе не скрывает своих целей. Какой бы ни была духовная и практическая оценка коммунизма, это все-таки (хотя и противоестественная, уродливая, фактически бесперспективная) *честная утопия* осчастливливания людей, стремящаяся полностью исключить из жизни два изначальных принципа человеческого существования: *principium individuationis* и *principium inaequalitatis*² и заставить жизнь опуститься на самый низкий, самый примитивный уровень материального, уровень физического труда, всего доступного и низменного.

Дух нынешней революции состоит лишь в том, что известные организации пытаются поставить *на большевистское правосознание духовно заблудших и уставших от войны масс печать коммунизма*. Попытка, с какой стороны ни посмотри, совершенно безнадежная; ибо никогда не устранить из человеческой жизни эти вечные принципы (индивидуальности и неравенства), которые уже сами по себе являют действенный противовес всем материалистически-нивелирующим попыткам. Но о преодолении этого затруднения заботится *третьий* элемент нынешней революции — *интернационалисты* (они же коммунисты). Было бы крайне наивным отождествлять их цели с честной утопией осчастливливания человечества. Конечно же, и среди коммунистов есть наивные, честные, недалекие люди, которые восхищаются противоестественностью и уродливостью этой утопии и искренно верят в счастье упрощенчества, количественного равенства и всеобщего унижения; но это никоим образом не вожди. Замысел, цель и судьба коммунизма не тождественны замыслу, цели и

судьбе интернационалистов. Интернационалист не ищет счастья для других, для «народов», для человечества; он стремится к завоеванию мира, к мировой власти и богатствам мира для себя, при этом никакого коммунизма *для себя* он не желает и отлично умеет избегать идиотизма этой утопии. И тем не менее судьба интернационалистов неотделима от судьбы коммунизма: коммунизм может пасть и считаться невозможным; вот тут-то и принимается интернационалист за свою подстрекательскую и подрывную работу, стараясь попрочнее утвердиться. Интернационалистам важно создание новой несвергаемой элиты, которая сама должна пробиться в верхи через общее брожение, распад, гибель и казни, свергая прежнюю верхушку, соблазняя массы призраком всеобщего равенства и строя на основе всеобщей бедности новое неравенство в свою пользу; и это стало бы безбожной Kakistokratie³.

Все, что переживает и творит нынешнее революционное правосознание, есть не что иное, как зрелое проявление и следствие *этих трех работающих сообща* факторов: большевизма масс, идеи коммунизма и широко разветвленной организации интернационалистов. Первый фактор обеспечивает поставку движущей силы как орудия, направляемого и используемого третьим фактором; второй фактор обеспечивает идейный щит и планку «приличия», вокруг которых могут объединиться и «сообща устремиться» разные представители социализма, эгалитаризма, радикализма и т. п.; третий фактор есть направляющая воля, которая позволяет массам вознести себя вместе с коммунистическим щитом идей и только одна точно знает, чего она на самом деле хочет.

Появляющееся отсюда в определенной мере единое правосознание, опуская бесконечное множество вариаций и деталей, можно определить как *большевистское правосознание*.

7

Возникновение и созревание нынешнего революционного, или большевистского, правосознания говорит о том, что кризис, вероятно, дошел до предела, по крайней мере в духовно-внутреннем смысле. Нынешняя ре-

волюдия на деле показала невиданное прежде разложение духа и правосознания. Да и могло ли быть иначе?

Революция никогда не была признаком политического здоровья и никогда не сможет стать им. Напротив: приближение и назревание революции всегда означает, что здоровые пути правотворчества не найдены или не проложены; а это свидетельствует о том, что правосознание ведущих слоев не способно взаимодействовать с замутненным и заблудшим правосознанием масс, не способно его сформировать и оздоровить.

Здоровое, просвещенное правосознание познает позитивное право своего Отечества непосредственно, вдумчивым восприятием и лояльными поступками обращая в данность правовые нормы и правовые институты. Нормальное правосознание усматривает и объективную действительность позитивного права, «ощущает» ее своим внутренним опытом и признает это право, добровольно принимая на себя обязательства по отношению к нему и повинуюсь ему.

Большевистское правосознание *не знает* позитивного права и *враждебно* к нему; оно отвергает, не имея даже понятия о том, что оно отвергает, а потому бывает вынуждено задним числом снова возвращать к жизни рациональное зерно отвергнутого. Большевик и знать не желает об объективной действительности позитивного права или о его добровольном признании; он присягает марксистской теории, которая трактует право в целом как относительную, чаще всего недостаточную, надстройку данных производственных отношений и как отражение существующего классового господства. Так отвергают, растаптывают, поносят как классовое насилие позитивное право, чтобы позже заменить отринутое поначалу *произвольным действием*, а затем *произвольной нормой*.

Вседозволенность *произвольного действия* высказана в главном революционном лозунге «грабь награбленное». При этом любые имущественные накопления рассматриваются как результат прежнего успешного разбоя, а потому как добыча, которую надо отобрать. Тем самым для алчных, менее имущих («бедных» и «беднейших») устанавливается своего рода привилегия в форме «vindictio

rei alienae⁴», что сразу же осуществляется по собственному разумению и решению. Так разжигается bellum omnium⁵, в которой может участвовать всякий в меру своих желаний и наглости. Примечательно, что в сознании буйствующих масс просыпается своеобразная «правомочность», или «полномочность»: «теперь *наше право** или «теперь настало право *народа*» и т. д. Теперь всякий, чувствуя себя обделенным, считает вправе перейти в наступление и прибегнуть к насилию. «Справедливость» и «разбой» как понятия уравниваются; закипает «animus sibi habendi»⁶ и охватывает «corpus»⁷, не считаясь с «res habilis»⁸, «titulus»⁹ и «fides»¹⁰.

За периодом произвольных действий следует период *произвольной нормы*. Произвольная норма отличается от правовой и по форме, и по содержанию. Она обнаруживается не имеющим полномочий обладателем власти, доправшимся до нее с помощью произвола и насилия; источник права, таким образом, противоправен и уже не рассматривается как правомочность. Самого «законодателя» произвольная норма ни к чему не обязывает, и он последовательно снимает с себя обязанность соблюдать ее и подчиняться ей; он может применять ее там, где считает целесообразным; но бесконечно по своему собственному усмотрению он поступать не может, поэтому может прибегнуть к другой норме, тоже не обозначенной указом; он может также, не опровергая первой нормы, издать еще одну и, самочинствуя, не применять и ее. Хозяин произвола может нарушать свои же собственные приказы и запреты, декреты и нормы; при этом, ссылаясь на свое «революционное самосознание» (sic!), он торжественно объявляет, что «сущность революции в том и состоит, чтобы методично отменять и нарушать нормы всякого права, санкционированного даже ею самой» (sic!).

Разумеется, такие «нормы» не дают никаких определенных полномочий, не устанавливают никаких обязательств и запретов: дозволенное в любой момент может обернуться запретом; запрещенное — истолковано как приказ; и никакое существенное равенство двух обстоятельств не может быть порукой равной аттестации их. Принцип правового тождества сущностного равенства во

внимание не принимается и попирается: происходит произвольное уравнивание неравного и произвольное различие равного. Все разрешено и ничто не гарантировано. Все «регулируется», но по «правилам», являющимся не чем иным, как единичными предписаниями... Жизнь становится бесформенной и хаотичной.

8

Большевистская душа обладает одержимой, яростной и буйной волею. Эта воля трудится неустанно, неистово; но за нею нет ничего кроме блеклой пустоты. Она чувствует себя призванной к господству и пытается имитировать государственную политику. Однако все ее побуждения и методы в корне враждебны государству, и все ее усилия заканчиваются провалом, запустением и безумством. И удастся ей лишь прогрессирующее разложение.

Революция — это всегда нарушение и разложение права. Она нарушает не только «это», позитивное, исторически данное право в данной стране, но саму сущность права, потому что *сущностью* права является *способность к обновлению и совершенствованию на предписанных им же правовых путях*, а именно — посредством всегда соблюдаемой, высоко ценимой *лояльности*. Чем преданнее и праведнее правосознание, тем «плавнее» и «созидательнее», а не «прерывистей» и «сбивчивей» идет развитие права; и наоборот.

Право по своей сути есть организованный мир, способный к укреплению себя изнутри. Революция же, напротив, есть всегда нарушение мира; она отдает предпочтение произволу, и что самое главное — делает это сознательно. Поэтому революционное правосознание есть такое правосознание, которое «крушит» само себя и, свирепствуя и кипя, ускоряет собственное разложение; это — гибнущее правосознание, поющее дифирамб своей собственной гибели, оно канонизирует и догматизирует ее, пытаясь, будучи бессильным, держаться на высоте своих властных амбиций и все больше запутываясь в противоречиях.

Право — это порядок, а правосознание — воля к порядку. Большевизм процветает лишь в беспорядке; он есть воля к беспорядку; беспорядок — его изначальная

стихия; поэтому он неустанно трудится над разложением правосознания и тем самым подтачивает свое собственное существование.

Право — это договор, а правосознание — верность. Большевизм может работать только с нарушениями договора; он признает только «эволюционистский нигилизм» («сегодня — доброе, завтра — злое»); он учит предательству и живет предательством; ложь — его извечная стихия. Вот так он и корпит над крушением всеобщего доверия, роя могилу и самому себе.

Право — организованность, а правосознание — воля к единению. Большевизм натравливает и разделяет, чтобы удержать власть; это воля к расколу и гражданской войне; его изначальная стихия — ненависть и вражда. Вот так он и переходит в затяжную гражданскую войну, поддерживая и закрепляя кипение вскипевшего хаоса.

Право — это господство, а правосознание — свободная лояльность. Большевизм стремится к господству и методично ослабляет и подрывает лояльность. Правосознание как истинная и созидательная санкция отпадает; санкцией и опорой для господства большевизма остаются лишь угрозы, насилие и террор. Страх унижает человека и вынуждает его учиться хитрости и лицемерию; и продолжается этот страх до тех пор, пока не будет преодолен страх смерти; а до той поры он превращает жизнь в систему окольных путей, обмана и мошенничества.

Большевизм хочет заправлять всем, а потому никому не доверяет; он вносит в жизнь недоверие и страх, отсюда его насильственный педантизм — яростная работа маховика с сорвавшимся ремнем. Но произвольная норма лишена формы всеобщности, так что всякое отдельное распоряжение запаздывает и действительность его эфемерна. Как одержимый, крутится маховик центрального государственного механизма, и все шире распространяется по стране мрачное умирание органической жизни.

Большевизм с самого начала сделал ставку на жадность и беспощадность; его призывы были обращены к дезертирам, безродным, алчным и склонным к разбою людям. И заметьте, на этот призыв с радостью откликнулись уголовники, массами освобожденные из тюрем Временным правительством, и были приняты на чинов-

ничью службу. Большеви́стская революция получила свое законченное выражение: она политизировала уголовщину и превратила и сделала уголовщиной политику; нигилизм в теории признал свой дух в мастерском разбое на практике, и преступный практикант не замедлил соединить свои деяния с творчеством ведущих идеологов. Преступность и администрация стали единством: преступления совершались по распоряжению, а распоряжения стали преступными; действия государства превратились в святотатство и злодеяния, а злодей стал ведущим политиком. Кризис правосознания выявил худшие из парадоксов.

9

Конечно, небезынтересно было бы подробнее остановиться на том, что привнесло бы такого рода правосознание в серьезную, этически тонкую и политически объемную государственность. Государственность большевизма является чем-то *политическим* лишь для крайне поверхностного формального наблюдателя; на деле же она содержательно искажена и деградирована.

Государство есть проявление права. Если же право как мир, порядок, договор, организация и законная власть превращается в свою противоположность, от государства остается лишь его формальная имитация, мертвая схема, черпающая силы из духовно разложившейся пустоты и катастрофичности момента. Государство — это живое единство с внутренне присущим ему целевым назначением; руководить государством, отстраивать его и сохранять способна лишь такая воля, которая видит это имманентное государству целевое назначение и принимает его. Тогда в этом руководящем, созидающем и оберегающем правосознании и возникают та живая, общедуховная и вместе с тем единично-эмпирическая полнота, та глубина и та сила, с которыми оно творит и совершенствует свой труд. Большеви́стское «правосознание» есть и будет совершенно чуждым имманентному целевому назначению государства в предводительствуемой им стране. С самого начала Россия была нужна большевикам как смоляная бочка, как стог сена или бумажный факел,

чтобы поджечь и завоевать мир; покоренное государство для них лишь средство, а не самоцель. В результате живого тождества между «государственной властью» и «государством», естественно, нет; воля вождей остается противогосударственной, в прямом смысле слова аполитичной и повисает в структурах власти сверху донизу, в эфемерной неопределенности и нигилистической пустоте. Вот тут-то и начинается немотивированно насаждаемый произвол, самоуправство, невиданная прежде революционная продажность всех и вся...

Государство — это дифференцированное единство, конкретное сообщество сословий и классов. Государство существует лишь тогда, когда сословия и классы отстаивают, поддерживают и уважают всеобщие интересы («allgemein» означает «alien gemein», для *каждого* «*mein*»¹¹). Большевицкое государство ведет себя как классовое государство, как государство трудящихся, физически самых бедных, привилегированных и жаждущих иметь все нищих; оно и другие классы старается или низвергнуть в это первобытное состояние, или уничтожить. А поскольку не может быть хозяином только один класс, заstopоривается вся хозяйственная система кровообращения государственности, и избранный класс пролетариев, которому годами открыто проповедовали «право на лень» и «вечный праздник», впадает в состояние распада и нищеты. Диктатура пролетариата лишается своих покровов и превращается в диктатуру партии гибнущего пролетариата.

Государство есть дело единого народа, живая совокупность интересов и возможностей, скрепленная «национальной» солидарностью определенного уровня; в этом смысле жизнь государства может поддерживаться только «национальной» властью. У большевицкого государства нет национальных побуждений и стремлений; ему не по плечу национальное государственное дело и неведома национальная верность. С полным знанием дела большевизм учит национальной измене Родине и так поступает сам абсолютно во всем: в войне и мире, в дипломатии, экономике, в народном просвещении, финансах. Это государство являет собой невиданный поли-

тический парадокс: является своим собственным могильщиком, утшвается своим собственным обнищанием. А для несчастной, подмятой страны все это имеет самые трагические последствия — всеобщую деградацию, обнищание, вымирание от голода...

10

Большевизм надо воспринимать как созревший плод всеобщего кризиса правосознания. Пока он утвердился только в России, но имеет место во всем мире и всюду находит достаточно горючего материала. Бездуховность, деморализация, разложение правосознания начались повсюду, заражая собой и воспаляя; конечно, где-то «более-менее», где-то «теперь», где-то «позже»; но в явлениях мировой истории надо установить диагноз данного типа, чтобы, по возможности, предвидеть максимум его последствий. Сейчас мы на самом краю бездны этого кризиса.

Здоровое правосознание не сможет вообще принять описанное духовное состояние за правосознание: оно скорее сочтет его нагромождением противоправных идиотизмов, попранием основополагающих аксиом совести, логики, солидарности, путаницей и вздором. И тем не менее это безумие вознеслось до властных высот, вызвало нескончаемые, неописуемые страдания, привело к потокам крови и все это — *в качестве функционирующего правосознания.*

Ученый-исследователь, обладающий чувством долга, опытом непосредственной борьбы, страданий и опасностей, счел необходимым спокойно и объективно назвать анализируемый предмет своим именем. Кризис разразился. Его взрыв — это одержимость, безумие и погибель. Мировая культура в опасности. И, возможно, уже давно пора здоровым и святым глубинам духовного правосознания способствовать теоретической и практической деятельности против него.

КОММУНИЗМ ИЛИ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ? ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этих заметках я попытаюсь обобщить некоторые результаты моих десятилетних наблюдений и раздумий о коммунистической революции в России. В течение пяти лет я переживал и следил за ходом революции непосредственно на месте событий в Москве. Но после нескольких арестов и судебного процесса в Революционном трибунале по обвинению меня в «заговоре» я лишился кафедры в Москве (в сентябре 1922 года) и вместе с другими моими коллегами был приговорен к «пожизненной высылке». С тех пор я вместе со своими друзьями слежу за событиями в России из Берлина, и посему «настоящее» революции нам хорошо понятно, исходя из ее прошлого и позапрошлого.

Всю полноту этого грандиозного и трагического процесса здесь описать невозможно; над этим еще придется потрудиться не одному поколению ученых и исследователей. Но уже сейчас можно указать некоторые существенные черты, которые необходимо в общей форме и статистически довести до сознания всего мира, потому что это касается всех народов: им надо это осознать и понять.

Хочу подчеркнуть, что статистические данные об обстановке в советском государстве взяты мною из коммунистических подборок и газет. Они приводятся в советской печати, и лучшие экономисты русской эмиграции тщательнейшим образом отслеживают и обрабатывают их. Они все доступны абсолютно каждому, кто знает русский язык и не сочтет за труд взять для собственных исследований оригинальные материалы, а не разрозненные сведения, почерпнутые из всевозможных «слухов». Но тот, кто не знает русского языка, должен а priori подготовиться и к существенному разочарованию и даже обману, я считаю это само собой разумеющимся: в нынешнем мире, как, вероятно, никогда

прежде, есть множество людей, которые или сами пытаются обмануть, или хотят, чтобы их обманули; тут уж ни тем, ни другим не поможешь.

Мы хорошо знаем, что коммунисты привлекли на службу в свои статистические ведомства опытных, образованных людей дореволюционной России и вынуждают их работать наилучшим образом и выдавать реальные данные. И тем не менее мы считаем правильным не принимать статистические материалы советской печати за самые достоверные и смотрим на них, как на нечто желаемое и выгодное для коммунистов. Мы используем эти расчеты и цифры с оговорками и временно, как тот максимум, который допускают они сами; но у нас есть все основания полагать, что поскольку в действительности дела обстоят *не лучше*, то соответствующие фактам значения все же существенно *приуменьшены*.

О возникновении и духовном характере революционного процесса в России я уже не раз писал по-немецки в таких трудах, как:

1. «Большевизм и кризис современного правосознания» в сб. «Право большевизма» (Арх. философии и права. V. XIX. 2. Изд. Ротшильд, 1925).

2. «Правопорядок и правосознание в нынешней России» в «Исследованиях зарубежных ученых», изданных рабочим комитетом по содействию обучению иностранцев в Альбертус-университете, Кенигсберг (том II, 1926).

3. «Отчуждение собственности в России и его мировое значение» в Известиях 49-го планового собрания Центрального союза немецких домовладельцев и земельных собственников в Гёрлице. — Берлин, 1928.

В данной брошюре сделана попытка основательно расширить доклад в Гёрлице и развить намеченные в нем идеи.

Все, о чем я здесь говорю, почерпнуто мною из непосредственного опыта и стало моим жизненным убеждением. Предоставим другим думать и судить по-иному, особенно тем, кто никогда не бывал в России или кто не знал дореволюционной России и кто, не зная языка, лишь после революции попал туда в качестве гостя, которого и водили там, куда придется. Будучи ученым,

патриотом и беспартийным, каковым и остаюсь, я стремлюсь высказать здесь осознанную мною объективно и аналитически истину. *Ибо в наши дни лучшее служение человечеству — служение правдой.*

Выражаю благодарность своим друзьям — г-ну В. Гефдингу, г-ну д-ру А. фон Бунге и князю С. Е. Трубецкому за помощь и поддержку в написании этой брошюры.

1. СОЦИАЛИЗМ СВОЙ ЭКЗАМЕН НЕ СДАЛ. ЭКСПРОПРИАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Коммунистическую революцию в России, эту громаду беспросветных заблуждений и преступлений, несчастий, страданий и жизненного опыта, надо прежде всего рассматривать и постичь как *всемирный экзамен*.

Это был всемирный экзамен по социализму и коммунизму XIX века.

Все, что мы прежде называли в истории человечества коммунистическим строем жизни (от Китая до Персии, от Греции до Южной Америки), в социальном, хозяйственном и техническом отношении было довольно примитивным и наивным. Лишь XIX век принес с собой человечеству развитую капиталистическую промышленность, не имеющую в прошлом аналогов технику производства, новые транспортные и оборотные средства, но главное — *новый класс* и новую *теорию* «научного» социализма (Марксом и Энгельсом называемую даже «коммунизмом»). В течение этого века пролетариат дошел • до «полного» осознания себя как класса, стал организованной силой в Западной Европе и вышел на арену истории, вооруженный новой идеологией и небывалой жадной властью; и этот класс, и эта идеология получили впервые желанную возможность свободы действий, политической и хозяйственной реализации своих планов. В России была сделана попытка последовательного проталкивания социализма (теперь называемого «коммунизмом») в жизнь, и притом чрезвычайно радикальным способом — посредством беспощадной политической диктатуры, для которой все средства хороши.

И действительно, эксперимент состоялся. Все, что измышлял социализм Запада, о чем мечтали в Европе, о чем говорили и писали, что «научно» доказывали, за что

голосовали на съездах, — с 1917 г. решительно и энергично осуществляется, декретируется, вколачивается в голову молодого поколения в России. Прошло уже 11 лет, за это время выросло новое поколение — как образец, как пример начального обучения, как угроза остальному миру. Трудились настойчиво и упорно; хватало и речей, и крови; и вот уже ясно проявились все достижения. Субъективное неведение может, конечно, осложнить оценку результата, но объект оценки полностью созрел.

Великий экзамен не сдан — идея и программа в целом обречены на *колоссальный провал*-, высветилась полная бессмыслица и полная неосуществимость коммунистической утопии, и сколько будет длиться история культурного человечества, столько ему надо будет учиться на опыте неудач коммунистической революции в России.

Хотели организовать хозяйственную жизнь великого народа, но только затормозили и загубили ее. Обещали невиданный «прогресс», но страшно отбросили страну назад. Проповедовали «равенство», а создали лишь новое, *извращенное неравенство и массовую нужду* в стране. Провозгласили «социализм», а преуспели лишь в *экспроприации культурных слоев народа*.

Так что весь революционный процесс надо понимать как *несданный социализмом экзамен* и как чудовищную, невиданную в истории человечества *экспроприацию*. Однако эта экспроприация не есть нечто, стоящее в мире особняком, наподобие вулканически возникшего острова в спокойном море, это симптом назревающего по всей Европе и ищущего своего выхода *мирового кризиса частной собственности*.

Хотя болезнь эта приняла острую форму только в России, но ею издавна страдают в хронической форме и другие страны. Хотя главная резиденция зла еще в России, но оно мобильно и стремится к распространению, оно к тому же умеет хорошо приспособляться и в каждой стране — неважно, где — принимает те формы, которые лучше всего подходят именно здесь и сейчас и ведут к главной цели.

А главная цель одна-единственная — *всемирная экспроприация и покорение всего мира*. Возможность осуществления этой цели можно, пожалуй, предвидеть или

предсказать уже сейчас: *социализация* не удастся и удержаться не сможет; но *экспроприация* будет проведена и «удастся». Экспроприированные культурные слои будут низринуты в *нищету*, в ходе гражданской войны и разрухи образуется новая, *невежественная и нерелигиозная «элита»*; она жесточайшим образом обеспечит себе мировую власть, снизит духовный уровень во всем мире, а затем... поставит себя приблизительно перед теми же проблемами, с которыми не справляется современный мир. В результате этого угрожающего и набирающего силу процесса человечество придет лишь к одному: *исчезнет вера в социализм'*, разочарованное и отрезвленное человечество увидит себя повернутым на старые пути. *Будущее будет принадлежать тому народу и государству, которые первыми признают себя сторонниками старых путей и заплатят за это наименьшую цену.*

Вот та участь, что уготована современному миру.

2. ОБЩАЯ КАРТИНА ЭКСПРОПРИАЦИИ. ОТДЕЛЬНЫЕ СОСЛОВИЯ

А теперь представим себе коммунистическую революцию в России: *неудавшуюся социализацию и удавшуюся экспроприацию.*

Формально и принципиально право собственности в стране было отменено уже с первого года революции, особенно в той части, которая касалась недвижимости («национализация», «муниципализация» и т. д.). Было «национализировано все» — пахотная земля, фабрики, жилье, товар, капитал, ценности, книги и т. д. Особым декретом обесценивались ценные бумаги. В частной торговле запрещалась купля-продажа, мелкую торговлю, правда, кое-где терпели на открытых рынках, но предлагаемый товар в любой момент мог быть по прихоти коммунистов конфискован. Хозяйственная жизнь в целом стала небезопасной, забитой, парализованной, закоснелой, непродуктивной. Крайне зыбкими были все права и обязанности, устанавливаемые «впредь до отмены», и единственно возможным спасением стала торговля из-под полы. Все находились под угрозой грядущей экспроприации; все ждали реального изъятия вещей. Кто мог, кто хотел бороться, или тайно организовывались на местах, или бежали на периферию; там уже на-

чиналась гражданская война. Остальные (массы) пытались остаться и как-то приспособиться.

Реальная же конфискация имела следующие смысл и цель:

1. централизованная бюрократизация экономического уклада страны для создания «коммунистического производства». Это касалось транспорта, фабрик, капиталов, отчасти земельных угодий (так называемые «совхозы», государственные хозяйства); или

2. централизованно-бюрократическое распределение по карточкам в крайне неравных долях (коммунист получал все, в чем нуждался; работник физического труда — кое-что; бывший «буржуа» — совсем или почти ничего). Это должно было означать «коммунистическое потребление» и относилось к готовым товарам, продовольствию, одежде и топливу; или

3. «конфискованная собственность» впредь до отмены предписания предоставлялась в ограниченное пользование различным образующимся арендующим коммуна, советам и коллективным хозяйствам «под их ответственность» — так называемый «децентрализованный коммунизм». Так поступали с домами, фабриками, мастерскими, частично земельными угодьями (так называемые «колхозы», коллективные предприятия); или

4. отнятое просто отдавалось другим людям, особенно как революционное вознаграждение коммунистам, заслуженным их попутчикам или особо известным представителям технической и духовной культуры. Так, палачи получали платье казненного; доносчик — часть добра того, на кого донес; прежние слуги — часть вещей и одежды бывших господ; один — чужую меблированную квартиру, другой — чужой дом, третий — чужое поместье и т. д.

Что сохранялось за «незаслуженным», т. е. презренным «буржуа», можно обозначить как минимум и максимум. Определялся и предоставлялся минимум преимущественно в тех городах, где поступали по методу так называемого «ущемления буржуазии»*; за человеком со-

См., напр., кн. С. Мельгунова «Красный террор в России»: гл. VI и др. страницы. См. также у И. Кобленца «Право на жилище», с. 41 (на рус. яз.).

хранилось или то, что было на нем, или он получал еще что-нибудь — пару белья и стульев; изгнанные из своих квартир «буржуи» отправлялись в чистое поле, где им разрешалось вырыть себе землянки. Как максимум человек сохранял хорошо запрятанное и только случайно не обнаруженное все перерывавшими коммунистами, да еще комнату с мебелью на двух-трех членов семьи, кое-какую посуду и немножко одежды.

То был чудовищный процесс мобилизации имущества и собственности; захват и передел; разорение для одних и добыча для других. Чтобы представить результаты этого процесса, подведем краткий итог экспроприации для ряда основных общественных сословий.

3. КРЕСТЬЯНЕ

В России около 80% населения составляют крестьяне*. Последняя точная перепись сельского населения в царской России относится к 1916 г. Профессор Косинский (живущий сейчас в Риге), один из лучших знатоков русских аграрных отношений, приводит следующие данные относительно пригодных для земледелия площадей в дореволюционной европейской части России¹: около 41 млн. десятин*** принадлежали помещикам, владения которых превышали 50 десятин (так называемое капиталистическое сельское хозяйство); около 154 млн. десятин принадлежало мелким собственникам, можно сказать, крестьянам, чьи владения не превышали 50 десятин****. Из этих 154 млн. более 70 млн. десятин находилось в *полной частной собственности* крестьян; остальные приблизительно 84 млн. принадлежали крестьянам по праву крестьянских общин. Около 79% пахотных земель в ев-

* Согласно переписи населения от 15. 11. 1927 г., немного больше: 81,3 %, или около 118 млн., от приблизительно 145 млн.

Ср. его большой труд: «Основные тенденции мобилизации земельной собственности и их социально-хозяйственные факторы» (на рус. яз., Прага, 1925); см. наряду с др. с. VIII - X. Также в журнале «Русский колокол», № 4 «О нехватке земли в России» (на рус. яз., Берлин, 1928).

Один гектар составляет 9/10 десятины.

Это действующая в России квота на одну семью.

ропейской части были мелкой собственностью. Проф. Косинский комментирует этот факт так: «Государства Европы дробили свою земельную собственность гораздо меньше, чем это было в дореволюционной России...» Большой процент мелкой собственности существует, вероятно, лишь в Дании и Болгарии.

Этот факт был, однако, совершенно неизвестен российским крестьянам, они вряд ли и поверили бы в него. Они жили все еще устаревшими представлениями времен крепостничества; они видели, что у помещиков все еще очень много земли, и мечтали задешево купить или отобрать ее. Во время революции и произошла эта безвозмездная экспроприация; но ударила она не только по помещикам, у которых были отобраны все земли вплоть до самых крошечных участков (в общем около 40 млн. десятин), но прежде всего по земельным владениям зажиточных крестьян, у которых было отобрано около 50 млн. десятин". До 90 млн. десятин было таким образом распределено между беднейшими и в хозяйственном отношении ничтожными мелкими хозяйствами*". Это да-

Крепостное право было отменено в России в 1861 г. указом Александра II. Освобождение было безвозмездным. Основная масса сохранила за собой почти всю землю, которой она пользовалась во времена крепостничества, но за определенную плату государству, с длительной рассрочкой. Государство, со своей стороны, возмещало потери помещикам. Тогда в России крепостными были около 63% крестьян; 37% назывались государственными крестьянами и вели свободную, самостоятельную жизнь. В общем помещики уступили тогда крестьянам ровно треть своих земель, что составляло около 35 млн. десятин. Прежние крепостные крестьяне получили в среднем по 3,2 десятины на душу; государственные крестьяне получили вдвое больше. Подробнее см.: Б<р>уцк у с. АіарНое развитие и аграрная революция в России (Берлин, 1926). В период 1861 - 1916 гг. помещичья пахотная земля со всеми средствами скупалась крестьянами, что вполне поощрялось правительством. Так прирастали крестьянские владения, пока не достигли размеров 1916 г.

См. доклад народного комиссара по земледелию. «Известия», 3. XI. 1927 г.

Ср. центральную коммунистическую газету «Известия» в Москве, 3. XI. 1927 г. Около 3,5 млн. десятин было сохранено для государственных хозяйств; около 3 млн. находится во владении коллективных хозяйств.

ло крестьянам едва ли по $\frac{2}{5}$ десятины прибавки на человека*; можно ясно представить себе, как велико было разочарование при сопоставлении громадных потерь и ничтожных «завоеваний».

Но если принять во внимание, что, согласно переписям последних лет, население в России сильно увеличивается (каждые 4 года наблюдается прирост не менее чем на 10 млн. человек**), что в разделе земли приняла участие также значительная масса набежавших из города пролетариев и что революция породила среди крестьян острый процесс индивидуализации и, таким образом, всеобщую тягу к разделу внутри самих крестьянских подворий, в результате чего возникает разбивка участков и прирост числа отдельных хозяйств***, то становится очевидным, что столь грандиозная экспроприация земли не могла улучшить обеспечение крестьянских хозяйств пригодной землей. Еще в 1924 г. в Советском Союзе был образован комитет, который строго провел сельскохозяйственную перепись и установил следующее: среднее обеспечение одного крестьянского хозяйства пригодной землей стало в 1924 г. хуже и меньше, чем в 1905 (не говоря уже о 1916 г.): тогда (в 1905 г.) средняя норма на хозяйство составляла 8,5 десятины; теперь она составляет всего 7,4 десятины (1924 г.). «Итак, — значилось дословно в докладе комиссии, — результатом аграрной революции и ликвидации помещиков стало то, что среднее крестьянское хозяйство хуже обеспечено пахотной землей, чем 19 лет назад».

Надо указать и на другие стороны ухудшения общего положения крестьян. Инфляция отняла у них почти полмиллиарда сбережений** *; ликвидация имений лишает

* По данным комиссариата сельского хозяйства за 1920 г., эта прибавка составляла 0,39 десятины на душу. См. у Книповича, процитировано Бруцкусом. С. 151.

См. контрольные цифры хозяйственного плана за 1926 — 1927 гг. С. 284.

Число единоличных хозяйств увеличилось за 10 лет (1916 — 1926) с 16 млн. до 24 млн., т. е. примерно на 33%. Это из данных коммунистической прессы.

См. признания Б. Рыкова в «Экономической жизни» за 30 окт. 1926 г.

их ежегодно одного миллиарда золотых рублей с поденщины и других доходов*; посевные площади сократились в 1922 г. до 63% довоенного уровня и лишь в 1927 г.** постепенно достигли 96%: урожай с одной десятины сейчас ниже довоенного***, общий доход в сельском хозяйстве на человека составляет 73% довоенного****; крестьянин стал чуть ли не единственным поставщиком непомерного объема налогов, получая от советского государства взамен дешевого зерна некачественные и дорогие товары. В 1926 г. коммунисты насчитали в среднем 40% безлошадных хозяйств***** ; в отдельных губерниях эта цифра достигает 52% (Украина), 70% (земли донских казаков), 89% (Самара). Уже в 1925 г. коммунисты подсчитали, что 37 млн. крестьянского населения, т. е. около трети крестьянства, остались без земли или с посевной площадью, недостаточной для собственного прокорма*****.

Перепись 1927 года (февраль) показывает, что примерно за 4 предыдущих года городское население увеличилось на 24% (почти на 5 млн. человек)*****. Каждый год деревню покидают до 1 млн. человек, потому что в сложившихся условиях они не могут вести свое плачевное хозяйство, перебираются теперь в города, большей частью в небольшие, т. к. большие уже перенаселены, встают на учет на биржах труда (читай — безработные) без надежды получить работу. Уже в 1924 г. коммунисты были вынуждены признать, что «ни город,

* Цифры приводятся только по производящим сельскохозяйственную продукцию местностям России. См. «Правду», № 76 за 1924 г.

См. «Известия» за 3 и 4 ноября 1927 г.

«Экономическая жизнь», 14. III и 3. IX за 1926 г.

По официальным данным комиссариата сельского хозяйства.

***** Процент безлошадных крестьянских хозяйств рос следующим образом: 1919 г. - 15%; 1923 г. — 35%; 1924 г. — 40%. См. бюллетени Статистического центра № 89, с. 26. Ср. «Экономическая жизнь» за 31 окт. 1926 г.

***** См. «Экономическое обозрение», 1925 г., № 1.

***** См. ст. Осинского в «Известиях» от 18. II. 1927 г.

ни ремесла, ни промышленность не в состоянии поглотить высвобождающуюся в деревне рабочую силу»*.

В деревне царит обнищание. Коммунизм сам работает на свою погибель. В результате экспроприации и социализации постепенно образуется армия лишних людей, которым нечего терять и которые вызовут будущий политический переворот в советском государстве.

4. ПОМЕЩИКИ, ТОРГОВЦЫ, РЕМЕСЛЕННИКИ, ФАБРИКАНТЫ

Это бедственное положение крестьянства в аграрном государстве уже само по себе примечательно и имеет решающее значение. Экспроприация отвечала желаниям крестьян, а принесла им только разорение и нищету.

Уже из одного этого можно получить представление о том, каково пришлось *экспропрированным* слоям населения.

Класс *помещиков* остался на нуле. Всю конфискацию земли произвели без возмещения. Немало помещиков по поводу или без со временем были арестованы ЧК, часть в качестве заложников была расстреляна в ходе гражданской войны. Многие бежали. Часть пока работает на своих крошечных земельных участках — все еще преследуемая, экспроприруемая, уничтожаемая, это герои и мученики принципа частной собственности.

Бывший *торговец*, экспроприированный, как и все другие сословия, низведенный до торговца на черном рынке и годами по сей день преследуемый как спекулянт, был вынужден или скрываться, или пойти на службу в качестве советского чиновника. Однако как только после фиаско последовательного коммунизма (1921 г.) началась так называемая «новая экономическая политика» и частной инициативе была предоставлена небольшая, хотя и полностью контролируемая свобода действий, он снова и снова пробовал подняться, нередко начиная с мелкого уличного торговца (сигаретами, спичками, подержанным тряпьем). Но его (метод стрижки

* См. партийную газету коммунистического центра в **Москве** «Правду» от 4. XI. 1924 г.

овец) снова и снова задерживали, обирали и часто в течение суток ссылали в Сибирь.

Но советскому правительству никак не удавалось найти хоть какую-то замену крупным и мелким торговцам. В 1927 г. ведущая коммунистическая экономическая газета констатировала*, что повышение цен на товары розничной торговли до войны составляло $20\frac{3}{4}$, теперь они повысились на 64% — т. е. более чем в 3 раза. Это в *среднем*; цены на простые текстильные товары выросли более чем на 80%*. Годом раньше в ведущей торговой газете коммунистов можно было прочесть такое признание: «Баснословно низкие наценки бывшей оптовой торговли целиком и полностью себя оправдали»***. Но торговая спекуляция советских властей уже давно вошла в систему.

Многое пришлось пережить и когда-то процветавшему *ремесленническому сословию*. Владельцу мастерской приходилось страдать от нападок коммунистов как работодателю, частному торговцу, мелкому капиталисту, а порой даже и как домовладельцу; а ремесленника, не успевшего вкусить преимуществ пролетариата, быстро увольняли и не давали возможности открыть собственную мастерскую.

Еще хуже обстояли дела с *фабрикантом*. Полностью, без всяких компенсаций экспроприированный, он был счастлив, если оставался в живых или если ему удавалось устроиться скромным бухгалтером либо конторским работником на своей когда-то собственной фабрике, но обычно в скором времени на него доносили. Тем не менее коммунистам не удавалось найти замену ему, его частной инициативе, творческому подходу к делу. Необычайно опытный, деловитый, знаток русской промышленности Б. Н. Соколов на основании достоверных данных приходит к выводу, что валовая продукция коммунистической промышленности в 1928 г. не превышала 75 —

* «Экономическая жизнь», 2. I. 1927 г.

«Торгово-промышленная газета», 7. II. 1926 г.

Там же, 1926 г., № 64. См. также «Экономическая жизнь», 2.1. 1927 г.

78% довоенного уровня*; что качество товаров по-прежнему продолжает снижаться; что приспособляемость к требованиям рынка остается чрезвычайно низкой; что государственная промышленность в целом работает с огромным дефицитом; что оборудование изношено на 40% и более и т. д. Чтобы представить себе спад советской промышленности, достаточно констатировать, что производственные расходы в среднем почти вдвое превышают довоенные: так, показатели цен поставок на 1 июня 1927 г. достигли в пищевой промышленности — 211%, в кожевенной — 202%, в бумажной и металлургической — 170%, в текстильной и химической — 173% и т. д.**

Все это — истинная картина *удавшейся экспроприации и неудавшейся социализации.*

5. ДОМОВЛАДЕЛЬЦЫ И ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС. РАБОЧИЕ

Схожую картину мы видим и в области *жилья и домовладения*. Она особенно показательна, потому что сфера домовладения не создает специального сословия, а в определенной мере охватывает все сословия, решая одну из основных проблем национального хозяйства — проблему жилища *.

Декретом от 20 августа 1918 г. в городах Советской России была отменена частная собственность на недвижимость****. И хотя это имело силу только в теории или на бумаге, тем не менее повергло российских домовладельцев в неуверенность, так как они подпадали под конфискацию. На самом же деле у коммунистической власти не было ни возможности, ни реального интереса к тому, чтобы конфисковать все дома во всех городах;

В бумажной отрасли — 59,6%, в производстве золота — 47%, паровозов — 44, 8%, меди — 30% и т. д.

См. «Ст. еженед. Верх. хоз. сов.» (по рус.).

...

О значении домовладения см. основополагающие высказывания Йозефа Хумера: Домовладение как основа хозяйства и культуры//Труды центрального союза немецких домовладельцев и земельных собственников. — Вып. 5. — 1926.

См. 674 в «Сб. уложений», № 62.

ведь каменные дома составляли всего 14 — 15% городского жилого фонда страны, а дома в два и более этажей — всего 10,3³/₄*. А экспроприатору не нужно ветхое и подержанное, не сулящее ни комфорта, ни дохода; ведь он ищет с помощью конфискации не бремя и ответственность, а наживу. И получилось так, что фактически были конфискованы лишь добротные строения (из камня, в несколько этажей, доходные дома и общественные здания). Они составляли большую часть в крупных и меньшую в малых городах**. В целом доля конфискованных домов составила в 1926 г. около 18% общего числа; жилая же площадь их — около 54% -всей жилой пло-

***

щади в городах

Более трети конфискованных домов было отдано советским учреждениям, число которых все более увеличивалось и система которых все более разветвлялась, что кажется неизбежным в централистеки и бюрократические управляемом государстве. В отдельных городах процент используемой советскими учреждениями жилой площади достигал 48, 52 и даже 76 ***.

Остальные конфискованные дома, вплоть до отмены этого постановления, были переданы «домовым коммуна» или «советам жильцов», причем категорически за-прещалось платить за жилье бывшим домовладельцам.

Потом наступил черед большой *ведомственной жилищной политики*: массовое принудительное выселение из квартир так называемой буржуазии и вселение туда пролетариев. Конфискованный дом постепенно становился рабочей коммуной, во главе которой стоял коммунистический комендант; одетый в кожанку, с револьвером на боку, он отдавал строгие приказы. В хозяйственном отношении, тем не менее, дома оставались беспризорными, ибо с конфискованным домом его захватчики

См. ст. Выгодского «Квартирный вопрос во всесоюзной переписи» в «Экономич. обозрении» за 1928 г., № 9 (на рус. яз.).

Ср. Й. К о б л е н ц. Жилищное право. — Москва, с. 40. (на рус. яз.).

См. ст. Н. Козеренко в «Эконом, жизни» от 22 января 1928 г. Выгодский. С. 136.

обращались *безответственно и бессовестной* Об этом красноречиво свидетельствуют сами коммунисты: их жилищная политика «убила хозяйственный интерес жильцов к поддержанию своего жилья в целостности и сохранности; жилец, неуверенный в том, что ему удастся долго продержаться в квартире, не хотел выкладывать деньги ни на большой, ни на мелкий ремонт»; а в зажиточных слоях населения «царило убеждение, что стоящий ремонт квартиры только ускорит конфискацию в пользу влиятельного учреждения или личности»; «в сущности не хватает людей, обладающих должным интересом к постоянному уходу за жилыми домами»*. Вот почему ничего и не берегут — ни лестниц, ни водопроводов, ни крыш, ни подвалов, ни полов. Случалось, что жильцы, за недостатком топлива, взламывали паркет и вместе с дверями сжигали вместо дров**. В жилищном секторе господствовало «разбойное хозяйство»***.

В массовом порядке сносились деревянные дома; при этом говорилось — «из-за острого кризиса с топливом»; разваленное распределялось по ордерам, растаскивалось и сжигалось. Все это привело в результате к большому сокращению жилой площади. Годами не было новостроя ни в коммунистическом, ни в разграбленном и запуганном частном домовладении.

Вслед за этим и началась знаменитая *политика уплотнения жилой площади*, которая проводится еще жестче сейчас. Все комнаты квартир обмеряются, высчитываются; квартиры все больше делятся, делятся на отдельные комнаты, а комнаты — на отдельные углы.

В Москве, Харькове и других промышленных городах нужда в жилье ужасающа. Часто в одной комнате живут по две семьи; если есть дешевая ткань, делают занавеску; если нет, то для разделения жилого пространства в комнате кладут длинный кусок дерева или протягивают веревку. Часто единственной кухней пользуются 4 — 5 семей, 18 — 20 человек — одним туалетом.

Ср. Й. К о б л е н ц. Жилищное право. С. 42.

Там же, с. 42.

... Там же, с. 43.

Нищета, которая царит при этом, не поддается описанию.

Проблема квартирной платы — особая статья. В период инфляции (1919 г.) снять квартиру стоило столько же, сколько стоят 20 спичек или 3 сигареты на рынке*. Затем коммунисты сочли необходимым гарантировать «безвозмездное право на жилье» пролетариям и «социально полезным элементам», которые годами могли не платить за квартиру. Бесхозяйственность этой демагогической политики обнаружилась очень быстро и привела к институту «революционной квартирной платы». Еще в 1928 г. эта плата доходила до смешной суммы — от 10 коп. до 1 руб. 20 коп. в месяц за каждые 4,5 кв. м. жилой площади в зависимости от суммы заработной платы**. Согласно данным советской статистики, эта «революционная квартплата» покрывала лишь половину самых необходимых, на грани катастрофы, расходов***. Результатом этого явилось вошедшее в систему сокращение жилого фонда в городах. Согласно коммунистическим расчетам, к 1927 г. в различных городах Советской России стали полностью непригодными свыше 40¾ домов****.

Сегодняшний идеал советского жилищного хозяйст-

кв. м на человека На самом деле средняя норма еще в 1926 г. составляла 5,9 кв. м****. Местами (например, в промышленных регионах Урала и Донецкого бассейна) она сокращалась до так называемой «гробовой нормы» (terminus technicus советской печати): тогда спальная нора революционного рабочего остается теплой 24 часа, так как один спящий, покидая кровать, оставляет тепло своего тела другому, своему преемнику...

* Кобленц. Жилищное право. С. 42.

Кобленц. Жилищное право. С. 56. 1 копейка равноценна 2 германским пфенningам.

См. у Козеренко в «Эконом, жизни» от 18.1. 1928 г.

Козеренко, «Эконом, жизнь», 1928 г., № 6.

Норма в 8,25 кв. м существует как абстрактное право (nudum jus) советских граждан. См.: Кобленц. Жилищное право. С. 48.

***** См.: Выгодский. С. 137.

Общая картина такова: непрекращающийся прирост населения в городах и все увеличивающаяся потребность в жилье.

И коммунистам пришлось начать «социалистическую строительную политику». Однако результата ее оказались крайне неудовлетворительными, просто позорными.

Строительный индекс по сравнению с довоенным временем стал равен 2,65, что сами коммунисты комментируют так: «Вкладывая, например, в новое строительство 300 млн. рублей, мы увеличиваем наличный жилой фонд всего на 100 млн. руб...»* Что же касается качества материалов и новых домов, то слишком часто приходится читать в советской прессе жалобы на то, что возведенные здания разваливаются или заваливаются. Коммунисты просто вынуждены признать, что они строят плохо, дорого, бесхозяйственно и расточительно**.

До 1923 — 1924 гг. коммунистических новостроек не было вообще. Начиная с 1923 г., в течение 4 лет в Советской России всячески пытались уменьшить страшный жилищный дефицит: строительство вели коммунистическое государство, так называемая «государственная кооперация» (существующая и сейчас как государственное ведомство), а также частники. Последние, напуганные экспроприацией[^] строят исключительно небольшие дома, отчасти (до 15%* *) из низкокачественного материала — глиняные хижины, дощатые домишки и т. д. «Мы должны признать неопровержимым тот факт, — значилось в одном коммунистическом отчете, — что частное жилое строительство носит чисто потребительский характер»***; т. е. частное строительство ищет возможности спасения для отдельной семьи, притом самым дешевым образом...

И все же, если принять во внимание новые жилые площади (1923 — 1926 гг.), то придется признать, что методом частного строительства было построено *в 2 раза больше* новых домов, чем государством и коопе-

Ср. Козеренко, «Эконом, жизнь» от 18.1. 1928 г.

Ср. соответствующие признания в области промышленного новостроя: 22. 11. 1927 г. Доклад Рухимовича.

Выгодский. Op. cit., 143.

Там же.

рацией (вместе взятыми)*. Но полную и верную картину положения в целом мы получим лишь тогда, когда примем в расчет, что число зарегистрированных в 1926 г. городских жителей увеличилось с 1923 г. на 22,5%, в то время как процент общей жилой площади — только на 13,6%** . Тем самым бессилие «социалистической строительной политики» стало абсолютной очевидностью. Отсюда вполне понятно, почему в 1923 — 1926 гг. средняя норма жилой площади в расчете на человека снизилась с 6,3 до 5,9 кв. м, а в отдельных городах даже до 4,1 и 3,7 кв. м...***

В коммунистическом сообщении от 2 июля 1927 г. дословно говорилось так: «Чтобы сохранить норму жилой площади в 6 кв. м (вместо «санитарной» в 8 кв. м), необходимо в течение 5 следующих лет потратить не менее 4,5 — 5 млрд. рублей. Пятилетний (1927 — 1931) бюджет Госплана**** может выделить на строительство жилых домов для рабочих сумму в 2290 млн. рублей. Ясно, что в ближайшие годы нам предстоит дальнейшее сокращение фактической нормы индивидуальной жилой площади»*****.

Все это означает, что ни коммунистическое государство, ни частное строительство не в состоянии снизить потребность в жилье; ибо коммунизм не может ни *замнить*, ни *освободить*, ни *поощрять* частную инициативу.

В 1928 г. (август) коммунисты были вынуждены посулить частному строительству значительные льготы, свободное жилищное хозяйство и даже право собственности, и все это для того, чтобы побудить частных строить большие дома. С тех пор прошло несколько месяцев, но ни один крупный предприниматель еще не решился воспользоваться этими уступками и таким способом вложить капитал в коммунистическое государство.

Доклад Рухимовича. Точные данные переписей жилищного фонда (1923 - 1926 гг.).

Выгодский. С. 138 -139.

*** Выгодский. С. 138.

Так называется высшее ведомство планового хозяйства.

См. «Известия» от 7. VII. 1927 г.; ср. ст. Шуба и Рабиновича в журнале «Плановое хозяйство», 1928 г., № 1, с. 129.

Да и кому выгодно закладывать самого себя, кто захочет подвергнуться экспроприации — неважно, до, во время или после строительства? Ведь стать экспроприированным можно не только на основании «декрета», но и под любым (например, *политическим*) надуманным предложением... Коммунистическая система парализует волю людей; они становятся экономически как бы кастрированными и не могут пойти на большой риск в хозяйственном созидании... И так будет до конца грандиозного эксперимента по социализации...

Уже прошло довольно много времени с тех пор, как провал социализации стал общественной угрозой и была сделана попытка декоммунализировать дома (1921 г.). Особенно серьезно подошли к этому вопросу в 1926 г., предполагалось даже вернуть дома экспроприированным, ставшим нищими прежним домовладельцам в случае, *если они в течение всех революционных лет обихаживали и ремонтировали свои дома*. Если же они этого не делали, дом могли передать новому, *фактическому* владельцу. Учитывая, что государственные постановления о квартплате, об уплотнении жилья, о крайне ограниченных правах расторжения договора продолжали действовать, становится понятным, почему в этих условиях частным владельцам было возвращено в городах лишь 5% всей жилой площади. Большинство прежних домовладельцев, не имея капитала и находясь под гнетом коммунистических притязаний, были не в состоянии вернуть себе свои дома.

В конце декабря 1928 г. этот процесс получил продолжение: вышел декрет об окончательном выселении прежних домовладельцев, их родных и наследников из принадлежавших им прежде домов. В результате, например, в Москве были созданы отряды коммунистов, которые ходили из дома в дом, требуя списки жильцов и проверяя их на истинно пролетарское происхождение. Непролетарские элементы (прежние домовладельцы, ставшие теперь трубочистами, истопниками, сапожниками) выселялись*. В мае 1929 г. сообщалось, что покинуть

Ср., например, «Дойче альгемайне цайтунг» от 29 декабря 1928 г. Специальная корреспонденция.

свои дома в Петрограде (теперь «Ленинграде») будут вынуждены более 25 тысяч человек.

Впрочем, этот поучительный процесс развивается и в другом направлении. Так как жилищным товариществам и жилым коммунам теперь приходится самостоятельно оплачивать необходимые расходы по ремонту домов, они ищут людей с достаточными доходами и желанием оплачивать квартиру и в этом случае предоставляют им лучшие квартиры, а не желающих платить пролетариев отправляют в худшие жилищные условия. Дело дошло до того, что правление коммунистических профсоюзов направило в правительство (март 1928 г.) обращение, в котором говорилось: государство должно привести квартирную плату рабочих к единому уровню, иначе рабочему придется съехать с хорошей квартиры и переехать в худшую*. Таким образом, экономический закон себестоимости и рентабельности — один из основных законов свободной экономики — сыграл с социализацией злую шутку и теперь пробивает себе дорогу и у коммунистов.

В процессе экспроприации рабочий класс более или менее выиграл. Но его «завоевания» не стоит переоценивать. Например, как сообщают сами коммунисты**, потребовалось целых 10 лет, прежде чем *реальная заработная плата* достигла довоенного уровня (т. е. уровня буржуазной эксплуатации); но и эти подсчеты неверны, потому что плата за квартиру берется здесь не как обычно — в размере 20% от общего бюджета, а в среднем — только 4%***. Это говорит о том, что реальная заработная плата в Советском Союзе все еще остается ниже довоенного уровня****. Номинально установлен 8-часовой

* См. «Труд» от 23. III. 1928 г.

** См. статью Ковалевского в «Плановом хозяйстве» от X 1926 г., с. 27. Также последнюю перед смертью речь Дзержинского.

*** См. «Правду» от августа 1927 г.

.... Ср. многократные высказывания коммунистов: «Прошло девять лет Октябрьской революции, а рабочие наших крупнейших промышленных предприятий еще не могут даже мечтать о той заработной плате, которую они имели до войны». — журнал «Большевик» от 13. IX. 1926 г. «По самой благоприятной оценке, заработная плата рабочего в России в среднем составляет едва ли не треть заработной платы француз-

рабочий день; однако фактически работают еще и сверхурочно; так, на Украине на человека это 28 — 40 сверхурочных часов в месяц. С каждым днем растет безработица. Все острее ощущается нужда в жилье. Единственное, что пока есть — это остатки конфискованной и распределенной мебели.

По-настоящему выигрывают лишь коммунистические вожди, которые распоряжаются всем в стране и, кроме того, скупают и накапливают многое за границей, ловко используя существующий там буржуазный правопорядок.

Таков в основном итог экспроприации в России для отдельных сословий.

6. ЧТО ПРИНОСИТ ЭКСПРОПРИАЦИЯ НАРОДУ

1. ТЕРРОР И СЫСК

Результаты этой экспроприации надо воспринимать и освещать еще с одной точки зрения. А именно: надо задаться вопросом, что приносит подобный переворот в имуществе и собственности *нации в целом, всему заболевшему народу* в культурном и хозяйственном отношении.

1. Чудовищную, неслыханную в истории кровавую бойню. Эта кровавая бойня возникает из нового толкования государства, правительства и экономики, которое свойственно социалистическо-коммунистической системе как таковой: *партийная диктатура, создаваемая в целях экспроприации и социализации, настроенная на классовую борьбу, террор и политический сыск.*

Несколько независимых организаций попытались собрать и зафиксировать официальные данные ЧК (позже называемой ГПУ), изо дня в день следя за коммунистической печатью и тщательно изучая ее. Число жертв за первые 5 лет составило приблизительно 1 860 000 человек. Среди них прежде всего должны быть названы царь, царица, наследник престола и четыре дочери царя (Оль-

ского рабочего» — «Труд» от 27. VIII. 1927 г. «Реальная заработная плата шахтера по сравнению с довоенным уровнем равна лишь 79,4%» — «Труд» от 20. IV. 1928 г. и т. д.

См. объективную, обоснованную брошюру д-ра В. Гефдинга «Русский рабочий при господстве коммунистов».

га, Татьяна, Мария и Анастасия), одиннадцать великих князей царской семьи.

Далее список мучеников таков (цифры частично округлены): 28 епископов, 1215 священников, 6575 преподавателей и профессоров, 8800 врачей, 54 800 офицеров, 260 000 солдат, 105 000 офицеров полиции, 48 000 жандармов, 12 850 чиновников, 355 000 других представителей интеллигенции, 192 000 пролетариев, 815 000 крестьян. Сюда не входят жертвы гражданской войны, эпидемий и голодных революционных лет.

Советский экономист, известный своим «революционным оптимизмом», подсчитал, что крестьянское сословие в России потеряло в 1920 году свыше 10 млн. мужчин и около 4 млн. женщин (первая мировая война, гражданская война, эпидемии), среди них около 2 250 000 мужчин, погибших в мировой войне**. Жертвы последующих голодных лет достигают, по подсчетам коммунистов, около 5 200 000 человек; в целом после революции людские потери составили приблизительно 17 млн. человек.

Что касается жертв красного террора, то огромным цифрам казненных не приходится удивляться: около 200 000 пролетариев и около 800 000 крестьян. Было бы большим заблуждением думать, что все рабочие были просоциалистически или прокоммунистически настроены. Пролетариат в России, возможно, вообще лишь наполовину состоял из «настоящих» пролетариев; другая половина покидала деревню только на зиму, оставаясь привязанной к земле и живя настроением мелкого собственника. Примечательно, что большая часть сибирской армии, которой командовал адмирал Колчак (гражданская война, 1918 — 1920 гг.), состояла из рабочих крупных шахт и металлургических заводов Урала. В этих местах они владели землей, домами и огородами и, разумеется, обладали чувством собственника и правосозна-

См. «Экономическое обозрение» за октябрь 1927 г. Ст. Огановского.

См. расчеты нашего лучшего специалиста по тов. Н. Н. Головину. См. журнал «Русский колокол», № 8, Берлин.

нием; коммунизм был им ненавистен; им было присуще чувство патриотизма, они добровольно пошли сражаться и сражались в тяжелейших условиях огромной заснеженной Сибири.

Крестьяне, надо сказать, поначалу прельстились большевизмом, потому что им обещали конец войны и «черный передел» (безвозмездная экспроприация помещиков); *большевизм* как жестокий социальный радикализм сумел заморочить их и увлечь за собой, но о *коммунизме* они и знать не хотели. И когда коммунисты в первые годы революции пошли на конфискацию «излишков» продовольствия на селе с оружием в руках, крестьяне начали войну за продовольствие; например, Тамбовская губерния была охвачена пламенем и залита кровью...

Принуждение, террор и политический сыск являются, как уже отмечалось, принадлежностью социалистическо-коммунистической системы как таковой. Ибо, во-первых, тот, кто экспроприирует и обрекает на обнищание широкие слои народа, не может рассчитывать на то, что массы позволят гнать себя на бойню, как тупой и бессловесный скот. Тот, кто затевает социальную революцию, заполучает столько врагов внутри страны, сколько человек подвергает экспроприации. Поэтому с его стороны было бы наивно и глупо полагать, что ему удастся бескровная экспроприация. Тот, кто ведет революционную работу и вызывает к жизни радикальный переворот, тот, кто, как Ленин, делает социальной доктриной лозунг «Грабь награбленное!», должен яростно идти вперед, должен *хотеть* этого, должен оставлять за собой реки крови.

А во-вторых, чем больше эта новая, жаждущая ослепить народ хозяйственная система противоречит человеческой природе, наносит ущерб инстинкту собственности и чувству свободы, блокируя путь вперед, тем сильнее она зависит от принуждения, террора, крови, повального политического шпионажа. Это неизбежно, неминуемо, закономерно. Все те в стране, кто остаются трезво мыслящими, неподкупными, способными творчески трудиться, свободолюбиво настроенными, проклинаят и охаивают эту коммунистиче-

скую кастрацию здоровых сил, бесчинства планового хозяйства, намерение бюрократически, из центра управлять хозяйством большого народа и страны. Тот, кто насаждает коммунизм или социализм, парализующий либо запрещающий личную инициативу, всюду находит врагов; а если повсюду враги, то повсюду и политический шпионаж, аресты, ссылка и казни. Тот, кто законом или запретом души здоровые силы в стране, вынужден дойти до каждой квартиры, до каждой живой души, доведя это удушение до смерти. Тот, кто борется с естественными формами жизни, должен лишать людей их свободных убеждений, человеческого достоинства, жизни.

Чем противоестественней утопия, тем кровавей и низменней ее осуществление. Ибо *нельзя вести* человека *против* природы и ее закономерных инстинктов; его можно только *принуждать* лишениями, страхом, насилием и унижением. Это пророчески провидел и потрясающе сформулировал Достоевский в своих «Бесах» (ч. II, гл. 7 — 8): коммунизм ведет человечество через унижение к порабощению. Только во времена сильнейшего преследования еретиков существовало такое доносительство, как сейчас, при коммунистах; в каждой квартире в Москве есть по крайней мере хотя бы один коммунист или агент; и уплотнение жилплощади происходит далеко не всегда из нужды в жилье: оно предуготовано населению и осуществляется с целью создания огромной шпионской сети. Недавно один бывший коммунист сообщил, что в сегодняшней Москве с ее обновленным после 1917 г. населением около трети жителей вынуждаются к политической службе коммунистического шпионажа и постоянному осведомительству о своих соседях: государство, ставшее *работодателем-монополистом*, прекрасно знает, как порабощать людей, лишать их человеческого достоинства, постоянно грозя им *увольнением и голодной смертью*¹...

Да, коммунизм есть уникальное порабощение духа и подавление убеждений. И это закономерно и неизбежно. Миру еще надо усвоить то, что *духовная свобода* появляется вместе с *частной собственностью* и вместе с нею угасает.

7. II. НАЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УЩЕРБ

II. Во-вторых, подобная экспроприация всей нации наносит в целом огромный *национально-экономический* ущерб.

В советской печати делаются редкие попытки довольно скромно обозначить общий урон народного богатства в ходе этого процесса — 30% общей стоимости. Как ни трудно даются такие подсчеты, приходится предположить, что реальные потери народного хозяйства этими процентами никак не исчерпываются.

Нужно еще учесть, что (согласно сельскохозяйственной переписи 1916 г.) помещики обрабатывали 11% посевных площадей (около 7,5 млн. десятин), сдавали с них 32% собранного зерна, покрывали 48% потребностей российского и зарубежного рынка. Крестьяне же обрабатывали 89% всех посевных площадей (ок. 64 млн. десятин), сдавали с них 68% всего количества собираемого в стране зерна, покрывая 52% потребностей рынка. Граф А. Салтыков совершенно прав, комментируя эти данные так: «Ясно, что с национально-экономической точки зрения, 7,5 млн. десятин помещичьих посевных площадей и 64 млн. десятин посевных площадей крестьян были равноценны. Иными словами: для всего народа были потеряны около 57 млн. десятин крестьянских посевных площадей»*. С тех пор земледельческая культура помещиков была уничтожена, что не только сильно снизило *качество* сельскохозяйственной продукции, но и в огромной степени сократило ее *количество*. Соответственно с этим экспорт зерна советского государства в 1926 — 1927 гг. составил лишь 23% довоенного уровня (160 млн. вместо 690 млн. пудов **); экспорт льна снизился до 17,2%, масла — до 48%, яиц — до 23%, дерева — до 56% и т. д. Показательно также, что вклады в государственных сберегательных кассах, до войны составлявшие 1 700 000 000 золотых

* См.: граф А. Салтыков. Предисловие к книге Менделеева «Пособие по России» (на рус. яз. «К познанию России»), Мюнхен, с. LXIII-LXIV.

** Один пуд чуть меньше 17 кг.

рублей (28,5% из них принадлежало крестьянам), после экспроприации насчитывали (1925 — 1926 гг.) лишь 90 млн. советских рублей, т. е. всего 6% довоенного количества (крестьянам принадлежит теперь лишь 2,4%*). Советский рубль, уже переживший одну инфляцию (1917 — 1923 гг.), переживает сейчас вторую, как установил и не отрицал народный комиссар Брюханов уже в 1925 г.** Покупательная способность рубля — червонца соответственно — снижается год за годом (1923 г. — 89% довоенного рубля, 1924 г. — 55%, 1926 г. — 43%, 1927 г. — 40% и т. д.* *). Рассчитанный коммунистами к 1 ноября 1927 г. индекс розничных цен равняется 199 — 200 по сравнению с довоенным и т. д.***

Известно также, что всякий гражданин, вовлеченный в такой процесс, кем бы он ни был (даже сам экспроприатор, которому, казалось бы, следовало лишь пользоваться своей выгодой и своими «завоеваниями»), теряет в качестве члена общества гораздо больше, чем ему как частному лицу удастся урвать и приобрести. Ибо общий уровень жизни, культуры, производства, возможность иметь работу и реальную заработную плату, т. е. уровень общего потребления в стране, так сильно снижается, что обирающий народ экспроприатор не в состоянии ни вложить куда-либо, ни использовать захваченное добро. Добыча, так сказать, тает у него в руках, или как бы теряет в своей экономической стоимости.

К примеру, чрезвычайно показательно, что уровень потребления крестьянина в Советской России много ниже довоенного: теперь он покупает лишь 63% довоенного количества текстильных товаров, лишь 54% кожи, 57% стекла, 82% сахара и т. д.* *** Если до войны он за 1 пуд ржи мог купить 4,5 м дешевой ткани,

См. «Экономическую жизнь» от 30. X. 1926 г.

... ** «Известия» от 22. III. 1927 г.

По данным Московского института конъюнктуры.

**** «Народно-хозяйственный журнал», Москва, ноябрь 1927 г.

Согласно докладу представителя народного комиссара по сельскому хозяйству Свидерского.

то сегодня он получает за то же количество лишь 4/7 м и т. д.*

Экспроприация делает не только экспроприированных, но и *весь народ* беднее, чем прежде. Как хозяйственная величина он теряет так много, что от этого страдают и многого лишаются и слои экспроприаторов.

8. III. КУЛЬТУРНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ

III. В-третьих, такая экспроприация вызывает в нации в целом *культурную деградацию*, неизбежно и закономерно возникающую из-за обнищания экспроприированного культурного слоя.

Всегда культура во многом обусловлена и во многом связана с определенным благосостоянием народа, уверенным положением в отношении собственности и доходов. Никогда и нигде духовная культура не зарождалась из нужды и нищеты; и пока человек вынужден думать о хлебе насущном, пока он не в состоянии обеспечить себе и своему потомству некоторый духовный досуг, творческие источники духовной культуры остаются закрытыми и бесплодными. Культурные ценности нельзя создавать по приказу, так, как об этом трубят (и практикуют) коммунисты, в особенности «коллективным методом», которым они намеренно препятствуют росту индивидуального таланта и гасят личную инициативу; в особенности — руководствуясь мертвым, шаблонным образом мыслей, который они стремятся навязать всем (университетам, школам, культуре, религии) как материалистическую марксистскую точку зрения.

Неотъемлемые атрибуты культуры — *свобода и собственность*. Из принуждения и нищеты рождаются лишь жалкое лицемерие и пустая болтовня. Истинная культура иссякает и умолкает. Целые поколения создают то, что можно снести и разгромить в течение 3 — 4 лет. Очень даже возможно быстро и властно сбросить верхи вниз, но невозможно в том же темпе переместить низы вверх —

* «Экономическая жизнь» от 28. XI. 1925 г.

ведь нет ни *наследственной предрасположенности к этому*, ни *индивидуальной приспособляемости*.

Экспроприаторская революция поэтому работает на культурную деградацию и обескровливание культурных слоев народа, а обнищание экспроприированных слоев означает историческую катастрофу всего народа.

Ведь экспроприированные культурные слои неизбежно впадут в нищету. Если, например, знаменитый московский профессор, с трудом переводя дыхание, карабкается по черной лестнице вверх с тяжелой вязанкой дров и умирает от инфаркта; если жена другого университетского профессора (который не согласился читать лекции по марксизму и был «сокращен»), чтобы прокормить шестерых детей, увольняется и (при любой погоде) вынуждена перебиваться уличной торговлей; если коммунисты открыто признаются, что профессор университета в советском государстве получает $1/5$ своего довоенного оклада, а учитель народной школы едва ли его *половину**-, если бывший прокурор, презирующий коммунистов и потому не идущий к ним на службу, 4 года голодает и по два раза в день перевязывает своим маленьким девочкам образовавшиеся от голодного туберкулеза раны, льет горькие слезы и наконец бывает счастлив, устроившись ночным сторожем на железнодорожном складе; если пожилых дам царского двора заставляют мыть омерзительнейшие уборные в коммунистических казармах; если более миллиона человек вынуждены покинуть страну и многие сотни тысяч образованных людей становятся фабричными рабочими и шоферами такси за границей, и чахнут, работая в шахтах; если более Чем утроился** (за 1915 — 1924 гг.) процент самоубийств в Москве, — как тут не говорить об обнищании культурных слоев населения.

См. статью «Народное образование в России» в вечернем выпуске «Германии» от 1. VII. 1927 г. В основе ее — подлинные материалы.

См. статистику самоубийств в Москве в «Вечерней Москве» за сентябрь 1926 г.

Великий немецкий поэт Эйхендорф был все же прав, давая слово экспроприатору — участнику переворота:

«Что? Мы бедны? А вы знатны, богаты?
Где ножницы? Мы вас чуть-чуть того...
Ну, вот! И подравняли! Теперь вы люмпены, как мы:
Куда как чудненько убожество для всех!»¹

Но с приходом убожества для всех приходит и конец культуре. У Европы, казалось бы, есть все основания прислушаться к этому и поучиться. Но то и дело слышишь легковесную, безответственную фразу: «Нет, в Европе это невозможно!» На это можно возразить, что человек всюду остается *человеком*: не только «ставшим телесным духом», но и «сдерживаемым нравственностью диким зверем». Стоит лишь сломать или парализовать нравственные барьеры... С культурно не окрепшим и отсталым народом это происходит за 2 года; с народом постарше за 15 лет. Но лишь придет конец удержу — и везде увидишь того же завистливого, мстительного, необузданного дикого зверя.

Ничто так не характеризует нынешнюю культурную деградацию в советском государстве, как новое «сословие» *беспризорных детей*. Несколько миллионов детей, не имеющих родителей, как дикие звери, бродят по стране, болеют сифилисом, занимаются проституцией, употребляют кокаин, не имеют крыши над головой, промышляют грабежом*. Напрасно пытается советское правительство побороть это национальное бедствие: оно возникает снова и снова в результате обнищания народа, разложения семьи, особенно же из-за социально-политической установки коммунизма, в которой *социальное* воспитание раз навсегда вытеснено *социальным истощением*.

Возможно, самое поучительное в этом трагическом явлении — это социальный состав беспризорных детей: около 75% родом из крестьянского сословия и класса пролетариев *, и процент их год от года растет.

* См. потрясающие описания у Douillet: Москва без маски. — Берлин, 1929. — С. 97 - 111. Автор описывает лишь то, что сам видел и пережил, отлично знает Россию.

См. «Труд» за 1927 г., № 116; ср. также «Правда» за 1925 г., № 275;

9. IV. ЛИКВИДАЦИЯ ПРАВОПОРЯДКА. ДЕГРАДАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

IV. *Четвертым* следствием этой грандиозной экспроприации является всеобщее разложение правосознания и правопорядка, социальная деформация государства.

Весь смысл революции заключается главным образом в ослаблении и разложении правосознания. Особенно ярко свидетельствует об этом главный лозунг «Грабь награбленное»: в нем речь идет о произвольном отбирании того, что представляется желанной добычей. В соответствии с этим всякий избыток рассматривается как бывший «успешный разбой»; алчные обладатели меньшего пользуются ничем не ограниченной привилегией — без всякого зазрения совести завладеть чужими вещами. Прежнее право приравнивается к нулю, чтобы сначала уступить место произволу, а потом уже возвести его в систему*. В результате все в стране на протяжении всей революции становится зыбким, ненадежным, забитым.

Революция как таковая не знает ни права, ни правовых норм. Все создаваемое ею есть в принципе не что иное, как нормы произвола. Норма произвола ни к чему не обязывает «законодателя»: она дает правительственным учреждениям лишь *возможный, условно целесообразный* выход; она не дает гражданам никакой безопасности, а предлагает только туманную вероятность их рабской изувеченной будущности. Ибо революционный владыка произвола может свободно злоупотребить личными приказами и запретами: при этом он ссылается на свое «революционное самосознание» или на «классовые интересы пролетариата» и публично объявляет, что «сущность революции как раз в том и состоит, чтобы опровергать и нарушать любое право, в том числе и то, которое только что установлено им самим».

См. мою статью «Большевизм и кризис современного правосознания» в сб. «Право большевизма».

Тем самым постоянно нарушается весь правопорядок и заменяется жестокой террористической диктатурой. Вся жизнь народа проходит вне права и правосознания; ни в чем нет твердых полномочий и обязательств, есть лишь ничем не обоснованное чванство, поддерживаемые террором претензии.

Если, например, экспроприированный, но еще не изгнанный помещик крадет собственную курицу и, рискуя попасть под революционный арест, варит себе из нее суп, имеет ли он на это право или он преступник? Это украденный суп из собственной курицы или собственный суп из украденной курицы? Кто знает?!

Или если люмпен получает в свое распоряжение чужую квартиру, пользуется мебелью в ней, а затем, съезжая, забирает эту мебель или поштучно продает, имеет ли он на это право? Или если покупатель приобрел у него краденые вещи?

Или если Михель на отцовские сбережения купил себе земельный участок, но во время революции этот участок безвозмездно передается сбежавшему из города пролетарию Кунцу, есть ли такая власть на земле, которая сумела бы поколебать крепкое, исконно здоровое правосознание Михеля и заставить его поверить в то, что земельный участок теперь и вправду принадлежит Кунцу?!

Или еще: если преподаватель-коммунист напишет доклад на своего профессора-некоммуниста, обвиняя его в «контрреволюционной деятельности», и получит за это библиотеку арестованного учителя (Москва), — эти книги действительно принадлежат ему? Он стал собственником конфискованных или украденных книг? Кто знает?!

И это происходит в течение 11 лет по всей стране, сверху донизу. Здесь вообще нельзя говорить *ни о государстве, ни о правительстве*.

Этой бесформенности в области *права* соответствует социальная деформация в области *сословий* и *разделения труда*. Ведь коммунисты признают и допускают единственный класс — пролетариат; всех, кто хоть как-то стоит над ним, постепенно и систематически экспроприируют; все нищают; страна становится громадной социальной амебой.

Собственность по суш своей и по социальной функции является формообразующим, морфологически образующим элементом общества. Но с началом революции она исчезла: экспроприированный ею уже не владеет, а другой еще не владеет, да и не сможет, как бы долго ни продолжалась революция. Почему? Во-первых, согласно праву, он никто, да и сам он знает лучше других, что все его притязания не имеют под собой никакого правового обоснования; во-вторых, потому, что сам он проповедует коммунизм или погряз в коммунизме и, следовательно, живет под коммунистической угрозой и очень хорошо знает, что его так же, если не проще, могут экспроприировать коммунистические власти, как он сам ранее экспроприировал других; и, наконец, в-третьих, потому, что его самого в душе неотступно преследует живой образ им обещанного, экспроприированного, казненного законного собственника (со всеми его подвергнутыми издевательствам правами), преследует как призрак и парализует изнутри (*нечистая совесть*).

В стране, в которой появляется призрак коммунистического коллективизма, каждый насильственно отнимает у каждого все, думая, что тем самым что-то приобретает; полностью исчезает сознание и чувство «моего» и «твоего». Любая собственность становится в какой-то мере «бесхозной», не принадлежит никому или по меньшей мере кому-то принадлежит вплоть до следующей отмены методом *произвола*. Собственность не уважают, не берегут, распоряжаются ею не по-хозяйски. Зато в плановом порядке обеспечивают *бедное существование* и *процесс превращения в бедняков*; обеспечивают не обогащение, а всеобщее обнищание, *пролетаризацию народа*.

Отсюда налицо трагическая картина: здоровая структура социального организма с ее четко обоснованными и неизбежными различиями, с ее иерархией исчезает в *примитивной индифферентности на нижайшем уровне варварства и нужды*.

10. V. ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

V. Пятое следствие этой грандиозной экспроприации — коммунистическое вырождение и уродство госу-

дарства и государственной власти в ее национально-экономическом значении.

Вырванное из рук заботливого частного собственника народное хозяйство попадает в руки и в распоряжение коммунистической бюрократии, к власти приходят люди без понимания, без профессии, без опыта; дезориентированные выскочки, одному Богу известно откуда взявшиеся инородцы, профессиональные революционеры с революционным стажем, но безнадёжные дилетанты в экономике. Мировая язва коммунизма манит к себе и вбирает в себя недовольные, авантюрно настроенные элементы разных народов, и всякий безродный малый радуется новой «социалистической родине» и широким возможностям вивисекции в лабораториях чужой, незнаемой, но порабощенной страны.

Чуждые живой и сложной экономике, равнодушные к ней, эти люди топчут и разрывают тонкую ткань хозяйственных связей. Безответственно стоят они у операционного стола и «оперируют». Они слишком мало потеряют с утратами коммунистического государства и слишком мало приобретут от доходов коммунистического государства. Россия никогда не была *их* делом или делом *их* отцов; у них полностью отсутствует здоровое национальное чувство; они не хотят, да и не способны ни признать национальное наследие России (ее обязательства), ни беречь его (сокровища). Слово «Россия» они вычеркнули из своего лексикона вообще: их государство называется «СССР» — «Союз Советских Социалистических Республик»*; и этот «Союз» может завтра взять и присоединить к себе «советский социалистический Китай», послезавтра «советскую социалистическую Польшу» и т. д.

Коммунисты *настроены интернационалистически*¹, их главная цель — мировая революция, захват мира, экспроприация мира, власть над миром. А Россия для них — лишь бумажный факел, стог сена, бочка смолы, достаточная для того, чтобы поджечь весь мир. Для них не существует национальных задач, национального дол-

«Sowjet» — то же, что и Rat (Axbeiter-Rat, Soldaten-Rat² и т. д.).

га, национальной армии; все это для них — средство и орудие интернациональных дел. А огромное поле развалин национального хозяйства для них — только место для котлована, только лаборатория для их тупого экспериментаторства, только рынок, биржа чужого несчастья и собственного процветания.

Вот и происходит, что экспроприация ведет к нищете и гибели страны, которую постигло несчастье исторически пережить ее.

Но то, что создала и продолжает создавать в России коммунистическая революция, не следует воспринимать и трактовать как проявление сугубо «национального» характера. Вся работа ее, все достижения ее — это *интернациональное* надувательство, *интернациональная* болезнь, опасность и проблема. Все достижения ее — это выражение и результат интернационально-коммунистической установки и идеи. Здесь все последовательно, закономерно, неизбежно; и все это только подтверждает законы мировой истории.

Введение коммунизма везде будет иметь те же самые последствия — везде, где социализация парализует созидательные силы народа; везде, где собственность, раздробленная и розданная, попадет в невежественные руки; везде, где зависть и мания равенства будут стремиться к искусственной, механической нивелировке; везде, где национальное дело попадет в руки методичных интернационалистов.

11. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ; ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

И здесь как бы сам собою напрашивается вопрос: как стало возможным, что это движение возникло в России, распространилось, возымело успех и передало государственную власть в такие руки? И как могло дойти до того, что коммунистическая экспроприация и социализация повергли весь народ в нужду и нищету, порабощение и унижение?

Кто попытается с научной глубиной проследить и обосновать причины революции в России, тому придется принять во внимание и взвесить все до единого исторические параметры жизненных условий великого

и талантливому народу: географическое положение, природу и климат; исторические начала государства и татарское иго; политическое влияние бескрайней равнины и экономические последствия долгой и суровой зимы; запоздалое возникновение современной культуры в стране и напряженные войны в течение последних четырех веков. Обо всем этом здесь не скажешь; остается только заметить, что вопрос вовсе не так прост и однозначен, как сегодня это зачастую представляется Западной Европе; к тому же надо признать, что *социалистически-коммунистическое движение было импортировано в Россию с Запада.*

Однако на некоторых основополагающих моментах я все же остановлюсь.

В начале XX столетия России не нужна была ни революция, ни война. И та и другая прервали здоровое развитие страны; и та и другая подорвали ее силы. И обеих можно и должно было избежать.

Предреволюционной России вовсе не приходилось бороться с хозяйственной и культурной отсталостью. Все, что говорилось и писалось в Европе о «реакционном правительстве» и «безземельном крестьянстве», не соответствует действительности и неумолимо опровергается языком цифр. Распределение пахотной земли до революции и национально-хозяйственный ущерб в результате ее последующего дробления уже вне всяких сомнений. Но сдерживало ли «реакционное правительство» общее прогрессивное развитие страны, ясно из следующих сопоставлений*:

	прирост в %	1894 г.	1914 г. (в среднем 1911-1914 гг.)
Население	+ 40	123 млн.	173 млн.
Урожай зерна	+ 78	34 млн. т	69,9 млн. т
Животноводство			

* Я беру цифры из объективно-нейтрального *английского* источника — The Statesman Yearbook.

	прирост в %	1894 г.	1914 г. (в среднем 1911-1914 гг.)
лошади	+ 37	25,6 млн.	35 млн.
рогатый скот	+ 63,5	31,6 млн.	52 млн.
Каменный уголь	+300	ок. 7,8 млн. т	32 млн. т
Нефть	+ 71	5,6 млн. т	9,6 млн. т
Сахар	+248	0,5 млн. т	1,74 млн. т
Хлопок	+400	53 000 т	265 000 т
Чугун	+250		
Железо и сталь	+224		
Марганец	+364		
Ж/д сеть в км	+103		
Золотой запас гос-ва	+146		
Годовой бюджет министерства культуры	+628		
Число студентов	+180		
Число учеников гимназий	+227		

Как видно, процент хозяйственного и культурного прогресса не только высок в абсолютных размерах, но и очень сильно превышает процент прироста населения, при этом надо подчеркнуть, что Россия в довоенной Европе имела *самый большой* прирост населения (17 человек на 1000). Был у нее постоянно активный торговый баланс; в течение последних 20 лет импорт и экспорт выросли на 150%; золотая валюта была крепкой и надежной.

Обнищавшая страна так не выглядит. Россия и не была таковой. Она трудилась и боролась за свое благосостояние и делала это успешно. Аграрная реформа великого государственного деятеля Столыпина (1906 г.) была сильнейшим побудительным толчком, который ис-

пытала Россия после освобождения крестьян: надо было постепенно ликвидировать тормозящие развитие аграрные сельские общины и подготовить для здорового трудолюбивого крестьянства пути к частной собственности, интенсивному хозяйству, правосознанию, среднему сословию. России нужны были только спокойствие, труд и мир.

Накануне революции она вовсе не была пролетаризированной страной. Напротив, из всех европейских стран к ней это относилось меньше всего. В 1897 г. пролетариат в России составлял не более 10% населения. Показательно, что, например, в 1921 г., т. е. *после* революционной экспроприации, пролетариев в России приходилось не более 13 на 100 самостоятельных, занятых в хозяйстве людей; в то время как в Англии в 1923 г. соответственно 77 пролетариев на 100, в Бельгии — 73, Дании — 71, Швейцарии — 66, Швеции — 64, Австрии — 63, Голландии — 62, Германии — 61, Чехословакии — 59, Венгрии — 55, Норвегии — 50, Франции — 48, Италии — 45, Югославии — 40, Греции — 22 и т. д.* Только революции в России удалось сильно увеличить процент пролетаризации.

Стране, однако, недоставало многочисленного, хозяйственно обеспеченного и организованного *среднего сословия*. Состоятельный слой населения в России был очень тонким еще до войны**. Россия страдала от экстенсивного крестьянского хозяйства, от относительно отстающего накопления и от недостаточной концентрации капитала. Было слишком мало состоятельных людей; годовой доход на человека был ниже, чем в остальных странах Европы***. Поэтому ей приходи-

См. Войтинского: «Мир в цифрах», том II.

Войтинский берет скромный уровень годового дохода в 3000 марок и констатирует, что в 1910 г. в США 47% населения имели более высокий годовой доход, в Англии 12,5% населения, в Пруссии 6%, в России лишь 1,2% («Мир в цифрах»).

Национальное достояние в марках на душу населения составляет в Англии — 6540, во Франции — 4780, в Германии — 3040, в Италии — 2040, в России — 1000; *национальный доход* на душу населения составляет в Англии — 726, во Франции — 636, в Германии — 500, в Италии — 282, в России — 196 марок. Все это в конце XIX века. Россия на последнем месте. («Мир в цифрах», том I).

лось постоянно ввозить капитал, чтобы придать должный творческий размах своим производительным силам. Богатый слой в России был недостаточно богат и недостаточно широк. А среднее сословие было слабым во всем — численности, собственности, организации, силе воли, в волевой идее. В необъятной стране, о протяженности которой могли составить себе представление лишь те европейцы, которые хоть раз побывали в России, в стране со средней плотностью населения не более 25 человек на 1 кв. км*, русское среднее сословие было не только недостаточно организовано, политически мощно, влиятельно, оно, собственно, и находилось в состоянии становления. И уже потому не обладало достаточно зрелым самосознанием. Оно даже не догадывалось, что такое среднее сословие вообще и что оно должно значить для своего отечества. Вот и получилось, что русская интеллигенция, этот верхний слой среднего сословия, позволила соблазнить и ослабить себя какой-то сентиментальной склонностью к социализму, к какому-то ложному толкованию христианства (в духе Льва Толстого). Русское среднее сословие не сумело вовремя обеспечить мощное движение вверх низших слоев и пробудить у крестьянства здоровое чувство собственника; и стремящееся к благосостоянию социальное пополнение запоздало.

Русское крестьянство можно в этом отношении называть «неимушим». Не в том смысле, что оно было пролетаризировано, а в том, что оно не обладало твердым сознанием собственника и правосознанием. Вследствие относительно поздней отмены крепостничества и сохранившихся с тех времен еще не отмерших иллюзий и представлений, вследствие права деревенской общины и иных исторических причин, русскому крестьянину было свойственно количественное понимание земельного вопроса, а потому оно склонялось к экспроприации помещиков. Вследствие этого, устав от войн, оно было завле-

* В Сибири на 1 кв. км — 0,7 человека; в Средней Азии — 3; в Германии — 120, Англии — 145, Бельгии — 248.

чено революционными партиями, измотано и поработчено коммунистами.

Вырисовывается такая картина: экспроприрующая и социализирующая революция в первую очередь овладела не одной из самых богатых и сильных промышленных стран, а одной из беднейших и в капиталистическом отношении самой отсталой страной. *Слабое влияние собственника и слабое среднее сословие* стали благоприятной предпосылкой для коммунистической революции. Крестьянскому сословию в России приходилось тяжело и медленно подниматься до уровня среднего сословия; оно воспринимало *хозяйственные препоны* на подъеме как *политическое давление*, а поэтому было склонно к зависти и брожению, доверилось соблазняющим интернационалистам и попало в ярмо коммунистов. Теперь ему еще предстоит самостоятельное освобождение от этого ярма.

12. ОПАСНОСТИ: СЛАБОЕ ЧУВСТВО СОБСТВЕННОСТИ; ПАРАЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕГО СОСЛОВИЯ

История знает *политические, социальные и социалистические* революции. *Социальная* революция стремится не только захватить *политическую* власть, но и *экспроприровать* собственника и таким образом *перелопатить* все слои социального строения: как уже было сказано, она низвергает верхние слои вниз без всякой надежды переместить нижние слои вверх. Но социальной революции как таковой не обязательно быть *социалистической*: она может экспроприровать, не пытаясь социализировать (например, гражданские войны в Древней Греции и Древнем Риме; или тот же крестьянский большевизм в России, Болгарии и т. д.).

Современный мир борется с опасностью угрозы социалистической революции. Но судьба этой угрожающей революции такова, что если она однажды произойдет, то *экспроприация* ей удастся, но не удастся *социализация*. В бедствиях и страданиях человечество будет переживать хозяйственную и культурную катастрофу: скатывание на более низкий уровень, равенство в бедности и поработчении, разочарование, отмирание противоестественных

коммунистических иллюзий и настроений. И только после этого начнется оздоровление.

Экспроприаторскую революцию делают возможной и облегчают два главных социальных фактора (оставляем в стороне духовно-религиозные мотивы):

а) отсутствие собственности у нижнего социального слоя;

б) слабое или парализованное среднее сословие.

И то и другое заставляет сознание собственника роковым образом колебаться и открывает ворота зависти и брожению.

Было бы совершенно неверно думать или утверждать, что социальная революция происходит или может произойти из-за *неравномерного распределения собственности* в стране. Достаточно представить, что если бы на самом деле было так, то жизнь у всех народов превратилась бы в нескончаемую, вечную экспроприирующую революцию; ибо никогда и нигде не существовало имущественного равенства, его никогда и не будет люди не равны от природы как по своим физическим, так и по своим умственным способностям. Поэтому равенство в сфере обладания и собственности это в принципе противоестественная утопия, возникающая из зависти и из комплекса неполноценности химера. На самом деле *никто* этого равенства и не хочет: скромный человек хочет лишь *улучшить* свое положение по сравнению с прежним; нескромный и завистливый хочет нового, обратного неравенства в свою пользу.

Итак, революция происходит не потому, что немногие имеют больше остальных многих, а потому, что в стране появляется множество людей (возможно, масса), которые не находят здорового пути к производительному и благословенному труду, или потому, что у них этого пути действительно нет (Франция перед Великой французской революцией XVIII в.), или потому, что они его еще не отыскивали как народ с молодой культурой (Россия), или потому, что не способны уже его найти как старый и усталый народ (Греция). То, что плохо обеспеченный слой не находит выход наверх или на деле не имеет его, склоняет души к зависти и брожению. Тогда у массы возникает роковая иллюзия, которую можно вы-

разить приблизительно так: «Господа, те, что там наверху, ведь все забрали себе! Все они слишком богаты, а бедным отказывают во всем! Но справедливость требует равенства» и т. д. и т. п. Напротив, чем больше в стране существует и предоставляется возможностей для того, чтобы благодаря усердию, целеустремленности и законной (лояльной) деятельности подняться наверх и стать состоятельным, тем меньше угроза социальной революции (Соединенные Штаты), совершенно независимо от неравенства в собственности и богатстве. И наоборот: чем больше людей в стране нищают, тем легче наступление социальной революции.

Но самым опасным социальное положение становится тогда, когда появляются большие слои населения, которые разучились понимать и забыли о том, какое стимулирующее влияние оказывает частная собственность, забыли о ее силе и значении, о долге. Я имею в виду пролетаризированный класс, который образовался в XIX веке почти во всех европейских странах.

Неимущий утрачивает верное представление о собственности — творческое, любовное, созидательное, ответственное, жизненно-художественное. Тем самым частная собственность в его душе развенчана; инстинкт собственности становится вялым, плоским, бездумным, безответственным; собственность не воспринимается в свете производительности и совершенствования, а оценивается как *возможность потребления* и объект борьбы. Частная собственность как потребительская возможность означает не труд с полной отдачей, а *наслаждение и обладание*, она становится вопросом судьбы и власти, а в душах зарождается *стремление к экспроприации!*

Настоящий пролетариат духовно и социально испорчен в вопросах частной собственности. И вот приходят коммунисты и делают из его порока добродетель, в прямом смысле приветствуя эту его испорченность и делая ее эмблемой истинного, нового, «социалистического образа бытия»: к отсутствию собственности относятся не как к опасности, а как к социальной музыке будущего.' И пролетаризированный человек массы, который все же всегда остается *человеком* и потому в глубине своей души *хочет частной собственности*,

стандартизируется и деградирует под воздействием этой классово-партийной идеологии до «принципиального отрицателя» частной собственности. Со всем своим добродушием и наивностью он хотел только оспорить распределение частной собственности у людей более богатых, чем он; и вот он уже захвачен и увлекаем коммунистическим смерчем... и начинает воспринимать всерьез свой настроенный против собственности менталитет. Но это длится лишь до тех пор, пока не приходит настоящая экспроприация; ибо *экспроприация* как таковая *пробуждает в душе экспроприаторов подавленный, подвергнутый осмеянию инстинкт частной собственности* и превращает их, бывших коммунистических пролетариев, за исключением небольшого числа слепых фанатиков, в новообращенных, но уже успевших разочароваться частных собственников.

Вот в основных чертах схема экспроприаторской и социализирующей революции. Масса неимущих — это живой накопитель экспроприирующих и тем самым разрушительных сил, живой инструмент коммунистов и их экспериментаторства. Благодаря классовой пропаганде не имеющий собственности становится также и *не имеющим родины*, тогда его классовый интерес для него превышает благополучия его государства: он становится *интернационалистом* и переживает грозный, надвигающийся развал народного хозяйства и национальной культуры как движение в царство «свободы» и «справедливости»...

Заметим в связи с этим: *если в государстве количественно и организационно растет класс неимущих, лишенных орудий труда, а потому хозяйственно несамостоятельных людей, и не предпринимается ничего, чтобы снова привить ему сознание собственника и любовь к родине, — там следует ждать грядущей экспроприации.*

13. СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ. ЕГО РОЛЬ И ЗАДАЧИ

Слабое или парализованное среднее сословие в стране — второе главное условие социальной революции.

Среднее сословие как хозяйственный класс не имеет четко очерченных границ. Скорее оно образует *изначальный элемент индоевропейской государственности вообще, и*

все классы, склоняющиеся к оседлости, к собственному очагу, к созидательной частной собственности, находятся на одном уровне, т. е. принадлежат среднему сословию, как бы они ни делились далее и как бы ни противостояли друг другу: мелкий крестьянин и зажиточный, помещик и ремесленник, чиновник и ученый, торговец и фабрикант, рабочий и работодатель, *бедные* и богатые. Решает здесь не то, *сколько* ты имеешь, не *род* твоей работы и не то, *что* ты производишь. А то, остается ли твоя душевная установка верной изначальному элементу оседлости, собственного очага и созидательной частной собственности, привязана ли она к нему и полагается ли в своих надеждах на этот путь.

Пролетарий может быть настроен социалистически и интернационально; тогда он более не принадлежит среднему сословию. Но не потому, что он пролетарий, а потому, что он позволил изменить свою верную установку и утратил ее. Это же может случиться и с мелким крестьянином, и с ученым, и с торговцем, и с банкиром: они могут также настолько погрязнуть в своих специфически классовых интересах или идеологии, что изменят здоровым традициям среднего сословия и отчуждаются от родового лона своего отечества. Внешне они вроде бы остаются гражданами своего государства, но мыслят уже не гражданственно и не по-государственному.

Всякий национально мыслящий человек, напротив, утверждает в духе среднего сословия. Ибо среднее сословие есть нечто большее, чем хозяйственный класс: это носитель здорового духа отечественной государственности вообще.

Среднее сословие — это страж родины, аккумулятор созидательных сил, гравитационный центр государства. Находясь в сердцевине государства, оно с полной серьезностью подходит к политическим событиям и как никто другой отвечает за судьбы родины. Столетиями оно создает как бы остов страны и как бы выкристаллизовывается как носитель труда, опыта и благоразумия. Источник его достижений — частная инициатива; его установка — честность, воспитанная на религиозной основе; его метод — усердие, труд и бережливость. Оно учится в спокойствии; копит в лишениях; становится зажиточ-

ным в заботах и стараниях. Но своей идее оно остается верным в веках: *частной собственности как основе общественного процветания и родине как причине и цели частного бытия.*

Достаточно состоятельное, чтобы не дать впутать себя в экспроприаторское действо и навязать себе интернациональный менталитет неимущих, и все же не настолько богатое, чтобы присоединиться к интернационалу финансовой верхушки и пренебречь родиной, среднее сословие образует спокойную, уравновешенную, сохраняющую и поддерживающую созидательное равновесие в стране *мирную субстанцию родины.* Благодаря собственности оно обладает здоровым правосознанием; благодаря дому и очагу у него есть родина, а святые традиции и обычаи народа, которому он предан душой и телом, становятся в нем источником зреющего и способного бороться *национального характера.*

Как раз поэтому среднее сословие здорового индоевропейского государства призвано бодрствовать, во все вникать, отстаивать, трудиться и бороться. Оно призвано беречь, воспитывать и поддерживать истинную гражданственность. При упущениях с его стороны равновесие в государстве нарушается; и если оно проспит, это уже не страж отечества, а уснувший ночной сторож прошлого; если оно забудет об этом, государству уже не поможешь. Значит, враги овладели им вместе с его ночным колпаком. Тогда неимущие экспроприируют его и доведут до обнищания всю страну. Тогда коммунисты устроят хозяйственный хаос, а интернационалисты выбросят отечество вместе с его забытой идеей на свалку истории.

В любом случае европейское среднее сословие может и должно быть уверено, что ему нельзя никому передоверить свою охранительную и созидательную политико-культурную функцию и соответствующую ей духовную ответственность. Среднее сословие незаменимо никем. Никто не найдет вместо него спасительного пути. Хотя нынешнее европейское среднее сословие *количественно* сильно, его *организованность* еще далеко не созрела и недостаточна для борьбы, а его *благосостояние* сильно нарушено войной и особенно инфляцией (этой своего

рода обесценивающей экспроприацией). Ему еще надо найти свою спасительную, ведущую *волевою идеею*, а найдет он ее не раньше, чем отряхнется от сна, собрав свою *волю* в кулак...

Прежде всего ему нужно понять *сущность коммунистической революции в России*. Ибо, воистину, все социалистическое экспериментирование в России, все коммунистическое кровопролитие и доноительство в советском государстве, хозяйственная разруха в стране и духовное унижение народа происходят от попраiania древних и главных жизненных форм индоевропейского среднего сословия: религии, нравственности, родины, правосознания, частной инициативы, частной собственности, семьи. Ведь коммунистическая революция была не чем иным, как попыткой со временем стереть, беспощадно уничтожить эти жизненные формы; попыткой перевернуть их на социалистический лад и заменить на нечто прямо противоположное. И вот ведь — возмездие дремлет уже в лоне преступления; наказание произрастает непосредственно из деяния. И грандиозный результат — *грандиозная реабилитация отверженных и заброшенных*.

Поймет ли это европейское среднее сословие? Сможет ли оно осознать это и выдвинуть спасительную идею? Или его придушат во сне?

14. МИРОВОЙ КРИЗИС ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Всем этим я хотел сказать, что кратко описанный мною процесс экспроприации в России непосредственно *связан с большим мировым кризисом частной собственности, к которому надо присмотреться и сделать выводы. Его надо воспринимать как отдельный, в высшей степени показательный симптом мировой болезни, которая протекает из индустриальных и пролетаризированных стран Западной Европы*.

В России, несомненно, были определенные исторические предпосылки для революционной *экспроприации* состоятельных классов; но идея *единой социализации хозяйства* — чисто западного происхождения. Ведь коммунистический эксперимент в России есть не что иное, как грандиозная попытка *навязать примитивной, культурно*

отсталой и склонной к экспроприации помещиков душе русского крестьянина ориентированную на зло хозяйственно-политическую программу социалистически настроенного европейского пролетариата. Русская экспроприация стада отправным пунктом и благодатной почвой для европейского коммунизма. И теперь очередь западных государств; ибо импортированная в Россию духовная и социальная болезнь захочет и должна отвоевать свой изначально родительский дом.

Это завоевание не так уж невозможно, хотя бы потому, что западные страны таят в себе благоприятные предпосылки для такой же или, может быть, несколько иной экспроприации и позволяют им вызреть. Нет сомнений в том, что экспроприация сама по себе может разниться в темпах и в масштабе кровопролития и протекать бурно и кроваво или спокойно и в финансово-управленческой форме; она может иметь коммунистическую или социалистическую окраску; она может быть даже полностью несоциалистической: чисто демагогической (республиканской или цезаристской — в Древнем Риме известны и та и другая) или, возможно, националистической (как в нынешних окраинных государствах России). Но в сущности и по своим последствиям — все это приблизительно одно и то же, будь то революционная или холодная экспроприация: *задействуются все пути* (конституционные, разрешенные и запрещенные), *чтобы безвозмездно передать собственность в другие руки*. И неважно, осмеивается ли при этом коммунистический принцип собственности как таковой или нет; ибо стоит только привести в движение экспроприацию, т. е. сдвинуть камень, вызывающий лавину, — тут же закономерно и неизбежно последует все остальное.

Все это означает, что для Европы наступило время понять и решить для себя, *придерживаться ли ей по настоящему и серьезно принципа частной собственности или нет? Одобрить ли уже начавшуюся и наступающую с востока мировую экспроприацию или нет? И если нет, то какую хозяйственно-политическую идею и какую организацию сильной воли можно противопоставить этому мировому движению?* Ибо это мировое движение, уже

с давних пор вызревавшее в лоне Европы, ведет теперь наступление. Оно взяло старую коммунистическую лжеидею (Unidee), обновило ее, возвело в национально-экономическую теорию и методом успешно внушающей демагогической пропаганды сделало ее настроением масс, массовым психозом. Европейский частный собственник стоит перед ним растерянный, безвольный, удивленный и смущенный. В лучшем случае его терпят, в худшем он подвергается хладнокровной экспроприации. Десятилетиями ему внушалось, что он эксплуататор, кровопийца, богатый злодей и проклятый «буржуа». У него вырабатывают установку социально неполноценного человека; его беспрерывно обвиняют, и он обязан постоянно извиняться; в его душу вселяют неуверенность и ложный стыд. Постепенно парализуют его морально и психически.

Вероятно, этим можно объяснить то, что антикоммунистический фронт все еще не имеет ведущей и вдохновляющей массы идеи собственности и только вяло обороняется. Западноевропейский гражданин пытается слабо сопротивляться наскокам экспроприаторского и социализаторского фронта и застревает в мелочах подобно человеку, которого атаковали внезапно; если он и борется, то это борьба за мелочи повседневности, без мужества, без идеи и воли, нужных для того, чтобы понять верное и спасительное, сформулировать и добиться его. Европейская буржуазия распылена и раздроблена; она не объединена, и не по причине принципиальных и деловых разногласий, а из-за ничтожных «расхождений» и трений. Перед лицом подстрекательской социальной революции она занимается неделовыми раздорами; тратит силы в партийных перебранках и попусту растрчивает время на то, чтобы побороть в сущности так же мыслящего и чувствующего соседа.

Но социологический закон гласит: *в социально-политической борьбе оказывается побежденным тот, кто не в состоянии выдвинуть созидательной идеи, а лишь слабо обороняясь, защищает унаследованное как таковое.* Нападающий приобретает больше, чем тот, на кого нападают, и он обладает большим запасом воли, политического че-

столюбня и предприимчивости. Он знает, чего хочет, даже в том случае, если желанная цель оказывается ложной и губительной. Но тот, кто только «хочет» — пусть чего-то правильного, — но на самом деле не умеет ни *хотеть*, ни *бороться*, ни *облечь это правильное в новые одежды и применить его*, победу одержать не сможет.

15. ОБОСНОВАНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Нынешнее человечество имеет несчастье сомневаться в частной собственности, а может, отчасти даже отчаиваться в ней.

По поводу этого я хотел бы сказать, что будущему следует рассчитывать не на отрицание собственности, а напротив, на подтверждение и утверждение ее. Нам надо признать принцип частной собственности, высоко оценить и поддержать его, обосновать с религиозно-христианских*, социологических и философско-правовых позиций и оправдать перед умом и совестью; ибо этот принцип — не произвольное изобретение или хитроумная выдумка жадных и разбойных людей, как это можно прочесть у Прудона и даже у Руссо, а напротив, он предоставлен человеку природой и Всемогущим наряду с присущими только данному человеку телом и инстинктом. Человеку дана свобода в *обращении* с частной собственностью — в том, сколько иметь имущества, *как* с ним управляться, *как* его использовать: закладывать, щедро раздаривать, социально или антисоциально им распоряжаться. Но *принцип* частной собственности, *институт* частной собственности и вопрос о праве ее на существование не отданы на произвол человека, ибо частная собственность есть *форма человеческого труда* (экономика, искусство, лю-

См. знаменитый циркуляр «Remm novarum» от 15 мая 1891 г., написанный остроумным пером папы Льва XII. Приходится с сожалением констатировать, что ни церковному авторитету папского голоса, ни деловому глубокомыслию циркуляра не удалось подвигнуть католические круги на практическое признание частной собственности и на отказ от дальнейшей поддержки экспроприации и социализации. Ср. интересную работу проф. д. Л. Песля «Церковь и земельная реформа».

бое начинание, семья, государственное имущество), в высшей степени поощряющая творческие силы человеческого инстинкта и человеческого духа, освобождающая, возбуждающая, подстегивающая, оплодотворяющая их в культурном аспекте. Ни в коей мере не могут заменить в этом отношении принципа частной собственности ни принуждение, ни добродетель, ни нравственность; ибо противоестественное принуждение и противоестественная добродетель с самого начала обречены на провал. Человеческий инстинкт надо принимать таким, каким он дан: со всей его *самодельностью* (спонтанностью), со всеми его здоровыми, *побудительными мотивами*, со всей его *индивидуальной формой бытия*. Его надо заботливо взращивать, воспитывать и облагораживать. Но нет такого произвола и таких премудростей, которым было бы под силу «переиначить» его индивидуальное существование и «заново отлить» его естественную природу. Социалист может его отрицать; коммунист может попробовать приказать. Но полный провал им обеспечен.

В чисто хозяйственном отношении частная собственность не что иное, как *надежность* — социально гарантированная и индивидуально переживаемая *надежность*. И без этой *надежности* невозможно здоровое хозяйство в стране. Это истина, истари известная и снова грубо и трагически ясно доказанная абсурдным коммунистическим экспериментом в России...

Эту аксиому можно сформулировать и так: *частная собственность есть непреходящая и гарантированная надежность духовного и хозяйственного трудового вклада**.

Если хочешь, чтобы можно было вкладывать какие-либо ценности, создай надежность. Если не создашь никакой или разрушишь прежнюю, вкладам придет конец. Да и вкладывать нечего будет: ни душевной и физической энергии частного лица, ни материальных

Я понимаю под «вкладом» доступный всем людям и необходимый для всех процесс, в ходе которого, творчески трудясь, *вкладываешь себя во внешние вещи*, доверяя энергию своего духа и тела материи; вкладываешь свои духовные и материальные ценности.

ценностей, ни капитала. Труд в поте лица и заработанные ценности избегают ненадежности; они уходят из оборота; они просто больше не предоставляются; они чувствуют себя парализованными и отпадают. И не из корыстолюбия, а исходя из двух природных инстинктов, т. е. двух законов природы: *из инстинкта самосохранения и из экономии сил.*

Это два природных инстинкта, от рождения одинаково присущие зверю и человеку, одинаково определяющие, руководящие и диктующие их побуждения и их действия, т. е. два закона природы, на основе которых целиком создается и будет создаваться культура. Эти законы руководят зверем: он *должен* действовать, только повинаясь им и не иначе. Но над человеком они *не* главенствуют: у него есть возможность притормозить свой инстинкт самосохранения и растрачивать свои силы впустую. Но тогда он не создает и не сможет создать никакой культуры, тоща, напротив, погибнет даже та, которая уже есть.

В конечном счете поправление и игнорирование этих законов природы приведет к гибели и все эти социализмы и коммунизмы.

Чем меньше надежности, тем более робким и непродуктивным становятся вклады в экономику. Пригрози экспроприацией — и начнется крушение экономики; экспроприируй — и ей конец. Пригрози социализацией — парализуешь человеческий инстинкт самосохранения; социализируй — парализуешь мотивацию трудового процесса. Немошь, которой страдает *пролетаризированный* мир, есть как раз извращение и уродование здоровых основ, *которые наилучшим образом побуждают человеческий инстинкт к самым высоким достижениям.* Превратить эту немощь, это уродство в принцип и принуждением и террором навязать их всем людям и есть главная идея социалистов и коммунистов; разрушительные же последствия такого всеобщего калечения души, на самом деле являющегося кастрацией души, теперь, после коммунистического эксперимента в России, вполне очевидны. То, чем боится *индустриальное* производство, есть определенное растрачивание сил, возникающее из плохо организованного хозяйства и отсутствия свободной конкуренции.

Идея социалистов и коммунистов излечить эту еще не до конца преодоленную растрату энергии *радикальным, принципиально волевым и целенаправленным разбазариванием сил* — воистину одна из несчастнейших идей в истории человеческого духа. Ибо подавление и торможение самостоятельности (спонтанности) человеческого инстинкта (частная инициатива! частная собственность!), с тем чтобы заменить ее централистеки-бюрократическим аппаратом, есть не что иное, как разбазаривание здоровых природных сил. Ни ограниченный человеческий рассудок, ни безграничный произвол человека никоим образом не смогут, вытеснив, заменить спонтанность здорового природного инстинкта и целесообразность труда. Эти амбиции, эта самонадеянность — стремление заменить *природу приказом, а инстинкт принуждением и террором*, изначально обречены на пустую растрату сил и неудачу.

Частная инициатива и надежность по-прежнему остаются основой здорового хозяйства. Чем сильнее подавляется *частная инициатива*, тем неорганичнее, механистичнее, мертвее и непродуктивнее становится хозяйственный процесс. Чем меньше *надежности*, тем замедленнее хозяйственный вклад; ибо в отсутствие надежности вершатся лишь *безответственные и мнимые* вклады. Те, кто честны, трудоспособны и хозяйствуют продуктивно, те, кто хотят *быть*, а не *казаться, соблазнять и обманывать*, ищут надежности. В ненадежности трудятся лишь самые дурные социальные элементы: не носители, не творцы, а спекулянты и паразиты; вороны и гиены умирающей экономики...

Один из основополагающих принципов хозяйственной жизни гласит: *без надежности — нет никакого труда*.

Надежность — вот сущность частной собственности. Это значит: *социальная невозможность конфискации вкладываемого, обесценивания вкладываемого и лишения вкладываемого его продуктивности и доходности и правовая гарантия всего этого*.

Есть эта надежность — есть и частная собственность как побуждающий и раскрепощающий источник хозяйства и культуры. Пришел ей конец — не существует бо-

лее и частной собственности, ее заменяет хаос экспроприации или кровавое принуждение коммунизма.

Надежность есть своего рода общественный договор*, в котором общество принимает на себя нечто вроде следующих обязательств по отношению к своему отдельному члену: «Не бойся! Не заботься! Творчески отдавайся делу! Спокойно отдавай энергию своей инициативы, внимание, мышление, силу своих мышц, ценности, капитал! Весь этот вклад останется *твоим* и не будет произвольно обесценен или экспроприирован! Цена и соответствующая твоему вкладу доля прибавочной стоимости останутся *твоими*, сохранятся для тебя, твоей семьи и наследников (наследственное право!)»...

В этом общественном договоре никоим образом не отрицается *социальная сущность хозяйственного дохода*; однако принципиально гарантируется неэкспроприруемая доля труженика — частного собственника. Не отрицается и налог; но если налогообложение становится конфискацией дохода, непродуктивностью вклада, оно уже именуется экспроприацией. Наконец, не отрицается и господство государства; но если государство начинает произвольное обесценивание хозяйственных ценностей, подрывает хозяйственную деятельность личности и частную инициативу, тогда конец надежности, частной собственности и вкладам; тогда «рассудок» становится «безрассудством», а «благодетель» — «мукой»...

Если действовать согласно этому общественному договору, то хозяйство сможет процветать и далее; если нет, если будут угрожать экспроприацией или просто примутся за нее, то перекроют здоровые источники здорового хозяйства и будут работать на разрушение страны. Ибо не может быть хозяйства без надежности и частной инициативы.

* Понятие общественного договора привлекается здесь лишь для разъяснения положения вещей как философско-правовая схема.

16. МИР НУЖДАЕТСЯ В ВОСПИТАНИИ ЧУВСТВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Тем самым я вовсе не хочу сказать, что кризис сознания частного собственника легко преодолим, я говорю только, что отмена частной собственности не решает проблему, а лишь углубляет кризис и как следствие, ведет к краху и обнищанию народа, подвергнутого социалистическому эксперименту.

Человечеству не надо бежать от проблемы частной собственности к отрицанию ее, как бы ни называлось это отрицание — «христианский социализм», «безбожная социал-демократия» или «антирелигиозный и антихристианский коммунизм»; напротив, оно должно трезво и мужественно *взяться за эту проблему и найти в социальном отношении созидательное, а в культурном содействующее решение. В этом задача европейского среднего сословия.*

Лидеры среднего сословия должны взяться за хорошо продуманный и широкий план, по которому можно преодолеть растрачивание впустую энергии в мировом частном хозяйстве (кризисы, войны, безработица и т. д.), не парализуя частную инициативу и не отменяя частную собственность; план, по которому можно было бы внушить пролетарию сознание собственника, правосознание и любовь к родине. Возможно, что разработка и осуществление этого плана потребуют довольно много времени; но ведь ясно как день, что коммунистический эксперимент сулит лишь материальное обнищание, духовный ад для человечества и... огромное разочарование.

Одно несомненно: *человечество вернется к принципу частной собственности* — путями ли нищеты и ада или более здоровыми, не столь катастрофическими путями. Ибо методом отрицания и уничтожения частной собственности ее не компрометируют, а *реабilitируют*. В худшем случае произойдет так, что на место экспроприированного частного лица и потерпевшего фиаско коллектива придет присвоивший экспроприированное частный собственник, революционный нувориш, сделавший карьеру выходец из легиона коммунистических отрицателей собственности; что это новое, появившееся в результате революции среднее сословие осознает, признает

и начнет возрождать к жизни погрязшие закономерности. Тогда на место дореволюционного безвольного среднего сословия придет вышедшее из социалистическо-коммунистической революции волевое среднее сословие: бескультурное, но крепкое и грубое, и оно-то беспощадно и рьяно станет добиваться своего, кровью и разбоем завоеванного нового права, и отвоюет отнятую «*sine fide et titulo*»³ частную собственность. Но тут ему придется иметь дело с той же проблемой, только на значительно более низком уровне хозяйства и культуры, чем тот, на котором стоит сегодняшнее среднее сословие.

Не исключено, впрочем, что осуществление коммунистических планов будет означать гибель европейской культуры вообще.

Чтобы предотвратить это бедствие, эту опасность, среднему сословию надо потрудиться, отринуть страхи, решительно и смело пойти навстречу реальности. Оно должно прямо *встать на защиту* частной собственности, объективно взвесить все связанные с нею проблемы и взвалить на себя это бремя.

Идея частной собственности не в том, что народ разделяется на сибаритствующих богатееров и жалких неимущих, а в том, что ни один слой не лишается поддерживающего и воспитывающего влияния частной собственности. Всякий должен обладать частной собственностью или по меньшей мере иметь твердые виды на законное ее приобретение. Это не обязательно должен быть дом, земельные угодья или орудия труда, хотя бы потому, что невозможно в хозяйственном плане превратить всех в домо- и землевладельцев, а также и потому, что не каждый имеет к этому предрасположенность и не каждому присущи подобные желания. «Что» и «сколько» иметь из частной собственности, нельзя определить заранее, но *возможность* законного, трудового и экономного приобретения и *надежность* его должны пробуждать и побуждать личную инициативу каждого.

Только на этом пути можно вновь вызвать *уважение к частной собственности* в душе масс. Но эта поддержка и воспитание сознания собственника никоим образом не должны происходить по методу демагогических «земельных реформаторов», т. е. по методу

отчуждения, которая выглядит так: экспроприируют собственников, чтобы даром передать экспроприированное неимущим. Была бы нелепой и безнадежной попытка воспитать и поддерживать собственника, работая и «реформируя» методом обесценивания и отчуждения, грабя, чтобы дарить, и дарить, чтобы грабить дальше. Этим лишь ослабляются духовные и хозяйственные корни частнособственнического сознания в народе; это оскорбляет, ожесточает и деморализует экспроприированного и развращает незаслуженно обогащенного, так как поощряются его завистливые амбиции. Безвозмездное «даром» никогда не воспитывало человека, а только развращало его нравственно и губило; ибо то, что получено даром, уже по одному этому *обесценивается* не только в цене и стоимости, но и в душе, и в творческой мотивации обогащенного. Уже сама по себе идея, что захват политической власти может привести к безвозмездному экспроприации и хозяйственно необоснованному обогащению, *разведает правосознание, обескровливает сознание собственника и делает государство инструментом деморализованной жадности, инструментом демагогии и черни*. Более того: тот, кто однажды берется за безвозмездную экспроприацию, вызывает *гражданскую войну*, каким бы другом народа он ни прикидывался и как бы лицемерно себя ни вел. Этому нас учит история: так было в Древней Греции (уроки Пелопоннесской гражданской войны), так было в Древнем Риме (братья Гракхи, Марий, Сулла), так было в революционной Франции в XIII веке, так было в России а XX веке.

Кто хочет воспитывать и поддерживать сознание частного собственника, не должен предаваться зуду *уравниловки*. Ведь современный мир болен именно *завистью* и *жадностью* под маской справедливости и равенства. Кто разжигает человеческую жадность, кто играет с понятием «справедливость», кто кует себе политическое орудие из зависти масс, тот не воспитатель, а искустель народа.

Воспитать сознание собственника — значит открыть его здоровые, созидательные источники, вдохнуть в него социальную справедливость и христианскую щедрость.

Поддерживать сознание собственника — значит с помощью права и гарантий делать собственность продуктивной и с помощью социальной (но не социалистической!) организации превратить в инструмент всеобщего процветания. Частная собственность как *инстинкт*, как *надежность* и как *идея* должны воспитываться в каждом из нас, должны стать *волей* к жизни и искусством *жить*. Это путь к спасению; когда-то человечеству так или иначе придется освоить его.

17. ОПАСНОСТЬ ЭКСПРОПРИАЦИИ

Внутри современных европейских государств зреет не только не страшшееся гражданской войны, но непосредственно подготавливающее ее экспроприаторское движение, которое руководствуется сформировавшейся социалистической идеологией и беспощадным коммунистическим методом борьбы.

Вызванное различными по сложности причинами (индустриализацией, пролетаризацией, относительной перенаселенностью, недочетами в организации планового хозяйства, борьбой за мировой рынок, религиозным и моральным кризисом, демократией с присущей ей слабостью убеждений и политическим безволием, нравственной усталостью от войны, классовой и расовой борьбой и т. д.), это движение с 1917 г. перешло в мощное наступление сначала в России. Бурно, кроваво и покоммунистически прошла здесь экспроприация. Жестоко, демагогично, националистически распространилась она и на страны так называемой «промежуточной Европы» (Грецию, Югославию, Румынию, Австрию, Венгрию, Чехословакию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию), где уже произошел экспроприрующий и все обесценивающий переворот* в сельском хозяйстве на основе двух принципов: *мелкая собственность* и *национа-*

Проф. д-р М. Зеринг (Берлин) описывает этот переворот как «аграрную революцию». См. сб. «Аграрная революция в Европе», отредактированный высококомпетентным и объективным знатоком. В предисловии к нему читатель найдет краткие, но убедительные доказательства пагубных последствий этого переворота.

лизм, т. е., во-первых, умиротворение жадных до земли фронтовиков, во-вторых, исключение из этого процесса принадлежавших к национальным меньшинствам помещиков...

Показательно само по себе сопоставление этих событий. Экспроприаторское движение *едино и губительно* — не столь важно, пойдет оно на запад социалистически или националистически, по финансово-административному пути, спокойно или по-коммунистически, кроваво. Оно потрясает и подтачивает собственность во всей Европе; оно потрясает революционно и подтачивает эволюционно. Но ничто не действует на умы так искушающе, как якобы «грандиозные» и «справедливые» новшества в неизвестной чужой стране, потери которой трудно себе вообразить...

Сейчас на деле все обстоит так: великий коммунистический эксперимент в России экономически потерпел неудачу; принцип социализации экзамена не выдержал, напротив — доказал свою противоестественность, свою хозяйственную нецелесообразность, продемонстрировав одновременно и свою невероятную искустельную и разрушительную силу. «Великая идея XIX века» в России залита кровью, покрыта бесславием и позором, но коммунисты не хотят и не могут этого понять; для западных масс, которые им еще предстоит измотать, они инсценируют мнимые успехи и молят европейца, еще не экспроприированного собственника, о кредитах и помощи. В России и для России коммунизм как общественный строй скомпрометирован и потерпел провал. Но пока еще не умерла идея экспроприации и социализации как духовная установка масс в Западной Европе и для Западной Европы. Напротив, то, что в России все еще смердит труп коммунизма, угнетает живую жизнь и отвращает другие страны, почему-то производит на европейские массы впечатление желанного и многообещающего успеха. Массы испытывают возбуждение и соблазн попробовать проделать то же самое в собственных странах и тем или иным способом претворить в жизнь экспроприацию и социализацию.

Пробудится ли европейская буржуазия, осознает ли она опасность, найдется ли у нее идея и воля — остается вопросом.

У нас же, испытывающих на себе годами коммунистический эксперимент, серьезно и с полным знанием дела наблюдающих за ходом мирового движения, есть необходимость сказать европейскому гражданину: «Выше голову, собственник! Хозяйственная форма твоей жизни реабилитирована и укреплена страшными страданиями русского народа. Опомнись, мужественно и деловито следуй принципу частной собственности и борись. Посмотри: в России не поняли, что частная собственность так же присуща человеку, как душа и тело, и что важнейшее в собственнике — его *культура* и руководящая им *социальная* (не социалистическая!) *волевая* идея. Посмотри: революция не упраздняет собственности, она только передает ее в раздробленном и уже потому полупарализованном состоянии в невежественные руки. Итак, опомнись. Составь свой волевой план действий, борись с отсутствием собственности и сопутствующей этому завистливой установкой народа. Не дай застать себя врасплох. Не позволяй себя оскорблять. Не дай обессилить и парализовать себя. Встань, возьми одр свой и иди⁴. Займись порядком в своей стране и не поддерживай коммунистические поползновения в соседней: ибо тем самым ты не помогаешь себе, а предаешь самого себя. Посмотри: кризис частной собственности один и тот же, и зараза экспроприации одна и та же; поэтому всяческий успех коммунистов, где бы он ни был, — опасность для *тебя* и твоей *родины*.

Единство — теперь твой долг!

Дальновидность и дальнзоркость — твоя жизненная необходимость!

Волевая идея — возможность спасения!

Так пробудись же и осознай это! Время бежит, а ты все еще, как обвиняемый, беспомощно и безыдейно защищаешься. Поторопись, пока горящая крыша собственного дома не свалилась тебе на голову!

РАЗРУШЕНИЕ СЕМЬИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Тот, кто хочет на самом деле по-настоящему познать и понять сущность коммунизма, должен быть с самого начала готов к тому, что сталкивается с чем-то неожиданным, скорее даже, невероятным. Коммунизм никоим образом не следует понимать лишь как партийную *политическую программу*, скорее, его следует понимать как законченное *мировоззрение*, проникнутое своеобразным *менталитетом* и старающееся провести в жизнь, а точнее, навязать ей *новый план мирового порядка*. Для этого нового всемирного плана коммунистам нужны *новые люди*, люди с новым духовным уровнем, новой моралью, новым образом жизни и новым домашним бытом. Исторически сложившийся человеческий тип не может служить коммунистам: его надо как бы «переделать», примерно так, как это делает у Ибсена Пуговочник («Пер Гюнт»): просто бросает сломанную пуговицу в тигель для переплавки.

Вопрос о возможности такой переплавки исторически конкретной человеческой души не представляет для коммунистов трудности; во-первых, потому, что они нагло отрицают и презирают этот исторически сложившийся тип человека, который не способен расстаться ни с частной собственностью, ни с личной инициативой, ни с моногамным браком; во-вторых, потому, что коммунисты, точнее, их вожди — это недоучки или волевые фанатики, не уважающие иррациональных и таинственных глубин природы и не умеющие считаться со страданиями человеческого индивидуума. Они мнят себя обладателями социально-хозяйственной панацеи; даже более того — для них окончательно, раз навсегда решены все проблемы мировоззрения, нравственности, религии, хозяйства, политики, социологии; у них на этот счет нет ни сомнений, ни неясностей: сомневающийся коммунист уже только потому, что он сомневается, — неполноценный член партии; здесь существует *священная догма*, согласно которой надо думать, чувствовать и поступать; и эта догма называется *марксизмом*. Ею все заканчивается и исчерпывается. Надо только иметь в виду,

что это не теоретизирующий, рефлектирующий, эволюционистский марксизм; это марксизм *практический, волевой и революционный*¹, все, о чем размышляли, что сформулировали и написали Маркс, Энгельс и их ближайшие последователи, воспринимается здесь с фанатичной серьезностью: в это *верят*, это предписывают, это последовательно проводят в жизнь, упорно и насильственно насаждают.

Таким образом, коммунизм можно назвать своего рода «безбожной религией» или — вернее и лучше — некой *доктринальной одержимостью*, которую несут в широкий мир недоучившиеся и беспощадные люди. Плененные навязчивой идеей коммунисты стремятся к тому, чтобы насильственно создать во всем мире «новую землю и нового человека»*. Речь здесь идет о заговоре; да, о мировом заговоре. Члены этого безбожного тайного ордена ведут борьбу с Богом, семьей и частной собственностью. Но прежде всего они стремятся развязать гражданскую войну, с тем чтобы захватить повсеместно государственную власть и планомерно продвигаться к разрушению и отмене частной собственности, семьи и религии. В вопросах частной собственности они сразу начинают с принципиальной отмены ее, чтобы впоследствии окончательно разрушить индивидуальный инстинкт собственника. В вопросах семьи и религии они начинают с некоего «освобождения», со всеобщего «разнуздания» и вседозволенности, соблазняя и иссушая тем самым здоровую установку человека, чтобы наконец «окончательно» упразднить семью и религию.

В действительности это выглядит так, что новый коммунистический порядок, предназначенный подавить и заменить моногамный брак и связанную с ним семью, вводится *медленно и целенаправленно, путем разрушения прежней семейной жизни*. Будущему требуется «новый человек»: лишь новый человек будет в состоянии выдерживать коммунистический брак и коммунистическую бессемейность и получать от этого удовольствие. Но создать такого человека можно только метбдом разрушения традиционно сложившейся семейной жизни.

Новый человек должен быть человеком *без предубеждений*: свободным от религиозных, моральных, патристических и национальных «предрассудков». Он должен окончательно стряхнуть с себя все индивидуализирующее, дифференцирующее, все, что хоть как-то намекает на неравенство или духовный аристократизм. Такой человек будущего представляется коммунистам человеком неистовым, свободным от «предрассудков», недифференцированным (т. е. архаичным), мало работающим и вдоволь наслаждающимся заурядным малым, который принципиально откажется от религии, индивидуальной семьи, частной собственности и личной инициативы и станет благодаря этому послушным орудием в осуществлении всемирного переворота и всемирного коммунистического плана. Тогда он рационально и волевым усилием сумеет навязать собственный менталитет и соответствующий ему образ жизни всему миру. Разрушение семьи является, таким образом, не только целью, но и средством ее осуществления: передовой борец за счастье бессемейного государства должен быть сам новым человеком и нести в себе новый менталитет — против Бога, семьи и частной собственности. Коммунисты глубоко убеждены, что совершенная ими в России революция положила начало «новой эпохе в мировой истории», начала «новую главу»* и что теперь главное — искоренить традиционную установку души вместе с «вековыми традициями» и вырастить новое молодое поколение. Объективности ради отметим, что коммунисты умеют беспощадно бороться за свои цели не на жизнь, а на смерть; и бороться всеми мыслимыми и немыслимыми средствами, о характере и действительности которых остальное человечество едва ли имеет представление.

Основой всякой семейной жизни является брак. Там, где нет настоящего, духовно и биологически здорового брака, совместная жизнь никогда не станет настоящей семьей. Поэтому начнем свой анализ с проблемы семьи.

Среди бесконечных торжествующих ссылок на Маркса, Энгельса, Каутского, Бебеля и других европейских социалистов, а также на Дарвина и иных позитивистских исследователей природы, коммунисты «незыблемой» истиной считают следующее: 1) в мире существует только материя и, следовательно, человек есть существо чисто материальное; 2) человек хотя и «высшее», но *животное*, а «человекообразных обезьян следует рассматривать как его ближайших предков»*. Для коммунистов это первейшая истина и в то же время мудрость жизни, которая, разумеется, воспринимается столь серьезно, что затрачиваются крупные суммы на организацию экспедиций по поиску антропоидов и на эксперименты в специальных питомниках по их скрещиванию. Коммунисты не видят никакой разницы между научной гипотезой и истиной, между теоретическим знанием и практической мудростью жизни, между «идеалом» и живой повседневностью; и в своей прямолинейной последовательности теоретически осваивают и практически осуществляют и упразднение, и строительство жизни.

Согласно коммунистической социологии, вся разница между животным и человеком (здесь цитируют Маркса, Франклина и др.) заключается в способности к изготовлению орудий труда, т. е. человек есть не что иное, как животное, которое умеет производить орудия своего труда. В соответствии с этим существо и жизнь людей в целом определяются биологическим законом «борьбы за существование»; а брак и семья, их формы и развитие, равно как и человеческая культура вообще, находятся исключительно под влиянием хозяйственного фактора. Всем управляет, все определяет «экономика, экономика и еще раз экономика»; «ни религия, ни нравственность, ни мораль не играют здесь никакой роли»**. Соответственно, люди, «подобно обезьянам», изначально жили «парами», «при полной свободе сексуальных отношений», «соединяясь лишь на период детопроизводства»; ^

Ср., напр., у жены Зиновьева — Лилиной: «От коммунистической семьи к коммунистическому обществу». Л., 1924. С. 10, 14 и др.

Лилина. Там же. С. 50 и др.

«всякая женщина принадлежала всякому мужчине», что и было первой «коммунистической формой семьи»*. Все последующее развитие брака и семьи отмечено тем, что у людей появилась частная собственность, и в тесной связи с эволюцией частной собственности постепенно изменялась, а возможно, и постепенно деградировала, форма брака и семьи, что привело со временем к тем гнусным отношениям и отвратительным традициям буржуазной семьи, где все покоится только на религиозных предрассудках и где на самом деле царят ложь, лицемерие, несправедливость и грязь**. Человеческая личность, в особенности женщина, порабощена; она раба во всем, но особенно закабалена и эксплуатируема духовенством***. Буржуазный брак подобен клетке или тюрьме; он приводит людей к своего рода двустороннему рабству, и его надо принципиально упразднить** *. Тем самым коммунистическая революция считает своей первостепенной задачей искоренение «замшелых традиций прошлого — всей этой тины, грязи и плесени прежней буржуазной жизни и буржуазной семьи*****».

Следовательно, все усилия коммунистов направлены на разрушение и упразднение буржуазной семьи, искоренение связанных с нею обычаев, а также обычного буржуазного семейного права. Ибо коммунисты твердо уверены, что все безобразия, вся несправедливость и все беды возникают во всех сферах жизни из вредного и недопустимого разделения на «мое» и «твое»; как только человек начинает утверждать: это «мое и только мое, а не твое и не его», начинается всякая скверна — частное

* Там же. С. 46.

» Ср. соч. ком. проф. А. Г. Гойхбарга «Брачное, семейное и опекуновское право в Советской республике». М., 1920; «Сравнительное семейное право». М., 1925.

Ленин. Речь на конф. моек, работниц, 1919; Гойхбарг. Оп. 2. С. 199.

Гойхбарг. Оп. 2. С. 179.

Так говорит Ген. прокурор СССР Крыленко в ст. «Проект о браке и семье» в «Сб. ст. и матер. по брачному и семейному праву». М., 1926. С. 47.

хозяйство, эксплуатация, порабощение, конкуренция между частниками, хаос, несправедливость, нищета. Значит, спасением является разложение всего, что «мое и только мое, а не твое», путем насильственных запретов и уничижительной отмены, медленным разрушением или компрометацией — все пути хороши. Коммунисты убеждены и в том, что реорганизация всей культуры должна идти в ногу с реорганизацией хозяйства, так называемых «производственных отношений», или последнее является скорее необходимой предпосылкой первого. Окончательный распад «моего» и «твоего» может и должен быть осуществлен лишь на основе хозяйственного коммунизма. Начинать надо с частной собственности и частного производства, тогда последует и разрушение частного жилья, брака, семьи и семейного воспитания детей. И все же можно и должно начинать социализацию квартир, брака, семьи и воспитания уже сейчас: ведь надо разложить все традиционное и показать идеал близкого и уже наступающего будущего; он должен быть конкретно и образцово представлен как орудие пропаганды...

Сразу все же этого не удастся сделать: еще слишком сильны унаследованные «буржуазные предрассудки»; еще не полностью проведена хозяйственная социализация: крестьяне (81% населения Советской России) все еще необычайно приверженны своей частной собственности и своему личному хозяйству, и только теперь (1929 — 1930) за них взялись серьезно и жестко; теперь у них будут окончательно экспропрированы и пашни, и отчасти дома, и лачуги вместе с пожитками, чтобы за два-три года перевести сельское хозяйство страны на коллективные рельсы.

По этим причинам брак и семья в Советской России до сих пор лишь подтачивались, однако подрывали их всеми способами и средствами: пропагандой, законами, окольным путем экспроприации, с помощью жилищной проблемы, школы, организации союзов красных пионеров, покровительства свободным коммуна в городе и деревне. Но совершенно особое значение придавалось коммунистами антирелигиозной и антицерковной пропаганде.

Коммунизм в корне враждебно, с ненавистью относится к буржуазному браку, семье и семейному воспитанию детей. Этопрос заключается лишь в том, чтобы определить, верно ли выбрано время для окончательного упразднения буржуазного брака и индивидуальной семьи.

Один из ведущих коммунистических идеологов (выше упомянутый Гойхбарг) ссылается в этой связи прежде всего на немецких социал-демократов Бебеля и Каутского. Он заимствует из книги Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе» основной критерий для решения всего вопроса. Ведь Каутский говорит, что до тех пор, пока существует товарное производство, законная привязанность мужчины к семье всегда будет создавать более нормальные хозяйственные условия для воспитания детей, чем не оформленные законом половые отношения, которые в любой момент могут быть прекращены по требованию одной из сторон и не накладывают на отца или никаких, или минимум обязательств; такое положение вещей можно изменить лишь в том случае, если будет введено социализированное производство и родительское попечение будет заменено социальным; в этом случае ненужной окажется и законность союзов мужчины и женщины...

Гойхбарг почтительно цитирует Каутского, а затем старается доказать, что на данный момент (1925 г.) срок окончательного упразднения брака еще не наступил. Во-первых, потому, что искоренение брака было бы в Советской России *нецелесообразным*^{*}, ведь до сих пор, веками, здесь признавался только *церковный* брак; уничтожь его — и в обычаях народа образуется так называемое *пустое место*^{*}, а это, без сои... приведет к тому, что на этом месте угнездятся **прежние** церковно-религиозные обычаи и «население подпадет под влияние духовенства»^{**}. Во-вторых, момент для полной отмены брака не наступил еще и потому, что коммунизм в Советской России вводится в замедленном темпе: до сей поры деревня все еще имеет более 20 млн. единоличных крестьян.

* 1910 г., с. 255.

Гойхбарг. Оп. 2. С. 185; оп. 1. С. 15.

янских домов, единоличных «очагов, из которых ежедневно к небу поднимается пар от еды, сваренной для отдельной семьи», а в городах имеется более 2 млн. квартир с частными кухнями*...

Итак, момент пока не наступил. Значит, следует более решительно взяться за его подготовку.

Прежде всего надо заставить пролетариат «с презрением отряхнуть с себя все религиозный предрассудки, оставить небо попам и буржуазным лицемерам и; завоевать для себя на земле лучшую жизнь»**. Это лейтмотив. Разумеется, Гойхбарг не устает при этом Подчеркивать, что все коммунистическое законодательство о браке и семье преследует цель побороть и уничтожить всякое влияние духовенства и религии. Пролетарское правительство раз навсегда объявило, что «не будет признавать только церковный брак, производимый священниками», главным образом для того, «чтобы побороть религию и духовенство»

«Государство (т. е. коммунистическое государство) целиком игнорирует эти церемонии»****; оно стремится «превратить брак в дело совершенно светское, секуляризованное», «освободить брак от какого бы то ни было влияния и власти духовенства» . Затем надо обеспечить выход из «клетки», из «тюрьмы» буржуазного брака ~~ка~~ ~~сбросить ненужные узы и превратить брак в~~ истинно «добровольный товарищеский союз двух людей разного пола» со «свободным выходом из него» при желании одной из сторон

С этими соображениями Гойхбарга согласен также и второй коммунистический идеолог в этой области, товарищ Бранденбургский. Он цитирует компетентное мне-

Там же. С. 186.

Ленин. В крат, курсе «Мысли Ленина о религии». С. 113.

Ленин. В крат, курсе «Мысли Ленина о религии». С. 113.

Там же. С. 16.

***** Гойхбарг. Оп. 2. С. 183.

***** Там же. С. 179, 186.

***** Там же. С. 186.

ние французского социалиста Альфреда Наке (Naquet), который говорит: «В коммунистическом обществе людям не потребуются ни вмешательства общества в отношения полов, хотя бы в форме простой регистрации, ни оказания легчайшего давления на индивидуума»*. Семья распадется и исчезнет; произведенные на свет дети будут воспитываться просто в общественных детских домах и учреждениях**, будет полная свобода любви и беспрепятственного спаривания. «Нет никакого сомнения в том, — добавляет Бранденбургский, — что мы к этому непременно првдем..»

А пока эту задачу можно сформулировать примерно так: как можно больше расшатать узы брака и семьи, сделать брак неустойчивым, т. е. брак должен действовать до его отмены по любому поводу; с религиозными предубеждениями и сдержанностью должно быть покончено как с вредными предрассудками; человеку должно быть юридически возвращено и предоставлено право на эфемерные сексуальные отношения (по своему усмотрению); желанию завязывать кратковременные, но многочисленные связи надо идти навстречу и приветствовать; здесь надо как можно больше разрешать и как можно меньше запрещать; но самое главное — необходимо вытравить здоровые, глубокие чувства святого, жертвенного и священного по сущности брака и семьи. Так «свобода» становится орудием разложения и разрушения.

Из всего сказанного нетрудно понять дух и смысл действующих позитивных советских законов в вопросах брака и семьи, тем более что они кратко и ясно сформулированы и как бы отлиты по шаблону. К ним дается немало соответствующих комментариев, которые пытаются расставить все точки над «і».

История этого законодательства начинается с декрета о браке от 18 декабря 1917 года, согласно которому брак, заключенный в церкви, лишался (с 20 декабря 1917 г.) всякой правовой основы. Со временем появлялись оче-

Крыленко, Ор. cit. С. 34.

Ср.: Бухарин. Азбука коммунизма. С. 173 - 174.

редные дополнения — то законы, то распоряжения и пр., которые наконец были систематизированы и стали основой соответствующего «кодекса». С 1925 года началась его подготовка. Почти два года по стране проводились публичные «обсуждения» возможного и предпочтительного содержания будущего закона, причем высказываться по этому поводу имели право только коммунисты и их верные попутчики; прочий народ был лишен свободы печати и свободы слова, с ним обращались, как с пассивным объектом эксперимента, а потому он либо пребывал в глубоком молчании, либо поверял свои мнения необразованным и наивным провинциальным коммунистам. Мы располагаем стенографическими протоколами и многочисленной подборкой этих «обсуждений». Новый закон не отличался особой новизной и был введен 1 января 1927 года. Вероятно, с конца 1929 года советское правительство носится с новыми, чрезвычайно радикальными планами в этой области.

Основной тенденцией действующего закона является, как уже говорилось, предельное расшатывание брака и семьи, всяческое поощрение как можно более быстрого их распада. Все начинается, разумеется, с секуляризации брака.

Заметим, что в Восточной христианской церкви (греческая православная церковь), которая в целом (включая «старообрядцев») охватывала около 70% населения, брак почитался священным; а внебрачные отношения, в противоположность браку, считались грехом и падением. Правовым и нравственным (любой конфессией) признавался только брак, заключенный в церкви. Это не означает, что не случалось греха; но он-то как раз и считался недопустимым и недопущимым; вплоть до XX века были большие трудности с усыновлением внебрачных детей; здесь преступать границы дозволенного запрещалось — за это наказывали; короче, поддерживались здоровые устои семьи, поощрялась моногамия.

Коммунистический закон 1927 года разрывает связь между браком с одной стороны, религией и церковью — с другой. Потому § 2 Закона гласит: «не имеют никакой юридической силы документы, устанавливающие факт брака, заключенного по религиозному обряду». Не имеет

никакого значения, является личным делом человека, состоялась или нет брачная церемония и церковная запись: с точки зрения закона, этот брак не оформлен, не признается, попросту — не существует. Один из главных авторов закона товарищ Бранденбургский так комментирует это положение: «В браке как таковом нет ничего мистического, он не имеет того высокого предназначения, какое на самом деле было выдуманно для него приверженцами старых буржуазных порядков»*.

Итак, мы имеем дело с новым понятием брака. Что же это за понятие? В ходе предварительных обсуждений было немало споров и множество попыток как-то определить, сформулировать коммунистическое нововведение. Были следующие предложения: «Брак есть соответствующее законам природы явление общественной жизни, которое зависит от формы существующих производственных отношений. Брак не таинство; не связь Божественного с человеческим...»** Но это было бы чисто марксистским и сугубо абстрактным описанием природного феномена, с отрицательными полемическими подытоживающими замечаниями; у этого определения полностью отсутствует нормативное содержание. Или: «Брак есть институт для более удобного и менее опасного удовлетворения физических потребностей...»*** Оставляя в стороне логическую беспомощность и топорный цинизм этого определения, мы все же должны признать, что «нормативный» ум коммунистов не может даже представить себе проблемы брака и семьи и не понимает того, что возводит в норму. Эти и другие сходные с ними неизменно предметно слепые и пошлые определения данного понятия постоянно подвергались при обсуждениях резкой критике и критиковались с точки зрения чересчур большой смысловой нагрузки и нормативной связи. Под конец сошлись на том, что любое определение,

Ср. цитированный выше «Сб. ст. и материалов». М., 1926. С. 33.

Бранденбургский. Там же. С. 33.

Гойхбарг. Там же. С. 33,

касающееся этой проблемы, так или иначе «свяжет» брак и недостаточно «освободит» людей... Конечно, это было формальной отговоркой. Ибо определение понятия брака фигурирует и используется во всех 24 параграфах «Кодекса о браке, семье и опеке», и острому уму читателя предоставляется самому отыскать и выделить это понятие.

Когда же, по советскому праву, брак имеет место? Как он заключается? Как устанавливается в спорных случаях?

Действующее советское право от 1927 года различает 1) «брак зарегистрированный» и 2) брак «фактический», но не зарегистрированный.

Существует специальное учреждение для регистрации брака (§ 1), сокращенно называемое «загс». Для регистрации брака необходимы: «взаимное согласие»; достижение обоими совершеннолетия (18 лет); соответствующие документы (§ 4) — паспорт или удостоверение личности, заявление, в котором должно содержаться, во-первых, заверение в том, что для заключения брака между данными лицами нет никаких предусмотренных законом препятствий; во-вторых, что они поставили друг друга в известность о состоянии своего здоровья (туберкулез, венерические и психические болезни); в-третьих, сколько раз до этого они уже состояли в браке, зарегистрированном или фактическом, и сколько на данный момент у них детей (§ 132). Дача ложных сведений преследуется по закону (§ 133); при возражениях или протесте третьих лиц «загс» вправе потребовать документальное подтверждение (§ 135).

Законом предусматриваются следующие препятствия: брак не может быть зарегистрирован между психически больными, между кровными родственниками по возрастающей и убывающей линии, между братом и сестрой, между лицами, состоящими в еще не расторгнутом браке (независимо от того, зарегистрирован он или нет) (§ 6).

Зарегистрированный брак влечет за собой следующие последствия.

Жена *не обязана* брать фамилию мужа: по обоюдному согласию муж может взять фамилию жены, или они могут взять объединенную (его и ее) двойную фамилию,

!лн каждый остается при прежней фамилии (§ 7). Сказанное в этом параграфе применимо и в отношении детей; если же стороны не достигли согласия, вопрос о фамилиях детей решает суд. В результате в семье, состоящей из родителей и пяти женатых сыновей, может быть семь разных фамилий.

Жена *не разделяет* гражданства мужа и при желании может принять другое гражданство (§ 8). Жена не обязана слушаться мужа и разделять с ним его быт (§ 9).

Нажитое прежде имущество вступающих в брак *не становится* общим; общим считается имущество, нажитое вместе; в спорных случаях решение о разделе имущества выносит суд (§ 10).

Если жена (или муж) становится безработной или неспособной и, случится, испытывает нужду, то она (или он) может претендовать на помощь со стороны супруга (или супруги); тогда суд должен установить, в состоянии ли он (или она) оказать реальную помощь (§ 14). Это положение действует в течение года и после расторжения брака (§ 15). Материальная помощь устанавливается судом, как правило, сроком на 6 месяцев; сумма помощи не должна превышать доли так называемого «социального обеспечения» (§ 15).

Этим в основном исчерпываются права и обязанности супругов в зарегистрированном браке. Но наряду с этим признается и пользуется правовой поддержкой незарегистрированный брак — это так называемый «фактический брак» между мужчиной и женщиной...

Если «фактические супруги» захотят, они могут вообще не регистрировать свой брак годами или никогда; но могут и зарегистрироваться любым задним числом («мы де фактически муж и жена уже 2, 5, 12 лет»); тем самым юридически охватывается и узаконивается прошлое (§ 3).

Конечно, бывают случаи, когда регистрация невозможна, это имеет место, как уже говорилось, при бигамии, полигамии, браке между кровными родственниками, браке между несовершеннолетними и сумасшедшими... Зарегистрированными они быть не могут, признаваться действительными как «фактические браки» могут и в этом случае пользуются правовой защитой; для этого достаточно, чтобы «фактические супруги» сами призна-

вали друг друга таковыми (§ 11); если этого не происходит, то «фактический брак» может быть признан судом фактически существующим (§ 11). Суд, однако, должен исходить из «признаков фактических условий жизни» сомнительных супругов (§ 11). Здесь имеются в виду следующие признаки (при этом не указывается, все ли они должны быть налицо или же достаточно отдельных): факт простого совместного проживания, совместное ведение хозяйства, свидетельства третьих лиц о супружеских отношениях (вытекающие из переписки или других документов), финансовая взаимоподдержка, совместное воспитание детей и т. д. Заключение судьи в таких случаях имеет силу и тогда, когда один из предполагаемых супругов отрицает существование брака, называет его несостоявшимся или никогда не существовавшим. Незарегистрированный, но обоюднo или официально признанный брак в главном (имущество и взаимная помощь) пользуется такой же правовой защитой, что и зарегистрированный (§ 11 и 16).

К этому следует добавить, что «зарегистрированный» и «фактический» браки могут быть расторгнуты (§ 19, 20); а поскольку ограничения в сроках нет, это может произойти сразу же после заключения брака. Не обязательно согласие обеих сторон; брак может быть расторгнут по желанию только одной из сторон (§ 18). Расторжение брака просто регистрируется, следует лишь установить (по договоренности или по суду), кто из супругов берет на себя заботу о детях.

Особый интерес вызывают соответствующие комментарии к этому закону, сделанные лидерами коммунистов.

«Генеральный прокурор» Республики Советов Крыленко принципиально утверждает: *«разрешено все, что не запрещено»**. Гойхбарг подчеркивает, что монашескому сословию брак не возбраняется**. Этот же комментатор подчеркивает, что «вступающие в брак могут

* См. стенографический отчет в «Сборнике статей и материалов». С. 130.

Гойхбарг. Ор. 2. С. 194.

вступать в брак без всяких формальностей»*, что «у нас никакой ответственности за двойной брак не несут»**, что «бигамия как таковая у нас не преследуется законом», что второй брак, заключаемый одновременно с первым, нельзя лишь регистрировать, супружеская измена и «подавно» не преследуется законом***. Крыленко пишет: «Для нас бессмысленно бороться с полигамией методом наказания, хоть мы и боремся репрессивными методами с полигамией в республиках Казхастан и Башкирия и у нас все же есть закон, карающий за полигамию. То же самое в Азербайджане и Армении, но там это вопрос политики, вопрос эмансипации женщины, которая еще не вышла из гаремного со-

***

стояния»

Последний комментарий особенно характерен и поучителен: в небольших мусульманских государственных образованиях с национальными меньшинствами, там, где ставится цель расшатать национальную стихию и ослабить существующую гаремную форму брака, полигамия запрещается и преследуется по закону; там же, где она способствует подрыву и крушению христианской формы брака — моногамии, — она не наказуется.

Далее Крыленко комментирует: «Мы знаем, что кровосмесительный брак прежде считался уголовно наказуемым. Он и теперь преследуется у нас в Азербайджане, возможно, в Армении и еще кое-где в республиках Востока. В отношении РСФСР***** мы от этого принципа отказываемся, так как считаем, что с точки зрения социальной гигиены невозможно доказать вред, исходящий от брака сводных братьев и сестер». И тут же Крыленко рассказывает о случае, происшедшем в Самаре, где, как выяснилось, отец и дочь уже много лет живут в

Там же. С. 197.

Там же. С. 197. Примечания.

Там же. С. 204.

Крыленко. Проект о браке и семье. См. «Сборник». С. 67.

Т. е. для центральной России, для русского преимущественно населения.

«фактическом браке» и имеют двоих детей. Государственные ведомства долго обсуждали этот вопрос и дело дошло до наказуемости. Однако советский Верховный Суд компетентно заявил, что не усматривает в этом преступления. «Наш закон не предусматривает уголовного наказания за подобные браки...» Короче, «брак между людьми, не состоящими в родстве и больными туберкулезом, с точки зрения социальной гигиены считается более вредным, чем случай отношений между отцом и дочерью»*.

Впрочем, это типично коммунистическая постановка вопроса: здоровый инстинкт с его неприятием кровосмешительства не значит уже ничего; все взвешивается рассудочно и утилитаристски; эмпирически и рассудочно *еще не «доказанное»* вообще не принимается в расчет; приличия, религия и обычаи уже не говорят ничего; и последнее — негативный частичный приговор («брак между сводными братом и сестрой не приносит вреда»), выделенный пока только гипотетически («как вредный *еще не выявлен*»), дает под конец право на *негативное общее решение* («всякий кровосмесительный брак не наказуем») — в *категорической* форме. Нетрудно понять, что этот клубок логического срама свидетельствует о системе умалчиваемых партийных директив и разрушительных устремлений, которые надо и понимать соответственно...

Приведем напоследок еще один комментарий Гойхбарга: «Вводится полная свобода расторжения брака не только по взаимному согласию супругов, но и по желанию одного из них». Или, как иронически замечает другой, с чуть более трезвым взглядом коммунист, все происходит, как в старой насмешливой народной песенке: «Без меня меня женили — я на мельнице был»...

Подобных комментариев в советской печати более чем достаточно.

Осталось только описать советское законодательство о сущности семьи, которое следует тем же тенденциям, что и декреты о браке, с той лишь разницей, что здесь

проявляется забота об установлении отца, «виновного» в рождении ребенка (пусть даже произвольно, фиктивно), и о возложении на него материальных расходов по содержанию детей, потому что даже в коммунистических книгах достаточно написано о «социальном обеспечении» и «социальном страховании».

«В советском законодательстве, — пишет Гойхбарг, — гораздо более *освободительных* (по сравнению с прошлым), чем *связующих* норм»*, что верно и применительно к семье. Здесь царит тот же дух: расширить «свободу» и ослабить узы; уравнивать в правах легальную семью с гнездом фактического «детопроизводства», где бы это гнездо ни находилось и сколько бы детей в нем ни было; и более того: выдвинуть на первый план как «истинную реальность» и сделать определяющими фактическое скрещивание и рождение; как довольно неуклюже выражается Гойхбарг, «брачные отношения» и «семейные отношения» полностью «отделяются друг от друга»**. Биологический факт для коммунистического закона превышает всего: он прерывает и разлагает единство и сплоченность семьи не только фактически, биологически, но и юридически. Мать бесцеремонно призывают еще во время беременности или сразу же после рождения ребенка поставить в известность о биологическом факте соответствующее ведомство («загс») и сообщить имя отца (и его место жительства) (§ 28). Здесь не должно быть ничего фиктивного; нельзя утаить супружескую измену; следует обнажить и открыто и бесцеремонно обнародовать голый факт внебрачных половых отношений и без предрассудков зарегистрировать его. «Мы можем позволить себе роскошь, — комментирует эту тенденцию Гойхбарг, — отказаться от всякой фальсификации, лжи и лицемерия...»***

Если мать указала на кого-то как фактического супруга, ведомство ставит его в известность об этом. Если

* Гойхбарг. Ор. 2. С. 203.

Гойхбарг. Ор. 2. С. 212.

Гойхбарг. Ор. 2. С. 213.

в течение месяца с его стороны не последует опровержения, его регистрируют как «отца» и оставляют за ним право в течение года с момента получения извещения оспорить и опровергнуть в суде это отцовство и регистрацию его (§ 29). Суду предоставляется право решать этот вопрос по своему усмотрению и возложить на указанного в качестве отца расходы по беременности и так называемые алименты (§ 31). Если же мать ребенка во время зачатия спала с несколькими или многими «фактическими супругами», то суду предоставляется свобода решения: он может признать *любого* из них настоящим отцом и возложить на него обычные тяготы и обязанности (§ 32). Кстати, это статья 1927 года: до той поры действовали другие нормы, по которым алименты распределялись подушно на каждого из предполагаемых «отцов».

Что касается прав детей, то дети, родившиеся в браке, уравниваются с внебрачными детьми (§ 25). Дети в течение всей своей жизни имеют право, основываясь на доказательных фактах, заявлять в суд на своего настоящего отца и свою настоящую мать и добиваться установления факта своего биологического происхождения, как и решения о содержании и обеспечении, о чем родители обязаны заботиться до совершеннолетия детей (§§ 27, 42, 50).

Тем самым проясняются цели и намерения коммунистов: население должно стряхнуть с себя все нравственные удержки и предубеждения, отделаться от естественного чувства стыда. Брак и семья есть не что иное, как проблема несения расходов: следует только решить вопрос, кто же собственно должен оплачивать неприятные последствия чувственного наслаждения. И раз государство не в состоянии обеспечить произведенных на свет детей, а детей без отцов, без матерей или вовсе без родителей производят на свет множество, то возникает необходимость все же передать каждого рожденного ребенка на чье-то попечение. Поучительно наблюдать за тем, как весь закон возникает из *тенденции разрушения и жизненной необходимости*. С неизменным пафосом коммунисты сначала выдвигают на передний план неумолимый биологический факт; все должно зависеть от него; он должен быть официально заявлен, доказательно описан, исследован и установлен судом; предполагаемая мать дол-

жна всеми возможными средствами доказать состоявшееся половое сношение; предполагаемый отец должен привести доказательства противного; а дети задним числом должны изобличить перед судом своих предполагаемых родителей в действительно имевшем место половом сношении. Над всем царит принцип: за наслаждение надо платить; и согласно этому принципу, мужчина и женщина, отец, мать и ребенок должны сами *публично* обсуждать себя и позволять обсуждать себя другим. Едва ли можно выдумать более действенное средство для развенчивания священных чувств и разрушения нравственных уз. Члены одной семьи, побуждаемые и подготовленные для подобного взаимного изобличения и публичных препирательств, перестают в дальнейшем быть *членами семьи*: подобное взаимное обращение действует морально опустошающе и обесчещивающе; благочестие, чувство достоинства и уважения друг к другу, чувство любви — все это развенчивается, чтобы уступить место жалкой, все разрушающей пошлости.

Затем наступает жизненная необходимость; и коммунистический пафос исчезает, как дуновение, столкнувшись с неумолимым биологическим фактом. Ибо выясняется, что этот определяющий факт полового сношения, собственно, нельзя ни установить, ни опровергнуть и что на самом деле здесь, перед судом, не поможет никакое беспардонное и бесстыдное красноречие. Наглая и алчная женщина указывает на любого обеспеченного мужчину, потому что тот сможет платить больше денег. Заявленный поставлен перед неразрешимой проблемой: ему необходимо доказать «отрицательный факт», т. е. он должен *доказать, что ничего не было*; вынужден представить алиби. Если ему удастся убедить (большой частью совсем необразованного) народного судью, то проблема отцовства остается нерешенной; если же нет, то ему придется взвалить на себя тяжелое бремя настоящего отца. Во всех случаях вопрос отдается на усмотрение судьи; особенно в случае, если речь идет о нескольких «фактических супругах и отцах». Это значит, что мнимо определяющий биологический *факт* практически заменяется *фикцией* — по разумению судьи-недоучки создается фик-

ция соответствующего факта; считается, что найден и изобличен «отец»; преодолены «подлог, ложь и лицемерие» и полностью разрушена семья... Поучительным комментарием снабжает эти положения закона народный комиссар юстиции товарищ Курский: «Суд в общем должен будет придерживаться заявления просительницы: тот, кого она заявит, будет признан отцом и судом»*.

Что касается правового положения детей, то надо отметить следующее. У родителей по отношению к своим детям есть лишь обязанности: по обеспечению, воспитанию и т. д. Родители не имеют права принимать решение по поводу конфессии своих детей (§ 37). Они обязаны так воспитывать детей, чтобы готовить их к «социально полезной деятельности» (§ 41). Если родители пренебрегают этими обязанностями, или выполняют их «неправомерно», или сурово обходятся с детьми, то они могут быть лишены своих прав (§ 46 и др.): дети передаются в учреждения общественной опеки, расходы по их обеспечению соответственно возмещаются родителями (§§ 46, 51) и т. д.

Главные понятия «социально полезной деятельности» и «неправомерного» воспитания остались в законе без всякого определения. Здесь предусмотрительно оставлены пробелы, которые позже можно будет использовать для окончательной отмены семьи и частного воспитания. Вот два подлинных комментария. «В буржуазном обществе, — пишет Бухарин, — ребенок если не полностью, то в большой степени рассматривается как собственность родителей. Когда родители говорят: «моя дочь, мой сын», то это указывает не только на родственные отношения, а и на право родителей на воспитание собственных детей. С социалистической точки зрения, это право никак не обосновано. Отдельный человек принадлежит не самому себе, а обществу и человечеству. Поэтому ребенок принадлежит тому обществу, в котором и благодаря которому он родился, а не одному только обществу своих родителей. Прежде всего обществу принад-

лежит и изначальное право воспитания детей. С этой точки зрения следует отвергнуть и беспощадно высмеять претензии родителей — ибо домашнее воспитание может запечатлеть в психологии детей собственную ограниченность. Общество может доверить воспитание детей родителям, однако оно также вправе не доверять его им, и чем дальше, тем больше причин будет у общества не доверять воспитание детей родителям хотя бы уже потому, что способность к воспитанию детей встречается все же реже, чем способность рожать детей; способны к этому, возможно, всего одна-две из сотни матерей»*. Короче, «будущее за социальным воспитанием», и близится время, когда дети «будут разлучены с родителями надолго или навсегда».

Почти в том же тоне пишет Гойхбарг: «Социальная забота о детях сопровождается гораздо большими успехами, чем частное, индивидуальное, ненаучное и нерациональное воспитание отдельных «любящих», но необразованных родителей»**. Вследствие этого общество, т. е. коммунистическое государство, призвано «добиваться, чтобы родители отвыкли от горячей и неразумной любви к детям, выражающейся в их стремлении держать детей при себе и не выпускать их из ограниченного семейного круга»... и выращивать из них «свокорыстных и эгоистичных индивидуалистов» по образу и подобию их родителей...***

Примечательно, что и план отбирать детей у родителей и воспитывать их в общественных детских домах был предложен для обсуждения Лариным¹ уже в 1930 году. Коммунисты останутся до конца верны своему губительному идеалу разрушения и социализации.

Важным и полезным представляется попытка взглянуть на советское законодательство о браке и семье, воспользовавшись стенограммой обсуждения его про-

«Азбука коммунизма». С. 173, 174 (на рус. яз.).

Гойхбарг. Оп. 2. С. 230.

Гойхбарг. Оп. 1. С. 5.

екта. Два заседания Центрального Исполнительного Комитета СССР, состоявшиеся 17 и 19 октября 1925 года, были посвящены обсуждению нового законопроекта (с 1927 года ставшего законом). В заседаниях этого эрзац-парламента приняли участие более 300 его членов*; собравшиеся с пристальным вниманием следили за выступлениями ораторов. Однако при обсуждении самых деликатных сторон этой трагической проблемы в верховном собрании коммунистов царило странное веселье: в самых неподходящих местах то и дело начинался смех и хихиканье. Примечательно также, что принимавшие участие в заседаниях простые крестьяне и работницы из провинции самым резким образом критиковали законопроект, обличали новые нравы и обычаи, указывали на дурные последствия проводимой коммунистами в этой области политики. Коммунистические вожди давали им высказаться; затем сами в десятый раз повторяли свои аргументы, носившие исключительно дедуктивно-конструктивистский и догматический характер, и настаивали на своих доктринарно-разрушительных позициях.

Предоставим слово стенографическому протоколу и послушаем сначала содержащуюся в нем критику. Ошибки и перевертыши нового законопроекта, а также скверные последствия всего нового семейного устройства подавались и акцентировались так.

«Речь идет о том, должны ли мы сохранить брак в Республике Советов или нет? Вводим ли мы брак или упраздняем?» «Упразднив его, мы дадим повод для массы нежелательных явлений». «Признав незарегистрированный брак правомочным, мы создаем в нашей республике повод для того, чтобы жить в браке вообще без его регистрации...»**

Стоит «нам признать» незарегистрированный брак, «и мы получим тысячи и десятки тысяч таких браков...»***

См. «Сборник». С. 177.

*** «Сборник». Москва, 1926. С. 154 - 155.

... С. 179.

И тогда никто не будет знать, имеет ли место брак или его нет: «субъективным мнением вступающего в брак может быть то, что брака не было, а суд, возможно, установит, что брак все же был, и тогда можно попасть в лжесвидетели и сесть в тюрьму»*.

«Наши суды очень часто решают эти вопросы... как им заблагорассудится и как захочется судьей»**. Или вопрос решается так: «Кого ни заявит женщина, тот уже считается отцом»***.

Но ведь есть немало женщин, которые просто «раскидывают сети», стараясь заманить мужчину с хорошей зарплатой и «забеременеть», чтобы затем получать треть его зарплаты. Обработав одного, она принимается за другого и т. д.**** Достаточно мужчине «посидеть с женщиной в пивной, выпить с нею кружку пива и проводить ее до дома», и он уже приглашается в суд по обвинению в «отцовстве»****. Возможно, в этом случае было бы верней и надежней потребовать и предоставить «вещественное доказательство», например, «клочок бумаги с двумя-тремя словами» — своего рода брачную квитанцию.....

Необходимо ~~закончить~~ ^{з-}положить конец этой проституции!» «Правы те товарищи, которые утверждают, что этот кодекс признает полигамию»*****. «В законе должно быть сказано, что не допускается многоженство, многомужество и многократные браки» «Надо наказывать мужчин, которые любят чужих женщин» (реплики с мест: «а женщины могут иметь десятерых мужей?»)*****. «У меня есть просьба от работниц, —

с. 181.

с. 151.

с. 165.

с. 131 -132.

****
с. 132.

*****
с. 166

*****
с. 135.

*****
с. 164.

*****
с. 130.

*****
с. 131.

говорит одна женщина, — принять постановление, по которому следует покончить с многоженством и многомужеством)*. «§ 27 предоставляет женщинам право устроить себе (мужской) гарем... Здесь надо установить предел, сколько мужчин может иметь одна женщина» (*веселыг*)**.

«Наши граждане не очень-то умеют сохранять честь в личных отношениях...»*** «Женщины, — говорит одна из работниц, — вы сами это допустили. Вы еще не осознали своего достоинства... Это позор, когда нам приходится здесь выяснять, что один мужчина имеет сношение с четырьмя женщинами..., если я знаю, что я четвертая, и все же его жду...»****

«Товарищи, я приехала из темной деревушки, из далекого медвежьего угла. Не нравится этот законопроект и там, у нас. Нам думается, что этот закон погубит семью...»***** «Церковный брак еще очень крепок в нашей стране...»***** «В деревне еще преобладает церковный брак...»*****

«Вопрос о разводе для нас, женщин, да и для мужчин, — большой вопрос. Я слышу здесь хихиканье и вижу ухмылки по этому поводу у некоторых товарищей... Таких мужчин я не уважаю как товарищей... В любом случае — нельзя насмехаться над женщиной...»

«Количество разводов у нас все время растет***** Нередко вовсе неизвестно, «развод это или брак...»***** Часто есть ребенок, но нет отца ***** . «И мужчины, и

С. 143.

С. 164.

С. 155.

С. 169.

С. 153.

*****

С. 155.

С. 179.

С. 138 - 139.

С. 167.

С. 150.

С. 135.

женщины стали у нас не в меру блудливыми. Некоторые мужчины имеют по двадцать женщин...» А что касается алиментов, то ведь с этого сластолюбца «не сдерешь живьем кожу; так дети попадают на улицу и появляются беспризорные...»* С увеличением числа «фактических браков» растет число «беспризорных детей...»** «Наше государство не в состоянии обеспечить и опекать всех этих детей...»*** «Посмотрите, сколько у нас бегают беспризорников...»****

«Нашим законодательством мы должны способствовать длительному», «устойчивому браку, в интересах детей и государства», «нынешняя детская беспризорность в огромной степени объясняется распадом и разрушением семьи...» ***** Но наш закон «становится в позицию: все кошки серы, поступайте, как знаете»*****. «Я опасаюсь, что, вступив на этот путь, мы превратим всю Россию в непрерывный всеобщий брак. Не знаю, возможно, товарищ Курский в своем преклонном возрасте хочет благословить это жизненное устройство, или больше этого хочется прежде всего товарищу Крыленко?»***** Ибо, воистину, то, что здесь называют любовью, «не любовь, а свинство»*****.

Вся эта критика тем примечательней, что она высказывалась на заседаниях коммунистической элиты, при режиме исторически неслыханного террора и большей частью необразованными людьми. Она достаточно наглядно показывает, что думает и что чувствует остальное огромное некоммунистическое и антикоммунистическое большинство в стране по поводу этого законодательства.

- с. 136.
- С. 180.
- С. 143.
- С. 192.
- С. 141.
- С. 127.
- С. 154 -155.
- С. 169.

Однако ничто не может удержать коммунистов от их намерений. Многие они хладнокровно и иронично признают, но продолжают делать свое дело. Они хорошо знают, что «весь международный пролетариат прислушивается к их начинаниям»*, и пытаются представить всю свою разрушительную работу как *освобождение и защиту самых слабых*, а именно, *женщин и детей*..**

Все, что задумал Ленин, является лишь «началом»***. Надо идти дальше. «Качественное различие между зарегистрированным и незарегистрированным браком» просто отвергается****. Без обиняков признается распространение «фактического брака»*****. Для них неприемлемы продолжительный брак и крепкая семья: «нам вряд ли нужно стремиться к особенно устойчивой семье»; такое «абсолютно необходимо лишь буржуазному обществу...»*****. Они считают гораздо более правильным «покровительствовать любому взаимному влечению» (sic!) . Это соответствует «логике их коммунистического мышления» Их законодательство предназначено для «разрыхления» социально-психологической «почвы» и «нового перепахивания ее вкривь и вкось...» И это, как им кажется, им удастся. «Возьмем наши брачные отношения, — говорит влиятельный коммунист Ларин-Лурье на том же заседании. — Предложу присутствующим здесь членам Центрального Исполнительного Комитета, чтобы подняли руку все, живущие в фактическом браке, возможно, нам пришлось бы зарегистрировать большинство голосов» . Да и всякая

С. 110.

С. 119, 184. Также у Гойхбарга.

С. 113, 148.

Бранденбургский. Там же. С. 144.

Там же. С. 148.

Бранденбургский. Там же. С. 146.

Крыленко. Там же. С. 175.

Крыленко. Там же. С. 175.

Крыленко. Там же. С. 172.

Там же. С. 191.

регистрация ведь не что иное, как «пережиток старых буржуазных порядков и в конце концов также будет уничтожена...»* *А тот, кто «страшится греха, может проваливать отсюда; для него же будет лучше вовсе не жениться...» (веселье) **.*

Особенно большие трудности возникают на селе. «Есть ли теперь в деревне фактические браки?» — задается вопросом Крыленко; и отвечает: «Да, они есть, говорят, к сожалению. Я не знаю, почему к *сожалению*. Дайте нам доказательства. Я вовсе не вижу причин, почему мы должны об этом сожалеть...»* * Эти трезвые доказательства переносятся другими в хозяйственную область: например, он холостяк и коммунист, владеет малым и зарабатывает очень мало; вступает в два-три фактических брака; затем его заявляют как отца, на него накладывают алименты, и крестьянское хозяйство его отца вынуждено продавать корову или лошадь, чтобы он мог выполнить эти свои обязательства; или же возникают раздоры и крестьянское хозяйство близится к разделу...** * Наблюдаются и другие тяжкие последствия: в деревне заводят жену только на лето, на время тяжелой работы... и осенью разводятся с нею — она свое отработала, а теперь пусть кормится, как хочет и где хочет...

На этом пока остановимся. Общая картина ясна и недвусмысленна, но материал, вообще говоря, неисчерпаем. Вряд ли поддается полному описанию то, как отражается в жизни это планомерно проводимое разрушение брака и семьи.

Прежде всего надо помнить, что слой интеллигенции уже 12 лет, т. е. с 1918 года был полностью и безвозмездно экспроприрован: купцы, промышленники, помещики, домовладельцы, рантье и т. д. стали буквально нищими;

Ларин. Там же. С. 192.

Новиков. Там же. С. 163.

Там же. С. 65.

Там же. С. 133, 136, 151, 164.

**** Гойхбарг. Ор. 2. С. 208 - 209.

и даже после этого их все равно преследовали, потому что они рассматривались коммунистами как враги и потенциальные носители антикоммунистической пропаганды. А поскольку частную инициативу продолжают подавлять, частную торговлю преследовать, а частных торговцев экспроприировать, то слой интеллигенции в России переживает трагическое обнищание; а у кого не хватает сил заработать себе на хлеб тяжелой, черной работой батрака, тому остается лишь один путь — пойти на работу чиновником в коммунистические ведомства. Эти ведомства охватывают все и господствуют в жизни, которая полностью, особенно в городах, отдана в руки общественности. К тому же в коммунистическом государстве *монополистом-работодателем*, не имеющим конкурентов, поработителем и эксплуататором становится само государство...

Такие отношения тоже разрушают, со своей стороны, семейную жизнь в стране. Это, во-первых, нужда; во-вторых, вечные аресты, ссылки и казни (система террора); в-третьих, безработица интеллигенции; в-четвертых, зависимость от настроенной монополистически и пропартийно государственной власти. Коммунистическая партия, уровень нравственности которой четко просматривается в вышеприведенных высказываниях, умеет любыми путями обратить это обнищание себе на пользу; так, в советском государстве появился чрезвычайно распространенный обычай — под угрозой грядущего увольнения принуждать находящихся в подчинении женщин к половым связям. Советские газеты (а в Советской России газеты исключительно коммунистические) полнятся рассказами и заявлениями об этом позорном советском обычае ведомственного принуждения к половым связям; вопрос о наказуемости такого проступка оставляют без внимания по причине сложности доказательств... На это от отчаяния идут — вдова, покинутая женщина, наивная женщина: всем им надо прокормить детей, все они с ужасом думают о судьбе беспризорников на улицах; и безнравственность продолжает процветать.

Невероятные тяготы жизни усиливаются тяжелыми жилищными условиями. С самого начала, с 1918 года,

советское правительство работало над планом уплотнения жилья, систематически переселяя бедные слои населения в квартиры состоятельных людей, зачастую без церемоний выбрасывая на улицу семьи последних. Уже в 1926 году фактическая норма жилой площади на душу населения составляла в среднем 5,9 кв. м. в отдельных городах она уменьшилась до 4 — 3 кв. м. Жилищное строительство остается совершенно неудовлетворительным; население в городах постоянно увеличивается. Так, в больших городах на комнату приходится по меньшей мере одна семья. Нередко встретишь и две семьи, живущие в одной комнате: если есть кусок дешевой материи, из нее делают занавеску; если нет — то, чтобы разделить комнату, поперек нее кладут длинный кусок дерева или протягивают веревку. Часто 4 — 5 семей пользуются одной кухней, а 15—18 человек — одним туалетом.

Принудительное вселение в чужие квартиры, а также в чужие, уже занятые комнаты делает упорядоченную и культурную семейную жизнь совершенно невозможной: брошенные как бы в одну тюремную камеру и перемешанные друг с другом, люди сами слышат все и вынуждены мириться с тем, что вольно или невольно прослушивается и их жизнь. Приходится жить вместе с чужими, грубыми и порочными людьми; жить, как на улице. Считается, что живут еще частным образом; но на самом деле живут уже, как в коммунах. «Тяжело работать в такой коммуне: теснота и толкотня, шум, гул со всех сторон»*; везде беспорядок, грязь, раздражение и вражда, сплетни, политическая слежка. Доходит до того, по сведениям коммунистических газет, что готовящие пищу на одной-единственной плите 5 — 6 домохозяек из зависти и злобы плюют друг другу в кастрюли и, чтобы уберечься от этого, никогда не оставляют их на плите открытыми, а всегда плотно закрывают и обвязывают чем-нибудь.

См.: «Коммуна молодежи». Изд. «Молодая гвардия». С. 10, 20

и др.

В таких условиях вся жизнь становится дурным сном, а семейная становится просто невозможной. Люди выматываются, ведя борьбу за полчаса покоя; видят, как их малые дети постоянно подвергаются вредным примерам и искусительному влиянию; мужья не могут защитить своих жен от навязчивых приставаний. Святыня брака и семьи подвергается подслушиванию, притеснению, нападениям и развенчивается.

Это разрушение семьи дополняется еще и коммунистической обработкой детских душ. С ликованием повествует Бухарин на заседании XIII съезда коммунистов, как удастся умело настраивать детей, состоящих в пионерских организациях, против родителей. «Ведь это чрезвычайно важно, — заявляет он, — так как центр новой борьбы находится в семье, в нынешней структуре семьи»; и дети «своими слабыми ручонками пытаются... медленно подрывать эту самую консервативную крепость всех мерзостей старого строя...» Дети убегают из дома, не ходят в церковь, шпионят за родителями, доносят на них и заставляют их вступать в коммунистическую партию.... «Какую изобретательность приходится проявлять маленьким ребятам, чтобы все это организовать!» Эти пионеры «обещают стать сильным и в высшей степени революционным поколением!» До 75% их уже находятся под влиянием Коммунистического союза молодежи...*

Насколько велика эта опасность на самом деле, видно уже из того, что Коммунистический союз молодежи уже несколько лет назад отчеканил своеобразную формулу относительно сексуальной морали, публично назвав ее «теорией стакана воды»: «сойтись и разойтись для парня и девушки легче и проще, чем выпить стакан воды...»**

Сделаем еще одно краткое сообщение и на этом закончим наш обзор.¹

Вследствие экспроприации, обнищания, гражданской войны, голода, эпидемий и особенно ослабления брака и семьи в Советской России появился особого ро-

См. стеногр. отчет XIII съезда коммунистов. С. 545 - 546.

См. «Коммуну молодежи». Op. cit. С. 36.

да слой *беспризорных детей*. Миллионы этих несчастных маленьких мучеников годами блуждают по стране — лишенные родителей, не имеющие пристанища, полу-голые, грязные, завшивевшие, проституированные, больные сифилисом, одурманивающие себя кокаином. Они кормятся нищенством, воровством и разбоем — мальчики и девочки в возрасте от 6 до 18 лет. Советское правительство не знает, что с ними делать. 75 — 80% этих детей родом из крестьян и рабочих; они умирают в нужде и нищете, но их ряды постоянно пополняются за счет других отверженных детей. Число их Бухарин определяет как «огромное»*. Малая толика их попадает в коммунистические детские приюты — благословенные заповедники для воспитания будущих коммунистов. Об этих детских приютах ведущий идеолог сообщает: «Если бы вы хоть раз *прочитали*, в каком состоянии у нас эти воспитательные детские дома, куда помещают беспризорных детей, у вас бы волосы встали дыбом...»** Итак — если бы только прочитали; а если бы увидели?

Эта трагедия детей, этот явный симптом коммунистического разрушения семьи, эта невинность, страдающая из-за безбожия вождей, говорят сами за себя. Эти дети — трагические останки погибших и разрушенных семей.

Это падение нравов, духовное разъедание и распад семейной жизни — не случайны; они возникли как неизбежный результат планомерно и умело проводимого, продуманного и ставшего программой, возведенного в ранг государственного закона сознательного намерения — коммунистической идеи.

И эта идея уже громко стучит в двери всего человечества.

Бухарин//Стеногр. отчет XIV съезда коммунистов. С. 414.

Бухарин//Стеногр. отчет XIII съезда коммунистов. С. 545 -

идея»...

И. А. ИЛЬИН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА ИЗ ДУХОВНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

Пока тобою правят традиции и право,
Ты чувствуешь себя легко, доверчиво в
                        среде их безопасной,
Ступаешь победителем меж саламандрой
                        и драконом,
А если почиваешь — покой твой охраняет
                        ангел.
Но если силы, которые и есть не что иное,
                        как «мы сами»,
И у которых мы с содроганием идем по-
                        рой на поводу,
У этих бестий, зажатых словно каменной
                        огодой,
Которые ждут втайне случая вовсю вку-
                        сить свободу,
Вот если эти силы, взбунгуясь, вырвутся
                        наружу,
Разбив привычки* веру, нравы, право,
И примут форму разбушевавшейся стихии. -
Ты должен кончить Богом или — бесом.

Йозеф ЭОхендорф

Мы живем в эпоху Страшного суда, но суда безгласного, где гибнет все само собой.
Ф. Геббель²

1

Постижение истины обязывает. Истина о большевизации Германии наконец познана, конкретно описана и теоретически сформулирована. Предстоящее исследование говорит само за себя; остается только прочитать его. Ответственность за будущее Германии должен взять на себя и нести каждый немец. Особенно это касается современных лидеров, но не только их, а также и новых будущих лидеров Германии из рядов молодежи, чьи имена пока неизвестны.

Эта книга ставит своей целью раз навсегда отнять у немца, кем бы он ни был, всякое право на отговорки, незнание и непонимание. Предлагаемый здесь основа-

тельный обзор большевизации Германии есть серьезная попытка, как говорил Фихте, «принудить читателя к пониманию». Уже довольно поспали, помечтали, погрезили, помолчали и пообманывали. Пробыл час понимания и самосознания; а чье духовное око не раскроется, тот обречен оказаться на краю гибели.

Потеряно уже много, слишком много времени, и Германии терять его больше нельзя. Каждый месяц дальнейшей беспомощности и нерешительности, дальнейшего скатывания вниз может стать роковым. Каждая капля пополняет сосуд. Всякая ошибка, всякий неудачный эксперимент отомстит за себя вдвойне и втройне, и это произойдет потому, что разложение уже зашло *слишком далеко*.

Сейчас надо прежде всего духовно пробудиться и сосредоточить всю свою дальновидность и проницательность на существующей опасности. *На жизнь Германии надо взглянуть с точки зрения процесса большевизации.* Всякий политик, осознающий свою ответственность и стремящийся подкрепить свои суждения по поводу исторически конкретной проблематики, должен приняться за *коренной пересмотр своих прежних дипломатических, политических и социальных оценок*. Он должен признать, что *еще не распознал* сущность большевизма, цели и методы его деятельности, его исторические источники, его успехи, но что ему необходимо их познать; более того, — понять, что пока он основательно их не познает, до тех пор будет блуждать во тьме, судить неопределенно, действовать неверно. Помочь ему добраться до этого скромного самопознания может и должна его любовь к отечеству; любовь к отечеству и чувство собственной ответственности. Ему надо *учиться*; а во многих отношениях — *переучиваться*.

Стоит ему решиться на это, и он субъективно и объективно будет прав. Ибо, воистину, с большевизмом *в мировую историю вступило нечто новое*. Не то чтобы это движение свалилось с неба и не имело никаких причин ни вообще в мире, ни в Германии в частности. Но из исторически сложившихся источников образовалось новое *качество* и новая *сила*, которая по-новому влияет на мир и прежде всего на Германию; новая сила, кото-

рая стремится к *катастрофе* и *гибели* Германии; *враждебная* сипа, чье коварство и опасность затмевают прочих закоренелых и заклятых врагов Германии. Ибо все, на что зарятся и на что могут зариться все другие враги германского народа, это *внешнее ограничение сферы могущества Германии*; тогда как новый враг хочет подтолкнуть к гибели *германскую душу*, погасить ее божественный огонь, парализовать ее национальный инстинкт самосохранения, обесчестить, экономически и политически закабалить народ Германии, низвести ее самое до провинции коммунистического СССР и окончательно денационализировать ее в нечестивом месиве «пролетариев всех стран». Как и любой другой стране, Германии постоянно приходится считаться и рассчитываться со своими *дипломатическими* и *военными* врагами. Но *такого врага* у германского народа еще не было *никогда*.

Этот враг хочет не *ограниченного бытия* Германии, а ее развала, *небытия*.

Что случилось с Россией? Она стала вместилищем порабощенных-народов; денационализированным, растягивающимся, резиновым Союзом Советских Социалистических Республик, который сегодня хочет поглотить Румынию, завтра Китай и Польшу, послезавтра Германию и Испанию. Слово «Россия» вот уже несколько лет не Значится в книге истории; официально у государства новое название, и лишь из удобства или коварства его называют «Россией». Нет больше русской армии; есть *Красная Армия мировой революции*, которая, будучи размещенной во всем советском государстве, большей частью состоит из людей русского происхождения, но наряду с этим принимает и *всякого германского ротфронтовца*, а также и ротфронтовца любого иного государства — их всех уже ввели в состав армии и подчинили. Лишь ограниченные люди дают ослепить себя географическими понятиями; коммунисты знают нечто важное: *цель творит организм*, ментальность определяет принадлежность человека. Ты — не то, чем кажешься; ты — *сущность своих стремлений*, *цель* своего бытия; незначительное или великое, доброе или злое «ради чего» твоих помыслов...

Несчастный советский гражданин задыхается под гнетом целей коммунистического государства. Он не может свободно мыслить и поступать на свой собственный отечественный манер, не может свободно молиться, свободно созерцать, свободно трудиться, свободно жить и свободно творить. Ему позволено лишь «свободно любить», чтобы утопить в похоти тяготы своего порабощения. Но что же все-таки случилось с Россией? Что осталось от России? Полупотенциал полупридушенного народа. *И такая судьба с самого начала предназначалась и Германии, предуготована она ей и сегодня.*

Доказательства этому налицо. Германия должна быть большевизирована, чтобы *сделаться Советской Германией*, т. е. войти в состав Советского Союза, управляться коммунистами, терроризироваться собственным ГПУ, быть поставленной на колени. Название «Германия» будет перечеркнуто. Германская армия станет ответвлением Мировой Красной Армии. Германские соборы будут взорваны; германская интеллигенция — расстреляна; германская семья — предана разврату; германская школа — перестроена в духе марксизма-ленинизма. Немецкий язык, да, даже немецкий язык* будет подвергнут уродливому и противоестественному слиянию, искалечен и выброшен на свалку истории.

Уже сегодня делается все для реализации этого плая. Целая система изоощренных мероприятий, лозунгов, инструкций, организационных бюро, пропагандистских печатных изданий и т. д. и т. п. расползается по Германии,

* В сб. «Welt vor dem Abgrund»[†] (Eckart-Verlag), в ст. А. Демидова, с. 147 нахожу слова Сталина, сказанные им на XVI съезде (1930). Слова настолько недвусмысленные и примечательные, что я привожу их здесь полностью (разрядка моя): «Что касается дальнейшей перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда придерживался мнения Ленина и продолжаю его придерживаться, что к тому времени, когда социализм победит в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и станет основой всего образа жизни, — национальные языки обязательно должны будут переплавиться в один общий язык; разумеется, этот язык не будет ни великорусским, ни немецким, а каким-то новым...» Иными словами, победа коммунизма будет означать конец немецкого языка! Вот тот пункт, на который уже усердно работают эсперантисты коммунистического варварства.

словно сеть, и даже совсем не тайно, а напротив, это наступление *ведется* с неслыханной дерзостью и *в открытую*, многое публично обсуждается в коммунистических газетах и на собраниях, с откровенным презрением к германскому правительству и гражданам страны. Воистину новый метод завоевания... Похоже на то, как жук-древоточец подтачивает деревянный дом, который рухнет в один прекрасный день. Против дипломатии государство обороняется дипломатией; против военного нападения — армией. А против *духовной отравы*? Против *планомерного разверзания преисподней* — в субъективно-психологическом смысле (черные страсти), а также в социальном смысле (преступность, деморализованная интеллигенция)? Какие ответные меры есть в *этой* области, в *этой* борьбе? Никаких? Тоща Германия пропала. Или все же какие-то есть? Тоща почему не обращаются к ним? Или такие меры не лежат в сфере «государственно-политических возможностей» и Германия зависит по-прежнему от *частной инициативы*? Защищайся, как можешь, ищи совета, где хочешь, а государственно-политически здесь можно хоть что-нибудь сделать или вовсе ничего?...

Так пусть будет сделано самое первое и самое необходимое: *познание истины как призыв к самоосознанию нации!*

2

Духовно здоровому человеку надо лишь уяснить сущность большевизма, его цели и последствия, чтобы окончательно отринуть это движение и взяться за борьбу с ним. Здесь не *может* и не *должно* быть колебаний. Кто еще колеблется, тот утратил чутье на добро и зло и несет разложение уже в самом себе, в глубинах своего духа; он может выбраться из этого болота, лишь сделав *недвуусмысленный и окончательный выбор*; ибо стоит ему остаться в трясине релятивистских «раздумий», стоит попытаться отыскать в сатанинском принципе большевизма «положительные стороны», охарактеризовать разложение народного духа как «безобидное», а то и энергично использовать его в определенных политических целях, — и он (вольно или невольно) будет способствовать

беспрепятственному распространению заразы, мировой победе коммунизма и гибели собственного народа.

Твердо уяснив все это, можно спуститься в духовные и социологические глубины этого движения и, уподобившись пловцу, исследовать подводные течения народной психики.

Большевизм как болезнь народной души и как массовое движение имеет два источника: *целенаправленную, планомерно ведущуюся пропаганду и заложенную в самой народной душе предрасположенность.*

После приведенного выше «обзора» сомневаться в первом факторе невозможно. Речь идет о широко разветвленном мировом заговоре, поставившем себе целью воспользоваться послевоенным бедственным положением Германии, связать руки германскому правительству торговыми договорами и тому подобным и путем пропаганды овладеть душою германского народа. Этот хорошо продуманный и изощренно реализованный план 1932 год может записать себе в актив как большой успех.

Второй фактор — имманентная предрасположенность народной души — пока еще скрыт во мраке. Вся работа большевистской пропаганды направлена на *животные глубины души*, которые всегда были и будут существовать в каждом человеке и каждом народе. Страстной натуре они известны по собственному опыту. Эта животность сама по себе не относится к собственно духу; но может и должна осваиваться духовно и переливаться в духовные состояния или творения. Христианское Откровение указало нам кратчайший и благословенный путь от животного к духовному: любовь к Богу и к ближнему. Тысячелетиями государство, вначале языческое, затем христианское, старалось укротить животность в человеческой душе, воспитать ее социально. В результате должен был получиться по-христиански *чувствующий и мыслящий свободный субъект права.*

Но животность как таковая вечно пребывает в человеке и в народе — в полудреме, в полуожидании; послушная и все же непокорная; служа и угождая, но почти всегда с неохотой; укрощенная унаследованными сдерживающими узами, но никогда до конца не обращенная во благо и не облагороженная; строго воспитан-

ная правом и муштрой, угрозой и наказанием; и (самое главное!) только религиозной верой непосредственно облагороженная и лишь на религиозном пути способная к глубинному совершенствованию. Есть эпохи, когда духовный принцип ослабевает, как бы отступая, а животный принцип бесцеремонно наступает; тогда большевизм может сделаться массовым психозом. В настоящее время человечество переживает именно такую эпоху.

Этой зловещей потенции человеческой души слишком часто не придают значения, пренебрегают и забывают о ней. Но от этого она не исчезает, а исподтишка собирает свои бунтарские силы. Возможно также, что в государственно-политическом отношении ее *приученность* и ее *выносливость* переоценивается; что на нее возлагают *слишком тяжкое бремя*; что в ней предполагают *слишком большую жертвенность*; что ей просто приписывают не в меру жесткую *дисциплинированность*. Так было, например, в Великой войне 1914 — 1918 гг.; так и будет совершенно определено *во всякой будущей войне*, которую станут вести изматывающим нервы оружием и разлагающей душу пропагандой. Когда это наступит, духовные силы индивидуума и народа истощатся. Свод обуздания и уважения чужих интересов, до поры сдерживающий первобытные инстинкты в подполье души и несущий все здание личности, грозит рухнуть и сделать все шатким и ветхим. Тогда-то получает свободу действительный целенаправленный и планомерный надувательский пропаганда и разнуздываются бунтарские силы человеческой «животности».

гБолезневизировать можно *всякий народ*. Здесь играют роль лишь масштабы и весомость необходимых для этого условий: недостатки и упущения в воспитании народа; диспропорция между бременем жертв и их способностью вынести его; ловкость и продолжительность разлагающей пропаганды; несобранность и неумение противостоят ей. **Нн** один народ не застрахован от своей «животности», не застрахован от нее и немецкий народ. И всякая человеческая «животность» исподтишка стремится к «разнузданию». Всякий разнузданный, болезневизированный народ может совершать ужасные вещи.

Особенно опасны последствия разнуздания в тех странах, где исторически в области народного воспитания злоупотребляли запретами и авторитетами; где «животность» скорее укрощалась, усмирялась и муштровалась, чем от нее осознанно отступались и очищали душу; где главной формой добродетели стал *долг* (а не свободная сердечная доброта); и *дисциплина* (а не свободная благожелательность) — основой государственности. Правда, у таких народов сдерживающие заслоны несколько более долговечны; правда, автоматизм души может сослужить в этом отношении добрую службу. Но стоит ему однажды отказать или просто выйти из строя, и сразу же вслед за ним возникает «белокурая бестия» — разнузданная, алчная, мстительная и жестокая. Большевизировать можно всякий народ — стоит только *парализовать его нравственные сдерживающие начала*, а остальное придет само собой.

Однако большевизм — это еще не конец; конец — это коммунистическое порабощение. Ибо путь современной революции ведет *через большевистское разнуздание к диктаторско-бюрократическим принудительным рабствам и духовному порабощению коммунизмом*. Ужас охватывает душу, когда думаешь о том, что национальные добродетели германского народа — чувство долга (Лютер, Кант), любовь к порядку и добрая старая дисциплинированность (Фридрих Великий и его предки), жертвенная любовь к родине и т. д. — могут быть поставлены на службу коммунистической утопии и обречены на то, чтобы терпеть всю противоестественность этого порабощающего жизнеустройства, т. е. в сущности *оправдывать* его... В Германии есть уже немало людей, которые готовы к этому — политически, экономически и идеологически; уже есть ученые диссертации, которые тщатся доказать, что Кант и Гегель были коммунистами*. Снова и снова делаются попытки навести слящаво-лицемерные мосты между *христианством* и *коммунизмом* ЧК; все безответственной становится разоблаченная доктором Эртом⁴ «великодушная» коммунистическая болтовня...

* Ибо у них как раз господствовала, или превалировала, «общая идея»...

Итак, настал момент, когда германской интеллигенции следует взглянуть на *германских зачинателей* большевизма и коммунизма.

Одним из самых глубоких обоснователей разнузданности духа и развращенности нравов в Германии считается Ницше*. Истинным родоначальником германского и международного коммунизма является Маркс. Ницше — с его проповедью антихристианства и животной разнузданности; Маркс — со своей проповедью классовой борьбы, революционной экспроприации и социалистической пролетаризации. Когда-нибудь история мировых революций представит убийственные доказательства того, что Ницше и Маркс действительно заложили и воспитали основы ментальности коммунистической элиты в России.

Будучи родоначальником германского нигилизма, Ницше знал, что творил. Он дышал разлагающим духом Вольтера**. Он жаждал «нигилизма**», «аморализма****», «атеизма»*****. Весь комплекс религиозных понятий (Бог, душа, добродетель, грех, потусторонний мир, истина, вечная жизнь...) был для него только «ложью, рожденной дурными инстинктами больных, в самом глубо-

ком смысле вредных натур» ***** «Цинизм» он называл «величайшим из всего, чего можно достичь на земле» ***** В понятии «Бог» он видел «все вредное,

* Разоблачение Ницше лицемерных и ханжески морализирующих элементов, прокравшихся в христианство, могло бы, пожалуй, иметь очистительный и достойный похвалы смысл; однако им не исчерпывается мировоззренческая установка Ницше; она остается *антихристианской, антиатеистической* и разнуздывающей вообще.

«Человеческое, слишком человеческое». Тит. лист, с. 111. Ницше по изд. Бонга. Т. VII.

См. «Ессе Ношо», с. 101; «Воля к власти», с. 151, 152, 158, 161, 166 и т. д.

См. «Ессе Ношо», с. 109, 117, 140, 147; «Воля к власти», с. 166, 217; «Прогресс аморальности», с. 186.

***** См. «Ессе Номо», с. 80, 86 — 87, 108; «Воля к власти», с. 234 - 235, 236, 239 и т. д.

***** «Ессе Ношо», с. 95.

«Ессе Номо», с. 96.

отравляющее, клеветующее, всю смертельную вражду к жизни, воплощенную в ужасающем единстве!»* А то, за что он ратовал, было подлежащей разнузданию «автономной» животностью", «диким человеком», «злым человеком»*** с «жизнерадостным фаллосом»* **: «в каждом из нас сидит варвар, равно как и дикое животное»****.

отвращением отвергая • .... «христианство со смертельной ненавистью» и стараясь оправдать «преступное» в человеке, преподнося его как знак «величия», он знал наверняка, что из всего этого выйдет: «Мне ясен мой удел. Некогда с моим именем будет связано воспоминание о чем-то ужасном, — о кризисе, подобном которому не было на земле, о глубочайшей коллизии совести, о решении, ниспровергающем все, во что верилось, что поощрялось, что считалось священным. Я не человек, я динамит» И далее: «когда истина вступит в борьбу с ложью тысячелетий»***** , у нас начнутся потрясения, судороги землетрясений, перемещения гор и долин, о которых никогда и не снилось. Понятие политики тогда полностью растворится в войне духа, все властные структуры старого общества будут взорваны — все они покоятся на лжи: будут войны, которых еще не было на земле»***** ...

Ницше в Германии вовсе не одинок. Разлагающее влияние Вольтера и французских энциклопедистов уже с XVIII века закрепилось в Германии и проявило себя в

«Ессе Номпо», с. 147 и др. Ср. цит. из Ленина в сб. «Ленин о религии».

Ср. «Воля к власти», с. 154, 175, 195, 200, 203, 329, 365.

*** «Воля к власти», с. 326, 341, 359, 389.

«Ессе Номо», с. 96.

**** «Воля к власти», с. 177 и др.

***** «Воля к власти», с. 323.

«Воля к власти», с. 341 — 344, 381.

«Ессе Номпо», с. 140.

***** Ницше имеет в виду христианство.

***** «Ессе Номо», с. 141.

философии так называемых левогегельянцев. Макс Штирнер предвосхитил некоторые основы философии Ницше. Не напрасно был «самым внимательным читателем»* Ницше и Бруно Бауэр⁵. История германского большевизма ХХХ столетия продолжит эту линию и сумеет увязать ее с так называемым «упадком» германского идеализма и расцветом материализма, релятивизма, агностицизма и атеизма. Ницше — *представитель целого разлагающего подпольного течения народного духа*. Он мыслил из глубин уже подпольно разворачивающегося процесса анимализации. Его наставления как бы подготавливали самонадеянную ментальность *разнузданного индивидуума*. Марксизм довершил его труд, выковав материалистическую и атеистическую массовую доктрину.

И теперь нельзя обойти *все эти взаимосвязи, которых я здесь только коснулся. Их надо исследовать, проследить за их развитием и до конца их раскрыть.*

3

Легче большевизировать народ притесняемый и терпящий нужду, чем свободно развивающийся и процветающий, потому что тяжкая доля предъявляет непомерно высокие требования к выносливости, жертвенности, к извечной доброте и дисциплине, к характеру страдающего народа, чем народа счастливо создающего и наслаждающегося жизнью. Чем тяжелее ноша, тем легче падает под нею человек.

Если же какой-то народ подвергается процессу большевизации, это вовсе не означает, что он неполноценнее других. Глуп был бы тот англичанин или тот француз, который, отметив большевизацию Германии и наблюдая за нею, сделал бы на основе своих наблюдений вывод о том, что германский народ представляет собой неполноценное явление в мировой истории; как был бы глуп тот немец, который стал бы делать подобные заключения о русском народе. Всякий народ может стать жертвою разнуздания, если слишком велика *диспропорция между бре-*

* «Ессе Homo», с. 107.

менем судьбы и духовной выносливостью. И это разнуздание есть не что иное, как разновидность Страшного суда над национальной элитой, которая не смогла соблюсти верную пропорцию в этой области: позволила историческому бременю собственного народа превысить предел его выносливости, не воспитав и не укрепив ее в нем.

Это правило пропорции по своей сущности имеет принципиальное и непреходящее значение, оно относится ко всем временам и народам. Но особое значение оно получает, если народ или весь мир людской находится в состоянии кризиса, подобного тому, какой мы переживаем сейчас; тогда поправление границ пропорции становится прямо-таки роковым.

Проницательный человек сегодня едва ли станет сомневаться в том, что мы действительно находимся в состоянии колоссального духовного кризиса. Но возник он вовсе не позавчера и не из мировой войны; он уже назрел, когда Европа шла на войну; а Великая мировая война своим размахом и продолжительностью, своим злополучным Версальским миром и возникшей вследствие ее коммунистической революцией в России лишь ускорила ход этого кризиса, как бы «проявила» его фотографический негатив. На войну шли, не думая о кризисе. Большевизм есть лишь выражение этого кризиса, плод мировой войны; и надо твердо усвоить себе, что всякая новая война в Европе разнуздает большевизм во всей Европе.

Этот кризис по своим масштабам глубок и широк. Он имеет в основе своей религиозную и нравственную природу. *Большевизм есть симптом неустойчивости христианского мира, христианской веры и христианской морали.* Это во-первых.

Во-вторых, этот кризис имеет социальное происхождение и экономическое измерение. Большевизм есть *симптом землетрясения, которое сотрясает современный социальный строй человечества и в особенности сознание собственника.*

В-третьих, кризис имеет политическое измерение и значение. *Большевизм есть симптом болезни современного правосознания и современного государства.*

Тому, кто хочет постичь большевизм, надо прежде всего досконально изучить эти три измерения кризиса, которых я здесь лишь бегло коснулся. Большевизм появляется в той точке, где перекрещиваются религиозное, социально-хозяйственное и политическое. С психологической точки зрения, это имеет место там, где «просвещенный» и более не верующий человек масс разнудывается, отвергает или даже преступает основы правосознания, не способен творчески относиться к частной собственности, не желает вписываться в социальный порядок. С социологической точки зрения, большевизм есть выражение *религиозно не уясненных и государственно-политически не решенных* социальных и политических задач.

Таким образом, имеется лишь единственная возможность преодоления большевизма: *продолжить путь духовному подъему и решительно вступить на неф*. Религиозное обновление; выдвижение на передовые рубежи обновленной веры и воли, новой элиты — с творчески ведущими идеями; нравственный национальный подъем; государственно-политическое обновление^ разрешение нового комплекса проблем — хозяйства, безработицы, перенаселения, и все это в двух направлениях: *социального, но не социалистического; и воспитания, но не демагогии*. До тех пор, пока не наступит и не окажет своего влияния это духовное обновление и нравственный национальный подъем, угроза большевизма будет существовать, ибо он будет незаметно распространяться все дальше. Пока этого не произошло, надо тщательнейшим образом учитывать правило пропорции между бременем судьбы и способностью выносить это бремя и действовать сообразно с этим правилом; ибо полицейскими мерами и внешней борьбой никогда не доберешься до сердцевины большевизма, никогда не искоренишь источник зла, и способность выносить бремя будет при этом не укрепляться, а убывать.

Более доходчиво это можно изложить так. То, что народные массы прислушиваются и поддаются многообещающим призывам большевизма и коммунизма, указывает не только на накопившуюся и забродившую в их подсознании животность, но и на *глухое и тем не менее*

безошибочное чувствование нерешенных жизненно важных проблем. Народные массы *ощущают* эти проблемы и больше страдают непосредственно от их нерешенности, чем пытаются их осмыслить и решить государственно-политически. Они ищут решения *на свой манер* — через иррациональное реагирование, через брожение и судороги, через возмущение и протест, через политический радикализм; ищут, не видя, блуждают во тьме; сами они не могут создать никакой идеи, не могут выбрать путь — они ищут готовое, прислушиваются к предложениям, идут за имеющимися в наличии вождями. И то, что они сейчас переживают, есть *разочарование в старых путях, а также жажда новых идей и новых форм.*

И вот большевики предлагают нечто новое-, в реальности не опробованное; нечто такое, что, по-видимому, перекрывает и «затмевает» все остальные предложения...

Массы совершенно инстинктивно верят в *справедливость* и *солидарность*: это чувство, освященное христианством, подкрепленное старым германским принципом товарищества и распаленное классовостью капиталистического мира, ищет удовлетворения и переустройству жизни. Вот уже почти 2000 лет, как христианство принесло в мир откровение любви и братства. Однако христианская элита христианских государств до сих пор не сумела создать на основе этого откровения справедливый и братский социальный строй. Напротив, в XIX веке в христианском мире появился промышленный и банковский капитализм, налицо пролетаризация и обнищание масс. Тем самым между *христианским вероисповеданием* и *существующим устройством жизни* образовалась зияющая брешь, превращаемая всяким хозяйственным кризисом, войной и обострением нищеты в жгучую рану. Итак, *не живет тем, во что верится, не осуществляется то, во что верится; и вера не увлекает, не оплодотворяет и не перестраивает жизнь.* Вследствие этого вера становится безжизненной, а жизнь безверной. Это открывает ворота большевистской пропаганде, ибо она обещает возможность жить тем, во что веришь, и верить в то, чем живешь, что, однако, достигается тем, что новая «вера» занимается лишь земным (революция и ком-

мунизм), а новая «жизнь» обретает форму разнуздания животности (большевизм как «освобождение»).

Вся проблема крайне обостряется еще и тем, что «просвещение» рассудка и позитивистско-материалистический образ мыслей в определенной мере *подорвали и ослабили христианскую веру*, она переживает своеобразный кризис; а также тем, что нынешняя социальная элита не выдвигает *никаких новых творческих идей*. Антихристианская пропаганда большевиков находит, таким образом, в *религиозном отношении колеблющуюся*, а частично даже *буржуазно-безбожную* душу, что в огромной степени облегчает ей задачу, тем более что душа без Христа и без религии теряет доступ к священнейшим источникам социального ощущения и мышления и совершенно неспособна создавать новые, творческие, ведущие идеи. Соответственно противоестественной идее коммунизма не противопоставляется ничего верного, никакой ведущей идеи, никакого широко задуманного и поэтапного плана реформ. Коммунистическому обману «новой справедливости» противостоит лишь стабильность действительного бедственного положения, кризиса в настоящем, существующих классовых различий, пролетаризации и безработицы; большевистскому разнузданию — нравственно остререгающее обращение к заповедям Священного Писания, в которые верят лишь частично; бесконечным обещаниям революционной пропаганды — бессилие общественной мысли и политической постановки целей.

Как говорится, массы хотят новых путей. Спасение могло бы и должно было бы состоять в том, чтобы в душе германского народа, и в особенности германских вождей, вновь пробудилась историческая, «старая», но вечно благостная и неисчерпаемая христианская вера, а из ее лона чтобы возникла новая творческая идея, указывающая *новый* путь людям. Но так как этого не происходит, то искусительный большевизм с его непременным разнузданием и последующим порабощением станет как бы «монополистом» «обновления», которое на самом деле не что иное, как новая катастрофа и новая гибель. Однако беспрепятственное разнуздание *души* и беспощадный радикализм воли — это как раз то, чем коммунисты, в отличие от всех остальных коммунисти-

ческих партий, стараются подкупить и обольстить души масс.

Тем самым показаны еще два источника большевизации Германии: во-первых, верно ощущаемое, но беспомощно блуждающее и направленное на ложный путь понимание массами социальной проблематики; во-вторых, — отсутствие творческой идеи и водительства.

Следовательно, в большевизации Германии виноват не только один *напор разрушительных сил*, но и *недостаток творческо-созидательных сил*.

4

Кто хочет верно понять большевизацию Германии, тот должен осознать, что *ре*к*а* идет о *массовом психологическом* процессе и что душа масс следует весьма странным закономерностям, неучитывание или поспряние которых неизбежно приводит к роковым последствиям. Здесь мы выделили те из них, которые играют решающую роль в этом процессе.

Когда океан спокоен, корабль, легко несомый волнами, безмятежно скользит по водной глади, ему ничто не угрожает. Но если «и воеет, и свищет, и бьет, и шипит», если «к небу летит дымящимся пена столбом», то волны кажутся непредсказуемыми и всеобъемлющими; и лишь *видавший виды морской волк* способен предугадать коварство стихии и совладать с нею, да и то не всякий раз. Горе моряку, который ходит под парусом лишь при спокойном море... Горе политику, способному вести душу масс, лишь когда она в дремотном состоянии... В особенности в наши дни, ибо большевики — большие мастера сеять ветер и пожинать бурю; они идут под парусами в бурю и чувствуют себя в родной стихии.

Сейчас мы переживаем время, в котором могут устоять и которому могут противостоять лишь политики, готовые или предрасположенные к тому, чтобы осознать законы *крайне возбужденной души масс*, просчитать их последствия и справиться с их побуждающим действием. Этому «осознанию» не обязательно быть «научно-теоретическим», как на то претендуют марксисты: достаточно верной интуиции, социально-политического «чутья»; но

без такого проникновения в душу масс в Германии будут совершаться одни лишь ошибки.

Начиная с войны, душа масс в Германии пребывает в состоянии *острого духовного кризиса*. Поражение в большой войне вызывает в каждом жизнеспособном народе сомнения в себе и своем прошлом — некую критическую ревизию унаследованных и сложившихся форм жизни; в особенности если проигранная война велась с таким огромным напряжением и самопожертвованием и закончилась своего рода нервным истощением, судорожным изменением государственной формы и пресловутым Версальским договором. *Этот критический период в истории Германии еще далеко не закончен, он продолжается.* Душа масс пересматривает свое отношение к жизни, основы своего мировоззрения и правильность форм прежней жизни. Этот пересмотр выражается не в философских наблюдениях, а в некоторой *неуверенности, в некотором колебании относительно имеющихся сдерживающих факторов и авторитетов*: практически это переоценка, которая выражается в склонности не принимать более «всерьез» и «так уж буквально» соответствующие обязанности и запреты и «оглядеться в поисках нового». Есть, потребность *освободиться от бремени*. Запрет для души масс всегда обладает особой привлекательностью, что происходит в силу тех же причин, по которым однажды уже приходилось накладывать запрет: ибо этот образ действий был антисоциален и вреден, а животное начало в человеке к нему склонно. В период духовного кризиса всякие предписания, запреты, заповеди и авторитеты теряют свой вес. В такие времена не бывает ничего вреднее и опаснее вопиющих *правонарушений и их безнаказанности*. Там, где здоровая душа возмущена ими, заболелавшую и заболелавшую душу внезапно осеняет: «И ты это можешь! И тебе это позволено! Ты этого хочешь!» Дерзкое деяние становится соблазном и искушением; оно просто сносит барьеры прежней жизни, оно провокационно разрушает мораль и правосознание. В конечном итоге ревизия оказывает не созидательное, а *разрушительное* действие. Сатана становится как бы инструктором усталой и колеблющейся души. Пациент не в силах пережить кризис. Политик, так увлекающий и губящий свой

народ, заслуживает и собственной трагической судьбы. Вступает в силу *массовый психологический закон «нарушенного запрета»*, и тяжкие последствия его неминуемо дадут о себе знать.

У этих последствий есть опасное свойство долгое время не проявлять себя зримо, как бы *отсутствовать*. Народный менталитет, соответствующий определенному укладу жизни, медленно и незаметно разлагается. Человеческий атом заражается *изнутри*, затем истощается и постепенно разлагается совсем. Еще трудно что-то заметить в народной душе; еще живет как прежде народ, еще срабатывает механизм послушания масс. И тут возникает великий самообман «все еще держащейся формы жизни», которым утешаются и за который прячутся. Пока... пока история, этот великий и неумолимый бухгалтер, в нужный момент не подведет жирную черту, обозначив крах всей формы жизни. «Крот революции» (выражение Троцкого) трудится под землей; плод его трудов вызревает медленно и постепенно. *Массовый психологический закон «медленного разложения»* ослепляет наблюдателя и лишает руку борца силы до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Этот распад жизненных форм рано или поздно приводит к разнузданию *центробежных сил* народной жизни, что означает гражданскую войну. Эти центробежные силы никогда не исчезают и не иссякают. Искусство политики заключается в том, чтобы не только обезвредить их, но обратить на пользу народной жизни (соревнование, борьба мнений, примирение, взаимное разрешение разногласий); и еще в том, чтобы всегда обеспечивать последнее и решающее слово центростремительным силам. Классовая борьба никогда не исчезнет в мире: это примерно такая же принадлежность жизни и ее проблематики, как боль, разлука, различия со всеми их трудностями и тревогами. Однако тот, кто подогревает классовую борьбу, готовит массовые убийства. Слова — не дым и туман; они социальные реальности. Яростная речь в защиту классовой борьбы — уже бойня. Менталитет убийства, гражданской войны вызывает в подстрекательских речах о сохранении междоусобиц. Стоит лишь этому менталитету созреть, как граждане различных

классов начинают подумывать о взаимном исключении или даже искоренении, и гражданская война может вспыхнуть в любой момент. За разжигание центробежных настроений народу всегда приходится расплачиваться кровью: доктрина классово́й борьбы — кровавая доктрина, и кто не желает беречь святыню центроостремительной приверженности, тот в глубочайшем смысле слова совершает измену Родине. Вступает в силу массовый психологический закон «центробежного разрушения», и от вызванных духов уже не скрыться.

Все эти связи несложно понять. Жизнь народных масс заполнена не думами, а чувствами; они повинуются не законам логики, а особым законам психо-логики. Чем сильнее недовольство в народе, чем более ослабевает священный принцип взаимного доверия, чем чаще вожди обращаются к страстям масс, — тем более в этой массовой психо-логике преобладает элемент антилогического, стихийного психоза. Массы «думают» неспоро, предпосылки и выводы их требуют по меньшей мере жизни одного поколения. Слова Гете: «суждение им удастся хуже некуда» — суровы, но справедливы. Думать за массы и внушать массам выводы должны *вожди*. Поэтому массы и борются, прибегая не к хорошо продуманной тактике, а к судорожным эксцессам: они «накидываются» и крушат, наступают стихийно и мощно; и если уж поднялись, то «вождь» — уже более не вождь, а подталкиваемый, влекомый или даже увлекаемый насильно человек. Ему приходится повиноваться и действовать воедино с массами, пока не уляжется их порыв. Однако в искусстве подобного «повиновения» и «действий воедино» большевики не имеют соперников: ибо они свободны от любых сдерживающих принципов и ограничений. Более того, они знают: чтобы *оседлать* массы, им надо *показать пример* самого жестокого и бесстыдного образа действий. И они не останавливаются перед этим. Это великие мастера революционной техники. Никому кроме них такое не удастся, и никто их в этом не может превзойти. Всплеск страстей уже означает победу большевизма. Однажды разнуздавшись, чернь должна перебежиться: она побежит за самым беспощадным из своих

«освободителей». Это есть массовый психологический закон «разнуздания страстей».

С этим связано еще кое-что. Массы не могут жить без веры в «идею», какой бы неосознанной, неопределенной и путаной она ни была. Христианская идея есть идея *благостной и справедливой жизни на том свете*, который призван облагородить и преобразовать этот свет. XIX и XX века навязали массам лжеидею (Unidee) *счастливого и всеуравнительного этого света*, невзирая на утопический, противоестественный и антиисторический характер этой лжеидеи. Социалистические вожди взяли на себя невыполнимые обязательства по отношению к массам, как бы выдали им неоплачиваемый вексель на всеобщее земное счастье, на рай на земле. Широкие народные массы одарили их доверием, естественно, не обладая достаточной силой суждений для того, чтобы правильно оценить невыполнимость этих обещаний. Ибо массы склонны верить в идею, независимо от ее верности и выполнимости. Речь для них идет не о возможностях, а об *их собственных чаяниях*. Потому безбожные массы, однажды поставленные перед выбором: вступить на какое-то время на тяжкий путь мужественного несения бремени и жертвенности или приняться за моментальное осуществление земной мечты, в которую они поверили, — вряд ли долго будут пребывать в нерешительности. Но вот мечта о социализме, в которую уверовали, якобы осуществлена в Советской России. Здесь перекрещиваются два массовых психологических закона: закон «уверования в миф»* и закон «внушаемого подражания». Удастся массам пережить что-то как *факт*, причем факт *вождевленный*, — они не отрезвеют до тех пор, пока не разобьют себе голову о собственную иллюзию.

Спасением может служить лишь одно: *гениальное, благословенное водительство*. Массы *хотят* быть ведомыми и *должны* быть ведомы. Мнимое водительство, которое на самом деле *никакое* не водительство, может поддерживать равновесие народной жизни лишь до той поры, пока это равновесие существует само по себе. До этой поры государственному механизму дано *замещать* водительство. Но во времена кризисов и катастроф массам нужна уверенность в том, что есть мужи, облада-

ющие богоданной совестью, *созидательной идеей* и *непреклонной волею*, в которых сконцентрирован *национальный инстинкт самосохранения* и которым сейчас надлежит повиноваться.

Возможно, однако, что новые «водители» — на самом деле люди сильной воли, но исповедуют губительные идеи и не имеют ничего общего с национальным инстинктом самосохранения; тем не менее может случиться, что массы какое-то время побегут за ними: ибо *динамика лжи и гибели (на то она и динамика) сильнее затишья и застоя под эгидой абстрактной истины*. Это массовый психологический закон «застоя и динамики»; ложное водительство массам милее, чем беспомощное топтание на месте. Об этом большевики знают наверняка.

Этот закон действует и в период мирного развития страны; но особенно сильно — в гражданскую войну. При прочих равных условиях для обеих сторон значительно больше шансов на успех имеет тот, кто придерживается *динамического* принципа. Массам люб нападающий: они воспринимают его сильным, мужественным и уверенным в себе — тем, кто верит в свою правоту; он производит впечатление «сорвиголовы» и «молодца», он увлекает за собой людей. Массы начинают принимать его дерзость за «смелость», превосходство за *право*, победу за *доказательство* — все это завоевывает души масс; сила нападающего растет как лавина... Войну между государствами при определенных обстоятельствах можно выиграть, строго соблюдая оборону; но этого мы никогда не добьемся в гражданской войне. Тот, кто в гражданской войне сражается без доступной массам ведущей идеи, кто засиживается в обороне и не в состоянии набраться мужества на яростный бросок вперед, наверняка проиграет гражданскую войну. По сердцу народным массам вдохновенное и решительное наступление.

Все эти соображения можно обобщить так. Массам необходимо водительство. Вожди призваны и обязаны дать им *идею*. Речь идет не о государственно-политическом лавировании или маневрировании, какими бы ловкими они ни были, а о *созидательной цели некоего народного сообщества, о сущности и смысле национальной жизни и национальных устремлений, о новом плоде духа народа*

и о новой социальной справедливости; короче говоря — о великом «куда» перед Ликом Господним. Демагогу это не по силам, на это способен лишь вождь. Ибо демагог близорук, авантюристичен, расплывчат. В то время как вождь прозорлив, ответствен и ясен; его слова вдут из *святых глубин* народной души; он чувствует ритм души и воли своего народа; он трогает благороднейшие струны его сердца; он не обещает — он призывает и требует; он не будоражит — он пробуждает и ведет. Таким было в своих исторических деяниях правление Муссолини.

Ведущий слой народа, элита нации, обязана представить своему народу *верную созидательную идею* — убедительный, воспитательный, созидающий план его будущей жизни. Не может и не хочет этого элита — ее ждет гибель. Не обладая созидательной идеей и динамичной волей, она не может служить своему народу: ибо водительство как раз и есть ее служение. Ее не спасет голая и безыдейная динамика воли; напротив, возможно, она в такой же степени опасна, как и ложная, гибельная идея. Безыдейная воля способна лишь на радикальную глупость и приведет к радикальной гибели; она вершит слепое, бесцельное разнуздание со всеми тяжкими последствиями его.

Вот что провозглашает массовый психологический закон «*заносчивой элиты*»¹: или элита водит, и водит верно, или она терпит крах и исчезает. Ведь элита есть не что иное, как орган национального организма, орган благороднейший и ведущий. В этом ее предназначение. В этом и ее судьба.

5

Судьба Германии находится сегодня в точке пересечения этих массовых психологических законов. Жестоким и неумолимым будет их влияние, если предоставить народ и страну свободному ходу событий. Ибо теперь в Европе и во всем мире без понимания жизни души масс будут совершаться одни ошибки, и ошибки роковые.

То, что переживаем сейчас мы, не имеет политических аналогий: исторически это уникальное явление, никогда ранее не существовавший гордиев узел, концентрация кризиса, состоящая из нескольких кризисов. Ре-

лигиозные колебания; государственно-политическая неразбериха; бедственное положение хозяйства; и особенно роковой соблазн — отбросить самого себя, свое национальное достоинство, свою родину и ее историческую проблематику и искать конца или «обновления» в большевистском разнуздании. «Обновления?»... Увы, — бесчестия, порабощения и денационализации. Конца.

Мировая история не знает ничего подобного: *планомерное, преднамеренное, систематическое заражение якобы «дружественного»* народа с целью разложения и разрушения его организма путем разнуздания черни и гражданской войны*. Большевизм — это не новый вид политики, партии или культуры, это *гнойник на живом теле*. Приток зараженных больных и заразных соков в Германию длится вот уже 14 лет. Пломбированный вагон, доставивший в 1917 году Ленина и его сподвижников в Россию, стократно мстит за себя. На месте крушения исторической России как бы выросло древо погибели, ядовитое древо, от которого несутся во все стороны удушливые испарения распада, и нет таких преград, которые могли бы защитить от проникновения этих соков и этих испарений.

Что такое коммунистическое государство для Германии, что означает оно сейчас и чем обещает стать в будущем? Оно уже являет собой блестящий пример для народной фантазии: «только *так* ты будешь счастлив (погибая)»... И динамический волевой стимул для германского народа: «готовься к гражданской войне (и погибай!)»... И образцово испытанный арсенал методов разложения: «действуй так-то и так-то (чтобы обесчестить себя и совершить национальное самоубийство!)»...

В будущем же, по завершении процесса разнуздания, оно станет тираном своего народа и страны.

Нынешний человек изнывает без счастливой сказки, ведь он утратил реалии христианского мира; а потому стремится к мифу, к надуманному счастью, к земле обетованной и мыслит вполне предметно: может, она уже появилась? где? нельзя ли сотворить подобную ей? Так что если бы даже не было советского государства, его несомненно выдумали бы. Сейчас в этом необходимости нет. Оно существует и помогает души германского народа.

А в душе народа пробуждается смутное, но все более крепнущее ощущение, что какой бы ни была коммунистическая революция и как бы ни происходила, она стоит на страже *истинных и справедливых интересов обремененного грузом забот человека масс*. Народное сознание не воспринимает подробностей борьбы; душа масс не способна судить об историческом развитии России; не осведомлена она об успехах и неудачах коммунистического хозяйства. Будучи примитивной и беспомощной в делах теории, она скорее прислушивается к *голосу* пропаганды и ее *лозунгам*, не умея правильно оценить ее смысл. Глухой ропот и гул доносятся из подземельных сводов души масс: о «неопределенном освобождении», о «новом равенстве», о «все переворачивающей справедливости»; и этот гул под натиском хлынувшего потока пропаганды дальше будет все сильнее и увереннее. Нельзя закрывать глаза на то, что этот ропот, гул и рокот из подземелий души масс вполне соответствует *древней мечте человечества вообще*; всегда свойственные душе масс определенные *хилиастические ожидания*: наступит же, наконец, долгожданное «тысячелетнее царство», где не будет ни греха, ни преступлений, ни работы, ни забот, ни болезней, ни принуждений — царство справедливости и наслаждений... Эта архаичная мечта во всей ее расплывчатости, эти хилиастические чаяния во всей их наивности известны с древних времен; в истории человечества они постоянно обретали новые формы и толкования — то в смысле возжеленного «того света» или наполовину «того света», то в смысле «этого света», т. е. непосредственно данной жизни. Как если бы благословенный «тот свет» или заглянул в суровую прозу «этого света», или просто воцарился на земле. Примечательно, однако, что восприятие «тысячелетнего царства» как *потустороннего* всегда было предвестником религиозного, в духовном отношении воспитательного, в культурном — созидательного периода: оно давало людям надежду, учило примирению с зыбкостью и несовершенством земного мира, учило терпеливо нести свое бремя, учило созидать. А упорное желание «получить тысячелетнее царство сразу», просто

осуществить его «здесь» и «сейчас» всегда означало близящуюся или уже наступившую гибель души (так и хочется сказать — «нервное истощение»), ибо реализация этой несбыточной мечты относилась к ближайшему будущему, совершенно не считаясь с неумолимыми реальностями природы и человека (в целом — совершенно параноидальное состояние души).

Подготовленное в течение XIX века в лоне социализма и марксизма (знаменитый «прыжок в царство свободы») и возникшее после войны (вследствие «нервного истощения») коммунистическое понимание хилизма отличается от всех предыдущих трактовок мнимым «научным» обоснованием и жестким волевым началом. И еще: оно принципиально отрицает всякий элемент «того света» и утверждает на безбожном «этом свете» и в безнравственном «сейчас же». Отсюда проповедь разнуздания, поощрение в этом плане всех путей и средств, ставка на животное начало в душе человека, и эта горячая, напористая спешка в отрицании всего и вся, разрушении и усмирении.

И вот усталая, запуганная душа нынешнего человека из своих от безбожия полузакахнувших, полуопускошенных, в религиозном отношении искалеченных глубин, из своей вечной хилиастической, несбыточной мечты прислушивается к этому призыву, и прислушивается тем внимательнее, чем тяжелее послевоенное положение в стране, чем меньше относительно идеи обновления ей предлагает правящая элита. Знала бы душа германских масс, *что* уже принес народу коммунистический строй Советской России, *что* приносит каждый день и *как* на самом деле выглядит это «тысячелетнее царство», тогда многое в принципе изменилось бы в Германии быстро и радикально. Борьба за это понимание только началась; и, пока она еще не набрала силу, варварская, дикая попытка коммунистов установить новый антихристианский и якобы «социальный» строй будет находить какой-то смутный и нездоровый отзвук в душе германского народа.

Большевизм есть гнойник на живом теле, есть разнуздание черни в одиночку и скопом. Из гнойника и разнуздания не может получиться ничего положительного, ничего созидательного. Об этом хорошо знают коммуни-

стические вожжи, а потому и разнуздывают людей до тех пор, *пока не получают возможность надеть на них новые, реальные, коммунистические оковы*. Если бы только душа германского народа знала, *что* это за оковы и каково в них быть реально, успех германского коммунизма очень скоро и безвозвратно пошел бы на убыль. Ибо так называемые «оковы веры, нравственности и права» означают *свободу*; а настоящие оковы начинаются там, где человеческий дух скован безбожием.

Германии нужны прежде всего *правда* и *знание*. Правде и ее постижению должна послужить и эта книга. Этому она предназначена; пусть это предназначение и определяет ее судьбу.

ЯД

Дух и сущность большевизма

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Современному человечеству придется считаться и иметь дело с новым движением, которое то наскоком, то тихо крадучись овладевает душами людей. Это так называемый *большевизм*, о сущности которого немецкий народ, да и другие народы, еще не составили себе ясного представления. Не понимают ни причин его возникновения, ни его сущности: не знают ни о его мировоззрении, ни о целях и методах; находятся в неведении и уже поэтому готовы принимать *все* на веру и надеяться *на лучшее*. Хотя есть люди, которые бывают в России, откуда явно распространяется это движение, но не зная ни языка, ни истории страны, они оказываются не способны и не имеют возможности ни *правильно задать вопрос*, ни *получить верный ответ*. Эти люди видят лишь то, что им показывают, даже не подозревая о том, что увиденное, как показушный спектакль, давно готовилось для них, что их не только «всюду водят», но и обводят вокруг пальца. Они слышат лишь то, что им рассказывают, беседуют лишь с коммунистическими хозяевами и вымуштрованными ими агентами и статистами, а не с по-

рабоченным народом. Так они коллекционируют свои «наблюдения», затем используются как орудие пропаганды, потому что они самым наивным образом вещают и судят о событиях, не обладая достаточной силой суждения.

Дома слушают их рассказы, читают их заметки в прессе, чтобы затем перекроить этот недоброкачественный материал согласно собственному легковерию. Так обманутые сами становятся невольными обманщиками (в лучшем случае). А наряду с этим честными мечтателями и ловкачами, легковерными тупицами и хорошо оплачиваемыми агентами по всей стране ведется планомерная, целенаправленная, необычайно умелая пропаганда коммунизма и большевизма то восхвалением, то умолчанием, и не только в коммунистической, но и в буржуазной печати... И сквозь этот все искажающий туман медленно, невероятно медленно только лишь начинает проступать голова Медузы большевизма.

А между тем большевизм как движение давно уже вышел за пределы России. Цели его с самого начала были *мировые*; и ныне это движение разливается по всему свету. Русская большевистская революция по внешней видимости представляется каким-то «опытом», или «экспериментом», предпринятым для осчастливливания «будущих поколений» и обещающим человечеству «новую свободу». На самом деле это *борьба за мировую власть*, начатая еще в 1917 году. Она уже развернулась вовсю, и ее линия фронта разделила человечество гораздо сильнее и глубже, чем линия фронта первой мировой войны. Между двумя борющимися сторонами нет промежутков и пустот, нет нейтральных сил и безучастных субъектов. Большевикско-коммунистическая организация есть *волевой центр*, который не признает ни уступок, ни примирения, ни взаимодействия: для него существуют только *враги* и *порабощенные*. Все не поработанные — его враги, а если враги, то все они без исключения сами подлежат поработанию; все уже поработанные постоянно подозреваются в скрытой вражде. Коммунистический центр, как бы он ни назывался — «Третий Интернационал», «Коммунистическая партия» или еще как-нибудь, всегда смотрит на врага как на противника, которого ему предстоит поработить, по существу — как на

своего *будущего раба*; а на своего раба — как на *бывшего врага* или *будущего мятежника*. Тот, кто заключает с ним договор или союз, может не сомневаться, что чаша с ядом уже поднесена к его губам и что удар в спину последует в подходящий момент. В этой борьбе все наивные и доверчивые становятся орудием своего собственного порабощения, особенно там, где этого меньше всего ожидают. А где пока еще имеется якобы «нейтральная» сила или «безразличный» субъект, там коммунист или еще не добрался до своего врага, или ему удалось ослепить его и *незаметно использовать*.

В этой борьбе никто не может рассчитывать на «иммунитет» — ни люди, ни организации, ни национальные меньшинства, ни государства. Везде наметилась или уже проявилась внутренняя грань духовного распада и борьбы; но люди или не способны осмыслить ее, или вовсе не хотят замечать, или не имеют мужества и воли признать ее. Между тем фронтовая линия атаки и отравления уже протянулась по всему миру. Хотят этого люди или нет, провидят и осознают или нет, а может, и вовсе не догадываются, но *линия фронта уже проведена*, яд разливается, психоз распространяется, опасность растет. Тем хуже для духовно слепых или спящих: они спохватятся *слишком поздно*, и тогда — *vae victis!*..¹

Мир, подвергающийся ныне коммунистическо-большевистскому напору, уже не является сам по себе полным силы и здоровья. Он борется со своими внутренними — духовными, хозяйственными и политическими — трудностями и *не справляется с ними*. Он внутренне делится и распадается на церкви и государства, на расы и нации, на классы и партии, которые ведут между собой извечную, непрекращающуюся борьбу. Но прежде всего он ослаблен величайшим *духовно-религиозным* кризисом, сущность которого пока не осознана даже его вождями и который именно в силу этих причин более всего подрывает стойкость и сопротивляемость человеческого духа. Сегодняшний мир *разъедают те же соблазны*, ему *угрожают те же опасности*, которые составляют *самое существо большевизма-коммунизма* и над внедрением которых большевики работают, как мыши над зерном, день и ночь. Все эти трудности, деления, соблазны и опасно-

сти образуют *раны* или *каверны*, в них вливается большевистский яд, образуя все новые *очаги болезни*, которые чреваты отравлением или заражением всего организма. То, что только в видениях когда-то представало пустыням Востока, стало ныне реальным, повседневным фактом: сила врага-искусителя, сила отравления (а возможно, «заражения») как бы охватила все сплошной крепостной стеной. Но эту силу не стоит преувеличивать: человечество должно с ней бороться, ее необходимо победить, но для этого люди прежде всего должны открыть глаза себе и другим.

Сущность этой борьбы, ее цели и методы каждый из нас должен раз навсегда продумать. Все, что на одной стороне является упущением, трудностью или внутренней опасностью, ее минусом, есть победное преимущество, шанс на успех, плюс на другой стороне. Всякий недостаток разума, бдительности, силы, воли, умения, образования, таланта, храбрости, чести, организованности, гениального водительства, полшического искусства и прозорливости политической идеи, оружия или денежных средств в лагере граждан-патриотов своей родины есть выигрыш, есть успех в большевистско-коммунистическом лагере. Коммунисты хорошо это знают; и зная, умеют использовать в свою пользу. Они используют все: борьбу между отдельными державами; трения между метрополией и колониями (Англия, Голландия, Франция, Испания); цели черной расы и брожение среди желтой; настроения среди национальных меньшинств во всем мире; религиозные трения; свободы либерального государства и политические трудности демократии; кризис ^шровой экономики и возможности демпинга; социалистическую пропаганду и наивную заносчив!ость национальных партий; революционность латинских народов и англосаксонскую медлительность; безбожие современного школьного учителя и расшатанность современной семьи; безволие профессорских кругов и безыдейность политиков; жадность капиталистов и не имеющих собственности пролетариев; доверчивость одних, легкомыслие других, продажность третьих... Но самое главное — всеобщий кризис мировоззрения и всеобщую смуту в душах.

Успех большевизма-коммунизма в мире, которым он уже отмечен, объясняется не только его *волей к власти*, которой поистине одержимы эти люди, но прежде всего *направлением*, по которому он движется, и *болезненным состоянием* остального, еще не завоеванного им мира.

Итак, во-первых, — *волевая энергия* большевиков.

Эта волевая энергия действительно велика и концентрирована. К самостоятельному мышлению душа коммуниста не расположена вовсе: будучи непросвещенной и самонадеянной, она думает только строго по шаблонам партийного образца. Душа коммуниста также вовсе не склонна к чувству и восприятию, она черства и в этой черствости самоуверенна, из мира чувств в ней сохранились разве что зависть, ненависть и жажда мести. Но истинный коммунист — это, как правило, волевой человек. Упорно, стойко и непреклонно рвется он к мировой власти. Коммунисты знают точно свои цели и пути, по которым они должны идти; своих целей они стремятся достичь всевозможными средствами или, точнее, добывая их силой. У них есть идея — порочная и гибельная; у них есть и «план борьбы» — правда, лукавый и свирепый; и все-таки у них есть и то и другое — *идея и план*. Некоммунисты, напротив, сами не знают, чего они хотят; они расколоты, у них нет единства, цели их различны и часто противоположны; они думают только о том, как обессилить друг друга, а значит, и самих себя. У них нет спасительной — духовной, политической и социальной — идеи, которую они могли бы противопоставить коммунистам и тем самым увлечь за собой массы. Нет у них и плана, с помощью которого они сумели бы предотвратить эту мировую заразу. А если где-нибудь и появляется такого рода идея (например, в фашизме), то ею пользуются украдкой, как домашним снадобьем, целебным для себя и губительным для соседей.

Сегодня народы живут так, как жили когда-то во время чумы: только бы самому не заразиться, а остальные как хотят; *всеобщая* опасность воспринимается в лучшем случае как угроза *самому* себе; чужая беда оценивается только с точки зрения собственной наживы. Никому и в голову не приходит, что от этого узколобого эгоизма *могут погибнуть все*.

Нынешний мир представляет собою странное зрелище: воля крепнет во зле и слабеет в добре. Атакующий хочет всего и беззастенчиво прибегает к любым средствам; атакуемый не способен хотеть и слишком мелочен, чтобы бороться по-настоящему.

Кажется, что элите буржуазного мира не так угрожает вражеское превосходство, как собственная слабость.

Успех большевизма в мире объясняется, во-вторых, тем направлением, по которому он движется; в действительности он движется *по линии наименьшего сопротивления*.

Когда дух человека творит и созидает, он движется по линии *наибольшего* сопротивления. Духовная культура — в науке, искусстве, политике, экономике — возможна лишь через обуздание страстей, напряженный труд, аскезу; без лишений, страданий и воли она вообще невозможна. Законы духа могут быть осуществлены, лишь подчинив законы природы своей высшей необходимости; вот почему дух предполагает в человеке верность и силу характера. Духовная культура появляется, говоря словами Гегеля, «как роза на кресте современности»...

Большевистская пропаганда, напротив, движется по линии *страстей и вожделений*, потакая (и разжигая) самым сильным, самым дурным, самым разрушительным из них. Большевик смотрит на человека как на существо, жаждущее *удовольствий и прибыли*, как существо *утомленное и подлежащее разнузданию*. К этому существу большевик и обращает свои распаляющие речи и посулы, чтобы позже одурачить и поработить его. Он говорит как бы голосом и словами этого существа, очень ловко высказывая его сокровенные мысли, чтобы увлечь и использовать его.

Дух возвышает человека через страдания и труд. Большевизм сталкивает человека в мелководье животных инстинктов. Дух требует внутренней дисциплины. Большевизм создает массовый психоз, эпидемию. Дух обуздывает. Большевизм разнуздывает; таким образом он и движется по линии *наименьшего* сопротивления и ведет в пропасть.

В-третьих, успех большевизма объясняется болезненным состоянием остального, еще не завоеванного им мира. В этом мире царят жадность, разобщенность, вза-

нная ненависть и духовная слепота. В этом мире есть многочисленные каверны, которые, кажется, жаждут большевистского ада, чтобы раскрыться и стать еще глубже. Нынешний мир уже во многих местах созрел для большевизма и теперь должен пережить эту роковую зрелость.

В чем же сущность большевизма и что это за места, где он вызывает?

2. БОЛЬШЕВИЗМ КАК СОСТОЯНИЕ ДУШИ И БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Большевизму присущ не только определенный *политический* порядок вещей, а именно *диктатура одной партии*, исключаящая все остальные партии и присваивающая себе монополию на государственную власть. Для большевизма характерна также не только *социально-хозяйственная* программа, а именно радикальная экспроприация всех слоев, обладающих собственностью, беспощадное уничтожение всех недовольных элементов и тотальная социализация экономики — производства, обмена и потребления. Короче, под большевизмом следует понимать не только проводимую методом террора социальную и социалистическую революцию, но прежде всего *состояние души*.

Всякий строй — республиканский и монархический, социалистический и частно-хозяйственный — зарождается и созревает прежде всего в *человеческой душе*; источником созидания и главной опорой всякого порядка вещей является человеческая душа, ее установка и настрой. Пока одни будут авторитетно повелевать и запрещать, а другие поддаваться внушению и повиноваться, данный порядок вещей будет существовать и разрушить его будет невозможно. Для того, чтобы порядок жизнеустройства — в политике и хозяйстве — пал, у вождей должна быть подорвана воля к власти, а народ должен отказаться от повиновения. Государственный строй падет лишь тогда, когда правящий слой лишится воли *любой ценой принуждать* к повиновению, а в подсознании народной души возникнет решимость *любой ценой отказаться от повиновения*. Искусство править есть не только искусство организовывать и повелевать, но прежде все-

го — искусство не давать повода и возможности подчиненным дойти до отказа от повиновения.

Установка на повелевание с одной стороны и на повиновение, услужение — с другой есть предпосылка и основа всякого политического и социального жизнеустройства.

Вот почему большевизм нужно воспринимать и исследовать прежде всего как *душевное состояние*. Цель большевистской пропаганды есть не что иное, как определенная подготовка народной души к принятию большевизма; и можно быть уверенным, что если большевикам удастся эта подготовка в Германии, германское государство рухнет как карточный домик.

Что же такое большевизм?

Большевизм есть *разложение духа и разнуздание алчности* в человеческой душе; *духовная безудержность* и *политическая и нравственная распущенность* в чувствах и поведении.

Это разложение и разнуздание не ново в истории человечества: ново его название, обоснование и проповедь. В истории человечества уже не раз бывали подобные периоды духовного разложения и разнуздания — при распаде целых государств, в эпохи политических смут и гражданских войн, после длительных войн с другими государствами, а также в эпоху больших эпидемий средневековья (чума). Ожесточение и отчаяние овладевают тогда человеческими сердцами; люди рискуют всем, и перед лицом смерти отступают многие нравственные сдерживающие факторы; люди позволяют себе все, хватаясь за все. В разные эпохи в доктринах тайных сект можно найти попытки обосновать это духовное разложение, превратить его в систематизированное учение и методу и посредством пропаганды дать этой методе ход. Однако эти попытки никогда не имели решающего успеха и всегда находили свой предел — то в сопротивлении здорового инстинкта и здоровой религиозности, то в решительном отпоре со стороны государственной власти или церкви, то в ограничении естественными рамками конкретного языка и национальности. Заболевшая большевизмом часть человечества обуздывалась или искореня-

лась здоровым большинством, и ей не удавалось заразить остальных.

Сам по себе большевизм не есть безумие или помешательство; но это несомненно *душевно-духовная болезнь*. Этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что во главе большевистских восстаний и переворотов оказываются нередко люди или психически неуравновешенные, или нравственно дефективные, в стадии начального помешательства. Так было не только в России (где, например, диагноз о паранойе Ленина предполагался и был поставлен проницательными врачами по его речам, поступкам и декретам задолго до обострения его слабоумия²), но и в Мюнхене, и в Венгрии в период волнений.

Большевизм как духовно-душевная болезнь состоит в том, что в человеке разлагается и ослабевает *духовное начало* и начинает преобладать начало *животного инстинкта*-, конечно, есть немало людей, которые изначально находятся в этом состоянии — они-то и поддаются прежде других процессу большевизации. Животный инстинкт, сбросив с себя духовный закон, становится *безудержной алчностью*, требующей *чувственных удовольствий и земного благополучия (бытовая форма материализма!)*. Его подспудные формулы: «*Все немедленно мне!*» и — «*Все средства хороши!*» Это настроение может охватить целый социальный класс, и тогда он станет *революционным классом* — как в политической области (*власть!*), так и в социальной (*имущество!*). Тогда он начинает гражданскую войну и в случае успеха создает *тиранию или классовую диктатуру в форме республики*. Требования его становятся максимальным[^], борьба беспощадною и свирепою. Поэтому большевизм есть не что иное, как *максимализм и терроризм*.

Такое желание — «всех задавить и все прибрать к рукам» (всю власть и все имущество) — может быть связано с социализмом и коммунизмом; но может выступать и с мнимо «буржуазной программой». Древняя Греция и Древний Рим знали такие гражданские войны, в которых ни та ни другая сторона не стремилась к отмене частной собственности, и в то же время обе прибегали к взаимоистреблению, изгнанию и грабежу. Обеими сторонами, «аристократами» и «демократами», владел тогда

«сословно-классовый большевизм»: они боролись за власть, стремились к беспощадному подавлению друг друга и обираловке. Появлялись разветвленные организации, члены которых клялись в вечной ненависти и беспощадной мести. Борющиеся партии не только составляли подробнейшие списки осуждаемых, по которым в случае успеха казнили друг друга (Марий и Сулла³), но доходили до того, что жгли живьем в смоле или бросали в стойла под ноги быкам детей своих политических врагов" и т. п.

Итак, большевизмом могут заболеть не только социалисты и коммунисты, но классы и партии, в принципе признающие частную собственность"*, — не только левые, но и правые; не только стремящиеся к захвату государственной власти, но и анархисты. Большевизм есть по своей сути склонность к *насильственному грабежу и присвоению*. Правда, он несколько отличается от обычного разбоя: разбойник хорошо знает, что он противоправен, большевик же полагает себя в «полном праве»; разбойник не жаждет политической власти, большевик стремится именно к ней; разбойник не пытается легализовать ни свое положение, ни свои поступки; большевик не успокаивается до тех пор, пока он не легализует и то и другое. Отсюда следует, что политизированный разбойник мало чем отличается от большевика; а не легализованный большевик совершает много такого, что совершает и обычный разбойник. Здесь существуют такие оттенки и различия, которые просто стираются в душевной predispositionности обеих сторон.

Итак, большевистская установка души не всегда наличествует в зрелой, четко выраженной форме. Она может проявляться в разнообразных нюансах и в таких по-

См. у Аристотеля: «Политика». — V.7.19.

В Милете, в эпоху Пелопоннесской войны.

...

Напр., крестьяне в России в первые годы революции высказывали свою точку зрения следующим образом: «Мы большевики, но не коммунисты». См.: Л е н и н . Труды. — Первое советское издание. — Т. XVIII. Ч. I. — С. 327. Именно таково было все движение Махно на Украине.

ступках, которые обычно не считаются «большевистскими», но истекают из того же источника, а потому и равноценны большевистским. Страна, в которой массы охвачены подобным настроением, может оказаться на краю гибели и не располагая монолитной коммунистической партией. В этом плане под единую категорию современного «большевизма» попадают бандиты из Чикаго, парижские апаши⁴, итальянская «мафия» независимо от того, сознают это люди или еще не сознают, охвачены они большевистской пропагандой или нет.

1. Так, *беспринципный карьерист*, который меряет все начинания и отношения своим личным успехом, своею алчностью, втуне считая, что все средства хороши, близок большевикам даже тогда, когда он политически явно правый. Так, на примере русской революции мы видим, как множество беспринципных карьеристов всех партий охотно пошли в услужение большевикам. То же самое и в Западной Европе: если Черчилль правильно понимает большевизм, то Ллойд-Джордж⁵ готов лебезить перед большевиками и т. д. Именно поэтому беспринципные карьеристы всех стран являются уже готовым кадром сейчас и орудием большевистского захвата мира в будущем: страна, в которой вспыхнет большевистская революция, станет свидетельницей того, как политические карьеристы повалят под тем или иным предлогом на службу к большевикам.

2. Та же самая участь и у всех *политических авантюристов*", вовсе не надо быть коммунистом, чтобы оказаться в стане большевиков: достаточно быть просто бездейным и беспринципным честолюбцем. Везде есть люди, которые только и делают, что пристегиваются к повозке «победителя» и участвуют в любой политической аванюре; люди, в которых живет неодолимая потребность о всякой власти — какой бы скверной и ущербной она ни была, — говорить «мы» и пробираться в ее сердцевину. Революционные эпохи провоцируют в таких людях некий политический авантюризм; и тому, кто склонен к этому авантюризму, хороша любая политическая атмосфера, любое политически низко павшее общество: всюду он может дышать, вступать в переговоры, даже «заводить знакомст-

ва», а порой и заниматься доносом. Есть и такие — в наши дни их везде хватает, — для которых всякая смута особенно желанна, потому что сулит им «благоприятную конъюнктуру»; или такие, которым необходимо утопить свою печальную репутацию в мутном революционном половодье, подтачивающем в душах всякое представление о добре и зле.

Чем больше таких людей в стране, тем ближе она к большевизму: большевистская революция ловко сумеет использовать их всех.

3. К этой же категории относятся и все *подкупные* и *продажные люди*, которые готовы ради своей личной наживы предать общественное и национальное дело. Общественное дело для них не более, чем поле охоты или частный промысел — большая дорога, на которой они в сумерках «промышляют добычу».

Государственное здание подобно обороняющейся крепости, а продажный человек подобен сторожу, который украдкой распродает на сторону пороховой запас или за деньги выпускает в крепость врага. Душевно кривые люди совершенно не знают, что такое верность, и спокойно предают все и вся. Судьба их в том, что большевики покупают их, а потом за ненадобностью расстреливают. Любая страна тем ближе к большевизму, чем больше в ней таких людей.

4. К разряду явлений, предрекающих большевизм и облегчающих его приход* относится и *хулиганство*. Хулиганство — это проявление злых и необузданных страстей. Из-за отсутствия достойного смысла жизни, скуки или озорства хулиган ищет бурных развлечений и злой потехи, не останавливаясь не только перед шиканой⁶, но и перед прямым преступлением. Его всегда тянет к нарушению закона и запрета, тянет к произволу и грубым проделкам; ему доставляет удовольствие поставить другого в трудное или мучительное положение. Чужое страдание вызывает у него любопытство и забавляет его; всякое вредительство — иногда совершенно «бескорыстное», не сулящее ему выгоды, — доставляет ему радость*, разрушение, драки, оскорбление — его стихия.

* Ср., например, знаменитого преступника Матушку, совершавшего покушения на железной дороге.

Находясь в этой стихии, он легко доходит до свирепости и кощунства, несет с собой атмосферу *вседозволенности*, активного разложения и агрессивного безбожия.

!Большевизм — это хулиганство в политике; а хулиганство — не что иное, как бытовой большевизму Русское хулиганство, расцветшее в 1905 — 1908 гг. и не раз описанное и постоянно с тех пор обличаемое русской художественной литературой, было прямым предвестником большевизма. Ныне явление хулигана известно уже всей Европе в странах, где коммунисты III Интернационала успешно и без помех ведут свою пропаганду.

В этой связи можно сказать с уверенностью, что в странах Запада, в частности в Германии, рост хулиганства и распространение большевизма будут идти рука об руку и что страна, захваченная большевистской революцией, увидит своих хулиганов в рядах коммунистического чиновничества и слишком поздно до нее дойдет, что хулиганство есть и в политике.

5. Еще в большей степени все это относится к профессиональным преступникам и уголовному миру вообще. Ведь профессиональные преступники, если хотите, тоже беспринципные карьеристы, но они работают не «по службе», а частными «предпринимателями», систематически поступая вопреки закону. Это тоже авантюристы, но они ищут не политической власти, а личного обогащения. У них есть то преимущество, что им не надо симулировать ни «служения», ни «верности». Но большевистский дух выражен в них наиболее откровенно: распушенность, безудержность, алчность, использование любых средств. Правда, бандит — не политик; но вся его жизнь — как бы непрекращающийся вооруженный мятеж. Вряд ли есть у него какие-то «социальные идеи», но все его повадки несут на себе печать «социального протеста» (шиллеровский Карл Моор). Политический революционер еще способен избегать (по возможности) уголовных правонарушений; но нелегальная борьба без нарушения запрещающих законов невозможна, а вооруженное восстание целе-

направленно сопровождается убийствами и грабежами*.

Понятно, что большевизм тем больше угрожает стране, чем многочисленнее, организованнее и безнаказаннее ее уголовный мир (конечно, при прочих равных условиях). Большевистская революция, начинающаяся с всеобщей экспроприации, всегда сталкивается с трудностями и препонами со стороны здорового правосознания; в то же время она находит в стране целый социальный слой, профессионально занимающийся законной экспроприацией и готовый без зазрения совести приняться за дело. «Частный» экспроприатор может теперь надеяться на работу и политизироваться: ведь теперь все, что было запрещено, разрешается; теперь он организуется и принимается за экспроприацию как за общественную службу...

Из сказанного следует, что большевизм как установка души может незаметно прижиться и распространиться в народе, при этом никто и не подумает о роковых последствиях его проявлений. Повседневный быт предоставляет для этого умонастроения бесчисленные лазейки и формы выражения, в которых яд отстаивается, вьедается, прокладывая путь *политическому распространению* большевизма.

3. БОЛЬШЕВИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Тем не менее было бы в корне неверным сводить большевизм к карьеризму, авантюризму, продажности, хулиганству и преступности. Было бы несправедливым считать всякого склонного к большевизму человека безнадёжным злодеем, ибо большевизм есть *массовый психоз*, который может овладеть и душой, изначально склонной к добру. Но как только большевизм становится массовым психозом, он неизбежно выступает в форме *политического*, а именно *революционного* движения.

Там, где алчность в политике осиливает патриотизм и верность, подрывает и ослабляет правосознание, при-

* Ср. с высказываниями Лютера в «Ein treu Vornamnung zu alien Christen, sich zu vorhiiten fur Aufruhr und Emporung», 1522.

водит к молчанию чувство чести и долга, — там начинается политический большевизм. Неверно думать, что большевизм есть порождение «Востока» либо «Азии» или что он — «чисто русское явление». На самом деле большевизм есть порождение *общечеловеческой* алчности и бессовестности в политике; и эта алчность и бессовестность могут разыграться и восторжествовать на Западе с таким же успехом, как на Востоке; ведь эта бессовестная низость политической жизни имела место в Древней Греции, Риме, Византии так же, как она имеет место в современных парламентских демократиях.

Большевизм есть душевное и политическое состояние, характерное исключительно для *черни* — не для «народа», не для «простолюдов», а именно для черни — алчно, разбойно и разнузданно, а потому *противогосударственно* настроенных людей, которых можно встретить на всех ступенях общественной лестницы и во всех сословиях. Там, где государственная власть рассматривается как *добыча* или *путь, к добыче*, там и зарождается большевистская атмосфера; причем в истории нередко бывает так, что политическая деморализация захватывает сначала правящие и образованные круги и только потом (именно благодаря этому) распространяется в народных массах: карьеризм, бессовестность и алчность в верхах разжигают карьеризм, бессовестность и алчность в низах — начинается революционное брожение. Тогда достаточно, чтобы человек позволил себе все средства и методы, ведущие к захвату желанной добычи, и большевизм из настроения брожения перерастает в революционное движение.

Можно сказать, что большевистский яд заложен в *классовом понимании* государства, столь распространенном в наши дни. В самом деле, если государство состоит из нескольких противостоящих друг другу общественных классов и нескольких возглавляющих их политических партий и каждый класс (или партия) стремится взять власть в свои руки (избирательная борьба!), чтобы «повернуть все по-своему» и, ни с чем не считаясь, провести свою *классовую* программу, — то дух большевизма уже налицо⁸. Правда, не все еще дозволено: бороться за власть и за торжество своего класса разрешается толь-

ко «конституционными» средствами. Но установка политического правосознания уже в корне *отравлена*. Девиз большевика: «все немедленно мне»; у современных классовых партий это звучит несколько иначе: «как можно больше, как можно скорее — мне!»... Достаточно, чтобы такая партия потеряла терпение и разочаровалась (хотя бы на время) в законном пути и его политической целесообразности, — и большевизм развернется вовсю...

Идея «партийной» и «классовой диктатуры» сегодня носится в воздухе: она коренится непосредственно в современном демократическом государственном строе. Ведь все *борются за государственную власть*; все решает *число голосов*; победитель приносит свою *классовую программу* и приводит с собою *партийных чиновников*... А все вкупе предрасполагает людские души к большевизму.

1. Ведь если политика не означает *братства и единения*, а настроена на классовый раскол, преследует классовые цели, проводит классовую программу и ведет ожесточенную борьбу за власть, то жизнь народа оказывается *скрытой гражданской войной*. Пусть она пока еще протекает в «мирных» и «законных» с виду формах, ограничиваясь наглой агитацией, обманной демагогией, клеветой, интригой и подкупом избирателей, что, кстати, указывает на глубокое разложение... Но стоит стране потерпеть поражение в войне, испытать инфляцию и связанные с нею девальвацию и экспроприацию или попасть в обстановку серьезного хозяйственного кризиса, как до сей поры «мирная» классовая борьба перерастает в жесткую гражданскую войну. Клеветнические слова получают особую остроту, полемика превращается в травлю, ненависть становится неприкрытой, в стране начинает пахнуть кровью. Гражданская война, как правило, более жестока, свирепа и разрушительна, чем междонародная. В гражданской войне нет сплошной линии фронта, враг — повсюду и победу обеспечивает только уничтожение врага; пленных здесь не бывает, и даже полный захват власти не сулит пощады врагу. Теперь разжигаемая классовой борьбой ненависть приводит к потокам крови гражданской войны. Ненависть жаждет мести; месть превращается в убийство. Кто сеет ветер,

пожнет бурю. Кто проповедует и ведет классовую борьбу, тот скатывается в большевизм.

2. Далее, если проблема государственной власти решается *подсчетом голосов*, добываемых путем демагогии, интриги и подкупа, то уже нет речи о правоте, справедливости или национальном спасении... Напротив, с самого начала молчаливо признается, что *количеством* можно подавить и *качество*, и *правоту*. Но если дело не в качестве и не в правоте; если ищут не *лучшее* и *наиболее разумное*, а то, что *больше всего «нравится»* массам; и если призыв к массам *переименовывается и выдается за правовой*, — то поневоле напрашивается вопрос: почему бы этот процесс подсчета «мнимых голосов», дающих фальшивый ответ на фальшивые вопросы, не заменить сплоченным натиском меньшинства заговорщиков? Особенно если заговорщики неколебимо уверены в себе, высокомерно считают *свою* программу «единственно верной» и «сулящей спасение», убеждены в том, что несут миру «новое слово» в деле социального строительства...

Вырождение и морально-политическая деградация демократического строя приводят к губительной склонности к бунту или революции. Так что атмосфера политического большевизма уже укоренилась и скрывается в режиме формальных выборов и количественном решении проблемы политической власти.

3. Наконец, если какая-то партия выражает интересы своего класса (крестьянства, рабочих, промышленников и т. д.) и намерена проводить свою программу, ее естественным желанием является и борьба во имя победы партийно-классовой диктатуры. Что именно она сделает *после* захвата власти — экспроприирует или искоренит другие классы (как это сделали большевики в России) либо позволит им «дышать», — это уже вопрос не права, а *силы*, и он будет решаться только на основе психоза гражданской войны и классовой доктрины. Классовая установка уже сама по себе означает склонность к исключительности; классовая борьба уже скрывает в себе предпосылку того, что может существовать «собственно» только один «единственно верный класс», а именно, «наш». Остальным в лучшем случае приходится терпеть и повиноваться. Эта предпосылка тем не менее открыто

высказывается марксистами и социал-демократами, которые рассматривают пролетариат как единственный справедливый класс — класс будущего. С этой предпосылкой считаются и большевики-коммунисты, считаются догматически, последовательно и упорно.

Уже из этого видно, как далеко заходит классовая доктрина и идея классовой диктатуры в деле подготовки душ народных масс для принятия большевизма.

Но политическая сущность большевизма не сводится только к классовому пониманию государства — в этом лишь начало большевизма. Завершение же его в *отрицании идеи права*.

Сущность государства состоит в том, что власть указывает людям их *права, обязанности и запреты* и побуждает их (иногда и понуждает) считаться с ними и исполнять указания, т. е. не превышать прав, исполнять свои обязанности, не нарушать запретов. В этом заложены две идеи: во-первых, идея *права* (свободного лица, законности и справедливости) и, во-вторых, идея *принуждения* (угрозы, насилия, суда, наказания).

Политическая доктрина современного большевизма отвергает идею права и все строит на превратной идее принуждения.

1. Там, где есть *право*, есть и *свободное лицо*, т. е. духовное существо, действующее по собственной инициативе, управляющее своими поступками и отвечающее за них. Это свободное лицо называется *субъектом права*: за ним признаются субъективные права и полномочия («тебе позволено»); на него возлагаются обязанности («ты должен»); что-то ему запрещается («тебе не позволено»); по принципу ответственности ему вменяются в вину противозаконные поступки; его можно судить и наказывать. Где нет свободного лица (в мире вещей, растений, животных), там нет ни права, ни правопорядка, ни государства.

Сущность большевизма в политике состоит в *подавлении свободного лица*, его инициативы и его *внутреннего, духовного самоуправления*. Для современного большевика человек — это *материальный атом, орудие* указующей власти, *покорная машина* или *раб*. Его внешние поступки и его внутренние переживания не нуждаются в свободе

и подлежат принудительным приказам центральной власти, ее обязательному «заказу». Человек не нуждается в свободе и не смеет ее требовать. Он должен неуклонно следовать указаниям партийной диктатуры и восхвалять программу большевизма-коммунизма. Свобода как таковая есть «вредный буржуазный пережиток». Она не к лицу гражданину Советской страны ни в вопросах *веры и религии* (он должен быть безбожником и, будучи коммунистом, согласно § 13 Устава партии, обязан бороться с религией и церковью), ни в вопросах *любви и брака* (он не должен дорожить семьей), ни в вопросах *воспитания* (оно будет поручено государственным учреждениям и детским прртятам), ни в вопросах *жилища* (ему отводится положенный ему угол, а то и просто кой^а), ни в вопросах *хозяйства, торговли и труда* (частная собственность отменена, все становятся пролетариями, государственными наймитами, которыми произвольно распоряжаются официальные учреждения), ни в политических убеждениях (допускается только одна партия — коммунистическая; некоммунисты искореняются)... Свобода вероисповедания, слова, печати, союзов, собраний *полностью отменяется*. Частная инициатива подавляется. Любое строительство, организация, творчество становятся *государственной монополией*. Всем ведают государственные учреждения и чиновники. Во всем государстве есть только *партийные бюрократы и бесправные рабы*. Короче, коммунизм есть не правопорядок, а последовательный и законченный *деспотизм*.

2. Далее, большевизм по существу своему чужд и враждебен идее *законности*, что не мешает ему, однако, издавать бесконечное множество новых «законов» и «декретов». Современный большевизм родится на свет как крайнее революционное течение, презиращее все действующие законы и считающее нарушение их истинной революционной доблестью. И тем не менее современные большевики отнюдь не анархисты; напротив, они крайне переоценивают государственную власть, творческие возможности ее политических предписаний и запретов; они пользуются государственно-политической властью в исторически невиданном объеме и к тому же с невероятной жестокостью. Они просто *злоупотребляют* властью;

и это злоупотребление вдет у них рука об руку с неуважением законности и правопорядка.

Ведь правопорядок — это прежде всего *предел*: предел не столько в действиях соответственно существующим законам, сколько в *законопроизводстве*. Чем больше количество изданных законов, чем больше объем регулируемых жизненных отношений, чем нетерпимее и вышемернее настроение законодателя, тем хаотичнее действует законодательство, тем больше свободы получает грубый произвол и все переиначивающие и унижительные подкуп и продажность, особенно в эпоху всеразрушительной социальной и социалистической революции.

Обычно закон ставит предел не только *обывателю*, но и *чиновнику*; не только чиновничьему произволу, но и произволу самой *государственной власти*. В коммунистическом Советском государстве власть не связана ничем — ни законом, ни правосознанием, ни отмененной верою, ни поруганной честью нации, ни гражданской совестью. Так что коммунистическому чиновнику приходится считаться совсем не с законом, а исключительно с последней «директивой» своей партии. В целом большевистско-коммунистические законы пишутся только для обывателей, но никак не для чиновников и уж тем более не для правительства. И именно в силу этого они не дают порабощенному обывателю ни свободы, ни прав, ни какой бы то ни было безопасности. Вся жизнь строится большевиками не по праву, а по произволу; вот почему произвол в Советском государстве развязывается законом, а не наоборот.

Коммунистическая власть может «объявить вне закона» любого обывателя, выдав его за «контрреволюционера», «врага народа», «буржуа», «священника» или «кулака». Все что угодно она может сделать с любым обывателем и без всякого «объявления». Если советский гражданин даже на что-то и «уполномочен», он должен пользоваться этим «полномочием» предельно осторожно; ибо из-за него неожиданно может быть сослан или казнен (священник за исполнение службы, торговец за куплю-продажу и т. д.). Сумма налога, причитающегося по закону с советского гражданина, указывает не *максимум* его повинности, сверх которого с него уже ничего нельзя требовать, а

минимум: налоговая инспекция или коммунистические бригады экспроприации могут взять с него в десять и двадцать раз больше, взыскать путем продажи с аукциона или конфискации. Во всех цивилизованных странах за дачу ложных показаний в суде наказывают; в политических и так называемых «процессах вредителей» коммунистического государства людей не просто принуждали к даче ложных обвинительных показаний, но и заставляли уверять в собственной «добровольности» и «полной правдивости». Советский гражданин должен быть всегда готов к тому, что «дозволенное» может оказаться *запрещенным*; что без всякой вины и преступления его могут подвергнуть «суду» и «возмездью»; что «запрещенное» может оказаться обязательным, а предписанное — наказуемым: например, коммунистические чиновники, зимою 1929 — 1930 гг. проводившие по требованию центра по всей стране принудительную коллективизацию в деревне, были сняты со всех постов и наказаны за нее весной 1930 года, в связи с чем некоторые из них от страха и отчаяния кончали с собой...

Итак большевизм-коммунизм есть не правопорядок, а *возведенное в систему господство произвола*.

3. Большевизм отрицает и третий основополагающий принцип права — справедливость.

В целом народ в большевистском государстве делится на *три слоя*. Первый — во всех отношениях привилегированная *коммунистическая партия* (около 2,5 млн. чел., включая так называемых «кандидатов партии»), второй — наполовину привилегированный *слой пролетариев*, огромный социальный резервуар, из которого выходят члены партии и советские чиновники (около 15 млн. наймитов предприятий, железных дорог и т. д.); и наконец — остальная бесправная, порабощенная масса крестьянства и бывшей буржуазии (около 145 млн. чел.). Первый слой — господствующая *революционная аристократия*, занимающая все руководящие посты в государственном аппарате и хозяйственном механизме, в первую очередь обеспечиваемая квартирами, заработной платой и продовольствием. Второй слой — наследственный пролетариат, имеющий потенциальную возможность для политической и административной карьеры в советском

государстве, от которого отделяются множеством пустых обещаний и скудным материальным снабжением; в остальном же у него вовсе нет свободы, к тому же он находится под мощным давлением монополиста-работодателя. Третий слой — страдательный объект налоговых тисков и политики экспроприации; рассеянный по огромной стране с невысокой плотностью населения, безоружный, состоящий под надзором, он методом экспроприации, угроз и насилия все глубже заталкивается в коммунистические формы хозяйства и упорно, неугоми-мо, хотя и пассивно, сопротивляется коммунистическому правительству.

Итак, большевистское государство создает *партийную власть*. По сути своей оно есть партийное государство, и не столько потому, что в стране одна правящая партия, сколько потому, что эта партия правит на пользу себе и на погибель народа. Это, если хотите, *классовое государство*, но не в том смысле, что правит только один-единственный класс — пролетариат, а в том, что большевистская партия правит от имени пролетариата, муштрует его по большевистскому образцу, предоставляя ему минимум благ, которые по сравнению с остальной массой населения кажутся некоторым преимуществом.

При этом коммунисты принципиально отвергают справедливость: они превозносят марксистскую идею *единственного* класса, или, на их языке, «бесклассового общества», а на самом деле создают заново *трехклассовое общество*. Собственник в новом обществе погибает, каким бы малым ни было его имущество; зато заметные права получает человек без кола и двора. Все становятся наймитами государства; однако предпочтение оказывается тем, кто славит коммунистическую идею — неважно, по тупости своей, из карьеризма или из страха. Последние всплывают наверх и образуют привилегированную коммунистическую «элиту». Коммунист и не-коммунист, рабочий и не-рабочий — из принципа обеспечиваются неодинаково, «выдвигаются» (обычное выражение для политического продвижения по службе) неодинаково; пользуются разными общественными правами, по-разному судятся (принципиально «классовая юстиция»): то, что «прощается» одному, строго не прощается другому;

один получает квартиру — другого выгоняют на улицу или предоставляют ему жалкую койку; там, где один коммунист снабжен и обеспечен, пятьдесят других обречены на голодную смерть под забором.

«Равенство» и «справедливость» коммунистического государства существуют лишь в лживой пропаганде.

4. Отвергая идею права (свободного субъекта права, законность и справедливость), большевизм строит государство на *принуждении и страхе*.

Большевистскую власть никто не уважает, о почитании и говорить не приходится: она лишена всякого авторитета — и духовного, и политического, и морального. Уже три года спустя народ понял сущность новой власти, и вся страна загудела от язвительных, ядовитых анекдотов. Но за это короткое время коммунисты успели создать террористический аппарат принуждения, который с годами расширялся и мастерски «совершенствовался». Вот почему возникла не поддающаяся никакому описанию атмосфера террора, где донос становился делом, а страх — лейтмотивом жизни. Советскому гражданину приходится рассчитывать только на две возможности: стать наймитом государственного учреждения или промышленного предприятия либо погибнуть. Вся жизнь в стране регулируется предписаниями и запретами коммунистической партии. Но поскольку никто (за исключением оголтелых коммунистов) не верит в целесообразность централизованного регулирования и никто не заинтересован в том, чтобы следовать ему, то все держится, с одной стороны, на угрозах, слежке, ссылках и казнях, а с другой — на монополии работодателя, применяющего аккордную оплату, «добровольное соревнование между предприятиями», т. е. потогонные методы.

Политическую систему большевизма следует определить как *террористическое ущемление* обывателя: он в любой области стоит перед выбором — *повиновение или гибель*; ведь на карту поставлено последнее, что осталось, — его собственная жизнь. Из года в год, днем и ночью мужественных, сильных и протестующих арестовывают, устраняют, поодиночке казнят или изматывают на принудительных работах. Самый суд большевистский есть трагикомедия устрашения, а наказание, согласно

коммунистической теории, есть не что иное, как «устранение вредителя». Основная идея коммунистов сводится к тому, чтобы погасить инстинкт личного и народного самосохранения, заменив его *распоряжением центральной власти*. А поскольку эта противоестественная затея обречена на неудачу и хозяйственные и организационные провалы как следствие безумных идей следуют один за другим, то большевики *заливают немощь своей затеи кровью невинных или неосторожных жертв* (по принципу «козла отпущения»).

Мир еще никогда не видал такой слепой веры во всемогущество приказа и устрашения. В истории еще никогда не было столь зверской и столь сознательной в своей свирепости политической машины. Еще никогда государственное начало до такой степени не стремилось поглотить жизнь народа, никогда не создавало столь извращенного и унижительного строя. Эта униженность ярче всего проявляется в вездесущем политическом доносительстве; хотя бы в том, что советские граждане обязаны по первому мановению правящей руки выступать с восхвалением террора и с публичным требованием смертной казни для очередных невинных или неосторожных жертв...

Так и создает большевизм новый строй, основанный на *бесправии, принуждении и терроре*.

4. КОММУНИЗМ

Для современного большевизма, однако, крайне характерно то, что он выступает под флагом марксистско-коммунистической доктрины. Именно этим объясняется его стремление подавить человеческую личность, лишить ее всяких прав, всякой хозяйственной самостоятельности.

Идея коммунизма состоит в том, чтобы, во-первых, полностью погасить личную инициативу в *хозяйстве*, заменить индивидуальный дух предпринимательства организационным распоряжением из центра; во-вторых, погасить в душах людей *заинтересованность в труде* и заменить ее фальшивым «революционным пафосом», возможно, «потогонным методом»; в-третьих, заменить буржуазную свободу и неравенство людей *равенством бесправных наймитов*.

1. Коммунист не верит в личную инициативу и ее созидательный смысл, зато верит во всемогущество централизованной бюрократии. Он считает, что *творческая интуиция единоличного хозяина* вредна в хозяйстве, что она растрчивает силы в ненужной и вредной конкуренции, ведет к анархии производства и рынка, к кризисам, безработице, голоду и обнищанию. Бюрократически действующий государственный центр якобы может лучше руководить, лучше строить народное хозяйство.

Опровергнуть это ложное и гибельное воззрение может жизненный опыт через страдание и осмысление немолимых фактов. Этот жизненный опыт человечество могло бы извлечь из большевистской революции в России, но до сих пор оно еще не сделало этого, должно быть, потому, что чужой опыт никого никогда не учит, разве что вызывает стремление воспользоваться им в своих интересах и где можно — продлить его. Коммунизм в России поддерживается другими народами, чтобы использовать его в собственных интересах, а при случае и против других; они не хотят понять правды и тем самым обрекают сами себя на большевизм.

Скажем только, что эта ложная идея коммунизма (читай — социализма) весьма распространена в современном человечестве, и всюду, где народы неосмотрительно увлекаются всяческой «социализацией», «национализацией» и «муниципализацией», где подавляется частная инициатива, отдавая в руки городов, общин или государства хозяйственную монополию, бездумно ее расширяя, — там они уже вступили на путь коммунизма. Вероятно, любая война будет благоприятствовать этой тенденции, ибо она будет вызывать к жизни нечто вроде экономического «осадного положения» или «военного коммунизма», т. е. судорожного подчинения всего хозяйства и всей жизни страны централизованной, бюрократически создаваемой власти.

2. Идея коммунистов — погасить личную заинтересованность человека в труде и в том, что он производит, — с наибольшей наглядностью обнаруживает извращенность и притязательность всего их замысла.

Пока человек живет на земле, он таит в себе *личный инстинкт самосохранения* и потому руководствуется лич-

ной заинтересованностью. Физический голод и половой инстинкт суть состояния, испытываемые индивидуально, суть потребности, удовлетворяемые индивидуально. Высший универсальный смысл целесообразности этих природных инстинктов действует только путем индивидуального переживания и индивидуального удовлетворения: природа приняла однажды форму индивидуальности и путь свой к осуществлению родовых целей ведет через признание и заботу об отдельной личности. И в этом ничего не могут изменить никакие социалистические теории, никакие коммунистические эксперименты; они противоестественны и никогда не будут иметь успеха. Тщетны все потуги коммунистов «перестроить» или «переплавить» человеческий инстинкт; природа, «изгнанная в дверь, ломится в окно»; а коммунисты, слава Богу, не «боги», всевластные над природой.

На деле опровергнуть это ложное и пагубное воззрение может только конкретный жизненный опыт плачевного разрушения построенной на извращенной основе культуры. Народы, должно быть, не пожалеют на это труда, так что общее разрушение буржуазной культуры, вероятно, не за горами.

Заметим в связи с этим, что эта извращенность и претенциозность характерны вообще для современного рассудочного человека. Покоряя природу и заставляя ее служить себе (машины!), он пока не постиг того, что человеческая душа есть создание тонкое, сложное, иррациональное и по-своему закономерное; что она имеет свою *природу*, свое строение и свои возможности, над которыми человеческий рассудок не властен; и что безнаказанно попирает законы ее природы нельзя.

За коммунистами идут люди вовсе не только из зависти, мести, алчности и классовой ненависти. Добрая часть их состоит из людей с плоским рассудком, дерзких мечтателей и наивных спесивцев. Здесь нередко решающей силой становится зараза претенциозной полуобразованности, которая с XIX столетия разносится по свету, способствуя распространению социализма и коммунизма.

3. Идея равенства бесправных наймитов порождена в основе своей завистью. Зависть — это ударная сила и главная страсть, на которую коммунисты рассчитывают

и которой оперируют. Тактика коммунистов в России и во всем мире состоит в том, чтобы натравливать низшего на высшего, необразованного на образованного, бедного на богатого, бездарного на даровитого, детей на родителей. И всюду, где они действуют, они сеют зависть, чтобы пожать разруху и кровь. III Интернационал — это прежде всего *генеральный штаб мировой зависти*: ее средоточие, ее распространение, ее углубление, ее выражение. III Интернационал борется во имя зависти и методом зависти; его победа будет победой зависти, победой той самой зависти, которая однажды привела сатану к отпадению и подняла руку Каина на Авеля. Ныне во всех странах агенты его, пользуясь трудностями частного правового хозяйства и остротой социального вопроса, пытаются разжечь и организовать массовую зависть, чтобы развязать мировую революцию и захватить повсюду власть в свои руки. И смотрите — люди самых различных партий и народов, не видя грозящей опасности всеобщего порабощения, играют в эту губительную игру, рассчитывая ловко сыграть в свою пользу и провести коммунистов. И участь их заключается в том, что они, как заурядные дилетанты и неопытные новички в искусстве коварства, будут обмануты, побеждены, подавлены и уничтожены великим мастером зависти.

Две тысячи лет тому назад миру было даровано божественное *противоядие*, способное побороть зависть как начало распада мира. Но дарованное нам тогда Иисусом Христом, оно живо ныне лишь в немногих душах. Между тем за последнее столетие яд зависти осознал себя, стал «научной» теорией (марксизм), сумев подорвать в душах понимание частной собственности; ослепил страждущих и наивных людей противоестественной и вредной утопией всеобщего равенства и бесклассового общества и сплотил миллионы людей вокруг идеи социализма.

Социализм есть идея разрушительная и демагогическая, но *волевая и революционная*. Она несет в себе множество внутренних противоречий, о некоторых из них было сказано выше. Эти противоречия проявились уже в период большевистской революции в России и еще станут для нее роковыми, ибо нет такой человеческой воли, которая бы сумела «переделать» человеческую при-

роду. Волевой характер социалистической лжеидеи (Unidee)⁹ отрицать не приходится. Однако по мере того, как руководители социалистического движения в ходе последних десятилетий получали возможность участвовать в реальной политической работе (Германия, Франция, Англия), они были вынуждены отойти от кабинетных абстрактных теорий и митингового фразерства и считаться с реальностью человеческой природы, общественной жизни и истории. Им пришлось признать слабую жизнеспособность социалистической идеи и чрезвычайные трудности, связанные с ее реализацией. Они стали или открыто уходить из социалистических рядов, или же вставать на выжидательную, мирную, «эволюционную точку зрения»; за это «верные» приверженцы радикальной социализации называют их теперь «социальными предателями». К сожалению, у большинства «благоразумных» социалистов не хватает мужества просто и честно дать отбой и рассказать социалистически настроенным и революционно взбудораженным массам о своих заблуждениях и пережитых разочарованиях; ибо только в таком случае можно было бы перенаправить это движение на *социальную, но не социалистическую* программу. И вот теперь на смену им идут современные большевики — оголтелые и последовательные социалисты. Волевая идея революционного социализма, поколебленная кое у кого из руководителей международной социал-демократии, оживает у коммунистов во всем своем радикализме, фанатичности и агрессивности. И возможно, придет час, когда демагогический напор коммунистов заставит социал-демократов или самим всерьез приняться за проведение в жизнь их вредной утопии, или же уступить место одержимым и беспринципным коммунистам...

Искренняя вера в социализм предполагает наличие в душе верующего в него человека определенных условий. Верующему социалисту вовсе не надо быть «злым» или «порочным», как это представляют себе наивные «обыватели». Для этого нужна лишь своеобразная *слепота*, по причине которой он не видит многого в жизни человеческого духа. На этой слепоте и строят социалисты и коммунисты весь свой политический успех.

Эта слепота не видит, во-первых, *живого* человеческого *инстинкта*, который может творить и напрягаться только тогда, когда он *свободно* (т. е. по собственному побуждению) и *доверчиво* вкладывается (*инвестируется*) в труд, во внешние вещи и в хозяйственные отношения. Вот почему человеческий инстинкт нуждается в *личной* *свободе* и в *частной собственности*.

Во-вторых, эта слепота не видит *живого* человеческого духа во всей его нематериальности, силе и самооценности. Социалистически настроенная душа редко верит в человеческий дух; скорее верит в силу материального интереса и в «святость» классовой борьбы.

В-третьих, эта слепота не видит живого человеческого *своеобразия* и *разнообразия*. Она воображает, будто все люди действительно равны от природы, и по ошибке смешивает справедливость с равенством; поэтому она стремится к всеобщей уравниловке в социальном отношении и тем самым к всеобщему бесправию; или того хуже — она требует *нового социального неравенства*, обратного тому, которое существовало *доселе* — «низь» должны подняться «наверх», а «верхи» опуститься «вниз»...

Все это говорит о том, что социалистически настроенные люди живут и поступают из определенного, собственного им неполноценного внутреннего опыта. *Их душам недостает того, чего они не видят или против чего борются.* Духовное начало и личностное начало у них как бы или вовсе не развито, или развито (как у руководителей) довольно однобоко; они уповают на свой абстрактный разум и упрямое властолюбие (отсюда их методичность в мышлении и бесцеремонность в действии). Наряду с этим в них живет склонность к *упрощенному плоскому* мировоззрению и пониманию мира, человека и общественного бытия; они воображают, что в душах других людей, в народной жизни и в мире все происходит так же плоско, скудно и банально, как в их собственной душе. А тут еще слабая и малоразвитая сила суждения, которая, уцепившись за единственную «все объясняющую теорию», все сводит к этой теории и все выводит из нее (марксизм) и совершенно не способна к самостоятельному наблюдению, творческой интуиции и индуктивному анализу. Так марксизм становится «священной

догмой», в соответствии с которой развивается, точнее, штампуется образ мыслей и действий социал-демократов и коммунистов.

Социалисты и коммунисты в массе своей суть *упрощенцы*, которые стремятся упростить чужую личную жизнь и весь общественный строй по образу и подобию собственной души как в мыслях, так и в действительности. Но за этим упрощенным и все упрощающим мышлением живет волевой заряд, у коммунистов граничащий с фанатизмом и одержимостью. Эти фанатизм и одержимость вместе с крайним властолюбием не останавливаются *ни перед какими средствами*, а недисциплинированная, претенциозная сила суждения облегчает этим людям их роковые эксперименты. Чем больше в мире таких полуобразованных, но волевых и наглых реформаторов, тем больше шансов на распространение имеет коммунизм. К сожалению, современное полуобразование и современный социализм выдвигают множество таких людей. Так возникает та хозяйственно-психологическая каверна, в которую свободно, без помех вливается яд большевизма.

Вот почему коммунистический яд так опасен для современного человека.

5. БОЛЬШЕВИЗМ КАК ДУХОВНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ (КУЛЬТУРБОЛЬШЕВИЗМ)

Однако ад современного большевизма действует и в более глубокой сфере души. Большевизм сказывается не только в *быту*, имеет не только *политическую* и *хозяйственную* стороны; он в основе своей есть явление *духовной культуры*, а именно явление *разложения и гибели* ее.

Современный большевизм отличается от сходных явлений истории тем, что он вырастает из *сознательного воинствующего материализма*. Это не просто состояние души, не просто политический строй. Это прежде всего *доктрина, теория, учение* и соответствующая этой теории *фанатичная одержимость*, начинающая с наглости и безудержности и кончающая коммунистическим рабством.

Доктрина эта состоит в принципиальном отрицании всего, что не материально и не телесно: *человеческой души* с ее свободой и *бессмертием*; *человеческой духовности* и вырастающей из нее внутренней и внешней *культу-*

ры; высших целей, присущих человеку, высшего смысла, присущего миру; и особенно — в отрицании Бога, веры в него, религии и церкви. Кроме материи, тела и телесных потребностей для нее якобы *ничего нет*. Человек есть высшее животное, которое произошло от человекообразной обезьяны и отличается от нее разве что употреблением орудий труда и ведением хозяйства. Вся жизнь этого высшего животного определяется хозяйством и хозяйственным производством. Кто владеет орудиями производства на праве частной собственности, тот угнетает и эксплуатирует других. Поэтому все орудия производства (земля, скот, станки, машины, фабрики, недвижимость, железные дороги, книги и т. д.) должны быть общими. Люди делятся на социальные классы соответственно тому, владеют они орудиями производства или нет. Социальные классы борются друг с другом не на живот, а на смерть. В этой борьбе пролетариат, т. е. рабочий класс, лишенный орудий производства, должен победить. Он должен решиться на вооруженное восстание и начать гражданскую войну. В гражданской войне он захватит власть и «его» партия (коммунистическая) радикально перестроит личную и общественную жизнь людей. Все остальные классы — промышленники, торговцы, ремесленники, крестьяне — будут *лишены собственности без возмещения и пролетаризованы*. Все сопротивляющиеся будут поодиночке арестованы и казнены; все непригодные к тяготам, голоду, физическому труду вымрут. Все станут пролетариями. Церкви будут задавлены. Священники сами погибнут в нужде или будут казнены. Религия исчезнет. Индивидуальная, многогамная семья благодаря пропаганде ослабнет, распадется и будет окончательно упразднена законом. Народы отринут и забудут глупый и вредный «пережиток» — патриотизм; они будут денационализированы. Производство станет окончательно машинным и будет вестись по единому плану; то же произойдет с обменом, распределением и потреблением. Денег не будет; из золота сделают общественные отхожие места (Ленин). Все будут равны и будут свободно удовлетворять все свои потребности.

Но главное — будет «переделана» человеческая душа. Она освободится от *всякой духовности*, которая (якобы)

есть не что иное, как система глупых, вредных предрассудков. Вместе с тем она отделается от всех индивидуальных особенностей, от всякого своеобразия, ибо все эти особенности и своеобразие есть (якобы) не что иное, как продукт или следствие социального разделения на классы. Но будущее, как видно, рассчитано не на несколько различных, а на один-единственный класс — класс государственных наймитов. Живя и работая одинаково, люди станут на самом деле равны не только внешне (в одежде, выражении лица, манерах, языке), но и внутренне: все они будут материалистами, безбожниками и коммунистами; все будут сообща или владеть всем, или же пользоваться всем (одновременно или в строго регулируемой последовательности); жены и дети будут общими; мужчина и женщина будут свободно сходиться и расходиться, а глупые предрассудки типа единственной любви, привязанности на всю жизнь и ревности совсем исчезнут; родившиеся от беспорядочной половой жизни дети не будут знать своих родителей — они будут «воспитываться» в детских приютах по коммунистическим принципам; авторитет коммунистической партии заменит им Бога, отца и мать. И так все будут в покорности и равенстве мало работать, наслаждаться земной жизнью, не вспоминая «глупой сказки» о потусторонней жизни.

Однако ясно, что такая переделка человеческой души возможна только, если целиком разрушить весь прежний образ мыслей и еще более того — строй человеческого бессознательного. Христианский и гражданский менталитет нынешнего человека не годится для нового мира; значит, его надо подорвать и подточить во всех его духовных основах. Долго ли, коротко ли, но чем скорее, тем лучше; уговором ли, примером ли, угрозой ли, но в человеческой душе должны быть подавлены и ослаблены все привязанности, все связи, все скрепы. Надо разложить священнейшие основы религии, семьи, морали, чести и патриотизма. Человек должен раз навсегда понять, что все соответствующие его прежнему образу мысли ограничения (в том числе и основное ограничение, т. е. запрет кровосмешения) и запреты (в том числе государственная измена) ничего не стоят. Людям надо внушить

дерзость, увлечь безнаказанностью. Они должны уверовать, что «молятся пустым небесам» и что «не Бог создал человека, а человек создал себе бога» (утверждение Ярославского¹⁰). Надо как бы заразить современное человечество манящей, соблазнительной идеей «вседозволенности» — такова сущность большевизма, такова его отрицательная основная задача. Надо вырвать из души христианские «сорняки». Только тогда сатанинским адским цветом свободно зацветет в них новая безбожная, аморальная коммунистическая ментальность.

Такова духовная сущность большевистско-коммунистической доктрины, которая благодаря пропаганде и подрывной работе распространяется по всему свету. Отсюда уже ясна противодуховная природа и этого учения, и этой работы.

Дух есть начало *внутреннего закона* и *меры*; современный большевизм, напротив, насаждает *внутренний произвол* и *бесцеремонность*. Дух несет человеку идею *священного долга* и *ограничительных запретов*; большевизм проповедует духовную *разнузданность*, *вседозволенность* и *распущенность*. Дух открывает человеку путь к Богу; большевизм внушает ему безбожие и воинствующий атеизм. Дух утверждает в человеке *высшее достоинство* и призывает к его *чести*; большевизм соблазняет человека бесчестьем и ведет его через *бесчестье* и унижение к *рабству*. Дух воспитывает в человеке *характер*; большевизм подменяет характер фанатизмом и слепой *одержимостью*. Дух учит различать добро и зло; большевизм гасит это различие в понятии «классовой борьбы пролетариата». Дух очищает человеческую душу для видения художественной красоты; большевизм презирает искусство, он ищет только *удовольствий* и *развлечений* для пролетарских масс. Дух ищет истину и создает науку; большевизм презирает свободную науку, он признает только мертвый треск штампованных банальностей марксизма, которые учат наизусть в школах и которые призваны заменить все содержание обучения. Дух утверждает в человеке своеобразную, самостоятельную и ответственную личность; большевизм стремится утопить личное в коллективном и погасить своеобразие во всеобщем принудительном уравнении. Дух дышит свободно и требует

свободы; большевизм несет человечеству террор, подавленность и слепую покорность. Дух возвращает *правосознание*, стараясь укрепить, углубить и облагородить его; большевизм ведет душу через разнуздание к классовой диктатуре — он презирует право и правосознание. Дух ищет *справедливости*; большевизм обещает равенство и создает классовые привилегии. Дух стремится творческим трудом, общественной организацией, изобилием и щедростью превратить *частную собственность* в источник общественного процветания; большевизм проповедует экспроприацию без возмещения (т. е. разбой), превращает людей в безличных автоматы и дает им нищенский паек. Дух освящает брак и семью любовью и молитвою; большевизм подрывает брак и губит семью в кровосмешении. Дух творит национальную культуру, дает человеку *родину* и делает его патриотом; большевизму неведома родина, он презирует патриотизм, проповедует предательский интернационализм и требует окончательного распада наций.

Дух на высшей ступени являет человеку *Сына Божия* и учит его молиться *Небесному Отцу*; большевизм, рожденный сынами погибели, ведет человека по пути кощунства и надругательства над природой к «отцу лжи» и в его бездну.

Там, где веет духом большевизма, наступает разложение, культура становится больной, и это происходит не с внешним покровом культуры, а с субстанцией человеческой души. Будто одержимые соблазном, болезнью или опьяненные, люди начинают сомневаться в священных основах своего бытия, своей веры, своей любви, своей морали и постепенно отбрасывают их. Как будто дух разложения разносится по миру в XX веке, все вокруг нас дрожит и грохочет, как при землетрясении. Людьми овладевает духовное разложение. Подрывается и разъедается вся культура, а то, что из этого получается, — «новые» и «свободные», а по сути своей *архаичные* и *животные* формы «культуры» — можно в совокупности назвать еще не совсем ясным, но ставшим почти избитым понятием «культурбольшевизм».

Сюда относятся все явления духовного разложения, нравственного разнуздания, политического цинизма, издевательского безбожия, дезертирства, национального

предательства, бессовестной эксплуатации, социальной зависти, классовой ненависти, спекулянтства, морального падения школы и семьи. Культурбольшевизм означает не просто *превалирование животного начала в жизни*, а прежде всего *самонадеянную сущность* этой нарастающей волны, ибо большевик действует по принципу вседозволенности; он даже не пытается скрывать свой образ действий; напротив, считает его верным, стремится его теоретически обосновать, воспеть хвалу, порекомендовать. Культурбольшевизм агрессивен и самоуверен. Он вещает, он проповедует, он нападает. И речь здесь идет не об исключениях, частных случаях, не об умственном дефекте. Нет. Это *новая система жизни* в своем становлении; *новая метода* оценки и отношения; новое мировоззрение, которое хочет забыть слово БОГ и пишет на своих !фасных знаменах святотатственные, предвещающие несчастье слова «наслаждение» и «насилие». В разгаре процесс новой, роковой *переоценки ценностей*. И ни у кого нет ни воли, ни силы остановить его.

Итак, большевизм следует понимать как духовную болезнь человечества и духовное разложение культуры.

6. РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИС

Из вышесказанного вытекает, что выступление современного большевизма есть проявление *грандиозного религиозного кризиса*, переживаемого человечеством в последние сто лет. Сущность этого кризиса состоит в том, что человечество, с одной стороны, привыкло доверять *чувственному опыту* (естественные науки, техника) и абстрактным выводам рассудка (логика, математика), а с другой стороны — разучилось верить *духовному опыту* и беречь и охранять свою *бессознательную духовность*.

Современный человек верит в материю и рассудок; он ослеплен их доводами и ждет «истины» только от них. Гораздо больше, чем нравственное понимание, духовная одаренность и слово Священного Писания, его чувству истины импонирует «физиология чувственных ощущений», обезьянья теория Дарвина, открытие железобетона, кино, радиотерапия, подводная лодка и бомбардировщик. Современный человек живет как бы повернувшись к внешнему («экстравертно») и больше

привязан не к реальностям духа, а к существованию внешнего мира. Он даже не замечает, что жизнь его становится благодаря этому узкой и плоской, что центр ее благодаря этому уже передвинулся из подсознательных глубин на поверхность дневного сознания и что дневное сознание беспомощно пресмыкается и, возможно, поэтому мечтает о самолете и небоскребе, что оно разучилось полетам духа. Дневное сознание не способно ни ставить высшие цели жизни, не вести людей к этим абсолютным целям жизни, ни беречь и строить духовную культуру.

Современный человек недооценивает свое бессознательное, пренебрегает им, особенно духовностью своего бессознательного, которое продолжает, однако, жить в духовной беспризорности, плутая по темным лесным тропинкам, скатываясь в бездну своей первобытной животности. Вот почему в современном человечестве ослабли, продолжают слабеть и делаются все более беспомощными органы бессознательной деятельности; возникает как бы атрофия *a pop utendo* (от не востребованности). Религиозная вера и молитва, сила прозрения и интуиция, чувство таинственного и священного, нравственная совесть, художественный вкус, правосознание и священные чувства справедливости, родины и семьи — все это слабеет и бледнеет, все расшатывается и клонится к смутному, но роковому разложению...

В результате современному человечеству, захваченному этим духовным кризисом, нечего противопоставить большевизму кроме безнадежных торговых договоров и внешней защиты в виде полиции. Ибо в то время как человек только еще склоняется к материализму, рассудочности и безразличию в делах веры, большевизм преподносит ему последовательный материализм¹ полное обнищание рассудка и воинствующее безбожие.

Невозможно человеку жить без инстинкта. Но вполне возможно жить инстинктом, *не одухотворяя его*. Это значит предоставить инстинкт его извечной животности; дать этому безбожному, животному инстинкту, его распущенности и разнузданности возобладать над собой,

См. подробнее в моей брошюре «Wider die Gottlosigkeit»¹. Eckart-Verlag.

господствовать в жизни. Большевизм и есть законченное проявление этого инстинкта; он достаточно хорошо знает цивилизацию, чтобы сделать из нее опасное орудие, и ничего не желает знать о *власти духа*. *Черная месса* — эта кощунственная попытка создать религиозный обряд из разнузданного бессознательного — есть живое подобие большевизма, только в сфере религии. Человек, не способный одухотворить свое бессознательное, может стать лишь рабом собственной животности.

Вот трагический смысл современной безрелигиозности, той глубочайшей и опаснейшей каверны, в которую изливается яд современного большевизма. Современный «просвещенный» человек с его развитым, любознательным и взыскательным сознанием и с его распушенным, безбожным бессознательным ни во что не верит и ничему высшему не предан; он живет без Бога, без религии, без идеала и без идей; у него *нет ничего такого, за что стоило бы бороться и умереть*. Значит, ему *не стоит жить тем, чем он живет*. Поэтому его жизнь лишена и пафоса, и высшего смысла; и именно поэтому сатанинский пафос большевизма ему так опасен. Движимый этим разрушительным, сатанинским пафосом, коммунист борется не на живот, а на смерть; устремившись к мировой власти, он ставит на карту все; он не только сам готов *умереть* за свою противоестественную химеру, но и до *смерти мучить тех*, кто отвергает ее, и тех, кто уже порабошен и кто несет на своих плечах все тяготы коммунистического экспериментаторства. А современный «либеральный буржуа», напротив, озабочен тем, чтобы сохранить *свою* жизнь и провести ее с наибольшими удобствами. Но умирать *за это* он не намерен, к тому же остатки его давно уже выродившейся в сентиментальную бесхарактерность «морали» лишают его способности к настоящему сопротивлению большевистскому напору. Поэтому он и не борется на живот и на смерть, поэтому столь ничтожны его шансы на победу. Сатанинскому пафосу коммунистов в современном мире не противостоит религиозно-осмысленный пафос; а без религиозного пафоса не справиться с антирелигиозной одержимостью.

На деле же все обстоит еще хуже. Современное образованное человечество, охваченное этим духовным кризисом, не только не борется с большевизмом, но в значительной степени, облегчает ему его пропаганду своим внутренним разложением.

Мало того, сегодняшняя мировая интеллигенция, не имея собственной спасительной идеи, охотно прислушивается к гибельной лжеидее (Unidee) коммунизма и, не имея собственного волевого пафоса, с любопытством наблюдает за фанатизмом и напористостью коммунистов, что психологически вполне понятно: заблудшему и растерянному может импонировать самый дикий план только потому, что это все-таки «план»; самоуверенность вызывает у безвольного человека «уважение» даже тогда, когда она всего лишь слепая претенциозность. А все оттого, что духовно ослепший инстинкт не способен ни отличать убежденно добро от зла, ни воспитывать и закалять свой характер — столь существенную для человеческой жизни форму бытия. В результате появляется духовное болото. Это духовное болото *вседозволенности и разложения формы* возникает в последнее время в среде всей интеллигенции, а не в одной только Германии. Убегая от пустоты, безбожия и скуки, люди, как давно замечено, ищут развлечения во вседозволенности и бесформенности; «сплин» требует острых ощущений, снобизм тянет душу в порочность. А коммунистическая пропаганда сулит все «желаемое» сразу: «вседозволенность» и возбуждающую активность, остроту жизни и порок, разнузданность и «новую идею». И вот люди начинают «интересоваться» коммунистическими «успехами», коммунистическим «искусством», коммунистической пропагандой и находить в большевизме как раз то, чего им не хватает. Они без обиняков верят в «успехи» созидательного «пятилетнего плана» в советском государстве, охотно вступают в союзы «друзей новой России», охотно посещают «Россию», чтобы восхищаться «пафосом свободного народа» и при случае вступить за «новую русскую культуру»; и так, соблазненные безбожием и снобизмом, опьяненные мнимой «свободой» и явным бесчестьем, через обман и предательство самих себя сползают они в *коммунистическое рабство*.

Подробнее об этом см. в брошюре «Wider die Gottlosigkeit», S. 23 - 32 (Eckart-Verlag).

То, что получается вследствие религиозного кризиса, безбожия и большевистского разложения, можно назвать всеобщим *обесчещением*. Человек без предубеждений, которого пытаются создать большевизм, — это человек без *чести* и *достоинства*.

Святыня — вот единственный источник человеческого достоинства; и там, где человеческая душа с почтением и смирением склоняется перед Божественным и Святым, она прежде всего создает оплот и твердыню собственной чести и достоинства. Честь без святыни становится пустым тщеславием, пошлым мракобесием и гордыней; благоговение накладывает на нее отблеск божественного достоинства в человеке. Черпающий достоинство из этого источника никогда не впадет в распущенность, не станет нападать и разрушать. Все это может позволить себе лишь человек без достоинства; и только человек без чести склоняется перед коммунистическим рабством.

Поэтому большевики не обращаются к мужам чести и достоинства. Ведь это их враги, их противники; именно против них изначально и до конца выступают большевики. Большевику нужен безбожник, ибо он для бесчестия созрел. Ему нужен человек с поврежденным чувством благоговения, который не знает за собою ничего высокого и потому не способный себя уважать; человек, в котором вместо достоинства одно тщеславие, а вместо чести одна спесь; человек, который не относится серьезно к уважению самого себя, а потому и не способный уважать других, ценить чужое уважение и свое собственное доброе имя; иными словами, какой-нибудь дезертир, человек, лишенный правосознания, рецидивист, изгой и пр. Такие люди нужны большевикам, во-первых, для предварительной атаки, которая непременно должна заставить преступать закон; далее, для «обработки», соблазнения и изматывания других людей в период социальной перестройки; и наконец, им нужны такие люди, так как это их страстно желаемый тип будущего, который должен окончательно вытеснить и заменить «сентиментального слабака».

Попавший под влияние коммунистов может не сомневаться, что рано или поздно он будет поставлен перед выбором — или *мужественно принять смерть*, или *продолжать жить в бесчестье*, выбрав последнее, т. е.

согласившись оплатить свою карьеру ценой бесчестия, он все равно не избежит в дальнейшем угроз, издевок и, возможно, казни. Никто не ведает, никто не представляет, насколько его хватит, чтобы вынести пребывание в *камере большевистской тюрьмы* без известий о жене и детях, в непрестанных думах о самом дурном, без книг, без табака, полуголодного, со дня на день ожидающего казни, подвергающегося постоянным, бесконечным ночным допросам, слышащего то обещания, то угрозы, кидającegoся от надежды к отчаянию. Никто не знает, насколько долго он, *беспомощно* стоящий лицом к лицу с партийно-правительственной *монополией* на предоставление работы, сможет смотреть на то, как чахнут его родители и жена, в какой беспросветной нищете находятся его дети. Однажды дрогнув и осознав, что поставлен «на колени» коммунистическими властителями, почувствовав, что сломан его духовный хребет, он неизменно становится рабом своих врагов, их обесчещенным и послушным орудием и будет помогать в обесчещивании других... — пока ему не «удастся» или выковать из самого себя истинную большевистскую персону, или найти в себе мужество просто уйти из жизни, лишив того же и семью.

Ибо без Бога человек теряет честь, а без чести не способен бороться против своих поработителей. Через безбожие — к обесчещиванию; через обесчещивание — к рабству; вот фатальный путь сегодняшнего человечества, если оно не найдет выхода из религиозного кризиса через духовное обновление.

Таким образом, главный смысл большевистской революции состоит в *разложении религиозного духа*, в возникающей отсюда неспособности к сопротивлению жизненной форме и разнузданию животных страстей. Как только дойдет до этого, разнузданные души будут обесчещены и поработаны, чтобы окончательно впасть в коммунистическое рабство, которое навяжет им и новый образ мыслей.

Вся мировая большевистская пропаганда сводится, таким образом, к тому, что безбожники с разнузданными страстями и пылкой жадой власти, как одержимые, разъезжают по белу свету и стремятся, вызвав брожение, разложение и бесчестие, побудить к всеобщей гражданской войне, с одной стороны, безрелигиозную интеллигенцию, а с

другой — слои людей социально забитых и обездоленных.

Тактическая формула гласит через большевизм — к коммунизму. Политическая формула: через всеобщее недовольство — к гражданской войне, через гражданскую войну — к террористической диктатуре Коммунистического Интернационала; короче говоря, через безбожие — к рабству.

Таково действие яда большевизма во всем мире.

7. ИСХОДНЫЕ ТОЧКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЯДА

Дать исчерпывающее описание всех сфер влияния и практических методов большевизма — задача неосуществимая. Исходные точки его воздействия разнообразны, они избираются и культивируются в каждой стране крайне умело: исходная точка мало-помалу становится очагом возбуждения, в очаге возбуждения накапливается социальный гной — до тех пор, пока не рухнет неизлечимо больной организм. С этой болезнью дела обстоят так же, как и с другими: *то, чему не противодействуют, необходимо перестрадать до конца*. Всякое пренебрежение к социально-политической профилактике неизбежно будет оплачено очень дорогой ценой.

Каждый народ развивается по-своему; у каждого свои предрасположенности, свое прошлое, своя неповторимость, своя историческая судьба, трудности и проблемы и, следовательно, особая комбинация отправных точек воздействия яда большевизма. Поэтому и самый процесс большевизации протекает у каждого народа по-своему; поэтому каждый народ призван *обнаружить в себе самом и для себя самого опасность заражения ядом большевизма и исследовать ее*.

Большевикам, как уже было сказано, выгодно всякое религиозное, нравственное и политическое разложение народа — они жаждут этого. Все, что подрывает существующие авторитеты — религиозные, государственные, партийные, научные, художественные, общественное мнение вообще; все, что компрометирует нынешних вождей в глазах масс, разного рода скандалы, политические разоблачения, любой мало-мальски окрашенный политически, пригодный для агитации судебный процесс, клевета и любые инсинуации и сплетни — все это льет воду на их пропагандистскую мельницу. Всякую

жизненную неудачу у пока еще не большевизированных народов, всякие затруднения политического и экономического характера: перенаселение, кризисы, безработица, стачки, неурожай, голод, эпидемии, инфляция, таможенные войны, отпадение колоний — все это они восторженно приветствуют, ловко оперируя этим. Большевикам выгодно все, что снижает стойкость, прочность и сопротивляемость буржуазного строя жизни; в особенности их устроило бы полное разоружение народов, а также любое событие, расшатывающее и ослабляющее внутренние скрепы государства (например, Германии) и нравственные скрепы народа (например, гражданская война, вооруженное восстание, мятеж и т. д.). III Интернационал всегда готов приветствовать и использовать все, что выводит народ из равновесия, из пределов правопорядка и законности, — падение дисциплины в полиции и армии, хулиганство, уличные стычки, грабеж продовольственных магазинов и т. д.; всякое явление, которое вводит в искушение, подрывает и парализует правосознание; брожение любого свойства; всякое разложение общественной морали и корректности, ослабление чувства дядга, подрыв неподкупности, верности и порядочности (Большевики приветствуют все и способствуют всему, что разлагает семейную жизнь и характер, что расшатывает форму в искусстве, что вносит пропагандистскую тенденцию в искусство, что в слове, звуке, танце, на сцене прославляет бесформенность, сладострастие и разврат (например, театр Мейерхольда, большевистские пропагандистские фильмы и т. д.). Им *надо мутить* общественное мнение, смешивать вместе добро и зло, приветствовать всяческий цинизм; короче говоря, для них хорошо все, что потрясает *последние основы жизни* и необходимые устои социального здания*.

Выделим главное.

1. Религиозное состояние народа.

* Что касается Германии, то подробное изложение и обоснование данного вопроса смотри в книге «Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschlands»¹². Eckart-Verlag.

Там, где исторически сложившиеся церковно-вероисповедные организации утратили свое воспитующее влияние; где авторитет священства поколеблен или подорван; где церковь стала нежизнеспособна, а жизнь безрелигиозна; где церковь пренебрегает своим общественным служением и не способна выдвинуть творческие общественные идеи; где церковь противопоставляет свой авторитет религии или государственной власти, надрывая тем самым совесть верующих; где религиозность отрывается от добродетели и героизма и верующие погрязли в трусости и пороках, а безбожники выступают в роли «порядочных и мужественных людей»; где религиозное чувство не вросло корнями в национальный инстинкт, не облагородило и не освятило его естество; где религия отрицает основы научной культуры и порицает научные исследования; или наоборот, где наука из-за недостатка самокритики и скромности нарушает свои границы, посягает на религию, «критически» и «скептически» издеваясь, постепенно застопоривает ее; где религия разучилась освящать быт человека (на работе, на охоте, в горе, радости), — там всюду готова почва для антирелигиозной пропаганды большевиков. Там священник будет очернен, как враг истины, справедливости, прогресса и народа и будет представлен как лицемер и пособник капиталистов-эксплуататоров.

Священник и пастырь нынешнего мира призван смело исповедовать свою веру, при всех опасностях оставаться верным своему призванию и готовиться к возможному мученичеству. Церковь задолжала человечеству новые, ведущие идеи, которые еще надо выстрадать живым служением, очищением и борьбой. История требует крови мучеников, а кровь есть семя церкви.

2. Национальный состав народа.

Там, где есть национальные меньшинства, тщетно добивающиеся культурной автономии, свободы вероисповедания, языка и школы, есть и почва для интернациональной пропаганды большевиков. Коммунисты умеют искусно переплетать свою интернациональную агитацию с социальной и политической травлей; пропагандистски выделить национально-чужеродный характер помещиков, торгового и промышленного класса, вызвать у рабочих и крестьян национального большинства «священ-

ную ненависть» к национально чуждому классовому врагу. Большевики сулят любому национальному меньшинству «полное освобождение» и полную политическую самостоятельность, чтобы привлечь его на свою сторону, использовать его в *целях революции*, а впоследствии — расколоть методом травли, экспроприировать методом разделения, пролетаризировать и по-коммунистически поработить; пролетаризация и коммунизм лишают любое национальное меньшинство его национальных особенностей и денационализируют его, что является истинной и конечной целью коммунистов*. В настоящее время почти все национальные меньшинства Европы убеждены в том, что в Советской России найдено «верное решение» национальной проблемы, коммунисты дали всем «национальную свободу», создав образцовую «совместную жизнь» различных национальностей. Одно это показывает, как действенна большевистская пропаганда в Европе.

3. *Классовый состав народа.*

Чем острее в стране классовые противоречия, тем легче и успешней большевистская пропаганда. Большевикам выгодно всякое обнищание и пролетаризация народа, особенно разорение среднего сословия и крестьянства, а также обострение капиталистических противоречий и, следовательно, усиление неравенства, зависимости, эксплуатации, накопление зависти и ненависти. Большевикам важно, чтобы как можно большее число людей было оторвано от частной собственности, парализовать их в хозяйственно-производственном отношении; важно, чтобы люди разучились творчески относиться к частной собственности, вкладывать в нее свои силы по личной инициативе; важно, чтобы инстинкт собственника поколебался, чтобы он стал безответственным, чтобы обратился к потреблению, наслаждению, переделу имущества и к грабежу**, ибо все это — прямой путь к *социальной* (пе-

См. в книге «Welt vor dem Abgrund»¹³ статью А. Демидова «Национальная политика в Советской России».

Смотри подробно в моей брошюре «Kommunismus oder Privateigentum? Eine Problemstellung»¹⁴. «Труды Центрального союза немецких домовладельцев и земельных собственников», Берлин.

ределу имущества) и *социалистической* революции (отмена частной собственности). Напротив, всякое укрепление среднего сословия и крестьянства; все меры, прививающие народу инстинкт частной собственности, воспитывающие и дисциплинирующие его; депролетаризация пролетариата — начиная с возвращения к электрифицированному мелкому производству, приобретения дома и участка земли, долевого участия в чистой прибыли предприятия и кончая повышением общего культурного и хозяйственного уровня масс — невыгодно для распространения коммунистической заразы, ибо все эти меры и сопутствующие им социальные процессы смягчают классовое расслоение, оздоравливают народную жизнь в целом, превращают народ в монолитный организм.

4. *Государственное состояние народа.*

Чем бесправнее народ и чем слабее государственная власть в стране, тем легче дается большевикам победа. Бесправный народ, как правило, зол, политически безграмотен, дезорганизован; он как бы все еще раздумывает, пока ненависть и зависть не завладеют его душой; тогда в один прекрасный день он пробуждается, готовый к разрушительному бунту, но абсолютно не способный к государственному строительству. А это как раз то, что нужно большевикам. Зачем им организованный народ? Большевикам нужен не организованный народ, а дезорганизованная чернь, которая вериг демагогам и бежит за ними. Если же страной управляет слабая власть, лишенная государственной воли и творческих идей, опирающаяся на расшатанный аппарат продажных чиновников и на подорванную коммунистическими ячейками армию, то большевики имеют в такой стране наивыгоднейшую конъюнктуру. Вот почему им крайне благоприятствует все, что *расшатывает и ослабляет существующую государственную власть*, что способно подорвать доверие к ней, как-то: парламентская продажность, партийная грызня, частые перестановки в правительстве, бесправное положение главы государства, безыдейность вождей, трудность сплочения народа под **крылом** диктатора для борьбы с коммунистами; режим произвола и террора; провалы правых переворотов; драки на заседаниях законодательных органов (в парламенте, в ландтаге и т. д.).

5. *Семья.*

Здоровая семья — оплот национальной жизни: она готовит человека к любви, терпению, ответственности, жертве; она есть школа социального чувствования и мышления; она питает дух наследственной частной собственности; она хранит традиции народа. Вот почему коммунисты стремятся поколебать гражданско-христианский брак и уничтожить семью. На деле это означает, что там, где семейный уклад подвергается разложению; где угасает начало мужской верности и женской чести; где родители уже перестали блюсти свой духовный авторитет; где между поколениями возникает рознь, а порою и пропасть; где молодая поросль утрачивает чувство священного, почтительности и заболевает чванством и тщеславием, — там большевизму открыт доступ к самому сердцу народной жизни. Народ, который не хочет пасть жертвою большевистского разложения, должен немедленно начать решительную борьбу за сохранение и оздоровление семейной жизни. Если ему не удастся здесь выйти победителем, то враг, можно считать, уже овладел цитаделью его национального бытия.

6. *Воспитание и школа.*

Всякое *формальное* воспитание, лишь дисциплинирующее, муштрующее ребенка и штампующее из него духовно пустого механического специалиста, но не пробуждающее в нем ни любви к родине, ни национального чувства, открывает юную душу для яда большевизма. Все, что озлобляет и смущает душу ребенка, будит в ней большевистские настроения и установки. Большевизму благоприятствует все, что подрывает авторитет учителя, что расшатывает школьную дисциплину или ужесточает ее и превращает в каторгу; что приучает детей к мертвому, схематичному, трафаретному мышлению; что ослабляет у них чувство чести или прививает им хулиганские повадки. Особенно заразна и пагубна преждевременная трактовка полового вопроса в школе, разрешение детям так называемого «товарищеского брака» или «пробной женитьбы» и т. д. Большевистским является вовлечение детей в

Например, фильм «Голубой ангел».

мелочовку партийной политики с ее атмосферой ненависти и клеветы; привлечение их к участию в политической слежке, уличных свалках и т. д. Отмена религиозного обучения в школе непосредственно входит в коммунистическую программу и должна соответственно оцениваться.

7. *Общественное мнение и интеллигенция.*

Завоевание общественного мнения вообще и особенно симпатий интеллигенции — одна из главных задач большевизма и его пропаганды. Это достигается путем ***общественного внушения***. Настойчивое и назойливое повторение того, что советское государство породило новый социально справедливый строй жизни, что оно несет миру новую освободительную, осчастливливающую всех идею, создает грандиозную продуктивную социалистическую промышленность, что оно блестяще разрешило проблему безработицы, покончило с безграмотностью и детской беспризорностью, открыло своим национальным меньшинствам путь к свободному расцвету и т. д., — поражает простодушных, импонирует скептикам, создает иллюзию достоверности. Пробольшевистские и продажные газеты, ограниченные или просто хорошо оплаченные писатели повторяют эти «новости» изо дня в день. Книжки и брошюры, ораторы на собраниях, выставки, частные салоны и кинофильмы, плакаты, выступления в рейхстаге — все идет в ход, все должно способствовать тому, чтобы ложь выглядела правдой. Люди не замечают, что начинают верить величайшей лжи в мировой истории; они раскрывают умы и сердца для яда большевизма в ожидании обновления и даже спасения от губительных идей коммунизма. «Хозяйственные отношения» и «торговые договоры» довершают дело устной пропаганды. Уже создано «убеждение», что коммунистическое государство — не что иное, как «новая, дружественная Германии Россия», что у Германии только один «друг» — советское государство... Опять верят в «естественную симпатию» между народами, следуя старому присловию: «Люблю того, кто любит меня»... Общественное мнение подчинено, и бездна жаждет жертвы.

8. *Возможность новой войны.*

Самой серьезной и грозной опасностью для некоммунистического мира является возможность новой войны.

Мир, закончивший Великую войну (1914 — 1918), не создал устойчивого равновесия в Европе — ни в политическом, ни в экономическом отношении. Народные же массы в Европе *не способны вынести* бремя новой войны; обессиленные адом большевизма, опьяненные и разнузданные им, они постепенно впадут в *политическую и социальную деморализацию*.

Ясно, что новая европейская война вызовет такие потрясения — духовного, политического и хозяйственного характера, — которые превзойдут все, виданное прежде в истории; и большевистский яд, уже разлившийся по миру и постоянно отравляющий души, распространится и разбушует в случае новой войны со стихийной, если не с животной мощью: это и будет означать настоящую *мировую катастрофу*.

Политические вожди должны уяснить себе эту опасность и серьезнейшим образом к ней отнестись.

КОММУНИЗМ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Чтобы не потеряться в лабиринте запутанного, отягощенного страстями современного мира, нам, христианам, подлежит с величайшей осторожностью и бесстрастной объективностью подойти к анализу исторических событий и сделать соответствующие выводы. Мир болен, мир страдает, нуждается в точном диагнозе. Нам непроизвольно опираться на предвзятые, упрощенческие, успокоительные суждения. Тот, кто хочет сказать что-либо о странах¹, больных тоталитаризмом, должен иметь четкое представление о них в их *здоровом* состоянии, в их историческом прошлом; он должен непосредственно пережить их недуг, понаблюдать за ходом их болезни. В противном случае его познания будут сомнительны, а суждения ложны. Наука начинается с непосредственного восприятия предмета. Христианин выносит свое суждение только тогда, когда он непосредственно знает больную душу своих сограждан.

Так и автор данной статьи не стал бы писать этих строк, не обладай он подобным непосредственным опытом. У него имелась возможность, будучи верующим

христианином и профессором университета, прожить пять лет в коммунистическом государстве и пять с половиною лет в национал-социалистическом и в обоих случаях испытать последствия своей духовной независимости. Пережитые и отмеченные им на месте событий деяния современного коммунизма он отслеживал и дальше на протяжении 18 лет, изучая подлинные коммунистические источники (стенографические протоколы, постановления, законы, очерки, газеты и журналы); опубликовал при этом три большие книги², ряд статей и брошюр. Свои выводы он готов подкрепить и более поздними доказательствами и примерами. Здесь пойдет речь исключительно о проблемах коммунистического движения.

1. БОЛЬШЕВИЗМ И КОММУНИЗМ

Прежде всего необходимо строго различать эти два понятия — *большевизм* и *коммунизм*. Большевизм и коммунизм — это не одно и то же, хотя в современном мире и обозначают общее направление.

Большевизм не система, не программа и не политический строй. Он скорее означает *массовое состояние души*, а конкретнее — *духовное разложение и разнузданность*. Душа большевика больна духовной *распущенностью*, моральной и политической яростью в своих ощущениях и поступках. Это разложение и разнузданность не новы в истории человечества; новы, однако, их название, их *аргументация*, их *высокомерие*. Истории человечества такие явления известны; как правило, они имеют место в период религиозных кризисов, при распаде целых государств, во время политических беспорядков, гражданских войн, не в меру затянувшихся мировых войн или во время массовых эпидемий (например, чума в средние века). Шекспир именно такое массовое состояние души описывает в своих хрониках. Достаточно вспомнить Италию во времена Макиавелли, Германию по окончании Тридцатилетней войны, Францию 1790 — 1793 годов, Россию в 1610 — 1613 годах. Большевизм — это как бы «забастовка», как бы *протест подсознания человека* против всего связующего, сдерживающего, запретного, святого. Охваченная большевизмом душа отвергает, отбрасывает от себя все положительное; говорит

только «нет», не признает никаких ценностей, никаких прав, никаких святынь. Она жаждет неограниченной свободы, жаждет избавиться от Бога, религии, церкви, чести, достоинства, долга, стыда, семьи, Отечества, национальности. Большевизм — это **крайний нигилизм**. Но одновременно это и раскрепощенная алчность. Его лозунги гласят: «Все дозволено!», «Все — сию минуту — мне!». Подобный настрой означает, как видно, некое **душевное заболевание** при внешнем **психическом здоровье**: человек не сошел с ума, не помешался, но все духовное в нем как бы смолкло, словно находится в состоянии паралича — в нем закипают **животные страсти**. Это своего рода *moral insanity* («моральное безумие»³), которое **стремится к политическо-социальному буйству, к разрушению всего и вся**. Со временем у лучших людей оно проходит и уступает место осознанности, у скверных утверждается навсегда, на всю жизнь. В конечном счете все равно имеет место анархия, хаос и разруха.

Важно иметь в виду и то, что большевистская установка духа далеко **не всегда ведет к коммунизму**. Власть в большевизм могут не только коммунисты, но и такие классы и партии, которые в принципе признают частную собственность. Большевизм — это психоз, направленный на **насильственное отчуждение и присвоение**, на разбой, грабеж и разрушение. Всякий грабитель, всякий гангстер является **аполитичным большевиком**. Во время Пелопоннесской гражданской войны в Древней Греции большевизированными были обе стороны («аристократы» и «демократы»): с обеих сторон слышались клятвы в «вечной ненависти» и «беспощадной мести»; одни сжигали детей своих сограждан-врагов в кипящей смоле, другие швыряли их в стойла под ноги быкам. Класс или партия, которым ведомы лишь проскрипции, казни, месть и отчуждение (Марий и Сулла), подвержены духу большевизма. Революционно настроенные крестьяне России (1917 — 1918) стремились к присвоению земли, грабили, разбойничали и говорили о себе: «Мы большевики, но не коммунисты» (о чем свидетельствует Ленин). Показательна в этом отношении вульгарная песенка, написанная в коммунистической каталожке и распе-

ваемая большевистскими бандами, не желавшими и знать о коммунизме.

Бога нет, царя не надо,
Мы урядника убьем,
Податей платить не будем⁴
И в солдаты не пойдем⁴.

Даже из нее видно, что большевизм находится в достаточно близком родстве с *анархистским мятежом* и уголовщиной*. Ведь еврейские погромы — тоже проявление большевизма; но они не имеют ничего общего с коммунизмом: погромщик — это или садистски настроенный «хулиган», или же нацеленный на индивидуальный грабеж⁵ бандит. Убитый позже в Париже атаман Симон Петлюра учинял погромы (1918 — 1919 гг.) от лица большевистского крестьянства; называл себя «большевиком-националистом», «большевиком-аграрником», боролся против коммунистов. В связи с национал-большевизмом надо отметить, что в большевизм может впасть и партия, придерживающаяся правой ориентации: сначала она преследует национальные цели, занимается разработкой методов и средств борьбы («все средства хороши», «цель оправдывает средства», «готова заключить союз даже с чертом») и только потом переходит к мировоззренческим вопросам (идеологический нигилизм).

Коммунизм, в противоположность большевизму, — это и *система*, и *программа*. Он пытается *насаждать* и *строить*; у него есть определенный «идеал», который, хотя и противоречит человеческой природе, однако сгре-

В 1921 году у меня была возможность доверительно поговорить с начальником советской уголовной полиции. «Известно ли вам, господин профессор, — сказал он мне, — что в нашем ведомстве уже не значится ни одного профессионального преступника? Есть лишь неопытные новички в этом деле, которые крадут впервые в жизни по мелочи, от голода». «Куда же подевались деклассированные элементы общества, профессиональные преступники?» — удивленно спросил я. «Почти все *стали коммунистами* и растворились в аппарате чиновников нового государства. Они властвуют и управляют. Незначительное число ослушников и свободолюбцев, кто не пошел на это, расстреляны. В современном коммунизме *криминал политизирован*, а политика *криминализована*».

мится практически воплотиться в жизнь как «неосуществимое учение», т. е. утопия. Поэтому он хочет **захватить государственную власть**, создать **строго централизованное правительство**, начать собственное строительство, т. е. стремится ввести **новый порядок вещей**.

Коммунистическое движение имеет долгую историю. Эта история знает системы и попытки, которые **не имеют ничего общего** с духовным нигилизмом, — например, Платон, первые христианские общины, Кампанелла, Томас Мор, иезуиты в Парагвае; но наряду с этим существовали и коммунистические движения, черпавшие свою ударную силу непосредственно из **нравственного просветления**¹ — таким был персидский коммунизм IX века (Абдалла ибн Маймун), такими были в средневековые «братья и сестры вольного духа», в XIX веке — коммунисты в России.

В последнем случае большевизм становится **предшественником, первооткрывателем** и как бы **подметальщиком улиц для коммунизма**: он разлагает, разрушает, подтачивает и «убирает» там, где коммунизм начнет строительство. **Современный коммунизм старается вести строительство на основе большевизма**. Здоровая человеческая природа, которая начинается с веры в Бога и созидательно-творческой индивидуальности и заканчивается единобрачием и частной собственностью, настолько противна коммунизму, что он пытается сначала расшатать и как бы отключить ее, чтобы подвести к коммунистическому строю жизни, подготовить к нему.

Современный коммунизм вовсе не настроен на свободу и демократию; он возникает не из любви, справедливости и доброты. Он представляет собою исключительную **доктрину ненависти и мести**, а потому видит в большевизме **неизбежную подготовительную стадию** на пути к коммунизму.

Эта подготовительная стадия зарождается отчасти **сама собой** из исторически конкретной ситуации: капитализма, пролетаризации масс, массовой безработицы, классовой борьбы, мировых войн; частично она **начинается** благодаря спланированной, необычайно умело организованной пропаганде и агитации. Благоприятная конъюнктура для возникновения большевистских настроений имеется там, где человек **от духовного изнемо-**

жения приходит в отчаяние и ломается, освобождается от «пут», позволяет себе все и теряет честь (т. е. освобождается от всех глубинных связей). Так бывает во времена больших бедствий: чумы, голода, землетрясений и затяжных войн. Такое настроение *заражает души*, как в средние века «пляска святого Витга»: стоит начать одному, как за ним последуют другие. Так возникает и *массовый психоз*. Итак, современный большевизм — это *духовная разнузданность, возникшая из чувства неполноценности и зависти, отчаяния и позора, жажды обогащения и безбожия*.

Не может быть сомнений в том, что современный коммунизм не только признает свое родство с большевизмом, но и стремится *большевизировать души*, чтобы массовую большевизированную душу сделать затем своим отправным пунктом и своей опорой. Он пытается закрепить это аморальное и нигилистическое состояние, поддерживать его, создать на его основе новый жизненный уклад. *Между тем освобожденная от пут душа не способна ни на какое строительство*. Там, где все высшие ценности отвергаются и эмоционально, и практически, не существует ни духовной, ни политической формы, которую можно было бы свободно поддержать, там человеку не удастся ничего — ни работа, ни порядок, ни повседневная жизнь, ни духовное созидание.

Но этого коммунисты не понимают. Они воспринимают *марксизм как нигилизм* в том смысле, что отстаиваемые и обосновываемые ими так называемые «*классовые интересы пролетариата*» должны *опорочить и заменить все остальные ценности*. «Хорошо» все, что соответствует этим «революционным классовым интересам»; все остальное — «плохо». Полезное сегодня может стать вредным завтра, потому оно и становится «плохим». Но «плохое» нечего беречь и нельзя исправить: его следует «разоблачить», победить и *уничтожить*. Для этого *все средства хороши*, для этого все не просто «дозволено», а «настоятельно необходимо». А поскольку любые установления и институты буржуазного общественного строя — вера, церковь, нравственность, семья, частная собственность, личная инициатива, политические свободы, демократия, свободная пресса, свободное искусство и свободная наука — наносят вред классовым интересам

пролетариата, все их следует *упразднить* и *искоренить*. Человек должен раз навсегда отказаться от всех этих институтов, отречься от духовности, лишиться всякой надежды и проклясть все религиозное, гражданское, личное. Он должен *освободиться от пут*. Все, что помогает ему в этом, служит «революционным классовым интересам мирового пролетариата».

Сегодняшние коммунисты, вышедшие на арену жизни из военной разрухи, хорошо поняли, что *современная война* с ее невероятным нервным напряжением и истощением вызывает в людях усталость, крушение духа и желание «освободиться от пут». Потому в течение 20 лет они снова и снова злорадно предрекали новую мировую войну в Европе, подготавливали ее «дипломатически» и сознательно ускоряли в 1939 году. И теперь, когда она все-таки разразилась, считают, что воспользуются долгожданной и подготовленной ими конъюнктурой, которая позволит им на фоне всеобщего большевистского развала приняться за проведение новых революций в других странах.

Коммунистическое правительство в России возникло также в результате использованной катастрофы. Оно было востребовано к жизни политическими авантюристами с буйным темпераментом, тактика которых и сейчас остается прежней: *вызвать мировую катастрофу и ловко использовать конъюнктуру*. У них нет ни национальной традиции, ни ответственности за свое Отечество, ни заботы о сохранности наследуемого народом достояния. Стихия этих людей — освобождение от пут и мировой пожар: они беспредельно жестоки в постановке целей, изворотливы и бесцеремонны в тактике. В целом — это явление, которое едва ли укладывается в голове доброй натуры и порядочного человека.

II. СУЩНОСТЬ И ПРОГРАММА БОЛЬШЕВИЗМА

Исходя из изложенного выше, не подлежит сомнению, что коммунизм старается вызвать брожение и хаос лишь *на время*: в этом хаосе тогдашнему, исторически конкретному человеку предстояло отречься и отвыкнуть от прежних традиций, ценностей и святынь и тем самым «созреть» для нового порядка. Как долго продолжаться

этому хаосу, предсказать невозможно. В России он продлился около 4 лет (3 года всеобщей гражданской войны и год полнейшей разрухи в стране); гражданская война в Испании длилась около 2,5 лет; революция и гражданская война в Китае (с 1925 г.) — более 10 лет. Продолжительность этого периода беспорядков и их последствия — голод, эпидемии, вымирание, жертвы, понесенные в гражданской войне, короче, неизмеримые страдания — для коммунистов значения не имеют. **Новый порядок должен предваряться ликвидацией старого порядка;** несчастья и страдания людей, бедствия масс принимаются в расчет как нечто естественное и неизбежное. Под конец гражданской войны в России, в которой погибли целые армии, и вслед за казнью в одном только Крыму 120 000 человек, осуществленной по приказу коммунистического руководства⁷, Ленин писал: «Диктатура пролетариата в России потребовала от господствующего класса, пролетариата, такой нужды и таких лишений, каких еще не знала история; и весьма вероятно, что и в любой другой стране дело будет происходить таким же образом». «Никогда рабочий класс не испытывал такого недоедания и такого голода, как в первые годы своей диктатуры», когда общее производств в стране упало до 6% от довоенного уровня... и т. д.

Живой пример Испании все еще стоит у нас перед глазами.

Вслед за этим периодом всеобщего распада и разложения начинается период **коммунистического строительства**. В России он длится вот уже скоро 20 лет; за это время у нас была возможность детального изучения сущности коммунизма по **достоверным источникам**. На этом основании мы считаем своим долгом констатировать следующее.

1. По своим последним, главным идеям коммунистический уклад жизни **безбожен и враждебен религии**. Не только в том смысле, что коммунисты не верят в Бога и не отправляют никаких официальных религиозных обрядов, но и в смысле **последовательного преследования всяческой религии и религиозности в стране**. С 1918 года в Советской России преследуется и искореняется **христианская религия, а также любое другое вероисповедание**. Накал и жестокость этих преследований имеют свои

приливы и отливы, но совсем не прекращаются. Борьба ведется систематически, широко, умело и неустанно: главное — любыми средствами полностью искоренить веру в душе человека, как и приверженность, потребность верить, а вместо этого насадить **новый безбожный и антихристианский образ мыслей**. Применяют все доступные «внутренние» **средства**: материалистическую аргументацию, начиная со школы, уговоры, издевки, высмеивание, карикатуры, запрет на религиозное обучение, богохульствующие шествия на улицах.

«Внешние»* средства не уступают «внутренним». Особо стоит отметить арест, ссылку и расстрел священнослужителей; лишение прав духовенства, у которого вообще отнято право зарабатывать себе на хлеб; лишение прав церковных общин; экспроприацию церковного имущества, строений, икон и колоколов; взрывы церквей и храмов; запрет Священного Писания, религиозной печати, проповедей вообще; преследование верующих служащих и т. д.

Почему? Зачем? Отвечают: верующий **порабощен** своим Богом и своим священником, он **не думает сообразно естественным наукам**; его воля **стеснена**; он не переставая носится со своими религиозными предубеждениями и моральными ограничениями; **христианство препятствует его классовой ненависти и классовой борьбе**; оно учит его сочувствию и тем самым играет на руку угнетателям — капиталистической буржуазии. Вера в Бога беспочвенна, бессмысленна, глупа и вредна; кто распространяет ее (от христианского священника до муллы и раввина), тот **лицемер, искуситель и враг народа**.

2. В политическом отношении коммунистический порядок жизни является **авторитарным, тоталитарным и террористическим**.

а) Коммунистическое государство управляется авторитарно, а именно **диктаторски**. Диктатура находится в руках коммунистической партии (не более 2% населения), политического бюро (политбюро), центрального комитета партии и лично главного секретаря партии Иосифа Сталина.

Над демократическим принципом издеваются и от него принципиально отучают. Так называемые **«выборы»** (на сессии Советов, съезды партии и в последние годы — в парламент, который ничего не решает) умело

инсценируются: на самом деле это *назначение*, исходящее от секретаря партии; составляется и зачитывается единственный список кандидатов, голосование открытое, единодушность выбора гарантируется террором партии и политической полиции. Профессиональные союзы — тоже всего лишь партийные учреждения. То же самое и местные советы. Все идет *сверху*. С августа 1918 года в стране введена монополия партии на прессу. Приверженцы справедливости, которым на собраниях или заседаниях достало мужества высказать собственное мнение, давно пребывают в концентрационных лагерях (т. е. в громадных резервациях для принудительной работы, где более 5 млн. человек работают в условиях, обрекающих на смерть, голодают и замерзают, среди них — 160 православных епископов).

б) Коммунистическое государство — принципиально *тоталитарное государство*. Это означает, что оно не только диктаторски (антидемократично) правит, но и старается охватить и овладеть целиком всею жизнью. Вообще не терпит личную инициативу, частную собственность, собственное мышление и независимую волю. Авторитарное государство совсем не обязательно должно быть тоталитарным: авторитарное правление существует сейчас, например, в таких государствах, как Венгрия, Латвия, Эстония, Испания и Португалия; но ни одно из них не притязает на то, чтобы стать *тоталитарным*, т. е. взять на себя все, *регулировать все и руководить всем*, включая и мировоззрение. Однако коммунист — последовательный тоталитарист: *главная реальность для него* — государство, т. е. марксистское классовое государство; индивидууму по отношению к нему предоставляется лишь видимость существования. Коммунистическое государство — *живой силовой центр, реальная потенция* достижений в экономике, авторитетный источник оценок и воззрений. Индивидуум, в противоположность этому, — вредный принцип личной инициативы, конкуренции и анархии. Лишь марксистское государство умеет организовывать, и организовывать методом принуждения. Государство создает, а человек находится у него в услужении: он повинуется и усердствует. Человеку положено *безоговорочно подчиняться и трудиться*. У него не должно быть притязаний на свободу, независимость и

творческую инициативу. Коммунизм в этом отношении абсолютно последователен: построит себе бездомный рабочий на свой страх и риск жилище — его назовут «дерзким»; добудет себе крестьянин вторую корову — его осудят как «кулака», а корову отнимут; жилая площадь в городе распределяется квадратными метрами (около 4 — 5 кв. м на душу населения); писателю вменяется в обязанность выполнение «социальных заказов» с точным указанием, *о чем и как* он должен написать; ученого (юриста, философа, биолога, историка), не склонного восхвалять марксизм, третируют, его «изобличают» коммунистические студенты; его подвергают публичному осуждению и увольняют и т. д. Отсюда естественно возникает своеобразное *обезличивание* и *нивелирование*. По всей стране начинается своего рода жизнь в катакомбах: разогнанные монастыри отступают в дебри северных лесов; бездомные священники, сменив одежду, скитаются по стране; из рук в руки передается подпольная литература; люди учатся молиться молча и вынашивать свои мысли в одиночестве.

в) Этому духовному уходу в себя предаются в основном по той причине, что коммунистическое государство осуществляет свою власть *террором*.

Коммунистический террор — не эксцесс, не случайность и не преходящее явление. Он — принадлежность системы. Почему? Чем это объяснить?

Необходимостью делает террор *противоестественность коммунизма*. Основные мероприятия коммунизма настолько *нарушают или парализуют здоровую мотивацию человеческого труда, что государству не остается ничего иного, как создать искусственную, принудительную и насильственную мотивацию*.

У всех (от капиталиста до колхозника, от домовладельца до лавочника и пролетария) отобрана собственность. Никто не в состоянии обеспечить благосостояние свое и своих детей собственным трудом. Никто кроме закоренелых коммунистов не верит в успех коммунистического государства. *И потому никто не хочет работать добросовестно, и все бегут от грозящей суровой ответственности. Процесс работы остался без духовного двигателя*. Угрозе (террору) требуется заполнить эту брешь. В перспективе это означает наказание, лишение продовольсг-

венной карточки, выселение из квартиры, потерю работы, арест, тюрьму, ссылку, концентрационный лагерь и казнь.

Так террор сделался фактически методом управления в коммунистическом государстве. Это находится в полном соответствии и с *материалистическим мировоззрением*. если человек — не более чем *живая машина*, то безразлично, каким способом заставить эту машину работать. А поскольку коммунистическая экспроприация пролетаризировала *всех* и всех сделала зависимыми, то *угроза* становится необходимой составной частью коммунистического жизнеустройства: *ослушник уверен, что его ждет смерть*. И насколько желанней была бы для некоторых скорая казнь, чем медленное прозябание!

Все это открыто признается и высказывается коммунистами. Так, они отмечают в огромной степени увеличившуюся склонность современной интеллигенции к самоубийству, которое вполне хладнокровно мотивируют тем, что «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас». Коммунист-руководитель авторитетно заявляет: «Не преследуются у нас лишь сны и невысказанные вслух мысли». «Мы тверды как скала и можем переломать кости» (Ленин); мы должны «запугать», «задавить» и «растерзать» врага и т. д.

3. Всему этому соответствует и экономическая сущность коммунизма.

а) Коммунизм экспроприрует *всю личную собственность в стране*. С этого он начинается, на это опирается, это неотъемлемая составная часть его сущности. Государство становится таким образом *единственным хозяйственным предпринимателем в стране*. Это означает, что при коммунизме существует *один-единственный работодатель*, т. е. государственная власть, правительство. Но государственная власть находится в руках единственной существующей в стране партии — партии коммунистов (все другие распущены или запрещены).

Здесь появляется монополия работодателя: кто хочет жить, должен работать и зарабатывать. Но при коммунизме — одна-единственная возможность получить работу: *необходимо, чтобы на нее принял партийный чиновник*. Личное имущество, частное предпринимательство и

частная работа устранены и стали невозможными. Во всех областях жизни — в банках, на железной дороге, в промышленности, сельском хозяйстве, в жилищной сфере, торговле, школе, театре, печати и, наконец, в земледелии — все принадлежит государству и находится под диктаторским руководством коммунистической партии. «Социализировано» все, даже ремесла, ибо ремесленникам тоже предписано объединяться в «коллективы». Государство не взяло на себя лишь церкви, однако оно отобрало церковные и общинные здания, которые постепенно превращаются в кинотеатры, танцевальные залы и амбары для хранения зерна или их просто сносят (большие храмы взрывают динамитом).

Тем самым коммунизм означает *монополию предоставления работы*, что неизбежно ведет к *полной зависимости всех до единого от одного-единственного работодателя*. Нет больше конкуренции между разными работодателями. Каждый трудящийся приписан к своему предприятию или к своему учреждению. Он вынужден безоговорочно принимать те условия жизни и работы, которые предоставляются или отводятся ему, и мириться с ними. Бастовать ему запрещено, саботировать он не может, ибо его заработная плата рассчитывается в зависимости от произведенного им продукта. Ему объясняют, что только коммунистическая партия — *его* партия, а тоталитарная диктатура, которая им правит, — *выражение его «самоопределения» и «самоуправления»*

Возникшая отсюда полная закрепощенность последовательно отражена во всех областях. Рабочий или служащий, который вызывает недовольство правящей партии, попадает в «черный список», и ему уже нище работы не получить, ему грозит голодная смерть. Того, кто не восхваляет марксистское учение и критикует правящую партию, кто пытается организовать оппозиционную партию, кто посещает церковь, называют «врагом народа» и заносят в «черный список». Рабочего принуждают к «добровольной» сверхурочной работе, учителя — к обучению детей в школе безбожия, а работающих женщин — терпеть сексуальные домогательства начальников-коммунистов. Эта последняя дурная традиция неоднократно описывалась в коммунистических газетах и называлась «охотой за живыми людьми».

Коммунизм, таким образом, означает экономическое закабаление народа, которое в жесткой форме сказывается и на духовной сфере. Крестьяне называют свое положение в коллективных хозяйствах **«коммунистическим крепостничеством»**. Рабочие теряют всякий интерес к труду. Интеллигенция считает себя поставленной на колени. Но на публичных собраниях всем полагается **хвалить, превозносить и благодарить**. Метода коммунистов заключается в том, чтобы **внушить каждому**, что он один отвечает за все, и потом дать одиночке-ослушнику просто незаметно сгинуть.

б) Тем самым **централизуется и бюрократизируется** весь хозяйственный процесс в стране. Центр руководит всем: жилищным строительством и распределением квартир, работой железных дорог и ценами на товары, посевом и сбором урожая, свиноводством и оплатой труда. Каждый год составляются огромные, постоянно растущие сметы, которыми должен руководствоваться каждый и отступление от которых опасно. Отсюда проистекает **сознательное искажение данных и отчетности, всеобщее уклонение от ответственности**, склонность к коллегиальным заседаниям, которые ничего никому не дают. В целом — **всеобщая безответственность и всеобщая ложь**. Центр требует и угрожает. Но поскольку он требует **невозможного**, то ему лгут и его обманывают. «Всезнающий» и «всемогущий» коммунистический центр пасует перед огромной протяженностью и разнообразием страны, перед недостаточной связанностью отдельных регионов между собою, но тем не менее не изменяет своей приверженности к централизации экономики. Необразованные, малосведущие и неопытные люди пытаются все предусмотреть и все отрегулировать в огромной стране. Таких людей повышают в должности, назначают (на всякие должности) и отсылают в провинцию. Картина в целом жалкая: народ не хочет работать, а коммунистическая бюрократия не способна его организовать. Двадцать лет подряд советское правительство громко сетует на свою собственную бесхозяйственность и не в состоянии что-либо поправить. При этом в стране проводится **гигантская индустриализация**", сельское хозяйство на 96% насильственно коллективизировано; огромные суммы съедает вооружение. А результаты настоль-

ко неудовлетворительны, что даже коммунистическая печать не может о них умолчать.

Как бы подгоняемое манией величия, коммунистическое государство проводит индустриализацию страны, механизацию жизни и количественное увеличение производства. Его неизменным лозунгом остается «Догнать и перегнать Америку!». При этом, однако, порабощается и истязается живой индивидуум, снижается моральный и интеллектуальный уровень народа; качество изделий крайне низкое. Строятся «комбинаты-гиганты» (огромные жилые кварталы), но рабочие вкалывают в глиняных хибарах. Городское население за 14 лет увеличилось на 36 млн. человек за счет несчастных, экспроприированных крестьян. Добыча угля увеличилась в 4 раза; в 3 раза, по сравнению с прежним, производство нефти и чугуна; наряду с этим есть целые губернии, где нет ни одной церкви, а из 200 протестантских священников остались на службе лишь 5 — 6 (все остальные казнены, вымерли или томятся в концентрационных лагерях).

Коротко резюмируя: количество вместо качества; машина вместо человека; террор вместо свободы; марксистские фразы вместо молитвы; безответственная бюрократия вместо творческой инициативы; всеобщее порабощение и всеобщий саботаж вместо свободного желания работать. В целом — **тоталитарный коммунизм с показной культурой и показной экономикой.**

III. СТРЕМЛЕНИЕ К ЗАХВАТУ МИРА

Коммунистическое правительство с самого начала было твердо убеждено в том, что *его* дело — **дело всего мира** и что коммунизм погибнет, если он ограничится **одной-единственной** страной; коммунистическое государство как таковое возвещает **мировой буржуазии ее погибель** и означает **объявление ей войны**. Ленин без конца втолковывал своим соратникам по партии, что коммунизм **ставит весь мир перед выбором: «или — или»**, а у советского государства **выбора нет**: если оно не преуспее с мировой революцией, то рано или поздно с ним покончит мировая буржуазия.

Поэтому уже в 1918 году Ленин вместе со Свердловым основали **III Интернационал**, который незамедлительно начал вести пропаганду среди немецких, австрий-

ских и венгерских военнопленных. Ленин был тогда как бы «рейхсканцлером» советского государства, а Свердлов — «президентом республики советов». С тех пор местопребыванием III Интернационала стала Москва, источником его финансирования — комиссариат финансов советского государства; а его задачей — пропаганда во всем мире, разложение мира и его завоевание.

Итак, Коммунистический Интернационал вознамерился завоевать весь мир. Это факт, который твердо доказан, и мы должны просто смириться с ним. Все народы — большие и малые, богатые и бедные, процветающие или борющиеся с нуждой — должны представлять себе, что им уготованы *моральное разложение, восстания, гражданская война, неслыханная бойня*; что готовится покушение на их духовное достоинство и культуру, на их имущество и свободу. III Интернационал добивается не части их территории или политических и экономических концессий, а всего до последнего остатка, он покушается на духовное бытие народов.

Это стремление к захвату мира нельзя отнести к мечтам. Коммунисты — *волевые люди*, они умеют *беспощадно хотеть* и с удивительным упорством и твердостью добиваться исполнения задуманного. С этой целью III Интернационал принял хорошо продуманный, рассчитанный на долгий период и детально разработанный *стратегический план*. Достаточно прочесть книгу «Большевистская великодержавная политика» А. Нормана (Берн, 1935 г., изд. «Готтхельд»), в которой весь этот захватнический план вскрывается на основании *достоверных коммунистических источников и исторических фактов*. Вспомним о крупных забастовках, вооруженных восстаниях и попытках мятежа только за последние 20 лет: в 1918 году — в Финляндии, Австрии, Германии; в 1919 — в Венгрии и Баварии; в 1920 — в Италии; в 1923 — в Болгарии; в 1924 — в Эстонии; в 1925 — в Марокко и Сирии; в 1926 — всеобщая забастовка в Англии; в 1927 — восстание в Вене; в 1928 — в Никарагуа, Судане, Персии и Афганистане; в 1929 — в Мексике и Германии (Берлин); в 1930 — в Индии, Перу, Бразилии и т. д. вплоть до гражданской войны в Китае и Испании.

Коммунисты *не делают секрета* из своего плана. Исследователь может ознакомиться с огромным количеством книг на всех языках; среди них стенографические отчеты заседаний III Интернационала и его Исполнительного Комитета, съездов коммунистической партии, красных профсоюзов, коммунистического союза молодежи и т. д. Из года в год этот план обсуждается, улучшается, расширяется и снабжается инструкциями. Подробно описываются и формулируются цели, пути, смысл и средства.

Захват мира задуман как *большевистское разложение*, а затем как *коммунистическая организация*. Путь ведет через *новую мировую войну* и возникающее из нее *всеобщее брожение* к целой череде *гражданских войн* и коммунистических революций. Всеобщий лозунг гласит: *надо повсеместно разоружать буржуазию*, коммунизму надо повсюду *братся за оружие*. Иными словами, новая (сейчас уже начавшаяся) мировая война с ее нервноразрушительным боевым оружием должна поколебать душевное, духовное и экономическое равновесие народов, вызвать нищету, ненависть, жажду мест, создать благоприятную конъюнктуру для большевизации масс. Большая международная война должна планомерно перейти в систему локальных гражданских войн, из которых большевистская коммунистическая революция выйдет победителем. На это вот уже более 22 лет направлена вся пропаганда коммунистов. Имеются особые директивы по соответствующей обработке масс в целом, рабочих, женщин, детей, молодежи, среднего сословия, крестьянства и интеллигенции; особые инструкции по большевистской пропаганде в колониях, в армиях, по нелегальной работе (разработанные до мельчайших деталей!), по подготовке вооруженного восстания и гражданской войны.

Эта пропагандистская и заговорщическая работа проводится довольно умело и финансируется III Интернационалом (который сам получает средства из бюджета советского государства). Повсюду, где происходят брожения и мятежи, можно и должно с уверенностью предположить руку III Интернационала. Взрыв в Софийском храме (1925 г., Болгария) следует отнести к тому же источнику, что и сегодняшние ирландские бомбы в Анг-

лии; коммунистическая пропаганда действует в Швеции теми же методами, что и в Соединенных Штатах; колониальные революции в Британской Индии, на Яве, на Кубе, в Латинской Америке задуманы как *элементы единого плана*. *Их цель одна* — всемирное разложение, мировая гражданская война и захват мира. А далее — *уничтожение частного капитала, введение государственного капитала, монополии коммунистической партии и монополии работодателя, удушение всех религий и особенно христианства, всеобщее отчуждение собственности, пролетаризация и социализация*.

Так выглядит в целом план завоевания мира коммунистами. Этот план известен любой политической полиции и, следовательно, всем правительствам в мире. Его не надо «аргументировать» или «доказывать». Он уже налицо, по нему организуются и работают вот уже в течение 22 лет. И нам остается лишь одно: выявить внутренний смысл этого процесса. Но для этого необходимо еще краткое разъяснение некоторых вопросов.

ГУ. КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РОССИЯ

Мы попытались получить объективное представление о сущности большевистской революции, коммунистического государственного устройства и большевистско-коммунистического захвата мира. Но этим указанное довольно сложное явление не исчерпывается. Сам очаг этого движения с 1917 года находится в России и предстает в обличье исторической национальной России. Так что нам остается ответить на вопрос: *идентична ли советская империя исторической, национальной России?* Верно ли вместо «советское государство» или «советская империя» говорить просто «Россия» и относиться ко всей проблематике коммунистического государства, ко всей политике Советского Союза как к *русской* проблематике и *русской* политике?

Абсолютно ясно, что после захвата власти (1917 г.) советская империя должна была присвоить национально-историческое наследие России. По-иному и быть не могло: коммунисты искали отправную точку, или трамплин, для осуществления мировой коммунистической революции, на скорое свершение которой они тогда со всей уверенностью рассчитывали. После трех лет гражданской войны (1917 — 1920 гг.) они овладели всей тер-

риторией прежней России (за вычетом регионов, которые пришлось уступить после войны) со всеми ее огромными пространствами, климатическими особенностями, природным разнообразием и 165 народностями, часто неопределенной расы, с различными языками и диалектами. Прежде существовавший государственный строй превратился во всеобщий хаос, а хаос — в *новое государство*. Это государство по своей структуре было *совершенно новым: от прежних государственных учреждений и ведомств не осталось и малейшего следа*, а то, что осталось от *неполитических институтов* — «школы», «университеты», «академии», «больницы», — было пронизано новым вредоносным духом и подчинено новым целям и задачам.

Любое государство в своей сущности — *организация целевого назначения*. Государство — *не* «территория», *не* «земля», *не* «природа». Не следует давать вводить себя в заблуждение географическими понятиями. В диктаторски управляемой, централистско-авторитарной, тоталитарной стране государство не *равнозначно* и понятию «народ»: здесь не следует думать об *этнологическом фундаменте* и оперировать демократическими представлениями.

Государство — это *целевая организация, волеизъявление, действующий субъект*. В этом плане прежнее русское государство со всеми его традициями, историческим наследием в области религии, обычаев, культуры и права было как бы исключено. Достаточно принять во внимание, что было упразднено все — *законы* царской России, действующие права и обязанности, институты, предписания гражданского и уголовного права, судопроизводство, полиция, прежнее городское самоуправление, широкая сеть провинциального самоуправления, самодельные сословные организации, крестьянские общины, кооперативы свободных объединений, парламент (нижняя и верхняя палаты), Сенат, Синод, Генеральный штаб; все было заменено системой «советов рабочих и крестьянских депутатов». Партии были ликвидированы, свободная пресса тоже. Началось становление нового государства.

В этом государстве вот уже 22 года господствуют коммунистические высшие круги, включающие *целую рать граждан других государств*: бывших имперских немцев, поляков, румын, венгров, американских евреев, людей с

темным происхождением и прошлым, которые говорят на ломаном русском языке и имеют высокие партийные полномочия. Именно эти интернациональные высшие круги определяют все в стране, имеют неограниченную власть и принуждают население работать так, **как это надо им**. Прежние высшие круги более не имеют значения, около трети их мертвы (казнены, погибли в гражданской войну, вымерли от нужды в концентрационных лагерях), треть эмигрировала и рассеялась по всему свету, а еще треть пока работает в советском государстве (на низких должностях, кустарями, на черных работах и в концентрационных лагерях). А у тех из прежней интеллигенции, кто остался в стране, теперь **совершенно новый образ:}** *мыслей:* одни, более слабые, приспособились и потеряли свое «лицо» (коммунистические попутчики); другие, более сильные, закаленные и облагороженные тяжкими страданиями, образуют втайне действующую христианскую церковь, занимаются кропотливым строительством новой, христиански обновленной России.

Народ с августа 1918 года существует в коммунизме, словно в капсуле. Свободных газет нет, новости из-за границы не попадают внутрь страны, доступны лишь коммунистические газеты. Новое поколение узнает о прежней России только из книг (жадно востребованы и читаются русские классики — романисты и поэты!), то самое поколение, которое по всем вопросам современности зависит от коммунистических источников пропаганды и, следовательно, преднамеренно составленной лжи.

И все же народ настроен антикоммунистически: это объясняется противоестественностью коммунизма природе, его безжалостной жестокостью, политическим террором, экономическими неудачами, безбожием, продажностью и грубостью его чиновников, подспудно живущими в сознании народными традициями, но самое главное — образом мыслей крестьянства (80% населения). Неприятие этого жизненного устройства народом проистекает из: 1) бесконечных казней бесчисленного множества людей; 2) все нового пополнения концентрационных лагерей, в которых медленно умирает более 5 млн. человек; 3) непрекращающихся попыток сопротивления и восстаний; 4) описываемой

советскими газетами деятельности контрреволюционных и террористических групп; 5) молчаливого всеобщего саботажа во всех трудовых сферах, от которого сильно страдает вся советская экономика.

Правящие коммунистические высшие круги обращаются с бывшей Россией (народом, землей, природными богатствами, хозяйственно-техническими возможностями, армией и т. д.) как с побежденным коммунистической революцией **гарнизонам**, как с захваченным трамплином, как с **источником финансирования**, как с **резервуаром** и **прибежищем** сил мировой революции, как с **центром мировой пропаганды** и, наконец, как с **крупным испытательным полигоном**, русский народ для них — не более чем **инструмент** для захвата мира, **объект** их **экспериментов по вивисекции**. Любовь к Родине, национальное чувство, сострадание к страждущему народу, общее благополучие отвергаются ими как **реакционные сантименты**. Лишь в последние годы, почувствовав беспокойство, вызванное надвигающейся угрозой войны, коммунисты стали разглаживать о своей «социалистической Родине, Советском Союзе». Хотя главное дело для них — мировая революция, а непоколебимая основа — интернационализм. Они высмеивают русский национализм, славизм, панславизм и русский империализм. Уличенный в подобных мыслях или настроениях политически скомпрометирован и к нему применяются санкции. Заметим, что русский дворянского происхождения не допускается к участию в выборах; прибежавший же из-за границы коммунист, гражданин другого государства, в советских выборах участвует... В связи с этим возникает вопрос: отчего же государство называет себя Россией? **Этого-то оно как раз и не делает**. В первые годы новые государственные образования еще назывались «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» и «Российская коммунистическая партия большевиков». Пять лет спустя от них отказались. Государство официально именуется себя «СССР» — «Союз Советских Социалистических Республик». О России не упоминают ни законы, ни руководители государства. О России здесь не думают. Россия — **в прошлом**. Когда-нибудь Россия **возродится**. Но настоящее время похорони-

ло ее как государство. В последние годы коммунисты заговорили о «Родине трудящихся», называя ее Советский Союз. Этот Советский Союз, однако, подобен резиновому бассейну. В нем есть место для всего мира, который предстоит захватить: для «Советской Польши», «Советского Китая», «Советской Монголии», «Советской Финляндии», «Советской Германии» и «Советской Англии» — для всех государств, которые должны быть сначала обольщены, а затем растворятся в едином Советском Союзе.

Во всем этом Россия — не целеустремленный и действующий *субъект*, а *объект, жертва*, захваченный трамплин; а русский народ — *закабаленный носитель мировой революции*. Историческая национальная Россия никогда не стремилась к разложению и захвату мира. Она воевала, например, с Наполеоном: русские войска были во Франции (1815 — 1818 гг.) и вернулись домой. Она участвовала в подавлении революции в Венгрии (1848 г.) и ничего не потребовала взамен. Она боролась за освобождение балканских славян (1867 — 1877 гг.) и ничего за это не получила. Правда, ее ошибкой было участие в трехкратном разделе Польши (XVIII в.). Однако аннексированная Польша, как и аннексированная Финляндия (1869 г.), получила широкую автономию и народное представительство.

В последнее время то тут, то там поговаривают об империалистических планах царской России, отмечая при этом Скандинавию и Индию. Здесь достаточно вспомнить, что с 1809 года между Россией и Швецией не было войн и что Швеция (имеющая хорошую разведывательную агентуру) чувствовала себя настолько безопасной, что уже в 1939 году располагала крохотной армией в 16 000 человек. Что до Британской Индии, то история в течение веков не отмечает ни одной серьезной попытки проникновения в Индию со стороны России. Лишь III Интернационал включил Индию в свои планы, да и то не стратегически, а пропагандистски.

Идея о разложении других государств путем развязывания внутренней смуты — новшество в истории человечества. Германия применила эту тактику в войне с Россией в 1917 году (переезд Ленина и его приспешников в Петер-

бург в 1917 году и украинская пропаганда среди русских военнопленных с целью откола Украины от России).

Так же нова в истории человечества и идея подавления всех религий. Греческое православие, которого придерживалось в России около 70% населения, никогда не претендовало на подавление всех религий. А подумайте только, сколько сотен протестантских и католических церквей, мечетей и синагог пришлось снести в России коммунистам... В процессе преследования христиан коммунистами греческое православие в России, наряду с другими христианскими конфессиями, выдержало испытание мученичеством и по-братски присоединилось ко всем верующим. И человек, мало-мальски знающий русский народ, должен определить весь дух большевизма-коммунизма — эту необузданную жажду власти, эту строгую партийную дисциплину, эту неслыханную самоуверенность и эту ненасытную жажду крови — как *нерусский* и *антирусский*. Он отвергает скверную шупсу «Сталин — красный царь» как несправедливую, неисторическую и нехристианскую; а тот, кто повторяет ее, лишь подтверждает то, что об истории России он не имеет ни малейшего понятия.

Россией называют советское государство только в других странах, да и то по близорукости. Советское государство нельзя отождествлять, нельзя путать с Россией. Советское государство — это то самое государство, которое в надежде ускорить мировую революцию через новую большую войну идет теперь рука об руку с национал-социалистской Германией. Советское государство — это то самое государство, которое нанесло удар в спину Польше и теперь проводит экспроприацию на оккупированной территории; в интересах национальной России была бы, напротив, поддержка самостоятельного польского государства у своих западных границ. Советское государство — это то самое государство, которое не захотело договориться с храбрыми и верными финнами и протягивает теперь свою *революционизирующую* длань в Швецию и Норвегию: в национальной России никогда не появлялось даже намек на то, чтобы посягнуть на неприкосновенность Швеции или Норвегии. Все войны со Швецией были с русской стороны неизменно оборонительными, ибо *агрессивный лозунг* изолировать Россию от

Балтийского моря и тем самым обречь страну и народ на гибель в континентально-азиатской отсталости был произнесен еще Густавом Адольфом. Накануне войны 1914 года России были нужны только мир, хозяйственное строительство, народное образование, внутреннее спокойствие и христианская созидательная культура, а вовсе не войны, захваты и империализм. Так это и будет после коммунистов.

Советский империализм — не русское, не национальное явление. Армия, которая сейчас сражается с финнами, в советском государстве всегда называлась «Красной Армией» или «Всемирной Красной Армией». Сражающийся в ее рядах как «красный *солдат*» русский человек так же закабален и несчастен в этом сражении, как *рабочий* в сфере советской индустрии и *крестьянин* в колхозе.

V. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Из вышесказанного следует, что советский коммунизм — *принципиально империалистичен*, как ни одно государство в истории человечества прежде; речь здесь идет не о новых аннексиях территорий и не о «гегемонии в мире», а о «*разложении мира*» и «*закабалении мира**». И задумывалось это *вовсе не военным путем*, не по-милитаристски. Разумеется, строилась и вооружалась Красная Армия, но коммунистов заботили не столько ее *стратегические способности*, сколько в первую очередь ее *коммунистический образ мыслей* и *революционный энтузиазм*. Коммунисты задумывали не настоящую войну и победу в такой войне, а скорее *вооруженное вступление в разложенную, охваченную смутой, разрушенную гражданской войной страну*. Для методы коммунистического захвата мира характерна *не война в Финляндии, а вступление в Польшу* и, возможно, «мирная» оккупация (Литвы, Латвии и Эстонии). «Захват» они представляли себе как *вооруженную оккупацию обольшевиченных территорий*. Именно это было предназначением Красной Армии. И этим же можно объяснить решение Сталина в течение двух последних лет провести кровавую «чистку» среди руководства Красной Армии: за 1937 — 1938 гг. были

казнены два маршала, 13 командармов, 57 командиров корпусов и дивизий, 202 бригадных командира и четверть остального офицерского корпуса. Сталин предпочел *порушенную*, но *послушную армию* хорошо организованной, но в *коммунистическом отношении ненадежной армии*. Красная Армия была задумана как революционная и *революционизирующая армия'*, она призвана защищать центр всемирной революции в России и *без серьезной борьбы* занимать другие, подвергшиеся разложению войной или революцией страны. Этим следует объяснить и финскую войну: Сталин был введен в заблуждение своими агентами в Финляндии, сообщавшими, что Финляндия якобы созрела для революции, и он совсем не рассчитывал на серьезную и затяжную войну.

Весь этот план на Западе проморгали. Европа неизменно верила в то, что «перед нею — *Россия в новой и демократической форме**, и старалась привлечь эту воображаемую «Россию» на свою сторону. Отвечая на каждое приглашение технически и организационно нестабильного советского государства, буржуазные страны (Германия, Франция, Англия, США) заявляли о готовности содействовать ему поставками, помощью техникой, советами, импортом оборудования и сотрудничеством. Намеченные жертвы тем самым усердно помогали своему собственному палачу. Наполовину верующие и неверующие «христиане» усердствовали в своих стараниях поддержать антихриста, облегчить и обеспечить ему «дальнейшую работу». Советское государство прилагает усилия для того, чтобы: 1) распространить большевистскую пропаганду на весь мир и углубить ее; 2) предотвратить нападение возможной коалиции капиталистических государств на «Родину трудящихся»; 3) натравить эти государства друг на друга и ускорить долгожданную, благоприятную конъюнктуру для новой войны в Европе. Этим и объясняется вся дипломатия советского государства в мире за последние 20 лет (естественно, и договор с Германией в августе 1939 г.). Любое советское посольство в Европе было и остается очагом активного, искусно работающего большевизма. Любое советское консульство является тайной агентурой III Интернационала. Все коммунистические партии в мире подчинены III Интер-

националу (резиденция в Москве) и финансово и политически зависят от него. Прием Литвинова в Лигу Наций был равнозначен готовности связаться с шулером (с той лишь оговоркой, что речь шла далеко не об игре). Литвинов участвовал в работе Лиги Наций примерно так, как Катилина в заседаниях римского Сената. Здесь было бы уместно вспомнить и о Троянском коне, и о ящике Пандоры.

Этим объясняется и современная политика советского государства. Сталин присоединился к Германии, чтобы: 1) скорее развязать всеобщую войну, 2) заполучить на свою сторону ближайшего, сильнейшего и опаснейшего врага; 3) сразу же выиграть в плане расширения влияния (Польша, Балтика); 4) по возможности обмануть Германию с поставками и революционизировать ее. Он знал и то, что его пропаганда будет иметь больше успеха в Германии, чем в других западных странах. Сталин следовал директивам Ленина: «Обнимаю тебя, чтобы задушить в своих объятиях»; «держу тебя, как веревка держит повешенного». Тем самым он создал в мире свою революционную конъюнктуру; у него нет ни малейшего доверия к Германии; в настоящее время он создает на западном фронте новую советскую линию Мажино (от Черного моря до Финского залива) и по-прежнему думает о том, **как бы ему получить германскую техническую и военную помощь, не помогая националистической Германии одержать победу.** Его основной и конечной целью остается, как и прежде, всемирная революция. В Германии, как и прежде, широко и успешно ведется коммунистическая пропаганда

VI. КАК ВОЗНИКЛА ЭТА УГРОЗА?

Теперь самое время для христиан осознать причины этой огромной беды и опасности. То, что мы ныне переживаем, эта странная мешанина из войн и революций, из нигилизма и стремления к захвату мира, из духовной ущербности и высокомерия указывает на большой и глубокий **всемирный духовный кризис**, который назревал давно, а разразился только сейчас. Он не был неожиданным; неожиданны лишь его внезапное обострение, глубина, размеры, осложнения, весь его ход. Нам надо, сохранив душевное спокойствие и ясность мысли, выявить сущность этого кризиса.

Мне думается, что современный кризис имеет глубокие корни. Прежде всего — это *религиозный кризис*. Затем кризис *правосознания*. Затем кризис *принципа частной собственности*. В общем и целом это *своего рода творческое бессилие нашей христианской веры*, нашей религиозности и нашего религиозного созидания. Все здесь взаимосвязано друг с другом, взаимообусловлено и тем самым доведено до высшей точки, до катастрофы.

Дальнейшие мои рассуждения касаются прежде всего религиозного кризиса. Христианское человечество кажется в настоящее время до того «просвещенным» и «образованным», что на самом деле оно стало наполовину *неверующим*. Это самая первая и самая большая беда. Человек без веры не способен многого достичь в жизни: всякое дело без веры даже по своему плану близоруко, для исполнения ему не хватает дыхания, оно безыдейно, беспочвенно, слабо и хрупко. «Просвещенный» человек не верит в Бога, но именно поэтому верит в *грубую силу, классовую ненависть и классовую борьбу, расовый принцип, в демагогов, в империализм, в машину, в гороскоп и в социалистические и коммунистические рецепты*. Он верит во все то, что требует *не* веры, а научного исследования и критики; и не верит в то, что сулит и что предлагает ему духовный опыт. В своих вполне осязаемых земных идолов он верит и *без* какой-либо критики, и *без* научного исследования. Потому он теряет благодать истинной веры, а его мнимая вера есть не что иное, как *суеверие*. *Из этой суетной веры в идолов проистекают все беды настоящего*. Существует, однако, закон человеческого духа, по которому верующий незаметно становится похожим на предмет, в который он верует. Через веру в Бога в человека вливается Божие дыхание. Вера в классовую ненависть и расовую ненависть, в их учителей делает человека завистливым, злобным, мстительным и кровожадным. Идол тем самым незаметно ведет человека к гибели.

В этом проявляется еще и кризис современного *правосознания*. Человек разучается ценить *право* и его *живых носителей*, разучается содействовать им. Тоталитарное государство есть не что иное, как радикаль-

ное отречение от священных и неотъемлемых человеческих прав, от всяческих духовных и материальных основ правопорядка, судопроизводства, справедливости, семейной жизни и субъективной свободы. *Отвергается и попирается извечная сущность права.* Сила становится выше права. Насилие и произвол значат больше, чем справедливость. Государство становится монопольным партийным аппаратом. *Свободный человек как дитя Божие, как субъект совести и объект права* исчезает. И это испытывают целые народы. Так далеко зашли мы, христиане: мы так долго смотрели на право и государство как на *формальный инструмент внешнего порядка* и так с ними обращались, что потеряли их высокую цель и утратили их духовный масштаб. Мы не сумели по-христиански содействовать *правосознанию* и тем самым *лишили право и государство души, приведя их к деградированию.* Незаметно они сделались выражением *свокорыстных интересов, грубого произвола и шовинизма.* Так у нас исчезло право. А то, что от него осталось, как раз и было *принудительным аппаратом, тоталитарным государством и тоталитарной войной.*

В связи с этим во всем мире возникают сомнения в *принципе частной собственности* и посягательства на него. По большому счету мы и по сей день еще *не научились обходиться с частной собственностью по-христиански и по-братски,* организовывать новые *социальные* формы экономического производства (капитализм, механизированный труд) и *предотвращать* невиданную столетиями напасть — *массовую безработицу.* Прошло уже сто лет, как машина и капитал поставили нас перед решением новой задачи: реабилитировать естественный и экономически содействующий принцип частной собственности с помощью *братско-социального* жизнеустройства. Социальные потрясения нашего времени — следствия этого упущения. Образовался новый круг людей — с *безбожием в сердце, с интернациональным* настроением, со *склонностью к коммунизму,* с программой *тоталитаризма.*

Современный человек масс *утрачивает реальность христианского мира и хочет услышать сказку о счастье на этом свете.* Он жаждет осязаемого, земного мифа. Он

стремится к сказочному счастью, он грезит о стране обетованной и конкретно думает, *когда, где и как* эту мечту можно осуществить? Можно сказать: если бы не было далекого советского государства, его бы *навверняка изобрели и выдумали*. Массы предаются мечтам о том, что коммунистическая революция как раз и есть истинное и справедливое дело несущего свое бремя человека масс. Душа масс не в состоянии судить об историческом развитии России, а также о методах, удачах и неудачах коммунистического государства. Примитивная и беспомощная в делах теории, она скорее прислушивается к *звукам* пропаганды и *лозунгам*. Глухо звучит в недрах (под сводами подземелья) души масс шепот и звон о каком-то смутном «освобождении», о новом «равенстве», о все переиначивающей справедливости... Бессмертная душа отвергнута; смертная душа требует наслаждений.

Этот внутренний шепот и звон отвечают *извечной мечте человечества вообще* и, таким образом, постоянно присутствующим в душе масс *хилиастическим ожиданиям*: однажды грянет давно ожидаемое «тысячелетнее царство», царство наслаждения и «свободы», где не будет ни греха, ни преступлений, ни работы, ни хлопот, ни болезней, ни принуждения. Эта архаичная мечта, такая расплывчатая, и эти хилиастические ожидания, такие наивные, известны с древнейших времен. Они получали все новое истолкование и новые очертания в истории человечества — то в смысле видящегося в грезах *того света*, то в смысле *этого света*, непосредственно данной, земной, будничной жизни.

Примечательно и поучительно, что представление о «тысячелетнем царстве» как о *том свете* (или о состоянии души!) во все времена предвещало религиозную, духовно-воспитательную и культурно-созидательную эпоху и вызывало ее к жизни, ибо оно учило людей *надежде примирения с несовершенством и относительностью этого света*, учило их терпеливо нести и выносить бремя жизни, творчески трудиться. В то время как упорная мечта о том, чтобы иметь «тысячелетнее царство» немедленно, воплотить его *здесь и сейчас*, всегда означала приближение или начало *разрушения души*, ибо это

представление относилось к неосуществимой мечте как к ближайшей действительности и не хотело считаться с неумолимыми реальностями природы и человека. Приверженцы *земного блаженства на этом свете* впадают, таким образом, в *жажду наслаждений, алчность и жажду власти*; они *не* воспитывают человека; они способны лишь *вести его в заблуждение*. Они обещают невозможное и приводят человечество к *разнузданности и разочарованию*. Тем самым формируется духовно разрушительный и душевно больной образ мыслей: реальности не видят; жаждут, содействуют и «насильственно» добиваются нереального и неосуществимого. Такое душевное заболевание, при котором пациент не воспринимает действительности и грезит иллюзиями невозможного (*видит галлюцинации!*), называется *паранойей*. Так что этот алчный и упорный *максимализм в земных делах* следует обозначить как *параноидальное состояние*, которое приводит к одержимости и посредством внушения массовой пропаганды — к своего рода *массовому психозу* ^«политические пляски св. Вигта»!).

Подготовленное в XIX веке непосредственно в лоне социализма и марксизма и распространившееся после войны *коммунистическое* понимание хилизма отличается от других, более ранних, кажущимся «*научным обоснованием*» и *неукротимым волевым натиском*. Самым наивным образом люди верят в возможность пресловутого социалистического «прыжка в царство свободы». Как это бывает с полуобразованными людьми, коммунисты из ничем не подкрепленной, умозрительной конструкции выстраивают *содержимое веры*, веры «единственно правильной» и «единственно допустимой». Они принципиально отрицают любые элементы «того света», устанавливают для себя безбожный «этот свет» и безудержное «сейчас же». Отсюда — беспомощная радикализация всего образа мыслей, проповедь освобождения от пут, одобрение для достижения этого всех путей и средств, обращение к звериным свойствам человеческой души и, наконец, эта неистовая, беспрестанная горячка разрушения и подавления.

И вот усталая и запуганная душа сегодняшнего человека из своих наполовину предавшихся безбожию, духовно опустошенных и наполовину искалеченных в религиозном отношении глубин, из своей извечной хилиастической, неосуществленной мечты прислушивается к искусительному зову, и тем внимательнее, чем тяжелее положение в стране, чем больше лишений, напряженности и опасностей существует в данный момент и чем меньше **новых творческих идей предлагает элита страны**. Это усугубляется еще и тем обстоятельством, что сегодняшний человек Запада совершенно не знает, **что** уже принес народу коммунистический строй в Советской России и что он приносит ему каждый последующий день, как на самом деле выглядит это «тысячелетнее царство» и **что** оно означает. Порою кажется, что даже **если бы он это знал**, он ни за что не захотел бы поверить собственному знанию; значит, отрезвление наступит только тогда, когда на собственном опыте испытаешь эти бедствия и лишения, это рабство.

Наполовину лишившейся христианства массовой душе обещают антихристианский, но все же социальный жизненный порядок. Решение же социальной проблемы ей обещают на основе ненависти (классовая ненависть! расовая ненависть!), **тоталитарной несвободы**, мертвой **машинерии** и **жажды власти** (завоевание мира!). Это путь равенства без любви, земного счастья без Бога, обновленной жизни без Христа и противу Христа. Массы, как **осиротевшее, обманутое и несчастное дитя**, верят этому призыву, пытаются освободиться, как им кажется, от пут и следуют за демагогами в пропасть **сатанинского закабаления**.

Ибо человек становится сатанистом, если он сознательно и планомерно умертвляет в себе душу, выкалывает себе духовное око и, следовательно, **духовно слепнет**; если он иронизирует и издевается над верой, душит свою совесть (этот божественно-христианский⁸ орган), высвобождает свои звериные страсти — единственное, что теперь осталось в его душе, и затем выдает это свое жалкое состояние за **единственно правильное** и насильно навязывает его **всем людям**, особенно детям, бедным, подчиненным и зависимым. Но в коммунистическом государстве в результате всеобщей экспроприации и моно-

полни работодателя бедны, слабы и зависимы *все*. Остатки прежней духовной культуры — наука, искусство, книги, печать — также идут в ход в искаженном, формальном, выхолощенном виде: ведь все искажено последовательным атеизмом и применяется для порабощения, лишения людей духовности, из чего произрастает величайшая ложь, величайший обман в человеческой истории.

Так человек становится сатанистом. А сатанист — не просто теоретик; напротив, он борется, как одержимый; он настроен на власть и захват; он работает хитро и искусно; он создает жизнь, полную муки, крови и страха, создает форму порабощения, при которой *сатана предлагает предстать единственным работодателем и господином во всемирном масштабе*.

Это можно сформулировать и так: *лишенный Христа человек становится бесом, человек-бес идет сатанинским путем и становится слугой сатаны*. «Бесовски» и «сатанински» — не одно и то же. Быть бесом — человечно; быть сатанистом — бесчеловечно и порочно до мозга костей. В бесовском состоянии властвует разнузданный инстинкт; в сатанинском — извечный принцип зла. Человек в бесовском состоянии охвачен необузданными страстями, человек-сатанист одержим извечным мировым принципом зла. Бесовство — временное духовное затмение, его девиз гласит: «Прочь от Бога!» Сатанизм — беспросветная духовная тьма, его девиз: «Против Бога!» Человек-бес как бы «освободился» для сатаны, который тянется к нему и сулит подходящее обиталище; сатанист же — слуга сатаны, это живое орудие его воли. Люди-бесы еще способны принять «иную форму», вот почему они поддаются художественному воплощению. Бесовские натуры — герои лорда Байрона. Карл Моор в «Разбойниках» Шиллера идет бесовским путем; Франц Моор — сатанист. Фридрих Ницше («Антихрист», «Ессе Ношо», «Воля к власти») вступает за сатану. Сатана же *не имеет художественного воплощения*, человеческое изображение отказывает ему в этом; Мефистофель Гете — это довольно безобидный бес-резонер. *Символически* сатану можно было бы изобразить как «черное пламя»; в плане души и духа — это «неизбывная ненависть», «полное отчаяние», «вечная ложь», «злорадство духа», «удо-

вольсгвие от уничтожения всего благороднейшего» (лозунг Ницше). Обман, страх, порабощение и развенчание — его стихия; обездушение, разложение и смерть — результат его воздействия на человека. Непосредственное соприкосновение с этой стихией физически вызывает неопишимо мерзкое чувство, которое быстро достигает невыносимого отвращения, полной нервной аритмии и может довести человека до гибели. Человека-сатаниста узнают по глазам, улыбке, голосу, поступкам. Кому не довелось испытать этого самому, тот всегда будет склоняться к отрицанию и оспариванию реальности сатанинского вообще. Но оно остается ужасающим фактом.

К людям такого сорта относятся слова Христа: «Невозможно не прийти соблазнам (в оригинальном тексте «TA SKANDALA»⁹), но горе тому, чрез кого они приходят: лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтоб он соблазнил одного из малых сих»¹⁰. «Сии малые» — это как раз и есть соблазненные, обманутые, страдающие народные массы. И задача Христа теперь — по возможности предостеречь, обратить и спасти этих людей.

Перед христианской церковью (как и перед всеми другими «церквями») стоит огромной важности положительная задача — добиться *всеобщей христианской веры, исповеданием и деянием* нести эту веру в жизнь, прокладывая таким образом *новые творческие христианские пути*, отыскивать новые творческие христианские идеи и провозглашать их. Наша задача — не просто следование «закону», нам надо созидательно и свободно *веровать, созерцать и любить*. Нам не стоит предаваться размышлениям и изобретать христианские «теории», мы должны завоевывать христиански обновленное сердце и тем самым и с помощью этого пробуждать христиански искаленные сердца. Первое, что нам нужно, — *очищающее покаяние*. Второе — *мужественное исповедание*. Третье — *творческое созерцание*. Нельзя отказываться от негативной борьбы с коммунизмом. Но плодотворной и созидательной она становится *только* через положительное обновление христианской веры и жизни в нас самих.

МУЧЕНИЧЕСТВО
Церковь в советском
государстве

ПРОТИВ БЕЗБОЖИЯ

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ХРИСТИАН В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ*

Тот, кто захочет верно понять явление современного безбожия, должен прежде всего уяснить связанные с ним исторические факты.

Возлагая на себя задачу установления этих фактов, я испытываю потребность высказать свое собственное убеждение в том, что *служить Господу и делу Господа на земле можно одной лишь правдой.*

В наши дни, когда столь многое заколебалось и подвергается разложению, миру нужна правда, мир жаждет только правды; и мы, желающие остаться верными божественной искре в нас, просто обязаны говорить правду. А поскольку мы, подобно всем людям, стоящим сегодня лицом к лицу с грандиозным процессом социальной борьбы и национальных недугов, не в состоянии охватить все это сразу в полном объеме, во всей его невероятной сложности и мощи, во всей глубине и протяженности, поскольку мы, напротив, вынуждены вычленять правду истории и аналитически исследовать ее, — то задача наша особенно тяжела, а бремя ответственности особенно велико, тем более что речь идет о чрезвычайно серьезной и жестокой борьбе, последствия которой могут стать роковыми для всего человечества...

Существует изречение о справедливости, которое гласит: *audiat et altera pars*¹ — возможность свободно высказаться должна иметь и другая сторона. Я поставил перед собой задачу не только действовать согласно этому изречению, но гораздо более того: вначале дать высказаться этой «другой» стороне, почти в полном одиноче-

Речь, впервые произнесенная 23 февраля 1930 г. в Берлине на публичном собрании Лютеровского кружка. Дополнена и заново переработана в феврале 1931 г.

стве. Она должна непосредственно поведать нам о себе, о своих взглядах и деяниях; она должна дать нам подлинный материал и предоставить не одни лишь свидетельства, а стать источником нашего знания.

Нам хорошо известно, что коммунисты — люди волевые, которые со страстью борются за свои цели и серьезно относятся к своей программе. Однако вряд ли можно ожидать от этих страстно борющихся людей, что они смогут где бы то ни было сами рассказать о себе объективно и справедливо. Что ж, вспомним эту оговорку и будем иметь в виду, что исторически реальная действительность не может быть преувеличена, она может быть только занижена. И именно поэтому прежде всего необходимо определить *бесспорный* и *неопровержимый минимум фактов!*..

1

Отношение к религии и, соответственно, к церкви, духовенству и религиозному воспитанию коммунисты сами совершенно недвусмысленно, ясно и откровенно высказывали и бесчисленное множество раз разъясняли. Это отношение, выраженное словесно, звучит как теоретическая и идеологическая формула; но, как это всегда бывает у коммунистов, имеет значение практической директивы и политического образа действий.

Основополагающими здесь, как и во всем, остаются установки Ленина, которые затем практически разрабатываются Бухариным, Ярославским и другими и возводятся в последовательный метод борьбы. Однако над всем этим господствует дух Маркса и Энгельса, высказывания которых стократно повторяются и возвеличиваются.

Предоставим теперь самому Ленину возможность сформулировать свою точку зрения.

«Марксизм, — пишет он, — есть материализм. Как таковой, он так же беспощадно враждебен, как материализм энциклопедистов восемнадцатого столетия или материализм Фейербаха»*.

См. «Мысли Ленина о религии». Советское издание, с. 25. Калужская губерния, 1919.

«Религия — опиум народа» — это изречение есть краеугольный камень всего марксистского мировоззрения по вопросу о религии*. «Религия есть разновидность духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий облик»**.

«Все классы угнетателей нуждаются для сохранения своего господства в двух социальных функциях: функции *палача* и функции *попы*. Палач должен расправляться с протестами и возмущением угнетенных, а попу полагается расписывать им возможности облегчения нужды и жертв при сохранении классового господства»***.

«Религия» поэтому «есть разновидность духовного гнета, повсюду отягощающего народные массы»****. «Идея бога пленяет угнетенные классы через веру в божество угнетателей». Таким образом «она помогает дер-
Г- *****
жать народ в рабстве»

Тем самым «всякая религиозная идея, всякая идея всякого «возлюбленного боженьки» и даже заигрывание с «возлюбленным боженькой» есть «опаснейшая мерзость, самая отвратительная мерзость». Каждый «возлюбленный боженька» есть не что иное, как мысленное осквернение трупов, даже если это чистейший и идеальнейший «возлюбленный боженька»*****.

Следовательно, «мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма, а значит и марксизма»*****.

«Коммунистическая партия не может и не должна относиться равнодушно к обскурантизму, мракобесию и реакционной ярости религиозной веры». . . . .*.

«Мысли Ленина о религии», с. 23.

Там же, с. 112.

Там же, с. 137.

Там же, с. 112.

*****

Там же, с. 132.

*****

Там же, с. 130. Выражение «Das liebe Goettlein (по-русски — «боженька»), первоначально детское и наивное выражение, у Ленина звучит с издевательской иронией.

Там же, с. 25.

*****

Там же, с. 114.

Необходимо создать «воинствующий атеизм», «воинствующий материализм»*. «Нельзя равнодушно смотреть на проповедь одной из самых отвратительных вещей на земле, а именно — религии»**.

«Но эту борьбу необходимо связать с конкретной практикой классовой борьбы, стремящейся устранить социальные корни религии»***. «Атеистическая пропаганда должна быть подчинена главной задаче, а именно развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против их эксплуататоров»****.

«Было бы бессмысленно думать, что в обществе, основанном на бесконечном подавлении и огрублении трудящихся масс, религиозные предрассудки могут быть устранены простыми проповедями. Религиозный гнет, тяготеющий над человечеством, есть лишь продукт и отражение хозяйственного гнета внутри общества»*****.

«Мы обладаем ведомствами или по крайней мере государственными институтами, которые ведут эту работу» (воинствующий атеизм). «Но эта работа ведется очень вяло, очень неудовлетворительно»; поэтому необходимо также вести «неустанную атеистическую пропаганду и борьбу»... за «воинствующий материализм» и вневедомственно

2

Это был Ленин. Но та же ясность, тот же тон и те же воззрения и у Бухарина.

«Религия — один из мощнейших инструментов в руках угнетателей, чтобы сохранить неравенство^ эксплуатацию и рабское послушание трудящихся».

Там же, с. 118.

Там же, с. 90.

Там же, с. 25.

Там же, с. 26.

***** Там же, с. 115.

***** Там же, с. 117 - 118.

***** Там же. Бухарин и Преображенский. Азбука коммунизма. — Рус. сов. изд. — С. 184.

Поэтому «религия и коммунизм несовместимы, — как теоретически, так и практически»*.

«Огромный прогресс в борьбе с природой достигнут человеком лишь потому, что он на гузактике во всех серьезных вещах действует как атеист»*.

«Между директивами коммунистической тактики и религиозными заповедями большей частью существует непримиримое противоречие. Коммунист, подвергающий религиозные заповеди и поступающий по предписаниям партии, перестает быть верующим». И наоборот***.

Итак, «борьба с религией имеет две стороны: во-первых, это борьба с церковью как особой организацией для религиозной пропаганды, имеющей материальный интерес сохранить непросвещенность народа и религиозное порабощение; во-вторых, это борьба с широко распространенными и глубоко укоренившимися религиозными предрассудками масс** *.

Что есть церковь? «Церковь есть общество людей, объединенных определенными источниками доходов за счет верующих, за счет их незнания и их непросвещенности»*****.

И вот этой эксплуатации кладут конец: во-первых, тем, что «у церкви отбирают всю землю», отбирают «весь капитал*») и все доходы, все это становится собственностью «трудового народа». Во-вторых, тем, что из школы изгоняется «религиозная пропаганда» и окончательно ^{ТА} кладется конец «религиозному отравлению» детей ^{ТА}. И в-третьих, тем, что начинают с

нию» детей И в-третьих, тем, что начинают с самой семьи: «наступление на религиозную пропаганду должно вестись в семье***** и «дети должны быть освобождены от реакционного влияния родителей***** радикальным средством для этого стало

Там же, с. 184.

Там же, с. 185.

Там же.

..... Там же.

Там же.

Ср. там же, с. 186 — 188.

Там же, с. 188.

Там же.

бы активное внедрение в жизнь общественного воспитания, при котором дети «были бы на долгое время или навсегда разлучены со своими родителями»*.

Наряду с этим необходимо вести сильнейшую анти-религиозную пропаганду. Она тем лучше будет удаваться, чем больше будет вытесняться капиталистический способ производства, ибо зависимость производителя от стихийной власти капиталистического частного рынка есть главный источник веры в сверхъестественные причины и волю Божию**. Бухарин цитирует программу партии, в которой среди прочего говорится: «только осуществление планомерности и рационализма во всех социально-хозяйственных занятиях масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков»***.

3

С подобными, только еще более решительными формулировками выступает главный вожь наступления по всему фронту Ярославский. У него это называется четко: «Война с религией!»****

«Коммунизм и религия враждебны один другому и несовместимы друг с другом» «Там, где побеждает религия, обессиливает коммунизм. И коммунистический строй жизни сможет быть осуществлен только там, где народ будет освобожден от религии»*****

«Между нашей программой и религией невозможно никакое примирение»*** ***. «Ленинец не может верить в Бога»

Там же, с. 174.

Там же, с. 189 - 190.

Там же, с. 188 - 189.

Я р о с л а в с к и й . На антирелигиозном фронте. — Советское издание, с. 44.

Там же, с. 47.

Там же.

Там же, с. 54.

Там же, с. 56.

«Мы боремся вовсе не только против религиозных предрассудков, а против любой религии»*. «Все церкви мертвы. Все они бесполезны»**. «Мы проповедуем воинствующее безбожие»***. «Мы обязаны разрушить любое религиозное мировоззрение»****.

«Религия стоит на пути коммунизма. Религия и коммунизм непримиримы» **\ «И мы принципиально не отступим от этой нашей главной линии и будем бороться с каждым в нашей^партии кто попытается уклоняться в этом направлении»**** \

Такие и подобные им цитаты можно приводить часами. Антирелигиозная литература коммунистов чрезвычайно многочисленна, и ее авторы стараются всегда описывать и обосновывать *все тот же план и все ту же программу*. Однако у нас уже достаточно свидетельств. Все ясно: речь идет о необходимости *вытравить религиозность из человеческой души, а церковные организации — из социальной жизни человечества* и добиваться этого всеми путями и средствами. Ленин открыто признавал, что существуют *целые ведомства и институты, которые систематически занимаются* этим. Одновременно ширится антирелигиозная пропаганда, ее ведут все изощренней и все решительней. А у коммуниста Ярославского можно прочесть и такое признание: «Если для победы определенного класса понадобится уничтожить десять миллионов человек, как это сделала последняя война, то это должно быть и будет сделано»⁻^{г-}.....

Однако тот, кто имеет хотя бы малейшее представление о коммунистах, их характере и их образе действий,

Там же, с. 59.

Там же, с. 108.

Там же, с. 59.

Там же, с. 66.

**** Там же, с. 93.

Там же, с. 71.

Я р о с л а в с к и й . Там же, с. 132. Схожие высказывания можно найти у Ленина, Троцкого, Дзержинского, Бухарина, Лациса и других коммунистических вождей.

знает, что они на самом деле поступают сообразно своим убеждениям. Они вовсе не делают секрета из своей программы и своих намерений, а напротив — открыто и решительно оглашают свои цели и **выполняют** то, что **говорят**.

Исходя из сказанного, было бы невероятным и даже необъяснимым, если бы эти агрессивные и страстные волевые люди, столь радикальные и последовательные, какими они и являются, ограничились бы в **этом** вопросе только яростными и угрожающими речами, не наполнив того, чем пригрозили.

Такого никогда не бывало. Такого нет и теперь. И все это можно и должно документально подтвердить.

4

То, что происходит в советском государстве в этой области вот уже 13 лет, есть разгул провозглашенного воинствующего материализма и атеизма. Это борьба с церковью и религией. И борьба эта ведется прежде всего и главным образом с православной христианской церковью. По трем причинам.

Во-первых, потому, что восточное православие вместе со своей ветвью «старообрядцев» охватывало почти 70% населения, в то время как другие христианские конфессии насчитывали вкуче около 14% населения, а нехристианские — около 15%*.

Во-вторых, потому, что советским правительством на протяжении многих лет предпринимались попытки в определенных вопросах проявлять благосклонность к другим христианским и нехристианским общинам в целях ослабления господствующей церкви.

В-третьих, потому, что другие вероисповедания были по церковной линии связаны с границей, а коммунистам не хотелось озлоблять заграницу; им непременно и любой ценой нужны были другие страны.

Принципиально враждебно настроенное ко всем религиям и вероисповеданиям, ненавидящие любые церк-

Ср. авторитетные статистические материалы знаменитого химика Менделеева «К познанию России», с. 36 — 41.

вн и общины, приговаривающие их приверженцев к смерти, коммунисты начали борьбу прежде всего с некогда господствующей церковью, чтобы постепенно распространить наступление на все конфессии. Эта коммунистическая травля продолжается в стране вот уже 13 лет. И сейчас *все*, кто созерцает Бога и молится ему, *стоят в братском единении под натиском воинствующего безбожия.*

В целом преследование соответствует определенной линии; оно находится в тесной связи с движением экспроприации и социализации. С усилением коммунистической волны в экономике обостряется и антирелигиозное наступление, и наоборот. Однако в течение 13 лет ни на миг не откладывалось проведение программы социализации хозяйства и ни на миг не прекращалось антирелигиозное, антицерковное наступление. Ведь это же проявление последовательного, ленинского марксизма: *атеистическая пропаганда должна быть подчинена главной задаче социализирующей классовой борьбы.* Таким образом, перед нами в течение 13 лет вырисовывается то возрастающая, то ниспадающая, но *чрезвычайно четкая, непрерывная и закономерная* линия в борьбе с религией и христианством.

5

Первый период — это период *последовательного, беспощадного «военного коммунизма»*, гражданской войны и первого штурма религии и церкви (1918 — 1922 гг.).

Единой — по сущности и целям — была вся борьба в целом: против Отечества, церкви, правосознания и частной собственности. На уничтожение было обречено все, и все погибало. С другой стороны, была единой и борьба всех тех, в чьем сердце продолжал гореть Божественный луч чести и Отечества. И для большинства православных священников, как и священнослужителей других христианских общин, Бог на небесах и их собственное предназначение Значили больше, чем благосостояние, безопасность и собственная жизнь.

Да и могло ли быть иначе? Должно ли быть иначе?

Священникам и епископам вовсе не требовалось прибегать к политическим выступлениям или помогать Бе-

лой армии; их предназначением оставалось поучение и обличение, высказывание правды и утверждение своей веры... *Контрреволюцией* считалось все, на все коммунисты отвечали арестами, пытками или смертью. *Кровь мучеников потоками текла по стране*. Епископов и священников подвергали медленной мучительной смерти — топили в реке, закалывали, расстреливали, обливали на морозе ледяной водой и оставляли — обледеневших — умирать, разрубали на куски, травили собаками, хоронили заживо, привязывали к двум лошадям и разрывали на части. Так были убиты митрополит Киевский Владимир; архиепископ Пермский Андроник; архиепископ Черниговский Василий; архиепископ Митрофан, епископ Никодим, епископ Гермоген, епископ Амвросий, епископ Макарий, епископ Леонтий, епископ Ефраим и другие — всего 52 священнослужителя; архимандритов, священников и монахов — неисчислимое множество. Это делали коммунистические войска, провинциальные отделения ЧК. Особенно большое число жертв приходится на время конфискации церковного имущества (1921 — 1922 гг.). Всякое проявление мужества, всякое участие в сопротивлении, даже отказ в выдаче или невыдача церковного имущества наказывались тюрьмой и смертью. Так предстали перед коммунистическим «судом» и казнены митрополит Петербургский Вениамин, священники и благочинные Заозерский, Добролюбов, Надеждин, Вишняков, Орлов, Фрязинов, Соколов, Телегин и множество других.

Ярославский сообщает об этом так: «С первых дней революции Хfbi столкнулись в нашей борьбе за освобождение масс с поповщиной, с религиозной организацией. И тогда мы начали борьбу с поповщиной, с религиозной организацией. Тогда мы бросили в тюрьмы, приговорили к смерти и казнили священников, которые проповедовали гражданскую войну против рабочего класса и против советского государства и призывали к непослушанию советскому правительству в деле конфискации церковных богатств».

Наряду с этим с самого начала были предприняты карательные меры для конфискации церковного имуще-

ства, секуляризации брака, материалистического и атеистического обучения народа.

Начинался второй период.

6

Второй период длился около шести лет (1923 — 1928 гг.). Это был период определенного **тактического отрезвления**. Не то чтобы коммунисты передумали или как-то усомнились в своих целях и в своей программе... Вовсе нет! Они до конца останутся верны своим злосчастным и гибельным идеям...

Но результаты первых лет были настолько опустошительны и реакция страны на введение последовательного коммунизма оказалась столь неожиданной для коммунистов, что они почувствовали необходимость тактических изменений и вынуждены были всеобщую, окончательную социализацию отложить на более длительный срок. Надо было глубоко, далеко и широко произвести **подготовительную операцию** и медленно занести руку для последнего удара. Им пришлось все-таки признать, что слишком кровавое, бурное и кошунственное наступление на церковь, веру и святыни не только не благоприятствовало атеизму, а имело прямо противоположный результат. Народ потек в церкви, всюду образовывались новые братства и сестричества, утешение от забот, нужды и бедности стали искать в молитве и церковной службе... Для народа, подкупленного коммунистической демагогией и соблазненного к экспроприации имущих, настала эпоха постепенного осознания и отрезвления; разрыв между менталитетом коммунистов и народной души все больше увеличивался. Теперь партии надо было залечить и как-то заполнить этот разрыв. В ход пошли осторожность и приспособленчество! Были попытки действовать менее грубо, не так вызывающе оскорблять верующих, нацелить всю пропаганду на более длительный срок и (самое главное!) прибегнуть к **новым методам** наступления и борьбы.

Ярославский выражал это так: «Замедление в полном устранении капиталистических отношений, конечно же, вызывает замедление и в устранении религиозных предрассудков, в устранении религиозного мировоззрения.

Замедленный ход мировой революции предоставляет духовным организациям передышку. Но мы допустили бы большую ошибку, предположив, что народные массы сами освободятся от религиозных убеждений...»*

Затем коммунисты приступили к кропотливой и чрезвычайно гибкой подрывной работе, чтобы искоренить веру и церковь и подвести их к уверенному и окончательному уничтожению.

Все это они считали подготовкой к предстоящему большому наступлению, которое, начиная с весны 1929 года, идет полным ходом.

Я не могу описать здесь весь поступательный ход исторических событий последних лет. Были ведущие священники, которые оставались верными своему предназначению, мужественно, героически говорили правду, противопоставляя всей безбожной работе свои обличения и свою организационную работу. Советское правительство отвечало на это арестами и ссылками (так случилось с митрополитом Петром, заместителем патриарха Тихона, который и по сей день чахнет в ссылке) или казнями (мучеником умер митрополит Петербургский Вениамин). К концу 1927 года число брошенных в тюрьму или сосланных православных епископов (номинально) возросло до 117; однако мы знаем, что оно далеко не исчерпывает реального количества. Мы не в состоянии сосчитать всех страдающих священников. Чтобы представить себе это насилие и его последствия, достаточно сказать, что, например, в Москве в 1912 году насчитывалось около 3202 духовных лиц и 3167 церковнослужителей, в 1926 году из них осталось только 738 духовных лиц всех конфессий (т. е. только лишь 1/4) и 234 церковнослужителя (т. е. только 1/14)**.

Наряду с этим были и такие ведущие священники, которые пробовали проявить определенную лояльность по отношению к советскому правительству и пойти на большие уступки (митрополит Сергей²). Но и в этой об-

Ярославский.с. 92.

Официальные статистические данные. См.: «Торгово-промышленная газета» от 16 февраля 1929.

ласти, как и в любой другой, «конкордат» с советским правительством длится лишь до тех пор, пока коммунисты не сочтут, что настал подходящий момент для нанесения окончательного удара... Это подтвердилось, к сожалению, слишком скоро.

7

К весне 1929 года эта подготовительная работа дала следующие результаты. Согласно закону от 8 апреля 1929 года, любая религиозная община, насчитывающая не менее 20 верующих не моложе 18 лет, обязана официально зарегистрироваться; но она тем не менее не становится полномочным субъектом права*, а все ее договоры должны осуществляться и заключаться представителями общины *лично*, они же несут за них и всю ответственность. Все церковное имущество считается национализированным и предоставляется общинам только в пользование впредь до отмены. Для проведения собрания членов общины требуется особое разрешение. Общинам не разрешается создавать касс помощи, кооперативных товариществ и т. д.; не разрешается оказывать своим членам материальную помощь; категорически запрещаются специальные собрания для детей, молодежи и женщин; не разрешаются коллективные собрания для изучения Библии, литературы, любой работы, религиозного просвещения и т. д.; запрещается заниматься воспитанием детей, создавать библиотеки и читальни, поддерживать больницы, распределять лекарства... Каждый священник и проповедник прикреплен к своему району. Любой молитвенный дом может быть в любой момент ликвидирован по решению местного совета и с одобрения центрального ведомства; он может быть отдан для использования в других целях; при этом до мелочей регламентировано распределение имущества ликвидируемой церкви между различивши советскими ведомствами". Этот закон ко-

* Это отмечал и председатель комитета по делам религиозных организаций Смидович в интервью «Известиям».

Ср. подлинный источник «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР», №35 за 1929 г., особенно 1, 3, 4, 5, 11, 12, 17, 18, 19, 22, 25, 39, 40.

дифицирует и модифицирует все дополнения к нему за предшествующие годы.

Он гласит, что всякая нормальная жизнедеятельность, связанная по существу с религиозной общиной, упраздняется и что *все* общины должны быть готовы к своей скорой ликвидации.

Согласно этому закону, церкви могут быть отобра- ны или закрыты по следующим причинам: 1) если не объявятся верующие, готовые принять на себя обяза- тельства, связанные с правом пользования помещени- ем церкви*; 2) если по заключению властей здание церкви «необходимо для государственных или соци- альных нужд»**; 3) при установленной ветхости строе- ния***. Таким образом, стоит только обложить церковь высокими налогами, которые никому не по силам, как вступает в силу первый пункт. Стоит только мест- ной ячейке коммунистов или союзу безбожников на- писать заявку (или местному совету — заключение) на использование здания для других нужд, как налицо casus³ «необходимости». Всегда несложно установить частичную ветхость здания — и в силу вступает тре- тий пункт.

При этом надо учитывать правовое положение духо- венства в целом: оно принципиально лишено избира- тельного права****. Причем подробно перечисляются мо- нахи, послушники, священники, дьяконы, псаломщики, муллы, муэдзины, раввины, бии, касситы, канторы, ша- маны, бакши, католические священники, протестантские пасторы, миссионеры и т. д., совершенно независимо от того, получают они полагающееся им возмещение за вы-

Там же, 34 - 35.

** Там же, 36.

Там же, 46.

■■■■ Согласно §15, п. «м» «Инструкции о выборах в советы» (изда- ние 1929 г.), а именно со ссылкой на §69 Конституции РСФСР и т. д.; ср. подробное обоснование этой меры в коммунистическом журнале «Безбожник», №11 за 1927 г.: «в нашей стране эта армия паразитов (т. е. духовенства) будет поставлена на подобающее ей место: в ряды враждебных революции элементов».

полняемую работу или нет; даже тогда, когда они занимаются «производительным трудом» в сельскохозяйственных кооперативах...

Тем самым духовенство причисляется к социально враждебным и преследуемым элементам, как если бы священники были преступниками или сумасшедшими, и ставится в один ряд с бывшими офицерами, бывшими сотрудниками полиции, купцами и т. д.; короче, оно принадлежит в коммунистическом государстве к презренным элементам, которые надо подавлять. Этим людей публично называют «лишенными прав», не разрешают принимать их в кооперативные товарищества (частная торговля уничтожена), выдавать им продовольственные карточки, обеспечивать их жильем, не позволяют продолжать образование их детям и т. д.* Их относят к «социально опасным» гражданам или полугражданам — полурабам, которых, по декрету от 16 октября 1922 года, можно без всяких проволочек арестовать и на основании простого административного распоряжения ЧК (теперь она зовется ГПУ) сослать на срок до 3 лет в концентрационные лагеря.

На деле это означает, что в советском государстве *любое духовное лицо пожизненно лишается прав, преследуется и обречено на обнищание*. Поруганное духовенство всех религий, находясь под постоянной угрозой, влачит жалкое существование, живя лишь на добровольные пожертвования населения, которое само пребывает в нужде и нищете.

8

В связи с этим коснемся кратко брака и семьи в советском государстве.

Абсолютно неправомочным считается здесь *церковный брак*; правомочен регистрируемый гражданский брак, а также и незарегистрированный, так называемый «фактический брак» (*concubinatum*⁴). Он защищается законом

* В марте 1930 г. инструкции по двум последним пунктам **были** несколько смягчены, что, однако, существенно ничего не меняло.

наравне с зарегистрированным*. Коммунистическое государство «игнорирует» «полностью» все «церковные церемонии»** — главным образом для того, чтобы «побороть религию и духовенство»*** и «освободить брак от всяческого влияния и всякой власти духовенства»****.

Соответственно все коммунистическое законодательство о семье и браке составлено так, что отношения между мужчиной и женщиной и между родителями и детьми должны ослабевать и семейная жизнь подводиться к распаду ; до минимума сокращаются взаимные обязательства; то же самое происходит с правовыми притязаниями членов семьи; до предела облегчаются и упрощаются процедуры заключения брака и развода; ненаказуемыми объявлены бигамия, полигамия, кровосмесительные браки и т. д.

Теперь налицо ослабление и ужасающая деградация брака и семьи, о чем у нас имеются многочисленные подлинные свидетельства

Школа и обучение.

Во всех школах сверху донизу отменено и строго запрещено религиозное обучение. Наряду с этим делается все для выработки методики, как следить за детьми и влиять на их жизнь с самого раннего возраста. Ибо должно быть создано такое новое поколение, которое оказалось бы не в состоянии даже понять слово «Бог». С

Правовой кодекс о браке и семье от 1 января 1927 г. Официальное издание на русском языке, 2, 3, 11, 16.

Г о й х б а р г . Брачное, семейное и опекуновское право советской республики. — Москва, 1920. — С. 16.

Г о й х б а р г . — Там же, с. 15, 16 и др. Гойхбарг — один из чедущих коммунистических идеологов.

Г о й х б а р г . Сравнительное семейное право. — С. 183.

***** См. мою статью «Разложение семьи в советском государстве» в «Книге бедствий русского христианства». Изд. «Эккарт», Берлин, 1930 г. См. также в сборнике «Мир перед пропастью», изд. «Эккарт», 1931 г., статью «Брак и положение женщины» А. фон Бунге.

***** стенографический протокол в «Сборнике статей и материалов», Москва, 1926. Официальный тираж редактирован народным комиссаром Курским; подробно цитируется мною в только что упомянутой статье.

этой целью помимо других создана организация «красных пионеров», где дело доходит до того, что дети, по словам Бухарина, стараются влиять на своих родителей, доносят на них, могут сбежать от них или вовлекать в коммунистическую партию*.

Особой обработке подвергаются и учителя. Их попросту принуждают обучать детей и взрослых атеизму. Вдова Ленина, Крупская, утверждает: «Да, мы требуем от учителя антирелигиозной пропаганды и от школы марксистской направленности»**. Еще яснее формулировка Ярославского: «учителям у нас не разрешается иметь собственное мнение в этой области»; «деревенский школьный учитель должен знать и уметь объяснить, что не бог создал человека, а человек создал своего бога»***. Соответственно верующего учителя вообще нельзя терпеть в школе. «Необходимо выступить в поход против верующих учителей... Верующие учителя — уже сами по себе противоречие; отделы образования должны использовать любую возможность, чтобы заменять их учителями, враждебно настроенными к религии», — заявляет Луначарский****.

Разрабатывается и пропагандистский метод специально для крестьянства. «Мы вообще ставим себе задачу привить крестьянам неверие», — отмечает Калинин; надо «отучить крестьян от привязанности к попам»; «пусть их жрецом станет агроном»*****. «Мы должны уметь, — высказывается Ярославский, — шаг за шагом проследивать изгибы и извивы крестьянской души, проникать на самые дальние тропки, в чащу крестьянского мышления», «до самых потаенных истоков» религиозных предчувствий, чаяний и православной веры, чтобы повсюду доказать, что Бога нет и что только человек может помочь человеку *****

См. стенографический отчет XIII съезда коммунистов, с. 545 — 546.

.. Стенографический отчет XIII съезда коммунистов, стр. 480.

Я р о с л а в с к и й . См. стр. 115, 119. См. статью Никольского «Школа» в сб. «Мир перед пропастью». Изд. «Эккарт», 1931 г.

«Известия», 26 марта 1929 г.

*** Там же.

Я р о с л а в с к и й . С. 61, 62 и др.

Все это увенчивается и дополняется упорной, неустанной устной и печатной пропагандой.

Я не стану приводить здесь непристойные картины, неуклюжие стихи, безвкусные сочинения, плоские комедии и рассказы, в которых высмеиваются и оскорбляются Бог Отец, Спаситель, Богородица и Святой Дух*. Ярославский сам рассказывает о том, как возмущаются крестьяне при виде этих картин и как они, пришедши в ярость, просто избивают порой пропагандистов безбожия**.

Я отказываюсь также описывать непристойные процессии, которые демонстративно устраиваются особенно в ночь перед Рождеством и в Святую Пасхальную ночь, а также по случаю официальных торжеств; с каким наглым вызовом сжигаются целые горы конфискованных икон...

В целях пропаганды используют все подряд, даже урожай, на примере которого крестьянам показывают, что засуха зависит от климата и тут не помогут никакие причитания; словом, все средства хороши, чтобы убедить крестьянское население в том, что человек «молится пустым небесам» (Ярославский).

9

Но самое главное заключается в том, чтобы сформировать, взрастить новое, целиком безбожное поколение. И это коммунистам отчасти удалось. В июне 1929 года в Советской России состоялся II съезд Союза безбожников⁵. Участвовать в нем пожелали всевозможные «члены» и докладчики, которые выступали крайне радикально, создавая атмосферу штурма и натиска.

Когда Ленин пишет о профессоре Дреусе⁶ («Миф о Христе»), что он реакционер, пособник эксплуататоров в создании новых мерзких и низменных религиозных предрассудков***, когда Ленин называет Каутского, ате-

Примеры этому можно найти в «Книге бедствий русского христианства». Изд. «Эккарт», Берлин, 1930 г.

Там же. С. 88.

*** Ленин. «Мысли о религии», с. 119.

нзм которого преисполнен терпимости, попом, prostituteующим марксизм* — это можно было бы считать образцом экстремального радикализма в данном вопросе. Однако ныне в Советской России в так называемых коммунистических «академиях» взращено новое поколение, для которого даже такие, как Бухарин и Ярославский — верные последователи и почитатели Ленина — не что иное, как сентиментальные и нерешительные люди. И появление этого поколения, этих радикальных атеистов «нового мира» знаменует собой начало третьего, нынешнего, периода религиозных преследований в советском государстве.

Теперь наступление ведется не только на православную церковь, но и *на все вероисповедания и религии*. Начали *сносить церкви, взрывать монастыри и снимать колокола*. Ярославский называет это ликвидаторское движение работой по разрушению материальных корней религии**. Того, что на самом деле все так и происходит, не хотят отрицать и сами коммунисты; более того: время от времени они дают статистические подборки о числе закрытых молитвенных домов и церквей. Согласно этим подборкам, в 1927 году закрыты 134 молитвенных дома, в 1928 — 592***. В феврале 1930 года на Потсдамской площади в Берлине была устроена доступная для всех коммунистическая «Выставка рабочей культуры»; там был выставлен плакат, на котором значилось: «С 1 января по 1 июля 1929 г. в 70 городах и 107 деревнях СССР закрыты: 166 православных церквей, 60 мечетей, 10 часовен, 34 синагоги и 16 монастырей. Они превращены в 44 школы, 40 клубов, 16 общих квартир, 12 зданий для нужд культуры» и т. д. **** Берлинская коммунистическая партийная газета «Красное знамя» напечатала другую официальную подборку по этой теме (февраль 1930 г.): «За последние 3 месяца в России закрыты

* Там же, с. 137.

«Правда». Статья Ярославского. 15 января 1930 г.

«Известия» от 4 июня 1929 г.

Фотографическое изображение можно найти также в «12-Uhr-Blatt» («12-часовая газета») от 20 февраля 1930 г.

980 церквей и около 200 мечетей и синагог. 22 января, в день смерти Ленина, был разрушен Симонов монастырь на берегу Москвы-реки...»

Эта наступательная активность повысилась особенно после II съезда безбожников, на котором Бухарин провозгласил лозунг «Религия должна быть завоевана штыками»*. Калинин пытался, кажется, возразить, «*что не всегда следует размахивать нагайкой*» и в борьбе с религией насилие все же не следует делать «*единственной педагогической мерой*», «*абсолютной методой*»**... Но решение о насильственном ужесточении наступления уже было принято заранее.

Как известно, это ужесточение шло рука об руку с коллективизацией в сельском хозяйстве, которая проводилась как «сплошная коллективизация» и во многих районах страны насильственно***. Теперь говорилось: «Ликвидировать кулака — то же самое, что закрыть церкви»****. Были такие местные Советы в губерниях, которые выступали под лозунгом: «К весне (1930 г.) — ни одного кулака, ни одного ~~допа~~, ни одного частного торговца в нашей губернии!» и т. д.

Все это комментировалось Ярославским в одной из его статей так: «За пятилеткой хозяйственного строительства следует пятилетка выкорчевывания религиозных корней»; и далее: конфискация колоколов даст нам «300 000 тонн ценных цветных металлов, которые так нужны нашей промышленности***** ... Яростное наступление бушевало по всей стране, «ежедневно закрывались все новые церкви»».

«Правда» от 13 июня 1929 г.

«Беднота» от 19 июня 1929 г.

См. статьи: «Судьба русских крестьян» и «Хозяйственная дифференциация класса крестьян» в сб. «Мир над пропастью» (изд. Эккарт, 1931 г.), а также статью доктора* «Коллектив безбожников: социально-хозяйственные основы преследования церкви» в «Книге бедствий русского христианства».

См. «Безбожник», № 3 за 1930 г.

***** Напр., «Правда» от 19 января 1930 г.

«Правда» от 15 января 1930 г.

***** Ярославский. «Правда» от 15 января 1930 г.

Та же судьба постигла и монастыри. В августе 1929 года Ярославский докладывал, что до революции в России насчитывалось 292 монастыря и 11 монастырских подворий, а теперь остался только 81 монастырь*.

Когда в Западной Европе (зима и весна 1930 г.) началось мощное движение протеста против этих религиозных преследований, коммунисты сочли возможным слегка ослабить свой натиск и даже дать некоторое иллюзорное послабление духовенству: раздражать Запад, как всегда, не в их интересах. Характерно было, однако, что в то же самое время *внутри страны отдавались прямо противоположные распоряжения и указания*. «Борьба с религией, — говорил в то время Ярославский, — составляет неотъемлемую часть борьбы за социализм, она есть неотъемлемое условие этой борьбы»**... А новый комиссар народного просвещения Бубнов торжественно заявлял: «Призываю всех служащих народного просвещения следовать примеру Союза воинствующих безбожников и всеми средствами поддерживать его деятельность» ***

Так шло наступление на церковь и религию, чтобы снова резко усилиться к концу 1930 — началу 1931 года. Но советская печать уже не сообщает подробностей по этому поводу, как раньше. Как и прежде, продолжают взрывать монастыри и церкви (например, красивейший Николаевский собор в Харькове); как и прежде, закрывают церкви, превращают их в кинотеатры**** и т. д.; приговаривают и казнят духовных лиц — за свободное смелое слово, за призыв к жертве и вере*****

» «Красная газета» от 4 августа 1929 г.

м. Смотри журнал безбожников от 20 апреля 1930 г. Там же.

См. журналы «Безбожник», № 56, 57, 67 за 1930 г.; «Безбожник у станка», № 17/18, 20 и др. за 1930 г.

***** «Безбожник», № 31 за 1930 г.

Борьба будет вестись до конца. И до конца будет литься кровь мучеников. О манере обращения с духовенством в миру говорит такой случай. В одной деревне атеисты схватили священника, сунули в мешок и бросили в яму; трехдневное исчезновение его они издевательски объясняли тем, что он якобы улетел на небеса. «Подобных примеров, — добавляет рассказчик-коммунист, — у нас тысячи...»*

10

Мне остается разъяснить и ответить лишь на один вопрос: как же можно пытаться опровергать все содеянное?

Для этого необходимо глубже проникнуть в методы работы коммунистов. Они проявляют много старания в борьбе с религией (как и во всей своей политике) и делают так, чтобы наивной душе, особенно на Западе, все это могло показаться стихийными действиями народа — «трудящихся масс». Для этого в качестве инструмента используются коммунистическая партия и Союз безбожников.

§ 13 Устава коммунистической партии обязывает каждого коммуниста лично участвовать в антирелигиозной пропаганде. И попробуй только сказать «нет».

Ярославский, решительно выступающий за этот параграф, защищающий и обосновывающий его, утверждает, что здесь дело обстоит точно так же, как и с **сотрудничеством с ЧК (ГПУ): все коммунисты просто обязаны сотрудничать с ней***. Любое распоряжение высшей партийной инстанции обязательно для всех членов партии. Но ведь само по себе распоряжение партии как таковое **не является государственным законом**; а партийная ячейка — **не государственный институт**, хотя на самом деле коммунистическая партия как **единственная** партия в стране и как **правящая** партия представляет собою **нервную ткань всего государственного аппарата**. Таким образом, коммунистическая диктатура состоит в том, что

* Стенографический отчет XIII съезда коммунистов, с. 497.

Ярославский. С. 17 - 21, 43 - 44.

партия постоянно играет *две роли*: во-первых, она по-диктаторски правит, а во-вторых, она тут же утверждает, что правит *от имени народа*; при этом необычайно ловко изображает и инсценирует естественность правления народа, что особенно правдоподобно выглядит в глазах иностранцев. Та же игра повторяется и с Союзом безбожников. В результате получается, что коммунистическое *меньшинство* в стране захватывает инициативу, сочиняет и рассылает всевозможным ведомствам распоряжения; а в законах и у ведомств уже все готово, чтобы их выполнять. Так ведется это наступление, и Ярославский без обиняков признается: «Мы не защищаемся. Мы вовсе не овечки, чтобы защищаться. *Мы никогда ими и не были. Мы ведем борьбу на антирелигиозном фронте, не защищаясь от классового врага, а нападая на него*» *.

Но на самом деле здесь следует и необходимо говорить именно о меньшинстве. Во-первых, потому, что число членов коммунистической партии, по официальной статистике XVI коммунистического съезда, к апрелю 1930 года достигло 1 852 090 человек (членов и кандидатов партии) на 156 000 000** и, таким образом, составляет 1,2% общей численности населения страны или 2,1% от общей численности населения в возрасте старше 18 лет. Во-вторых, потому, что Ярославский сам оценивает число верующих всех вероисповеданий в Советской России в 95% численности ее населения***.

Что касается официальных и полуофициальных опровержений происхождения, то необходимо отметить следующее.

Эти опровержения по существу утверждают, что религиозная вера *как таковая* в советском государстве не преследуется; как сказал однажды один из руководителей-коммунистов: «Были бы ваши убеждения — убеждениями и только, не высказывай вы их, не веди вы за них пропаганду и агитацию, мы бы и не говорили о борьбе

* Та же речь в «Правде» от 26 июня 1930 г.

См. «Правду» от 26 июня 1930 г.

См. «Правду» от 26 июня 1930 г.

с ними. Ибо *с иллюзиями и невысказанными убеждениями мы не боремся...*»* Соответственно преследуется и наказуется *только нарушение закона*. Однако законы придуманы и сформулированы так, что истинная вера, которая *всегда хочет, и должна, и предполагает, и стремится войти в жизнь*, сразу же становится «социально вредной» и наказуемой. Ведь с точки зрения коммунистов, все «церкви, католические молитвенные дома, мечети, синагоги и часовни» есть не что иное, как «клубы и лекционные залы, в которых попы и проповедники различных вероисповеданий — агитаторы и пропагандисты религии — ведут свою религиозную пропаганду»**.

Итак, не преследуется вера, которая замалчивается, о которой не высказываются вслух и которая попросту не проявляется во внешней жизни... Вот и получается, что тот, кто под нажимом коммунистических властей говорит, что «религиозная вера как таковая в советском государстве не преследуется», виновен в трагической, искажающей истину двусмысленности и занимается *ложным опровержением*.

Если же такие опровержения исходят от самих преследуемых духовных лиц, их надо понимать лишь *как зов о помощи*, предсмертный зов о помощи, и весь мир должен откликнуться на него, воспринимая его как потрясающее само по себе доказательство *преследований, порабощения и мученичества*. Ибо, воистину, нет в земной жизни большей муки, чем, будучи преследуемым, поработленным и замученным, еще и быть вынужденным отрицать свои страдания и физическое и духовное истязание своих детей. «Помогите же нам, помогите, — вызывает такое опровержение, — нас унижают, медленно предают мучительной смерти, и нам возбраняется даже попросить о помощи, нам приходится лгать нашим находящимся за пределами страны и выжидающим братьям, утверждая, что у нас все хорошо...»

Томский. Стенографический отчет XV съезда коммунистов, с. 301-302.

Ярославский. С. 117.

О, эти муки, это унижение!.. Сердце обливае(т) кровью при виде этой трагедии...

Помоги нам, Господи!

Помоги найти слова, которые своей суровой правдо(с)твостью и жгучей любовью как молнии врезались в(о) сердце, которые осветили бы близкую опасность и пр(и)будили бы людей ото сна!

Помоги нам сохранить Тебе верность до самой смер(т)и?

И пусть свершится воля Твоя!

СМЫСЛ БЕЗБОЖИЯ*

Человек, стоящий в центре крупных мировых со(б)сто(я)тий и чувствующий, как смыкаются волны судеб над е(г)о головой, не должен довольствоваться простой кон(с)татацией голых фактов. Если он еще может действо(в)ать, а, а ведь способность действовать прекращается лишь с(л)едним вздохом! — то он призван, он обязан осознанно; вмешаться в ход событий. Особенно если ощущает, ч(т)о дело идет о самом святом в жизни, о самых последн(и)х *вещах*... Но тогда ему надо стремиться к верному по(н)иманию исторических фактов; он должен стараться (п)ро(н)икнуть в суть происходящего; ему следуе(т) о - «крыть очи своего духа и добиться *духовной очевиднос(т)и*» ибо только так вырастают и принимаются после(д)ние решения.

Следовательно, теперь дело за тем, чтобы уст(а)новить в(о) природу воинствующего безбожия. Только верное? по(н)имание его сущности может обнажить его цели, пу(т)и и методы, а также необходимые меры защиты.

Нынешнее безбожие, которое мы должны исследо(в)ать и с которым должны бороться, *теоретически* о(б)означает *материализм*, а практически — *коммунизм*..

1. Как *материализм* оно утверждает, что в ми(р)е не сущ(е)ствует ничего душевного, ничего духовного, нич(е)го сверхчувственного, ничего Божественного, ничего» К(о)му матери(и); все остальное — выдумки, ложь, и ложь» н(а)ш(а) р(е)альная и злостная, для того чтобы внушить беднейш(е)му

Речь, впервые прочитанная 8 февраля 1931 г. в публ(и)чном собрании Лютеровского кружка в Берлине.

слою народа, порабощенной и обделенной массе пролетариата **страх**, научить его покорности, терпению и послушанию; для чего (как выражается один коммунистический вождь*) в капиталистических странах имеется два сословия: «попы» и профессора — «специалисты по одурачиванию, ослеплению и укрощению пролетариата».

С точки зрения материализма, человек — лишь тело, предрасположенное к рефлексам, жаждущее чувственных радостей, существующее и ненавидящее, борющееся и процветающее по принципу материальных классовых интересов. Тем самым понятия «душа», «дух», «Бог» и все, что с ними связано, именуемое в целом **духовной культурой**, — лишь глупые и крайне вредные предрассудки, резерв ядовитых одурманивающих средств, арсенал социального порабощения.

В человеческой жизни нет ни духовной реальности, ни духовных целей, ни причин; нет того света, нет загробной жизни. Есть лишь суровая, замыкающаяся на самой себе жизнь на этом свете, земное «здесь», плоская равнина, над которой отсутствуют небеса; а на этой плоской равнине — возделенное чувственно-материальное счастье человека-потребителя.

Это — краеугольный камень материалистических убеждений в целом, последовательное усвоение уроков наглядного жизненного материализма, преподносимое другим с убежденностью только что просветившегося ученика старших классов или полуобразованного, увлекшегося и негодующего неопита.

II. Как **коммунизм** безбожие имеет практическую и политическую стороны.

Все люди **от природы равны**: они суть равные материальные тела, равные физически рабочие механизмы, равные, механически устроенные, чувственные, похотливые твари. Поэтому **справедливость** равносильна **равенству**. **Хорошо обустроить** земную жизнь — означает предоставить и обеспечить всем людям равное чувственно-материальное счастье.

Но тут встает вопрос, как быть с *частной собственностью* — главным источником неравенства и эксплуатации; с *любой* частной собственностью вообще и особенно с частной собственностью на средства производства. С точки зрения коммунистов, она является главным источником хозяйственной анархии и кризисов и вызываемой ими безработицы и нищеты. Значит, надо *экспроприровать* всех частных собственников и *отменить* частную собственность *как таковую*; лучше, всего, если все станет принадлежать государству; а отдельному человеку будет достаточно и того, что ему как потребителю перепадет по *милости государства*, но *потребителю впредь до отмены*, т. е. все остается под большим вопросом.

Человек — *простая* вещь; надо лишь понять его побуждения и суметь управлять ими. *Социальное бытие* — *тоже простое* дело, тем более что ясно познаны и принципиально сформулированы его законы. Маркс открыл и изучил индивидуальные побуждения человека и социальные законы; надо только взять его гениальное наследство, применить его и правильно истолковать. *Ленин* сделал это; борьба за власть увенчалась успехом; так что остается только следовать за ним.

В коммунистической революции, победившей в России и *подготавливаемой во множестве других государств*, можно выделить три этапа.

Первый — *всеобщая экспроприация*, начиная с богатых и кончая последним беднейшим крестьянином. Ее результат — общее обнищание экспроприруемых, разорение и в буквальном смысле истребление больших слоев народа...

Второй — *вызванная экспроприацией всеобщая пролетаризация*: однажды экспроприированные и парализованные хозяйственно, все (от первого чиновника до последнего рабочего и изгнанного со своей земли крестьянина) становятся *наймитами государства*, которое сохраняет за собой *монополию работодателя*.

Третий — экспроприированные и пролетаризированные люди созревают для *социализации*, т. е. для подлинно коммунистического уклада жизни, где все создается по единому государственному плану, т. е. где есть лишь коммунистическая *бюрократия* и коммунистические *най-*

миты и где все ведут *одинаковую жизнь* — сообща живут, работают, вперемешку женятся, упиваются своим потребительским счастьем...

Главная проблема для коммунистов заключается в том, что нынешнее человечество *не вполне пригодно* для этого счастья экспроприации, пролетаризации и социализации: оно все еще цепляется за частную собственность, оно считает пролетарское состояние нежелательным, оно не убеждено, что коммунистическое нивелирование и коммунистическая неразбериха (*Promiscuitat*О в жилье, браке и потреблении принесет счастье.

Более того, нынешний человек в своей жизни, мыслях и чувствах предельно полон *вредных предрассудков*, мешающих ему ликовать по поводу нового коммунистического безбожия. Так, например, он хочет быть *свободным* — в словах и мнениях, в личной и официальной переписке, в печати и партийной принадлежности, в выборе квартиры и работы; все это — вредные предрассудки. Нынешний человек хочет иметь свою *жену* и своих *детей* для себя, он не хочет ни с кем делить свою жену, он хочет сам воспитывать своих детей, заботиться о своем собственном семейном очаге и оберегать его, короче — он относится к своей семье как к своего рода «частной собственности», чего не терпят коммунисты... Нынешний человек нередко *националист* — значит, придется в нем воспитывать интернационализм. Нынешний человек все еще любит свое *Отечество* — значит, надо научить его гражданской войне, чтобы он, присоединившись к пролетариям всех стран, окончательно отбросил этот патриотический предрассудок. Нынешний человек все еще говорит о *чести, совести и верности*, когда на самом деле единственную реальность представляют собой *классовые интересы*. А за всем этим в глубинной сущности вещей живет *религиозная вера* — первоисточник буржуазных предрассудков... Вера в то, что существует Бог, всемогущий и милостивый Отец небесный, который открывается нам, но не лишает нас свободы; который благословляет и освящает нашу земную жизнь — наш труд, семью и брак, нашу духовную культуру и наше Отечество; который пробуждает нашу совесть и воспитывает нашу честь и верность в рыцарском духе; религиозная ве-

ра — это *изначальный источник нашего человеческого достоинства*, который теперь у коммунистов считается скверным и отвратительным началом наших глупых буржуазных предрассудков и который отныне должен исчезнуть в нашем сердце.

Человек в своем традиционном виде и со своей унаследованной духовной организацией как продукт тысячелетней истории, как творец и продукт существующей культуры — *ни на что не годится*. Таким он создан не Богом, ибо Бога нет вообще; таким он создан природой, а природа слепа, она подчиняется человеческому разуму и не может иметь недоступных тайн. И здесь все просто... Исторически унаследованный тип человека не может служить коммунизму; его надо как бы *переделать* или как бы «переварить» в большевистской реторте в новую разновидность гомункула. Требуется ни много ни мало, как пере-создать *человека, причем в мировом масштабе*, требуется, по выражению Бухарина¹ «создать другую землю, других людей и другие нравы» ...

Безбожие ставит перед собой, таким образом, безбожную задачу — вырастить нового человека, материалиста, человека без предрассудков, настроенного на потребительское счастье, по-коммунистически думающего, чувствующего и жаждущего безбожного малого — и непременно в мировом масштабе.

Намереваясь починить какой-нибудь механизм, его, разумеется, сначала развинчивают. Так же поступают и коммунисты, действуя последовательно и систематично. Когда человек с верной в основном настроенностью начинает жить, почитая лишь свои пролетарские классовые интересы, и не поддается никакому обуздыванию, не дает никаким моральным установкам ни сдержать, ни остановить себя, то первостепенная задача должна заключаться в том, чтобы *ослабить и обессилить все моральные соображения и скрепы человека буржуазной культуры*, будь то *уважение* к другим социальным классам, или к Отечеству и собственному народу, или в особенности к идее Бога, к церкви, «попам», науке, даже к

¹ Б у х а р и н . Азбука коммунизма, с. 52.

родителям — *все должно быть обесценено мощью пролетарских классовых интересов и исчезнуть*. И какого бы рода ни было *самоограничение*, будь то естественное чувство стыда или целомудрие; естественная ревность, в известной мере сопутствующая любви; гражданская честь или *порядочность*; но особенно любовь к Богу, желание Божественного, а значит, и живая совесть человека во Христе, — все это должно быть погублено, разъедено, обессилено, парализовано и опрокинуто, чтобы расчистить место по-марксистски понятым и по-революционному истолкованным *классовым интересам* и *подчинению партии*, коммунистической *партийной дисциплине*.

Нетрудно понять, что все это означает. Ведь пока человек еще верит в нечто сверхчеловеческое, каким бы чисто идеальным и абстрактным оно ни было, пока еще надеется на что-то на том свете, пока считает, что внимает внутренне гласу Господа, пока чувствует, что ему надо склонять голову перед церковным и духовным авторитетом, — до той поры он, с точки зрения коммунистов, отягощен предрассудками, надежды его скованы, он ослаблен моральными соображениями, он не умеет хотеть до конца, он не отдает себя без остатка, он борется лишь вполсилы, он остается сдержанным в своей борьбе за земное благополучие; до той поры *он не бросает всю мощь своего животного инстинкта и своей страсти на гражданскую войну, на начавшуюся мировую революцию...*

В соответствии с этим безбожник, коммунист не может предоставить поработенному народу религиозной свободы и никогда не предоставит ему ее: идея Бога остается в стране *внутренним врагом*, последним прибежищем и последним родником человеческого бытия, духовного бытия, человеческого достоинства, а значит — сопротивления. Поэтому ее вырывают с корнем, борются с нею, нещадно преследуют. Все это называется отбрасыванием *буржуазных предрассудков*. В связи с этим все кандидаты при приеме в партию и все члены партии при каждой партийной чистке проходят публичную проверку, подвергаются перекрестному допросу: кто ходит на исповедь или посещает церковные службы, кто крестит своих детей или заключает церковный брак, тот compro-

метирует себя как член партии, ему грозит исключение из нее.

Надо охватить всю *внутреннюю жизнь* людей, в ее самых *сокровеннейших побуждениях, самых потаенных родниках*, в тех глубинах, где человек любит, верует, молится и испытывает благоговение. Так, крошечное создание уже в нежнейшем детском возрасте должно быть приучено к пустым небесам, его необходимо принципиально, раз навсегда разочаровать в религиозном восприятии мира; первые религиозные порывы его души должны быть убийственно осмеяны и дотошно зааргументированы. Закон о браке, принятый впоследствии, признает за ребенком право изобличать своих родителей во внебрачном сожительстве с «фактами в руках», оспаривать таким образом их родительские права, подыскивать себе «настоящего отца». Коммунистического ребенка без конца побуждают и подстрекают к слежке за собственными родителями и доносам на них. Коммунистические газеты помещают объявления, в которых дети торжественно отказываются от собственных родителей из-за их якобы антикоммунистических настроений или поступков. Публично обсуждается и устанавливается ненаказуемость кровосмесительных браков между отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой.

В каждой школе есть своя коммунистическая ячейка, состоящая из школьников, которая занимается политическим надзором за преподаванием и учителями, публично их клеймит, инициирует их увольнение, учит своих товарищей революционной классовой ненависти. Профессора в высших школах обязаны время от времени публично отчитываться перед собранием коммунистических студентов в своих политических взглядах, своих верных марксизму методах преподавания и своих убеждениях, чтобы в результате после всех перенесенных унижений или остаться в своей должности, или нет. Все граждане постоянно рискуют попасть в ситуацию, когда им придется поплатиться своей работой, своей свободой и даже жизнью по политическому доносу или по принуждению подписать какие-либо ложные обвинения против самого себя и т. д. и т. д..

Короче: *вся деятельность коммунистической партии представляет собою как бы мощный социально-психический водоворот, стремящийся захватить каждую душу, чтобы столкнуть или увлечь ее в глубину так называемого равнодушия.* Эту обработку душ можно также сравнить с обязательным подкожным впрыскиванием, когда человеку вводится разъедающий, изнуряющий душевный и духовный яд... Захваченная этим водоворотом душа крутится и запутывается; отравленный этим ядом человек начинает верить в то, что разница между добром и злом, между стыдом и бесстыдством, между честью и позором, между верностью и предательством есть *предрассудок*; что духовный авторитет и духовные качества ничего не значат для человека; что обесчещивание родителей, издевательство над учителями, предательство Родины и выдача палачам своих сограждан — дело вполне нормальное. Здесь работают «твердокаменно» и «костодробительно», как того хотел Ленин*...

Так преднамеренно, планомерно и систематически подмывается и подрывается весь *моральный облик* человека вместе с самыми глубинными и *последними корнями духовности* — *верую в Бога*; а с моральным обликом — и культура в целом. *Безбожие продумывается до мелочей, вся жизнь напичкана и пропитана безбожием.* Производится и осуществляется систематическое *отторжение духовности* от культуры. Более того, размывается и лишается своей роли *принцип индивидуальности*. Коммунисту не положено иметь собственных мыслей: раз навсегда покончено с его самостоятельностью, парализована его духовная, культурная и хозяйственная инициатива; его душевное своеобразие во всех сферах заменяется и подавляется обязательными партийными стандартами. Коммунисты должны быть *уравнены* в убеждениях и способе мышления, в оценках и вкусе, в цели своих устремлений и жизненных переменах — вот стандартный продукт искусственной уравниловки. И все это на преднамеренно неразличимом, архаичном, обедненном и плоском уровне, на котором *вся культура сужается до тех-*

ники хозяйствования; на котором вся нравственность заменяется партийной дисциплиной; на котором моногамный брак и семья растворяются во всеобщем, законно поощряемом разврате; на котором нарушается и преступается даже барьер инцеста; на котором, следовательно, человеческая личность, скатываясь на путь душевного оскудения и духовного измельчания, исчезает в темных и злобных глубинах животного, безличностного, толпы, — но толпы террористически вымуштрованной и дисциплинированной.

Ибо воистину — *без Бога* нет на земле ни культуры, ни личности...

Так появляются и уже появились на свете *два мира*, принципиально различных и противоположных друг другу: один, буржуазный, который доньше пребывал с *Богом* и строился *в Боге*, и другой, коммунистический, который исходит из *безбожия*, строится *на вражде к Богу*, основывает и укрепляет всю жизнь на *антирелигиозности* и *антихристианстве*.

Первый мир, буржуазный, далеко не отличается силой и здоровьем; он борется со своими внутренними трудностями и не справляется с ними; он изрядно расколот изнутри и ведет разного рода борьбу — церковей и государств, рас и национальностей, классов и партий, но, как видно, сильнее всего он ослаблен грандиозным духовно-религиозным *кризисом*, который еще не осознан во всем своем значении, который, однако, лишает его силы и способности к сопротивлению. И еще одно: природа подлинного и полного безбожия, его намерения и цели, его методы, его яд и воздействие этого яда — все это пока *неизвестно буржуазному миру*; он даже и не подозревает, *как* это происходит; *как далеко* может зайти и как выглядит в жизни извне и изнутри, когда до всего этого дойдет; и если бы он увидел это, в мимолетном видении или в страшном сне, у него бы волосы встали дыбом...

Другой мир, безбожный и коммунистический, *собирает силы*, вырабатывает свои методы, где сплетаются друг с другом, всячески поддерживают и подпитывают друг друга дерзко-гротескные и сатанинско-искусительные стихии. *Этот мир вооружается!*

Ибо он настроен агрессивно и воинственно; как выражаются его вожди, это «воинствующий материализм» и «воинствующее безбожие». Это безбожие *не есть религия*, это антирелигиозный фанатизм, посягающий на *экуменическое господство*. Оно *не есть церковь*, и тем не менее подобно *ecclesia militans*⁸ *безбожия*. *Это заговорически действующий орден безбожников*, сделавший и продолжающий делать ставку на *завоевание* остального мира, *на порабощение и насильственное обращение его*. Этот орден *хорошо знает* буржуазный мир — знает его слабости, трудности и опасности. Он презирует буржуазную установку на духовное достоинство и духовный ранг. С исключительной ловкостью и умением он выискивает в нем слабые места, полости или каверны, трещины и щели и закладывает в них свой разлагающий яд...

И вот уже разносится над миром безбожное тлетворное дыхание: оно пробуждает в душах *склонность* к расслаблению, порывы ко вседозволенности, желание предаться духовной тлетворности; оно пробуждает в сердцах зависть, ту зависть, которая руководила однажды сатаной, Каином и Иудой; оно действует вместе с завистью, во имя зависти и уже стало генеральным штабом мировой зависти...

Теперь, имея в виду природу этого безбожия как главного источника и основы коммунизма и обозревая только что нарисованную картину, нам остается сказать следующее.

Явление нынешнего большевизма и коммунизма надо в целом воспринимать как знак и как результат величайшего религиозного кризиса, овладевшего человечеством, особенно в XIX веке: нынешний материализм появился из этого кризиса. Сущность этого кризиса заключается в том, что человечество, с одной стороны, приучило себя доверять *чувственному опыту* (отсюда происходят естественные науки и техника) и следовать абстрактному рассудку, выводящему свои дедуктивные умозаключения по законам формальной логики. С другой стороны, человечество разучилось *доверять духовному опыту, ценить и беречь его бессознательную духовность*.

Небеса, как и прежде, открыты человечеству; но человек утратил пути и доступ к небесам; он заблудился

на окольных и ложных путях своей собственной души. Человек все больше доверяет материи и рассудку; их гладкие и плоские доказательства ослепляют его ум, и он даже не замечает, какими плоскими и мелкими становятся его жизнь и его убеждения. Современный человек пренебрег своею *бессознательною духовностью*, от этого ослабились и обессилились *все функции и все органы этой духовности в его душе*. Я имею в виду религиозную веру и искусство молитвы, силу духовного созерцания и интуицию, чувство святости, сокровенное, совесть, таинство, правовую интуицию, правосознание, художественный вкус, любовь к Отечеству и тягу к здоровой семье. В этих последних своих основах нынешнее человечество сделалось шатким и неуверенным; оно все больше отучается целиком и без колебаний стоять на этих основах.

А против него выступает фанатично-последовательный материалист, *нигилистично и агрессивно настроенный малый* — сама рассудочность, сама последовательная бездуховность и решительное безбожие. Охваченный воистину сатанинским пафосом, нынешний безбожник обуян решимостью бороться не на жизнь, а на смерть; и не только самому рисковать всем и *умереть* за свою противоестественную утопию и за мировую власть, которую намерен завоевать, но и *замучить до смерти* массы, миллионы других людей...

Одни верят мало и слабо, а другие верят лишь в то, что их призвание — вообще разрушить любую веру..

Нынешний мир в целом представляется объективно наблюдателю довольно странной картиной: как будто вся сила воли человечества все больше сдвигается, все больше смещается к *крайней левизне, где воинствующее безбожие готовится к последнему наступлению, готовится денно и ночью...* Неверующая и полуверующая мировая интеллигенция, не имеющая ни идеи, ни силы воли, ни спасительного плана, или пассивно смотрит на это смещение волевого центра, или же *спешит на помощь вооружающемуся безбожию* — отдает ему капитал, знания, опыт, старания, здоровье и жизнь...

Безбожник вполне утвердился и обладает силой. Неверующий и полуверующий слабы: у них отсутствует представление о высшей ценности жизни — ценности, *за которую имело бы смысл жить и умереть*. Они утра-

тили Бога и тем самым — последнюю и святую опору своего характера и жизни...

Но есть закон мировой истории, согласно которому сильный подавляет слабого и властвует над ним, ибо враг поработит того, кто не умеет постоять за себя.

Да, безбожник приносит в мир **новое порабощение**. Сам он называет его **освобождением**; но любой здравомыслящий человек знает, что это рабство. Безбожник освобождает человека от духа, от его целительных содержания, от его благодатных законов и от его необходимой формы — формы **личного духовного характера**. И из-за этой свободы человек погибает в своей подлинной сущности; он растворяется в болоте архаичного, докультурного сожительства — в стихийной животной бесформенности.

Это и есть свобода безудержности и вседозволенности. И она предназначена для того, чтобы хоть как-то возместить людям новое коммунистическое порабощение, утраченную свободу духовного и хозяйственного созидания. Примерно так: «Теперь ты будешь созидать, верить, думать, работать и жить по разнарядке коммунистической партии; взамен тебе разрешается дать волю твоей зависти, ненависти, жажде мести, ты можешь безудержно предаваться страстям и наслаждаться свободой безнравственности и распутства!...»

Или иначе: **«Тебя освободят от Бога, но взамен ты попадаешь во власть безбожного человека».**

Это последний и реальный смысл воинствующего безбожия: оно соблазняет человека нравственной безудержностью, и оно же делает его рабом того, кто предоставляет, разжигает и питает его нравственную безудержность.

Это не свобода **в** Боге, а свобода **от Бога**. А свобода от Бога всегда означает только рабство у собственных страстей, осуществляемое с помощью сил зла, которое отыгрывается на человеческих страстях и дает им волю.

Безбожие тянет человека назад, к животному; **ненависть к Богу делает человека злой обезьяной**.

Нынешнее человечество еще даже не догадывается, что стоит прямо над этой пропастью; но неумолимая история творится дальше и уже приготовила материал, о котором и не слыхивали наши предки (за исключением Достоевского).

Несколько месяцев назад в Берлине одна эмигрантская социал-демократическая газета опубликовала письмо одного социал-демократа из Советской России*.

Автор письма, ученый, уже несколько лет работает у коммунистов, все видел и много пережил. Скрепя зубы он рассказывает о бесконечных неописуемых унижениях, которым подвергаются, в которых живут и работают люди; состояние народа он называет **«настоящей пыткой египетской»**, когда властители жертвуют всем, в том числе и миллионами человеческих жизней, ради технического вооружения. Система террора, голода и порабощения требует все новых жертв; им несть числа. Но это мало что значит для коммунистов. «Разве это касается их? Подымают ведь не они — **они** только надзирают за подыхающими», — говорится в письме. Вооружение шагает вперед; и это главное: вооружение, которое **чревато новой мировой катастрофой, новым проклятием для целых поколений**. «Будьте вы прокляты, ружья, танки, газы и тракторы, вся эта сатанинская техника, которой Европа вооружает наших обезьян!» — восклицает автор письма, с убийственной ясностью постигший смысл коммунистического строя и характеризующий его так: ***Обезьяны плюс машины**.

Читающий это письмо и внимающий стенаниям ученого — социал-демократа, этого глубоко страдающего искреннего сердца — видит ужасную трещину, образовавшуюся в нынешнем мире, сквозь которую проглядывает угрожающая и жаждущая жертв бездна. Возникшее из безбожия, ведомое ненавистью к Богу, навязывающее людям безбожие как некую фанатичную веру, вооружающееся и готовящееся к наступлению на весь мир, нынешнее безбожие подмывает и подрывает все, что верующий, буржуазный культурный человек воспринимает как свящину...

, Через безбожие человечество идет к бесчестию; через освобождение от предрассудков — к рабству.\

Русский журнал «Социалистический вестник» за июль 1930 г. «Евангелическая Германия» поместила в февральском номере (1931 г.) небольшой отрывок из этого письма.

Не спит ли человечество? Не снится ли ему страшный сон? Неужели с ним все кончено?

Человечество стоит на перепутье.

Его судьба будет определена его собственными решениями.

Помоги ему, Господи, чтобы оно не предало своих самых главных святынь!...

СОЮЗ БЕЗБОЖНИКОВ

Союз безбожников в советском государстве относится к *государственно-политическим вспомогательным организациям*, которые создаются в различных областях жизни диктаторски правящей коммунистической партией, чтобы побуждать *просоветскую и прокоммунистическую активность* поработанного народа или, если таковой нет, *инсценировать* ее. Цель Союза безбожников — быть *орудием, посредником и партнером* коммунистической диктатуры в ее антирелигиозной борьбе.

Как *орудие* партии и правительства, Союз безбожников подчиняется директивам партии и распоряжениям советского правительства; по приказу партии он может быть в любой момент распущен, перестроен и переименован; он финансируется из государственных источников; его правление «избирается» согласно тайным указаниям или инструкциям, т. е. просто-напросто назначается. В целом — это *общественно-правовая корпорация, официально настроенная и государственно-политически управляемая*.

Однако в качестве *посредника* Союз безбожников призван выступать *частно-правовым образом* и демонстрировать как бы *стихийное мнение* народа. «Мы — частная организация, добровольное объединение», — принципиально провозглашается на съездах союза*. Итак, с позиций правовой науки эту частно-правовую установку союза никоим образом не стоит принимать всерьез. В практике управления коммунистического государства государственная функция организуется и осуществляется «частно-правовым» образом, а общественно-правовая корпора-

Из заключительного слова Ярославского на II съезде. «Правда» от 15 июня 1929 г.

ция выдается за «частно-правовую», когда государственная власть по политическим соображениям *не хочет непосредственно нести за нее ответственность*. Так обстоит дело и с III Интернационалом, с различными торговыми обществами, со всеми пропагандистскими организациями за границей и с Союзом безбожников. Тут применяется метод «второй руки» или подставного политика. На деле все такие «частные» организации очень умело управляются, финансируются и когда надо одергиваются из партийного центра («Политбюро»), так что их якобы «добровольная» деятельность то разрешается, то запрещается, то снова возобновляется и оживляется, неизменно выполняя волю коммунистического центра.

Союз безбожников задуман и создан еще и как политический *партнер* государственной власти. До какой степени коммунистическая диктатура нуждалась в таком посреднике и партнере, видно хотя бы из того, что в течение первых революционных лет многие коммунисты из нижних партийных слоев вовсе не думали о безбожии и всерьез воспринимали и наивно пытались осуществлять декреты об отделении церкви от государства, церкви от школы, а также о свободе религии («вера есть частное дело и потому свободна...»). Случалось даже, что партийный комитет выносил коммунисту выговор и даже пытался задержать его как нарушителя за то, что тот в своей квартире в Святую Пасхальную ночь заводил граммофон*... Все это говорит о том, что безбожие никоим образом не могло прийти снизу, из народа, а что *его надо было привнести в народ сверху*. На верность религиозным убеждениям присягал и коммунистический нижний слой; настоящей антирелигиозной активности у народа не было, не было и надежды на нее. Напротив, жестокие преследования церкви в первые годы *вызывали усиление религиозных чувств* по всей стране, включая и коммунистические окраины. Безбожного «партнера» не оказалось и его пришлось создавать искусственно. Надо было, во-первых, в своей стране и за границей инсценировать «подлинное настроение революционных масс» и *антихристиан-*

См. у Ярославского: «На антирелигиозном фронте».

скую стихийность народной души; и, во-вторых, действительно втянуть трудящиеся массы в борьбу с религией*. Это и было основной целью создания Союза безбожников.

Основанный в 1925 году союз до 1926 года не играл большой роли. В нем было всего 87 000 членов, в то время как Коммунистическая партия насчитывала 1 025 000 членов**, население же составляло примерно 145 000 000 человек. В 1926 году программа союза была одобрена руководством коммунистической партии и началось оживление пропаганды. Число членов Союза безбожников к 1 января 1927 года насчитывало по всей стране 138 000***. В 1928 году были разработаны и опубликованы тактические основы союза в форме «постановления» партийного руководства****. С этого времени во главе борцов с религией ставили только «специалистов, имеющих образование»; безбожие становилось предметом преподавания в школе; коммунистической печати, литературе и профессорам вменялось в обязанность быть пособниками в деле пропаганды; было издано руководство под названием «Книга в помощь активным безбожникам». И все это было большой подготовкой к наступлению в следующем году.

Год 1929 стал переломным во всех областях: приступали к «пятилетним планам» в хозяйстве и культуре; начинали принудительную коллективизацию в сельском хозяйстве; вели наступление на остатки частного предпринимательства; произошло чудовищное усиление религиозных преследований... Началась великая *подготовка к наступлению в мировом масштабе*.

Летом 1929 года Союз безбожников созвал II съезд. На нем были подведены итоги достигнутых «завоеваний» и разработаны подготовительные меры для дальнейшей кампании

Союз отметил следующее: наличие 465 000 членов на 1 февраля 1929 года*****; множество пропагандистских про-

Я р о с л а в с к и й . Вступительная речь на II съезде Союза безбожников. — «Беднота» от 11 июня 1929 г.

.. См. стенографический отчет XIV съезда коммунистической партии, с. 76, отчетный доклад Молотова.

... «Правда» от 24 июня 1930 г., статья Ярославского.

«Правда» от 22 июня 1928 г.

***** «Правда» от 24 июня 1930 г.

грамм для школ, учебных курсов, «воскресных университетов» и т. д.; действовали 93 учебных курса и 89 семинаров для обучения безбожников; в высших школах существовали антирелигиозные коллегии; было зафиксировано трехкратное увеличение числа докладов на антирелигиозные темы; имелся целый ряд антирелигиозных театральных трупп, 20 антирелигиозных музеев; проводились соответствующие соревнования. Газета «Безбожник», издаваемая союзом, достигла тиража 169 000 экземпляров; журналы союза «Ангарелигиозник» и «Безбожник» имели тираж соответственно в 22 000 и 65 000 экземпляров; брошюры и книги «по теме» за истекший год насчитывали 40 000 000 печатных листов*.

На этом съезде Союз безбожников получил новое название: Союз *воинствующих* безбожников. Возраст, необходимый для вступления в союз, был снижен до 14 лет. Были намечены новые законоустановки и новые пути пропаганды — наступление началось.

В этом же, 1929 году по распоряжению комиссариата образования во всех школах стала обязательной пропаганда антирелигиозных ячеек**. Воспитание детей было целиком переведено на *антирелигиозные рельсы****, причем подчеркивалось, что антирелигиозность должна привести в жизнь «*тафос злобы*» ****. Начиная с 15 октября 1929 года, московский «радиоуниверситет» обязали начать по радио пропаганду 68 антирелигиозных докладов*****. Профсоюз представителей искусства призывал своих членов принять участие в антирелигиозных митингах*****. Был созван съезд «школьных учителей-безбожников»*****. После съезда «красных пионеров» каждый ребенок должен был поднять в своей детской ячейке вопрос о безбожии и призвать каждого к реше-

* «Правда» от 13 июня 1929 г.

«Антирелигиозник». № 2, 1929 г.

«Безбожник» от 5 апреля 1930 г.

См. у Залкинд в «Комсомольском быте».

***** «Безбожник» от октября 1929 г.

«Правда» от 13 декабря 1929 г.

..... «Учительская газета», № 132 за 1929 г.

тельному ответу*. Каждый профсоюз должен был разработать свой собственный план антирелигиозной борьбы, которую ему следовало вести; каждое предприятие, каждая мастерская подлежали охвату и соответствующей обработке** и т. д.

Число членов Союза безбожников увеличивалось в последние два года следующим образом: *в конце 1929 года* — около 700 000 человек; *в январе 1930 года* — около 2 миллионов; *в марте 1930 года* — около 3 миллионов; *в июне 1930 г.* — 3,5 миллиона***...

По поводу этих чисел надо отметить следующее. Ни пропаганда, ни террор не привели к концу 1929 года к столь значительному увеличению числа членов союза. *Начавшаяся в августе — сентябре 1929 года насильственная коллективизация в деревне шла рука об руку с насильственным закрытием церквей***. Поэтому лозунг дня гласил: коллективные хозяйства должны стать аккумулятором антирелигиозной энергии; их предназначение — «излучать безбожную активность...»^{гг.}

Так коллективизированные крестьяне зачастую автоматически причислялись к безбожникам. Но были и такие, кто вступал в Союз безбожников, чтобы хоть как-то защититься от грозящей экспропри-

«Безбожник» от августа 1929 г. В речах, обращенных к красным пионерам, всегда говорится: «Пионер, будь готов к борьбе с религией в семье, школе, в пионерских отрядах, среди рабочих и крестьян — будь готов!» — «Пионер, будь готов к борьбе с религией, с попами и поповщиной, с социальными классами, которым религия нужна как орудие в борьбе за власть, за господство над рабочим классом — будь готов!» и т. д. («Известия» от 17 августа 1929 г.).

... «Правда» от 8 декабря 1929 г.

Подборка Ярославского для XVI съезда компартии. «Правда» от 24 июня 1930 г. Заметим, что цифры эти неточны или даже произвольны; тот же Ярославский, лидер союза, на II съезде говорил: «Союз безбожников насчитывает 500 000 — 700 000 членов...» («Известия» от 9 июля 1929 г.) Разница составляет 40 % от меньшего, приведенного выше, числа...

Ср. «Безбожник» от 30 марта 1930 г.; «Безбожник у станка», № 7, 1930 г., с. 5 и т. д.

**** «Безбожник» от 15 апреля 1930 г.

ации и ссылки. Безбожие становилось во всей стране признаком лояльности убеждений *и средством спасения от голодной смерти*; и как когда-то во времена преследований христиан в Древнем Риме, были не только мужественные приверженцы христианства («*stantes*»), но и робкие или «трезвые» души («*lapsi*»). Последних было все же не так много, ибо к лету 1930 года коллективизацией была охвачена в сельском хозяйстве лишь *четверть* всех хозяйств, т. е. около 6,5 миллиона крестьянских семей, или около 30 миллионов человек...

Однако если учесть, что к моменту начала II съезда Союза безбожников (лето 1929) «членами Союза безбожников *не были* — члены партии, члены коммунистического союза молодежи и профсоюзов»*, то столь быстрый прирост численности зарегистрированных безбожников становится легко объяснимым. В последние два года насчитывалось 1 852 090 членов партии; 2 250 000 — коммунистического союза молодежи; 13 129 000 — красных профсоюзов**. *Стоило партии занести в списки Союза безбожников своих собственных членов и членов союза молодежи, как сразу же получалась цифра, превышающая 3,5 миллиона новых безбожников.*

Эти соображения помогают также и верному освещению так называемого «пятилетнего плана безбожия», согласно которому перед движением безбожников ставились к концу 1933 года такие задачи. 1) Увеличить число своих членов до 17 миллионов человек***. 2) Довести число юных безбожников (от 8 до 14 лет) до 18 миллионов. 3) Окончательно уничтожить религиозное влияние

Я р о с л а в с к и й . «Известия» от 9 июля 1929 г.

Оценка Сталина. «Правда» от 29 июня 1930 г.

Т. е. около 2 миллионов коммунистов, 15 миллионов членов профсоюзов и около 2 миллионов коллективизированных крестьян. Коммунистическим властям требовалось лишь сделать вступление в Союз безбожников обязательным и для коллективизированных крестьян, тогда они имели бы куда большие цифры. *В религиозном отношении* такое вступление имело ничтожное значение, и его никак нельзя принимать всерьез.

семьи. 4) Во всех высших школах ввести антирелигиозное обучение. 5) Тираж газеты «Безбожник» довести до 1,5 миллиона экземпляров и т. д.

Что касается политического и социального состава Союза безбожников, то ко времени II съезда 55 % в нем составляли коммунисты (около 275 000) и 45% — беспартийные. Процент крестьян был довольно скромным (около 30%, т. е. не более 150 000, в то время как крестьянское сословие насчитывало в стране около 130 000 000 человек). 80% составляли мужчины и 20% — женщины*. Количество школьных учителей-безбожников было неудовлетворительным**; их положение, как и положение всех антирелигиозных пропагандистов в деревне, было совсем не веселым: Ярославский сетовал на то, что крестьяне не выносят пропагандистов безбожия, зачастую их избивают, а случается — убивают***. В 1930 году коммунисты сокрушались по поводу усиливающегося оттока учителей****, что понять нетрудно: давление обязательности безбожия сверху и смертельная опасность снизу превращали жизнь школьного учителя в суший ад.

О том, как ведется пропаганда безбожия, говорят следующие подлинные цитаты, которые я привожу в качестве примера: «Урожай зависит не от вовремя прочитанной молитвы, а от вовремя проведенной обработки почвы; нашим коровам нужен вовсе не бог, а бык. Теперь нам нужно не попов разводить, а свиней. Свиньи и удобрения нам полезны, а попы и вера в бога только вредят нашему хозяйству. Потому удобрения и свиньи полезнее молитв»*****.

«Ни одна шайка разбойников не приносит столько вреда, сколько поповская или сектантская организация. Ни одна скабрзная книга не принесла столько бед, сколько принесла библия...» »»»»»»

* «Правда» от 13 июня 1929 г.

Я р о с л а в с к и й . «Правда» от 9 июля 1929 г.

«Правда» от 12 июня 1929 г.

• а * .

«Правда» от 3 июля 1930 г.; «Правда» от 6 июля 1930 г.

***** «Безбожник», № 45 за 1930 г.

***** Там же.

«Мы сожжем все церкви в мире, мы разрушим все тюрьмы...»*

«Мы еще больше усилим нашу антирелигиозную работу, и она подорвет все основы в мире. Мы соберем под знамена воинствующего безбожия миллионы рабочих и крестьян...» «Они уже идут вперед под развевающимся знаменем Ленина; они соберутся из всех стран, чтобы принять участие в последнем наступлении на весь мир. Мы вооружим их необходимыми знаниями». «Пусть знают все служители бога всех религий, что ни бог, ни добро, никакие святые, никакие заклинания и никакие молитвы не спасут капиталистический мир от разрушения»**...

Завоевание мира, как видим, есть последняя цель этой борьбы. Успешное выполнение этой задачи они готовятся провести во всех областях, в том числе и в области безбожия.

С этой целью ведется обработка и Красной Армии***. В каждом полку отдел из семи человек отвечает за пропаганду безбожия. Они не только читают доклады для всех, но и проводят работу по «индивидуальной обработке» солдат. Всех красноармейцев делят на три группы: неверующих, колеблющихся и верующих; две последние группы обрабатываются особо. Короче, делается все, чтобы снабдить солдат и офицерский корпус Красной Армии «динамитом классовой ненависти» и безбожия****.

Наряду с этим делается все, чтобы обучать безбожию проживающих в Советской России иностранных рабочих

В 1929 году антирелигиозная пропаганда была поставлена на повестку дня всех коммунистических партий и организаций за границей. Задача состояла в том, чтобы сделать атеизм за границей массовым движением. Ком-

* «Безбожник» от 5 ноября 1930 г.

... Там же.

Ее только за границей наивно называют «русской». Официально она называется «Рабоче-Крестьянская Красная Армия».

Ср. постановление II съезда Союза безбожников о пропаганде в Красной Армии. — «Безбожник» от 22 ноября 1929 г.

**** См. «Красную газету» от 11 декабря 1930 г.

мунистам рекомендовалось втираться во все хоть как-то склонные к антирелигиозности союзы и организации и «ставить» имеющуюся склонность к безбожию «на службу пролетарской классовой борьбе»*. Это особенно касалось интернационала учителей, интернационала юных коммунистов, союза красных пионеров, организаций атеистов и обществ так называемых «друзей СССР». «Инпрекор»** напечатал призыв международного союза «пролетариев-атеистов», в котором с жаром приветствуется воинствующее безбожие коммунистов***.

Тем самым коммунисты ставят своей задачей вызвать к жизни это движение в других странах и стать во главе его. Ярославский так говорит об этом: «Мы должны создать такой антирелигиозный центр, который мог бы оказывать помощь коммунистическим партиям всех стран, с тем чтобы они возглавили и эту сторону постоянно растущего движения против религии и против поповщины, ибо эта борьба есть классовая борьба, она не только неизбежное, но и необходимое сопутствующее явление в борьбе ~~с~~ капиталистическим миром, в борьбе за коммунизм...»

Особой поддержкой пользуется международное пионерское движение, коммунисты очень довольны его успехами в Германии. «Пролетарский ребенок в Германии, — пишет Радек****, — втянут в великое движение своей эпохи»; «берлинские дети играют в баррикады и в войну красных и белых» и т. д. Безбожную пропаганду в Германии ведут 4 детские коммунистические газета; разработана широкая программа на ближайшее будущее *** **.

Таковы в основном достижения и директивы Союза безбожников.

См. статью Ярославского в «Правде» от 15 января 1930 г.

Журнал III Интернационала для заграницы.

«Инпрекор» от 29 ноября 1930 г.

Ярославский. «Правда» от 15 января 1930 г.

***** «Правда» от 25 июля 1930 г. Статья «Пионерская опасность».

***** См. ст. Левицкого и Хитрова в «Правде» за май и 4 июля 1930 г.

МУЧЕНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ В РОССИИ

1

Возлюбленные братья и сестры во Христе!

Тот, кто в наши дни живет с открытым сердцем и открытыми глазами, часто чувствует себя стоящим на самом краю пропасти, разверзшейся у его ног и жаждущей жертвы. И чувствующий это прав; а потому он не должен скрывать этого ощущения от окружающих его людей; более того, его долг — открыть другим свое сердце и свои наблюдения, рассказать обо всем, предостеречь, призвать к осознанию и изменению себя.

Ведь сегодня мы переживаем такое время, когда крайне необходимо понять грандиозный смысл свершающегося, по-братски держаться друг друга, духовно укреплять друг друга и начинать борьбу со своим сильным противником.

Если бы двадцать лет назад нам сказали, что христианство стоит перед новыми, по своей жестокости невиданными испытаниями, никто бы не поверил. А в действительности преследование христиан длится вот уже двадцать лет, оно пришло как бы неожиданно-негаданно, но увы — *оно было подготовлено в лоне христианского мира.*

Именно в лоне христианского мира безбожие вынашивало, широко замышляло и развивало свои антихристианские идеи и намерения, т. е. прямо *рядом* с нами и *среди* нас выковывало оно свои планы и свои организации, чтобы однажды перейти в наступление по всему фронту

И если большевикам удалось растравить, разложить, экспроприировать и политически закабалить великий русский народ, уставший от войны; и если они без устали продолжают свою безбожную и коммунистическую пропаганду и почти каждый год пытаются методом кровавых вооруженных мятежей захватить власть в какой-нибудь стране — вспомним только Финляндию, Венгрию, Баварию, Италию, Болгарию, Австрию, Китай,

Мексику, Испанию и другие государства; и если в других странах они провоцируют, подстрекают, клеветают, пробуждают злость и зависть, проповедуют месть и разбой и требуют крови; и если мы спокойно смотрим на это и спокойно внимаем этому, делая вид, что мы глухи и немые, что все это нас не касается, — то все же на нас лежит *ответственность и вина* за все происходящее, за все вздохи томящихся, за все слезы голодающих, за отчаяние обесчещенных женщин, за казненных, за обманутых и ожесточенных, за безмерные страдания беспризорных детей.

Ибо мы, последователи Христа, *едины* в сердце и душе. Ему, нашему Спасителю, и друг другу мы обязаны любовью, верностью и помощью. А поскольку мы забываем об этом, поскольку привыкли равнодушно пропускать мимо ушей слова о беде наших братьев как о *чужой* беде, поскольку мы, христиане, *предаем* друг друга, эта страшная волна коммунистического безбожия докатится и до нас и так наводнит собою весь мир, что возникнет опасность народам погибнуть одному за другим и каждый будет уповать только на свои собственные силы и свои собственные слабости.

Возлюбленные братья и сестры! Для нас настал Страшный суд! Сейчас пред Ликом Господним мы должны ответить за то, как мы жили до сей поры, что делали и что оставили на потом. Пробыл час великой христианской исповеди: нам надо решить и выбрать, нам надо выбрать между Господом Богом и отцом лжи, обещающим нам при коммунистическом строе земное счастье и хозяйственную «свободу», а на самом деле готовящим всеобъемлющее душевное, духовное, религиозное, политическое и хозяйственное закабаление.

Я русский. Бывший профессор Московского университета. Хорошо знаю свою страну и свой народ — страстный и добродушный, терпеливый и доверчивый русский народ, вот уже более тысячи лет исповедующий и настолько усвоивший христианство, что считает кое-какие христианские добродетели чисто русскими, а часто и не желающий признать, что Спаситель явился в мир не как русский. Я знаю, как мой народ жил до войны, я

видел его неопишуемые страдания, его ужасающую нищету под гнетом коммунистов, видел и все это пережил сам.

Я бы никогда добровольно не покинул свой народ, ибо человеку свойственно жить и умирать среди своего народа. Но так как я сопротивлялся коммунизму всюду, где только мог, меня, после того как я пережил шесть арестов и побывал под судом трибунала, вынесшего мне смертный приговор, позже пожизненно выслали из страны.

И я почел своим долгом предостеречь германский народ, капля крови которого течет и в моих жилах, от чудовищной опасности и приложить все силы к тому, чтобы он своевременно распознал сатанинское искушение в коммунистическом обличье и воспротивился ему.

С этих позиций я борюсь в Германии с 1923 года устным и печатным словом, книгами и лекциями; и до сегодняшнего дня ни одно мое слово не было оспорено коммунистами и социал-демократами, ибо я оперирую лишь правдивыми фактами, свидетельствами очевидцев, пережитым лично мною, тем, что сами коммунисты о себе сообщают и что сами признают.

И вот я говорю сегодня с вами. Я буду говорить как свидетель, много повидавший, переживший, узнавший и христианским сердцем добросовестно и научно продумавший все; как очевидец, который, стоя пред Ликом Божиим, должен поведать правду своим братьям в Германии и их вождю.

2

Первое и самое, главное, что требует коммунизм от человека, — это *отречение от Бога и христианства*.

Почему он хочет этого, зачем ему это надо?

Тот, кто верит в Бога, превыше всего ставит заповеди Божии, ставит он их выше и распоряжений коммунистов; в его сердце есть священная мера, и против этой меры бессилен любой приказ, любой запрет коммунистов. Кто верит в Бога, тот видит небеса и не слишком высоко ценит земные интересы, в том числе и классовые интересы. В то время как для коммунистов классовые интересы превыше всего. Кто верит в Бога, тот носит в

сердце своем благоговение, совесть, достоинство и честь; для коммуниста же все это лишь помехи, делающие человека непригодным к революции.

Истинный коммунист должен быть беспощадным, разнузданным, иначе он будет уклоняться от всякой жесткой меры. Ведь коммунизм бесчеловечен и жесток во всех своих начинаниях. Деликатный человек не сможет выбрасывать людей из квартир, экспроприировать чужую собственность, осуждать невинных, расстреливать женщин и стариков.

Коммунисты нуждаются в *разнузданных и безнравственных* людях, настроенных на ненависть, работающих по принуждению и из страха. Вот почему коммунизм как таковой проистекает из *безбожия*, из безбожных воззрений; вот почему коммунисты всегда склонны к *вызывающему богохульству и радикальному антихристианству*. Вот почему они испещряют церкви непотребными словами (так было в Берлине до 1933 года, в России, Мексике и Испании), вот почему они насмеваются над Спасителем и Богоматерью. Они сжигают одну за другой церкви в Испании, обливают бензином пасторов и поджигают их; они выставляют обезглавленный или вспоротый труп священника в витрине магазина, снабдив его издевательской надписью: «Здесь продается свинина». Они ненавидят Бога, Иисуса Христа и христианство. Они видят в Боге своего самого большого врага, против которого они должны вести постоянную борьбу. Они открыто, устно и письменно, высказывают это. Так, они говорят: «Религия — одна из подлейших вещей на земле», «существует непримиримое противоречие между директивами коммунистической партии и религиозными заповедями». В этом коммунисты правы: верующий христианин со своим стремящимся к любви чутким сердцем, со своею добросовестностью и верностью долгу никогда не сможет стать коммунистом. Короче, коммунизм есть *безбожие на практике*, последовательное и беспощадное безбожие. Ему нужен человек без Бога. Этому богопротивному человеку он обещает удовлетворение всех человеческих потребностей и страстей, в особенности же «классовых интересов»: крестьянину — безвозмездно землю, рабочему — минимум работы, много от-

дыха и развлечений, без меры земных наслаждений; крестьянам и рабочим — разнуздание чувственной любви, свободное совокупление мужчины и женщины, избавление от заботы о детях, их бесплатное воспитание, квартиру, пропитание, лечение, спорт и т. д. Все это они обещают, бессовестно обманывая введенный в искушение народ. Ибо истина лишь в Боге и с Богом. Без Бога люди становятся бессовестными, немилосердными, а главное — лживыми. Вот почему и коммунисты — лжецы по призванию и обманщики без меры.

О таких людях в Писании говорится: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнить похоти отца вашего... когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44).

Возлюбленные братья и сестры! Если бы вы постигли смысл этих слов так, как мы постигли его! Все обещания коммунистов — ложь и обман. Знали бы вы, как велико сейчас отчаяние русских крестьян, рабочих и буржуазии — ведь многие поверили этой лжи...

А на самом деле происходит вот что. Как только коммунисты приходят к власти, они проводят *всеобщую экспроприацию*: все теряют все — богатый торговец и бедный крестьянин, образованный инженер и не имеющий образования пролетарий; все коллективизируется — это значит, что все принадлежит государству, а государство принадлежит коммунистической партии. Все — от крестьянского подворья до большой фабрики, от железной дороги до газеты и школы — становится коммунистическим предприятием или коммунистическим ведомством. И теперь в стране один-единственный работодатель — коммунистическая партия. Всюду распоряжаются бесчисленные коммунистические чиновники — невежественные, неопытные, бесхозяйственные, продажные и настроенные на грубый произвол. Человек, которому они не захотят дать работу, умирает на улице от голода и холода. И вот работы лишены бывшие офицеры, дворяне и особенно духовенство; их расстреливают одного за другим или ссылают в невиданные концентрационные лагеря Дальнего Востока, где теперь на бесплатных принудительных работах чахнет около 10 миллионов человек. Остальные борются с нуждой, будучи советскими

пролетариями в услужении коммунистического чиновничества. Нынешняя заработная плата в России в соотношении с ценами на продовольствие в 10 — 15 раз ниже прежней. Люди в городах проживают каждый в среднем на 4 кв. м жилой площади или в бараках на нарах. Все закабалены, все в полной зависимости от коммунистов, реагирующих на малейшее непослушание, любое свободное слово, любой промах в работе ссылкой или расстрелом.

Тем самым коммунизм есть неслыханная в истории политическая и хозяйственная кабала народа. Отцу лжи, великому искусителю и соблазнителю, удалось его предприятие. Он соблазнил и закабалил людей. А когда б вы знали, сколько восстаний, мятежей, беспорядков и протестов было за эти 19 лет потоплено в крови, вас бы охватил ледяной озноб.

3

Я только что сказал: все превратилось в коммунистическое ведомство, в коммунистическое предприятие. Все, *кроме церкви!* К церкви относятся и обходятся с ней, как с исконно заклятым врагом коммунизма. Она должна исчезнуть. Верующий христианин есть внутренний враг, контрреволюционер, самый ненавистный и опасный «лишенец». Вот откуда великое мученичество православной церкви XX столетия. Это ад на земле, который коммунисты уготовили христианству.

Вам сегодня придется узнать, как выглядит это мученичество на деле.

Коммунисты поставили себе задачу устранить христианство из жизни народов. Это относится прежде всего к поверженному ими русскому государству. Русский народ на свою беду был первым, кто подвергся великому сатанинскому искушению, которое и погубило его. Планы коммунистов затрагивают *все* культурные народы *без исключения*: весь мир должен быть соблазнен ими, разложен, измотан в гражданских войнах и захвачен — примерно так, как это происходит сейчас в Испании.

Эти преследования касаются не только христианской церкви в России, не только ее одной; они касаются *хри-*

стианства в целом: православной церкви в такой же степени, как католической, лютеранской, реформатской и прочих духовных общностей. Мы все, каждый по-своему, христиане, потому это наступление касается всех, мученичество угрожает всем. Подумайте только: из 200 евангелических пасторов, отправлявших службу в России до революции, ныне служат лишь 7 или 8. И разве мы не слышали, как пытали и уничтожали католических священников, епископов, монахов и монашек в Испании, как коммунисты сквернословили и оскверняли даже их мертвые тела?

В целом борьба коммунистов сводится пока к тому, что первой из всех мучениям, преследованиям и уничтожению подвергается церковь в России. Однако то же самое грозит всем церквам и всем христианам в мире; русский же народ, закабаленный и эксплуатируемый, считают лишь тягловым скотом, арсеналом, взлетной площадкой, трамплином для наступления на весь мир, для большевизации мира, для коммунистического захвата мира.

Бог допускает, чтобы все христианство подверглось этому адскому напору марксистов, и всем нам надо воспринять это наступление как призыв одуматься, как призыв по-братски сплотить свои ряды и, как подобает истинным христианам, выступить единым фронтом против сатаны. Нам всем надлежит думать о нашем Спасителе и бороться за Его дело, а потому происходящее в России затрагивает всех нас.

4

Могло ли когда-нибудь наше духовенство подумать о том, что в России возможно правительство, которое примется беспощадно преследовать христиан? Тем менее подготовленным, тем более беспомощным оно оказалось, когда преследования начались.

Я далек от мысли, что духовенство в Советском Союзе не давало коммунистам повода для нападков. Не стоит думать, что коммунистическая травля, начавшаяся в 1917 — 1918 годах, натолкнулась на немую и безропотную церковь.

Коммунистическая пропаганда, разжигавшая зависть и ненависть в народе и призывавшая к грабежам и убийствам, напрямую осуждалась и клеймилась духовенством во множестве проповедей по всей стране. Лишь жалкая кучка священников покорно молчала — трусливые есть везде.

Православная церковь в то время только что провела свой всероссийский Церковный Собор и, как и двести лет назад, вновь избрала патриарха, покойного «Тихона всех россиян».

Но когда вся страна гудит от коммунистической травли, когда страну истязают и жгут мятежные и разбойные коммунистические банды и льются потоки крови, церковь Христа не может молчать.

Послушайте же, что говорит патриарх Тихон в своем обращении к Совету коммунистических народных комиссаров: «Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу. ... Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы* и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние... Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей... Вы разрушаете исконную форму церковной общины... приход... Вы запрещаете учить в школах детей вере... «И что еще скажу. Не достает мне времени»**, чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. ... Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя... Ваши нош бегут ко злу... А ваш путь есть тщеславная погибель и вред... А нынче взыщется от вас всякая кровь правед-

«
епископ Тобольский Гсрмоген.

** (Евр. 11, 32).

ная, вами проливаемая* и от меча погибнете сами вы, взявшие меч *! (Отрывки из подлинника¹.)

Это мужественное пастырское письмо заканчивалось торжественным отлучением от церкви, касающимся всех коммунистов.

Все, что происходило после и что происходит и по сей день — есть лишь последовательное развитие наступления, изобличенного в пастырском послании патриарха.

Борьба с церковью происходит трояким образом:

- а) во-первых, методом неустанной пропаганды;
- б) во-вторых, экспроприацией и разрушением всего, что необходимо для церковной службы;
- в) в-третьих, бесчеловечным преследованием духовенства и верующих.

5

Что касается пропаганды, то с 1918 года в стране существует монополия печати: есть лишь коммунистические газеты и журналы, все типографии являются коммунистическими государственными предприятиями. Библию и церковные книги запрещается печатать. Писать разрешается лишь *против* Бога и против христианства.

Не разрешается религиозное обучение детей, в нем усматривают политическое преступление. Ни одному священнику не разрешается никуда выезжать или проповедовать вне своей общины. Повсюду созданы антирелигиозные музеи, где наивным людям демонстрируют всевозможные вещи, которые могли бы подорвать веру в Бога, как будто подобные вещи есть или могут быть на свете.

В миллионах экземпляров распространяются иллюстрированные журналы с вызывающими карикатурами, полные насмешек и издевок, направленных против Спасителя и против Богоматери, с богохульными стишками и рассказиками. На улицах организуют богохульные процессии, столь грубые, столь вульгарные и циничные, что описывать это невозможно.

* (Лк. 11, 51).

** (Мф. 24, 52).

Пропаганда безбожия вменена в обязанность всем учителям. Того, кто отказывается ее вести, заносят в черный список коммунистического работодателя и вместе с семьей обрекают на голодную смерть.

Наряду с этим коммунистическое правительство создало две так называемые «частные организации»: *союз красных пионеров*, где маленьких детей учат безбожию, и *союз безбожников*, организующий взрослых в борьбе с Богом. Здесь действует такое правило: у детей надо воспитывать отвращение к религии; они не должны даже понимать слово «Бог», их надо научить ненависти к духовенству. Союз безбожников служит коммунистам не только для пропаганды, для слежки за верующими, для доносов на священников и епископов, но и для того, чтобы высказывать мнимые «просьбы» и «требования» трудящихся. По «просьбе трудящихся» происходит все, чего пожелают коммунисты: закрытие церквей, конфискация колоколов, роспуск церковных общин и т. д."

А так как любой человек в стране, кого ни возьми, экспроприирован и беден, он или чтобы не попасть к коммунистам в немилость, или из страха и карьеризма вынужден вступать в союз безбожников. Ныне этот союз насчитывает около 4 миллионов активных членов из 160 миллионов общей численности населения, из чего видно, что народ не поддался безбожию. Борьбу с церковью ведут отряды пропагандистов, которые стараются убедить людей, что они поклоняются пустым небесам и что не Бог создал человека, а человек сам создает и выдумывает себе своего Бога.

Все возможное предпринимается для того, чтобы постепенно прекратить богослужение в стране. Для этого было экспроприировано имущество церквей. Вот уже 18 лет оно принадлежит коммунистическому государству, а церкви предоставляются государством в пользование общинам лишь после отречения прихожан. Поэтому государство может по своему усмотрению закрыть, снести или взорвать любую церковь, превратить ее в амбар, кинотеатр, пивную или танцевальный зал. Начиная с 1928 года, из года в год закрывают и сносят тысячи церквей и часовен. Так, в Москве из 300 прежних церквей открыты лишь 32. Самые красивые и большие соборы

взрывают динамитом; иконы, кресты и Библии сжигают на огромных кострах. Звон колоколов запрещен.

Общины полностью лишены прав; всю ответственность несет единолично представитель общины. Всякая деятельность по привлечению верующих запрещена. Драгоценная церковная утварь уже в 1921 году была конфискована и в качестве металлолома продана за границу. Короче, предпринимается все, чтобы сделать церковную службу невозможной.

6

Однако главный удар по церкви наносится преследованием и уничтожением духовенства. В первые годы это преследование носило тот же характер, что и в Испании. Коммунистические банды нападали на монастыри, епископов, священников, пытали и убивали их без всякого повода; придумывали все новые и новые виды пыток. наших епископов и священников рубили, расстреливали, распинали, топили в реках, привязывали к паре лошадей и разрывали на куски⁷.

Затем появилась коммунистическая полиция, так называемая ЧК или ГПУ, которая арестовывала, ссылала и расстреливала. Особенно суровыми были преследования 1921 — 1922 годов, когда началась повальная конфискация церковной утвари и Патриарх попробовал организовать сопротивление. Тысячи священнослужителей и клириков пошли на смерть. Каждый знал, что добровольным отречением или изменой мог бы спасти себе жизнь, но оставался спокойным и стойким.

Когда меня, в то время профессора, в очередной раз бросили в тюрьму, я попал в камеру, из которой днем раньше увели на казнь двух епископов. Раз в день заключенным разрешалась короткая прогулка во дворе здания тюрьмы. И тоща мимо моей камеры спокойно и с достоинством проходили арестованные епископы и священники. Длинная-длинная шеренга молчаливых фигур с аскетическими лицами, в простых рясах; каждый из них поднимал руку и благословлял мою камеру — как бы тот мученический путь, по которому уже ушли на смерть их братья по сану.

Мы никогда не забудем первых четырех мучеников в Москве. Стоя перед судом, они говорили как христиане

первых столетий; приговоренных к смерти, их вывели из тюрьмы и на грузовике провезли через весь город. Они стояли, взявшись за руки, и пели зауспокойную службу по самим себе. В застенках ЧК их раздели, остригли и «как безымянных арестантов» передали палачам.

Даже в самом последнем застенке, который в народе называют «собачьей конурой», священник остается утешителем и исповедником для своих сокамерников. Уже стоя под дулом оружия, он дает своим товарищам по несчастью последнее благословение и умирает сам с громким возгласом «Христос воскрес!».

Священники тайком посещают больных и умирающих в концентрационных лагерях. Из маленьких палочек связывают крестик, умирающий целует его перед смертью, и он остается в его хладеющих руках.

Один почтенный проповедник, которому довелось все это испытать самому и который знает все эти тюрьмы, волею случая выбрался оттуда и рассказывает нам об ужасах допросов в ЧК, о том, что 150 епископов томятся в ее застенках по сей день, чахнут на принудительных работах; в полной мере выносят преследование христиан даже в концентрационных лагерях. Нам довелось читать письма священников из тюрем своим общинам: «Черпайте мужество и утешение! Мы, как прежде, едины. Трижды в день молюсь за вас, и молитва моя возносится к Лику Божию. Так мы *едины* в духе своем...»

Те, кто еще не арестован, названы по закону *лишенными прав*. У них нет права на квартиру, на работу, на образование детей. Кто-то из них кормится сапожным ремеслом, кто-то — милостыней. На городских улицах можно увидеть изможденные фигуры священников. Стоя в лохмотьях на лютom морозе, до 25 по Реомюру³, с посиневшими лицами и отстраненным взором, они возносят молитвы за народ и за преследующих их врагов.

Такова картина мученичества русской церкви. Я привел всего лишь ее небольшой фрагмент. Когда страдает верующий, он страдает не от нищеты и голода. Он знает, за что страдает: он страдает как преследуемый за великое дело христианской церкви, за дело своего Господа. Поэтому-то он страдает как *победитель*, и его страдания по-

добны победе не столько потому, что он преодолевает боль, лишения и страх, сколько потому, что он переступает через свои страдания как *верный последователь* своей религии, потому что его смерть ведет его к жизни и победе над смертью по образу и подобию Христа.

На примере верных последователей религии мы видим, что все мы, веруя, призваны и способны изменять мир, что здесь, на земле, мы должны поступать, как наш Спаситель, и что верность религии и любовь ведут человека к подлинно божественному достоинству. Мучениками мы называем таких людей на земле, победителями назовут их на небесах. Кровь есть вечное семя церкви. И духом своих мучеников и победителей церковь в России также воскреснет во всем своем блеске.

Теперь вы, должно быть, поймете, возлюбленные братья и сестры, что далеко не страх и нужда стали для наших политических эмигрантов — как православных, так и евангелистов — причиной, побудившей их покинуть страну. У них была потребность в свободе вероисповедания, они хотели предостеречь другие народы, получить возможность заботиться о внешне покинутой, но горячо любимой внутренне стране и народе и бороться за них.

Подобно громадному потоку беженцев в эпоху Реформации, эти люди ищут на земле место, где они могут свободно молиться, а приютившему их народу они воздают правдою, разъяснением происходящего и предостережением.

Выступая здесь по приглашению организации «Помощь русским братьям», мне хотелось бы сказать несколько слов и о ней. «Помощь русским братьям» является ответвлением внутренней миссии Германской евангелической церкви. Она ставит перед собой три задачи: разъяснение правды о преследовании христиан; помощь покинувшим страну христианам, борющимся с коммунизмом; посредничество между Востоком и Западом, между евангелистами и православными в целях взаимопризнания и взаимопонимания, взаимной поддержки в вере, чтобы научиться любить и почитать друг друга во Христе.

Пусть Господь в этом смысле раскроет ваши сердца, одарит вас разумением и подвигнет вас к готовности по-братски помочь нам.

ХРИСТИАНСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ

Сказал бы нам кто-нибудь двадцать лет назад, что христианство всех конфессий стоит на пороге новых преследований, никто бы не поверил. А теперь это исторический факт: оскверняют, закрывают, поджигают, взрывают, сносят церкви; конфискуют, сжигают Библии, кресты, иконы; поносят, лишают прав, арестовывают, ссылают, расстреливают, подвергают жесточайшим смертельным пыткам духовенство; массовым потоком идут богохульные памфлеты, организуются богохульные процессии, распускаются церковные общины, запрещается религиозное обучение детей... Христианство «должно исчезнуть»...

И где все это происходит? В стране Советов, Мексике и Испании. Пропагандой и агитацией это подготавливается и в других странах — там, где правительства предоставляют свободу врагам христианства.

Кто этим занимается? Безбожники. Они отрекаются от Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и потому и слышать не хотят о вере и церкви. Они отрицают христианскую нравственность, христианскую семью, христианское государство. Отчасти это неверующие люди рассудка, намеревающиеся все развенчать и все разложить («культурбольшевики»), как в Мексике; отчасти — принципиальные отрицатели всяких авторитетов, особенно государства («анархисты»), как в Испании; отчасти — последовательные приверженцы учения Маркса («марксисты» и «коммунисты»), как в Советской России, а также в Испании и в других частях света.

Почему они занимаются этим? Чего добиваются? Они приветствуют антихристианский дух и надеются с помощью террора и запретов, насилия и уничтожения обеспечить ему победу во всех областях жизни. В христианстве они видят своего изначального врага, своего сильнейшего заклятого врага. Отсюда и преследования.

Так ли велико это противоречие на самом деле? Не преувеличено ли оно? Нет ли точек соприкосновения, сходства, возможности примирения между христианством и большевизмом? Нет, это глубочайшее, существенное, коренное и неустранимое противоречие. Оно не

нуждается в преувеличении, оно нуждается только в осознании. Так называемые «точки соприкосновения» на самом деле таковыми не являются. «Сходство» лишь кажущееся. Возможностей примирения не существует. И это знают обе стороны. Значит, или христианство, и тогда — ни большевизма, ни коммунизма; или большевизм-коммунизм, и тогда — принципиальное отречение от христианства.

Каждый христианин должен ясно представлять себе это противоречие и внимательно проследивать его во всех областях человеческой жизни. Если же он христианин-евангелист, то должен представлять себе в целом следующее.

I. ОСНОВЫ ЖИЗНИ

1. Христианин верит в Бога — Господа и Создателя, в Бога — совершенное духовное творение, он верит в ипостаси Бога — Отца, Сына и Святого Духа. Христианин пребывает в живой связи, в вере, надежде и любви с Богом. В слове Бога он получает откровение, заповедь и спасение.

Для безбожника все это — *ничто*: все «ложь» (по Ницше), все обман (по Ленину). Бог означает для негр «все вредное, отравляющее и клеветующее» (Ницше). «Небеса пусты» (Губельман-Ярославский); человек сам «создает» себе «своего бога» (он же).

2. Христианин укреплен в своей *вере*. Его религия есть откровение Божие во Христе, источник истинной и праведной жизни. Церковь для него — духовная и братская общность людей, которые через Святого Духа пришли к вере в Иисуса Христа.

Для безбожника вера есть «подделка и обесценивание» жизни (Ницше). Религия для него — «опиум для народа» (Маркс, Ленин); она служит закабалению масс (Ленин, Бухарин). Церковь — своего рода форма эксплуатации людей, священник — «ядовитый паук жизни» (Ницше). «Религия и коммунизм *непримиримы*» (Ярославский). Здесь «*компромисс невозможен*» (он же).

3. Христианин осознает себя — в *духе, душе и теле* — Божьим созданием. Он знает, что он — дитя Божие и подобие Божие. Материя и телесность для него — нечто

второстепенное: не единственное и не основополагающее, а скорее всего то, чем управляет дух.

Безбожник ничего не желает знать о духе: для него он выдумка, одна видимость (Ницше). Для него существует лишь *материя*, тело, плоть, телесные потребности, инстинкты и влечения. Он — *материалист*, точнее, «*воинствующий материалист*»; а потому он «враждебно» и «беспощадно» относится к религии (Ленин, Ярославский).

4. Христианину предопределена вечная жизнь в общности с Богом, «здесь — временная, там — вечная». Он верит в воскресение мертвых. Он смотрит на себя как на свободную личность, получившую от своего Создателя свою собственную, вечную ценность, искупленную кровью Спасителя и призванную в продолжение дела Христова к борьбе с грехом.

Для безбожника все это — лишь «грубые побасенки» (Ницше). Для него не существует ни бессмертной души, ни треха, ни спасения. Для него человек есть телесное существо, материальный силовой центр, сходный с *машиной*': если отслужила свое, ее выбрасывают. Человек должен жить своими *инстинктами* и *интересами*. Смерть делает его трупом, и на этом все кончается.

5. Христианин ценит личные *качества* человека. Заботясь о спасении души, он стремится воспитать их в «добродетели». В органичной жизни человека, человеческого общества и природы он видит великую *тайну* и почитает эту тайну как проявление Божественного творения.

Для материалиста все люди *одинаковы*: одинаково появившиеся на свет живые машины, одинаково устроенные похотливые создания. Он не видит великих тайн мира. Для него все *просто, плоско*', он смотрит на живое как бы мертвыми глазами и потому относится ко всему, и к другим людям тоже, как скверный ремесленник к своему инструменту.

6. Христианин верит в *вечную жизнь*, которая освещает и его жизнь на этом свете. Земная жизнь для него — лишь первый жизненный этап, время испытаний, очищения и внутреннего роста человека. Он трезво проти-

восгоит всему земному и ощущает себя и в этой жизни частицей Царства Божия.

Для безбожника-материалиста земная жизнь — *единственная и последняя* жизнь, которая *самодостаточна*. Это неприкрытая и окончательная «жизнь на земле», которой следует безоглядно наслаждаться; вот почему он так мечтателен, требователен и фанатичен в этой жизни. Весь смысл жизни состоит для него в *разнузданном захвате* и в *безудержном наслаждении*. В этом — подлинная сущность большевизма, подготовленного и обоснованного безбожниками XVIII и XIX веков и перенятого нынешними коммунистами. Их формула гласит:

«Все — немедленно — мне».

7. Итак, христианин стремится построить жизнь на христианских *«традициях»* и *«освятить»* все сферы жизни. Он старается по-христиански очистить и упорядочить свой *внутренний мир'*, а уже потом, на этой основе, *преобразовать* и внешнюю жизнь. Он принципиально отвергает беспорядки и перевороты. Большевики же и коммунисты, напротив, презирают всяческие традиции, и традиции святые в особенности. Они стремятся *осквернить* все области жизни; их нимало не интересует внутреннее совершенствование человека; они пытаются изменить жизнь *внешними средствами*, а для этого им нужны беспорядки, вооруженное восстание, гражданская война и *кровавая революция*.

Христианство, таким образом, относится к большевизму, как *«да»* к *«нет»*, как *жизнь* к *смерти*, как *созидание* к *разрушению*, как *Бог* к своему *противнику*.

Это сказывается во всем; но прежде всего — в сфере нравственности.

II. ПРАВСТВЕННОСТЬ

Христианство, как уже было сказано, обращается к духу в человеке и призывает его к *совершенствованию* во всех областях жизни. Большевизм, напротив, взывает к чувственным *побуждениям* и *страстям* в человеке, обещает ему *удовольствия* и *наслаждения*. И этим уже все сказано.

1. Христианство обращается к *сердцу*, оно взыскует *любви* к Богу и к ближнему.

Большевизм проповедует *ненависть*. *Классовая ненависть* — первооснова марксизма и коммунизма. Христианская любовь коммунистами презирается и отбрасывается как измена классовым интересам.

2. Любовь пробуждает в человеческом сердце милость, добро, *сострадание*. Так что человек живет в *братском взаимоуважении и взаимопомощи*; он становится милосердным.

Коммунист должен быть беспощадным к «классовому врагу*», он должен его «искоренять» (Ленин). Коммунисты — «крепкие парни», «твердокаменные *костоломы*» (Ленин).

3. Христианин призван относиться к ближнему с искренней *доброжелательностью*, воздавать должное каждому, *прощать* всякую несправедливость по отношению к себе и оскорбление. Христианин живет *согласием*.

Большевик дышит *завистью*; он ненавидит всех, кому лучше живется. Он «высматривает» *мечь* (Бухарин). Он воспитуется для преследования врагов. Его последнее слово — *вражда* до смерти.

4. Христианская вера учит людей *терпению*. Христианин отдается воле Божией,веряясь своей земной судьбе. Он должен *в духе преодолевать* страдания, болезни, бедность.

Большевик проповедует *нетерпение, сопротивление, протест*. Он требует, угрожает, подстрекает и подрывает. Он стремится *силой* отнять у других то, чего ему не хватает. Отсюда и лозунг: «грабь награбленное» (Ленин).

5. Христианская вера воспитывает в людях *скромность и смирение*. Христианин представляет себе совершенство Господне и осознает свое собственное ничтожество и греховность.

Марксист воспитывает в человеке неизлечимое *высокомерие*. Коммунисту кажется, что он все понимает, все может и что ему *все позволено*. Отсюда происходит глупая спесь, слишком человеческая *гордыня* и бесконечная ущербность в жизни.

6. Христианская вера пробуждает в человеке живое чувство личного *достоинства* и *чести*. Взывающий в Боге к своему небесному Отцу и верующий в спасение че-

рез Кровь Спасителя, ощущает себя облагороженным, достойным быть детищем Бога.

Большевизм относится к чести как к «буржуазному предрассудку», препятствующему человеку в классовой борьбе. Поэтому он стремится *лишить* человека чести. Только бесчестный человек способен бороться без пощады; только человек без достоинства может добиваться мировой революции. Отсюда сближение большевиков с преступным миром.

7. Христианин чувствует ответственность перед Богом и людьми.

Большевику неведома ответственность. Он жесток, коварен и непредсказуем. «Нет ничего выше него» (Макс Штирнер). Обуздать его поэтому можно лишь угрозами и страхом (система террора).

&. Христианская вера пробуждает и обостряет в человеке *совесть*, зовущую каждого к совершенству и отвечающую своими укорами на наши прегрешения. Так в душе христианина появляется *добровольное самоограничение* и *чувство ответственности* — подлинный источник подлинной *дисциплины*.

Большевик насмехается над совестью и делает человека *бессовестным*. Этим он *разнуздывает* человека. Он ничего не ведает о долге и самообладании. Он воображает, что ему действительно *все позволено*. Большевики отвергают грех и добродетель и ставят себя «*по ту сторону добра и зла*» (Ницше). Поэтому они и не способны на подлинную дисциплину.

9. Христианская вера требует от нас готовности *жертвовать* собой и воспитывает в нас жертвенность: мы должны легко и радостно отказывать себе, помогать, дарить и отдавать.

Большевизм разнуздывает земное *своекорыстие* в человеческом сердце и стремится построить на этом фундаменте новый земной порядок.

10. Христианин призван служить *делу Господа* на земле. Поэтому он воспитывается для настоящей *деловитости* и христианской *справедливости*.

Большевизму знакома только одна цель в жизни — *завоевание мира* с помощью *мировой революции*. Поэтому он притягивает к себе всех авантюристов, карьеристов и

мошенников всего мира, нисколько не заботящихся ни о деловитости, ни о справедливости, а только гонящихся за наслаждениями и властью.

11. Дух христианства осуждает и отвергает *дурные средства*, каким бы добрым целям они на первый взгляд ни служили. Мнимое служение цели не делает злые средства добрыми.

Для коммунистов «все средства хороши» — ложь, обман, хитрость, насилие, пытки, казни, — лишь бы они служили мировой революции. «Высший закон есть польза революции; мы не должны останавливаться ни перед какими средствами» (Ленин, Ярославский). «Если для победы определенного класса понадобится гибель десятка миллионов людей, как это сделала последняя война, то это должно быть сделано и будет сделано» (Ярославский).

Христианство, таким образом, относится к большевизму как *любовь к ненависти*, как *обуздание к разнузданию*, как *служение к произволу*, как *жертвенность к алчности*.

III. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Как только безбожие вступает на политическое поприще, оно ставит перед собой две цели, которые должны быть решены поочередно. Сначала — разложение и разрушение построенного на фундаменте христианской культуры существующего государственного строя: это задача для *всеразнуздывающего большевизма*. По достижении этого — построение нового, безбожного, коммунистического строя на совершенно новой основе методом *коммунистического закабаления всех и вся*. За большевистским разнузданием следует, таким образом, коммунистическое закабаление, при котором все слои народа безвозмездно *экспроприируются*, становятся *нищими и зависимыми*. Во всей стране существуют лишь коммунистические промышленные предприятия: коммунистическое государство становится *одним-единственным работодателем*. Тот, кто занесен коммунистами в черный список, умирает голодной смертью. Все находятся под угрозой безработицы, ссылки и казни; все удерживаются

коммунистическими чиновниками на *принудительных работах*, все эксплуатируются и всем предписано марксистское безбожие.

Противоречие между христианской и большевистской культурой проявляется здесь с новой стороны.

1. Христианин признает *государство* и *государственную власть*. Он добровольно подчиняется законам страны. У него есть *чувство законности*; он *добровольно послушен*, как это предписывает Священное Писание (Рим. 13,1; 1 Пет. 2 и др.).

Большевик стремится разложить и ликвидировать существующее государство. Он становится *мятежником* и *преступником*. Он отринул послушание и призывает всех к *нарушению закона* и к *вооруженному перевороту*.

2. Христианин носит в сердце *христианское правосознание*. Он стремится к миру, уравновешенности и справедливости; он уважает свободную волю ближнего и всегда по-братски настроен. Взаимное доверие и взаимная поддержка ведут его к *подлинному единению в лоне народной общности*.

Марксисты, напротив, проповедуют *классовую ненависть*, они отвергают согласие и справедливость. Свободная личность для них ничто. Право для них — «буржуазный предрассудок». Закон для них — отвратительное препятствие. Они исповедуют революционный *произвол*.

3. Тем самым христианин справедливостью и братским отношением стремится преодолеть все классовые и сословные различия. Он хочет подлинного *гражданского мира* и *социального прогресса*.

Марксисты же, напротив, раздувают *классовую борьбу* и разжигают *гражданскую войну*.

4. Христиане стараются воспитывать своих детей *свободными, честными и верными гражданами*, которые любят свое *Отечество* и добровольно, по совести, служат ему.

Большевики стараются с помощью безбожия и нравственного равнодушия *разнуздать* и детей, и весь народ; настроить их на *неверность* и *измену Родине*. Они отрицали понятие Родины и проповедуют *интернационализм*.

После захвата власти они закабаляют весь народ и делают из бывших граждан *коммунистических рабов*.

5. Христианское государство признает *неравенство* людей (по полу, здоровью, силе, наклонностям, одаренности, побуждениям, образованию, работоспособности) и стремится относиться к людям, которые по своей сущности, своей природе или в духовном отношении не равны друг другу, соответственно этому неравенству, т. е. *справедливо*.

Коммунистическое государство провозглашает всех *равными* и вопреки всякой справедливости равно *изгаляется* над всеми.

6. Христианское государство стремится создать *справедливую социальную форму жизни и подлинно правовой порядок*.

Большевизм разлагает эту форму, а коммунистическое государство методом произвола и террора приступает к порабощению.

Таким образом, христианство относится к большевизму как *свобода к рабству*, как *право к произволу*, как *верность Родине к предательству*, как *справедливость к жестокосердию*.

IV. ХОЗЯЙСТВО И ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

То же самое противоречие между христианством и безбожным коммунизмом проявляется и в хозяйственной области.

1. Христианин видит в труде *служение*, к которому он призван Богом и за которое несет ответственность перед Богом. Труд для него — свободное *творческое созидание* по собственному побуждению (*свободной инициативе*¹), которое выполняется им честно и *основательно* и считается *почетным делом*.

Большевик воспринимает труд как *невыносимое бремя*. Его установка такова: меньше работы — больше отдыха. Труд для него есть неприятное усилие, к которому его надобно принуждать. К тому же коммунистический строй жизни лишает его собственных мотивов и радости труда. Последнее слово коммунизма — это принудительный труд; *рабская экономика есть следствие безбожия*.

2. Христианин воспринимает *бедность* как ниспо^{^^}посланное Богом испытание. Он преодолевает ее умеренн[%];нпшостью, *честным трудом* и *старанием*. Он уважает богатс[^]аггство других и старается обрести *духовные сокровища*. Таf, Таі он спокойно и с достоинством выносит бремя СВОО_дВВООі бедности.

Для большевика бедность становится непреходящиц[^]щцо источником зависти, ненависти и жажды мести. Q_i[^] Оі всеми средствами стремится избавиться от нее и об[^]обогатиться за счет *других*. Он хочет экспроприровацф*^{&at} других и для достижения этого всячески содейству[^]у^гзуе коммунистической революции, которая является *массц_ь?яссо*вым разбоем.

3. Христианин видит ценность жизни не в беднос[^]оі^оост и не в богатстве. Увеличение собственности принос[^]и^«си ему большее бремя и большее количество обязанностейэ[^]сте*. Ему ведомы опасности массовой бедности и капитализцбалиэма, и он старается сгладить их братским отношениемезщегие*. Он умеет ценить жизненную необходимость (хозяйствеz[^]т-ве* но и политически) *частной собственности* и СТАраерт_{зs} аветс сгладить неравенство имущественного распределен:ц_ь*ени своей *нравственной жертвенностью* и *щедростью*; о[^]о смотрит на себя как на управляющего своим земным дсстоянием, ответственного перед Богом за это управ[^]авл<ние. Самое важное для него — дарить с любовью и бы[^]»бг свободным в управлении.

Коммунист экспроприирует всех и создает всеобщ^{^^}щу бедность. Он ненавидит и убивает богатых. Он хочет у>тановить государственный капитализм, во сто крат щдц[^]пріумножая недостатки частнособственнического капит[^]цпитлизма. Его *принудительная экспроприация* и его *принусц[^]цмуд*, *тельный труд* вызывают невиданное ожесточение и жа[%]гжаэду мести. Марксизм безнадежен хозяйственно и губитцдМюитлен нравственно.

Христианство, таким образом, относится к коммунцл[^]уни му как *свобода* к *принуждению*, как *щедрость* к *грабезд[^]сзеж* как *радостное отношение к труду* *свободного человека*[^]-еека *недобросовестному отношению к труду человека* подневоц[^]выного.

V. СЕМЬЯ

Особенно остро проявляются противоречия между христианством и большевизмом в семейной жизни.

1. К заключению брака и зачатию детей христианин относится с большой ответственностью: он предстоит пред Лицом Божиим и берет на себя *священные обязательства и обязанности*; знает он и о своей ответственности перед людьми и перед своими детьми. Прежде чем решиться на брак, он подвергает себя испытанию; он основывает новую *созидательную общность жизни* и отдает ее на Божие благословение и Божий суд.

Для коммуниста брак — не более чем «инструмент для более удобного и безопасного удовлетворения своих *телесных потребностей*» (коммунистическая формулировка). Здесь нет ничего святого, обязывающего, вечно-го. Молчит ответственность, и главной становится *безудержная похоть*. Брак и семья планомерно *ниспровергаются*.

2. Христианская вера знает лишь *единобрачие*: один муж и одна жена. Брак для христианина совершается из *полной и безраздельной любви*; а полная любовь *единственна*. *Единственность* является здесь порукой прочности брака, здоровья семьи и правильного воспитания детей. Отсюда большое почитание *супружеской верности* у христиан.

У коммунистов господствует *многоженство* и *многомужество*. Церковное венчание отменено. Отменено и различие между браком, заключенным в загсе, и простым сожителем. Супружеская верность считается «буржуазным предрассудком». Разлагается и разрушается сущность семьи. Умолкает здоровый голос кровного родства. Страна кишит отвергнутыми и *беспризорными детьми*, прозябающими в нищете, голоде и пороках.

3. Христианская семейная жизнь зиждется на *авторитете родителей*. Они должны быть *нравственным образцом* для своих детей. Их долг — дать детям христианское воспитание, и их право — при необходимости *наказывать* детей. Подобное воспитание есть необходимая подготовительная школа для здоровой народной общности.

Коммунисты планомерно подрывают родительский авторитет. Запрещено и преследуется христианское вос-

питание и поучение; родителям воспрещается наказывать детей. Безбожник стремится к *разнузданию* и *детей*.

4. Христианин должен *почитать* и *любить* отца и мать. Тем самым семья становится для него первой школой всех основных добродетелей, чести и достоинства, любви и верности, дисциплины и жертвенности.

Коммунисты призывают детей презирать родителей, отказывать им в послушании, лгать, подслушивать, доносить на них, убегать от них и отказываться от них публично (в газетах). Так *развращается* и *губится* семья — зародышевая клетка народной общности. Здесь безбожие приносит самые тяжкие последствия.

Христианство, таким образом, относится к коммунизму как *ответственность* к *безудержности*, как *брак* к *разврату*, как *воспитание* к *соблазнению*, как *нравственность* к *безнравственности*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/ Противоречия между христианством и большевизмом всем этим ясно определены. Они настолько остры, настолько непримиримы, что просто вопиют к небесам. Между ними не существует никаких «точек соприкосновения», и лишь очень поверхностный взгляд может попытаться установить некоторое «сходство» в отношении к частной собственности, да и то безосновательно. Христианство исходит из *веры в Бога*, обращается к *внутреннему миру человека*, ко всему относится с почитанием, и на основе этого развивается все остальное. Большевизм укрепляется в *безбожии*, отрицает жизнь души и духа и пытается строить *извне* с помощью террора и принуждения все то, что им же ниспровергнуто и разнуздано.

Вот уже две тысячи лет, как христианская вера утвердилась в человеческой душе и выдержала испытание человеческой историей. Нынешняя европейская и американская культура во всех своих чистейших источниках и во всех своих благороднейших основах есть во всех отношениях культура христианская. Христианская вера охватила, прокалила, очистила и воспитала бессознательные глубины верующего христианина. Она стала фундаментом жизни. Цветы этой веры цветут даже там, где забыто о ее происхождении. Поток этой веры наследует-

ся и передается из поколения в поколение. Отсюда идет и бессильная враждебность безбожников по отношению к христианству. Их бессилие состоит в том, что внешние запреты затрагивают лишь внешнее, что дух остается *недоступным* грубому насилию и что мученики христианской церкви расстаются с жизнью как истинные *победители*.

Издевательством и насилием, страхом и кровью не искоренить христианскую веру. Преследования на самом деле лишь только сдобривают пашню Божию. Значит зреет новый, прекрасный урожай духа.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОЧНУЮ ХРИСТИАНСКУЮ ЦЕРКОВЬ

Ваши преподобия!

В этот столь ответственный исторический момент почитаю своим долгом поведать вам о наступлении, которое предпринял большевизм против Восточной Христианской Церкви.

Я никоим образом не намерен поучать вас, упаси меня Бог от подобной самоуверенности. Нам, представителям Русской Православной Церкви, которые вот уже двадцать лет борются за свою Веру и свое Отечество, действительно пришлось до конца испытать чашу смирения и научиться искать и находить силу и ее источник в одном только Боге. Мы доподлинно знаем, что означает «блаженны нищие духом» (Мф. 5, 3), т. е. те, кто смиренно осознает свое ничтожество.

Сейчас умом и сердцем мы обрели некоторый новый для нас опыт; и этот опыт возлагает на нас обязанность безоглядно открыться до конца пред Ликом Господним и поведать обо всем том, что мы узнали, что поняли и чему научились, стоя на краю пропасти и держась за край Ризы Господней, где у нас открылись глаза, и как мы ощущаем положение Христианской Церкви в мире.

Вот уже двадцать лет как Православная Церковь в России борется с дьявольским наступлением. Она как бы плавает в драгоценной и священной крови своих мучеников за веру, а как внешняя организация частью разгромлена, частью повязана по рукам и ногам.

В этой жестокой борьбе приверженцы церкви были застигнуты врасплох. Методы большевистского наступления оказались совершенно новыми: сатанинская хватка, необычайная изворотливость во лжи, психологические пытки, вьедливая стратегия коммунистов — все это было для нас полной неожиданностью, просто потрясением и чем-то почти невероятным. Возможно, мы не всегда и не во всем были на высоте в этой мирской политической борьбе. Возможно, совершали ошибки, не осознавая того, что это действительно ошибки.

Нам как бы приходилось на ходу учиться борьбе, так что мы вручали себя руке Божией, и — «будь, что будет» — старались не совершать бестактностей, не доводить дело до крайностей, не отрекаться от своей веры даже перед лицом смерти, соблюдать меру, осторожность и благоразумие.

Мерилом нашей религиозности были слова митрополита Петербургского Вениамина. Незадолго до расстрела он писал своему другу, архиерею¹: «Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой, с Ним всегда и везде хорошо. ... Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и силы и дать место благодати Божией. ... надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь — время суда.

И все же порою волна бессилия и отчаяния охватывала наше измученное духовенство; оно тщетно пыталось убедить себя в том, что люди все же не могут быть столь отвратительны, столь жестоки и беспощадны, что не сатанизм же это на самом деле. И шли на уступки, а сатана хватался за эти уступки и использовал их.

Но по большому счету они шли верным путем: мужественным вероисповеданием, достойным мученичеством, религиозной жизнью в катакомбах (в полях, лесах, и всюду — в душевном затворе, в искреннем братстве всех религий во Христе и в плодотворной, благословенной

работе с молодежью). На этом пути борьбы и страданий мы целиком осознали все свои слабости; вся наша жизнь сделалась созидательным покаянием; мы не утратили ни мужества, ни веры.

Позвольте мне сразу же ответить на один вопрос, который мне неоднократно задавали римско-католические прелаты. Эти господа хотели, чтобы я им сказал: «Господь разрушил православную церковь и смел ее с пути для того, чтобы расчистить место для папской церкви как единственной, несущей людям благо».

Я считаю такую постановку вопроса бессердечной, неразумной и высокомерной. История на этом не кончается, Господь еще не произнес свой приговор. И мы, научившиеся возносить искреннюю молитву за иные христианские конфессии, мы надеемся, с Божьего благословения, продолжать исповедовать нашу собственную, православную веру и продолжать собственную церковную деятельность.

А теперь позвольте мне рассказать вам, духовенству Германии, об ужасающих страданиях моего народа как о *великой беде всего мира*. Ибо мы, люди, составляем единство: во-первых, пред Ликом Господа и Спасителя нашего, а во-вторых, посредством земной пространственно-временной и духовной ткани на земле. И достаточно условно все то, что нас разделяет, что мы и пытаемся здесь установить и различить.

Не следует, однако, воспринимать мои слова так, что я сетую на нашу русскую судьбу и ищу вашего сочувствия, скорее по-другому — я *обвиняю европейское духовное разложение и молю всех братьев во Христе пред Ликом Господа опомниться*.

Бедствие под названием большевизма пришло к нам, в Россию, с Запада. Изучая на протяжении многих лет российские и иностранные источники большевистской революции и размышляя о них, я пришел к неизбежному выводу о том, что хотя *восприимчивость* к этому яду, к этим бациллам и была в теле моей страны и моего народа, но сам яд *имеет западное происхождение*.

Вся наша эпоха — это время, когда самоуверенное, *продуманное логически, оформленное программно и демонстративное безбожие, пропитанное ненавистью антихри-*

стианство открыто и решительно пошло в наступление на христианство и объявило ему борьбу не на жизнь, а на смерть... А если так, то самое время для нас, христиан, всем вместе одуматься и задаться вопросом: *как возникло это безбожие?* Не с неба же оно упало. Это антихристианство уже около 150 лет развивалось в Европе; оно вызревало *среди нас*, возможно, и *в нас самих*. Не наши ли собственные промахи, ошибки и прегрешения позволили ему так пойти в рост? Не появилось ли безбожие оттого, что мы развеяли и утратили ниспосланные нам дары Святого Духа? Ведь большевизм, коммунизм и марксизм по сути своей — не что иное, как *последовательное безбожие*, как *беспощадное антихристианство*. Честный и мудрый протестантский священник спрашивал меня на днях: «Не мы ли сами внимали французским энциклопедистам и заботились об ухмыляющемся в Потсдаме Вольтере? Не мы ли приветствовали дух французской революции вместе с Шиллером и прочими как «освобождение» и позднее сами впитали его? Не мы ли скатились от Гегеля к Бруно Бауэру, Людвигу Фейербаху и Максу Штирнеру? Не мы ли штудировали Маркса, не пытаясь его опровергнуть? Не мы ли прислушивались к материалистической науке Бюхнера, Молешотта, Геккеля и других? Не мы ли позволили ослепить себя невиданными успехами механистического мышления, рациональной логики и копающейся в Новом Завете эволюционистской теологии, которая в конечном итоге причислит все христианство к истории человеческой предвзятости и человеческих суеверий? Не мы ли с сердечным трепетом читали труды «великого освободителя» Ницше: «Ессе homo», «Антихрист» и «Воля к власти»?..

Вопрошавший был прав.

Приверженцы и вожди нынешнего большевизма и коммунизма, такие как Ленин, Луначарский, Ярославский, Сталин и их приспешники, воспитывались на этом духе Вольтера, левогегельянцев, Маркса и Ницше. Это очевидный, исторически неопровержимый факт. Странно и поучительно наблюдать, как нынешнее большевистское безбожие и нынешнее коммунистическое антихристианство так и черпают свои доводы и аргументы из Вольтера, Бюхнера, Молешотта, даже из диалек-

тики Гегеля, и далее из Маркса, Давида Штрауса и наконец Фридриха Ницше.

Большевизм есть прежде всего последовательный *нигилизм*, т. е. всеотрицание, *отвержение всех религиозных и духовных ценностей, нравственное разнуздание, нравственная беспощадность и безудержность*. И этот разрушительный поток нигилизма прежде всего и идет от Ницше.

Ницше определяет весь комплекс религиозных понятий (Бог, душа, добродетель, грех, тот свет, истина, вечная жизнь) как «ложь, проистекающую из дурных инстинктов больных и глубоко порочных натур»*. Он без устали превозносит *нигилизм***, т. е. принципиальное отрицание всего и вся, а также безбожие. «Христианское понятие Бога»*** для него «одно из самых продажных понятий о Боге из когда-либо существовавших на земле»****. В понятии «Бог» он видел весь вред и всю отраву, всю смертельную враждебность по отношению к жизни, «соединенные в ужасающем единстве»*****. Все христианство для него не более чем «побасенка о чудотворцах и спасителях»*****.

С отвращением относился он к христианству, со «смертельной ненавистью»^U и называл «все понятия церкви» «самым злонамеренным фальшивомонетничеством из всех существующих»^{*****}. С а «самого священника» — «паразитом опаснейшего свойства, настоящим ядовитым пауком жизни...»^{*****}. Он восклицает: «Впереди богохульники, аморальные типы, лица, пользующиеся правом свободного передвижения и повсеместного

Труды Ницше (на нем. яз.). — Т. 7: «Ессе homo». С. 95.

См.: «Ессе homo», с. 101; «Воля к власти», с. 151 — 152, 158, 161, 166 и др.

*** См.: «Ессе homo», с. 80, 86 — 87, 108; «Воля к власти», с. 234-236. «Антихрист», с. 12.

**** «Ессе homo», с. 147.

***** «Антихрист», с. 28.

«Воля к власти», с. 323.

«Антихрист», с. 29.

*****

Там же.

проживания, цирковые артисты, евреи, игроки — собственно, все самые дискредитированные людские классы»*.

То, за что он ратует и что превозносит — это прежде всего «цинизм», бесстыдство, которое он называет «самым высоким», чего можно достичь на земле»**. Он будит в человеке бестию, «своенравного» зверя, которого надо разнуздать***; он жаждет «человека-дикаря»^ «человека злого»* ** с «ликующей нижней частью живота» *; он хочет «жестокости» и «прямого зверства»*****, «потрясающего бурного, дикого потока, несущегося из души»*** «Нет ничего великого в

том, — говорит он, — в чем отсутствует великое преступление»*****. «В каждом го нас сидит варвар и дикий зверь»*****. И превозносимый им нигилизм он считает не одним лишь своего рода наблюдением, не чистой теорией, а «отрицанием деяния», т. е. везде надо «приложить руку к разрушению»*****, отсюда у него появляется «наслаждение от уничтожения самого благородного»*****.

При этом он хорошо знал, что вызывает своей поведью и каковы будут ее последствия. «Свой жребий я знаю. С моим именем некогда будут связываться воспоминания о чем-то чудовищном — о кризисе, какого еще не бывало на свете, о глубочайших коллизиях совести, о некоем решении, ниспровергающем все, во что до сих пор верили, чего добивались и чему поклонялись. Я не человек, я динамит»..... «Когда правда всту-

«Воля к власти», с. 178.

«Ессе homo», с. 96.

«Воля к власти», с. 154, 175, 195, 200, 203, 329, 365.

Там же, с. 326, 341, 359, 389.

***** «Ессе homo», с. 96

«Воля к власти», с. 209.

***** Там же, с. 210.

Там же, с. 179, ср. с. 341 - 344, 381.

Там же, с. 177 и др.

Там же, с. 163.

Там же, с. 230.

«Ессе homo», с. 146.

пит в борьбу с тысячелетней ложью», (т. е. с христианством), «мы получим такие потрясения, такие судороги землетрясений, такое смещение гор и долин, о каких мы и не догадываемся. Понятие «политика» полностью растворится тогда в битве духа, все прежние институты власти будут взорваны — все они покоятся на лжи; произойдут войны, каких еще не было на земле...»*

Так Ницше стал предшественником, учителем и пророком большевистского сатанизма. Он создал атмосферу религиозного и духовного нигилизма и предсказал социальное землетрясение. Теоретизирующий революционер Маркс создал материалистическую доктрину этого социально-политического землетрясения. Оба *ненавидели Бога и разнуздывали человека*. Их ученик Ленин, революционер-практик, сдвинул камень с места, Сталин и его приспешники потащили его далее.

Тем не менее истоки этого безбожия и этого антихристианства надо искать не в России, а в Западной Европе. Нынешнее антихристианство родилось из духа западноевропейского материализма и сенсуализма**, из духа так называемой «науки позитивного опыта», так сильно переоценивавшей смысл и значение *внешних чувственных восприятий*, что она постепенно утратила интерес и вкус к смыслу *внутреннего, духовного* опыта. Нынешнее антихристианство повсюду родилось из духа «просветительской» философии разума с ее формальным мышлением и приматом воли. Гениальные философы Германии — Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель — пожалуй, пробовали преодолеть этот дух. Они создали великолепные труды, которые, однако, были недоступны массам. Практические достижения техники и естественных наук, успехи формальных языковых исследований, формальной науки права и материалистически ориентированного учения об экономике перевесили весь прошлый опыт и принесли

* «Ессе homo», с. 141.

•м Материализм утверждает, что в действительности не существует ничего, кроме материи и тела. Сенсуализм утверждает, что человек имеет дело лишь с чувственными ощущениями и чувственным желанием (или нежеланием).

современному человеку особый внутренний настрой, в котором отсутствовал всякий интерес ко всему Божественному и духовному. Человек масс сделался «просвещенным пролетарием», и ему уже стало не до Бога и не до так называемых «попов»: он тяготел к марксизму.

Большевизм как смутная склонность к разнузданию есть в подсознании у всех народов. Животному инстинкту как таковому присущи жестокость и безудержность. Но большевизм как амбициозная теория, как философская доктрина происходит из Западной Европы и автор его — Ницше.

Коммунизм как доктрина и как программа существовал у многих народов — от Китая и Персии до Платона и иезуитов. Но как организованное мировое движение он происходит из Западной Европы и его выразитель — Карл Маркс.

Таким образом, революция в России есть не что иное, как логическое и ужасающее последствие этого западноевропейского духа.

В то время как русский народ, страдающий от чудовищных преследований христиан в XX веке, обречен на эти страдания по нашей общей вине, он — только первая и, по-видимому, *не последняя искупительная жертва религиозного кризиса* (вспомните хотя бы Испанию!). И все мы, сохраняющие верность нашему Спасителю, должны разделить эти страдания и искупить их. Ибо мы, христиане, невзирая на все наши особенности и различия, в крайних и святых глубинах нашей веры ведомы как *единая* паства *единым* вечным и Божественным пастырем. И первая, и величайшая задача нашего времени есть постижение и возврат к святой сущности христианства.

Я должен здесь прежде всего сказать, что мученичество православной церкви — это доказанный исторический факт. С 1918 года в России не прекращаются преследования христиан и уничтожение христианской веры. Суровость и жестокость этих преследований изменчивы; тут есть свои приливы и отливы, но сами преследования не прекращаются и не прекратятся, ибо они часть большевистско-марксистской системы мышления, целей и политики. И доведись нам услышать о прекращении

этих преследований, мы можем быть уверены в том, что имеем дело с введенным в заблуждение иностранцем или же прямым агентом коммунистической державы.

Некоторый отлив в преследованиях христиан наступает, если коммунистическое хозяйство стоит перед очередным кризисом или если коммунистическое правительство опасается военного нападения извне. Это означает, что на какое-то время приостанавливаются взрывы очередных церквей; что несколько реже происходят расстрелы священников и епископов и сведения об этом не попадают в коммунистическую прессу; что не так нагло вызываящи богохульствующие процессии; короче, что лицемерно создается подобие некой «коммунистической стабильности», а агентам в Западной Европе и Соединенных Штатах дается указание вещать повсюду о достижении подлинной свободы религии, что позволяет спокойно предоставлять советскому правительству новые займы и кредиты...

Однако 170 брошенных в тюрьмы епископов и бесчисленное множество священников и пасторов всех конфессий томятся, как и прежде, в концентрационных лагерях и вымирают: церковные общины по-прежнему лишены прав, а церкви закрыты или конфискованы; обязательным остается пошло безбожное обучение детей в школах; по-прежнему попираются брак и семья; запрещены проповеди; народ поработщен и терроризируется во всем, что касается веры и церкви.

Тут ничего не меняется, да и не может меняться. Но Слава Богу — у нас вновь восстановилась святая цепь священных деяний, единство земных святынь и органичное единство Святого Духа. Все, что повсеместно обветшало и пришло в негодность, распалось в ходе секуляризации и материализации человеческой культуры, с былым величием выдержало испытание и соединилось вновь, и все это из-за преследований. Вера в Бога вновь стала в России подлинным источником чести и достоинства, совести и добродетели, честности и правосознания, любви к Отечеству и национального самосознания, брака и семьи. Там все *верующие в Бога* носят эти ценности и святыни в своем сердце; разумеется, *как мученики*, неважно где — в ссылке ли, в тюрьме ли, в состо-

янии ли повседневного бесправия и безработицы... А тот, кто *не* верит в Бога, уже давно пошел на «уступки» и торгует своими святынями; и поэтому выпал из органичного единства Святого Духа и присоединился к коммунистическим фанатикам, вознося им хвалу, служа им и по любому приказу усердно способствуя их злему делу. Коммунисты прекрасно понимают: стоит им только дать свободу вере, как тут же забудет единый источник духа, он разольется по всей стране, во всем народе, во всяком сердце, душе, деле и победоносно смоем всю их систему в бездну вечного проклятия, где ей и место.

Это первое, что я должен констатировать: преследование веры в Советском Союзе — не временные судорожные эксцессы, а главное и нужнейшее звено в системе большевистского мировоззрения и завоевания мира.

Вот они наконец столкнулись друг с другом: верующий и неверующий, христианин и антихрист. Бешеный фанатик-антихрист, сердце которого тлеет черным пламенем ненависти, зависти, мести, жажды, власти и лжи, схватил за шиворот вялого, просвещенного и полуверующего христианина — сейчас он таков везде в мире: без идеи, без воли, без мужества, без характера и только наполовину искренний, — чтобы поставить его на колени и вынудить отречься от Бога, унижить, поработить или вовсе лишить его земной жизни.

Коммунизм и Бог несовместимы, открыто заявляют коммунисты; и они правы. Одно из двух: или Бог, вера, церковь, честь, достоинство, свобода, Отечество, национализм и частная собственность, или нигилистское отречение от всех этих ценностей, и тогда — коммунизм, большевизм, царство страха, интернационализм, безбожие и кровавый потоп во всем мире.

Не я так ставлю вопрос, так ставят и разворачивают его коммунисты, они воплощают это в истории на практике, практике неслыханного кровопролития и беспримерного преследования веры.

Мученичество русского народа в России, и особенно христианской церкви, занимает особое место в истории человечества. Все, что было известно истории до сей поры, начиная с первых столетий мученичества до «успехов» католической инквизиции, было конфликтом двух

религий или конфессий. *Одна религиозная идея стремилась запретить или вытеснить другую.* Обе хотели Бога и Божественного. Каждая считала себя единственной обладательницей религиозной истины.

Сейчас мы переживаем борьбу между религией и антирелигиозностью, между всеми христианскими конфессиями, сохраняющими верность нашему Спасителю, и радикальным антихристианством, стремящимся искоренить какую бы то ни было религию как таковую. Появилось громадное гнездо фанатиков антихристианства, поставивших себе целью систематическое, эффективное, *ловкое и жестокое окончательное искоренение веры*, даже намек на веру, малейшей *потребности в вере* в человеческой душе, применяя все внешние и внутренние средства, а вместо этого пытающихся *вырастить во всем мире новое безбожное и антихристианское мышление.* Применяются всевозможные *внутренние средства*: материалистическая аргументация, уговоры, издевка, высмеивание, карикатуры, запрещение религиозных занятий, безбожная пропаганда. И *внешние средства*: арест, ссылка, расстрел духовенства; лишение всяческих прав клира, у которого отняли право свободно трудиться и зарабатывать себе на хлеб; лишение прав церковных общин, конфискация церковных зданий, икон, колоколов, взрывы церквей и соборов, запрещение Священного Писания, религиозной печати, проповедей вообще; всеобщее отчуждение имущества, всеобщая зависимость от государства, ставшего *монополистом-работодателем и монополистом-кормильцем*, преследование всех верующих мирян, душевные и физические пытки всех тех, кто попадает в тюрьму или ссылку.

Так было с патриархом Тихоном: его допрашивали почти каждый день по 2 — 4 часа. Это были методичные терзания и шантаж, после каждого такого допроса врачи находили его на пороге смерти. Ему было 60 лет, но его организм был изможден, как у 80-летнего.

Есть у нас списки и других епископов и священников, мы знаем их имена и знаем, что их физически замучили до смерти: утопили в реке, закололи, облили водой на морозе, затравили собаками, похоронили заживо, разорвали на части, привязав к паре лошадей. Каждый

из них мог бы спастись: достаточно было отречься от веры и предать своих братьев. Так что, когда мы говорим о мученичестве, это никак не пустые слова, а самая страшная из всех исторических истин.

Таким образом, в советском государстве сформировалось воинствующее антихристианство, претендующее на всеобъемлющую и вездесущую тоталитарность: оно вознамерилось целиком подчинить себе человеческую душу. Свести **мышление** к вульгарному материализму и связанным с ним чувственным ощущениям: не существует ничего, кроме материи и физических ощущений желания или нежелания. Парализовать сердце как орган любви и переключить его на классовую ненависть. Прикрепить воображение к земному и чувственному. Твердой и жестокой сделать волю. Как бы заново создать человеческую душу, искоренив все духовное и божественное. И причем каждую человеческую душу, начиная с пеленок. Те, кто не поддастся такой переделке, должны вымирать, и чем раньше, тем лучше (об этом говорится открыто).

Претензии этого безбожия заходят еще дальше, они распространяются на *все социальные жизненные функции* — на брак и семью, на образование и воспитание, на труд и пропитание, на университеты и печать, на хозяйство и политику. Ничто не должно остаться в стороне; все должно основательно и окончательно регулироваться марксистской партийной диктатурой сообразно марксистским установкам — непременно во *всем мире*: у всех народов и государств без исключения.

Это значит, что безбожие, зародившееся в Европе и укоренившееся в России, теперь стремится назад, в Европу. Политически приторможенное, оно копает тихой сапой; социально обесиленное, оно работает на религиозной почве, повсюду подготавливая и ускоряя «конъюнктуру», вызывая мировую войну и натравливая все страны и все классы друг на друга.

Таким образом, в социальном отношении безбожие есть *обоснованная и систематизированная Карлом Марксом зависть и ненависть западного люмпена-пролетария, стремящегося уничтожить веру и христианство вкупе с интеллигентным и состоятельным социальным верхним*

сдоем, ибо религия кажется ему мощнейшим источником моральных и социальных скреп и рассудительности, любви и терпимости. Так выглядит извне социальная оболочка рассматриваемого явления в целом.

Но нам надо сделать следующий шаг и охватить духовно-религиозную сущность этого движения. Ее, выражаясь совершенно точно, следует определить как *сатанинскую* (не «бесовскую», а именно сатанинскую). Это сатанинское движение и ведет все человечество, а с ним и всех нас, в *пропасть*.

Скажу еще яснее: я не верю в ипостась сатаны в человеческом образе, с рогами, копытами и хвостом, но то, что на свете существуют сатанинские силы и что эти сатанинские силы воплотились в большевиках-коммунистах, знаю по собственному опыту. Ибо в течение целых 5 лет я жил среди них и непосредственно наблюдал их намерения, их движущую силу, их души, поступки, а позже систематически изучал их с помощью духовного микроскопа и духовной подзорной трубы.

Человек становится *сатанистом*, когда он преднамеренно и методично лишает свою душу разума, выкалывает свое духовное око и таким образом слепнет духовно, иронией и издевкой подтачивает свою веру, удушает свою совесть — это божественное око души для распознавания добра и зла; когда он разнуздывает свои страсти — единственное, что осталось в его душе, считает это жалкое состояние *единственно верным* и принудительно навязывает его *всем людям*, но в особенности детям, слабым, бедным, подчиненным и зависимым. При этом не следует забывать, что в коммунистическом государстве в результате всеобщей экспроприации и монополии работодателя все бедны, слабы и зависимы.

Для осуществления этого мрачного замысла используются и остатки прежней духовной культуры, науки, искусства и политики, но в искаженном, формальном и пошлом виде; все обращается в плоское безбожие и используется для порабощения людей и лишения их разума, из чего возникает величайшая ложь, величайший обман в истории человечества...

Так человек становится сатанистом. Но человек-сатанист — это уже не просто голый теоретик, напротив, он

борется как одержимый, чтобы претворить в жизнь рецепты Ницше и Маркса. Он настроен на власть и завоевание; с изощренной хитростью он трудится над превращением человеческой души в пустыню; он создает жизнь, полную мучений, крови и страха, порабощение, в котором единственным работодателем и господином выступает сатана.

И если кто-то возразит на это, что сатана вовсе не так страшен, что он есть не что иное, как бессознательный инстинкт человека, т. е. нечто полезное, а совсем не злое, то возражающий не прав.

Во-первых, я бы посоветовал ему никогда не судить о вещах, в которых он не имеет опыта, сначала надо обзавестись опытом в области сатанизма так, как его сполна хлебнули и набрались мы.

А во-вторых, я предложил бы ему действовать последовательно: если сатана нечто вполне невинное и даже полезное, то он поступит последовательно, лишь сам предавшись в руки сатане; ему стоит лишь съездить туда, но не как любопытному иностранцу, а как коммунисту получить советское гражданство, честно все испробовать на собственной шкуре, затем послать оттуда весточку. О том, что ему придется там понять и пережить, мы знаем наперед. Тогда он поймет то, что нам известно уже 20 лет и о чем 100 лет тому назад пророчески и ясновидяще сказал великий немецкий поэт Йозеф фон Эйхендорф:

- Пока тобою правят традиции и право,
Ты чувствуешь себя легко, доверчиво в среде их безопасной,
Ступаешь победителем меж саламандрой и драконом,
А если почиваешь — покой твой охраняет ангел.
Но если силы, которые и есть не что иное, как «мы сами»,
И у которых мы, с содроганием, идем порой на поводу,
У этих бестий, зажатых словно каменной оградой,
Которые ждут втайне случая вовсю вкусить свободы, —
Вот если эти силы, взбунтуясь, вырвутся наружу, —
Разбив привычки, веру, нравы, право,
И примут форму разбушевавшейся стихии, —
Ты должен кончить Богом или — бесом³.

Для нас эти строки звучат пророчески, как никогда. И как никогда, был столь прав Достоевский, говоривший: «Здесь борются Бог и сатана, а поле битвы — душа человеческая...»⁴ Все это до последних глубин пришлось

пережить и осознать русскому народу и русской церкви. Каким счастьем было бы для нас передать свой опыт другим церквям мира, чтобы они уразумели положение вещей и не сломались под его тяжестью! И как истово молились мы, чтобы так и было! И как мы взялись этому служить, не щадя себя! Но одному Богу известно, что выйдет из нашего служения и наших молитв...

Главное, мы должны понять, где наибольшая опасность... *Она заложена в нас самих.*

Мы должны уяснить себе, что наша полувера, с одной стороны, и вражда современного безбожия по отношению к религии, с другой, — *единого происхождения*. С той только разницей, что безбожники утратили все и не желают более знать ни о чем Божественном, в то время как буржуазный «просвещенный» мир еще кое-что сохранил и не собирается «просто так» отказываться от унаследованной им наполовину угасшей веры.

Безбожники просто обогнали нас на пути, ведущем в пропасть, и теперь стараются увлечь нас за собою или столкнуть в нее.

Никогда не смогу забыть своих встреч с коммунистами, когда они с издевательской усмешкой на перекошенном лице (кошунственная, поистине сатанинская усмешка!) выкладывали перед нами свой план последовательного отрицания Бога и поносили нашу неискреннюю, бессердечную, лживую, «буржуазно-алчную» и христиански-лицемерную культуру...

Полухристианин, разоблаченный антихристом! Грешник, пойманный на месте преступления сатаной! И все это — разоблачение и поимка — как сатанинское искушение, как призыв броситься в бездну, подкрепленный угрозами и богохульством.

И посмотрите, был лишь один путь, лишь одно средство выйти из этих диалогов победителем: сразу же собраться в собственном духе и вере, чтобы душа в священном пламени веры освободилась от страха и забот, и затем *перейти* в наступление, тоном подлинной, окончательной убежденности, непоколебимой веры, тоном полномочного изгонителя бесов, тоном заклинателя, чтобы отринуть все их доводы, сорвать все их кошунства, разоблачения и силки и назвать сатанинскую стихию

ее подлинным именем... Этим нельзя было спасти собственную жизнь, но безбожник потупил бы глаза, усмешка исчезла бы с его бледного лица и слова застряли бы в его горле...

Лишь *истинная вера* побеждает *неверие*, лишь мужественное признание в вере вынуждает нападающего уважать и прислушиваться, лишь непоколебимый дух может выйти победителем. Поэтому самым важным я считаю укрепление в нас такой веры и такого духа и восстановление в нас мужества в безоглядной вере и силы в пламенной молитве.

Если мы не хотим отдать безбожникам мир, мир, созданный Богом и вверенный нам, если мы хотим бороться за христианскую церковь и победить, мы должны быть готовы к этому.

Мы не можем считать себя добрыми, зрелыми, завершенными и совершенными. Мы скорее должны с полным смирением признать, что мы незрелы и недостойны, каковыми и являемся на самом деле. Мы должны уяснить себе недостаточную крепость нашей веры и силы нашей молитвы и стремиться к цельности и честности. Мы должны измерять свою веру по меркам прекрасной и всеобъемлющей крепости веры наших учителей и апостолов веры. Ибо поистине, кто сам себя считает добрым и безупречным, тот никуда не годен, и каждому из нас нельзя забывать о бревне в собственном глазу.

Так что пора нам с полной ответственностью и с величайшим благоговением задаться вопросом: *как же выглядит душа истинно, безраздельно верующего человека?* Как вообще добиться такой веры? Чего не хватает нашей вере, чтобы она выглядела *по-иному*? И что нам предпринять, чтобы достичь этой цели? Это — вопрос о сущности истинной веры, который нам надо задать себе и разрешить, исходя из глубины трагических событий современности. И сделать это должен каждый сам, с присущим ему своеобразием, по совести и по наилучшему разумению, в соответствии с выдержанным в духе Евангелия и обоснованным в духе Христа созерцанием Господа...

Это было бы началом глубокого осознания, созидательного покаяния. Это было бы возвратом христиан к древнейшим, священнейшим началам и истокам христианства, было бы смиренным и честным духовным оружием в борьбе за все мироздание против антихристианства.

И вступив на этот путь, мы вплотную приблизимся к нашим мученикам веры, последуем за ними и достойно продолжим начатое ими дело. Благослови нас всех, Господи, на этот труд и не откажи нам в Своей всемогущей поддержке и помощи!

О ХРИСТИАНСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ГОСПОДСТВУ

(Экзегетическое и апологетическое толкование вопроса
православным христианином)

Нередко в христианско-евангелических кругах нам задают один довольно трудный вопрос, на который мы обязаны дать откровенный и недвусмысленный ответ. Речь идет о христианском долге послушания по отношению к государственной власти, а именно, «власти» в коммунистическом государстве¹. Спрашивающие хотят знать, признаем ли мы, православные, этот долг христианским вообще и если да, то отрицаем ли мы (и по какой причине) этот долг по отношению к коммунистическому правлению?.. В Послании апостола Павла римлянам читаем: «Всякая душа да будет послушна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13,1).

Чтобы дать верный и предельно ясный ответ на этот вопрос, мне придется его разделить. С одной стороны, долг послушания государственной власти, ее законам и установлениям мы должны без всяких оговорок *признавать христианским долгом и, следовательно, выполнять*

его «по совести». Но именно потому, что мы признаем его своим долгом, мы считаем себя вправе и мы просто вынуждены принципиально отрицать его *по отношению к коммунистам*. Мы воспринимаем это отрицание не как «внутреннее противоречие» и тем более не как злодеяние или грех.

Мы знали с самого начала, с кем имеем дело и что нам предстоит: каждый из нас готовился к самому худшему — к аресту, тюрьме, полной экспроприации остатков имущества, к ссылке или расстрелу. Но то, что нам в действительности пришлось перенести, мы воспринимали не как правомочный приговор и правомочное наказание, а как *противоправное насилие*, которому нас подвергают безбожные люди. В самом последнем застенке, называемом в народе «собачьей конурой», мы спрашивали себя, можно ли причислить нас к «изгнанным за правду», и тогда мы бы «радовались и веселились» (Мф. 5, 10 — 12). Мы хорошо знали все имеющие к этому отношение наставления Нового Завета, и тем не менее мы считали тогда и считаем сейчас наш путь единственно верным и возможным.

Замечу, однако, что в православной церкви слышались и другие голоса, и как бы грустно это ни было, время от времени они раздаются и сейчас. Всеобщего единения достичь не удалось. Но мы не дали ввести себя в заблуждение. И сочли своим христианским долгом объявить марксистскому коммунистическому правительству, отрицающему, растаптывающему и выкорчевывающему Бога, религию, церковь, веру, Отечество, право, совесть, обычаи, верность, семью, национальное единство народа и все «добрые дела» (Рим. 13, 3; Тит. 3, 1), наше *христианское неповиновение* и поступать соответственным образом; мы твердо придерживаемся убеждения, что *не поступаем против Писания*, что движемся *в духе Писания* и что сможем держать ответ перед нашим Спасителем. Это убеждение будет для нас мерилom и в будущем.

2

Нетрудно понять, что наши противники пустились во все тяжкие, чтобы поколебать нашу позицию библейскими высказываниями и доказательствами и убедить нас в том, что «доброму христианину» подобает *лишь следовать слову Библии*, а не предпринимать самостоятельных оценок и не принимать самостоятельных решений. То есть что сказано, то сказано; надо верить сказанному, а не умничать самим. При этом нас порицали примерно так.

Перед Вознесением Христос сказал ученикам: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). Тем самым устанавливается, что *вся полнота* «мирской власти» вложена в руки Христа и, следовательно, *всякая* власть на земле, а значит и всякая светская и политическая власть, исходит от *Него* и устанавливается *Им*. В это нам надо неизменно верить, не стремясь проникнуть в недоступные для нас благодатные планы Божественного Провидения. Пусть эта светская власть будет такой, какой хочет, пусть делает все, что хочет, — она все равно будет исполнять только волю Божию. Всякий добрый христианин должен считаться с этим и безоговорочно повиноваться всякой «власти». Читаем у Иеремии (29, 11): «Ибо *только* Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду». Значит, нам не следует быть высокомерными и по своему разумению или своей воле становиться непослушными. Значит, нам следует быть лояльными и покорными коммунистам.

Но такая покорность не должна быть чем-то внешним. Читая слова Христа: «Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21), мы знаем, что они обязуют нас к искренней лояльности. Мы должны «повиноваться» и оставаться в повиновении также «и по совести» (Рим. 13, 5). Здесь недопустимы ни хитрость, ни лицемерие. Эту искреннюю лояльность, это идущее от чистого сердца послушание *мы должны проявлять и по отношению к советскому правительству, без всяких оговорок и без самонадеянной критики*. Мы не должны забывать, как апостол Петр осуждал любые беспорядки и бунтовщиков, — «а наипаче тех, которые идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки,

своевольны и не страшатся злословить высших, тоща как и Ангелы, превосходя их крепостию и силою, не произносят на них пред Господом укоризненного суда» (2 Пет. 2, 10 — 11). Такие люди «злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя» (Иуд. 1, 10).

Примечательно, что наши противники не оспаривают *непосредственного влияния сатаны на коммунистических властителей в России*. Напротив, они признают, что в области религии коммунисты *напрямую следуют внушениям сатаны...* Отмечая при этом, что здесь есть предел, указанный сатане Всевышним. «Смотри, он в твоих руках; но пощади его жизнь» (Иов. 2, 6; в русском переводе: «только душу его сбереги»). Тем самым якобы «обеспечиваются» религиозные свободные права русского народа: эти права никто не может отнять, разве что сам человек станет отрицателем Бога, но тогда ответственность за это несет он сам. Признается также, что коммунистические обладатели власти стремятся подорвать в народе не только *веру*, но и всякую *нравственность*-, что якобы и должно служить полному «благоденствию». Другие же меры, предпринимаемые марксистской диктатурой; например, *всеобщая экспроприация*, прямо относятся к наставлениям Христа: если коммунисты сделают всех нищими, то *исполнят тем самым волю нашего Спасителя*, который обличал накопление земных богатств и который руками коммунистов как *своих слуг* отменяет эти несправедливые накопления

Этим наши противники пытаются обосновать и оправдать ужасающий, истинно сатанинский прием коммунистов — искусственно и преднамеренно созданную всеобщую нищету и порожденную ею всеобщую зависимость, называя их «христианскими» добродетелями. Странная картина разворачивается перед нашими глазами: куча безбожников служит своими злодеяниями одновременно и сатане, и нашему Господу Иисусу Христу; и мы, христиане, должны вопреки своей совести повиноваться «по совести», служить им и их «христианско»-антихристианским приказам.

Мы не можем и не должны почитать такое учение. Мы воспринимаем его скорее как соблазн, от которого надо удержаться. Здесь все неверно от начала до конца. И ложь здесь выступает как правда.

Неверна сама трактовка слов Христа о данной ему власти. В Новом Завете довольно много мест, где говорится о «власти» и величии Христа (Мф. 11, 27; Лук. 1, 32; Ин. 3, 31 - 35; 13, 3; 17, 2; 1 Пет. 3, 22; Рим. 14, 9; Еф. 1, 10; Флп. 2, 9; Кол. 1, 13 — 18; 2, 15; Евр. 2, 8; Опер. 19, 16 и др.); но нигде Христу не приписывается какая бы то ни было мирская *земная власть* над всеми государствами и правительствами, нигде не говорится, что он ставит или назначает всех правителей и отвечает за их деяния и намерения. Да, он «выше всех» (Ин. 3, 31), и «все» дано ему (Мф. 11, 27). Он стоит над всеми *небесными силами*, «престолы ли это, господства ли, начальства ли, власти ли» (Кол. 1, 16), ему «покорились Ангелы и власти и силы» (1 Пет. 3, 22). Но эти атрибуты обозначают не государственные и политические достоинства и высокопоставленных сановников, а иерархию «невидимых» небесных сил. Христос выше *всего земного* и адского: «над всякою плотью» (Ин. 17, 2), над «делами рук» Божиих (Евр. 2, 7 — 8), «владычествует и над мертвыми и над живыми» (Рим. 14, 9), над грехом, над законами природы, над смертью, над старым законом, над старой буквой и совершенно недвусмысленно — над властью зла, над «вратами ада» (Мф. 16, 18) и над «властью тьмы» (Кол. 1, 13).

И все же «царство» Его «не от мира сего» (Ин. 18, 36). Христос есть глава одной и единой Христианской Церкви, но не глава всех земных политических владык (особенно коммунистов, стоящих у власти). Апостол Павел так высказывается в этом смысле: «Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено» (Евр. 2, 8), хотя Он и отнял «власть» у «имеющего державу смерти, то есть, дьявола» (Евр. 2, 14). Но земные политические владыки пребывают в сфере человеческих установлений, человеческой свободы, несовершенства и греха. Соответственно, их и надо воспринимать и как

людей, которым свойственно ошибаться, и как живые вместилища Божественной воли.

Итак, было бы преувеличением сказать, что они «поставлены» или «назначены» или «наделены полномочиями» от Бога, что им все позволено и что Господь Бог наш одобряет все их деяния или отвечает за них. Это мысли нехристианские, вводящие в заблуждение суждения. Здесь можно говорить лишь о попушении Божиим. Из-за попушения Божьего у какого-нибудь народа может зародиться и захватить власть безбожное, коммунистическое правительство. Значит, Господь как бы отвел свою охранительную длань и *отдал жизнь народа на откуп его оке собственных дурных страстей*. Тогда поток зла и страданий обрушивается на несчастный народ. Но не Бог захотел и вызвал это все; этот поток вызвали к жизни *сами соблазняющие и соблазненные люди*, потому что они использовали свою человеческую свободу во зло и шли по пути злых страстей, произвола, греха и безбожия. Это попушение не следует понимать так, что Бог требует от людей слепой покорности сатанинскому правительству: ведь христианским долгом злосчастных грешников было бы тогда самое лояльное содействие марксистским злодеяниям, и тем самым бремя предыдущих прегрешений бесконечно увеличивалось бы.

Нет, скорее всего несчастным надо одуматься, распознать свои прежние грехи в ужасающем зеркале новых «властителей», раскаяться, вернуться к Богу, укрепиться во Христе и затем посмотреть, стоит ли им с новым, очищенным и обновленным христианским сердцем оказывать послушание «детям сатаны» или нет.

Зло Богом не отводится, злое начало «допускается» как *следствие человеческих прегрешений*: одним — в наказание, другим — чтобы одумались, третьим — во искушение, преодоление, укрепление, закаливание, борение и очищение. Никакое попушение не вечно; когда-нибудь страданиям придет конец. И все должны готовиться к этому мгновению: одни — чтобы через наказание обрести разум, другие — чтобы через страдания созреть для победы, третьи — чтобы осознать свои заблуждения, прегрешения и слабости, чтобы отрешиться от них и начать новую, поистине христианскую жизнь.

Каждому из нас надо самостоятельно осознать глубокий смысл этого попущения, каждому из нас предназначено обратиться к Богу; но никому из нас не позволено, опираясь на ложно истолкованное Священное Писание, пуститься по течению греха, злодеяний и варварства.

Тот, кто служит слугам сатаны, служит самому сатане. А это никак не может быть волею Божией. Кто повинуется коммунистам, должен *перестроить собственную душу на большевистский лад*, стать безбожным, бессовестным, стать антихристианином, жаждать зла и вершить его. Как поверить, что это входит в сокровенные спасительные планы Божественного Провидения?! Что значит — сделаться бессовестным «во имя совести»? И если неверно переведенное древнееврейское изречение («душа» вместо «жизнь»!) и в самом деле подразумевает «душу», то спрашивается: откуда нашим противникам известно, что сатанинскому соблазну (в случае с Россией) созданы Богом те же условия и поставлены те же границы, что и в случае с Иовом? Ибо воистину, для коммунистов речь идет вовсе не столько о земном имуществе, не о жизни детей, не о «плоти и крови», как это характерно для Иова, сколько о *завоевании, разложении и перделке души*, которой надлежит стать безбожной, бессовестной и антихристианской... Еще никогда мировая история не видела такой борьбы за душу целого народа, какая ведется в России вот уже двадцать лет, где любое мероприятие марксистов, начиная с коммунистической монополии на предоставление работы и ликвидации семьи и кончая вечным страхом террора и сносом церквей, растаптывает все человеческие и христианские права и ведет наступление непосредственно на душу народа. Другие народы, которым очень повезло в том, что им не довелось все это пережить, должны подумать о том, *удастся ли* им, и *как*, и *надолго ли*, противостоять подобному наступлению... И мы должны были проявлять «искреннее послушание» по отношению к этому адскому предприятию?.. И из христианских побуждений?..

Нет. Своим христианским непослушанием мы положим этому наступлению конец. И это уже совершается. Ибо после 20 лет религиозных преследований коммунисты отмечают, что в огромной стране с населением 160

млн. человек 1/3 городского (около 11 млн.) и 2/3 (около 86 млн.) сельского населения имеют мужество исповедовать веру в Бога. Верующие, лишенные такого мужества, разумеется, не входят в это число. А ведь это не что иное, как открытое непослушание во имя Бога, во имя Христа. Когда-нибудь это непослушание скажется и в политическом плане.

4

Тем самым мы должны признать, что понимаем и толкуем широко известное место в «Послании к Римлянам» (13, 1 — 10) совершенно в другом смысле, чем наши противники.

Прежде всего совершенно недопустимо выхватывать из текста отдельные фразы и, обобщая их, истолковывать в буквальном смысле. Текст надо брать целиком и исходить из главного замысла автора, который опять же необходимо привести в духовное соответствие с христианским учением вообще. В противном случае можно прийти к приводящим в заблуждение, а возможно, даже и чудовищным толкованиям и выводам...

Итак, полный текст этого места в послании таков (Рим. 13, 1 - 10):

«1. Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены.

2. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение.

3. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее;

4. Ибо *начальник* есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

5. И потому надобно повиноваться не только *из страха* наказания, но и по совести.

6. Для сего вы и подати платите; ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые.

7. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь.

8. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон.

9. Ибо заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого», и все другие заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя».

10. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь *есть* исполнение закона».

Апостол Павел начинает свое наставление практической заповедью (1 — 2) — «да будет покорна», чтобы сразу же обосновать эту заповедь, показать ее родники и корни (3 — 6); затем он приводит эту заповедь в более подробном виде (7), чтобы под конец подвести к глубинным основам, к высшему закону христианской нравственности и должного послушания, а именно — к *любви* (8 — 10). Истинный, сокровенный смысл практической заповеди проясняется лишь в ее обосновании; здесь нельзя проводить произвольного разделения формулы заповеди и пытаться толковать ее «для себя». «Что» из заповедуемого вырисовывается из «почему». Эта теснейшая связь отмечена разъяснительными союзами: пять раз «ибо», один раз «потому» и один раз «для сего» (на греческом еще чаще: восемь раз «*gar*», один раз «*dio*»).

Итак, апостол требует послушания властям потому, что он включает власть начальствующих в «*Божие установление*», а власти рассматривает как «*Богом установленные*». Но при этом он точно и недвусмысленно поясняет, *для чего* усановляются Богом власти, *в чем* должно проявляться и воплощаться это установление, как человек может и должен в этом убедиться. Власть установлена Богом для того, чтобы «начальствующие» вели себя как «*слуги Божии*», т. е. служили Господу. Значит, Божие предписание состоит в том, что власть «хвалит» «добрые дела» и, будучи «отмстителем», «мечом» наказывает злые. В том, что это именно так, можно убедиться, испробовав и то, и другое: стоит лишь сделать доброе дело или начать что-нибудь злое, сразу же становится ясно, бояться тебе или нет, последует за это похвала или

наказание. Из этого ясно видно, что означает Божие установление, каково предназначение власти и верна ли она этому предназначению. Власть должна служить Богу. В греческом тексте говорится буквально, что «властителя» (archon) надо рассматривать как «diakon» или «leitugos» Бога. Вот почему здесь приличествует и заповедуется послушание «по совести»; вот почему мирской власти надо платить «подати» — примерно так, как церковным властям, всецело отдающимся своему предназначению.

Трижды повторяет апостол слова «слуга Божий», чтобы четче запечатлеть их и чтобы они хорошо запомнились. *Властям* как слугам Божиим заповедуется хвалить *добро*, предотвращать и наказывать зло; *добро* же есть любовь и *деяния любви*, ибо любовь есть «исполнение закона».

Лояльному же властям говорится: ты должен любить и вершить деяния любви; и тебя будет хвалить власть, и тебе нечего будет бояться, и тогда ты *поймешь, что власть есть слуга Божия*, что она установлена Богом и включена в Божий уклад; следовательно, ты можешь и должен быть ей «покорен» «по совести». В целом даются *два предостережения, два наставления, два призвания*, и оба сводятся к любви.

5

И вот исторический опыт послал нам нечто новое, непредвиденное и чудовищное: антихристианское правительство, которое в своей злобной одержимости напрочь отрицает, предает проклятию и любовь, и деяния любви; проповедует ненависть и блуд, поощряет жестокость; превращает добрые дела и казнит за них мечом, насаждает зло. Это то самое марксистское коммунистическое правительство, которое с самого начала так далеко зашло, что покойный патриарх Тихон в своем памятном пастырском послании предал его торжественному церковному проклятию («anathema») и призвал всех нас «не сообщаться с блудниками: /извергните развращенного из среды вас/² (1 Кор. 5, 9 — 13)». Это такое правительство, сатанинскую одержимость которого признают они сами. То самое правительство, для которого нет аналогии ни в человеческой истории, ни в истории нашего времени (исключая коммунистическую Испанию).

Могли ли мы воспринимать это правительство как «Богом установленное»? Могли ли мы не замечать, что оно не выдерживает требований Послания к Римлянам? Могли ли мы извратить Священное Писание и принудить себя к ложной покорности? Разрешается ли нам заставить замолчать нашу христианскую совесть? Должны ли мы были прекратить деяния любви и по приказу этой мнимой «власти» предаться марксистской классовой ненависти? Должны ли мы были отречься от нашей христианской свободы и поверить в то, что апостол Павел учит нас по совести и долгу возносить хвалу слугам сатаны?..

Наоборот, мы утверждали нашу *христианскую свободу*, чтобы решительно действовать в духе апостолов: «Петр и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). И мы надеемся, что за это нас не осудят, а оправдают.

Мы ведь должны были взять на себя все бремя и все опасности этого принципиального непослушания: годами, и по сей день быть готовыми к самому худшему и оставаться верными объявленной борьбе; и постоянно радеть о том, чтобы ненависть к врагу не отравила и не ослепила нас, чтобы эта борьба за деяния любви не сделала нас самих бессердечными и неспособными к любви. Мы должны радеть о том, чтобы наши сердца не закоснели в непослушании, чтобы и в отрицании мы не разучились одобрению. Нам пришлось хорошо осознать, как счастливы люди, которые могут и должны быть «покорными» своей «власти» «по совести». Ибо сопротивление власти своего Отечества, состояние непослушания есть тяжкое бремя и большое несчастье. Из-за этого возникают потоки страданий и разрушений, играть которыми могут лишь безрассудные и бессердечные люди. Мы, христиане, борющиеся с коммунизмом, опираемся поэтому не столько на наше «право» быть непокорными коммунистическому правительству, сколько на наш «долг» — мужественно и решительно, «по совести», побороть это сатанинское гнездо, о котором мало или ничего не знают.

Мы научились тому, что существует духовное прибежище, искренняя христианская лояльность в народной душе, и слова «христианское правосознание» — не пустые слова. От них еще выздоровеет мир.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ - НЕ РОССИЯ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ - НЕ РОССИЯ

Памятные тезисы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой статьи, русский зарубежный ученый, живет в условиях такого бесправия, что он не может не только не выпустить ее отдельной брошюрой, но и подписать ее своим именем. В таком положении находится большинство русских ученых за рубежом, и автор разделяет их участь. Он понимает, что полное и настоящее имя автора повышает политическую ценность всякого документа, предназначенного для борьбы. Но переживаемое нами время не позволяет молчать; и он считает, что высказанная здесь правда говорит сама за себя, кто бы ее ни высказал.

Высказанная им историческая правда должна быть рано или поздно признана всей Россией и другими народами мира. Поэтому статья эта требует самого широкого распространения.

Ввиду этого автор предоставляет каждому, кто прочтет эту статью и согласится с ее основной мыслью, *право* свободно и безвозмездно переписывать ее для распространения (от руки или на машинке) или печатать ее (на ротаторе, в газете, в журнале или отдельной брошюрой), а также переводить ее на иностранные языки (опуская при этом первую и последнюю главы, как менее интересные для иностранцев). Он просит только не искажать его основного русского текста вставками или сокращениями и не уродовать его мысль губительной для смысла советской орфографией.

Если же автору удастся переселиться в другую страну или если смерть освободит его от положения бесправного зарубежника, то имя его будет опубликовано.

Автор

1. О СОВЕТСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Не мы первые произнесли это словосочетание: его придумали и пустили в ход сами коммунисты и соблазненные ими зарубежники. Они сами назвались советскими патриотами и этим определили свое политическое естество и свое место в истории России. Нам остается только вскрыть смысл этого наименования и указать им свое место.

С обычной, юридически верной и политически грамотной точки зрения это наименование является просто невежественным. Слово советский обозначает *форму государственного устройства*, не более. Мы знаем *монархическую* форму государства и *республиканскую*. Советское государство считает себя республикой: говорят, что это новая разновидность республиканского строя — не парламентская республика, а именно советская. Развивая эту мысль, торопливые и болтливые младороссы (не доброй памяти) давно уже предлагали устроить советскую монархию: принять советскую форму государства и возглавить ее революционным «царем»...

При юридически правильном понимании идея советского патриотизма оказывается прямою нелепостью.

Патриот предан своему отечеству, своему народу, его духовной культуре, его национальному преуспеянию, его органическому благоденствию; он желает его международной независимости, он служит его сильной и доблестной самообороне... Но патриотом может быть и монархист, и республиканец. В Швейцарии и в Соединенных Штатах вы найдете множество патриотов, но не отыщете монархистов. Не менее патриотов вы найдете в Англии и в Голландии, но республиканцы составляют там огромное меньшинство. Родина едина, отечество одно; но государственную форму своей страны люди могут мыслить различно. Это означает, что вопрос государственной формы определяет не патриотическую, а партийную принадлежность человека. В лоне патриотической верности могут пребывать и монархисты, и республиканцы. И те и другие любят прежде всего свое национальное отечество (Голландию, Англию, Соединенные Штаты, Швейцарию, Францию): они — верные голландцы, преданные англичане, гордые американцы, стойкие и храбрые швейцарцы, пламенные французы, а потом уже и именно

вследствие этого *национального патриотизма* они требуют для своей страны той или другой *государственной формы* — одни желают *монархию*, другие *республику*.

Но «советский патриотизм» есть нечто извращенное и нелепое. Это есть *патриотизм государственной формы*. «Советский патриот» предан не своему настоящему Отечеству (России) и не своему народу (русскому народу). Он предан той *советской форме*, в которой Россия страдает и унижается вот уже тридцать лет; он предан той партийно-коммунистической «Советчине», которая гнетет и вымаривает русский народ с самого начала революции. Спросите этих людей, почему они не называют себя просто *русскими патриотами*? Почему они не именуют свое якобы любимое ими государство — Россией? Почему они предоставляют это драгоценное преимущество нам, открыто называющим свое Отечество — Россией, а себя — русскими? Куда и почему они сконфуженно прячут свое национальное естество? Почему они провозгласили себя не сынами своей исторически великой родины, а приверженцами завладевшей ею и советски оформившей интернационально-коммунистической партии?

Спросим себя еще: что значит выражение — я есмь монархический патриот? Это ничего не значит; это — политически невежественный лепет.

Осмысленно сказать: «я есмь французский патриот и притом республиканец»; тогда мы знаем, какого *народа* сын перед нами, за какой *национальный* интерес он пойдет в бой и какую государственную форму он считает *для своей Франции* наилучшей... Но предложите французу любить не *Францию*, а безнациональную, интернациональную и потому с правильной точки зрения французского патриота предательскую Советию, — и он посмотрит на вас, как на безумца; и будет прав.

Что же означают слова: я — советский патриот? Они означают, что я *предан Советчине* — советскому государству, советскому правительству, советскому строю, что бы за всем этим ни скрывалось и какая бы политика ни проводилась — русская, нерусская или противогосударственная, может быть, гибельная для России, несущая русскому народу порабощение и вымирание, голод и террор.

^«Советский патриот» *предан власти, а не родине; режиму, а не народу; партии, а не отечеству*] Он предан международной диктатуре, поработавшей его народ страхом и голодом, открыто отменившей его сущую русскость и запретившей народу называться своим славным историческим именем... Ибо России давно уже нет в Советии, ее имя официально вычеркнуто коммунистами из Истории, и самое государство их называется международно и антинационально: «Союз Советских Социалистических Республик» (см., напр<имер>, текст сталинской Конституции 1936 года).

И вот советский патриот самым наименованием своим *отрекается от России и русского народа* и заявляет о своей приверженности и верности — *не ему*. Он *патриот международной партии*: он ей служит, он за нее борется, он ей обязуется повиновением. Самое название его содержит в себе открытое, публичное отречение от России и добровольное само-порабощение ее нерусской и противорусской диктатуре. Если это есть «любовь», то любовь не к России, а к *международному коммунизму*, если это борьба, то борьба за *упрочение советского рабства в России* — борьба за погубление русского народа во имя *международной коммунистической революции*; если это «верность», то верность Советчине и предательство по отношению к национальной России!»

Ибо Советское государство — не *Россия'*, и Русское государство — не *Советский Союз*.

2. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО - НЕ РОССИЯ

Эту историческую и политическую истину надо понять и почувствовать раз навсегда и до конца. Это должны сделать прежде всего *все русские люди*, а затем и *все народы вселенной*. Продумать *нерусскость Советчины* надо с той последовательностью и решительностью, с которой это сделали коммунисты. А затем надо принять все вытекающие отсюда существенные выводы.

Когда в разгар первой мировой войны в Циммервальде была принята пораженческая резолюция²; когда последовало исторически известное соглашение между большевиками и германским главным штабом (см. честную и ответственную книгу С. П. Мельгунова³ «Золотой

<немецкий> ключ большевиков»); когда Владимир Ульянов по прибытии в Петербург объявил свою пораженческую и революционно-коммунистическую программу, то разрыв между большевизмом и национально-исторической Россией быш уже свершившимся фактом. Этот разрыв проявлялся во всем: и в «Приказе № I»⁴, и в секретном потоке денег, и в июльском восстании, и в октябрьском восстании; все это и многое другое являлось единой системой *противо-русской политики*, которая с тех пор *ведется непрерывно до сегодняшнего дня*. И когда в 1922 году было наконец официально объявлено о переименовании России в Союз Советских Социалистических Республик, то этим была только выговорена *основная истина советского строя*: Советское государство — не *Россия*, а Русское государство — не *Советский Союз*.

С тех пор коммунисты никогда и нигде не называли своего государства *Россией* и были в этом правы. С тех пор только наивные люди или же сознательные обманщики называют Советский Союз — *Россией*, советский нажим и гнет — «русской политикой», советские международно-революционные интриги — «русской нелояльностью», советский шпионаж — «русской разведкой», советскую манию величия — «русской заносчивостью», советские территориальные захваты — «русским империализмом». И называя так, смешивая Советский Союз с национальным Русским государством, они *обманывают сами себя и всех других*, ослепляют своих парламентариев, министров и дипломатов, навязывают им неверные суждения, подсказывают им неосторожные или просто гибельные решения — и помогают тем мировой революции... А есть и такие иностранные журналисты (из самых глупых или из самых пролганных), которые доселе повторяют при каждом неподходящем случае, что политика III Интернационала есть не что иное, как «вековая политика русских царей». Но этих писак никто уже не научит ни нравственному стыду, ни политическому разуму — они так и сойдут со сцены клеветниками и обманщиками.

Итак, еще раз: *Советское государство — не есть Россия*.

Все человеческие общества, все общественные организации определяются *той целью, которой они служат*. Это относится и к корпорациям, и к учреждениям.

Так, обычный кооператив есть закупочный распределитель. Но если он начинает заниматься организацией грабежей и контрабанды, то он превращается из кооператива в шайку разбойников-контрабандистов; и тоща вывеска «кооператив» становится маскировкой и ложью.

Фотографическое общество культивирует фотографию как технику и как искусство. Но если оно устраивает под этим флагом дом свиданий и торговлю живым товаром, то оно превращается в темную банду и будет закрыто в любом демократическом государстве.

Если университет начинает заниматься торговой спекуляцией, то он уже не университет, а товарная биржа.

Спортивное общество, посвящающее себя революционной пропаганде, есть не спортивное общество, а клуб революционных заговорщиков.

Согласно этому государство, не служащее благу своего народа, а злоупотребляющее его силами для всемирной революции, не есть национальное государство, а организация извращенная и противонациональная. Это есть «сообщество» не лояльное, не патриотическое, а международно-революционное, предательское по отношению к своему народу и заговорщическое по отношению к другим национальным государствам.

И вот советское государство уже тридцать лет не скрывает свою цель и свои основные задачи. Россия есть для коммунистов не более, чем *плацдарм для распространения революции во всем мире*. Это есть укрепленный лагерь для революционных вылазок в другие страны. Это для них как бы стог сена или бочка дегтя для зажжения мирового пожара.

Россия есть для них *средство*, а не *цель* — орудие, которому предоставляется погибнуть в борьбе коммунистов за мировую власть и о котором не стоит жалеть. Советская власть не служит России, не печется о ней, не бережет ее культуру: она разрушает ее древние дивные храмы, она подавляет в ней свободную науку и свободное искусство, она замучивает ее национально мыслящую интеллигенцию, уничтожает ее трудоспособней-

шие крестьянские сипы и подвергает ее рабочий класс такой потогонной системе, о которой ни одно буржуазное государство и не слыхивало.

Ей нужна русская территория, ей необходимо русское сырье, ей нужна русская техника, ей необходима русская армия — для собственных целей, особых, не русских, внерусских, международных, революционных. Именно на этих основаниях строится советская школа, чтобы дети от молодых ногтей готовились кучастию в иноземных революциях. На этих же основаниях строится советская армия — этот паровой каток всемирной революции, советская промышленность — этот коммунистический арсенал против иноземной буржуазии, советская наука — это поработанное гнездо экономического материализма и военной химии. На этих же основаниях строятся в Советии коммунистически поработанные «рабочие союзы», поддельные «кооперативы», советский бюджет, изнасилованная литература, сервильное искусство, бессовестная пресса и, за последнее время, фальсифицированная церковь. Этому только и служит весь чудовищный механизм советской полиции, как бы она ни называлась — Чека, Гепеу, НКВД, МВД, МГБ и, наконец, мученические концлагеря, рассеянные по всей стране.

Здесь нечего доказывать или оспаривать. Это надо только довести до сознания, выговорить и представить на суд совести.

Додумаем же здесь все до конца.

3. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Основные элементы государства суть: *территория, власть, народ и лояльность граждан.*

И вот во всех этих элементах Советский Союз *не совпадает* с национальной (при всей ее многонациональности) Россией. Напротив, он противостоит ей как принципиальный, последовательный и губительный враг.

Начнем с территории.

Советский Союз завладел русской национальной территорией и пользуется ею, как своим земным притоном. Но это совсем не означает, будто он принял русское территориальное наследие, понимает его смысл и его ответственность и умеет оберегать его. Русская государствен-

ная территория есть для него не более, чем поле для его коммунистических опытов, которое он в своем несытом властолюбии стремится *расширить на всю вселенную*. Он не понимает, что территории государств держатся их *взаимным признанием*, что международные отношения покоятся на *праве* и на *взаимном уважении*, что презирающий чужие права будет однажды сам лишен прав, как это и случилось с Гитлером. Он не считается с независимостью других государств и с самостоятельностью чужих территорий. Он вторгается в чужие пределы — и дипломатически, и подпольно, злоупотребляет экстерриториальностью своих нелояльных дипломатов и *попирает этим интересы национальной России*: ибо он подрывает одной нелояльностью уважение других государств к русской национальной территории и компрометирует наши территориальные права...

Кто сознательно нарушает чужие права, тот подрывает и компрометирует свои собственные. Кто создает себе репутацию захватчика, тот вызывает других на захват захваченного, да еще с неограниченной прибавкою (срв. Германию после второй мировой войны). Но важнее всего то, что Советы создают такую репутацию не *себе*, а *России*. Вся их территориальная и международная политика есть непрерывное *компрометирование русской национальной государственности*; они проматывают ее международный престиж, они пачкают по всему свету доброе имя России, они создают ей репутацию международного разбойника, для которого хороши все, и даже самые бесчестные и свирепые средства. Советы внушают всему миру вот уже тридцать лет, что Россия есть опаснейший империалист, всемирный интриган, •презритель международного права, саботажник мира и порядка...

А между тем — откройте протоколы Гаагских конференций⁵, проследите в них неуклонную линию миролюбия и человеколюбия, которую вела императорская Россия, убедитесь в том, что все важнейшие предложения, ведущие к реальному замирению мира, исходили от русской императорской власти (напр<имер>, проект Международного третейского суда или запрещение сбрасывать с воздуха разрывные снаряды, предложенное Россией еще

при императоре Александре Втором, в 1868 году). Удостоверьтесь, каким авторитетом, каким престижем пользовалась национальная Россия на этих конференциях, как примирительно, как веско, как ответственно, как юридически и политически продумано было каждое ее слово. Взвесьте это и поймите, что Советский Союз делает *обратное всему этому*, что международное наследие России им отвергнуто и поругано.

Советская власть презирает права других государств. Она постоянно и вызывающе попирает их и стремится завладеть их территориями. Она считает, что Советский Союз должен непременно — рано или поздно, экономическим подрывом, революционным разложением или оружием, революцией или оккупацией — *завоевать весь мир* и превратить его в единую интернационально-мировую тиранию. Советская власть ставит все остальные государства перед выбором: или *революционное разложение*, революционный грабеж и революционная резня — или же *война*. Может быть прямое нападение Советов (если они будут чувствовать себя лучше вооруженными и подготовленными), но может быть и спровоцированное и вынужденное Советами нападение других держав на Советию — в порядке самообороны от непрерывного революционного нападения Советов... В последнем случае в Советии поднимется агитационный вопль об интервенции, об империализме буржуазных государств, об агрессии врагов, о контрреволюционном походе на невинную Россию и т. д., ибо тогда опять, как в 1941 — 1945 годах, Советы опять вспомнят о России и прикроются ее именем и ее интересом!..

Вся политика Советов такова: в качестве революционных термитов разжевать и крушить чужие государственные дома и в то же время уверять всех в своей миролюбии, подрывать чужую самооборону и объявлять ее «воинственной агрессией капитализма»; а в случае войны поднимать русский народ на врагов, взывая к его патриотизму, к его жертвенности, к его святыням и к его инстинкту национального самосохранения. Советы играют Россией во имя всемирной революции и губят миллионы русских героев, ставя свой Союз в опасней-

шие международные положения и выдавая *свою* опасность за *общерусскую*.

И во всем этом — интересы советского государства прямо противоположны интересам национальной России...

4. О ЗАВОЕВАНИИ МИРА

Национальная Россия нисколько не заинтересована в том, чтобы вести кровавые войны за не принадлежащие ей территории других государств, или же в том, чтобы завоевать весь мир.

Чужие территории России *не нужны; наоборот, ты ей непосильны хозяйственно и политически, вредны национально, обременительны дипломатически и в высшей степени опасны стратегически. А с другой стороны, русская власть не нужна и не желанна другим народам — ни Польше, ни Чехии, ни Венгрии, ни Румынии, ни Югославии, ни другим. У других народов своя культура, свое особое чувство права, своя вера и свои национальные идеалы. Исторически и духовно очень важно, чтобы, с одной стороны, они сохраняли свою свободную индивидуальность, и чтобы, с другой стороны, мы, русские, берегли и развивали свою самобытность. Духовно и политически недопустимо и в культурном отношении нецелесообразно, чтобы один народ подминал под себя другие народы, навязывая им свои цели, свои порядки, свой язык, свою веру и свою культуру. Мы с негодованием относились к подобным попыткам со стороны Германии. Но негодование наше никогда не объяснялось тем, что мы желали занять место национал-социалистов и пустить русский паровой каток по всей Европе и по другим материкам...*

Мы признаем за другими народами — *идейно и принципиально* — ту свободу национальной самоорганизации, которая необходима самой России; и мы уверены в том, что наше государство по восстановлении своем не будет повторять своих прошлых ошибок. Наши поколения прожили ХЕХ век с открытыми глазами и все время учились. Мы видели аннексию Польши и ее трагические последствия: Россия приобрела чуждую ей и не сливающуюся с ней враждебную окраину, множество рассеян-

ных по всей стране польских патриотов, ненавидящих Россию (недругов и полузаговорщиков), не принимающих своей новой государственной принадлежности, ряд кровавых восстаний, опаснейшего соседа в лице Германии и в довершение всего репутацию европейского насильника... Зачем нам все это? Польша не нужна нам как внутренний враг, но она нужна нам как дружелюбный и доверяющий нам сосед, как культурный славянский заслон, как союзник в борьбе против германского империализма и как торговый рынок, а ее суверенная самостоятельность ничем не грозит нам.

Грядущая национальная Россия не будет повторять эту ошибку на своих окраинах. Она не будет окружать себя изнасилованными и по существу нелояльными провинциями. Она не будет наводнять свои пространства нелояльными гражданами, заклятыми внутренними врагами.

Что же касается завоевания вселенной, то Россия никогда об этом не помышляла и к этому не стремилась. Она никогда не воображала, будто имеет для всех народов единый «рецепт счастья», единый социально-политический штамп, который она призвана навязать им, или единую властно-спасающую религию. В России никогда не было той безумной самоуверенности, той демонической гордыни, которая присуща необразованным или полубразованным большевикам. Нам не нужна «мировая власть». Боже, избави нас от нее. И когда русские цари боролись за доступ к морям, то они добивались только свободного выхода и входа в свой собственный дом. Огромная континентальная страна не может обходиться без моря и мореплавания; и знаменитый план Густава Адольфа⁶ — отодвинуть Россию от моря и предоставить ей задохнуться в глубине Азиатского континента будет неприемлем для *всякого* русского правительства, республиканского или монархического, России необходим путь к морю — и в этом весь смысл так называемого «русского империализма». Безумно и лживо приписывать Новгороду, Ивану Третьему, Ивану Четвертому и Петру Великому советоподобный империализм. Это есть великая историческая неправда.

Международная программа *России* и международная программа *Советов* прямо противоположны друг другу. И потому патриотически солидаризоваться с одержимыми коммунистами — безумно и безответственно. Все их планы, затеи и войны ничего России не принесут, кроме крови, муки, вымирания, унижений, разорения, всеобщей ненависти и всеобщей мести. Они не только не возвеличат и не обогатят Россию, но могут привести к ее разделению и распадению, к утрате ею ее исконных, исторически и государственно бесспорных вотчин.

Не будем наивны и ребячливы. Завоевание вселенной еще никогда и никому не удавалось: ни фараонам, ни персам, ни грекам, ни римлянам, ни туркам, ни арабам, ни французам, ни германцам... И если советчики-коммунисты могут рассчитывать в этом деле на что-нибудь *новое*, то разве только на *вселенскую деморализацию*, на *безумие атомных бомб* и на преступный *резким тоталитаризма*. Это разложение духа, это разрушение материи, это извращение политики может дать им первоначальные кратковременные успехи, тем глубже будет зато последующее отрезвление человечества и тем ужаснее будет расправа над ними... Но разложение духа не будет ни всеобщим, ни длительным; практика атомных бомб, если она начнется, быстро отрезвит ожесточившееся человечество, а тоталитарный строй весь насыщен собственными противоядиями.

Человечество не едино, а, слава Богу, многообразно. И потому оно нуждается не в тоталитарной деспотии, а в правовой организации, свободной и лояльной. Великие факторы пространства, времени, человеческого множества, расы, национальной самобытности, личного инстинкта, стихийного свободолюбия, религиозного разнообразия, разноразличия и государственно-патриотического разноразличия не допустят этого универсального порабощения даже и в том случае, если бы моральное разложение народов приняло *временно* характер *эпидемии*. Тот, кто борется за такое мировое злодейство — какой бы разврат он ни распространял и какую бы партизанщину он ни насаждал по всем лесам и оврагам, — потерпит крушение, сосредоточит на себе всеобщую ненависть и

вызовет наконец такую радикальную чистку, память о которой не угаснет в человечестве никогда...

Спросим теперь: когда же и где национальная Россия питала такие безумные, такие злодейские планы?

Никогда и нигде! Зачем бы ей это нужно было? Для чего ей вызывать всемирную ненависть и сосредоточивать ее на себе? Нет, она заинтересована как раз в обратном. Но она совсем не заинтересована и в том, чтобы расплачиваться по счетам коммунистическо-советского буйства. Она никогда не делала ставки на вселенскую революцию. Напротив: не для того она посылала Суворова в Италию; не для того она дралась при Бородине и при Лейпциге против Наполеона; не для того помогала Венгрии в 1849 году. Она никогда не растила в мире моральное и политическое разложение. Она всегда отстаивала запрещение жестокого оружия, она всегда искала всеобщего замирения и никогда не сулила народам тоталитарного строя...

Итак, национальная Россия и Советское государство — суть *политические противоположности*.

Но что может быть наивнее и глупее, как принимать начальные и сравнительно кратковременные успехи коммунистического империализма за действительные и окончательные успехи национальной России? Что может быть глупее и легкомысленнее, как воображать, будто Советия, превратившая русский народ в орудие и в жертву всемирной революции («погибни, но взбунтуй вселенную!»), приобретает что-то для России? Советский империализм имеет совсем, совсем другой смысл. Выборг, Прибалтика, Бессарабия, Каре⁷, Маньчжурия, проливы нужны Советам только для дальнейшего завоевания мира, для коммунистической диктатуры над народами. Поэтому они и приобретаются Советами (если только действительно «приобретаются»...) без всякого внимания к национальным интересам России. Люди катастрофического уклада и образа мыслей, вышвырнутые из последних щелей ада на кратковременное соблазнение, развращение и научение народов, — они никогда не жили в исторических потоках и интересах России, они никогда не знали и не понимали ее истории. Россия для них не более, чем навоз для всемирной революции: истощится

он — что ж, они отыщут себе другую навозную кучу, Германию или Францию. Они последовательные и безжалостные интернационалисты, доказавшие это недвусмысленно за протекшие тридцать лет.

Именно поэтому им совершенно безразлично, что самый порядок их захватов абсолютно вреден Русскому государству. Этот захват соблазном, разложением, обманом, революцией, насилием и резней вредит всякой будущей национальной русской политике, сеет недоверие, отвращение и ненависть к ни в чем не повинной России и восстанавливает против нее всю вселенную.

Ведь нужно быть законченным слепцом, чтобы воображать, будто советская оккупация или инфильтрация сделала Русское национальное государство чтимым или «популярным» в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Галиции, Австрии, Германии, Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании и Греции; будто солдатские изнасилования женщин, чекистские аресты, увозы и казни, насаждение политического доносительства, избиения и расстрелы лидеров крестьянской и либеральной оппозиции в этих странах, пытки в тюрьмах, концлагеря, фальшивые голосования, а также преднамеренная повсеместная инфляция, все эти имущественные переделы, конфискации и социализации приветствуются этими несчастными народами, как «заря свободы» или как «истинная демократия», как «желанные дары» «великой России»... На самом же деле в этих странах сеется дьявольское семя и растет ненависть к национальной России.

Мировое общественное мнение доселе не научилось отличать *советское государство* от *национальной России* и интернационально-коммунистическое *правительство* от замучиваемого им *русского народа*. Все, творимое Советами, вписывается в воображаемый конduit России; все «художества» и «качества» Советской власти приписываются *ей*; и против нее накапливается все негодование других народов. Ее неповинное имя клянут на стогнах всего мира; ее воспринимают ныне, как вселенскую язву; от нее ждут бесчисленных бед и страданий, третьей мировой войны и революционных преобразований.

Мы, русские патриоты, скорбим об этом вот уже тридцать лет, разоблачая повсюду эту ошибку и восстанавливая правду: *советское государство не есть национальная Россия*. А советские патриоты знают эту правду не хуже нас, видят истинное положение вещей и становятся на сторону Советов, помогая им компрометировать, насиловать и губить национальную Россию.

Но они губят не только Россию, *они добровольно берутся обслуживать завоевание и погубление остального человечества*, стараясь приобщить его на деле к казням и гнету высиженного в России тоталитарного коммунизма. И они могут быть уверены, что история по справедливости оценит все — и их добровольное самопорабощение, и их внезапный восторг перед Советчиной, и их фальшивый «патриотизм», и их предательство по отношению к России, и их коварное и бесчестное пятоколонство в приютивших их демократических государствах, где они сначала долгие годы укрывались от Советчины для того, чтобы стать теперь советскими агентами...

5. О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Вторым основным элементом государства является *власть*.

•, И вот Советская власть отнюдь не продолжает дела русского национального правительства: она не приняла ни его наследия, ни его традиций, ни его целей, ни его способов управления. Напротив, она растратила и погубила наследие России, она попрала ее традиции, отреклась от ее целей и ввела свои, неслыханные в истории способы управления. Тот, кто любит Россию, может только с негодованием и отвращением следить за этим управлением и никогда не станет «советским патриотом».;

Советская власть не приняла государственного наследия императорской России. Это наследие состояло, во-первых, в обширных кадрах государственно мыслящего, опытного и честного чиновничества; во-вторых, в ясных, зрело продуманных, ищущих справедливости и чтущих личное начало законах; в третьих, в системе учреждений, строивших русскую национальную жизнь, особенно же

в первоклассном суде скором, гласном и справедливом. Все это достояние веков и десятилетий погублено, поругано, отменено и заменено поистине кошмарными порядками...

О русском чиновничестве императорского времени говорилось много ненавистного, вздорного и ложного, верного для эпохи «Мертвых душ» Гоголя, но преодоленного за вторую половину XIX века. Вот несколько доказательств обратного.

В 1911 году немецкое Общество для изучения Восточной Европы испросило согласие министра Кривошеина посетить Россию и ознакомиться на местах с ходом великой аграрной реформы П. А. Столыпина. Кривошеин сделал непростительную ошибку и разрешил немцам эту глубокую тышовую разведку. Она состоялась. Комиссия Общества во главе с выдающимися немецкими учеными Зерингом и Аухагеном объездила главные очаги разверстания общины и переселения в Сибирь, вернулась в Германию и доложила правительству Вильгельма Второго, что реформа производится *чрезвычайно успешно* и что *если дела в России пойдут в таком порядке, то через 10 лет всякая война с Россией будет безнадежна*. Россия станет великой крестьянской демократией и всякая революция и войны будут ей неопасны. Тогда в Германии было решено готовить превентивное нападение на Россию к 1914 году, о чем Государственная Дума была предупреждена одним из ее членов в конце 1912 года. В своих докладах берлинский профессор Зеринг (один из лучших знатоков аграрного вопроса в Европе) писал и говорил между прочим: «Реформа Столыпина проводится таким кадром чиновничества, которому могла бы позавидовать любая европейская держава, это все люди честные, неподкупные, убежденные в пользе реформы, опытные и знающие»...

Тот, кто сколько-нибудь понимает в государственных финансах, пусть вспомнит замечательную реформу денежного обращения, столь успешно проведенную Витте — она могла удалась только опытному, образованному и честному кадру российского чиновничества.

Все отрасли казенного хозяйства цвели в императорской России; русские казенные железные дороги были

образцом для всей Европы; винная монополия оправдала себя; государственное коннозаводство было на значительной высоте; судебные подкупы были неслыханны. Русская военная разведка, отнюдь не вовлекавшая в свое дело частных лиц и свободных граждан (как это делается в Европе), изумляла иностранцев своею осведомленностью: это она подготовила победоносный Галицийский поход 1914 года; это она предупредила лорда Китченера⁸ о том, что его ждет гибель в Северном море от немецкой подводной лодки, что и свершилось, и т. д. А между тем ее ведомственное дело требует, как известно, полной неподкупности и самоотверженного патриотизма.

Позорная сухомлиновщина⁹ была в России скандальным исключением.

Где ныне этот драгоценный кадр русской служилой интеллигенции? Он вымер от голода, расстрелян чрезвычайкой, умучен в концлагерях или же угас в эмиграции. И европейские державы и народы должны помнить, что их интеллигенции готовится та же участь, что теперь уже поняли в Венгрии, Румынии и Югославии...

Было бы неумно, неправдиво и государственно вредно идеализировать дореволюционную Россию. Мы этого не делаем, мы ищем для нее только справедливости и исторического понимания.

В XIX веке русский народ, оглушенный веками неоходимой самообороны, поглощавшей все его силы и не дававшей ему времени для спокойного, творческого устройства своей жизни, пришел в себя и, ведомый своими государями, собрал и систематизировал свои законы (дело и традиция Сперанского), подготовил кадры своей интеллигенции (дело пушкинского гения и славных русских университетов), освободил крестьян (дело Александра Второго и Милютина¹⁰), обновил и устроил свой суд и приступил к ряду либерально-демократических реформ (начиная от всеобщей воинской повинности и кончая народным представительством). Ему оставалось еще многое сделать, но это «многое» (от одноверстной сети народных школ для всеобщего образования до планов индустриализации страны и широкого железнодорожно-го строительства, доселе не осуществленного коммуни-

стами), было уже обдуманно или начато, или же находилось в полном развитии...

Нам нечего идеализировать. Нам не к чему хвастаться. Но мы можем спокойно утверждать, что русское государственное право было прекрасно и зрело продумано, что русский Устав Уголовного Судопроизводства может потягаться с любым европейским уставом; что русский суд был на очень большой высоте — и по кадру судей, и по уровню адвокатуры, и по своей скорости, и по своим творческим тенденциям; что кассационные решения русского Сената представляют собой замечательный в истории человечества многотомный памятник юридически утонченного, христиански настроенного и справедливого правотворчества; что русские города и земства имеют огромные культурные заслуги; что русские университеты являлись во многих отношениях европейски образцовыми академиями; что русская медицина с ее вчувствующимся, индивидуализирующим диагнозом, «органическим» лечением и материальным бескорыстием была русской национальной гордостью; что русский солдат совмещал свою образцовую храбрость с личной инициативой в бою; что русское искусство (народная песня, доселе неизвестная Западу во всей ее оригинальности, русская музыка, оперное пение, живопись, скульптура, архитектура, театр, танец, поэзия и вообще изящная словесность) — что все это шло свободными и самобытными путями и достигало истинной художественной высоты; что русская общественная благотворительность может быть сравнена только с американской.

И все это росло и выросло *органически*, вместе с самим русским народом как *его собственная культура*, как его собственная жизненная форма, подсказанная ему духом его религиозной веры (православие) и его национальным самочувствием...

Где ныне все это наследие русской национальной истории? Где эти творческие традиции? Все разрушено, попорно, угашено, поругано. Большевики отвергли все это наследие и погубили его. Им нужно было другое, совсем другое: *антинациональное, интернациональное устроительство, превращающее Россию в орудие и в жертву всемирной революции.*

Им нужно было *тоталитарное государство*, способное завоевать вселенную для социализма. Им нужно было превратить Россию в арсенал мировой революции, а русский народ в нищее, зависимое, заstraшенное и обезличенное стадо, готовое, подобно стаду бизонов в прерии, ринуться вперед — на другие народы и растоптать их некоммунистическую культуру... Но пусть они помнят: это им не удастся, им предстоит великое крушение!

И вот во всей русской истории не было момента, не было такого князя или государства, не было такого политика, который замышлял бы нечто подобное и *так* определял бы назначение русского народа.

Эта чудовищная политика — эти безобразные цели, эти жестокие и губительные средства, — все это *впервые* всплывает не только в истории России, но и во *всемирной* истории. И русский народ к этому *не причастен* и в этом *не повинен*: он *не творец, а жертва этой политики*. И самая идея этой всемирной коммунистической революции возникла *не в России, а на Западе*, она была формулирована *Марксом и Энгельсом*, не знавшими Россию; она была придумана в Западной Европе, а Россия имела великое несчастье стать ее первым опытным полем.

Смотрите же: с самых первых дней русской революции эта гибельная затея стучалась в двери Запада; она стремилась туда, откуда вышла, в ту среду крупно-промышленного капитализма, для которой она была изобретена... Ныне сроки приблизились, и она уже вломилась в малые государства Восточной Европы.

6. О РУССКОМ НАРОДЕ

Русский народ был доселе *дейтельным субъектом своей истории*, а не замученным и поработленным *объектом, орудием чуждого ему мирового злодейства*. Он жил, а не погибал, творил, а не пресмыкался.

Россия никогда не была тоталитарным государством: она никогда не обезличивала своих граждан; она никогда не подавляла их творческой инициативы; она никогда не покушалась погасить в них инстинкт личного самосохранения как стимул хозяйственного труда. Она никогда не отменяла частной собственности, она никогда

не стремилась отнять у своих граждан религиозную веру, силу личного суждения и самостоятельность воззрений, она никогда не хотела превратить русских людей в голодных, полураздетых заstraшенных рабов, спасающих свою жизнь ложными доносами на своих неповинных соседей; она никогда не воображала, что все русское хозяйство можно превратить в бюрократическую машину, а всю русскую культуру подчинить тирании единого центра. Напротив, русское правительство в его христианской установке знало, что *личное начало* имеет *религиозно-непререкаемое значение* и что поэтому оно должно быть призвано и в государственном порядке, и в хозяйстве. Стоит только вспомнить русское национальное воззрение на солдата, выдвинутое Петром Великим, усвоенное от него Минихом¹¹ и практически развернутое Суворовым: солдат есть индивидуальный воин, в котором надо чтить бессмертную, патриотически-ответственную душу и воспитывать духовную личность — патриотическую, сознательную и инициативную. В этом замысле живет дыхание восточного православия, сказавшееся в ту эпоху, когда почти все европейские армии, а особенно прусская, придерживались палочной дисциплины.

Понятно, что самая идея тоталитарного строя не могла зародиться в национальной России.

Уже самое необозримое российское пространство исключало ее появление. Эта идея могла зародиться только в эпоху всепреодолевающей техники: телефона, телеграфа, свободного воздухоплавания, радиоговорения. Она и родилась только во время настоящей революции как злоупотребление этой техникой, впервые позволившее создать *такую* централизацию и *такую* всепроникающую государственность, которая ждет ныне только технически и политически организованного дальновидения и дальнотыслышания, чтобы сделать свободную жизнь на земле совершенно невозможной.

Надо представить себе, что еще 50 лет тому назад государственный курьер в России скакал из Иркутска в Петербург *полтора месяца* на лошадях и столько же на обратный конец... А из Якутска? А из Владивостока? Уже после постройки Сибирской магистрали, законченной в 1906 году, почта шла из Москвы во Владивосток

двенадцать с половиною суток. Л по радио в России говорили только перед самой революцией, во время войны, и то только для военных надобностей... Вот почему самая мысль о тоталитаризме не могла прийти в голову **никому**.

Но идея тоталитарного строя не была бы ни принята, ни осуществлена в национальной России. Она по самому существу своему **органически противна русскому народу**, и притом в силу многих существенных оснований.

Во-первых, в силу христианской веры в свободную, бессмертную и нравственно-ответственную личную душу; во-вторых, в силу русской национальной вольнолюбивое^{TM} и в силу инстинктивной приверженности русского человека частной хозяйственной инициативе; в-третьих, в силу пространственного и национального многообразия России, в силу ее религиозной, бытовой и климатической многовидности. Изменить, или запретить, или сломать все это — могло прийти в голову только безумным доктринерам от марксизма, никогда не любившим Россию. А русский человек всегда ценил личную самостоятельность и всегда предпочитал строиться без государственной опеки. Он всегда был готов оградить свою свободу уходом в леса или степи. Он всегда противопоставлял государственной строгости мечту об анархической свободе.

Есть предрассудок, будто Россия исторически строилась из государственного центра, **его** приказами, запретами и произволением. С этим предрассудком давно пора покончить. В действительности русский государственный центр **всегда отставал** от народного исторически-инстинктивного разлива, оформляя уже состоявшиеся процессы. Государство **собирало** то, что народ **самочинно** намечал, начинал, осуществлял и строил. Народ растекался (слово, употребленное и Ключевским, и ЛШмурло¹²)-государство закрепляло. Народ творил — государство организовывало. И это государственное оформление и закрепление, эту организацию народ принимал далеко не всегда охотно и совсем не всегда покорно.

Историческая Россия росла народным почином: крестьянскими заимками, предприимчивым промыслом, непоседливостью новгородской и псковской вольницы, мис-

сионерским и монастырским подвигом, свободным расселением и переселением, вольнолюбием людей беглых, скитанием людей вольных и гулящих (термин летописи), казачьими походами и поселениями, торгово-купеческими караванами по рекам и дорогам... Здесь не о чем спорить, и всякий, кто хоть сколько-нибудь знает историю русских «окраин» («украин»), подтвердит немедленно мои формулы.

Две силы строили Россию: **даровитый инициативный народ и собирающее государство**. Кто заселил пространства русско-европейского Севера? Кто первый двинулся в сибирскую тайгу? Кто заселял пустовавшую Малороссию? Кто первый начал борьбу с турками за выход к Черному морю? Борьбу за Азов? За Предкавказье?

И никто и никогда не думал о тоталитарности... И самая опричина Иоанна Грозного была лишь малою, хотя и свирепою, дружиною, тонувшей в необъятной все-российской «земщине» с ее особой жизнью, самостоятельным чиновничеством и вольной казачиной (Ермак и Сибирь). И даже тирания курляндского конюха (Бирон) с ее холопским режимом доносов и пыток никогда не питала тоталитарных замыслов. А весь сословно-крепостной строй, который не кто иной, как Ключевский, признает тяжелым, но справедливым, покоился именно на истребовании государством от **частноинициативно-трудящегося населения** известных взносов, повинностей, услуг и жертв, необходимых для национального спасения. Говорить здесь о тоталитарном строе можно только от невежества и верхоглядства. Бесспорно, крепостное право было самым длительным и тягостным проявлением этого строя, но не следует забывать, что **почти половина русского крестьянства совсем не знала** крепостного состояния, ибо в момент освобождения крестьян (1861) Россия насчитывала 10,5 миллиона крепостных крестьян, 1,5 миллиона дворцовых и удельных и 10 миллионов государственных, т. наз. «казенных» (считая «ревизские души» мужского пола).

Русская историческая государственная власть подлежит, как и всякая другая власть, критике, а не клевете. Она делала ошибки. Где и какая власть их не делала? Она не всегда справлялась со своими заданиями — **ог-**

ромными, претрудными, исторически осложненными, как ни у одного другого государства. Об этих заданиях западные государства и политики не имеют конкретного представления, ибо они не знают нашего **климата** и нашей **береговой линии**; они не представляют себе нашего **пространства**-, они не понимают бремени нашей **многонациональности**-, не разумеют наследия нашего **двухсот-пятидесятилетнего тоталитарного ига**, коим Россия спасала Европу от монголов, сама отставая от цивилизации на два века; они не знают, в какие непрестанные оборонительные войны вовлекало нас наше равнинное положение без естественных защитных границ; они не знают, что Россия вынуждена была провоевать **в порядке обороны** (по точной статистике) **две трети своей жизни** (из каждых **трех лет** истории — **два года** на оборонительную войну).

Перед лицом таких непомерных задач, чтобы не распылять государственную волю, чтобы не осложнять и не замедлять ее вечно спешное образование (ибо события всегда торопили, и оборонительная война следовала за войной), русская историческая государственная власть **должна была строить государственный центр авторитарно** (по русскому историческому выражению, «самодержавно»), **а не демократически**. Она хорошо понимала то, что только что отчетливо формулировал великий полководец наших дней Эйзенхауэр¹³: «демократия никогда не бывает готова к войне». Но понимая это и не отдавая историческую самооборону России на голосование народа, русская национальная власть никогда не помышляла о «тоталитарности» и всегда оставалась верна национальным целям.

Именно в этом, основном и существеннейшем, Советская власть есть ее прямая и полная противоположность.

Но есть еще один предрассудок, мешающий понимать Россию: будто она сама не знала **самоуправления** и строилась **исключительно авторитарной бюрократией**. Этот вредный предрассудок тотчас же рассеивается при изучении нашего прошлого.

Однажды русская история будет написана как **история русского самоуправления**, начиная от веча, избиравше-

го и удалявшего князей, и кончая земством и Государственной Думой. Кто всматривался и вдумывался в русскую историю, тот знает, что государственный центр России всегда изнемогал под бременем главных, неотложных задач и всегда стремился организовать на местах передовое и всякое другое самоуправление, чтобы *разгрузить себя для дальнейшего*. По мере того, как народное правосознание зрело, выборное самоуправление все расширяло и расширяло свой объем. И в начале двадцатого века, перед самой революцией, *самодетельность народа стала главной формой культурной жизни в России*.

Прежде всего в России господствовала *свобода вероисповедания*, формулированная в статье 67 Русских Основных Законов. Она предоставлялась и христианам, и магометанам, и евреям, и караимам*, и ламаитам, и «язычникам» с таким обоснованием: «да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя Российское Государство и его верховную власть и моля Творца вселенной о умножении, благоденствии и укреплении духовной силы Русского Народа». А народы Европы знают слишком хорошо, какое значение имеет свобода вероисповедания как основа истинной демократии.

Итак, самоуправление цвело в предреволюционной России.

Избиралась Государственная Дума и часть Государственного Совета; свободно самоорганизовывались лояльные (т. е. нереволуционные) политические партии; самоуправлялись православные приходы; церковная самодетельность была предоставлена и инаковерным исповеданиям, и притом применительно к их индивидуальным особенностям (Свод Законов Российской Империи, том 11); цвели Земства и Города (Свод, том 2), самочинно сложившиеся во всероссийские союзы; самоуправлялось дворянство, купечество, мещанство (Свод, том 9); свое особое самоуправление имели крестьянские общины, села и волости (Свод, том 9 и Особое Приложение к не-

и армянам.

му); свое самоуправление имели казачьи станицы и войска (Свод, том 9); избирались мировые судьи (том 16) и народные судьи (том 2); особое самоуправление имели как оседлые, так и кочевые малые народы («Родовые Управления» и «Степные Думы», томы 2 и 9); адвокатское «сословие» имело свои избираемые Советы присяжных поверенных (том 16); свою автономию имела Академия наук, а также высшие учебные заведения (том 11); по всей России развивалось свободное кооперативное движение со своими областными съездами и всероссийским центром; свободно развивалась и цвела исконная русская форма артели (кустарные, промысловые, биржевые, рассылные, вокзальные и т. д.); свободно возникали и жили всевозможные частные общества (научные, литературные, спортивные, фотографические, общества купеческих приказчиков и др.); свободно слагались всевозможные хозяйственные товарищества и акционерные компании; по частной инициативе и на частные средства создавались всевозможные низшие, средние и высшие учебные заведения, дополнявшие собою основную образовательную сеть — казенную, городскую, земскую и церковную... К возрождению свободной Соборности шла православная церковь. За свободу боролись и уже достигали ее рабочие союзы...

И все это была одна естественная и необходимая школа государственного самоуправления. Конечно, все это так или иначе оформлялось или даже контролировалось государственным центром. Но в каких же странах было и ныне есть иначе? Ведь это только русская интеллигенция по своей неопытности воображала, будто в западных демократиях все это слагается незаконно и бесконтрольно...

Русский народ жил перед революцией как великий свободный организм, но не понимал этого; а понял только теперь. А между тем этому организму предстояла тогда еще большая свобода дыхания и труда.

А теперь?

Коммунисты пресекли народное творчество, подавили народный почин, убили частную инициативу. Они заглушили национальный инстинкт самосохранения, навязывая ему чужую, дикую цель мировой революции, и

взывают к нему только в час великой военной опасности... У них антинациональная власть стала **всем**, а личность и народ — **ничем**.

Ничем, или политической соломой, которую можно жечь безответственно, беспрепятственно и неограниченно в революционной ночи. Этот процесс **растраты русского народа**, извода населения голодом, холодом, ссылками, непосильным каторжным трудом в концентрационных лагерях и прямыми казнями длится вот уже тридцать лет...

Вот доказательство.

По всенародной переписи 1897 года Россия в тогдашних пределах своих насчитывала свыше 128 миллионов жителей. Ее нормально-средний годичный прирост населения составлял до революции, — а по утверждению коммунистов, составляет ныне — **плюс 17 человек на каждую тысячу населения**. Согласно этому ее население исчислялось официально к 1914 году в 167 миллионов, а к 1918 году, за вычетом военных потерь первой мировой войны (невступно 2 миллиона), в 175 миллионов приблизительно. Русские статистики исчисляли, что при сохранении этого прироста русское население должно к 1941 году удвоиться по сравнению с 1897 годом и составлять около 257,5 миллиона граждан обоего пола.

Но в конце первой мировой войны от России отпали целые страны и области с населением в 29 миллионов людей; и Советская власть приняла Россию в 1918 году с населением приблизительно в 146 миллионов граждан.

Показуемый Советами нормальный прирост должен был бы дать к началу второй мировой войны плюс 50 миллионов людей; иными словами, послереволюционная Россия должна была бы иметь к 1939 году **не менее 196 миллионов населения**. Между тем статистическая машина Сталина насчитала после аннулирования им не угодившей ему переписи 1937-го (показавшей по предварительному подсчету **невступно 160 миллионов** жителей!..) и по его повторному категорическому приказу **170 миллионов** людей.

Это означает, что революция погубила в России за первые 22 года по ее собственному подсчету **не менее двадцати шести миллионов жизней...**

Тут все: и политические расстрелы, и трехлетняя гражданская война (1917 — 1920); и связанные с ней эпидемии; и тамбовское восстание Антонова (1918)¹⁴; и казни Бела Куна в Крыму (1920 — 1921)¹⁵; и голод (1920 — 1921); и гибель бесчисленных беспризорных детей, число которых сама Крупская исчисляла миллионами; и многолетний нажим на крестьянство; и коллективизация (1929 — 1933), погубившая около 600 000 зажиточных крестьянских семей; и страшный голод 1932 — 1933 года; и бесчисленные «малые» восстания по всей стране, заливавшиеся кровью; и «хозяйственная система» концентрационных лагерей (ГУЛАГ); и постройка Беломорского канала; и Соловки с отданными на замерзание священниками и верующими всех исповеданий; и «набатная» индустриализация, не подготовившая Россию к германскому вторжению, и чистка в Красной Армии, и эмиграция...

С тех пор разразилась вторая мировая война, искусно спровоцированная Сталиным через союз с Гитлером — союз, развязавший руки этому последнему.

До четырех миллионов русских пленных было погублено немцами голодом и холодом во внутренних германских лагерях. Неисчислимы депортированные немцами «восточные рабочие», которые голодали и умирали на принудительных работах. Неисчислимы убитые немцами в России русские в качестве «заложников». *Семь миллионов* павших показала, явно преуменьшая, Советская власть. Неисчислимы русские люди, расстрелянные в России отрядами советского НКВД во время реокупации за мнимую «коллаборацию» с германцами. Исчезли из Крыма ликвидированные Советами татары (около 150 000). Исчезли с Кавказа карачаи (около 16 000); исчезли с Кавказа чеченцы (около 200 000) и ингуши (около 50 000). Исчезли немцы Поволжья (около 200 000). Все эти малые народы России были частью перебиты, частью сосланы в суровую Сибирь на принудительные работы за то, что они ждали от германцев освобождения из коммунистического рабства...

И в довершение всего — вечно пополняясь, стонут *десятимиллионные* всероссийские концентрационные лагеря, куда свободный человек не имеет доступа, откуда не бывает ни писем, ни известий и где заключенные

живут в среднем не больше **восьми месяцев...** Советская власть решительно предпочитает бесплатного раба, заключенного на смерть, — свободному гражданину, проклинающему коммунизм хотя бы и шепотом.

И вот русский народ, эта живая творческая основа России, растрачивается, вымаривается, изводится Советским государством; и притом не в силу недосмотра или неумения, а в силу системы, обдуманно и преднамеренно: Советской власти нужны покорные рабы и не нужны люди с собственной мыслью, с национальным сердцем, с самостоятельной волей и с верой в Бога. Тридцать лет длится эта злодейская чистка: в России «вычищают» ее лучших людей, чтобы их и звания не осталось. В этом сущность советской политики, на этом строится Советское государство — **на погублении некоммунистически мыслящих граждан.**

Люди всех стран и всех народов должны быть уверены в том, что и им готовится та же участь в случае, если Советы победят в мировом масштабе.

7. О РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Всякое государство строится на лояльности своих граждан, т. е. на их готовности повиноваться законам и указам, платить налоги и служить в армии своей страны. Колеблется эта лояльность — и государство теряет свою живую духовную державу, свою волевою спайку; тогда ему не на чем держаться и оно распадается.

Историческая судьба России была **необычайно тяжелой** — открытая равнина, суровый климат, татарское иго, длившееся 250 лет, бесконечные вторжения соседей с северо-запада, юга и юго-востока, отрезанность от морей, отставание в цивилизации и технике... История России есть сплошной поток труда, разорения, борьбы, нового созидания, нового разорения, жертв и страдания — непрерывный процесс борьбы за национальную свободу. И все это преодолевалось. Все бремена принимались и неслись народом. Россия хранила свою национальную независимость и свою самобытную религиозную культуру, оборонялась, росла и постепенно догоняла соседей в цивилизации. А это означает, что у русского народа был

здоровый государственный инстинкт, что русская национальная лояльность имела **живые и глубокие основы**.

На чем же строилась она? Чем держалась Россия?

Она строилась на **инстинкте национального самосохранения**, принимавшем формы русского самосознания, национализма и патриотизма.

Она строилась на православной вере в Бога и в Христа, Сына Божия — эта вера учила любви, смирению, долготерпению и жертвенности, она крепила в душах **здоровое чувство ранга** и готовность повиноваться **благочестивой власти**, связанной с народом **единой верой и присягой**.

Русская народная лояльность строилась на любви к **царям** и на **доверии** к их доброй и справедливой воле.

Она строилась на личной, христиански укрепляемой и покаянием очищаемой **совести**.

Она строилась на здоровом чувстве национальной, сословной и личной **чести**.

На **семейном начале** с его инстинктивными и духовными корнями.

На **частной собственности**, передаваемой по наследству в род и род, и на связанной с нею свободной хозяйственной инициативе, на мечте честным трудом создать своим потомкам лучшую жизнь.

Что же из всего этого было признано и соблюдено революцией?

Ничего.

В течение 24 лет коммунисты насаждали **интернационализм** и старались погасить в русском народе национальное чувство и патриотизм, они спохватились лишь в 1941 году, когда было уже поздно и они увидели, что русские солдаты не желают драться за интернациональную Советчину; и они терпят русский национализм лишь в меру его воинской полезности.

В течение 26 лет они гасили **веру**, разрушали **церкви**, истребляли пастырей, губили верующих; они позвали православную Церковь на помощь лишь в 1943 году и обещали ей **терпимость в меру ее беспрекословной покорности и соучастия в разложении и завоевания вселенной**; но с тем, чтобы летом 1947 года снова объявить, что «священник есть заклятый враг Советского государства»

и что «религиозно-верующий не может быть лояльным советским гражданином»...

Они принципиально заменили *любовь* классовой, а потом и всеобщей ненавистью; *смирение* — революционным самомнением и гордыней.

Они поправили и опрокинули драгоценное *чувство ранга*, воспитанное столетиями, ругаясь над лучшими людьми и выдвигая наверх худших: невежественных, свирепых, карьеристов, продажных, болтунов, подхалимов, лишенных совести и самостоятельной силы суждения.

Они заменили *благверную власть безбожной тиранией* и сделали все, чтобы внушить народу, что новая власть не имеет ни доброй, ни справедливой воли.

Они попирают вот уже тридцать лет *чувство личного достоинства* и *чести* террором, голодом, доносами и казнями.

Они сделали все, чтобы разложить *семью*, подорвать ее корни и размножить в стране беспризорных детей, из которых она потом вербовала своих агентов.

Они отменили *частную собственность* и задушили *хозяйственную инициативу*.

И все это они делали в порядке вызывающего экспериментирования, без жалости, без ответственности, явно рассчитывая на неисчерпаемое долготерпение и великую жертвенность русского народа...

На чем же они сами построили новую «советскую» лояльность?

На *всеобщей нищете коммунизма*, на вытекающей отсюда повальной зависимости всех от одной партии, от тоталитарной власти, на *социалистической монополии государственного работодательства*. Следовательно, на *хозяйственном порабощении народа*. Это превратило русскую историческую лояльность совести, чести и сердца — в вынужденную *рабскую покорность*, в еженощный трепет голодного человека за себя и за свою семью.

Эту покорность они закрепили *всеобщим политическим шпионством* и *принудительными доносами* граждан друг на друга. Мера активного доноительства стала для них мерою преданности Советскому государству; и тот, кто не боится участия в политической агентуре,

тот обречен. От кого не поступает доносов, тот считается нелояльным и становится кандидатом в концлагерь; но это не значит, что всякий доносчик застрахован от ссылки или расстрела... Этим они подорвали всякое уважение и доверие в стране — и взаимное между гражданами, и в отношении к тиранической власти. Зачем им это нужно? Где нет взаимного доверия, там невозможен никакой политический сговор, там невозможны и заговоры, там деспот «может спать спокойно»... И так они воздвигли свой строй на всеобщем нравственном разложении и создали позорнейшую из тираний мировой истории.

Их строй живет *страхом*, страхом всех перед всеми. Партийные тираны боятся народа и его свободного мнения и потому запугивают народ. От страха они сеют страх угрозами, арестами, тюрьмой, ссылками, политической каторгой концлагерей и прямыми массовыми убийствами.

Их строй живет *лестью*-, мера пресмыкания, всехваления, прославления партийных тиранов давно уже стала мерою преданности Советскому государству. Так было при дворе Нерона и Калигулы: кто хотел жить, тот должен был льстить без совести, меры и вкуса. Так обстоит дело *во всей России*. Позорно и смешно читать, что пишут у них журналисты, «академики», музыканты и беллетристы о гениальных вождях, какую глупую лесть выговаривают их партийные и непартийные штатские и военные ораторы об этих «вождях» и «учителях», которые на самом деле жили всю жизнь *чужими мыслями* (Маркса, Энгельса и др.) и за всю жизнь не высказали ни единой самостоятельной идеи... Правда, все они беспримерны в *политической интриге* и *безоглядной жестокости*, — но и только. Хвала, вынужденная страхом, есть навязанная лесть, т. е. самовосхваление навязавшего ее тирана. Какое мнимое «величие»! Какая жалкая самореклама.

Их строй держится *ложью*: лгут все, кому еще дорога жизнь; лгут, покаясь, страхуясь, задабривая, приспособляясь, лгут ежедневно, ежечасно, симулируя сочувствие Советчине. Преданность ей и восхищение ей. Не лгать в Советии можно, только погружаясь в молчание

и избегая общения с людьми; но и это не может спасти от провокации, доноса и гибели.

Вот чем держится Советское государство: духовною слепотою невежественных фанатиков, карьеризмом выдвиженцев и террором. Такова его политическая система. Таковы его цели и средства.

Это *не* цели национальной России, это *не* ее средства. *Это два совершенно различных государства.* Это две прямо противоположные исторические и политические силы.

Но одна из них — Советская — завладела русской территорией, русскими национальными богатствами и возможностями и поработила русский народ, злоупотребляя, на погибель других народов, его талантом, его терпением, его выносливостью и трудоспособностью и растрачивая его силы во имя мировой революции. Нет сомнения: окончательное торжество Советского государства было бы окончательной гибелью национальной России.

И поистине надо быть политически слепым, чтобы через 30 лет не видеть этого или не понимать. Слепым... или же бессовестно лживым.

8. О «СОВЕТСКИХ ПАТРИОТАХ»

Что же, советские патриоты все повально страдают политической слепотой? И кого следует называть советским патриотом?

Советскими патриотами следует называть *только тех, которые сами называют себя так по собственной, доброй и свободной воле.*

Русский народ только что показал и доказал на деле свой *русский национальный патриотизм*, и мы совершенно не сомневаемся в том, что этот здоровый и глубокий патриотизм инстинкта и духа, спасший Россию от завоевания германцами, преобладает в России и теперь. Мы гордимся этим; мы преклоняемся перед этим и разделяем это чувство.

Но под гнетом советского террора этот патриотизм приходится выдавать в России за советский: этого требуют сами коммунисты; в этом духе лжет советская

пресса, об этом приходится лгать и самим национальным патриотам. Осуждать их за это нельзя.

Мы знаем это, мы считаемся с этим и имеем в виду совсем иное.

Мы имеем в виду тех, кто *сердцем своим изменил России и прилепился к Советчине*. Мы имеем в виду тех, кто *сознанием и волею предпочел Советское государство и предался ему на рабство*. Мы имеем в виду особенно тех, кто, *обладая за рубежом свободой и не находясь в тисках Советчины, отверг свое свободное эмигрантское стояние, прекратил свое зарубежное служение национальной России, к которому он был призван, и добровольно пошел служить партийным тиранам России, покоряясь их приказам, запретам и требованиям, принимая от них «социальные заказы» и «политические поручения», обязуясь содействовать их целям и не уклоняться от их гнусных средств и способов...*

Это — «советские патриоты». Они сами приняли это звание. Они сами избрали свое служение. К ним относится все то, что сказано и доказано нами выше. *Они изменили России в самый трагический час ее истории* и этим сами определили свою нравственную и политическую природу.

Они — *присоединились*. К кому?

В России есть только *палачи и жертвы*.

И вот одни по своей малой сознательности, граничащей с политической слепотой, добровольно присоединяются к *жертвам*: доверяя советской пропаганде, заманивающей людей на свою каторгу, они «регистрируются», выбирают советские паспорта, забирают свою рухлядь, садятся на пароходы и тотчас же убеждаются в том, что они обмануты, что они стали рабами и что из этого рабства можно спастись только новым бегством... Тогда эти беглецы вновь появляются среди нас и с ужасом подтверждают все то, о чем мы их предупреждали: и допросы, и анкеты, и угрозы, и доносы, и каторгу жизни, и всеобщее унижение, и «потогонную систему» подневольного труда...

Такова судьба политических слепцов.

Дело в том, что в русском зарубежье было слишком много *беженцев*. Беженец — не эмигрант: он не мыслит

политически, он не борец, он не понимает происходящего и не связан никакими «целями» и «идеями». Он — испуганный и спасающийся обыватель; ему бы только «унести ноги», «устроиться» и «обзавестись»; он следует законам массовой психологии. За годы и годы беженство стало его привычным состоянием; его тревожит всегда один и тот же вопрос: «куда податься» и «где лучше устроиться»? Бояться он привык, «бежать» он научился... И вдруг... подул другой ветер, обратный. Где же ему разобратся, что пропаганда и что действительность?

Его заманивают, он прислушивается. Ему обещают, он начинает верить. Его уговаривают, на него насаждают, сулят и грозят. Везде страшно, всюду беженство. Но «там» все же Россия, родные поля, леса, реки, снежная зима и главное — родной язык... И вот он «бежит» назад, захватывая нажитые «животишки», надеясь, что их не отберут, и не соображая, что он *сам* скоро отдаст их, чтобы не видеть жену и детей погибающими от голода...

В сущности, это — русские патриоты, заблудившиеся между Россией и Советчиной...

Но есть и другие, настоящие «советские патриоты». Эти отлично знают различие между *жертвою* и *палачом* и совсем не хотят присоединяться к *жертвам*. Именно поэтому они спешат присоединиться к *палачам*. Они идут к ним со всякою покорностью и готовностью, льстят, славословят, принимают поручения, поносят непокорных и доносят на стойких, издают бесчестные совгазетки, лгут в них заведомо и бесстыдно, формируют «союзы возвращенцев» и «советских патриотов», а иногда и помогают советским людоедохитителям. Всем этим они сдают экзамен на «лояльных совграждан», т. е. на *агентов* и *палачей*.

И когда наблюдаешь за их суетней и за их газетным непотребсловием, за их старанием «приобщиться» и «преуспеть», то невольно вспоминаешь рассказ Леонида Андреева, недавно прочтенный в его собрании сочинений. Он озаглавлен «Бездна»: два рослых оборванца гонятся за девушкой, чтобы изнасиловать ее, а хромой и плюгавый бежит сзади с воплем: «И я, братцы, и я»...

Именно таковы зарубежные «советские патриоты» — с именем и без имени.

Пусть не говорят нам, что они все же «пишут о России, и притом сочувственно». На самом деле все, что они делают, они делают лишь в меру советского приказа или позволения, т. е. они пишут о России постольку, *поскольку это выгодно ее врагам и поработителям*, и «сочувствуют» русскому делу лишь постольку, *поскольку это выгодно коммунистической пропаганде*. Поэтому самое их писание о России, — политическое, хозяйственное или беллетристическое, — что бы они там ни выписывали и как бы ни ловчились, — есть *предательство*.

Пусть не говорят нам, что среди советских патриотов есть такие, которые «все же паспортов не берут и в Советию не едут»: они только посещают полпредства, они «только вполголоса» подхваливают и даже когда завтракают или празднуют с большевиками, то стараются указывать им на их «ошибки». Все это мертвое и криводушное пустословие. Эти соблазнительщики недалеко ушли от настоящих «советских патриотов»: они сидят в своих парижских виллах и квартирах, в безопасности, ничем не рискуя, и *криводушествуют, соблазняя и зазывая*. Это добровольные рекламеры Советчины. Это не палачи, а только *заманиватели жертв*. Сами в Советии не побывавшие, давно или никогда или ничего в ней не выдавшие, они заняты *реабилитацией советских злодеяний*; а наивные люди, читая статьи этих услужливых *советских лжесвидетелей*, верят им и идут на регистрацию. При этом сами лжесвидетели отлично знают, что похвала их *фальшива* и что они лгут, и называют свое темное дело «подвигом лжи»...

И напрасно они восхищаются (или только делают вид, будто восхищаются) размерами советского промышленного строительства: «какие заводы построены, какие сооружения воздвигнуты, Россия не видала ничего подобного»...

Мы спросим только: *для чего все это сооружается? Ради какой цели?* Ответ: *для революционного завоевания мира ценою погубления России*. Этим сказано все. Нельзя восхищаться средством, не разделяя цели. Кто радуется успехам советской промышленности, тот в действительности втайне сочувствует этим мировым планам и только боится высказывать это вслух.

А мы спросим еще: *какою ценою оплачивается это строительство?* Ответ: *ценою концлагерного режима, це-*

ною бесчеловечной растраты русской силы, русской свободы, русского таланта и русской чести. Нелепо, чудовищно восхищаться успехами, добываемыми *такой ценой*, бессмысленно закрывать себе глаза на такое *разорение России во имя успехов Советского государства и мировой революции*. Так бывает, что наивные старики в деревне радуются «городским успехам» своей дочери, не соображая того, *чем она промышляет* и куда ведут ее эти «успехи».

Россия переживает болезненную, катастрофически слагающуюся и протекающую «промышленную инфляцию»... Ей соответствуют разорение и хирение русского крестьянства... Что останется от этой «инфляции» к концу революции? Когда и как опомнится и оправится русское крестьянство? Умный хозяин «считает цыплят по осени»; дальновидный политик понимает, что без здорового крестьянства русской демократии не бывать. Чему же радуются эти люди? Грядущему «цезаризму» в России? Или ее пролетаризации? Или просто размерам плохого, на показ построенных зданий?

Таковы «советские патриоты». Таков смысл их политики. И беспристрастная история никогда не забудет их советских заслуг. Она недвусмысленно установит, что Советский Союз никогда не был Россией и что это два государства различного духа, различных целей и различной судьбы.

О ЦЕРКВИ В СССР

Егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ,
яко ложь есть и отецъ лжи.

(*Иоана 8, 44*)

1

Россия нуждается сейчас больше всего в *правде* и в *свободе*.

И к свободе она придет только через правду. Пока будем лгать — будем рабами, ложью свидетельствуя о

своим рабстве и закрепляя его. Вот почему наши исповедники и мученики последних десятилетий вели нас к свободе, а лицемеры и лжецы наших дней ведут нас в рабство.

Мы не выйдем из этой окаянной смуты, пока не отделим честно и четко правду от лжи и не начнем стойко и мужественно выговаривать правду. Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как нас утопили во лжи и продолжают нас унижать ложью, страхами и насилием. А ныне им удалось заразить многих из нас этой ложью; и скорбно видеть, как честные начали верить ей и повторять ее...

С самого начала большевистской революции было ясно, что православная Церковь есть духовный организм, противостоящий этому неслыханному в истории начинанию, со своей стороны неприемлемый для него и потому обрекаемый им на истребление. Ясно было, что пока дух православной Церкви жив в русском человеке, — дух безбожного коммунизма *не овладеет* душою русского человека, *не поведет Россию, не станет русским духом...* А между тем именно это-то и было необходимо большевикам, ибо программа их для России всегда была одна и та же: *«Россия есть орудие мировой революции; русский народ должен сам заразиться ею до конца, чтобы заразить ею все остальные народы, а там пусть погибнет или растворится в мировом всесмешении...»* Большевистская революция *никогда не была русским делом*, да и не выдавала себя за таковое. Она всегда была мировой затеей, начатой интернациональным сбродом людей во имя *нерусских и враждебных России* целей.

И вот, чтобы провести эту чудовищную затею, большевики должны были внушить русским массам последовательное безбожие и противобожие, пафос интернационализма, готовность к кровавой резне в мировом масштабе и веру в тоталитарный коммунизм. Это был с самого начала замысел мировой тирании, замысел антихристианский, бессовестный и бесчестный. Это был план разжечь во всех народах зависть и ненависть, разнуздать их и поработить при помощи монополии работодателя и систематического террора. И ныне этот план отнюдь не оставлен: он жив и действует больше, чем ког-

та же маска, но, конечно, без раболепия и без садизма. Страшно смотреть. Защитные маски. Застывшая ложь. Какие-то трупы тоталитаризма. Роботы Советчины. Препараты коммунизма. А что там в душе скрыто и замолчено? Об этом скажет история впоследствии. Вот во что превращена сейчас наша простодушная и словоохотливая Русь...

3

Понятно, что от этой дилеммы, от этой маскировки не могли уйти и деятели православной Церкви. *Одни* пошли на мученичество. *Другие* скрылись в эмиграцию или подполье — в леса и овраги. *Третьи* ушли в подполье личной души: научились безмолвной, наружно невидимой, потайной молитве, *молитве* сокровенного огня...

Ныне нашлись — *четвертые*. Эти решились сказать большевикам: «да, мы с вами», и не только сказать, а *говорить и подтверждать поступками*: помогать им, служить их делу, исполнять все их требования, лгать вместе с ними, участвовать в их обманах, *работать рука об руку с их политической полицией*, поднимать их авторитет в глазах народа, публично молиться за них и за их успехи, вместе с ними *провоцировать и поднимать* национальную русскую эмиграцию и превратить таким образом православную Церковь в действительное и послушное орудие мировой революции и мирового безбожия...

Мы ввели этих людей. Они все с типичными каменно-маскированными лицами и хитрыми глазами. Они не стесняясь, открыто лгут и притом в самом важном и священном — о положении Церкви и о замученных большевиками исповедниках. Они договорились частным образом с советской властью и, не заботясь насколько о соблюдении церковных канонов, «выделили» из своей среды угодного большевикам «патриарха» и официально возглавили новую религиозно парадоксальную, неслыханную «советскую церковь»...

Вот смысл происшедшего.

Зачем они это сделали? Оставим в стороне их личные побуждения. За них они ответят перед Богом и перед

историей. Спросим об их «церковных» соображениях. Для чего они это сделали?

1. Для того, чтобы покорностью Антихристу погасить или по крайней мере смягчить гонения на верующих, на духовенство и на храмы — *купить передышку ценою содействия большевизму в России и за границей.*

2. Из опасения, как бы Антихрист не договорился с Ватиканом об окончательном искоренении православия², чтобы в борьбе с католиками иметь Антихриста за себя...

История покажет, что этой группе удастся в действительности достигнуть, что она потеряет и что приобретет и какова будет ее личная судьба. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что *будущее православия* определится не компромиссами с Антихристом, а именно тем героическим стоянием и исповедничеством, от которого эти четвертые так вызывающе, так предательски отреклись... Мы ни минуты не можем сомневаться в том, что вся эта группа будет своевременной, т. е. в подходящий момент, казнена большевиками; но уйдут они из жизни не в качестве верных православию исповедников и священико-мучеников наподобие митрополита Вениамина³, Петра Крутицкого⁴ и других, их же имена Ты, Господи, веши⁵, а в качестве не угодивших Антихристу, хотя по мере сил угождавших ему, рабов его... Ибо — установим это теперь же — в сделке с советской властью они вынуждены расплачиваться и уже расплачиваются реальными услугами и безоговорочным содействием.

4

То соглашение, которое они заключили, не может быть названо конкордатом, ибо конкордат предполагает известное, хотя бы скромное, «равенство» и хотя бы минимальную свободу договаривающихся сторон. Сталин и Сергей⁶, Сталин и Алексей⁷ никогда не были равны: Сергей и Алексей были всегда терроризированными пленниками Сталина; они не были свободны; они не «договорились» со Сталиным, а *покорились ему*. При этом Сталину важно было изобразить это дело для Европы и Америки как «конкордат» и эту покорность как «свободное соглашение равных сторон». Надо было, что-

бы мир поверил; а мир, по мудрой римской поговорке, и без того всегда «хочет быть обманутым»...

Алексий понимал это с самого начала и отлично знал, что делает: он помог обмануть мир, *чтобы поднять в его глазах и свой авторитет* (как же?., «независимый Патриарх всея Руси»...), *и авторитет советской власти* (как же?., «отныне церковь в советском государстве на свободе и в почете... и сама же отрицает в прошлом всякие гонения как не бывшие*...).

С этим заведомо ложным известием Алексей, а потом и его эмиссары поехали за границу. Они лучше, чем кто-нибудь, знали, что Церковь стала *покорным учреждением советского строя*¹, что они обязаны и смеют говорить только ту ложь, которая им предписана; они знали, что лгут и лгали о мнимой «свободе церкви». Каждый прием Алексея на Ближнем Востоке давался «втроем»: он сам и два стенографирующих каждое слово агента «внутренних дел» (для взаимного контроля). Стенографировались его *собственные слова и слова посетителя*. При этом Алексей уверял посетителя, что православная Церковь вполне свободна, и тем *провоцировал* посетителя выдавать себя с головой большевистской тайной полиции. Он, конечно, понимал, что его выступления имеют смысл политической провокации — и провоцировал. Патриарх всея Руси в роли сознательного политического провокатора у Антихриста...

Таковыми же были и выступления его политических эмиссаров в Париже, этих так называемых «митрополитов» и епископов. То же самое происходило и в Америке. Все они лгали и провоцировали; и знали, что лгут и провоцируют. И видели, что им верят или одни «свои же агенты», или сверх того еще и отменные *эмигрантские глупцы*, и без того «желающие быть обманутыми». А про *эмигрантских неглупцов* они твердо знали, что эти *притворяются*, будто верят, а на самом деле *сознательно помогают им обмануть эмигрантское и мировое общественное мнение в пользу большевизма* и притом *по международной директиве, данной из мировой кулисы*. Они понимали все это — и лгали дальше. А если под шумок «провирались правдою», то

бывали за это немедленно увозимы в Москву на аэроплане (так было в Париже).

Удивительно легко, привычно и ловко катались они по этой линии лжи. Это, впрочем, понятно: главная ложь была у них уже за плечами — у них хватило духа объявить устно и печатно, что все мученики и священномученики православной Церкви за последние тридцать лет страдали не за веру, и не за Христа, и не за Церковь, а за политические преступления *против советской власти*: у них хватило духа — еще у местоблюстителя митрополита Сергия — заявить, что никаких гонений на веру, на верующих, на Церковь, на храмы и на святыни Православия в *советской стране никогда не было*. После этой вопиющей лжи все остальное лгание пошло легко и гладко.

S

Книгу местоблюстителя Сергия, вышедшую в Москве во второй половине 1942 года, надо было видеть и изучить, что нам и удалось сделать⁸.

Это сборник статей, «заявлений» и свидетельских показаний. Участниками были сам Сергей, его ближайшие церковные помощники и длинный ряд духовных и светских лиц. Тезис у всех один: *советская власть никогда не вела гонений на Церковь, на веру и на верующих, гонения начались только в момент вторжения германских фашистов и ведутся только ими*. Каждая статья сопровождалась портретом ее названного автора или, во всяком случае, факсимиле его подписи.

Кто читал эту книгу, *зная историческую правду*, того охватывало чувство головокружения и ужаса. Это был поток заведомой, вызывающей, бесстыдной лжи; все было написано одним и тем же одинаковым стилем и проносилось тоном аффектированного, наигранного негодования, с эдакими раскатами истинно коммунистического пафоса и с этою за тридцать лет всем осточертевшею подхалимской лояльностью... Что было — того «не было». Церковь «цветет», народ свободно молится, храмы «открыты», никаких утеснений сроду не бывало, «а злодеи и гонители идут с Запада: это германские фашисты. Последнее было верно»⁹.

Когда же водна злодейского умысла, ненависти и свирепости действительно надвигалась из Германии, <хотя направлялась она не столько против православной Церкви, сколько против России и русского народа. И вот>¹⁰ по обычаю советской пропаганды, к очевидно бесспорной правде пристегивалась заведомая ложь... И произносилось все это распаленным тоном заведомого лжеца, знающего, что ему никто не верит и не поверит¹¹.

<К счастью, и на эту чудовищную книгу нашелся луч правды. Балтийский экзарх, митрополит Сергей, назначенный из Москвы в 1939 году и не вернувшийся в Москву в 1941 году, убитый позднее, в 1943 году¹², за свою мужественную правдивость между Вильно и Ригой людьми, переодетыми в форму немецких партийных «штурмовиков», — дал драгоценное разъяснение по поводу этой книги. Это разъяснение существует и в письменном виде. Вот приблизительно его содержание.

Местоблюститель Сергей Московский в передовой статье, подписанной его именем, называет Дмитрия Донского «святым» православной Церкви, которым тот никогда не был и нигде не считался¹³. Но Сергей Московский был человек великой и бесспорной образованности: ученый-гебраист¹⁴, историк церкви, он ни при каких условиях не мог впасть в такую элементарную ошибку. Отсюда явствует, что он этой статьи совсем не писал: она была написана за него, вместо него в недрах советских учреждений, потом была поставлена его подпись и приложен портрет...

Если так поступили с главою Церкви и официальным редактором сборника, то ясно, как составлялись и остальные статьи. Эта книга есть, следовательно, обычный тоталитарный фокус, показанный наивным обывателям некоммунистического мира, воображающим, что свобода слова и печати существует и в советской стране... А внутри России этот сборник или не читался совсем, или же читался как очередной препарат советской пропаганды.

В современной России, разъяснял покойный экзарх в одной доверительной беседе в Риге, все громко произнесенные или напечатанные слова весят только в

глазах самой власти и коммунистов; ни один «беспартийный» честный русский человек не меряет их правдою и не верит им нисколько. Все, сказанное вслух (устно или печатно), говорится или от власти (значит, ложь), или же для власти (значит, расчет, притворство, страховка); поэтому там для всего сказанного вслух сердце закрыто... За тридцать лет атмосфера публичной жизни настолько пропиталась неизбежной, обязательной, страхующей ложью, что к этому привыкли. Там нельзя не лгать вслух. Там ложь спасает жизнь так, как одежда здоровье. Но так было всегда во всех тираниях... Люди лгут, чтобы жить. И все знают, что вслух все лгут. И никто никому не верит. И сказанному вслух вообще не придают значения. И потому большинство предпочитает молчать, если некому доверительно шепнуть. И совершенно в таком же положении и церковные деятели...

Поэтому руководители советской церкви произносят каждое слово — вслух и оттуда — с такой резервацией: «вы здесь знаете, что мы вынуждены лгать; так не верьте нам, когда слышите нас говорящими вслух, а если вы это знаете и все-таки верите, то пеняйте уж сами на свою глупость»...

И вот в эту атмосферу вступили новые управители советской церкви; они приняли ее, погрузились в нее и стали жить и действовать из нее так, как если бы в России все исцелело...>

б

И потом эти «иерархи» явились к нам, за рубеж, и предложили нам признать их авторитет и подчиниться их *церковному* водительству так, как они сами подчинились *духовному* водительству Советов. О последнем они, впрочем, умолчали. А за рубежом сейчас же нашлись такие, которым эти люди показались носителями «истинного и свободного православия» и которые увидели в Алексии (страшно сказать) «хранителя канонов» и «великого водителя Церкви». И поспешили уверовать в него и подчиниться ему... И конечно, принять «советскую церковь»...

А советская церковь есть на самом деле *учреждение советского* противохристианского, тоталитарного государства, исполняющее *его* поручения, служащее *его* целям, не могущее ни свободно судить, ни свободно молиться, ни свободно блюсти тайну исповеди. Поистине только тот, кто все забыл и ничему не научился, может воображать, что тоталитарный коммунизм способен и склонен *читать тайну исповеди*; что священник алексиевской, советской церкви посмеет блюсти эту тайну и, приняв исповедь честного патриота (т. е. контрреволюционера или идейного антикоммуниста), не довести ее по линии ГПУ, НКВД или МВД... Поистине только тот, кто устал бороться с советскими рабовладельцами и поддался их пропаганде, может думать, что патриарх Алексей хранит и строит истинное православие. Только тот может считать Алексея хранителем канонов, кто *никогда не читал их и не вникал в их* глубокий христианский смысл. Этот смысл прежде всего в *свободе от человеческого давления на изволение Духа Святаго* и во *вдохновенном повиновении* Его внушениям. И потому то, что Алексей на самом деле может «хранить», конечно, в пределах, угодных и удобных советской политической полиции, это традиционная внешность исторического православия, а каноны он уже пограл, взбираясь на запустевший престол Патриарха всея Руси.

В ответ таким забывчивым и утомленным мы выдвигаем тезис: *православие, подчинившееся Советам и ставшее орудием мирового антихристианского соблазна, есть не православие, а соблазнительная ересь антихристианства, облекшаяся в растерзанные ризы исторического православия*. Но этот тезис мы уже не будем доказывать, ибо мы его только что доказали.

Пусть же тот, кто действительно «не видит» ложной роли нового патриарха, подумает только: сам поработанный, — ЗАЧЕМ он силится подмять под себя и поработить вместе с собой еще и зарубежное православие? Сам принявший компромисс с врагами христианства и православия, *вынужденный к этому*, — ЗАЧЕМ он навязывает этот компромисс нам, которые имеют возможность, слава Богу, не молиться за дьяво-

ла и его успехи в мире. Ведь, казалось бы, надо Бога благодарить за то, что зарубежное православие может жить и молиться, не служа Антихристу. Откуда эта непреодолимая потребность в иерархическом подчинении, в возможности назначать, предписывать, столь чуждая истинному православию? Почему это стало вдруг необходимо лишить зарубежное православие свободы его молитвенного и церковного дыхания? Православию ли нужно поработить все зарубежные приходы и епархии под низкую руку НКВД, чтобы всюду шныряли, предписывали, шпионили и составляли свои проскрипционные списки его бессовестные и свирепые агенты, эти исчадия зла и позора? Кто же в действительности нуждается в нашей зависимости — православная Церковь или советское правительство?

Тут спросить — значит ответить. Советская церковь осуществляет во всех своих выступлениях *не волю Церкви, а волю Советчины*. А слепцы и лицемеры спешат ей навстречу.

Мне как жителю Италии¹⁵ пришлось однажды видеть в соборе Орвьетто замечательную фреску художника XV — XVI веков Лука Синьорелли «Пришествие Антихриста».

Впечатление было потрясающее, незабываемое. Особенно для нас, въевшие в себя видения гонения большевиков на православную Церковь...

«Он» изображается в чертах, жутко, кошунственно напоминающих лик Христа Спасителя. Страшно смотреть на эти черты. Они сдвинуты в сторону пошлой сытости, лживости, лицемерия, аффектации и какой-то пронырливой порочности... Эти отвратительные черты не воспроизводят в детали и фотографы... «Он» появляется на огромной фреске несколько раз. Вот «он» говорит к народу, а дьявол слева, придерживая его за талию, нашептывает на ухо свои инструкции... У ног его лежат в куче только что конфискованные священные сосуды. Агенты его раздают направо и налево золото. В слушающей толпе есть всякие: уже соблазнившиеся и еще сомневающиеся, растерянные и любопытные, резонеры и продажные, интеллигенты и чернь, безразличные и неистовые. А там, справа и слева, пала-

чи душат протестующих, обезглавливают верных, избивают духовенство и непокорных... И агенты, одетые во все черное, уже завладели храмами и отбирают святыни...

Страшная картина. Пророческая картина.

О ней думаешь невольно, произнося эти противостественные, бессмысленные слова: с-о-в-е-т-с-к-а-я ц-е-р-к-о-в-ь...

О НАЦИОНАЛЬНОМ ПРИЗВАНИИ РОССИИ

О НАЦИОНАЛЬНОМ ПРИЗВАНИИ РОССИИ

(Ответ на книгу Шубарта)

О РУССКОМ ПРИЗВАНИИ

1

(Все, кто знают Россию, — жили в ней, наблюдали, читали ее литературу, воспринимали ее искусство, посещали ее церковь — знают хорошо, что *Россия непохожа на другие страны*, что народ ее отличается и от западно-европ<ейских> и от восточноазиат<ских> народов. И разногласий в этом нет,-

Особливость нашего *языка*, не похожего на языки германские, романские, тюркские и греческий, сделала то, что своеобразие России признают и те, кто Россию *не знает*. Именно язык наш провел эту черту между русским народом и западными и привел к тому, что *Запад нас не знает*, но особенности наши признает; *в чем* эти особенности — *не знает*, в нашей истории и в нашей культуре *не разбирается*, но *о нас, о России, о ее народе, о его судьбе* — судит, рассуждает; и *за нас, и без нас решает*.

Трудно западным народам не посматривать в нашу сторону и не судить о нас: русская территория нависает над остальной Европой огромным массивом суши, заселенным полуторастами миллионным народом, говорящим на непонятном языке и имеющим ни на что не похожую историю. Подумать только о размерах этого государства: Швейцария составляет одну десятую часть Кавказа с Закавказьем, европ<ейская> Франция составляет **УФ*** России; Россия по пространству вдвое больше Китая, втрое больше Соед<иненных> Штатов, вчетверо больше всех нерусских государств Европы, вместе взятых. В России почти столько же людей, сколько во всей Сев<ерной> Америке, и значительно больше, чем во всей Африке.

Европейцам естественно *опасаться* этого народа и его страны; и это опасение тем понятнее, что они не знают нашего языка и не понимают нашей души. Мы, русские,

конечно, могли бы им сказать, что мы от них не таимся, а живем с ними бок о бок вот уже тысячу лет: сами к ним наезжаем — и как путешественники, и как дипломаты; и к себе их пускаем — и посольства ихние, и купцов, и промышленников, и ученых; насильно у себя не держим, но гостям всегда рады — и кратковременному наезду, и навечному поселению; и Кремль Московский они помогали нам строить, и уже в XIV веке у самой Москвы существовала немецкая слобода (тогда все иностранцы звались немцами — по причине непонятности их языка); и войны мы с ними воевали: и их в плен брали — подержим и отпустим, и сами к ним в плен попадали — посидим у них в плену и домой побредем; и на их территориях воевали — и в Пруссии под Салтыковым¹ Фридриха Великого разбили, и с Суворовым в трудных походах через всю Европу ходили, и при Наполеоне от Москвы до Парижа шли, а с 1815 до 1818 года наши гарнизоны 3 года по всей Франции размещены были.

Есть, напр<имер>, на Рейне германский город Кобленц. В нем я видел памятник. На этом памятнике две франц<узские> надписи. Одна от 1812 года; когда Наполеон с дванадесью языками шел на Россию, то французский префект немецкого города написал на памятнике: *Memorable par la campagne contre la Russie, sous la Prefecture de Jules Doazan*². А через два года появилась вторая надпись, начертанная русским комендантом немецкого города, — надпись сдержанная, умная, тактичная и полная затаенной исторической иронии: *«Vu et approuve par nous, commandant Russe de la Ville de Coblenz. 1 janvier mille huit cents quatorze»*³.

Русский комендант не счел даже важным упомянуть свое имя: что же тут имя — Россия видела сей памятник тщеславия, но она знает, что народы в Божией руке, и потому издревле говорила, что не надо хвалиться, идя в поход. И всё.

Итак, *европейцы искони были заинтересованы в том, чтобы знать Россию*, — и опасной она им кажется, и прожить без ее продуктов трудно, и союз с ней бывает полезен, и воевать с ней трудно, а завоевать ее доселе

ни Карлу XII, ни Наполеону I, ни Людендорфу не удалось.

И тем не менее европейцы России не знали и не знают. Доказывать это нет надобности. Долгие годы жизни за границы доказали нам это сполна. Европейцы делятся на таких, которые, не зная Россию, или честно говорят: да, мы ее не знаем, или делают вид, что знают ее, и тут же начинают обнаруживать свое полное незнание. Вследствие этого между нами, русскими, и ими, незнающими, вдвигается и давно уже вдвинулось особое сословие из их же среды — это так называемые «die Russland Kenner»⁴. Эти люди, кое-что почитав и кое-что посмотрев, оказываются *осведомленными больше других*; а так как проверить их сведения некому и не у кого — и они это знают, — то возникает особое безответственное осведомительство и из него *ложное знание* о России.

Это ложное знание обычно делается орудием политики и тогда получает *особую авторитетность*, ибо идет из официозных и полуофициозных кругов и принимается большинством на веру. Замечательно, что это ложное знание, несомое с великим апломбом, обычно движется чувством *антипатии* и поселяет в душах *осуждающее и пренебрежительное отношение к России* и окончательное нежелание знать о России правду.

Вот передо мною образец такой пропаганды: в 1925 году в Мюнхене в издательстве «Alfred Langen» вышедшая книжка. Сёп Гэлэхэд. «Idioten Führer durch russische Literatur» (Die Ersten 20. Tausend)⁵.

Англичанин, чем-то особенно связанный с Венгрией, проповедует на немецком языке о ничтожестве русского народа: народ столь же телесно грязный, сколько нравственно и умственно убогий; ничтожный в своей истории, весь сотканный из презренного смирения и отвратительной ярости; народ, лишенный чувства природы и дара к искусству; лишенный такта, прирожденного благородства во внешнем и во внутреннем мире; народ, неспособный даже к смелой, чистой, удачной порочности, нигде не показавший человека с радостным очертанием, никогда не поднявшийся от страсти к красоте. Это даже не варвары — ма-

зохистические трусы, блудливо ждущие позорного наказания. Смесь восточного безмыслия и татарской хитрости. Таковы все они, побирающиеся у западной культуры: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой и больше всех Достоевский.

Вот подлинные слова автора о Достоевском; «Alle Nerven überschwemmt vom Gift der Epilepsie, schreibt Dostojewski, hinschlagend, das Evangelium von ADmenschen, mit dem Schaum vor seinem Mund auf das Brett vor sein Him. Ein Leben lang rochelt, knirset, kreischt, rast, schnaubt, trampelt, kratzt, beisst, belfert er Allmenschentum gegen dieses verhasste Ausland, in dem er verloren umherirrt, nichts sieht, nichts hört, nicht lernt, als die Roulette»⁶.

Россия — это славянское ничто, жаждущее немедленного всеразрушения и прикрывающееся учением апостола Павла об избрании благодатию; утешающееся вместе с рабами, отверженными и прокаженными мировой истории тем, что все равно де последние будут первыми.

Образы, выдвинутые русской литературой, это сплошь образцовые идиоты (Leitidioten) — от Мышкина и Раскольникова до Кутузова и Платона Каратаева.

Россия есть символ *духовного бесплодия* — изначального и конечного. Это воплощенная неспособность к творческому сверканию, к героической магии, к целеполаганию, восходящему до истинного качества. Это народ пассивно валяющихся калек, неудачливого всекретинства (der russische Allkretin), сводит деяния к благодеяниям, страдание к состраданию и всю жизнь к элементарному кормлению и согреванию (Grobfutterung und Kalteschutz).

Эти вечно бунтующие рабы без внутренних велений получили от евреев христианство для того, чтобы вонзить его, как нож, в спину европейской культуры и чужого качества и потребовать всеобщей любви и всеобщего братства — именно потому, что они сами бесплодны, бездарны и образуют подпольное большинство неудачливой калечи.

Высшие миры закрыты русской душе и недоступны ей. Она не имеет доступа ни к музыке, ни к волшебству, ни к постижению психологии: она не знает, что есть

звук, свет, пространство и мир, она аффектирована и отвратительна и в Ваньке Ключнике, и в Иване Дураке, и в Иванушке Грозном (Iwanuschka der Schreckliche) с ее буйным сектанством, с ее закопченными иконами, с ее отрицанием Бетховена — она лишена самой эссенции творческой силы; она пуста и обречена на свою русскость. Быть русским есть тягостная и постыдная обреченность. И большевизм Ленина и Троцкого есть последнее, достойное слово этой духовной пустоты и разрушительности.

Россия — это вечная ночь, раз навсегда опустившаяся на жалких людей.

Я изложил мысли этой книги ее собственными словами. Я опустил только то, что было в образном отношении грубо до неприличия. Я не хотел оскорблять ваш слух. Я изложил эту книгу потому, что опыт и наблюдение убедили меня в том, что она *не* случайна, а *типична*; что она есть плод сразу и *неосведомленности*, и *желания распространить ложное сведение* о ничтожестве России, этой страны рабов.

В этой книге перемешаны невежество, легкомыслие и зложелательное презрение. Напр<имер>, откуда известно, что Достоевский ничего не нашел в Европе и отверг ее? Ведь это Достоевский утверждал, что русский человек любит Европу так, как если бы она была продолжением его родины.

Откуда известно, что русский народ отверг Бетховена? А вот откуда: Лев Толстой во второй период своей жизни позволил себе несколько грубых выходок доктринерского характера. А автор делает из этого обобщение и строит на этих обобщениях вывод, что Россия не знает ни музыки, ни искусства вообще.

Замечательно, что он судит о России с крайней *ницшеанской* точки зрения: он отвергает христианство как *еврейскую выдумку* и Россию как страну рабов, пошедшую за этой выдумкой. И так написана вся книга.

Я не буду ее опровергать. Мне достаточно сказать, что автор ее, а вместе с ним и все его единомышленники, отвергают Россию за то же самое, за что они отвер-

гают христианство: Россия презренна им именно за свой христианский дух, столь прочувствованно выговоренный Тютчевым.

Эти бедные селенья,
Эта скучная природа -
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

2

А теперь я хотел бы охарактеризовать другую книгу, написанную немцем и вышедшую в Швейцарии 2 года тому назад. Автор ее Walter Schubart. Книга называется «Europa und Seele des Osten». И посвящение на ней такое: «Meiner Frau und Kameradin Vera Markovna Schubart zu eigen»⁷.

Я никак не могу сказать, чтобы автор ее, до последнего времени живший в Риге и выпустивший свою книгу в католическом издательстве⁸, — чтобы он знал Россию. Ошибки в русском языке и отсутствие точных цитат свидетельствуют о том, что рус<ского> языка он не знает, и никаких следов того, что он был в России, найти нельзя. Некоторые детальные сведения он, по-видимому, имеет от жены, но русского быта, русской жизни, русской обстановки, ритма, строя он непосредственно не знает.

Вся его книга соткана из разрозненных интуиций, догадок, пробелов и отвлеченных построений (бердяевщина).

Он судит о России *не* по ее истории, *не* по ее бытию, а *по впечатлениям от ее литературы*, и притом *в переводах*. Подобно первому автору он склонен принимать мнения, высказанные русскими в русских книгах, за самую суть русской души.

Скажет что-нибудь Мережковский, или Бердяев, или Яковенко⁹ — все мыслители неосновательные, фантазеры, импрессионисты, парадоксалисты, — а ему это **ка**жется источником знания, истиной о самой России¹⁰.

Русскую государственность он не понимает совсем — для него все сводится к вековому деспотизму¹¹. Русского правосознания он не понимает никак — русский народ тянет будто бы к анархии и терпеть не может законов и норм, и это для него истина, дальше которой он не видит.

Он и не подозревает, какое сокровище правосознания и правотворчества мы имели:

1. В русском своде законов вообще.
2. Особенно же в русских гражданских и уголовных законах.

3. И больше всего в изумительных по глубине и творческой справедливости кассационных решениях русского Сената.

Он не подозревает, какую великую способность к свободной самоорганизации русский народ доказал в своей истории — и в объединении V₆ части земной поверхности в единое государство; и в церковном строительстве прихода, монастыря и собора; и в земском, городском, купеческом, адвокатском и крестьянском самоуправлении; и в созидании артелей, коопераций, певческих хоров, частных учебных заведений, театров, благотворительных и ученых обществ и т. д. (желающие найдут об этом в NQ 5 «Рус<ского> кол<окола>» специальную сводку)¹².

Автор очень мало знает русскую архитектуру, скульптуру и музыку. Он совсем не обзрывает и не осмысливает ни ее климат, ни ее историю. Глава, излагающая историю России, есть сплошной вымысел и пробел. Он, по-видимому, читал учебник Платонова¹³, переведенный на нем<ецкий> язык.

Словом, его *знание России* несколько не на высоте. Все, что он говорит о ней, порождено интуитивным восприятием ее духа вообще. И тут бывают иногда тонкие и верные заключения, хотя почти все стилизовано, подогнано к нужным ему схемам и содержит почти всегда ошибки, преувеличения и пробелы.

Надо удивляться тому, что автор, *зная немного и многое толкуя неверно, все-таки сумел уловить и выговорить кое-что существенное о России*. Но еще гораздо большего, справедливого — а подчас и прямо беспощадного — он выговорил о западном европейце и, в частности, об одном из европ<ейских> народов.

Вот приблизительно ход его мысли.

В человеческой истории есть свой особый ритм, последов<ательное> развитие. Этот ритм состоит в том, что сменяются четыре человеческих типа и уклада: *гармонический человек, героический человек, аскетический человек и мессианский человек*.

а) *гармонический человек*¹⁴ — воспринимает мир как космос, благоустроенное мироздание, одушевленное внутренней гармонией, так что человек призван не вести этот мир и не оформлять его, а созерцать его, любить его и относиться к нему с полным религиозным доверием. Здесь царит рел<игиозный> покой. Так переживали мироздание греки Гомера, китайцы Конфуция, средневековые христиане¹⁵;

б) *героический человек* — воспринимает мир как хаос, беспорядок и безобразие — так что он, героич<еский> человек, призван овладеть миром, упорядочить его, оформить его *своею* силою. Здесь есть движение, развитие. Человек назначает миру его цель и ведет его к этой цели. И притом не от имени Божия, а от своей собственной власти и претензии. Таковы древние римляне, романские и германские народы¹⁶;

с) *аскетический человек* — воспринимает мир как заблуждение, как несчастье, соблазн и грех. От него надо спастись воздержанием, удалением — бегством в мистическую первооснову бытия. Мир нечего совершенствовать — у аскетического человека нет ни желания, ни надежды. Таковы индусы и новоплатонические греки¹⁷;

д) *мессианский человек* — принимает мир, но чувствует свое призвание осуществить в нем некоторый высший божественный порядок, образ которого он таинственно носит в себе. Он хочет осуществить вокруг себя ту гармонию, которую он носит в себе, во имя Божие и по

повелению Божию. Таковы, по мнению автора, первые христиане и большая часть славян¹⁸.

Итак, *гармонический и аскетический человек* — статичны; первый говорит: мир уже совершился и совершился совершенно — мне здесь нечего делать; второй говорит: мир уже не удался и это непоправимо — надо спасаться от него, мне здесь нечего делать. *Напротив, героический и мессианский человек* — динамичны, они оба хотят изменить мир; *героический чел<овек> говорит*: без меня мир погиб, спасение в том, чтобы я его покорил, организовал и властвовал — *моя* власть над миром есть высшее благо; *мессианский чел<овек> говорит*: без Бога мир погиб, спасение в том, что Божия идея преобразила и освятила мир и я должен служить этому — Божия власть над миром есть высшее благо.

Вот подлинные слова автора:

«Мирозозерцания гармонического и мессианского человека родственны друг другу. Но то, что гармоническому человеку представляется уже имеющимся вокруг него, мессианский человек считает далекою целью. Мир есть как бы возлюбленная; союз с ним подобен браку»¹⁹.

«Напротив, героический человек смотрит на мир как на свою рабыню, которую он попирает ногою, а аскетический человек — как на грешную соблазнительницу, которую он избегает.

Героический человек не поднимает свой взгляд к небу, но смотрит на землю злыми, враждебными глазами с чувством несытого властолюбия. Ему свойственно все дальше уходить от Бога и все глубже зарываться в материальный мир.

Его судьба — секуляризация, его жизненное ощущение — героизм, его конец — трагедия. Это Прометей, пытающийся обойтись без Бога, самовольно сделать *свой* мир, чтобы над ним властвовать, — и потому этот тип надо называть *прометеевским*.

Мессианского же человека одушевляет не воля к власти, но настроение примирительное, любовь. Он не разделяет, чтобы властвовать, но стремится воссоединить распавшееся. Он полон не подозрения и ненависти, но глубокого доверия к первооснове всех вещей. Он видит

в человеке не врага, но брата; а в мире не добычу, на которую он бросается, но непокорную материю, которая хочет быть спасена и освящена. Его наполняет чувство космического восхищения. Он исходит из переживания целостности, которую он чувствует в самом себе и которую он хочет восстановить в окружающем его разъединенном, расчлененном мире. Им всегда владеет тоска по родине, которую он видит во всеобъемлющем, и желание проявить эту первооснову во всем.

И вот вся история чел<овеческой> культуры есть смена этих типов, их расхождение, соединение и противоборство.

И ныне переживаемый нами исторический момент есть именно противоборство двух типов: *прометеевского*, представленного Западной Европой, и особенно германским народом, и *мессианского*, представленного Востоком и особенно Россией и русским народом»²⁰.

«Наша эпоха есть эпоха прометеевская. В ней господствуют разделяющие силы. Началось с Реформации. Потом революция, капитализм и господство техники открывают дорогу бездонным посяганиям прометеевского человека»²¹.

На смену ему придет *иоанновская эпоха*, когда человечество будет под водительством мессианского человека.

Мессианский человек с его мессианской душой не потерпит водительства северных народов, прилепившихся к земному началу. Господство будет принадлежать тем народам, которым тяготение к сверхмирному присуще как национальная черта, а таковы славяне, и в особенности русские»²².

«Великое событие, которое ныне готовится, есть восхождение славянства, кот<орое> станет культуроопределяющей силой. Пусть это не нравится многим — такова историческая судьба, которую никто не сможет удержать: следующие века принадлежат славянам. Северная культура потонет. На ее место придет восточная культура. Иоанновская эпоха — эпоха евангельской любви — будет эпохой славянства»²³.

Вот основная мысль книги — эту мысль вся книга развивает, уточняет и показывает. Можно представить

себе, что мы, русские, читаем эту книгу не без волнения: во-первых, мы узнаем во многих чертах мессианского человека действительно наши русские национальные черты; во-вторых, мы впервые видим, чтобы западный европеец открыл свои глаза и верно увидел нас, не для того, чтобы презрительно или ненавистно отзываться о нашем народе, а для того, чтобы сказать о нас если и без полного понимания, то все же с любовью к нам и с верою в нас; в-третьих, будущее, которое он нам сулит — и позвольте сказать прямо: в которое мало кто из нас не верит, хотя бы смутно, хотя бы предчувствием или мечтой, — это будущее в высочайшей степени радостно, светло и ответственно.

И *когда* это сказано, когда увидено? Во время третьего десятилетия нашего национально-государственного крушения. Когда, казалось бы, о нац<иональной> России перестали и говорить, и думать. Когда мы, верные сыны ее, извергнуты отовсюду и бесправные, голодные, а иногда и поруганные, как в современной Франции, сидим у порога — да, да, у порога, ибо к очагу нас, странников, не пускают, — еле терпимые — у негостеприимных очагов других европейских народов.

Мы-то по-прежнему верим в Россию и в будущее нашего народа. Но что увидел его, уверовал в него и провозгласил его человек иной земли и иной крови — это событие волнующее и требующее от нас прямого отклика.

Но попробуем еще проследить мысль автора. Не приписывайте *мне* излагаемые здесь мысли. Мое мнение остается независимым от воззрений Шубарта; я вижу и ценю Россию иначе уже в силу одного того, что я русский. А о западных народах я совсем не считаю удобным публично высказываться. Оставим ту характеристику, которую он дает западноевропейским народам. И оставим в стороне всякую политику. В силу такта и деликатности не будем повторять вслух ни верных укоров, ни обличений. Это дело автора и читателей. Ведь книга вышла в Швейцарии и может быть свободно приобретена теми, кто ею заинтересуется.

Сосредоточимся на том, что он говорит о русской душе. А потом уже выскажемся по существу.

Противоположность между прометеевским и мессианским человеком оказалась исторической противоположностью между духом Рима и духом Греции: Россия восприняла гармоническое дыхание Греции, и русский человек соединил в себе начала гармонические и мессианские.

Таково и русское христианство, православное христианство: славянофил Киреевский прав — здесь царит дух смирения, покоя, достоинства и внутренней гармонии, сосредоточенно и углубленно сияющий миру из православного старчества²⁴.

Когда рус<ский> чел<овек> молится, то он не суетится и не театральничает, он не выходит из себя, но хранит покой, трезвение и гармоническое состояние духа. Чувство меры, которое было присуще древнему греку. Тот же дух истовости и в русской иконе. Та же покойная истовость была присуща и древнему рус<скому> нац<иональному> быту. Богочеловечество есть для русской души знак близости человека к Богу, и потому рус<ский> чел<овек> в состоянии религиозности не разбегается в чел<овеческой> суетне, а уходит к Богу.

Этот дух — определивший собой и русское искусство, и Пушкина, который гораздо гармоничнее, чем Гете, — неизвестен и непонятен Западу²⁵.

Византийщина и татарщина только портили (по мнению Шубарта) русскую гармонию; но даже и эти влияния имели свое положительное значение — они внушили русской душе убеждение, что право и государство не суть высшие ценности жизни: вера и любовь выше государства.

Это убеждение подтвердилось и вторжением Запада в русские пределы, начавшимся при Александре Невском и не законченным и поныне. Русские искали у зап<адных> соседей помощи от татар, а Запад ответил им презрением и вторжением. Русская душа пережила это так, что антихрист теснит ее отовсюду²⁶.

Русская душа с ее вечно живым чувством всеединства, с видом степи, всегда зовущей в бесконечность, никогда не найдет сочувствия и единомыслия с насильст-

венностью прометеевского человека²⁷. Она предпочтет из своей гармонии и из своего мессианства уйти в монашеский аскетизм, но за безбожным гнетом Запада не пойдет никогда²⁸.

Русский как славянин не верит ни в богопокинутость мира, ни в спасительную силу принуждения, ни в безбожную верховность чел<овеческого> существа.

Он любит мир не ради мира, но ради того, чтобы осуществить в нем божественное. В этом миссия человека, данная ему Христом-Мессией. Гармония заложена и в душе русского человека, и в мироздании; эта гармония должна быть проявлена, осуществлена и развернута. Русский человек не удовлетворяется просто знанием; он стремится его творчески воплотить в жизни. Чтобы познать Бога, надо жить по-Божьи. А жить по-Божьи значит осуществлять божественное в мире. Вот как думает и чувствует русский²⁹.

Чему русский учит, то он стремится и осуществлять. Он внемлет голосу совести, идет на жертвы, в темницу и на смерть. Действительность и истина для него одно³⁰. Он выражает это словом «правда», которое выражает по-русски и реальность, и истину, и добро. Он не может иначе: он стремится безоглядно внести в земную жизнь элементы высшего, Божьего царства. Земная жизнь приносится в жертву идее — как раз наоборот Западу. Этот дух наблюдается и в русской политике. История и религия сращены в русской душе. Дух и действие, идея и политика стремятся здесь ко взаимному проникновению³¹.

Вот почему прометеевская культура Запада испытывается русским человеком как нависшая черная туча, как судьбоносная угроза³².

Шубарт даже думает, что русский нигилизм есть не что иное, как самсоновская воля к разрушению, выросшая из протеста против западной культуры³³: если нельзя гармонически мессианствовать, то надо погубить и разрушить всю культуру³⁴, как бы от стремления к концу мира, к последним дням, ко Страшному суду³⁵ (это, впрочем, его собственный домysel и конструкция).

В этой связи Шубарт противопоставляет Запад с его «культурой середины» — России с ее «культурой конца». Там, где Запад предпочитает «золотую середину» среднего сословия и копит золото и богатства, становясь их рабом и утрачивая духовную свободу, — русская душа хранит свою духовную свободу, не покоряется вещам и противопоставляет свою независимость Западу³⁶.

Для современно^{го} европейца религия есть средство, инструмент порядка; для русского религия есть высшая цель, начало преображения мира. Поэтому русские способны жечь землю во имя неба. Этим они победили Наполеона. Победят и Запад.

Граф Сенор рассказывает, в каком ужасе и смятении находился Наполеон, наблюдая со стен Кремля московский пожар. «Что за люди! — восклицал он. — Ведь это они сами сделали! Какое неслыханное решение, ведь это скифы». От этого потрясения Наполеон никогда уже больше не мог освободиться и говорил на Св. Елене: «Россия есть та сила, которая идет быстрыми шагами и с величайшей уверенностью к мировому господству»³⁷.

Россия победила Наполеона именно этой совершеннейшей внутренней свободой. Радость самосжигания есть национ^альная черта русского народа. Это можно найти только еще в Индии. Русский человек радуется разрушению, осколкам, обломкам. Нигде люди не отказываются так легко от земных благ, нигде люди не прощают так легко грабеж и конфискацию, нигде не забываются так окончательно потери и убытки, как у русских.

Русский человек отвечает на гибель всего чисто земного величавым жестом свободы.

В этой русской способности прощать обиды и неправды заложено предназначение к свободе: прощенный освобождается от вины, прощающий от ненависти — *прощающая любовь ведет обоих к свободе*³⁸.

(Если бы Шубарт знал Пушкина, он непременно вспомнил бы чудесное стихотворение «Пир Петра Великого»:

Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Эту свободу русской души от земных благ Шубарт стилизует и наивно преувеличивает. Его пленяет способность русского человека в час Божией грозы и испытания не грошовничать; и он противопоставляет ее имущественной жадности Запада. «Ein Merkmal der adligen Seele ist es nicht, auf den Pfennig versessen zu sein»³⁹.

Напротив, русский знает *наслаждение*, которое дается нам в момент отвержения земных благ и освобождения от них, наслаждение от пренебрежения к власти и от обессиления денег⁴⁰.

Среди европейцев бедный смотрит на богатого всегда с завистью, среди русских богатый часто смотрит на бедного с чувством настоящего стыда.

Свобода неотрывна от смирения. Рус<ский> человек свободен, потому что он смиренен, а смиренен человек тогда, когда он чувствует себя связанным с Богом.

Русская душа видит Бога и предвидит конец мира. Поэтому в ней живет никогда не смолкающее чувство вины. Отсюда у нее радостная готовность пострадать, ибо страдание уменьшает гнет вины. И вот рус<ский> чел<овек> становится мастером радостного страдания, а идея жертвы и жертвенности оказывается центральной идеей русской этики.

Поэтому рус<ский> чел<овек> не боится смерти. Он уверен, что без смерти невозможно и воскресение. А воскресение есть конец земного мира — и это величайший праздник русской церкви и русского народа, помысл о котором вложен им и в последний праздничный день недели, посвященный не солнцу (Sontag), а Воскресению Христа, преображению человека и мира.

В этом отличие русского от западноевропейца, который блюдет в себе душевное состояние середины, земного благополучия; и потому он холоден, деловит, устойчив и расчетлив, тогда как рус<ский> чел<овек> эмоционален, он живет чувствами и часто неуравновешен⁴¹.

Все это Шубарт пытается свести к противоположности между «Ungst» — первонач<альный> страх, или первострах, и «Urvertrauen» — первонач<альное> доверие, или перводоверие.

Прометеевский человек Запада живет в состоянии первичного, вечного страха. Он есть точка в мире, застывшая в своем одиночестве. Достоверно для него только его собственное Я; а вокруг себя он слышит только глухой космический шум. Поэтому он метафизический пессимист: он не верит первооснове вещей в том, что она от Бога и что сверхземные силы верно правят ею. Для него мир — хаос; его вечно гонит страх, что мир сорвется со всех крюков и петель, как только он, промет<еевский> чел<овек>, перестанет властно приводить его в порядок. Поэтому он — напряженный человек, озабоченный, тревожный, несчастный. Он все время озабоченно планирует, борется с судьбою, видит в ней врага, боится поражения и импровизации, жаждет власти и безбожно черствеет, предаваясь властолюбию и корыстолюбию, ведя завоевательные войны и трясясь от страха и жадности — от войны, до войны и во время войны⁴².

Вот почему у прометеевского северного человека пренебрежение к чувству и холодное сердце. Его цель везде и во всем — господство, власть рассудка и воли: И все это от безбожия и метаф<изического> страха, т. е. от духовной слабости. Внешняя жестокость от внутреннего бессилия⁴³.

Русский человек имеет противоположный уклад души: он всегда чувствует близость Бога, и это дает его бессознательной глубине чистый покой вечности, которую он, м<ожет> б<ыть>, и сам не замечает. Он доверяет во всем божеств<енной> силе, которая владеет временным миром изнутри⁴⁴. Сцепления мировых обстоятельств внушают ему покой, *первичное доверие*. Он — метафизический оптимист и поэтому он склонен оценивать

чел<овеческую> культуру скорее пессимистически. Он счастлив даже и в несчастьи. Он принимает свою судьбу, потому что она от Бога⁴⁵.

(Курьезно слышать, что Шубарт, по-видимому, считает русских кочевниками.)

Русский человек никуда не ломится, не торопится, не мучает себя затеями и планами мирообладания. Он мечтателен, задумчив и склонен размышлять о вечном. Он беззаботно предается мгновению и способен к нек<отой> божественной беззаботности, веселию, буйной резвости. Он внутренне веселый человек. Он любит жить в импровизации. Он любит хаос в природе. Он любит тратить и растрчивать свои силы; он не верит в то, что они иссякнут; он живет из чувства неистощимой полноты. Он любит предаваться событиям, лени, анархии. Он не любит глубоко вмешиваться в природу и в события. Его культура любит жизнь и не любит правил⁴⁶.

Русский человек не любит государства именно от своей религиозности: миром правит Бог, чего еще человеку командовать? Чем больше религиозности (вообще говоря), тем меньше у народов государственности, и обратно. Где государство — *все*, там религия должна быть изгнана⁴⁷ (*мысль Шубарта*).

Поэтому русские (будто бы) и не способны к организации; поэтому они (будто бы) вообще презирают начало власти⁴⁸, (будто бы) превращают власть в пугало⁴⁹.

Русский народ имеет миссию в мире: сбросить и возродить внутреннюю свободу, христианскую свободу чел<овеческой> личности⁵⁰. Когда же он видит западного человека, то он кажется ему бездушным, машинным, не человеческим — какой-то часовой механизм вместо живой души⁵¹.

Русский человек предается миру, истории и судьбе. Верит, что за ними Бог. Дружит с ними; общается с людьми естественно, свободно, разнообразно, так, как акцент в его языке.

Русский человек — антирационалист. И жизнь его первобытнее, нестесненное, окрыленное, вдохновенное. Опасность его не в переорганизованности, а в бескрайности, прожигании, кипении страстей.

Шубарт, не зная русской нац<иональной> стратегии, уверяет даже, что русские способны только к хаотической атаке и к неистощимой обороне; примеры, приводимые им, скудны и показывают только, что он не изучал вопроса.

Европеец мыслит целесознательно, систематически, волею⁵².

Русский мыслит произвольно, символически, художественно⁵³; он мыслит отдающейся душой⁵⁴; чувство идет впереди мысли; поэтому русский человек — поэт, и философия, его — в его искусстве. А искусство он воспринимает как Бойкие вдохновение⁵⁵.

Русский человек добр не из чувства долга, а потому, что это ему присуще, что он иначе не может. Это нравственность не рассудка, а сердца⁵⁶.

Воображение у рус<ского> человека богато, дерзновенно и глубоко. Европеец — техник. Русский — романтик. Отсюда у него два особых дара: способность к чужим языкам и дар к сцене и театру. Русские актеры не играют, а живут на сцене. Перед русским театром всякий европейский — искусствен, натянут и дилетантичен.

Европейца тянет к специализации. Русского — к целостному созерцанию⁵⁷. Европеец — расчленяющий аналитик. Русский — всепримиряющий синтетик. Он стремится не побольше знать, а постигнуть связь вещей, уловить сущность. Русский способен, как никто, слить поэзию, науку и религию; и в этом — будущее за ним, а он сам — человек будущего⁵⁸.

У европейца главное — его создание, творение; а сам он как человек рядом со своим созданием неинтересен.

Русский человек всегда больше своего произведения; он не выдумывает систему и считает это притязательным; и притом из смирения: истина — великое всебогатство, где там разрывать его на выдуманные системы⁵⁹.

Изучая что-нибудь, русский *любит* изучаемое, он смотрит на мир любовным глазом художника⁶⁰; свое дело он не ценит высоко⁶¹, — где же ему до Бога; и куда и зачем ему торопиться?

Европеец преувеличивает человека, ибо он потерял Бога.

Русский преуменьшает человека — он ставит его пред Лицо Божие⁶².

Надо думать о целом, о мире; а мир сотворен Богом — его надо созерцать и, дивуясь, молиться, вращать в его строй и благодарить, а не мудрить над ним суетливым деланием — так думает русский; а европейцу это кажется ленью, пассивностью и слабостью⁶³.

Европеец торопится — он всегда опоздал, и даже на колокольню он поставил часы — его не несет поток вечности, он вырабатывает быстрый темп и теряет в нем душу и смысл жизни. Эта спешка есть проклятие безбожия⁶⁴.

А русскому кажется, что он имеет перед собою бесконечные времена и торопиться решительно некуда, вот и революция — что такое 20 лет в истории великого народа?

Отсюда широкий покой, уют и приветливость русской жизни⁶⁵.

Рус<ский> чел<овек> настолько укоренен в вечности, что способен наслаждаться настоящим мгновением. Для европейца характерно страхование жизни в страховых обществах; для русского — пренебрежение к скопидомству. Верным инстинктом русский чувствует, что капиталист — раб своего капитала и что жадность есть страх и безбожие⁶⁶. Отсюда же у русского не историческое, а религиозно-метафизическое созерцание истории. В истории он стремится не ухватить все и все запомнить, а постигнуть рел<игиозный> смысл событий⁶⁷.

Рус<ский> чел<овек> творит свою историю религиозным ожиданием, сверхчеловеческою способностью страдать и терпеть. Поэтому русская культура есть *метафизическая* культура, а западная — *техническая* культура; и будущее принадлежит России.

Запад движим неверием, страхом и *себялюбием*; рус<ская> душа движима верою, покоем и *братством*. Именно поэтому будущее принадлежит России⁶⁸.

У европейца — человек человеку волк, всяк за себя, всяк сам себе бог; поэтому все против всех и все против

Бога⁶⁹ и героичность его есть очень часто эксцесс себялюбия и гордости⁷⁰ — личной или национальной. Это корыстный и хищный героизм. Европейец доволен, когда ему завидуют, и терпеть не может, чтобы его жалели, — это унижение. Поэтому он скрытен, притворяется, чопорен, чванлив и театрально надут — и когда русский это видит, то у него щемит на сердце⁷¹.

Русский подходит к своему ближнему непосредственно и тепло. Он сорадуется и сострадает. Он всегда склонен к расположению и доверию. Быстро сближается. Он естествен, и в этом его шарм. Он прост, интимен, склонен к откровенности, стремится быть полезным⁷².

Он отлично умеет блюсти свое и чужое достоинство и в то же время не ломается, сердечен и быстро приспосабливается к другим⁷³.

Западный человек предается инстинкту борьбы, хищения и конкуренции. Отсюда жестокость, безотрадность, черствость Запада. Здесь борются за свои права и за свое имущество; и корректный долг есть последнее слово жизни.

Русский человек движим *братством людей* и жестоко страдает за границей от грубого эгоизма людей. Достоевский пишет в одном письме: «Мы за границей вот уже почти два года. По моему мнению, это хуже, чем ссылка в Сибирь»⁷⁴.

Русский человек м<ожет> б<ыть> и плохой делец, но братский человек. Он мастер давать и помогать — и дает с тактом и нежностью⁷⁵. Он гостеприимнее всех народов Земли. Он чувствует глубоко, умиляется и плачет. Русские люди и называют друг друга не по титулам и званиям, а просто по имени и отчеству⁷⁶.

Просты и скромны русские ученые. Сердечны и отзывчивы русские писатели.

У русского человека — человек человеку не волк, а Бог (от себя: преувеличение и ошибка — преп. Серафим говорил: «человек человеку радость»).

Русский чел<овек> не одержим западным честолюбием и властолюбием: в глубине души он хочет угождать Богу, устоять пред Его лицом, а не пред человеками⁷⁷.

Эта русская братскость есть выражение веры и Царства Божия⁷⁸. Рус<ский> чел<овек> уверен, что любящий Бога будет любить и людей; и обратно⁷⁹. А любить — значит уважать. И если бы не было у русских достоинства, свободы и добровольчества, то не пережили бы они победоносно татарского ига⁸⁰.

Эту братскую любовь рус<ский> чел<овек> распространяет и на преступников, ибо все люди братья по греху и страданию⁸¹.

Поэтому можно сказать, что европеец — человек *дела*, а русский — человек души и сердца. И Европа есть страна деловитости, а Россия есть родина души⁸².

Душевный человек вчувствуется в ближнего и воспринимает его интуитивно и чутко; ему не важно происхождение, образование, партийность, профессия, титул и орден⁸³.

И замечательно, когда европеец впервые приезжает в Россию, он бывает приятно изумлен и обрадован; а когда русский впервые приезжает в Европу, то он чувствует себя отрезвленным и разочарованным.

Кто узнает русского лично — тот полюбит его. Пока европейца знаешь по его заслугам — до тех пор он тебе импонирует⁸⁴.

Согласно этому.

Основная социальная идея русского народа такова: общество как церковь, как духовная общность, как свободное многообразие в любовном единстве, как мистическое > Тело Христа⁸⁵.

И замечательно, русский знает, что последняя мистерия не есть слово, но *молчаливый* братский поцелуй любви⁸⁶.

И еще замечательно, что русское безбожие — иное, чем на Западе: оно не холодное сомнение, не безразличие, а огненный вызов Богу, трепещущее кощунство, восстание, жалоба на Бога, м<ожет> б<ыть>, тоска по утерянном Боге⁸⁷. Самое безбожие носит у русских характер религиозного неистовства⁸⁸.

И самое понимание Евангелия в России иное, чем на Западе: западное христианство болеет властолюбием — оно насильственно обращает в христианство, это воинственное, милитаризованное учение о Боге, дающем

победу; это искажение Евангелия Ветхим Заветом и естественные переход от Ветхого Завета к безбожию⁸⁹.

Новый человек Европы не заметил, как он прошел через иудаизацию христианства и утратил и Бога, и Христа.

В России иное понимание Евангелия.

У русского народа целый ряд христ<ианских> добродетелей является устойчивыми нац<иональными> добродетелями — христианство как бы врождено славянской душе⁹⁰.

Русские были христианами до своего обращения в христианство⁹¹. Поэтому христианство и распространилось в России не мечом, как у Карла Великого, а *само*, легко и быстро — избранием сердца⁹².

Русское сердце было открыто не Ветхому, а именно Новому Завету. Так оно и осталось; в русской душе есть данные, делающие рус<ского> человека самым верным сыном Христа⁹³.

Вот откуда русская национальная идея: *спасение человечества придет из России*⁹⁴.

Это самая глубокая и самая широкая нац<иональная> идея из всех, имеющихя у других народов⁹⁵.

Россия показала своим бытием, что мировая история движется не интересами, а идеями, и что русская история есть история религиозных идей⁹⁶.

Здесь каждое явление культуры и политики получает религиозную окраску. Так же и с нац<иональной> идеей.

Россия призвана освободить Европу от ее цивилизации, т. е. спасти Запад; или же освободить мир от Европы, т. е. заменить Европу⁹⁷.

Грядущая, не большевистская Россия есть то освежительное вино, которое может обновить исчерпавшуюся жизнь современного человечества⁹⁸.

Соврем<енная> Европа есть форма без жизни, пустой дом без души. Россия есть жизнь без формы, ибо жизнь разломала мешавшие ей формы и еще не создала новых.

В основных вопросах бытия европеец должен взять русского за образец. И если он хочет вернуться к вечным целям человека, то он должен обратиться к восточно-русской мирооценке".

Англичанин хочет превратить мир в фабрику, француз — в салон, немец — в казарму, русский — в церковь¹⁰⁰.

Англичанин хочет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы.

Англичанин хочет наживаться от ближнего, француз — импонировать ближнему, немец — командовать ближним, а русский ничего от него не хочет. Он не желает превращать ближнего в свое средство.

Это братство русского сердца и русской идеи. И это есть Евангелие будущего.

Русский всечеловек есть носитель нового солидаризма.

Прометеевский человек уже обречен смерти. Наступает эпоха иоанновского человека — человека любви и свободы.

Таково будущее русского народа.

ВТОРОЙ ЧАС¹⁰¹

1

Я попытался изложить вам взгляд Шубарта на Россию, русскую душу и русское призвание. При этом я старался не критиковать его на ходу и не перебивать его мысль возражениями. Теперь отмечу самое существенное: он совсем не знает, не понимает и не чувствует *православия*, его воззрения, его учения, его влияния на русскую душу.

Он придерживается официальной западной версии, что православие исказилось и погибло от реформы Петра Великого, утратило свое значение и окончательно рухнуло при большевиках.

Спасения он ждет от соединения православной церкви с католической, а именно: католичество должно вернуться к заветам Франциска Ассизского и переродиться; а православная церковь должна признать папу и подчиниться католицизму.

Из одного этого видно, как неглубоко Шубарт знает русскую историю, как мало вчувствовался он в русский религиозный акт, и как он понимает католицизм.

«Он думает, что католицизм легко может перестроить свой религиозный акт, порвать с 2000-летними традици-

ями иудаизма и древнеримского уклада и каким-то чудом заменить *религию воли и страха, религию власти, покорности и театральности — религией сердца и любви, религией свободы и искренней простоты.*

Ибо если католицизм не переродится — то какой же смысл единения?¹⁰²

Ибо, в самом деле, если Шубарт знает что-либо не с чужих слов, а по собственному и полному опыту — то это Запад, западную душу и западную культуру. И нельзя не признать, что главы его книги «Deutsche», «Die Verhasstheit der Deutschen als Kulturfrage des Abendlandes», «Angelsachsen», «Franzosen»¹⁰³ поистине замечательны.

Я не излагаю их здесь из чувства того лояльного нейтралитета, которого ждет от нас Швейцария; из дипломатических соображений. Но книгу эту каждый из нас может купить и самостоятельно прочесть.

Все, что Шубарт говорит о героическом и прометеевском человеке — об его страхе, безбожии, властолюбии, черствости, жадности и т. д. — это все относится к западной душе, западной церкви и западной религии.

Но мы не маленькие дети и знаем, что западная душа и западная вера — это прежде всего и больше всего римско-католическая душа и римско-католическая вера: это она воспитывала душу и определяла веру западного человека и его культуры 1600 лет и еще 350 лет; протестантизму всего 300 лет, католицизму скоро 2000 лет; и самый протестантизм при всем своем протесте и пересмотре веры остался своеобразным отцеженным и оскудевшим католицизмом — костью от костей и кровью от крови Рима; и душу западного человека он видоизменил, но не перестроил, ибо она сохранила тот уклад, который Шубарту нравится называть прометеевским.

Замечательный франц<узский> ученый Fustel de Coulanges¹⁰⁴ в своей бессмертной книге «La cite antique» показал с исчерпывающей убедительностью, что вся культура человека есть порождение его *веры*, или его *религиозно-верующего душевного уклада*.

И потому мы можем сказать, что западная душа и западная культура суть порождение римского католицизма: прометеевская религия породила и воспитала проме-

теевскую душу. А потому, согласно самому Шубарту, римский католицизм есть религия *страха, власти, покорности, театральности, безбожия, черствости и жадности*.

Повторяю: это утверждение самого Шубарта.

Как же он может думать, что католицизм может ни с того ни с сего перестроить свой 2000-летний акт, поврать со своими 2000-летними традициями иудаизма и древнеримского уклада и заменить религию воли, страха, власти, покорности, театральности и прикровенного безбожия религией сердца и любви, религией свободы и искренней простоты? Но если католицизм *не* переродится глубоко, радикально, от корня до главы, то какой смысл единения? А если он *так* переродится, то он прежде всего отречется от властных притязаний римского епископа. И если это единение будет состоять в приятии русскою душою католического уклада и акта, то что же останется от русской гармоничности и русского мессианства, от иоанновского духа России? Западный радикализм; западное властолюбие; западное волевое напряжение и т. д. — ведь католичество не только соучаствует в этом, но оно и породило этот дух. Две тысячи лет этому духу. Какие же века и тысячелетия должны пройти, чтобы прошлое стало небывшим и чтобы католичество усвоило дух и акт православия?

Ибо если католичество этого *не* сделает, то русский народ, принимая католичество, должен будет отречься и от православия, и от себя. Или Шубарт думает, что *католическая* Россия сможет понести миру свой *православный* дух? Или что русский дух не есть дух православия?

Много тонкого и верного сказал он о *русской душе*, но *русского духа* не постиг. Для этого надо было бы не только почитать русских писателей и кое-что о России, но *усвоить русский национальный духовный акт в его основных истоках и свойствах*.

Для этого недостаточно одной философической интуиции, одного писательского таланта и влияния русской публицистики. Всем этим Шубарт несомненно обладает. И мы не можем не приветствовать его книгу.

С тех пор, как стоит Россия, о русском народе сказаны такие слова *впервые*. И это очень хорошо. Понятно, *почему* наконец сказаны эти слова:

1. Русское религиозное и идейное *мученичество* последних лет вопиет к небу и светит всей христианской истории, ибо такого еще не бывало на земле, что творилось и творится в России с верующими. *Камни вопиют* — и вот они заговорили голосом живого сочувствия.

2. Уже выяснилось, что религиозная *победа* в Сов<етской> России осталась не за безбожниками, а за верующими. Ибо по признанию сов. властей, они зарегистрировали в переписи V_3 верующих горожан и $2/3$ верующих поселян. Это после 23 лет нищеты, зависимости, пайков, ссылок, расстрелов и пропаганды. Когда притворство и отречение стали нередко единственным способом спасти себя и семью от преследований и от голодной смерти.

Итак. Это *официальная* перепись, где люди имели все побуждения скрывать свою веру и притворяться неверующими. И вот 90 миллионов исповедников написали на бумаге свой ответ: веруем. После этого по всей вселенной, где есть верующие люди, *леса зашумели* о поражении безбожия. Вот этот шум и родил книгу.

3. И наконец, в-третьих. Мы, русские изгнанники, сумели за 20 лет показать другим народам *кое-что* из нашей веры, нашего искусства, нашей науки и нашего характера. И от этого пошел по народам некий *шелест травы* о том, что русское сердце есть живое и благородное сердце, что русское искусство видит глубже и зрелее западного, что русский народ заслуживает не презрения, а уважения, внимания и сочувствия.

Вот как возникла эта книга: это первый, но знаю, что не последний показатель того, что Запад начал прозревать и чего-то ждать от России.

А теперь разрешите мне оставить Запад в покое и обратиться к нашему частному, русскому делу.

2

Что Россия своеобразна и непохожа на другие страны, есть неоспоримый, исторический факт. Пусть одни

говорят о плохом своеобразии, а другие о хорошем своеобразии; но самого своеобразия не будет отрицать никто. Откуда оно, это своеобразие? Отвечаю:

I. Во-первых, *свыше*, от Провидения, ибо Бог дает Дары своего Святого Духа всем народам, но мерою различною и особливою.

Почему, кому и сколько — не разумею. Но исповедуем, что нет народа обделенного и отвергнутого, хотя есть народы, не соблюдавшие, растратившие и зарывшие талант свой в землю. Нам же, русским, дано достаточно, чтобы вечно благодарить и бережно приумножать. Чужим дарам не завидуем. Своими не гордимся. Но своих и не скрываем. Пусть же цветут русские цветы в Божием саду во славу Его!

II. Во-вторых, наше своеобразие — от *славянской крови* и *славянской души*, не похожей ни на монгольство, ни на романство, ни на германство. Нет на свете чистых кровей и чистых рас; все давно смешалось и переплелось. Смешалась и наша славянская кровь с азиатскими и европейскими народами. Но, смешавшись, не растворилась, а дифференцировалась и дала своеобразный уклад — темперамента, естественности, сердечности, широты, простоты и приспособимости. И эти черты мы передаем и другим народам и другим исповеданиям, живущим с нами.

III. Наше своеобразие — от нашей природы: от пространства, от климата, от равнины, от отсутствия близкого моря, от рек, от погоды, от почвы и от растительности; и от далекого рассеяния по пространствам. Мы сами не знаем, когда и как мы вжились в нашу природу и вжили ее в себя. Но получили мы от нее много: и страстность, и созерцательность, и неуравновешенность, и свободолюбие, и склонность к лени, и братскую спайку.

IV. В-четвертых, наше своеобразие было довершено нашей историей. И расселенностью по равнине; и борьбою с кочевниками; и удельно-вечевым периодом; и торговлей с греками и варягами; и киевским расцветом; и нашествием татар, борьбою с ними насмерть, их 250-летним игом и идеею града Китежа. И далее — и вторжением западных соседей, и собиранием Руси Москвою;

борьбою с Польшею и Литвою; бесконечными войнами оборонительного характера; Грозным и опричниной; Смутою и замирением юга; присоединением Малороссии; творческою бурею Петра Великого; крепостным строением, бунтами простонародья, дворянскими переворотами, нашествием Наполеона и культурным расцветом XIX века. Что нам было дано этим, что отнято, что в нас повреждено — это тема не для лекции, а для большой книги.

V. Но вот, в-пятых, кто перечислит все эти и другие основы нашего своеобразия, но не упомянет о *нашей вере*, о *православии*, тот просмотрит самое существенное. И вот это-то и случилось с Шубартом.

Это значение православия было в свое время с гениальной зоркостью и отчетливостью выговорено Пушкиным. Пушкин пишет: «Великий, духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной Стихии исчез и обновился мир»¹⁰⁵. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный нац<иональный> характер. В России влияние духовенства столь же благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических»¹⁰⁶. «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно, и просвещением»¹⁰⁷. «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; история ее требует другой мысли, другой формулы»¹⁰⁸. «Но Европа в отн<ошении> России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна»¹⁰⁹.

Прошло сто лет с тех пор, как Пушкин высказал это, и мы до сей поры ждем этой формулы — русской православной формулы для русской православной идеи. В чем же она?

Да, наше своеобразие — от *нашей веры*, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего. Оно дало нам больше всего: живое желание нравственного совершенства, стремление внести во все начало любви, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, открытую живую совесть, дар покаяния, искусство страдать и терпеть, не-

утолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира сверху донизу; и еще: непоколебимую уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом в этой жизни и в будущей, искание живых путей к этому единению и преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа — Сына Божия.

Это и есть именно тот дар, который в истории христианства называется *духом ап. Иоанна*, который утрачен Западом и отречься от которого значило бы отречься от самого русского естества. И что еще достопримечательно: что этот иоанновский дух пропитал всю русскую культуру: русское искусство, русскую науку, русский суд — и незаметно был впитан и инокровными и инославными русскими народами: и русскими лютеранами, и русскими реформаторами, и русскими магометанами, и русскими иудеями так, что они уже нередко чувствуют себя ближе к нам, чем к своим единокровным и единоверным братьям.

И русские реформаторы иные, чем на Западе. Они дышат иоанновским духом православия. И русские лютеране сами знают это о себе; и русские магометане, и иудеи смутно чувствуют это. *Дух иной. Дух веры иной.* А потому и дух человека, культуры, быта иной. В чем же он?

3

Существеннейшее и драгоценнейшее отличие православия от римского католицизма (а потому и от взбунтовавшихся против него детей его — всех протестантских исповеданий) лежит не в догматической сфере, не в обрядовой и не в церковно-организационной, а в сфере *религиозного акта и его строения*. Здесь я вижу *главное и решающее*. Такое, чего не изменишь и что, пока это в нас живо, не допустит нас до унии с римским католицизмом.

И замечательно, что католики за последние годы сами, по-видимому, прочувствовали и признали, что дело не в обряде и не в догмате: они, учреждая так называемое православие восточного обряда, попытались примириться с догматическими различиями и даже перенять

наш обряд. Для них все сводится теперь к подчинению и организационному включению правосл<авной> церкви: к *власти*, которой они хотят добиться любой ценою.

Я знаю догматические отличия:

1. Православная церковь не признает исхождения Духа от Сына (вставлено католиками в символ веры — *filioque*).

2. Православная церковь не признает новейшего догмата о непорочном зачатии Девы Марии Иоакимом и Анною.

3. Правосл<авная> церковь не признает наместничества папы и его непогрешимости *ex cathedra*¹¹⁰.

Я знаю и обрядовые отличия:

Я пристально и внимательно изучал нравственную теологию католиков, в особенности иезуитов, и историю инквизиции.

И в результате я пришел к выводу, что главное лежит в *религ<иозном> акте и его строении*. Отсюда все остальное.

Разрешите мне пояснить мою мысль и формулу.

Вера не есть простое, односложное и у всех однородное явление во всех религиях, исповеданиях и церквях, у отдельных людей и народов. Напротив, это явление сложное и тонкое. Все зависит от того, где она зарождается в чел<овеческой> душе и какими душевными силами она осуществляется. Какие силы человека и народа — их души и духа — определяют самое верование как силы *главные* и *первичные*, и какие душ<евно->дух<овные> силы являются *вторичными* и подчиненными.

Православный человек движим другими первичными силами, чем католик. И в этом главное, неизменяемое, неизвратимое. Определившее русскую душу, ее религию и культуру.

Вера католика есть *акт воли*. Личной воли и церковной воли. Больше церковной, чем личной. Потом *акт мысли* — личной мысли и церковной мысли. Больше церковной, чем личной. Все остальное есть в католицизме подчиненное, несущественное, нехарактерное или прямо утраченное.

Вера православного есть *акт любви*. Потом акт *созерцания*. Созерцающая же любовь есть *совесть*. Все остальное в православии — воля, мысль, дисциплина имеет значение вторичное и подчиненное. В этом главное различие. Отличие иоанновского духа не от павловского, а от не-иоанновского и противоиоанновского.

Позвольте мне еще глубже разъяснить эту мысль.

Католик унаследовал свой рел<игиозный> акт от римской, древнеримской культуры, которая была культурой *воли*, *юридической* воли, *властной* воли, воли к господству над миром. И в то же время культурой *мысли*, не филос<офской> мысли, не *разумной* мысли, не *созерцающей* мысли, а мысли отвлеченной, рассудочной, ясной, трезвой, земной, эмпирической.

Римлянин дохрист<ианской> эпохи был человеком волевой власти, вооруженного господства, трезвой логики, прозаического организаторства. В общем — стихии земной и трезвой. Не стихии любви. Стихии юридически-государственной, стихии договора, авторитета, покорения; стихии не совестной; не созерцающей; не любовной. Элемент расчета и пользы, выгоды и кары, сделки и оружия преобладал здесь над всем и делал *римлянина* наподобие *иудея* существом жестоковыйным и к христианству до крайности не предрасположенным.

Этот акт — как нац<иональный> акт римского народа — влился иррационально в христиан римской нации, проник в католическую церковь, определил ее ментальность, и веру, и этику, и организацию. Все, что Шубарт говорит о т<ак> наз<ываемом> героически-прометеевском человеке, есть строй души древнего римлянина и римского католика. Католик верует тогда, когда он решит уверовать и начнет *заставлять* себе верить. Поэтому неверие — как акт злой воли — было для него всегда преступлением; отсюда наказания безбожников, инквизиция, костры, крест<овые> походы против еретиков и знаменитый трактат «Молот ведьм», написанный в 1487 году двумя инквизиторами — Генрихом Инститором и Яковом Шпренгером.

Эта книга, написанная по-латыни, но имеющаяся и на немецком языке, обнаруживает изумительную логику,

прекрасное знание Ветхого и Нового Завета, удивительную зоркость в клиническом описании женской истерии и дает систематическое наставление, как надлежит, какими нечеловеческими пытками и муками пытаться от имени Христа и во славу Христа истерически больных женщин. Я готов признать, что она одна из самых цельных, страшных и безбожных книг, которые мне пришлось читать.

Этим актом воли и рассудка определяется и нравственное учение католицизма. С неподражаемым мастерством логики и знания оно изложено в моральных трактатах отцов-иезуитов: Санкеца, Васкеца, Сота, Толета, Лессия, Алагона, Эскобара и Мендозы, Бузенбаума и других. Все случаи и положения жизненного конфликта предусмотрены здесь и разрешимы с точки зрения их допустимости, греховности и простительности. Здесь есть и ум, и логика, и опыт, и теологическое образование. Но здесь нет ни сердца, ни живого созерцания, ни совести, а потому нет Христа и христианства. Здесь есть искусное разрешение лжи, коварства, порочности и предательства; здесь есть учение о том, что церковная цель оправдывает все и всяческие средства; но здесь нет ни любви, ни доброты, ни Божией благодати.

И когда, напр<имер>, у иезуита Алагоны я читаю дословно: «по повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть господин жизни и смерти, и всего и потому должно исполнять его повеление», то мне остается только сообразить, что такое Божие якобы повеление не находимо в Свящ<енном> Писании, что оно может исходить только от непогрешимого с кафедры римского епископа, — и мне становится ясно, зачем был установлен догмат папской непогрешимости; и мне становится страшно за судьбу людей, приемлющих католичество.

Не судить мы хотим католиков. Себя мы должны судить. Но вот они сами выпустили книгу, которая прикровенно и отчетливо их судит.

Кризис современного> мира есть кризис прометеевского человека, воспитанного католицизмом. А потому это есть кризис католицизма. Что же звать нас, право-

славных, к этому кризису, когда у нас свой: у нас кризис воли — так уж оставьте нам вне кризиса хоть наше православное сердце.

А у Шубарта еще выходит так: из ложных источников почерпая сведения, он рассказывает о том, что большевики эволюционируют к русскости, т. е. к иоанновскому духу, так же как и католики, и видит синтез грядущего: русский человек, перевоспитанный большевиками, вступит в синтез с ними, обратится к католицизму и, оставаясь *русским* и *православным*, поведет человечество к новой эре иоанновского человечества и Духа Святого — упаси Боже!

Нет. Иное строение религиозного акта в Православии, иной путь Православной Церкви, иной путь России.

4

Вот как возникло наше национальное > своеобразие. Но *своеобразие* не есть еще *самосознание*, а наше национальное > самосознание возникло сравнительно поздно и начало более или менее зрело выговариваться только в XIX веке.

Долгое время русский народ, как и все другие народы, просто жил да был — строя, хозяйствуя, торгуя и воюя. Самочувствие народное просыпается от столкновения с другими народами, и притом сначала в форме *заимствования*: «а, ты другой, и у тебя кое-что лучше, надо перенять», а потом в форме *обособления*: «да, ты другой, и мне твое не нравится, не подходит, ты чужой, и я останусь сам собой».

Так было и с нами. Наши первые столкновения были с:

I. *греками* — и это кончилось принятием православия и усвоением в его далеко не византийских формах (Шубарт как католик зря — по незнанию — говорит о византийскости русского православия — он не знает Византию);

II. *варягами* — и это кончилось призывом Рюрика, отнюдь не норманна, как доселе думают многие, а западного прибалтийского славянина;

III. *кочевниками* — и это кончилось борьбой с татарами, татарским игом и объединением России;

IV. *немцами* и шведами в Прибалтике;

V. *литовцами* и поляками на Западе.

При всех этих столкновениях русские, как и другие народы, *если имели успех*, то легко заимствовали нужное им, а *если терпели поражение*, то отвергивались, замыкались и обособлялись — и лишь потом, впоследствии, начинали учиться.

Все это дало нам ощущение того, что в *главном* мы иные, а главным мы считали *веру* и все, что ею вызывается к жизни — обряд, семейный уклад, власть, праздники, быт, нац<иональное> одеяние, ибо у нас *все* связалось с верою, все стало знаком веры (от длинных одежаний и истовой внешности до суда и наказания; от бороды и шапки до крестного знамения и целования креста государю; от поста до неупотребления табака; от нищелюбия до замкнутой жизни женщин).

К XV веку наше самочувствие сложилось окончательно. Я говорю пока только о *самочувствии*, а не о *самосознании*, ибо <это> не одно и то же. Много бывает в личном и национальном укладе такого *иррационального*, что в сознание еще не входит и в слова не выговаривается. Ибо самосознание есть *разумение закона своей жизни*, а это дается народам не сразу, поздно и нелегко.

Мы — народ, хранящий единственную верную веру, живущий ею и призванный соблюдать ее до Второго Пришествия Спасителя; родина наша, Россия, — страна верного народа; цари наши — правоверные и благоверные; Церковь наша — святая, соборная, апостольская; войны наши — за правую веру, не чтобы навязать ее другим, а чтобы у нас ее не отняли. Перенимать у других нам ничего нельзя. Смешиваться с другими — грех. Меняться — не в чем.

Мы не презирали и не ненавидели другие народы, а только отделялись, чуждались, любопытствовали и жалели. Мы пускали иностранцев к себе. Но поселяли их за чертой города — в «немецкой», т. е. попросту «иностранной слободе»*. Они бывали и в Москве, но только до темноты. Ночевать и ходить по Москве им запрещалось. Как только темнело, стража окликала их: «Иностранец,

Называвшейся в просторечии «Кокуй».

пошел в свою слободу» или по-тогдашнему: «Эй, фрязин, шиш на Кокуй».

Уже Иоанн Грозный понимал, что надо кое-чему учиться у других. Борис Годунов мечтал основать в Москве не то академию, не то университет. Лжедмитрий хотел, конечно, чтобы это была иезуитская высшая школа. Учение началось при Алексее Михайловиче, но исподволь, в мягких формах, чтобы не шокировать народного самочувствия, ибо народное самочувствие считало, что правоверному нечего учиться (чему бы то ни было у еретиков и басурман).

5

Петру Великому пришлось вломиться в это неверное и вредное самочувствие и заставить учиться необходимому. Есть люди, доселе осуждающие за это Петра. Но Петр своим орлиным взором понял, что *народ, оставший в цивилизации, технике и в культуре знания и сознания, будет завоеван и поработен и не отстоит свою правую веру*. Поэтому он увидел необходимость отличить *существенное и священное от несущественного, несвященного, земного — техники, хозяйства и внешнего быта*.

Он понял, что надо *вернуть земное земле, ибо вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государственности*. Он понял, что русский народ превеличил компетенцию своей веры и недооценивает творческой силы христианства: православие не может санкционировать такой строй и такой быт, которые погубят и строй, и быт, и веру.

Петр Великий извлек уроки из татарского ига и из войн с поляками, немцами и шведами: Запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость есть нечто правоверное, православное и священо-обязательное. Поэтому Петр, который сам был глубоко верующим человеком и знатоком православного богослужения, секуляризовал нас, т. е. внес светский дух в те стороны жизни, которые в своих формах и задачах не предусматриваются верою, — но старался сохранить веру и ее требования во всем, что касалось дела души и духа.

Он был уверен, что христианство должно быть свободным от внешних сторон жизни и не делать себе догмата из них; и еще, что сильная и живая вера проработает, и осмыслит, и облагородит новые формы жизни, быта и хозяйства.

Небесное и земное разделились в русском самочувствии: русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского самосознания. Старообрядцы не приняли этого раздела и стали верными хранителями русского самочувствия во всей его наивности, целостности и беспомощной притязательности; это было трогательно и даже полезно не потому, что старообрядчество церковно право, а потому, что оно *душевно-целостно, духовно-консервативно и нравственно блюдет верность наивно утверждаемой святыне.* России и русскому духу предстоял новый путь: различить в культурном творчестве *церковное и религиозное, открыть себе доступ к светской цивилизации и светской культуре* и внести дух религиозный, христианский, иоанновский в создание своей *светской цивилизации и светской культуры.*

Ибо церковь и религиозность не одно и то же: церковь есть зиждительница, хранительница, концентрат религии и веры, но церковь *не есть* все во всем: она не поглощает государства, науки, искусства, хозяйства, семьи и быта, *не поглощает, не может поглощать* и не должна пытаться сделать это. Церковь не есть *начало тоталитарное и всевластное.*

Православие чуждо теократическим, т. е. экклезиократическим идеалам (оно не признает церковновластиа и *право* в этом). Православная церковь учит, святит, благодатствует и, если нужно, обличает, но не властвует, не цензурирует, не карает светскими наказаниями. Она может отлучить, но она не давит и не казнит. Ее авторитет *свободен* и основан на *качестве* ее учения, ее веры, ее дел, но он не ведает ссылки и костра. Ее авторитет есть авторитет откровения и любви. Она может и хочет вести только *качеством*, а не регламентацией жизни.

И вот два века после Петра означены в истории России этим *приступом к созданию новой христианси-иоан-*

новской, но не церковно-водимой культуры; Россия должна была утвердить свой новый, христиански-иоанновский творческий акт во всех областях светской культуры — в имевшей зародиться русской светской науке, в имевшем возникнуть русском светском искусстве, в имевшем сложиться новом укладе русской светской (личной и общественной) жизни и нравственности, в новом светском укладе права, правосознания, правопорядка и государственности, в новом укладе русского частного и общественного хозяйства.

Церковь оставалась матерью выросших детей — детей, ушедших на свободу дела и труда, но не ушедших духом и волею из ее сияния и обаяния, — *матерью-хранительницей Ев<ангельского> духа и любви; матерью-советницею и обличительницею; лш/яерью-воспитательницею, лоном очищения, покаяния и умудрения; вечною матерью — приемлющею новорожденного и молящеюся за почившего.*

И вот судьба России, ее призвание, ее национальная идея, ее культура и определились этим заданием: *создать новую восточнохристианскую культуру, новую русско-национальную творческую идею и новое русско-национальное самосознание.*

Русская светская наука началась в XVIII веке с гениального русского ученого Мих<аила> Вас<ильевича> Ломоносова, сразу опередившего своими естественно-историч<ескими> открытиями западных ученых (с ним связано основание первого и старейшего Моск<овско-го> университета). Русское светское искусство начал в XVIII веке гениальный русский скульптор Федот Шубин, сразу показавший духовную и техническую зрелость русского мастера. Ал<ександр> Вас<ильевич> Суворов в своей «Науке побеждать», в своем командовании и походах развернул впервые идею *русского национального > православного воинского воспитания*, где каждый солдат признавался *живою творческою личностью с бессмертною душою и нравственным характером*, воином Христовым. Русскую светскую поэзию вознесли на высоту Державин, Пушкин и его современники. Русскую светскую живопись — Боровиковский, Венецианов и Тропинин. Сперанский означил новую эпоху русского право-

сознания. И начался культурный расцвет России в XIX веке.

Этот культурный расцвет вступал в новую, особо плодотворную фазу в начале XX века, когда он был прерван войною и революцией. Русская интеллигенция, воспитанная в первой половине XIX века Жуковским, Пушкиным и Гоголем, переданная с рук на руки Тургеневу, Гончарову и Достоевскому, научившаяся лояльности и свободоловию, совершила вместе с императором Александром II великие освободительные реформы — и поколебалась. Она вступила на путь политического радикализма и нигилизма в 70-х и 80-х годах, допустила убить царя Освободителя, выработала традицию конспиративного подполья и подготовила революцию 1903 — 1905 годов. Но увидев перед собою укореняющееся народное представительство, великую реформу Столыпина и небывалый в России расцвет народного образования, науки и искусства, она как бы опомнилась, стала отходить от политического радикализма и обратилась в глубину.

Она открыла для себя православную икону, русский храм, русскую архитектуру, русский фольклор, она начала верно подходить к русскому национальному призванию и захотела освободить православную церковь от подчинения светской власти и возродить ее древнюю соборно-патриаршую форму на место бюрократически-синодальной.

Следующие четверть века должны были прояснить ее горизонт окончательно и поставить перед нею две основные идеи, две национальные задачи великого размера, а именно:

а) Воспитание нового русского, творчески христианского характера и правосознания.

б) *Создание новой светской русской культуры в духе иоанновского христианства.*

Обе эти задачи были уже начаты разрешением, но еще не осознаны до конца. Оставалось осознать их, выговорить и начать планомерное осуществление. Война и революция сорвали это дело и отложили его, отсрочили его осуществление. Да, именно отсрочили. Ибо России нет другого пути. И она возьмется за это дело. Вечных

революций не бывает. И строй, подрывающий в своих гражданах (сознательно и планомерно) веру и совесть, честь и правосознание, творческую инициативу и свободную лояльность, сам себе готовит провал.

7

Таков современный нам исторический момент. И как раз в этот миг выходит книга иностранца, открывшего мессианскую нац<иональную> мечту наших славянофилов, уверовавшего в нее и предлагающего нам осуществить ее под водительством католической церкви. Я оставляю в стороне это внутреннее противоречие — осуществить русскую миссию под водительством нерусской по духу иерархии, осуществить православную идею под руководством неправославной церкви, строить культуру сердца по указаниям организации, осуществившей за 2000 лет культуру не сердца.

Я хотел бы сейчас высказать несколько основных мыслей *по существу* этой *реставрации русского мессианства*, звучащей на немецком языке из нерусской души и от нерусского человека.

Я русский. Рожден в православии. Всю жизнь изучал историю, дух и создания моего народа. Люблю его. Горжусь тем, что я русский. И верю в светлое будущее России и ее народов. Но я *не* поддерживаю *русской мессианской идеи* и считаю пропаганду ее *неверной и нежелательной*. Под русской мессианской идеей я разумею идею о том, что *русский дух выше всех остальных национальных духов и что Россия призвана духовно и религиозно спасти другие народы*.

И вот что я имею сказать против этой идеи.

а) Пути и судьбы Провидения в истории человечества нам *не* открыты. Мы их не видим. Как будут ведомы западные и восточные народы в их грядущей истории — мы *не* знаем. Какие из них обречены к крушению и ничтожеству, а какие — к величию и спасению — неизвестно. И откуда придет к кому из них спасение — от нас скрыто. Что же это за наивное притязание — пророчествовать им и о них, о их путях и спасении? Откуда это дерзновение судьи? Откуда это уверенное подсказывание Богу? Откуда это ясновидение?

Один за другим выступают на Западе пророчествующие публицисты: Чемберлен, граф Кайзерлинг, Шпенглер¹¹¹, Шубарт. И все пророчествуют несогласно, и все прозревают неубедительно. Все говорят о Востоке и Западе — и ни один из них не знает Востока. Я же держусь того скромного мнения, что Господь знает и Восток, и Запад — и Ему ведомы наши испытания, наши муки, унижения, дары и достоинства.

Б) Мы, русские, не можем и не должны принимать от Запада настроения национальной гордыни, духовного империализма и религиозного шовинизма. Мы должны понимать и видеть, что *самая идея русского национального мессианства содержит в себе превеликое самомнение и гордыню*. Здесь есть нечто от национальной *mania grandiosa*¹¹². Кто мы, чтобы спасти другие народы? Что мы — настолько уже совершенны и сильны, чтобы хватило и на себя, и на других? Подняли ли мы свое-то бремя? Справились ли с ним? Стоим ли сами на ногах? Не лежим ли мы, как сказочный герой, разрушенный на куски, — и еще не прибежал наш серый волк, чтобы оживить нас мертвой и живой водой.

И если мы не готовы, и если мы только что пережили величайшее в истории национальное крушение — то что же мы за спасители? Или, не приложив ума к своей беде, будем, по пословице, разводить руками чужую беду? И что за забота о других — откуда это самомнительное посягание и горделивое учительство? Простительно было мечтать об этом сто лет тому назад прекраснодушным и наивным славянофилам: обороненные русскою государственностью, они не видели бездн истории. А мы их ныне знаем, ибо прошли через них и еще не вышли из них.

История учит нас, что народ выдумывает свои мессианские сны именно в период унижения. Но именно потому мы, русские, призваны сейчас к *смирению* и *трезвению*; к *покаянному самоочищению* — и опьяняющее вино шубартовских грез не должно бросаться нам в голову. И сладкий аромат его лести подобен первым газам войны: он дурманит, лишает нас скромности и трезвения и

несет с собою ад слепого подчинения не-иоанновскому духу Запада.

Тот, кто воистину достоин, — тот не кричит о своем достоинстве; тот чувствует себя *недостойным* и не по заслугам удостоенным. Не притязай, смиришься — и ты будешь от этого *выше*. Раскрой свои притязания и посягательства, провозгласи их — и ты пал ниже того, что мог себе представить. Вот *православное* мерило. Поэтому та гордыня, которую столь сладостно внушает нам католическая книга Шубарта, была бы утратой того самого иоанновского духа, который мы должны представлять.

Поскольку книга Шубарта обращена к Европе, она полезна и значительна. Поскольку она обращена к России, она содержит соблазн и совращение.

с) Далее. Легко сказать: один народ спасет другие народы. Это идея воинственная, идея меча и власти. Так оружие Александра I спасло Пруссию и Европу от Наполеона. Так оружие Николая I спасло Венгрию от революции. Так оружие Александра II спасло балканских славян от турецкого ига. Россия на протяжении своей истории много спасала другие народы — оружием и *силою*.

Но ведь тут идет речь о спасении *души* и *духа* — о новой вере, новой нравственности, новой культуре, т. е. прежде всего об *обновлении души* в других народах. Как же это возможно? Пересадкой, прививкой, переделкой? Ведь за каждым народом от тысячи до двух тысяч лет истории, географического быта, расового характера. Разве один народ может все это изменить у других? Самая идея *спасения души и духа* есть идея, подобающая Богу, откровению, благодати, а не людям. Земное же спасение есть дело меча и власти.

Правда, Россия показала, что она способна помочь другому народу бескорыстно. Русские войска оккупировали Францию 3 года (с 1815 по 1818 год) и ушли без всяких завоеваний. Но ныне нам будет решительно не до других народов, и навязывать им свою (еще не созданную) духовную культуру завоеванием мы не будем. Народы обновляются веками, когда получают Откровение свыше. Это дело Бога и веры. Идея же духовного

спасения прометеевских народов мессианским народом есть идея *иудаизма* и *римского католицизма*, а не идея *иоанновского православия*.

д) Мы, русские, должны сказать себе, что мы призваны *быть о Боге в возможном совершенстве, петь Ему, служить Ему, цвести в Его восточных садах*, а не гордиться и не водительствовать. Мы призваны *быть*, а не *слыть*; *быть*, а не учительствовать. Нам надо идти вглубь, в себя и вверх, к Богу, а не во все стороны, к другим народам, чтобы спасти их.

Крушение наше за последние четверть века — беспримерно.

Знаем и верим, что происходит закаление; что готовится в лучших сердцах очищение духа, расцвет веры, возрождение культуры. Но знаем также, что за эти 25 лет слишком много упущено, раздавлено и деморализовано.

Нам предстоит долгий путь очищения и покаяния, обновления и нового строительства; *всенародного воспитания и культурного обновления*. К этому делу мы должны приступить со *скромностью* и *смирением*, а не с *настроением мессианской гордыни*.

Я знаю, что духу иоанновского христианства принадлежит будущее. И знаю, что нам дано было влить этот дух в национальную душу нашего народа. Но именно поэтому мы должны быть свободны от не-иоанновских соблазнов Запада.

И должны начать со смирения и покаяния. Ибо соблазнили и пали. И в этом падении понесли как бы некую мзду за грехи и соблазны нашей собственной истории. Революция как бы разбредила все исторические раны наши и влила в них настоявшиеся яды Запада.

(Мы должны начать возрождение России не с отречения от своей веры и не от мании величия, а от покаянного очищения.

<Так, как еще в 1846 году звал к этому Алексей Степанович Хомяков: «Не говорите — то былое»>¹¹³.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ ШАЛЯПИНА

ШАЛЯПИН КАК ХУДОЖНИК

1

Славный германский философ Гегель сказал однажды, что *всякий великий человек обрекает свое потомство на то, чтобы оно истолковывало его и его жизненное дело*. Такая обязанность лежит в особенности на нас, русских, по отношению к нашим великим мыслителям, подвижникам и артистам. Ибо за нас и *вместо* нас этого не сделает никто. Другие народы не знают нашего языка, не чуют нашего духа, не видят наших культурных путей и заданий. О Шекспире, Леонардо, о Гете, о Дуге² может сказать и написать исследователь любой нации. О Суворове, Боровиковском, о Ломоносове, об Ольге Осиповне Садовской может сказать только русский.

Большой человек вырастает в быте и в духе своего народа; он кость от кости его, он сразу его ученик и его учитель, он носитель его бремени, он разрешитель его национальных заданий. Он понятен только *своему* и только *своим* может быть истолкован. И если так обстоит всегда и во всем, то особенно в наше время, когда духовная жизнь в России подавлена, а наши замечательные люди — ученые, писатели, художники и артисты — живут и умирают на чужбине; и когда в подъяремной России можно говорить о них только с точки зрения «классового интереса» и «заслуг перед революцией». А больше всего это относится к нашим артистам, творчество коих длится один миг эстрады и сцены и уходит вместе с ними в невозвратимое прошлое. О них нужно и важно говорить, когда еще жив воздух, согретый их дыханием; когда еще слышится их голос и видятся созданные ими образы; пока живы воспринимавшие их современники, вместе с ними трепетавшие от их художественных созданий.

Вот так и с Шаляпиным. К нему это применимо особенно; ибо сценические воплощения его были так ярки

и сильны, и производили непосредственно такое впечатление, что при жизни он не имел серьезной художественной критики.

То, что о нем писалось при жизни, было всегда:

1) или безмерная хвала его как артиста,

2) или безмерная хула его как человека.

Про Шаляпина при жизни писались или восторженные излияния, или описания его выходок и скандалов. Это объясняется и тем, что у нас вообще за последние 50 лет художественная критика, а особенно газетная критика, была не на высоте; и тем, что Шаляпин стоял слишком близко к нам — и давил своим талантом. А чтобы написать о таком явлении, надо было отойти от него немного и, главное, надо было зорко видеть пути и распутия русского художества. Вот почему Шаляпин и сам был недоволен своими критиками.

Его долголетний друг славный художник Константин Алексеевич Коровин в своих замечательных и очень зорких воспоминаниях о нем записал жалобу Шаляпина: «когда ругают, то неверно, а когда хвалят, то тоже неверно, потому что ничего не понимают»³. Суждение верное: у критиков и у хвалителей одинаково отсутствовало понимание искусства и его задач. А Шаляпин замечателен именно как вдохновенный творец искусства, а не как человек; критика и публика, плененная его пением и игрой, лезла к нему в артистическую уборную, вслед за ним в ресторан — и находила раздражительного, невоспитанного человека, который от застенчивости делался развязным, а от развязности грубым; и который, будучи от природы очень сильным и чрезвычайно вспыльчивым, — не одного поклонника своего избил, даже до членовредительства (одного поклонника, желавшего его качать, поднял и бросил в толпу, так что тот «крякнул, ударившись о мостовую»; а в Петербурге одному ювелиру в ресторане вывихнул руку).

Художественная критика призвана *помогать артисту, растить его* — и воспитывать публику. А у нас она то ругает и восхищается, то пристаёт к человеку, скрытому за артистом, — и разочаровывается, найдя не величие, а грубость и пошлость.

Шаляпину при жизни поклонялись, как м. б. никому другому, и ругали, как м. б. никого другого. Поклонялись как артисту и ругали как человека. И только за границей в эмиграции охладели несколько и к артисту, ибо это быш уже не тот Шаляпин, и к человеку, ибо разочаровались в нем *политически*.

Революция 1917 года была переломом в жизни Шаляпина. И это знал он сам; это поняла и публика, я разумею русскую публику. Но от всего этого художественная оценка Шаляпина не подвинулась ни на шаг вперед.

Кто хочет говорить или писать о Шаляпине, тот увидит перед собою непечатую целину, не начатое дело; он найдет неточную, недостоверную биографию; есть книги, написанные самим Шаляпиным, отрывочные воспоминания о нем (самые ценные Коровина); множество фотографий, если они уцелели (ибо сниматься Шаляпин любил, как никто); до 30 двусторонне напечтх пластинок и личный архив артиста — доселе еще недоступный.

Все это будет, надо надеяться, собрано его семьей и впоследствии опубликовано. А пока мы должны довольствоваться тем, что имеем.

Прежде чем приступить к моему изложению, я хотел бы вам напомнить его голос и его пение воспроизведением отобранных мною пластинок Эти пластинки любезно предоставила нам на сегодняшний вечер фирма «Нид», у которой они имеются на складе. Все пластинки — *His master's voicd**.

Я поставлю: «Двенадцать Разбойников» с хором и «Песню Варлаама» из «Бор. Годунова».

2

Федор Иванович Шаляпин родился в 1873 году и умер 12 апр. 1938 года — шестидесяти пяти лет.

В своей первой книге⁵, написанной давно, еще в России, он дает очерк своего детства и бегло касается своей артистической карьеры и своего художеств<енного> развития; во второй книге — «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах»⁶ — он рассказывает о своем худож<ественном> пути и рисует многое из второй половины своей жизни.

И тем не менее будущему биографу Шаляпина придется положить немало труда для того, чтобы дать его жизнеописание. И притом по двум причинам.

а) Воспоминания Шаляпина имеют характер *романтический* — он вспоминает, мечтая, и здесь многое *наверное неточно*. Так, Шаляпин был по паспорту крестьянином и сапожником и любил этим кокетничать. На деле оказывалось, что он никакой крестьянской работы не знает, что с крестьянами он даже попросту и разговаривать не умеет, боится их — и все крестьянство его паспортное.

Отец его был волостным писарем сначала при вятской слободке, а потом в городской управе. И рассказывал: «А Федор говорит, что он крестьянин. Ну, нет. С ранних лет ничего не делал. Из дому все убежал и пропадал. Жив аль нет — не знаешь. Сапожником не был никогда. Нужды не видал. Где же! Я же всегда ему деньги давал. И тогда-то он жаден до денег был, и сейчас такой же. С певчими убежал... Дишкант они у него нашли. Ну, и сманили»⁷.

Понятно, почему Шаляпин втайне так гордился и своей бухарской звездой, и тем, что император Вильгельм дал ему орден и сделал его фон Шаляпиным, дворянином Германии, и своим французским званием командора⁸. Но понятно также, что его будущему биографу предстоит очень осторожная критическая работа.

б) Во-вторых, воспоминания Шаляпина, особенно вторая книга, имеют апологетический характер — это *сплошное самооправдание*. В предисловии он, правда, заявляет: «Я выступаю перед читателем без грима». Но на самом деле его книга — сплошной грим; иногда тонкая артистическая рисовка: Шаляпин — светский позер; Шаляпин — строгий моралист; Шаляпин — рубаха парень; Шаляпин — мечтательный поэт; Шаляпин — верный, интимный друг целой плеяды больших русских художников: Васнецова, Серова, Врубеля, Кустодиева, Репина, Коровина, и еще Рахманинова, Саввы Мамонтова; Шаляпин — скромный ученик своих великих современников; Шаляпин — политический простака, плохо разбирающийся в политическом добре и зле; Шаляпин — независимый гражданин, одинаково храбро беседующий с

обер-полицеймейстером Москвы и с чекистом Куклиным и Рахией⁹, которые заявляют ему, что таких людей, как Шаляпин, надо резать, ибо талант нарушает равенство; а вот еще Шаляпин, простодушно дружащий в Кремле с Демьяном Бедным, из любопытства развлекающий за водкой, в вагоне, своими песнями Ворошилова, Фрунзе и Буденного и т. д. и т. д.

Грим иногда становится не очень тонким; напр<имер>, в рассказе о знакомстве с Кустодиевым: Кустодиев видит Шаляпина в великолепной шубе и хочет его написать. Оказывается, эту шубу поднесли Шаляпину в виде *ордера на шубу* за концерт в Мариинском театре от какого-то большевистского учреждения¹⁰. Шаляпин знал, что, возможно, шуба краденая по лозунгу «Грабь награбленное» — так и пишет; шуба у него была своя, татарка кенгуровая — «брать не нужно было бы, но я заинтересовался. Пошел в магазин (т. е. в советский склад). Предложили мне выбрать. Экий я мерзавец — буржуй. Не мог выбрать похуже — выбрал получше». Все это дословно. Чужая шуба была увековечена на Шаляпине, он привез портрет в Париж, повесил у себя в кабинете.

А у читателя вдруг делается острое чувство — выглянул Шаляпин *без грима*. И так — несколько раз. А что в остальном много грима, читатель узнает от самого же Шаляпина. В 1921 г. он едет в одном вагоне с Литвиновым и сов<етскими> дипломатами за границу, в Ригу концерттировать и держит себя с ними так: держал себя посредственностью, который вообще мало что смыслит — и вдруг читателю становится ясно, что приблизительно в таком тоне простодушного, неопытного, мало смыслящего за пределами искусства парня написана и вся книга.

Грим отпадает. Тенденция книги выступает вперед. И за этим беспокойным, горьким, подчас страстным желанием оправдаться и пожаловаться читателю на жизненную *непонятость* выступает острая тоска тяжелого и в тяжести своей одинокого человека, которого грызет недовольство собою, совестный укор и большая гордость избалованного и не умеющего каяться человека.

Для внимательного, чуткого читателя книга Шаляпина «Маска и душа» есть книга по-актерски сыгранная,

как роль; роль неудавшаяся и обнаруживающая из-за литературного грима трагически искаженное лицо Шаляпина.

с) Эта трагическая тоска последних лет Шаляпина, для понимания коей дает чрезвычайно интересный материал книга Коровина, связана с двумя самыми неясными периодами его жизни. Это, во-первых, 1890 — 1892 годы, годы провинциальных скитаний, иногда бедности; когда Ш^{аляпин} между прочим блуждал одно время по Кавказу, имел, по-видимому, не одну драку — а их у него было *много* в жизни и впоследствии, — голодал и однажды в драке кого-то убил — эта сцена ему потом снилась в буйных кошмарах, в которых он кричал и сонный пребольно дрался и расшибал себе руки¹¹. Во-вторых, это годы большевистской революции 1917 — 1922, когда Шаляпин одновременно бесконечно негодовал на то, что у него отняли нажитое богатство; презирал коммунистов, то грубо помыкавших его талантом, то подносивших ему за это помыкательство продовольствие, шубы, сервизы и звание народного артиста; в то же время он дружил кое с кем из коммунистов и художественно приспособлялся к их требованиям, угодливо искажая созданные им самим величавые образы; и наконец, был выпускаем ими за границу на условиях, которые кроме него были известны еще, по-видимому, Коровину и немногим друзьям.

Сам Шаляпин и Коровин говорят об этом глухо, намеками, а у читателя от этих намеков делается тяжело и грустно на сердце.

Все это будущему биографу придется устанавливать и освещать — и если это будет серьезный и честный историк, то я не завидую его работе.

Нам пока достаточно установить основные вехи его биографии. Шаляпин родился в 1873 году. По-видимому, учился в низшей школе. Кончил ли ее — недостоверно. В гимназии, в университете (как Собинов), в консерватории не обучался. Все, что знал, приобрел беседами, чтением и жизненным опытом.

До 17 лет — участие в церковном хоре, любительское пение народных песен с матерью, любительское выступление в драме. 17 лет он поступает хористом в уфим-

скую оперетку — и там поет впервые¹² Стольника — в опере «Галья» Монюшко, Фернандо — в «Трубадуре» Верди и Неизвестного — в «Аск<ольдовой> могиле» Верстовского.

Поступает писцом в земскую управу в Уфе — томится и тайно бежит.

С 17 — 19 лет мечется по провинции от одной распадающейся провинциальной труппы к другой — выступает в водевилях, оперетках, даже танцором.

Его первый конц<ергный> репертуар: ариозо Руслана Глинки «О поле, поле», ария Сусанина Глинки «Чуют правду» и романс Козлова «Когда б я знал»¹³.

Крайняя бедность, бродяжество по Кавказу, Тифлис. 19 лет — служит в Тифлисе писцом в бух<алтерии> отд<еления> Закавказской ж. д.; сослуживцы уговаривают его пойти к Усатову, изв<естному> тенору Моск<овских> Императорских театров, живущему в Тифлисе.

Усатов, тонкий и культурный артист, учит его бесплатно и помогает материально; школе его Ш<аляпин> обязан многим на всю жизнь. 20 лет, в 1893 году, поступает в Тифл<исскую> оперу — поет Мельника в «Русалке» Даргомыжского, Мефистофеля в «Фаусте» Гуно, Тонио в «Паяцах» Леонкавалло и весь басовый репертуар труппы. Летом приглашен Лентовским¹⁴ в Петерб<ургскую> «Аркадию» — успеха не было. Зимой 1894 г. — в частной опере Панаевского театра поет Бертрама в «Роберт-дьявол» Мейербера; успех.

Приглашение в светские салоны.

1895. Выступление у государственного контр<оле-ра> Тертия Филиппова, успех, приглашение в Императорский театр. Шаляпину 21 год.

Сезон в Мар<иинском> театре. Поет Панаса в «Ночь под Рожд.» Римского-Корсакова, Сусанина в «Жизни за Царя» Глинки, Руслана в «Руслане и Людм.» Глинки и проваливается, Судью в «Вертере» Массне, кн. Верейского в «Дубровском» Направника, Цунигу в «Кармен» Бизе, графа Робинзона в «Тайном браке» Чимарозы, Мефистофеля в «Фаусте», Галицкого в «Игоре» — без успеха, и вдруг бурный успех в Мельнике — «Русалка».

На следующий сезон ему предлагают Олоферна в «Юдифи» Серова.

Но на лето 1896 г. его приглашают петь в опере на Нижегородской выставке. Он имеет успех, его слышит замечательный меценат и артист, русский пионер Севера Савва Иванович Мамонтов, платит за него неустойку в Мариинскую оперу и увозит его в Москву.

В Москве эпоха расцвета. Шаляпин попадает в культурнейшую среду русских талантов, которых я называл выше: он учится на ходу у Мамонтова, Серова, Коровина, Васнецовых, Рахманинова, знаменитого русского историка Ключевского, Левитана, Поленова, Остроухова, Нестерова, Врубеля, создает свои коронные роли: Грозного, Мефистофеля, Бориса Годунова, Олоферна.

Следуют гастроли в Петербурге — бурный успех.

Выступление в миланской Скале: Мефистофель Бойто — огромный успех. В 1899 году Мамонтов разорен. В 1900 году Шаляпин переходит в Императорские театры. Гонорары его растут. До 2000 за выступление. Потом до 6000 за выступление. Требования его повышаются и к окружающим. Растет слава, растет артист, зрелость, растет и неуживчивость.

В Императорских театрах он остается до конца. В 1921 году при большевиках уезжает гастролить сначала в Прибалтику, потом в Америку; в 1922 году уезжает совсем, увозя с собою гобелены, старинное серебро, а может быть, и некоторую часть своего состояния. В 1923 году у него мировая слава и уже свой дом в Париже. Он концертирует всюду — вплоть до Китая. Составляет себе новое, очень большое состояние. Голос несколько скудеет. Но успех его не покидает. Обнаруживается диабет, утомленность сердца. И затянувшийся грипп уносит его в одну неделю. Вот внешние вехи его жизненного пути.

3

Внешность Шаляпина могла бы считаться общеизвестной. Очень высокий, прекрасного, богатырского сложения, светлый блондин, с очень характерным бритым лицом: это лицо *злой сосредоточенности*, которое вот-вот распухнет в несколько ироническую, недобрую улыбку беспечного русского парня; а за этой беспечностью —

большое «себе на уме»; и при всем том — в лице его всегда было что-то *бабье*: это бывают в деревнях такие умные и злые бабы, которые любят властвовать и которых никто не любит, а когда лицо Шаяпина к старости ссохлось и заморщинилось, то это выражение злой бабы стало преобладающим.

Ш~~а~~ляпин сам знал это за собою и с неподражаемым юмором, повязавшись платочком, изображал безмолвную сцену: старая баба молится в церкви на коленях и, поклонившись в землю, видит невдалеке двугривенный, оглядывается, боится, чтобы не перехватила соседка, подбирается к нему, прицеливается, хватает — оказывается, это плевков — и вместо невнятной молитвы она бормочет невнятные «чтоб тебе», «чтоб тебе». И при всем том — лицо часто вдохновенное, но всегда — недоброе, пристальное, хищное вдохновением, от которого зрителю часто жутко и никогда не умиленно. Добродушия Варламова, Давыдова, Москвина — нет и в помине.

Зоркий художник Коровин так передает свое первое впечатление от 1896 года: «Молодой человек, одетый в поддевку и русскую рубашку, показался мне инородцем — он походил на торговца финна, который носит по улицам мышеловки, сита и жестяную посуду, худой и очень высокий молодой человек... блондин, со светлыми ресницами серых глаз, глаза — строгие, острые; богатырское телосложение, сильные движения, во всем несколько разбойничья удаль. «Своей подвижностью, избытком энергии, множеством переживаний — веселье, кутежи, ссоры — он так себя утомлял, что потом засыпал на двадцать часов и разбудить его не было возможности. Особенностью его было также, что он мог постоянно есть. Остроумно передразнивал певцов русских и итальянских, изображая их движения, походку на сцене. Он совершенно точно подражал их пению. Эта тонкая карикатура была смешна»¹¹.

Даровитость его очень велика, что так характерно для рус<ского> человека. Не мог видеть карандаша, начинал рисовать карикатуры на кого попало и на чем попало. Сам гримировался и оставил ряд ценных советов по этому делу. Любил рисовать чертей, как-то особенно заво-

рачивая у них хвосты, причем сам держал язык высунутым набок. Покажет Серову, а тот ему: «А черта-то нету»¹⁶. Сам себя лепил из глины целые дни, смотря в зеркало, и лепил удачно. Мечтал о драме, пытался декламировать — то «Манфреда» в концерте; то «Скупого Рыцаря» — спец<иально> для Коровина в Большом театре наедине. Я сам слышал от него экспромтом на бис в концерте целое стихотворение Надсона; но успеха его декламация не имела, о драме он мечтал, но в драму не пошел — тут был предел его: он был создан не для разговорной простоты, а для *оперного котурна*¹⁷, для *мерно-насыщенного, скандируемого слова, для поэтически-вытекаемых чувств*; и сам знал это — и однажды, когда ему из публики опять кричали: «Декламацию, декламацию», он не без лукавой шутливости, угомонив публику, ответил: «Зубастой щуке в мысль пришло — за кошачье приняться ремесло. А вы знаете, что после того вышло?» — погрозил пальцем и декламировать не стал.

Как истый русак, Шаляпин любил шутить, шалить, озорничать. Коровин рассказывает о целом ряде его проделок: то, обманывая публику, разыгрывает на пароходе купца-дровяника; то начнет в Эрмитаже варить яйца в шляпе-котелке; то выпьет мужичью водку, дольет бутылку водой и следит за разочарованием прикладывающихся рабочих.

Шалости бывали не всегда остроумные, подчас каторжные: напр<имер>, Коровин, 137 — 138. Приятели отвечали ему тоже шутками и шалостями, подергивавшими его тяжелый характер — и Шаляпин на такие подшучивания отвечал обыкновенно обидчивостью или гневом (Коровин - 112 - ИЗ).

Однако с этим связаны все основные черты его характера. Ему была присуща особая фамильярность и грубоватость в общении с людьми, которым он импонировал или считал ниже себя. Тогда он быстро переходил на *ты*, с брудершафтом, который он пил без всякого основания, а то и без него — вдруг начнет тыкать (это распространено в провинц<иальной> театр<альной> богеме)¹⁸.

Всякая неудача (на охоте, на бильярде, на репетиции) вызывала его гнев или прямо вспышку бешенства

и грубости. Он со всеми ссорился; в Мар<инском> театре его терпеть не могли; почти все дирижеры и режиссеры отказывались иметь с ним дело (в Москве он уживался только с Рахманиновым и с Авранеком¹⁹ в Императорской опере)²⁰.

Однако при встречах с большими артистами бывал чрезвычайно любезен: он знал, как надо говорить с Садовской, с Мазини, с Римским-Корсаковым²¹.

Когда кто-нибудь был нужен ему — он делался ласков. Гостеприимством и щедростью друзей пользовался без конца. Но в долгу у них себя не считал. И друзьям в беде не помогал, будучи очень богат²². (Так, я знаю наверное, что Коровин в последние годы своей жизни в Париже нуждался, а Шаляпин мог отдавать по 600 000 фр. за письменный стол у антиквара; если бы Шаляпин хоть сколько-нибудь помог Коровину, Коровин, несомненно, упомянул бы об этом в своих воспоминаниях.) Вся жизнь Шаляпин повышал свои гонорары и все время жаловался, что его эксплуатируют и обирают.

Тут и ранняя бедность сказалась; и друг его Горький научил его по Марксу классовой борьбе с собственными меценатами (С. И. Мамонтов!); и Мазини напугал необеспеченной старостью; да и отец его смолоду отмечает его скупость.

Московские друзья его — натуры широкие, беспечные, щедрые — всегда шокировались, а Серов даже в лице темнел, когда Ш<аляпин> уговаривал их «не развращать народ начал ми» и немедленно начинал жаловаться на то, что Мамонтов (его благодетель) обирает его.

Душа его всю жизнь боялась бедности, жаждала богатства, не знала, что делать с нажитым богатством, и оставалась черства к чужой беде. Этому соответствовала жажда успеха и власти.

Замечательно, что ни для одного из своих коллег — оперных артистов, соперников по успеху, — ни для одного Шаляпин не нашел в своих воспоминаниях доброго слова или теплого чувства. Он никого не любил — и его никто не любил. Его почитали, им восхищались, его слушались. Но не любили. Он сам жалуется на это. Вот он заболел при большевиках. «И никто, никто — из друзей, из театра, никто не интересовался и не спрашивал,

как Шаляпин? Знали, что болен, и говорили: *Шаляпин болен*, — и каменное равнодушие. Ни помощи, ни привет, ни простого человеческого слова²³. И, я подчеркну от себя, эта черствость совсем не была общим явлением при большевиках. Напротив!

Он пишет о Врубеле, о Серове как о своих друзьях. Но Врубель его терпеть не мог. Серов от него решительно отвернулся, сказавши только: «Нет, довольно с меня...» Его все больше и больше окружали люди раболепные. «Странные люди окружали Шаляпина, — пишет Коровин, — он мог над ними вдоволь издеваться, и из этих людей образовалась его свита, с которой он расправлялся круто. Шаляпин сказал, и плохо бывало тому, кто не соглашался с каким-либо его мнением. Отрицая самовластие, он сам был одержим самовластием. Когда он обедал дома, что случалось довольно редко, то семья его молчала за обедом, как набрав в рот воды»²⁴.

Углубляться в это не стоит. Упомяну только еще, что Шаляпин чуть не всю жизнь дружил с Горьким; через него помогал большевикам деньгами и в 1905 году во время вооруженного восстания в Москве провел ночь с Горьким, Лениным и болып<евистским> комитетом, распевая им песни. Он сам пишет о себе: «моя бурлацкая натура, по разбойничьему характеру моему»²⁵. И замечательно, что Шаляпин в своей книге посвятил самые лирические, теплые, прочувствованные слова никому иному, как именно Стеньке Разину, которого он называет «Царем-разбойником»²⁶. И в душе его богема артистическая особым образом мешалась с богемой революционной и с замашками волжского бурлака.

Коровин прямо признается, что иной раз, глядя на Шаляпина, думал: «А страшновато, должно быть, не зная, кто он, встретиться в глухом месте с таким молодцом со светлыми ресницами... В его огромном росте, сильных движениях, была некая разбойная удаль».

Любопытно отметить, что С. В. Рахманинов и К. С. Станиславский тоже большого роста, но о них никто не подумал бы что-нибудь такое.

Большевистское изъятие собственности охладило его. Эксплуатация возмутила его. А о том, как он из этого выпутался, может быть, узнает впоследствии потомство.

Те, кто всем этим интересуется, пусть читают книгу Коровина. А для нашей задачи мы добыли следующее. Перед нами *русский самородок, богато одаренный, со страстною натурой, но лишенный культуры* — ума, воли и вкуса; с тяжелым, властным и гневным характером; *оглушенный* своим успехом и лишенный того духовного величия, которое научает человека быть скромным в славе; как артист он чувствует художественно-религиозную глубину православного богослужения и способен вдохновенно петь молебны²⁷; но как человек он не ведает ни нравственной, ни религиозной благодати христианства; и Бог для него — не более, чем «привычное нашему сознанию Высшее Существо»⁸.

Шаляпиных было два: вдохновенный артист, реформатор русской оперы и буйный, некультурный, неблагоприятно воспитанный малый — без веры, без доброты, без удержки; с хитростью, но без такта; когда нужно, с шармом; когда не нужно — то с черствостью и неблагодарностью; с презрением к менее даровитым, с нетерпимым отношением к чужому успеху.

Шаляпиных было два: один — напряженно, требовательно, чутко творящий искусство; другой — полуинтеллигент с чертами нувориша, поддевочный парень с темпераментом и замашками большевистского поэта Есенина; типичный для нашей революционной эпохи, как бы предварявший ее и помогавший ее наступлению человек с низов, взмывший наверх и не умеющий справиться с охватившим его головокружением; младший буреви́стник, родной брат своего старшего брата Горького; человек без мирозерцания; не доросший до самого себя как артиста; и не способный достойно понести в жизни бремя своего дарования и своего призвания.

4

Теперь обратимся к Шаляпину-артисту. И прежде всего его *голос*.

а) Голос Шаляпина необычайный. Иногда хочется сказать, что его голос был талантливее его самого. Это был действительно *дар природы*.

1. Диапазон его был не так велик: прекрасного, полного звучания всего две октавы; это был бас с тяготени-

ем к баритону; профундовых нот октавного характера у него не было совсем; уже на нижнем *фа дизь* голос его звучал неполно; *фа* и ниже — у него не было никогда. Роли Сусанина, хана Кончака — были ему уже не по голосу; он должен был или брать низовую каденцию вверх или транспонировать; зато басо-баритональные верхние ноты были у него прежде удивительно свободны, красивы и легки — и *фа*, и *фа дизь*; он подчас играл ими, перекидывая с верхнего *ре* на верхнее *фа* (как в Фаусте при появлении из-под земли), с тем чтобы прокатить через полторы октавы до нижнего *ре*; *саль* и *саль дизь* были ему уже недоступны — Демона он должен был транспонировать и пел его всего один раз²⁹.

То, что делало его голос единственным в своем роде — это *его сила, его свобода, его точность*, и главное, *его тембр*.

II. *Сила* шаляпинского голоса была необычайна; покрыть оркестр или хор не составляло для него затруднений. Это впечатление «грозной мощи» слушатели отмечали с первого выступления его³⁰. Я слышал однажды в его исполнении «Пророка» Римского-Корсакова, в котором последние слова — «Бога глас... Восстань, пророк, и виждь, и внемли...» исполнял в унисон с ним хор басов из 25 человек; исполнение шло fortissimo; голос Шаляпина слышен был сквозь все; в каждом звуке слышалось *отсутствие дна*; Шаляпин знал это и, переняв у Мазини mezzo-voce, любил в самом piano и pianissimo показать это отсутствие глубинного дна в звуке.

III. К этому присоединялась *свобода его голоса*. Эта свобода поразила и пленила Савву Ив<ановича> Мамонтова с первого мига.

У слушателя всегда было чувство, что поющий Шаляпин нисколько не напрягается, не трудится, не старается: это была льющаяся простота потока, что-то естественное, беспрепятственное, само собою разумеющееся; слушая пение, мы всегда немного тревожимся за певца — выйдет ли у него, не забудет ли, не сорвется ли, не соврет ли; то же и с музыкантами. И это бессознательно нас напрягает, отвлекает от полноты художественного внимания и утомляет. У Шаляпина была такая естественная уверенность в пении, такая легкость, про-

стота и свобода, такая властная безошибочность (причем волнение эстрады, в котором он признается, слушателем совсем не замечалось!), что слушатель как-то мгновенно успокаивался, напряжение исчезало, обеспеченность мастерства успокаивала — и душа всецело уходила в преподносимое художественное содержание.

Пение лилось само, от обилия, от неисчерпаемости, с такою легкостью, с какою пианистический мастер играет труднейшие пассажи; получалось особое сочетание *мощи и произвольной игры*. Эта свобода и легкость, по-видимому, были даны ему с самого начала и от природы; до Усатова³¹ он пел не учась; конечно, Усатов научил его «опирать на грудь», «упирать в зубы», «давать голос в маску», «не делать ключичного дыхания» и т. д. — всей технической премудрости пения; но, по-видимому, Шаляпину эта наука давалась очень легко: прекрасный орган его узнавал в этих *правилах* свою *собственную природу* — к сам он до конца считал все это нетрудной азбукой певческого искусства.

IV. Замечательна была *математическая точность его голоса*: у Шаляпина не было в пении музыкально неточных, нечистых, двусмысленных звуков; он всегда брал то, точно то самое, чего хотела прихотливая кривая мелодии: и в септимном прыжке, и в форшлагге, и в хроматическом «восточном» движении персидского романса, и в сценическом крике, и в сценическом хохоте («Блоха», Мефистофель, Варлаам), и в затянувшемся фермато.

Эту математическую чистоту звука он не соблюл в последние годы жизни, когда стал петь с нажимом, с излишним, подчас надрывным подчеркиванием и даже еще хуже — с какими-то по-любительски распушенными подъездами, раскатами, затактными начинаниями, мычаниями и т. д.; тот, кто слышал Шаляпина в былые годы, горестно внимал ему под конец; а кто знает Шаляпина только за последние годы, тот с трудом вообразит себе его былое пение.

V. Главная красота его пения — в *тембре* его голоса.

Этот тембр не был самым мягким из известных: итальянские голоса, вроде Батгистини, бывали мягче, усладительнее, вкрадчивее, ласковее; тембр Шаляпина

суровее, строже; нисколько не изнеженный, свободный от слащавости; это был *строгий* и *глубокий черный бархат*; он не подкупал слушателя нежностью колорита, а брал его своей *повелевающей властью*; и тайна его пения, для которой доселе не найдены верные слова, состояла в двух способностях его голоса: это, во-первых, — способность *включать трепет дыхания в даваемый звук*, и во-вторых, способность превращать строгий и глубокий черный бархат звука во всевозможные тончайшие и точнейшие *оттенки чувства*.

Шаляпин не просто пел, а *дышал вам в душу своим звуком*: в его массивном, до колокольное™ глубоком звуке трепетало дыхание, а в дыхании трепетала душа; его голос имел власть взять слушателя и довести его немедленно до суггестивной покорности; с тем, чтобы заставить его петь с собою, дышать с собою и трепетать с собою; дыхание и придыхание давало звуку жизнь; звук переставал быть *звоном*, а становился *стоном*; вы слышали в нем вздымающуюся и падающую, сгущающуюся и разрежающуюся линию чувства — и ваша душа плыла в нем и жила им; получался звук, предельно насыщенный одушевлением, повелительно охватывающим душу слушателя; это еще не одухотворенность звука, но *вдохновенная одушевленность его*; для одухотворенности нужно еще духовно значительное содержание и верная приспособленность звука к нему.

Наслушавшись Шаляпина, невольно вспоминаешь греческое учение о диафрагме: греки называли диафрагму *<πρίν* и считали ее местонахождением человеческих чувствований; и вот, хочется сказать: движение этой диафрагмы — то вздыхающее, то трепещущее, то всхлипывающее, то застывающее, то распускающееся, то стремительное в толчке, то медлительное в смычковой длительности — вливает эти чувства в звук поющего артиста.

Отсюда у Шаляпина это единство *душевного вздоха и поющего звука*; когда он пел, то его страстная и бурная душа вздыхала звуками высшей выразительности и чрезвычайного разнообразия в оттенках.

VI. Именно этим объясняется *выразительность его звука*. Он умел особенно, по-шаляпински, *лепить звук чувством* — то сдавливая его рыданием, то наливая его

черным тяжелым металлом, то приглушая его до блеклости, то давая разлиться на просторе до полной ясности; мечтая звуком, томясь звуком, желая, грозя, дразня, вызывая, отчаиваясь, изнемогая; смеясь, иронизируя.

Чувство лилось через дыхание в звук, ежеминутно меняясь и совершая это с такою естественною простотою, что душа слушателя становилась покорной скрипкой в руках этого мастера; сам Шаляпин осознал эту тайну своего пения и называл ее *интонацией вздоха*, которую нельзя начертать никакими знаками ни на какой бумаге³².

«Математическая верность музыке, — пишет он, — и самый лучший голос мертвенны до тех пор, пока математика и звук не одухотворены чувством и воображением»³³.

Он должен был бы сказать: «пока не одушевлены», ибо здесь до *духа* еще далеко, но он не умел различать *душу* и *дух* — и на этом впоследствии и сорвал свой артистический рост.

«Одно *bel canto*, — пишет он еще, — наводит на меня скуку». Его голос был от природы эмоционален, а эмоции его были *страстны* и *властны*³⁴.

Замечательно при этом, что в *жизни* эмоции его были примитивны и инстинктивны, они не воспитывались и не облагораживались духовной жизнью человека; но по приказу композитора, по заказу музыки и пьесы, под диктовку пьесы и роли он мог вдохновением улавливать сложные чувства и тонкие движения души и добиваться их верного внедрения в звук и в жест.

Напрасно было бы думать, что это давалось ему так же легко, как выходило в исполнении. Он сам пишет: «Долгими и упорными усилиями достигал я совершенства в своей работе, бережными заботами укреплял я дарованные мне силы». «Я вообще не верю в одну спасительную силу таланта, без упорной работы. Выдохнется без нее самый большой талант»³⁵.

Так он и научился владеть своим голосом. Вот его собственное указание: «звук должен умело и компактно опираться на дыхание и свободно двигаться»; «надо научиться водить дыханием по голосовым связкам, как смычком по струне»³⁶.

«Вся сила пения — в правильности интонации, в окраске слова и фразы»³⁷.

Эти интонации вдоха, эти эмоциональные окраски слова и фразы он искал иногда годами; годами он пел «Блоху» Мусоргского и оставался недоволен ею; и все вздыхал: «Моя любимая Блоха», — и наконец овладел ею. Он считал ее своим «chef d'oeuvre»³⁸.

«Блоха» стала образчиком его выразительного мастерства. Вот как она у него звучала. (Диск. Перерыв.)

ВТОРОЙ ЧАС

1

Я пытался дать аналитическое описание шалаяпинского голоса и рассказать вам, как рождался этот властно насыщенный чувством звук, как бы томящийся чувством и заставляющий вас томиться с ним.

Этот звук обладал способностью показывать настроение души как бы с наведением *точного фокуса*: вот так, когда смотришь в бинокль — и вдруг найдешь точку максимальной зоркости, или в фотографии, когда снимаешь фокус, или в волшебном фонаре — вдруг вся картина так выступит на полотне, как отлитая — так звук Шаляпина точно, выпукло, скульптурно чеканил передаваемое настроение души.

Ему стоило чуть-чуть сдавить звук и понизить его силу — и у зрителя сжималось сердце и острый холод шел по спине. Этот звук дышал, это дыхание трепетало, этот трепет вызывал ответный трепет у слушателя.

2

Замечательно, что эта точная скульптурная передача захватывала у него и дикцию: слова в его пении чеканились не только в величайшей ясности, но и в величайшей выразительности.

Гласные а, е, и, о, у, ы, я, ю имеют у него — *каждая* — множество различных фонетических толкований, в зависимости от выражаемого чувства. Это есть у всех у нас. Такова фонетическая способность русского языка. Шаляпин бессознательно уловил ее и использовал: откровенное *а*, гордое *о*, тяжелое *у*, упорное *ы* покорны

ему, как нежный пластилин, и готовы всегда видоизменяться и вместить в себя непривычное и неожиданное для них содержание.

Наряду с этим у Шаляпина музыкально заговорили и запели *согласные звуки*; они были им включены в звучащий текст. Послушайте, как он произносит такие слова, как «аррелл», «аххалладела», «страхх».

Нередко за согласным звуком появляется как бы легкая тень его, какой-то намек на французское *Э мюэ*, на недопроизнесенный отблеск; и наш бедный, родной *твердый знак*, *ер*, столь легкомысленно отмененный революцией, вдруг оживает и оправдывается в пении Шаляпина: он говорит «крылолю», «скорби/иь», «смерть». Русская орфография прекрасно подслушала этот заключительный *дозвук*, замыкающий слово с согласным звуком на конце, и обозначила его *еромь* и *ерью*.

Дикция Шаляпина произносит слова как бы *в луну* — с точностью и выпуклостью увеличительного стекла; и можно с уверенностью принять, что он дошел до этого не декламаторской или филологической теорией, а *силою эмоционального изращения*³⁹ и *воплощения*. Чувство требовало всю звуковую плоть слова, чтобы насытить ее до отказа. {«Узник».)

3

Что у Шаляпина было феноменально — это *дыхание*.

Дыханию можно научить; и слабую, колеблющуюся диафрагму, дающую качающийся звук, можно укрепить. Шаляпину в этом не было надобности. Атлетического телосложения, он имел прекрасные легкие и великолепную, покорную, держку диафрагму. И потому — дыхание бесконечной длины. Это позволяло ему давать звук любой краткости и долготы; набирать почти неправдоподобный запас воздуха и экономить его в пении до последнего дуновенья. И когда у слушателя подчас делается чувство, что вот, звук сникает, отмирает и сейчас отомрет вместе с иссякшим дыханием, Шаляпин вдруг тем же дыхом распускает перелив русской песни и начинает новую музыкальную фразу. («Вниз по матушке по Волге».)

4

Музыкальный слух его был превосходен; по-видимому, он владел от природы и абсолютным слухом, т. е. способностью узнавать и брать без помощи инструмента звук любой высоты и любой тональности.

Совершенно неправдоподобно, чтобы Шаляпин мог фальшивить.

И тем не менее мы находим в наших материалах два случая, когда он в пении врал.

Один он рассказывает сам: мальчиком в церк<овном> хоре, исполняя соло, он робел так, что неодолимый страх отнимал у него голос и заставлял его делать ошибки. Он пишет: «В такие минуты я с ужасом замечал оскаленные на меня зубы регента и в следующий раз у меня соло отнимали»...⁴⁰

По-видимому, этот страх оставался у Шаляпина всю жизнь; но он не мешал его прекрасному слуху делать свое дело.

Второй случай рассказывает Коровин: стр. 120 — 121. Этот случай ясен: Шаляпин нарочно и очень удачно дурачил Тучкова, фальшивил, дразня его — и все это понимали кроме самого Тучкова.

5

К верности слуха у Шаляпина присоединялось острое и точное чувство ритма. Это чувство, присущее ему от природы, когда-то пробудил в нем его первый учитель Усатов, который начинал при нарушении ритма выбивать ритмованный такт нотами по его голове. «Я сокру, а он меня по башке нотами! — отбивает такт»⁴¹.

Дело тут, конечно, не в такте: такт — вещь простая, а именно в *ритмическом* строении такта. Это чувство ритма постепенно обострилось у Шаляпина так, что от каждого уклонения он начинал страдать; а так как страдать молча было не в его нраве, то он начинал сердиться, отбивать рукой или ногой ритм со сцены дирижеру, а если тот не слушался, то рычал на него, ругался, уходил с репетиции или же совсем отказывался петь в данной пьесе.

Вот откуда у него эти бесчисленные ссоры и скандалы на репетициях. «Так ведь это ноты, ведь еще не музыка, — сердился он. — Что за темпы! Начинать сначала». «Ведь композитор <Рубинштейн> был умный человек, а вы все ноты играете, как метрономы. Смысла в вашей музыке нет. Конечно, мелодия выходит, но всего нотами не изобразишь... Ноты — это простая запись, нужно их сделать музыкой, как хотел композитор. Ну вас всех к черту!»...⁴⁴

Однажды он прямо объявил дирижерам Императорского театра: «Может быть, вы лучше меня любите ваших жен, детей, но дирижеры вы никакие»⁴³... Все обиделось и объявили ему бойкот.

Перед бенефисом своим, ставя «Демона» Рубинштейна, он, впрочем, нашел исход; явившись на репетицию, сняв шарф и шубу, он подошел к дирижеру и обратился к оркестру: «Господа: вы, музыканты, вы, все профессора, и вы, дорогой маэстро (к Альтани⁴⁴), прошу вас, дайте мне возможность продирижировать мои места в опере». Тогда Альтани отдал палочку. Шаляпин начал. Ариозо «Клянусь я первым днем творенья»⁴⁵. И запел полным голосом, чего он на репетициях обыкновенно не делал. Так он продирижировал всю свою партию. Альтани отмечал карандашом в своей партитуре. Шаляпин пел и за себя, и за хор, и сразу повеселел.

Кончилось дело хорошо. Шаляпин всех благодарил, а оркестр сыграл ему туш.

Я знаю еще другой случай в «Хованщине», которую он режиссировал. В стрелецкой слободе, в капризном ритме — затерялась у хора где-то из шести четвертей одна четверть. Шаляпин замучил всех в отделку — но заставил найти верный ритм⁴⁶.

А ритмические прыжки в «Блохе» Мусоргского мы сегодня уже слышали.

б

Несколько иначе обстояло у Шаляпина дело с художественным вкусом. Этот вкус не был дан ему от природы, развивался медленно и до конца дней оставался условным и сомнительным. Я не знаю, понял ли, почувствовал ли Шаляпин, что такое пошлость и вульгарность

в искусстве — в теме, в музыке, в исполнении и в поведении артиста... Знаю только, что к концу дней этой пошлости и вульгарности и связанных с нею художественных пятен и художеств<енной> фальши у него не убавилось, а прибавилось — и подчас даже до невыносимости.

Установлю прежде всего, что в этом моем суждении о вкусе Шаляпина я не одинок.

Шаляпин сам рассказывает, как Савва Ив<анович> Мамонтов учил его вкусовому восприятию и суждению *в живописи* и как он хлопал глазами и не мог ни уловить, ни понять, в чем дело⁴⁷.

А Коровин рассказывает, как Шаляпин в последние годы своей жизни пытался разыгрывать знатока в вопросах живописи, старой мебели, тонких вин — и попадался впросак; Труффи⁴⁸ говорил о нем: «Хороший голос, но несерьезный человек».

Врубель говорил ему: «Вы же не певец, а передвижная выставка, вас заела тенденция. Поете «Блоху», «Как король шел на войну» — кому-то понравится хотите. В искусстве не надо пропаганды». И однажды, когда Шаляпин похвалил одну из его картин, Врубель ответил: «Вам нравится — значит плохо»⁴⁹.

Другой раз Мамонтов давал обед Витте. Врубель сидел рядом с Шаляпиным. После рыбы Шаляпин налил себе красного вина. Тогда Врубель отнял у него красное и налил ему белого — и добавил: «В Англии вас никогда не сделали бы лордом. Надо уметь есть и пить, а не быть коровой. С вами сидеть неприятно рядом»⁵⁰.

Это рассказал сам Шаляпин в последние годы и добавил: «Но он был прав, я теперь только это понял. Да, Врубель был барин»...

А художник Серов говорил о нем: «Есть в нем дар и полет, но все это перемешано со всячинкой»...

Когда Шаляпин за границей писал свою книгу, он был предоставлен в вопросах худ<ожественного> вкуса самому себе; и что же, оказывается, ему нравилось?

Вот он преклоняется в музыке перед Мейербером⁵¹. Ему весьма нравятся стихи Демьяна Бедного, которого он считает даровитым поэтом. Как люди ему чрезвычайно симпатичны Каменев и чекист Бокий. Чарли Чаплина он считает изумительным и всемирным. Очень ценит

(чудовищную по безвкусице!) поэму Александра Блока «Двенадцать». А «Пророка» Пушкина — сравнивает с механической человекообразной машиной, с роботом. Выписывает все стихотворение целиком и спрашивает: «Чем не робот?» Признаюсь, прочтя эту выходку у Шаляпина, я понял, почему он всегда пел «Пророка» Римского-Корсакова звучно и громко, но беспомощно и художественно неубедительно. Для меня все это важно потому, что художественный вкус Шаляпина и в исполнении был небесспорен и подлежит критике; его нельзя канонизировать; ни русская опера, ни русский романс не должны идти по его стопам слепо, но с зорким выбором; что хорошо, то хорошо, а прочее не должно делаться священной традицией.

Например, можно вполне понять, что Шаляпин в поисках выразительного пения и романса обратился к Мусоргскому, который сам в поисках искренности и выразительности готов был ломать заборы и доходить до невозможного.

У Мусоргского немало гениального. Но немало и художественно безвкусного. Таковы его натянуто-аллегорические ходульные «Песни и пляски смерти»; таков его вульгарный «Козел», таков его «Раек», этот устаревший партийно-музыкальный памфлет, карикатурный гротеск на вульгарно-безвкусный текст, сочиненный самим Мусоргским, с неподходящей музыкой из чужих отрывков; но такова же, т. е. художественно безвкусна, и знаменитая «Блоха», начиненная какой-то подкаретной злобой, беспредметным и недоговоренным ехидством; где *черт глумится* — и никто не может понять, *над чем* он, собственно, глумится; и в то же время, будучи чертом, *боится* своего глума, *трусит* и от трусости готов обратиться и свою злобу, и свой глум *в хихикающую шуточку*, в результате чего слушателю делается противно все — и дружащий с блохой король, и не смеющаяся почесаться королева, и блоха, и Мефистофель — и автор стихотворения Гете, и не нашедший для своего смеха лучшей темы и лучшей формы гениальный Мусоргский (такими шутками могла развлекаться челядь в мелких германских княжествах былого времени, где все полно было завистью и интригой вокруг маленьких тронов и их малюсеньких временщиков, — Гете, увы, зачерпнул из этой

безвкусной атмосферы, Мусоргский, увы, сделал из этого мастерской куплет, Шаляпин сделал себе из этого куплета мастерского конька — своего рода выразительно-игривый кукиш в кармане); но художественному вкусу здесь нет радости.

Еще меньше радости этой — от «Райка». Мусоргский не понимал и решительно не считался с тем, что *не все предметы мира поют и не все темы певучи*; что есть в жизни немзыкальная и антимзыкальная *проза*, из которой не идет никакой музыки и на которую не следует натягивать музыку насильно. Таков «Раек», такова «Женитьба» Гоголя и другое.

Не разумел этого и Шаляпин. Внедрение в быт грозит искусству *натурализмом, прозаизмом, карикатурой.*

И это у Шаляпина не случайно: натуралистичен был его Варлаам; карикатурен, хотя и страшен, Дон Базилио.

И что всего поучительнее: когда революция развалила и погубила ту духовную, культурную, артистически утонченную атмосферу, которая царила в интеллигентной России; когда хлынула на ее место низина революции с ее чудовищным безвкусием; когда Шаляпин вышел на рынок международной эстрады со всем ее безвкусием, пестротой, анархией, американизмом и модернизмом — и был предоставлен здесь самому себе, — то мы, его прежние ценители и почитатели, услышав его через ряд лет, с болью узнавали и не узнавали в этом певце бывшее детище русской художественной культуры и русского утонченного художественного вкуса.

Шаляпин был не просто *он сам*, безошибочный гигант, творческий гений. Он *был рожден Россией и вне ее был невозможен.* И художественный вкус его воспитывался и обуздывался русской утонченностью и русской требовательностью.

7

В этой связи надо установить те влияния, под воздействием которых пробудился, вырос и окреп талант Шаляпина.

1. Это прежде всего *русская простонародная песня*, льющаяся по всей России из конца в конец много сот лет. Ее искренность, ее эмоциональность, ее выразитель-

ность сделали Шаляпина, как нац<иональное> явление, возможным. Мы знаем, что Шаляпин ее наслушался и от нее пошел. Но нет данных о том, чтобы он когда-нибудь ее *собирал* и *изучал*. Перенимая у мельника Никона Осиповича «Лучину» и другие песни, он, по-видимому, не обратил внимания на то, что у русской песни *свои* тональности, *особые* гармонии и *каденции* — и пел их в *случайной редакции*.

II. Не подлежит никакому сомнению, что и цыганская песня дала Шаляпину свое. Цыганская песнь не просто поет, а поет-ворожит, ворожит-заклинает, закликает-томится. У цыганок особая постановка голоса, и тот, кто слышал, напр<имер>, Варю Панину, тот наверное заговорит о преемственной связи между нею и Шаляпиным.

III. Церковно-православное песнопение *менее* влияло на Шаляпина. Только в лучших, молитвенных местах его ролей можно уследить некоторую традицию духа. Исполняемые же Шаляпиным с хором «Верую» Архангельского и «Верую» Гречанинова поются-декламируются *им столь аффективно, деланно, театрально-вычурно*, что невозможно изумляешься такой *полной нечуткости* его к искренней простоте и глубине православного песнопения.

IV. В детстве Шаляпин увлекался балаганами, и в частности известным Яковом Мамоновым, о коем он с нежностью вспоминает в своей книге. Увы, эти непреодоленные балаганные оттенки слышались у него и в «Райке» Мусоргского, и в песне Варлаама, и в арии о клевете (La Calunnia) Дона Базилио.

V. Несомненно, что технику пения, искание ритма и тягу к бытовой выразительности он получил от Усатова.

VI. Дальнейшей школой бытовой выразительности был для него Мусоргский и отчасти Даргомыжский.

VII. Огромное влияние на него имела *русская драматическая сцена* с ее единственной в мире *школой художественной простоты и традицией искренней естественности*. У оперных коллег Шаляпин не учился; у *драматических постоянно*. Он сам упоминает о советах петербургского актера Мамонта Далекого и нашей гениальной московской артистки Ольги Осиповны Садовской. Но этого мало: русский драматический театр был просто той *сценической оранжереей*, в которой вырос Шаляпин. И все жизненное

дело Шаляпина состояло в *перенесении художеств, традиций русской драмы в русскую оперу*.

VIII. Из певцов Шаляпин преклонялся только перед Мазини, ездил к нему в Италию и говорил о нем, что он был не певец, а «Серафим от Бога»⁵².

Коровин считает, что Шаляпин научился у Мазини лиризму в пении и mezzo-voce. Я думаю, что и во многом другом Мазини научил и отшлифовал его.

IX. Тонкая артистическая натура Саввы Ив<ановича> Мамонтова дала Шаляпину тоже немало: в деле вкуса, чувства меры, художеств<енной> чуткости это была целая школа.

Шаляпин и сам рассказывает, как Мамонтов вправил его в настоящее самочувствие Иоанна Грозного в «Псковитянке», когда роль не шла и Шаляпин над нею плакал.

X. В вопросах чисто музыкального вкуса, чутья и понимания ему много дало общение с Рахманиновым — артистом благородным и утонченным, столь же изумительным пианистом, как и дирижером.

XI. Великие дары он получил также и *от русских художников*. Они раскрыли его живописное видение, учили его художеству, зоркости, точности, вкусу, чувству меры. Они воспитывали его то резким осуждением, как Врубель; то сценическими советами, как Коровин и Серов; то строгой требовательностью к себе, как Нестеров; то тихой и задумчивой мудростью, как Левитан. Это за Левитаном Шаляпин записал такое наставление: «Протокольная правда никому не нужна. *Важна ваша песня, в которой вы поете лесную или садовую тропинку*»⁵³.

Шаляпин сам сознается: «Я как губка впитывал в себя лучшие веяния времени, которое во всех областях искусства было отмечено борьбою за обновление духа и формы творений».

XII. И наконец, нельзя не упомянуть о том, что свои две коронные роли русских царей — Грозного и Годунова — Шаляпин постиг и выносил после совещаний с таким замечательным русским историком, как В. О. Ключевский.

Ключевский был не просто ученый, но ученый-художник — мудрый ведун, созерцатель русской древно-

ста, который пошел Шаляпину навстречу как художник художнику, умудрил и опредметил его усилия.

8

Так сложился, так стал возможен Шаляпин как национальное русское явление. Тут соединилось множество русских талантов, кончая никому не известным замечательным русским гримером Федором Григорьевым, чтобы помочь вырасти, отшлифоваться и умудриться такому артисту, как Шаляпин.

Будущий биограф отметит здесь и влияние лучших русских режиссеров, и влияние Моск<овского> Художественного театра, и влияние русских скульпторов (в частности, Антокольского), может быть, даже влияние Максима Горького, который учил Шаляпина не *любить*, как другие художники, а *ненавидеть*. И в этом постоянном подзуживании к ненависти и в отклике на эту агитацию Шаляпин был *сыном своего времени*.

Если мы окинем взглядом его репертуар — и концертный, но особенно оперный, то мы заметим, что он имел *свое оперно-драматическое амплуа*. Если отвлечься от той смеси ролей, которую ему навязывали и за которые ему приходилось браться вначале, а взять его главные, коронные роли, то мы увидим, что его главным амплуа была *злоба и преступность*. Вот два *Мефистофеля* — по Гуно и по Бойто⁵⁴: Мефистофель — сатана, профессионал злобы и злодейства. Вот *яростный царь Иоанн* в «Псковитянке», только что казнивший Новгород и чуть не расправившийся со Псковом. Вот фуриозный⁵⁵ *хан Кончак*, перед которым все трепещет. Вот дьявольский злодей *Ерошка* во «Вражьей силе» Серова — воплощение этой вражьей силы. Вот фуриозный *Олоферн* — закаляющий и закатаемый. Вот преступный и грозный царь Борис — по Мусоргскому. Вот пьяный и преступный Галицкий из «Князя Игоря». Вот завистник и злодей Сальери — по Римскому-Корсакову. Вот торгующий своей дочерью и безумный Мельник — в «Русалке».

Вот мелкий и пошлый злодей Фарлаф из «Руслана» Глинки. Вот воплощение злобного и клеветущего властолюбия Дон Базилио из «Севильского цирюльника»... Вот еще воплощение зла — Демон.

За пределами этого остается немного:

Сусанин в «Жизни за Царя».

Досифей в «Хованщине».

Дон Кихот у Массне.

О последнем сценическом образе существуют, впрочем, два мнения: одно — наивно-восторженное, умиленно-хвалебное; другое — весьма критическое, подчеркивающее ту искусственную деланность, ту невыносимую аффектацию, которая была бы совершенно невозможна у артиста с уверенным и тонким эстетическим вкусом.

Многие категорически отказываются слушать даже в дисковом исполнении ту истерически аффектированную, художественно фальшивую, мелодраматическую слезливость, которую Шаляпин дает в сцене смерти Дон Кихота.

Уже Добрыня Никитич Гречанинова не привлек его, он просто не выучил партию; да и сам Гречанинов записал: «Роль благородного защитника угнетенных, доброго семьянина, храброго князя давала Недостаточно широкое поле для его игры. Так же, как и роль Руслана, так же, как и роль Игоря. И говорить ли о других?»⁵⁶

Чем больше роль воплощала *трагедию злой, ожесточившейся, преступной души, и притом властной, деспотической души*, тем больше она имела шансов войти в репертуар Шаляпина и стать его коронной ролью.

Аналогичное тяготение было у него и в романсах.

Его главное мастерство составляли *зловещие романсы*, начиная с «Блохи»; *трагические вещи*, начиная со «Старого капрала» и «Судьбы» Рахманинова; и *страдающие жалобы* — наподобие «Ни слова, о друг мой» Чайковского или «Узник» Рубинштейна.

И только в виде исключения и отдыха можно было слышать у него вещи широкой, льющейся лирики. Шаляпин был *мастер злой и тоскующей души*.

Он был *сыном революционной эпохи и глашатаем ее злого дыхания*. Это соответствовало *особенностям его натуры и его вкуса*.

Он был не только детищем своей страны, но увы — и детищем своей эпохи.

Правда, эта же эпоха создала целый поток умиляющего, трогательного, нежного искусства, благородного и утонченного: называть ли нашу живопись XX века, наших композиторов размера Рахманинова и Метнера, постановки Художественного театра и его студий, «Снегурочку» и «Град Китеж» Римского-Корсакова, создания русского балета, Чехова, Шмелева.

И зловещим особняком надо всем этим стоят три различные и своеобразные фигуры русского искусства: Шаляпин как певец; Голубкина как скульптор; и Бунин как писатель.

9

Здесь мы опять наталкиваемся на ту особенность Шаляпина, которая помешала ему осуществить свое призвание до конца *и создать школу русской художественной оперы*. А между тем для этого у него было много данных и возможностей. Так, прежде всего ему удалось в значительной степени подсмотреть и подслушать свой дар и превратить его из *таланта* в *метод*.

В его книге «Маска и душа» ценно не то, что он сообщает о своей жизни, *а то, что он сообщает о своем искусстве*. Вопреки расхожему воззрению, согласно которому актер руководится иррациональным вдохновением, Шаляпин, подобно Станиславскому, отводит очень большое значение *сознательной* работе актера. По его мнению, эта работа имеет «решающее значение» — «она возбуждает и питает интуицию, оплодотворяет ее»⁵⁷. Оперный певец должен выучить не только свою роль, но все роли

а) до единой — вплоть до реплики хориста.

Зачем? Затем, чтобы увидеть *всю ткань пьесы*, в коей он сам одна из нитей — м. б. главная, м. б. второстепенная, но только именно *нить* именно *этой ткани*.

В этой ткани нет безразличных мелочей; самая последняя фраза маленького персонажа может осветить целое действие. Надо усвоить все слова, звуки, продумать все действия и взаимоотношения персонажей⁵⁸.

В этом требовании Шаляпин *художественно прав*: пьеса не есть сумма разрозненных ролей;

пьеса есть единый *организм*, где все связано, сопринадлежит, питает и освещает взаимно друг друга.

Каждая роль предполагает другую, все другие, разъясняется ими и поясняет их.

Иными словами, я договариваю за Шаляпина:

серьезный, художественный актер-певец должен готовить свою роль так, как если бы он был режиссером и дирижером оперы;

он должен иметь художественную концепцию всей пьесы.

б) Для этого необходимо также изучить быт и историческую обстановку пьесы — не только в том виде, как все на самом деле происходило, но и в том *в*ще, как автор пьесы, может быть, ошибочно, представлял себе и изображал события.

На этом различии может раскрыться весь смысл и замысел пьесы. И все это только урок, начало, подготовленная почва.

Вот почему Шаляпин, являясь на репетицию готовый, немедленно расходился с неподготовленными режиссерами и артистами, начинал спорить, сердиться и требовать.

Его *выходки и ругань* — это был его индивидуальный способ излагать свою концепцию пьесы — работать с ним было учение и мучение, учение и унижение, надо было или покоряться, или идти на скандал.

с) После подготовки должна начаться *душевная и телесная* лепка образа; в своем изложении Шаляпин недостаточно различает две стороны дела.

Надо собрать воедино характер героя, его душевный уклад, настроения, желания — то, что Шаляпин называет «натурой персонажа», «ее главными свойствами»⁵⁹.

И затем искать воображением его внешний образ — не только телесное обличив, но и манеру быть, ходить, слушать, говорить, смеяться, плакать⁶⁰.

Шаляпин пишет: надо вообразить, т. е. вдруг увидеть — увидеть хорошо, ловко, правдиво в целом и в характерных деталях. Если хорошо вообразить нутро человека, то можно правильно угадать и его внешний облик, и попытаться дать «синтез»⁶¹.

Надо признать, что это описание у Шаляпина довольно примитивно, дано наброском, в общих чертах и

совершенно не отличается той тонкостью психологического наблюдения, которая так свойственна Станиславскому.

d) Правда, он дает целый ряд превосходных советов в вопросах грима, мимики, жеста, которые будут еще оценены и применены русскими актерами.

Однако наряду с этим мы находим у него утверждения, далекие от глубины и правды. Напр<имер>, когда он говорит «сценический образ правдив и хорош в той мере, в какой он убеждает публику». Слова художественно безыдейные, эстрадно-мелкие и пошлые.

Это, конечно, не критерий художества: публика балагана убедится и не художественным обликом; публика французская может совершенно не отозваться на лучшее и тончайшее создание русского гения и т. д.

Сам Шаляпин признает, что *публика может ошибаться*. И требует вследствие этого от актера строгого контроля над собою.

Чрезвычайно интересно его признание, что он *всегда во всех ролях играет в состоянии внутренней раздвоенности*: один играет, переживает, воображает, изображает; а другой контролирует, сам себя поправляет, сам себя критикует и ведет «линию собств<енной> оценки»⁶². Целостное состояние является для него исключением.

Однажды, когда он был особенно хорош в «Борисе Годунове», он, кончив игру, говорил: «Сегодня я почувствовал, что я в самом деле Борис. Ей-Богу — не с ума ли я сошел»⁶³.

В другой раз он говорил: «Просто, когда пою Варлаама, я ощущаю, что я Варлаам... Я просто забываю себя. Вот и все. И владею собой на сцене. Я, конечно, волнуюсь, но слышу музыку, как она льется. Я никогда не смотрю на дирижера, никогда не жду режиссера, чтобы меня выпустил. Я выхожу сам, когда нужно. Мне не нужно указывать, когда нужно вступить. Я сам слышу. Весь оркестр слышу... И когда я пою, то я сам слушаю себя. Хочу, чтобы понравилось самому. И если я себе нравлюсь — значит, пел хорошо. И «никакой тут тайны нет»...⁶⁴

И вот я выскажу мою основную мысль: я думаю, что Шаляпин ошибался; я думаю, что здесь *в творчестве большого артиста есть тайна*; что эту тайну он носил в себе в свои лучшие годы и осуществлял ее; что он был повинен своим современникам и своим потомкам *соблюсти эту тайну, воспитать себя как человека до нее и попытаться передать ее новым артистическим поколениям*. К этому призваны *все даровитые люди*: актеры, живописцы, музыканты, ораторы, поэты, святые, герои, философы и правители.

Они призваны не только творить, но и *преподавать*; не только созидать творения, но и *подслушать свое творчество и рассказать о нем другим творящим людям*.

Они призваны претворить талант в *методу, творчество в школу, вдохновение в воспитание*. Как сказано в Писании: «кто *сотворит и научит*»⁶⁵. Этим гениальный человек не только *действует и радуется* своим действием, но и *делится с людьми силою и искусством своего дара*. Мало самому *гореть* — надо других *научить горению*. Так это всегда и было.

Большие философы — Конфуций, Лао Цзы, Будда, Сократ, Платон — не только созерцали истину и вели прекрасную жизнь, но *учили других созерцать и жить*.

Прав Леонардо да Винчи, когда пишет: «Trattato della pittura»⁶⁶. Прав Леон Баттиста Альберта⁶⁷, что написал свои 10 книг о зодчестве. Правы наши православные подвижники, что писали о сущности своего духовного делания и учили богосозерцанию. Прав Фридрих Великий, что не только правил, но и писал наставления. И Суворов не только побеждал, но и написал «Науку побеждать». И Станиславский трудился над этим все последние годы своей жизни. И книгу Метнера о музыке человечество однажды поймет и оценит. И вот Шаляпин должен был оставить России *не болтливые описания своей жизни, не оправдание своей политической кривизны и не жалобы на своих современников*, которые виноваты только в том, что *избаловали его как человека*; он должен был оставить России *метод своего творчества и живую школу нового оперного искусства*.

Его призвание было не в том, чтобы гоняться за новым, вторым богатством по всей земле, угождая американским снобам и не зная, куда девать деньги (прочтите об этом у Коровина).

Пережив революцию, в которой он сам был повинен и которая его обобрала, он должен был основать *студию новой оперы* и приступить к *осознанию и упрочению шаляпинской традиции*; и нет сомнения, что в этом деле он смог бы *укрепить и очистить свое собственное творчество, углубить свой художественный вкус и осознать законы своего артистического дарования*.

Станиславский приступил к этому давным-давно; и традиция его будет сохранена и упрочена. Правда, Станиславский старше Шаляпина ровно на 10 лет. Но именно потому идею *сценической школы, методизации таланта*, своей особой *студии Шаляпин* получил от Станиславского в готовом виде.

Конечно, Станиславский был другой человек: он был весь *искание*, весь *служение*, весь *созидание*; он был *снедаем огнем постижения*; он *презирал пошлость*; поэтому он умел жертвовать, терять, переносить неудачи и бороться.

Я никогда не забуду грозных раскатов его голоса и его негодующего пунцового лика, когда он в борьбе за художественную независимость театра кричал на руководителей коммунизма в 1920 году в московском совдепе (на Каменева).

Станиславский был *жрецом сцены*, подчас теоретически наивным, часто беспомощным искателем, — но всегда *неличным и жертвенным служителем*; он не терпел вокруг сцены ни пошлости, ни жадности, ни разврата, ни пьянства.

И именно он, как бы в укор разоренному и мечущемуся по Совдепии Шаляпину при большевиках уже основал *оперную студию* в Москве.

Станиславский чувствовал и чуял, что *тайну художества* надо не столько анализировать и записывать, сколько *передавать ее непосредственно другим в горячем личном общении*; говорю это на основании знания — ибо читал первые наброски его книги еще в 1909 году по его просьбе и был в его студии на занятиях.

Вот этого *не личного, самоотверженного, жертвенного горения, отдающего и научающего*, у Шаляпина не было. У него не было *любви* к искусству как таковому; а только к *своим* выступлениям; у него не было *любви* к товарищу по сцене и к молодежи; он был эгоцентрический человек, властный, ревнивый, завистливый, уязвляющийся чужим успехом; ни для кого из своих товарищей по сцене (оперных певцов) он не нашел теплого слова; и сам никем не был любим. Знаю от певца с прекрасным голосом (басом), выступавшего в одном спектакле с Шаляпиным в «Борисе»: он пел Пимена и вдруг к изумлению своему увидел в боковой кулисе Шаляпина, грозившего ему кулаком: «Ты сбавь голоса, е. т. м., а то я тебе покажу». Понятно, почему мысль его о «собственном театре» и о «собственной студии» в Крыму не могла осуществиться⁶⁸.

Не было у Шаляпина чувства долга, патриотического горения, *предметного*, т. е. *неличного*, пафоса в искусстве, любви к людям; а без любви к людям — какая же педагогика?

Шаляпин сам пишет в конце своей книги: «Я искренно думал и думаю, что мой талант, так великодушно признанный современниками, я *наполовину зарыл в землю*, что Бог отпустил мне многое, а сделал я мало. Я хорошо пел. Но где мой театр?»⁶⁹

Под старость он чувствовал себя одиноким и нелюбимым. Но снижение это Теляковский⁷⁰, напр<имер>, отмечает уже *до революции*, когда у него началась погоня за наживой и что-то вроде имущественного «кошейства»... «Жрец» исчез; выступил сценический приобретатель. Художественная работа отошла на задний план. Эстрадные манеры стали вульгарны; голос аффектированно разнуздался.

Это одиночество нелюбимости он, по-видимому, горько переживал в последние годы своей жизни; бранил большевиков и сторонился от эмиграции, богатея и томясь от непонятности. И договорю еще: теряя правила художественного вкуса.

Это началось еще при большевиках. В 1921 году я видел его в Москве в «Борисе Годунове». Он играл такого гнусного каторжника, с таким ломанием, что я и

друзья мои не знали, куда деваться от спада и горя; и хотели писать ему об этом.

И потом здесь, в Европе — в концертах! Прежде? Прежде никогда в нем не было на эстраде этой вызывающей развязности; никогда он не барабанил пальцами по роялю, аффектируя сам себе аккомпанемент; никогда он не щелкал себя по воротничку перед публикой, показывая, что пойдет в артистическую водку пить; никогда он не пел «Блоху», заложив большие пальцы за проймы жилета и т. п.

Эпоха революции была для него последним переломом. Ударом, разорением, утратой. И с этим ударом он не справился. После революции он стал не только эмигрантом: он стал *национально- и артистически-беспризорным русским талантом*; он утратил воспитавший его парник русской культуры и взрастивший его сад русской жизни и увез за границу свою снизившуюся в революцию и растраченную личную художественную культуру.

Человек-Шаляпин оказался душевна и духовно недостаточно сильным, чтобы понести великого артиста Шаляпина.: этому человеку не хватило духовного характера, чувства духовной ответственности, религиозно-патриотического хребта; ибо именно живая религиозность должна была дать ему силу *поставить артистическое призвание выше личных делишек*, и именно живой патриотизм должен был поставить перед ним вопрос: «в этой исторической трагедии, переживаемой Россией, чем я, ею взысканный и обласанный сын, могу и должен послужить ей — духовно и артистически?

Какую традицию ее соблюсти и упрочить?

Какое наследие ее передать грядущим поколениям?»

Знаю, что эти слова мои содержат критику и укор.

Но исходят они из признания этого замечательного, единственного в своем роде артиста.

Шаляпин был призван не просто «прославиться» и создать несколько замечательных сценических образов.

Он призван был усовершенствовать русское эстрадное исполнение и художественно реформировать русскую оперу.

Это дело он начал своим бытием; но *не закончил своим научением и осуществлением.*

Отсюда надо сделать тот вывод, что недовершенное им должен будет довершить другой русский талант. А ему будем благодарны за то, что он все же *сумел* и *захотел* сделать.

Но запомним: дело художественного обновления русской оперной сцены Шаляпиным *только начато* — он дал индивидуальный образец (в первую эпоху своей жизни) и записал несколько ценных советов (во вторую половину своей жизни). Все остальное надлежит еще осознать, закрепить и совершить.

Великий артист требует духовного характера; нет его — и он роняет и снижает свое дело.

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО

ОБ ОСНОВАХ ДУХОВНОГО ХАРАКТЕРА

1

Когда мы размышляем об исторических путях и судьбах России и особенно о ее будущем, то мы должны иметь в виду прежде всего размеры и своеобразие переживаемого ею крушения, его глубину и сложность. Поистине наше положение беспримерно в истории человечества, и ни одна из известных иноземных революций не дает нам никаких сколько-нибудь глубоких аналогий. И ясно с самого начала, что это только затрудняет нашу борьбу. Ибо все, что мы можем извлечь из прошлого, это общие места, вроде того, что «после революции обычно бывает реакция и диктатура, что реставрация прежнего невозможна», что «необходима новая, идейная и волевая национальная и социальная власть», что «эта власть должна быть творческой и консолидирующей, а не мстительной» и т. д. Но это и все.

Поэтому I Россия нуждается больше всего в *самостоятельном национальном творчестве*, в углубленном, свободном, непредвзятом созерцании и постижении; в созидании, исходящем из любви к родине, а не из ненависти к обидчикам другого класса: в творчестве — идейном, программном и тактическом, политическом и социальном. Положение наше, русских патриотов, единственно в своем роде; и это мы должны усвоить крепко; от этого мы должны отправляться и именно так осмысливать нашу задачу. Ни один народ в мире не имел и не имеет ни такой территории, ни такого национального состава, ни такой истории, как Россия*. У нас своя, особая вера,

* См. мои три речи «О России» — изд. «За Россию», 1934. См. также статьи и сводки в журнале «Русский колокол»: № 1 «Русская территория, население России»; № 2 «Историческое бремя России»; № 3 «Войны России. Россия в мировом хозяйстве прежде и теперь»; № 5 «Русская организационная способность. О качестве русского довоенного производства». Для углубленного познания необходимо прочесть и

свой характер, свой уклад души. Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поем. У нас иное правосознание и иная государственность. Так было всегда. И так обстоит особенно теперь, после всего, перенесенного Россией в революции. Поэтому механическое заимствование у других народов сулит нам добра меньше, чем когда-нибудь; и только те из нас, которые потеряли живое чувство России или, может быть, никогда не имели его, которые не видят, а может быть, никогда не видели ее своеобразную проблематику (духовную и религиозную, психологическую и национальную, политическую и хозяйственную), могут думать, что Россия спасается какою-нибудь новою слепую формою западничества. Формы национальной идеологии и национального возрождения должны возникнуть из самых душевно-духовных недр самого народа, из его национально-патриотического горения; они должны быть рождены *его собственной проблематикой, его страданиями, его характером, его историческими и культурными заданиями*. И только тогда они будут ему по силам; только тогда они будут для него целительны... И прежде всего они должны быть именно *по силам* ему, его исторически сложившемуся *характеру* и его *культурному уровню*. Мечта о социально-политической «панацее», т. е. о всеисцеляющем средстве, всегда была наивна и беспочвенна — достояние полуобразованного ума; а ныне эта беспочвенность видна, как никогда. Весь опыт человечества не в состоянии дать нам «готовый рецепт». Он дает нам только драгоценный материал сведений о том, что в *других* странах и при *других* условиях было *другое* и что' именно из этого другого выходило...

Вот почему русские патриоты в борьбе за Россию должны *сами творить* и полагаться на *свой* разум и на *свои* силы.

продумать книги: Д а н и л е в с к о г о — «Россия и Европа», З а б е л и н а — «История русской жизни с древнейших времен». Т. I и II, Х о м я к о в а — «Мнения иностранцев о России. Мнение русских об иностранцах»; К и р е е в с к о г о — «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», С у х о т и н а — «Война в истории русского мира»; К о л о в и ч а — «История русского самосознания» и др.

Это творческое задание мы не можем, не смеем суживать. Нельзя ставить вопрос о борьбе за Россию так, что «все дело в свержении большевиков, а там увидим». Нельзя урезывать свое понимание одним первым этапом, чисто отрицательным заданием: «долгой!», а потом все выяснится и утрясется. В этом роде мыслило предшествовавшее поколение, оппозиционно-революционное, оно твердило: долгой самодержавие и вообразало, что дальнейшее пойдет гладко и верно по схемам западноевропейской демократии. Оно не видело ни *своеобразия*, ни *величия* России, ни *пробелов русского национального характера*, и потому его «положительная программа» не годилась для России, была нежизненна и неверна. И что же? Предреволюционная монархия пала неожиданно с непредвиденной быстротой и «легкостью», а дальнейшее пошло по невиданным, неслыханным, кошмарным путям и только проявило наивную немощь свергателей, их политическую недалекость и политическую неподготовленность...

Итак, нам нельзя иметь в виду одни планы свержения и разрушения; нельзя думать, что «мы разрушим», а кто-то другой построит; нельзя отрывать *тактику* от *программы*, а *программу* от *идеи*. Наивно думать, что кто-то за нас и для нас родит *идею восстановления и возрождения нашей родины* и ее культуры; что кто-то другой откроет и выговорит — *идею новой России*.

Мы должны заранее, теперь же понять, что несет с собою *безыдейная реакция*; да еще после таких унижений и мук; да еще при таком ожесточении сердец... История не знает вечных революций. Революция есть всегда *массовый психоз*, душевная судорога, а всякий психоз имеет свой предел и влечет за собой реакцию, т. е. *обратную судорогу*. Эта судорога в России будет по всем видимостям — стихийная, мстительная и жестокая. Мы не зовем к этому и не проповедуем этого. Но мы должны *предвидеть* это. Страна вскипит жаждою мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России не забыл ни своей «надельной», ни своей купчей земли. В этом кипении встанут, подобно Китаю, десятки авантюристов¹, из коих три четверти будут «работать» на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни

у одного из них не будет творческой и предметной *национальной идеи*. Идеи вообще рождаются не в хаосе, а в созерцании; и не авантюристами, а верными патриотами. Масса, да еще кипящая в слепых страстях, не создаст ничего жизненного. Гете был прав: масса может иметь великие заслуги в драке, но сила ее суждения остается жалкою. Судить и выдвигать творческие идеи для России и от ее лица должны *мы, русская национальная интеллигенция*; и особенно та часть ее, которая пользуется за рубежом *относительною свободою слова* (ибо полной свободы слова и печати не имеем и мы...).

И вот первое, что мы должны сказать: ожесточенным ломом, ревом и погромом *без цели и без идеи* Россию не спасешь. *Необходима идея. Идея долгого, волевого дыхания.* И создание этой идеи лежит на нас.

Мы должны сказать всему остальному миру, европейскому и не европейскому, что *Россия, и в частности зарубежная Россия, духовно жива*; что хоронить ее близоруко и неумно; что мы не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом «перессорились» и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только и думают о том, чтобы восстановить в России все, как было, и мстительно свести свои личные счета с русским простолюдином или с так называемым русским «инородцем»; будто мы раз навсегда безнадежно оторвались от нашей родины и давно уже ничего не понимаем в судьбах нашего народа; будто у нас нет ни творческих сил, ни творческой идеи. Те, кто так думают и говорят, жестоко ошибаются; они этим проговариваются, что им хотелось бы, чтобы было так: чтобы русский народ был уже обезглавлен. Знаем мы эту пророческую картину:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где нам пообедать,
Как бы нам о том проведать?»
Ворон ворону в ответ.
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой²
Богатырь лежит убитый»...

Но есть на свете «мертвая», исцеляющая вода, от которой срастаются разрубленные, разбросанные члены убитого богатыря; и есть «живая» вода, от которой богатырь встает живым и сильным. И эта исцеляющая вода есть *национальное самочувствие русского народа*, скрепленное *объективным единством его всенародного державного интереса*. Им мы воссоединимся. А эта «живая» вода есть *наша любовь и наша вера в русское историческое призвание*; ими мы восстановимся...

Но когда мы утверждаем, что у нас имеются и творческие силы, и творческая идея, то мы не должны смущаться тем, что у нас за рубежом слышно немало слабого, несостоятельного и соблазнительного. Да, есть у нас эти шумливые, заносчиво выступающие и обычно быстро выдыхающиеся течения, представители которых не знали и не знают ни историческую Россию во всем ее блеске и со всеми ее недугами, ни большевизма во всей его противонациональности и свирепости; они, увы, не переживали на месте русской революционной трагедии и не видят современной русской проблематики; они исходят не из духовного опыта, а из личной потребности выдумать злободневный политический «лозунг», и именно поэтому они в большинстве случаев безыдейны и рано или поздно проваливаются в «национал-большевизм», сколько бы они ни прикрывались фразой «все для России»...

Нам не следует смущаться этим: пускай шумят — это дело легкое и безответственное; это накипь брожения; это детская болезнь...

России же нужен не шум, а *ответственная идея* на десятилетия, на века... Идея не отрицательная, а *положительная*; государственная; но не формальная, т. е. не ограничивающаяся простым указанием на голую форму правления, т. е., например, на «монархию» или «республику», так, как если бы этим разрешались важнейшие и глубочайшие проблемы. Эта идея должна быть *государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная*. Эта идея должна исходить из *самой ткани русской души и русской истории*, из их *духовного глада*. Эта идея должна говорить о главном в русских

судьбах — *и прошлого, и будущего*, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость...

Что же это за идея?

2

Это есть *идея воспитания в русском народе национального духовного характера*.

Это — главное. Это — творческое. Это — на века. Без этого России не быть. Отсюда придет ее возрождение. Отсюда ее величие воссияет в невиданных размерах. Этим Россия строилась и творилась в прошлом. Это было упущено и растеряно в XIX веке. Россия рухнула в революции от недостатка духовного характера — в интеллигенции и в массах. Россия встанет во весь свой рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера...

Само собою разумеется, что это воспитание может быть только *национальным самовоспитанием*. Все выстрадываемые нами национальные унижения, коим, кажется, действительно нет меры и числа, могут и должны пробудить в нас инстинкт *национального* самосохранения и народное самосознание; вызвать в нас чувство беззаветной любви к родине и чувство собственного национального достоинства; вызвать в нас голод по самобытности и самоутверждению. Враги России были как бы призваны к тому, чтобы духовно пробудить нас. Но национального воспитания они нам, конечно, не дадут: *и не захотят, и не смогут*. Национальное воспитание может быть осуществлено и должно быть проведено самим русским народом, т. е. его верной и сильной национальной интеллигенцией: священником и монахом, народным учителем, профессором, офицером, судьей, чиновником, художником и литератором. Для этого России нужен *новый отбор людей* — отбор духовный, качественный и волевой. Этот отбор должен постигнуть значение этой идеи и принять ее, углубить, развернуть и провести ее. И этот процесс уже начался — незримо и бесформенно в подъяремной России и более или менее открыто за рубежом: отбор неослабленных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе — Бога, родину, честь и

совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка. Мы все призваны влиться в этот процесс теперь же; а закончится он только в следующих поколениях.

Я хорошо понимаю, что идея русского национального духовного характера не есть ни политический лозунг, ни политическая программа-, это — руководящая, творческая идея. Но именно потому она гораздо больше, чем лозунг и программа, и гораздо глубже, чем всевозможные программы и лозунги. В ней сосредоточено и скрыто множество национальных лозунгов и национальных программ, от сегодняшнего дня — и надолго... В ней указан и лозунг сегодняшнего дня, *ибо ныне бороться за Россию и победить могут только люди, воспитавшие и закалившие в себе национальный духовный характер*-, они должны найти друг друга, сговориться и сорганизоваться. В ней указан и критерий для всякой возможной политической программы: *России полезны только те политические и хозяйственные формы, которые верно учитывают наличный уровень национального характера и которые способны воспитывать, укреплять и одухотворять национальный характер в интеллигенции и в массах...*

Кто-нибудь скажет, что это «неопределенно» и «мало». Но он обнаружит этим только то, что он сам *не видит Россию* и не думает над ее национальными проблемами. Ибо в этой «малости» и «неопределенности» сразу дана целая перспектива великого творческого обновления нашей родины, обновления глубокого и всестороннего: религиозного, нравственного, умственного, художественного, политического и хозяйственного. Углубить и укрепить в жизни русский национальный духовный характер значит научить русского человека *духовно быть, самостоятельно творить и отстаивать свою родину*. Это значит привести в движение и довести до великого духовного расцвета *религиозную* глубину русского духа во всех ее священных традициях мероприятия и подвига, во всех ее еще невиданных возможностях; и *нравственные* силы русского народа, поколебленные мировым соблазном и очищающиеся в небывалых страданиях; *художественное* видение русской души, уже подарившее мир за XIX век такими чудесными дарами. Это значит укрепить

пить *государственный инстинкт* и *гражданственное право-сознание* русского народа и плодотворно развязать *экономические силы* русского простолюдина и русского интеллигента посредством обновления и облагораживания их *хозяйственной воли*.

Если *творческий уклад души* единичного человека или целого народа условно назвать его *творческим актом*, то воспитание русского национального характера должно будет дать *обновление, освобождение, очищение и укрепление русского национального творческого акта*. И задание это столь существенно, столь священно, столь центрально, что всякие формы и реформы жизни являются лишь *средством* по отношению к нему: что содействует разрешению этой задачи — то хорошо; что мешает и тормозит — то вредно и нежелательно... *И все духовные силы русского народа должны быть направлены именно к этой цели*.

В старину русские характеры закалялись не только от суровой природы и в жизненно-исторических испытаниях, но возвращались церковью, выковывались в *монастырях* и в *армии*. В будущем к этим очагам русской национально-духовной силы должны присоединиться *вся система народного образования* и все *патриотически-орденские организации* религиозного и светского характера. Живая школа общественного самоуправления и твердая центральная власть постепенно довершат это дело.

Мы не можем сомневаться в том, что в России восстановится древле-освященная культура православного *монастыря*. Этот монастырь имеет свое великое прошлое и свои традиции. Он всегда был школой *аскетического самообладания* и *молитвенного богосозерцания*. Ныне, после революции, он станет, сверх того, школой *христианского мироприятия** и *лабораторией нового, христиански-религиозного акта***. Ибо монастырское «отвержение мира» есть лишь путь к новому, христиански-просветленному видению мира, приятию его и преображению его; и монах уходит от греховности и пошлости мира именно

См. в № 6 «Русского колокола» мою статью «О приятии мира».

См. в № 5 «Русского колокола» мою статью «Идея обновленного разума».

для того, чтобы насадить (сначала в себе, а потом и в мире) дух благодатности и праведности. И вот, возвращаясь к себе из революционной пропасти, русский народ должен будет принять земную жизнь по-новому, цельным, недвоящимся актом сердца и мысли, веры и разума, созерцания и воли, слова и поступка. Этот новый религиозный акт будет вынашиваться, отстаиваться и насаждаться в стенах и келиях русских обителей и пустыней. Сильный характер есть цельный и искренний. Ему нельзя двоиться и лицемерить, полуверовать-полуневерить, обессиливать любовь «интеллигентностью», веру рассудком, подрывать волю мечтанием, поступок «словесностью». Русский народ будет искать после революции великой и спасительной *религиозной цельности*. Православный монастырь, ведомый православным старчеством, во всей его мудрости и свободе, найдет и укажет ему путь к этой цельности. Тогда он даст России науку религиозного характера и справится со своей беспримерной задачей всероссийского миссионерства.

/ *Русская армия* искони была школой русской патриотической верности, русской чести и стойкости. Самое воинское звание и дело заставляет человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распушенную особу, овладеть собою и сосредоточить свою выносливость и мужественность. Все это элементарные предпосылки характера. Армия невозможна без *дисциплины* и *усердия*. Армия требует воинского *качества*. Она гасит в душах лень и похоть раздора. Она приковывает волю к воинской *чести*, чувство единства и солидарности — к своей воинской *части*, а сердце — к *родине*. Это есть школа характера государственно-патриотического служения.

В будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя своей армии, как это было перед революцией: «мы» — рабочие, крестьяне, штатские, «интеллигенция», а они — «военщина, орудие реакции, усмирители, насильники». Это болезненное и позорное отношение исчезнет навсегда. «Мы» — русский народ; и в нем — наше особое, почтительно-ответственное, знаменосно-собранное «мы»; *наша армия* — наша честь, наша надежда, наша сила, основа нашего национального

существования. Кость от нашей кости и кровь от нашей крови. Она состоит из нас; мы все в нее вливаемся; < интерес — наш интерес: ее победа — наша победа; i разложение — наша гибель. Она — представительница нашего национального рыцарства, крепостная стена нашей национальной свободы.

Принадлежность к ней — не «воинская повинность а почетное право. Неспособность носить меч есть дж квалификация человека. Воинское знамя есть священный хоругвь *всего народа*. Военный инвалид есть почетное т цо в государстве. Русский народ будет искать после рi волюции радостного, искреннего единения со своей аj мией; и он будет прав в этом, созидая ее любовь и чек тию и участь у нее служению, жертвенности и характеру.

Далее, вся система *народного образования* должна влииться в эту борьбу за национально-духовный характер.

В будущей России *образование* не должно отделяться от духовного *воспитания* ни в народной школе, ни гимназиях, ни в профессиональных училищах, ни в университетах.

Образование само по себе есть дело формальное. Оно дает формальные умственные умения — сосредоточиваться, читать, писать, считать, описывать, анализировать, исследовать, проектировать. Оно развивает память и дает ворох отвлеченных сведений, не предпрещая и жизненного содержания, ни качества, ни цели, ни дух. Все это необходимо и полезно, но совершенно недействительно; все это служит и злодеям для их дурных целей: Философ Гераклит был прав: никакое «многознание i научает иметь Ум»³. Образование одной памяти и одно] рассудка оставляет человека *полуобразованным* и, главное *беспринципным*, придавая ему черты самоомнения и извротливости. Полуобразование уводит от духа и от Бога. Беспринципность ведет на службу к дьяволу.

Всякое образование начинается с грамоты и школ! Поэтому судьба будущей России лежит в руках *русского учителя* — преподавателя школы и гимназии, а так» профессора, который есть учитель учителей. Одна i важнейших задач русского общества и правительства • выдвинуть кадр народных учителей, *идейно предать* своему делу, способных не только обучать, но и духов*

воспитывать, и спаянных единством национально патристической убежденности. Русский народ, изживший ему/страдания и унижения коммунизма, с радостью и дов/ем пойдет за этим кадром.

Русский учитель должен прежде всего продумав прочувствовать до конца свою великую националы задачу. Он не специалист по ликвидации безграмотна (не «спец» «ликбеза»), а *воспитатель русских детей*. должен знать и понимать, что дело не только в разв^наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и^реплении *духовности* в детях. Поэтому он должен ! твердо и ясно постигнуть, *что есть духовное начаI человеке*, как надлежит будить его в детях, укрепля^, развивать, как можно пробудить в ребенке религий, чувство, совесть, достоинство, честь, художествен/вкус, братскую сверхклассовую солидарность, право', нание, чувство ответственности, патриотизм и уваж^к своей и чужой частной собственности.

Воспитать и подготовить народного учителя — зн(сделать его живым мастером этого дела. К технике ^чения должно присоединиться искусство воспита/, И самое обучение должно происходить на духовно ^питающем материале сведений и фактов. Самая t\преподавания должна быть обновлена; а методика iчения должна быгть разработана заново.

Все, что воспитывает духовный характер человек^ все хорошо для России, все должно быгть принято, т^чески продумано, утверждено, насажено и поддерж^о И обратно: все, что не содействует этой цели, дол';-быть отвергнуто, хотя бы оно было принято всеми тальными народами. ie

Спорт укрепляет и воспитывает характер, если of а жесток, если он сковывает и дисциплинирует страст!е-не разнуздывает их. Этим должно определяться отн(?)ние к спорту в России. <Ъ

Хоровое пение дивным образом сочетает самостоят^см носгь человека с осуществлением общественной гаше-нии; культ национального русского дара к песн^с нию — с облагораживающей силой музыки. Поэтому^ровое пение должно стать делом всенародным, делом сударственной важности.

Должны быть упрочены духовно воспитывающие формы *суда*, в особенности все виды суда чести. Должны быть найдены новые формы *наказания* — не унижающие, не развращающие, но укрепляющие благую и сильную волю человека.

Частная собственность воспитывает человека к самостоятельности; она должна быть утверждена в социальных формах и видах. Коммунизм угашает личное начало в человеке и ему не будет места.

Кооперация, основанная на добровольном объединении самостоятельных хозяев, но отнюдь не образующая социалистическое «государство в государстве», будет цвести в будущей России.

Хороши те виды *самоуправления*, те формы *избирательного права*, те проявления *политической свободы*, которые воспитывают характер и правосознание, повышают чувство ответственности и чувство верного ранга, укрепляют дисциплину и дух служения. И обратно: все разнуздывающие, снижающие, анархические, деморализующие формы общественности и государственности должны быть угашены, несмотря на то что «другим народам» от них, может быть, и «нет вреда».

И так должно быть во всем.

Для русского народа нет выбора: если он не вступит на этот путь, то он вообще не сможет удержаться на исторической арене. Тогда он будет отваян в пространство, как историческая мякина, или затоптан другими народами, как глина.

Условия расы, климата, равнины и истории русскому народу даны дивные, единственные в своем роде душевные и духовные дары; но *создание крепкого национального духовного характера искони было затруднено именно этими же самыми условиями*. Здесь есть некий *предел* для проявления, расцвета и сияния русского духа; на этом пределе, не осмыслив и не одолев его, Россия споткнулась в XX веке. Этот предел был установлен больше всего суровым климатом; оторванностью от моря; незащищенностью равнины; татарским игом; бесконечными войнами; вызванным этими войнами крепостным укладом и правом; и разноплеменного толщею малых, преимущественно азиатских, народностей. *Этот предел мы*

должны в ближайшие 50 лет одолеть и перешагнуть. Одо-
леть его мы можем только *духовно*: совокупным, собор-
ным усилием духа. Мы должны побороть влияние или
даже давление этих факторов, духовно вырваться из-под
пресса — огромным, длительным напряжением веры, во-
ли и политической мудрости. Этот порыв должен на-
чаться от меньшинства. Не верю и не вижу, чтобы это
меньшинство могло сплотиться без руководства едино-
личного вождя. Но именно признанного вождя, а не
мелкого честолюбца и не безыдейного авантюриста.

Русский народ должен найти древнюю и священ-
ную глубину своего духа, из которой творилось исто-
рическое величие России, и из нее заново начать со-
зидание своей страны и культуры. И если мы, рус-
ские люди, воистину призваны ныне к чему-нибудь —
то к предвосхищению, описанию и подготовке путей
этого грядущего возрождения.

3

Что же должны мы воспитать в самих себе и в нашем
народе? Что такое духовный характер? И как приступить
к этому делу?

Характером, вообще говоря, называют всякий *посто-
янный уклад души*. Такой «уклад», или «строй», сам по
себе еще не предрешает своего *качества*: это может быть
уклад добрый и злой, возвышенно благородный и низмен-
но бесчестный, сильный и слабый, верный и предатель-
ский. С этой точки зрения, «бесхарактерность» есть тоже
своего рода характер: и в самом деле, жизнь показывает
нам характеры капризные, сварливые, ожесточенные,
истерические и т. д. Поэтому мало сказать: «воспитание
характера» — надо непременно договорить: «воспитание
духовного характера».

Это означает, что нельзя предоставлять людям вылеп-
ливать их душевный уклад как придется: пусть де у каж-
дого инстинкт развивается по воле случая, под влиянием
природы, влечений и обстоятельств — на то де человеку
дана свобода, и свободу эту надо уважать. Это якобы
«либеральное» полуинтеллигентское воззрение отжило
свой век, и Россия к нему не вернется. Кто не будит в
своем ребенке духовного начала, тот отдает его во власть

ми)

его инстинктивных влечений; тот просто *предает* его. Свобода есть начало великое, творческое и драгоценное; но она не есть свобода *от* духа, *от* совести и чести. Напротив, духовное воспитание не только не исключает свободу, но prepares человека к ней и к творческому наслаждению ею.

Нельзя, непозволительно, гибельно предоставлять людям расти по воле случая: тогда потребности и обстоятельства давят на инстинкт, а инстинкт извортливо и беспринципно приспосаблиется к обстоятельствам; и в этом инстинктивном приспособлении к природным и историческим обстоятельствам человеческая душа легко усваивает себе способности земляного червя, хитрой лисы и перекрашивающегося хамелеона: все вместе — *рабский уклад души*. Вот этот-то рабский уклад извортливой, шкурной хитрости, беспринципного приспособления к чему угодно и бесконечной унижаемости русский человек должен искоренить в своей душе. Довольно раба! Русская душа должна приобрести уклад *волевой, достойный и царственный*. Она должна выстрадать и выковать себе духовный характер.

Человек без духа не достоин своего звания.

Все люди и все народы — знают они о том или не знают — слагают свою жизнь, свои дела, свою историю перед лицом Божиим. Им светит божественная благодать. Им даются дары Духа Святаго. Божество не только пребывает в надмировом состоянии, как искомый и молитвенно призываемый центр тяготений; оно, кроме того, *реально излучено* и непрерывно излучается в мир, в человеческую душу и во всю человеческую жизнь, сообщая ей действительную *реальность*, интенсивность и глубину бытия, энергию действия, способность к духовному творчеству. Божественная стихия, вливаясь в человека, создает его *духовный характер*, а развертываясь в его делах и созданиях, слагает *духовную культуру народа*.

Именно в этом смысл дивной христианской молитвы ко Святому Духу: «прииди, и вселися в ны...».

Кто из нас не чувствовал себя коснувшимся этой божественной благодати, ее веяния, столь легкого и трепетного, пока душа еще не обратилась к ней; ее дыхания, столь мощного и победного, как только душа обра-

тится и предается ей с любовью и радостью? Один осязал ее в молитве благодарности и зова; другой — в священном холоде вдохновения. Тот — в непреклонной борьбе за родину; другой — в умилении любви или во властном, непререкаемом зове совести, а третий — в целительном пении и ритме музыки или в сиянии живописного образа...

Но не все мы видим и понимаем, что именно эти касания, эти порывы и взлеты выводят человеческую душу из сомнительной сферы земного существования, повседневного прозябания, обывательского «вегетирования» и вводят ее в сферу подлинного, *метафизически-реального бытия*. Здесь межа, здесь великая грань; не мнимая, а подлинная; не «чисто-субъективная», а предметная; не условно спорная, а безусловно бесспорная. Это грань между «душою» и «духом»; между призрачностью и субстанциальностью; между смертностью и бессмертием; между распылением и органическим единством; между возможностью и необходимостью; между слепотою и очевидностью; между безвольной страстностью и волевым характером.

Человек приобретает подлинное бытие и подлинную силу именно через приятие даруемой благодати; через непосредственное приобщение личным опытом к божественному; через вхождение в *Дух*; через прорыв к предметной очевидности. Он приобретает от этого не ту силу, которая сильна только чужою слабостью и чужим ничтожеством; но *силу духовного характера*; силу Богом вдохновляемого орлего лета; силу блага, творящего свою победу даже в те часы, которые, по внешней видимости, развертывают его видимую неудачу.

Но для того, чтобы приобрести такую силу бытия, такой духовный характер, нельзя только *касаться* божественных лучей благодати или как бы проходить мимо них. Надо *принять* их, чтобы они проникли до самого дна души,» в ту глубину, где живет инстинкт самосохранения; надо, чтобы они пронизали этот инстинкт, обожгли его, осветили и одухотворили его. Надо, чтобы волк, таящийся в глубине человеческой души, узрел взор и услышал зов ангела; и, узрев и услышав, вострепетал и пленился сам светом и гласом. И лучше всего, благо-

творнее всего, чтобы человек пережил это еще в раннем детстве.

Основная и священная задача воспитателя состоит в том, чтобы озарить детскую душу божественными лучами, дать ей вострепетать от них, осчастливить ее ими, *влюбить детский инстинкт в Бога и Его мировые веяния*; чтобы эта тайна перерождающего соприкосновения состоялась еще тогда, когда никакое ожесточение и окаменение не овладело душою и не исказило ее судорогою зла; тогда, когда душа нежна, непосредственна, чутка и доверчива.

И вот, когда детская душа, умиленная и трепещущая от сострадания к страждущему, рванется ему на помощь; когда ребенок, почувствовав неизмеримую благодать и любовь Бога, Отца всяческих, осчастливленный этой любовью, захочет ответить на нее; когда у ребенка навернутся слезы на глазах от восторга перед красотой небесного облака, или сияющей бабочки, или глубокой и сильной мелодии; когда у него сожмутся кулачки и засверкают глаза от желания стать как Александр Невский, как Козьма Минин или как Лавр Корнилов — словом, когда луч Божий, непосредственно или преломленный через земные ткани, озарит и опалит его душу, — тогда свершается одно из важнейших и драгоценных событий его жизни, событие основополагающее и одухотворяющее: рождение ангела в темной и загадочной глубине инстинкта. Чем раньше и глубже проникнет в детскую душу этот луч — тем лучше; чем живее, чем искреннее он будет удержан ею — тем продуктивнее. Именно инстинкт ребенка должен быть им пленен и осчастливлен: чтобы от *инстинкта к духу* на всю жизнь установился и упрочился легкий и свободный ход; чтобы инстинкт в самые трудные и страшные минуты жизни таил в самом себе любовь к духу, волю к духу и мог всегда найти путь к нему. Этим закладывается, этим уже заложена основа человеческой духовности, начало духовного характера.

Так человеку дается тот внутренний источник или орган для верного восприятия божественных лучей, который будет питать его на протяжении всей его жизни; в этих лучах, этими лучами он будет в дальнейшем утверждать свою личную духовную силу. Ибо в нем создан тот

духовно-душевный алтарь, у которого он может молиться; установлены как бы те весы, на которых он способен взвешивать человеческие деяния и мировые события; как бы организован тот «главный штаб» его жизни, в котором он будет принимать все судьбоносные, боевые решения своей жизни... Заложен камень его *бытия*.

Быть — не то же самое, что *существовать*. *Быть* — значит *быть* (сознательно или бессознательно) в божественном содержании, его удерживать в себе, им строить себя, им измерять дела и события. В идеальной полноте это значит принимать путь Божьего Дела на земле как *свой собственный* путь; Его дело как свое дело; Его успех как свой успех. Подобно тому, как из многих возможных звуко сочетаний музыки непреходящее бытие имеет только то, которое *художественно необходимо* (именно потому, что оно единственно верно, единственно прекрасно); подобно этому только пребывание человека, по Евангельскому слову, «*всем сердцем, всей душою и всем помышлением*»⁴ в божественной стихии внутреннего и внешнего мира делает его душу необходимым, подлинно реальным орудием, или органом, Божьего Дела на земле...

Несомненно, что все люди имеют существование: они существуют в виде множества своеобразных комбинаций телесного и душевного материала. Но каждая такая индивидуальная комбинация, сколь бы она ни была объяснима по *причинам* телесной и душевной природы, может оказаться *по законам духа неоправданною, пустою возможностью*... до тех пор, пока она не утвердит себя этими законами и не построит себя ими. Согласно этому каждый из нас должен как бы одолеть свое существование, его груз, его инерцию, его трудности и приобрести *бытие*. Человек придает себе бытие тогда, когда в основу своего жизненного самоопределения полагает не «возможности своего личного произвола, своих потребностей, страстей и капризов, а *необходимость* и верность духовного порядка. Человек с безвольно страстною душою говорит и живет по формуле: «мне хочется думать и поступать *так*, но я *мог* бы и иначе, в зависимости от моего интереса, как мне в данный момент захотелось бы иди понравилось...» Напротив, человек, имеющий духовное

бытие и характер, говорит и живет иначе: «я думаю, решаю и поступаю *так и только так*; иначе я не могу, и не хочу, и не должен, и не смею; а я и не могу хотеть иначе; я не хотел бы иначе мочь; ибо *это и только это* соответствует сразу и требованию Божьего Дела на земле, и голосу моей совести, в котором мой инстинкт и мой дух слились воедино».

Всюду — и в личной жизни, и в общественной, и в религии, и в науке, и в искусстве, и в политике — есть эта высшая, божественно предметная необходимость, которую человек призван испытать и увидеть, — и увидев, полюбить; и полюбив, осмыслить; и осмыслив, осуществить; и в этом осуществлении построить свое *личное бытие* и бытие своей *национальной культуры*.

Сколько людей живет и умирает, и не знает об этой божественно предметной необходимости; не знает вообще, что она есть, что она — *источник духовного бытия*; не знает, ни *в чем* она, ни как она обретается и обнаруживается. Множество людей говорит о религии, работает в науке, сочиняет в искусстве, пишет и печатает, распоряжается в государстве — и идет *мимо* этой стихии и ее законов, не видя или пренебрегая. Только немногие знают о ней непосредственно, из внутреннего опыта; а те, кто слышал о ней от других, нередко отрицают, смеются и кошунствуют или вовсе не отзываются. Это люди, лишенные духовного характера. Но именно вследствие этого они остаются вне реальности; их жизнь призрачна; их деяния недуховны; и вся их историческая задача в том, чтобы уйти из жизни, родив новые поколения и отдав их своему народу...

Око их души близоруко и ослеплено поверхностной видимостью. И потому им *ничто не очевидно*, но все для них сомнительно, относительно и условно. Они ни в чем не уверены и вера их, если она имеетя, есть лишь суеверие; и потому они неспособны и к *верности* и не понимают ни ее могущества, ни ее блаженства; а всегда готовы изменить делу духа... Но и эту измену их трудно назвать «предательством», ибо они с начала и до конца ни к чему не питали безусловной преданности... Самый источник их существования и самая ткань их была *вне* этих измерений, ибо они руководятся одним инстинктом

самосохранения. Они одержимы потребностями и страстями; и духовно обоснованные решения им чужды. Поэтому жизнь их складывается нередко из состояний, а не из поступков; и идея *подвига* кажется им чуждой и странной. Они не решают и не совершают, а как бы текут, плывут по течению или ползут и осыпаются, подобно песку, увлекаемые тяготением. В их душевном составе не найти *неразложимого центра бытия*: это не индивидуумы, не неделимые души, не личности; а вороха хотений, вожелений и случайностей; это медиумы своих страстей и чужих влияний. Весь характер их состоит в *своеобразной бесхарактерности* — иногда уступчивой, иногда цепкой, иногда темпераментно-жадной, иногда хитро-пронырливой. Это не стволы дубов, которые буря вырвет, но не согнет, а зыбкие травы, лежащие под колесо исторических событий. Все вместе они — *прах истории*; и потому так бесследно выметает их Божья метла — вихрь исторических испытаний...

Бывают в истории периоды и времена, когда такой тип человека становится распространенным или даже преобладающим. Именно так было в России перед революцией... *Но именно так оно у нас впредь не должно обстоять и не будет!* — Народ, не умеющий или не могущий преодолеть это состояние и найти из него творческий выход, т. е. укрепить свой духовный характер и насадить его в новых поколениях, *не сможет удержаться на исторической арене*: его смоеет волна других народов. И потому *России нет выбора*: она должна вступить на указываемый мною путь. И я верю, что это так и будет: великие исторические крушения и испытания пробудят и укрепят его духовные силы. И не нам сомневаться в этом, не нам, которых Пушкин научил молиться за Россию этими дивными словами:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат³.

Что же делать нам, чтобы не раздробиться подобно стеклу? Что делать нашему поколению и тем поколениям, которые придут вслед за нами? Как укрепить нам

наш характер, блюдя его национальную природу и сообщая ему живую и огненную духовную основу? И как нам воспитать ее в нашей народной массе?

Не здесь и не сейчас разрешать этот вопрос в целом. Но утвердим теперь же, что от разрешения этой задачи зависит вся судьба, вся будущая судьба России и русской культуры. Ибо на чем же построим мы наше государство, если не на духовном характере русских людей? Не на терроре же, подобно большевикам! И не на расползающейся же центробежной хляби человеческой, не на лени же, пассивности и саморазнуздании! Мы строили его доселе на священной традиции, которая отбирала людей с характером и вела ими страну. Но ныне традиция эта порвалась, и мы должны идти *не от нее, а к ней*, исходя от характера у немногих и восходя к насаждению характера в массе...

И если мы не укрепим силу духовного и гражданского характера в России, то какая же государственная форма удастся нам? Пародия на республику или пародия на монархию? Что познает и утвердит бесхарактерный ученый? Куда поведет нас бесхарактерный философ? В какую оргию, в какой распад вовлечет нас бесхарактерный художник? Какую продажность развернет бесхарактерный чиновник? Кого научит, кого воспитает бесхарактерный священник? Какую войну сумеет повести бесхарактерный офицер?!

Вся Россия была создана людьми с характером. Вся русская культура есть явление национального духовного характера. А ныне, после таких и стольких испытаний, мы призваны к тому, чтобы *найти ключ* к воспитанию русского национального духовного характера *в массе*, и осуществить это воспитание. Мы должны твердо верить в то, что все беды и испытания последних лет не только плющили и разбивали слабых, но и *закаляли сильных*. И от них, сильных и закаленных, мы и должны начать новую систему национального воспитания в России. Это проблема всех проблем; здесь начало всех начал. Ибо люди с сильным духовным характером нужны России не только через сто лет, и не только послезавтра, *но сегодня, сейчас, немедленно и на века!*..

И кто воспитает теперь же хоть одного такого человека, — укрепит ли он себя самого, или поможет другому, или взрастит в этом духе сына или дочь, — тот оправдается перед лицом России и ее истории. Если что-нибудь необходимо России — то *такие люди*. Если враги России чего-нибудь опасаются, то именно этого. Если разрешение какой-нибудь задачи нельзя откладывать, то именно этой задачи!

4

Россия нуждается больше всего в воспитании и укреплении духовного характера| В чем его сущность? Каковы его основы?

Отвечаю на эти вопросы не в общей, философской форме, а применительно к России, русскому народу и русскому национальному характеру.

Русскому человеку в массе даны три основные силы: гибкий, крепкий *инстинкт* самосохранения — изобретательный и подвижной, темпераментный в основном заряде и талантливый в проявлениях; яркая, глубокая, отзывчивая жизнь *чувства*; и сила созерцающего, образно мыслящего *воображения*.

Чтобы захватить эти три основные силы и вовлечь их в строительство характера и в жизненное творчество, русскому человеку необходимо что-то искренно и сильно *любить*, что на самом деле заслуживало бы этой любви; и во что-то искренно и крепко *верить*, что заслуживало бы этой веры перед лицом Божиим.

Есть народы, которым надо прежде всего понять умом и на основании этого решать волею. У нас же первые движущие силы — *любовь* и *вера*. Без любви русский человек становится лентяем и мотом, пассивно прозябающим существом; без веры русский человек становится безразличным резонером, пустым и вредным разговорщиком. Чтобы действовать, русский человек должен твердо поверить во что-нибудь, пусть в ложное и дикое, хотя бы в то, что «всякая вера нелепа и всякая любовь вредна»; тогда из него выйдет, по крайней мере, активный нигилист или воинствующий безбожник. *Ум* и *валя* приводятся у русского человека в движение *любовью* (или, соответственно, *ненавистью*) и *верою*.

Поэтому русское национальное воспитание должно непременно обращаться к иррациональной глубине инстинкта, к страсти человека, к его живому и глубокому чувству, — чтобы *разбудить чувствилище человека духовным содержанием*; чтобы ранить, пленить, влюбить душу в Божественное, в Бога на небесах или в божественное обнаружение его на земле, а лучше всего — в оба эти предмета.

Инстинкт и дух не враги. Они необходимы друг другу. Инстинкт необходим духу как жизненная сила. Дух необходим инстинкту как высшая власть и ценность, как источник формы. Противодуховный инстинкт — без ценности, без власти, без формы — обречен на разложение и хаос; он не даст ни силы, ни победы. Но и дух, если захочет задавить инстинкт и попрасть его природные законы, вступит на пути болезни, безумия и смерти.

Эта великая «тяжба» между инстинктом и духом, между *волком* и *ангелом* в человеческой душе разрешима только в гармоническом примирении сил: когда инстинкт, пленившись Божественным, почует и увидит, что *он сам не противодуховен, что он сам от духа*. Тогда он утвердит свою собственную духовность, прощенность и исцеленность, а дух примет свои собственные инстинктивные корни и творчески овладеет всеми недрами души.

Тогда инстинкту достанется благодатное служение, а духу — благодатное главенство. Тогда разбойники «Кудеяры» и жестоковыйные «дяди Власы» отойдут на дальний план и перестанут быть «русскими типами»; и русскому человеку не надо будет сначала изжить свой необузданный инстинкт в разбоях и притеснениях, с тем чтобы потом обратиться к аскетической праведности.

Русскому человеку, чтобы быть на высоте, необходимо беззаветно любить и беззаветно верить.

Все великое на земле создано страстью, но не животной страстью, а одухотворенной и духовной. И больше всего это относится к *русскому человеку и русской истории*. Ему необходимо, чтобы страсть его не подавлялась и не томилась под запретом, но сама горела искренним и искрящимся огнем любви и сама излучала влучившийся в нее свет веры. Так, чтобы эта любовь не стыдилась разума, но придавала его свету силу высшей ясности, глу-

бины и власти; и чтобы она не боялась воли, не отстранялась от нее, а зажигала и вдохновляла ее.

Такой любви и такой веры требуют от русского человека три великих «предмета»: *Бог, родина и национальный вождь*.

Эти три великих «предмета» только и можно иметь любовью и верою. Ибо если глаз есть орган для света и цвета; а ухо есть орган для звука, слова и музыки; а рассудок есть орган для отвлеченной мысли, понятия и логики и т. д., то и великие духовные предметы требуют каждый своего верного органа или, скажем, соответствующего им духовного акта. И замечательно, что эти три предмета укоренены духовно в первом — в Боге; ибо без Бога и родина — не родина и национальный вождь — не вождь, а тиран.

Кто не любит *Бога* и не верит в Него, исходя из собственного духовного опыта, тот Его не имеет; ибо ни волею, как думают католики, ни умом, как думают протестанты, Бога иметь нельзя *.

Кто не умеет любить свою родину и верить в нее, тот безродный человек, ибо ни расою, ни государственной принадлежностью, ни географией, ни бытом, ни привычкой родину иметь нельзя* *.

И кто не любит беззаветно своего национального вождя, и не верит *ему*, и не верит *в него*, тот не посылает ему своего сердечноволевого луча верности, силы и вдохновения, тот не «аккумулирует» к нему или в него, поэтому жизненно и творчески теряет его; именно поэтому персону вождя и Государя враги всегда пытаются обессилить и подорвать подозрениями, насмешкой, очернением и клеветою...

И вот воспитать русского ребенка и воспитать в нем характер — значит прежде всего открыть ему, его инстинкту, его глубокому иррациональному чувствилищу,

Верным прообразом такого национального вождя в России искони был Государь.

См. об этом в моей книге «Путь духовного обновления», 1937, Белград, главы 1 и 2.

См. там же, главы 6 и 7.

его страсти способность и счастье беззаветно любить и беззаветно верить: первее всего и превыше всего — любить *Бога* и верить *в Бога*; а потом любить *Родину* — это живое жилище Духа Божия на земле, эту национальную сокровищницу Духа Святаго, любить ее и верить в нее*; и наконец любить персонифицированного главу родины, ее ответственного и вдохновенного вождя, или Государя.

Выговаривая эти простые, основополагающие требования, я только формулирую древнейшую традицию, которою строилась Россия (да и не одна Россия) и которая одна сулит нам и впредь спасение.

5

Но чтобы так беззаветно полюбить и беззаветно поверить, надо *увидеть духовными очами* то, что любишь и во что веришь.

Необходима *духовная очевидность*. Русский национальный характер должен быть построен на очевидности и может быть построен только на ней. Это и только это соответствует душевному естеству и укладу русского человека.

Очевидность — вот то простое и единое слово, к которому я svoju воспитание русского национального характера и, следовательно, все возрождение России. На *очевидности* — на *духовном оке*, на *зрении сердца*, на *созерцании любви* — построена была Россия; и русское православие, и русская добродетель; и русское правосознание, и русское геройство, и русское искусство, и русский характер.

И если ныне мировой кризис обнаружил некоторую опустошенность и некое бесплодие мировой культуры, то эта опустошенность сводится к утрате духовной очевидности; и если народы ныне жаждут чего-то и нуждаются в духовном обновлении, то они нуждаются именно в очевидности; и ныне обаяние России и русской культуры во всем мире объясняется именно тем, что люди и народы смутно, как сквозь сонную завесу, чувствуют, что рус-

См. мою брошюру «Родина и мы», 1926. Изд. Общества галлиполийцев.

ский дух богат, щедр и живет именно тем началом *духовной очевидности, сердечного видения, зрячей любви*, которой им недостает и которая составляет как бы самый воздух, или самую ткань, или самую животворящую энергию России, русского духа и русской культуры. Это-то силу мы и должны ныне осознать, возродить, очистить и из нее вырастить новую Россию.

Очевидность не сводится ни к мнению, ни к познанию, ни к вероятности, ни к приятию чего-то за истину. Очевидность состоит не в том, что человек выбирает то, что ему приходится по вкусу, и начинает с этим понаравившимся носиться, как с сокровищем. В очевидности не человек охватывает истину умом, а *истина охватывает человеческие сердце, и воображение, и ум*. В очевидности отпадает всякое сомнение и шатание, исчезают все оговорки, резервации, всякая условность, все релятивистические уловки.

Человек переживает в сердце, в глубочайшем чувст-
вилище своем *некое окончательное озарение, некое несомнительное, подлинное посещение Божиим лучом*, как если бы молния ударила в его поддонное существо, как в некий дуб, который воспламеняется от этого удара и вот пылает ярким огнем; или как если бы молния ударила в кратер вулкана и вулкан ответил бы на это *извержением*.

Очевидность есть обрыв, *конец* — и в то же время *начало нового бытия*. Раз испытанная и пережитая, она делает человека *сокровенно накалившимся и светящимся изнутри*. Она делает человека наполненным и в глубине его существа *одержимым*. Но одержимость эта не есть одержимость безумием: или неизжитой личной страстью, или диавольским началом. Это есть накаленность и одержимость *благодатным Божиим лучом, лучом божественной Предметности*.

Эта *одержимость*, возникшая от *очевидности*, как бы возвращает в мир Божий луч, озаривший, осчастлививший *духовное око сердца*. Она возвращает этот луч творчески то в накаленном, духовно-верном поступке; то в чудесной, ясновидческой картине художника; то в сверкающей и светящейся сонате; то в огненной молитве, исполненной живого Боговидения и произносимой в смиренно-дерзающей простоте; то в изъясняющей Бо-

жий мир научной теории; то в государственных преобразованиях великого реформатора; то просто в сиянии тихой, скромной жизни, полной жертвенного смысла и смирения; то в героической смерти человека.

Чиьи очи не видят этого луча очевидности и духовной одержимости в живых образах наших святых, наших гениев, наших великих государей?! Ведь от этого света подчас невольно зажимаются глаза, чтобы не ослепнуть!..

И сколь счастливы люди, получившие этот луч в раннем детстве, когда вся душа пропитана наивным доверием, прозрачна до дна и восприимчива с самого дна. И не в этом ли сокровенный смысл Христовых слов: «пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19, 14). И еще: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3).

Люди, *одержимые очевидностью духа и сердца*, носят в себе первооснову духовного характера и обыкновенно узнают друг друга издали, легко и быстро. Вся судьба их, вся кривая их жизни слагается по-особому. Ибо очевидность одухотворяет, опалает и очищает человеческое бессознательное — инстинкт и его первобытное чувствительное, страсть и темперамент человека. Она дает человеческой душе якорь, опору и характер. Она дает всем нравственным удержам *силу и питание*. Она открывает человеку возможность стать духовно сильным, здоровым и цельным. Человек не раздвоен: у него не так обстоит дело, что ему нравится то, чего он не ценит, а ценит он то, к чему его не тянет; а так, что ему нравится *совершенное*, а к несовершенному его и не влечет; для него не милое хорошо, а хорошее мило; и в вещах, и в людях, и в деяниях. И отсюда его *цельность в душе* и его *искренность в духе*. То, что он любит, — за то он и борется; и он прав в этом и сам знает об этом; ибо за то, что взято и принято *очевидностью сердца*, — за это люди всегда боролись на жизнь и на смерть.

Очевидность есть источник убеждения, убежденности; она есть источник духовной принципиальности и духовного характера. Именно к очевидности в ее полном и

глубоком значении может быть сведена творческая идея нашего будущего.

И вот, далее, есть такой закон духа, согласно которому человек вживает силы своей души в то содержание, которое дается ему в акте очевидности. Я имею в виду тот закон, который выражен в евангельских словах: «где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12, 34).

Человек, найдя свое духовное сокровище, вживается в него в течение всей своей жизни, иногда сам того не сознавая. Это сокровище становится его *главным* предметом, его иррациональной идеей, метафизическим лейт-мотивом его жизни. Такой человек приобщается *моноидеизму* — т. е. он одержим той единой идеей, которую принес его сердцу Божий луч, и вследствие этого он сам *уподобляется* этой идее. Так отшельник, проводящий свою жизнь в Богомыслии, трудится, по слову Макария Великого, в *бogo-делании*, он работает над *бogoуподоблением* своей души. Так душа творящего *художника* становится гармоничною, мерноз<a>данною, поющею, утонченно-созерцательною. Так душа *патриота* всю жизнь укореняется в духе и силе и славе его родины. Так занимающийся черной магией и медитирующий о сатане отождествляется с ним и сам становится по настроениям, а может быть, и по лицу и по голосу диаволообразным.

Это постоянное интенсивное сосредоточение души на чем-то едином и определенном — злом или добром, освобождающем или соблазнительном, благородном или низменном — отождествляет человека с предметом его медитации. Скажи мне, о чем горит твое сердце, а я скажу тебе, чему ты уподобляешься и чем ты станешь.

6

Именно в силу этого закона так бесконечно важно привить ребенку *способность молиться*, т. е. собранно, огненно возноситься к Богу и принимать в себя Его благодатное излучение и веяние. В этом процессе человек постепенно и незаметно создает в себе самом, в глубине своей души некое духовное *огнилище*, некий *центр*, как бы *несгораемую купину*, из которой он будет исходить в своих оценках, решениях и делах и которою он будет определяться в жизни.

Кто бы он ни был — врач, или судья, или ученый, или воин, или художник, или воспитатель, или политик, или тем более священник, — человек будет слагать свою жизнь и свои отношения именно *при свете этой купины*; из ее лучей, по звучащему из нее голосу. И если уподобить его душу городу, то можно сказать, что в этом городе сложится некий священный Кремль, а центром Кремля будет храм, а в центре храма будет жертвенник с *неугасающим огнем любви и волевого служения*. Вот образ человека с духовным характером.

Пифагорейцы учили когда-то, что в мире есть божественный центр, а в нем горит огонь божественного присутствия — Гестия. Из этой Гесгии излучается миро-держущая и мироупорядочивающая сила; и благодаря этой силе мир оказывается не хаосом, а космосом.

Вот приблизительно таков духовный характер человека: его душа вследствие богомыслия и духочувствия становится центрированным космосом со священной купиной в центральной глубине.

Из этой купины и раздается тот голос, который мы называем *голосом совести*, не совести укоряющей и угрожающей за совершение худых дел или за несовершенство хороших дел, но совести, *властно бросающей нас в самое верное и лучшее из возможных деяний* и делающей для нас невозможными, неосуществимыми, невыполнимыми дела злобы и коварства. Человек с духовным характером слышит голос совести *не после греха, а до поступка*; и этот голос совести не мучает его укором, а подсказывает ему *самое лучшее, объективно лучшее* в каждом жизненном положении. И это чудеснее всего, что этот голос совести он воспринимает как *волю Божию* и в то же время как *свое собственное влечение и желание*. Не так дело обстоит, что воля Божия требует от него чего-то, что он *признает* лучшим, но чего ему *не хочется*; а так, что ему самому целостно хочется того, чего от него требует голос Божий. И в этом-то и состоит последний смысл третьего прошения молитвы Господней: «да будет воля Твоя». Значит, да будет не только Твоя воля надо мною, «на небеси», чтобы я *верно и покорно* принимал ее; но да будет Твоя воля во мне, «на земли», и пусть она станет единственным источником моих хотений.

Именно такой душевно-духовный уклад и вызывает в человеке ту необходимую и бесконечно драгоценную жизненную основу, которую я называю *чувством собственного духовного достоинства*. Понятно, как оно возникает. Человек, чувствуя себя духовным градом, с кремлем, с храмом и купиною, несет это в себе, как некий *дар и сокровище*. Он любит это сокровище, как свой *главный доступ к Божественному*. Он чтит этот дар и благоговейт перед этим голосом, понимая, что он сам почерпнет в нем и из него свою духовную *правоту* и свою духовную *силу*. Он чувствует себя как бы жилищем или сосудом *этой* купины и *этого* голоса. И поэтому понимает, что, унижая себя, он унизил бы и свой храм и что, соблюдая верность своему *храму* и своей *купине*, он строит и поддерживает *свой дух* и *свое бытие*.

Чувство собственного духовного достоинства не есть ни тщеславие, ни честолюбие, ни гордыня. Оно не только не исключает чувство *ответственности*, религиозное *смирение* и *покаянное* очищение, но является прямым условием их верного, искреннего и плодотворного переживания.

Ибо чувство *ответственности* растет и крепнет именно от непосредственного предстояния своей купине и ее голосу. И именно в этом предстоянии, трепетном и ответственном, человек впервые научается смиряться без лицемерия и аффектации, видит себя малым и слабым в отрыве от Божией силы. Он научается смирению без унижения; смирению, а не рабству; он научается, по слову ап. Петра, служить, как *свободный* (1 Пет. 2-16). И *покаяние* у негр никогда не превратится в отчаяние о себе и не поведет его на путь бессильного примирения с грехом, ибо источник его возрождения и его силы в *нем самом* — ему стоит только войти в свой кремль и храм и внять гласу из купины; и он знает об этом, помнит — и покаяние его становится от этого *творческим*.

Чувство собственного духовного достоинства есть драгоценная и безусловная основа настоящего характера. Оно как будто говорит человеку неумолчно: помни, что твоя воля укоренена в *благ*, что ты *сам* хочешь добра, к которому ты призван; что доступ к нему *открыт* тебе ежесекундно и пожизненно; что *ответственность* твоя

перед Богом, перед собою и перед людьми велика и неизбывна; помни о своих *слезах и клятвах* перед этим алтарем; и оставайся *верен* своей вере и своей любви, чего бы это тебе ни стоило.

Спросим себя, способен ли такой человек на измену или предательство? Способен ли он на низость или продажность? Способен ли он на клевету или интригу? И установим, что Россия нуждается прежде всего и больше всего в людях *такого* уклада и характера. Россия только тогда стряхнет с себя и вытравит из своей души последние остатки и крепостного права, и коммунистического порабощения, когда встанет *такое* поколение деятелей и граждан.

И именно тогда начнут исчезать из русского душевного уклада все те рабские, подлые и пошлые черты, которые закреплены в русских поговорках: «Чей хлеб ешь, того и обычай тешь»; «В какое стадо залетел, так и каркай»; «Меж волками вой по-волчьи, меж свиньями хрюкай по-свинячьи»; «Рука руку моет, вор вора кроет»; «Мимо идти да не украсть — люди дураком назовут»; «На бабу да на скотину суда нет»; «Молчи больше, проживешь дольше»; «Закон, что дышло: куда поворотишь, туда и вышло»; «Что за чины, когда во щах нет ветчины»; «Что и в титуле, как пусто в шкатулке»; «Конь любит овес, а воевода принос»; «Помути, Господи, народ, накорми воевод»; «То-то и закон, как судья знаком»; «Когда рак свистнет, тогда судья решит право»; «Судейский карман, что поповское брюхо»; «Деньгам все повинуется»; «Мир на дело сошелся — виноватого опить»; «За битого двух небитых дают, и то не берут»; «Стыд не дым, глаза не выест»; «Казна шатующая корова: не доит ее ленивый»; «Казенного козла за хвост поддержишь — шуба будет»; «Дай прокормить казенного воробья — без своего гуся за стол не сядем» и т. д. и т. д.

Не довольно ли? Не ясно ли?

Чувство собственного духовного достоинства есть основа достойного, верного образа действий; основа *здоровой гражданственности, творческого правопорядка, могучей армии, крепкого государства*. Это есть основа *неподкупного, честного* служения церкви, и родине, и всякому Божьему делу на земле, основа того, что я называю *пред-*

метным поведением в жизни и творчестве: и в политическом творчестве, и в научном, и в художественном, и в хозяйственном.

Силен тот народ, где люди знают, говоря словами Пушкина, «первую науку: чтить самого себя»¹. Но чтить самого себя может только тот, кто *носит в себе Бога*. Ибо только ему есть за что себя чтить, и притом не от самомнения, заносчивости или гордыни. Он чтит в себе Божий и ангельский зрак, чтит в себе того, кому заповедано молиться «Отче наш» и кто этою молитвою утверждает в себе сына Божьего.

7

Таковы основы духовного характера со всеми их последствиями и проявлениями. Из них проистекает прежде всего *умение владеть собою*: самому устанавливать для себя закон жизни и поведения и самому свободно этот закон выдерживать и соблюдать (то, что можно передать греческим словом «автономия» — по-русски буквально *самозаконие*).

Эта автономность характера — это самообладание, этот самоудерж, является условием *верности и свободы*. Ибо для того, чтобы блюсти верность церкви, родине, правительству, жене, своему слову, нужна не только *преданность сердца*, но еще и живая, *волевая власть над самим собою*, над произволом своего ума, над кипением своих страстей, над своею корыстью и ленью.

Русский человек силен тогда, когда он *целен*, а цельности он достигает прежде всего и больше всего *через свободу* — через внутреннюю *свободу любви и свободу веры*. И замечательно, что этой свободой любви и веры проникнут дух русского *православия* — этой главной и величайшей воспитательной силы в истории русского народа.

Православие дало русскому народу *освобожденную, свободную очевидность*, дар и способность самостоятельно, самодеятельно, самозаконно обращать себя к Богу и к Божьим путям на земле; «повиноваться не только за страх», как говорила первая статья русских основных законов, «но и за совесть». И этот драгоценный дар нелицемерного, искреннего, убежденного и преданного

повиновения, свободного повиновения, сердечной лояльности, верноподданного и вернопреданного служения — необходимо укрепить, осветить, осмыслить и освятить в наших детях и в новых русских поколениях, чтобы строить русский национальный характер на древних неколебимых и священных традициях нашей веры и нашего бытия.

Но духовный характер дает людям еще одну драгоценную способность *распознавать людей, их духовность, их силу, их ранг, их призвание, их верность*. Ибо распознать все это может только тот, кто сам этому причастен, кто или *уже имеет* это, или же *упорно и усердно* работает над тем, *чтобы это приобрести*.

Вот почему к организаторской и водительской деятельности призваны именно люди с духовным характером, и только они. Ибо им дано видеть в других людях, *кто* из этих других к *чему* призван; и кто силен, а кто слаб; и кто верен, а кто затаил в себе предателя; и кто какой ранг способен понести и вынести. А вне этого не создать никакой могучей и ведущей, жизненно-творческой организации.

В этом отборе людей, который уже начат силою исторических событий и ныне продолжается и совершается сам собою, решает прежде всего и больше всего критерий *жизни и смерти*. Ибо эти события — и великая война, и революция, и наше рассеяние — неустанно твердят нам одно: «жить стоит только тем, за что стоит бороться на жизнь и на смерть, за что стоит умереть»⁷. Стоит бороться и умереть — за Бога, за веру, за духовную свободу, за честь, за родину, за семью; стоит бороться и умереть за свой народ, за его духовную культуру, за его творческую жизнь, за национальное искусство, за национальное достоинство, за национального вождя. И новые русские поколения должны внять этому критерию у самой колыбели своей.

Пусть никто не говорит, что это сурово, невозможно и неосуществимо. Ибо вот, смотрите: разве я выдумал эти слова и это требование?... Разве не сама русская история громко твердит их вот уже двадцать лет у колыбели новорождающихся русских людей и разве не слышите вы в этих словах как бы некий исторический голос, ко-

торый сразу обличает наше прошлое малодушие и оскудение и в то же время дает нам обетование неизмеримо большего и прекрасного? Ведь в этом последний, потрясающий смысл того, что переживают русские люди под ярмом большевистского террора: «предай и предайся или закались и воспарь; ибо жить стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть»... И не большевики мыслят и говорят это — куда им, слепым кротам материализма! Но в плавильне их зверского террора «дробится стекло» русской духовной бесхарактерности и «куется булат» русского национального характера. И видя это, можем ли мы сомневаться в том, чем это кончится? И можем ли мы пассивно недоумевать о том, *что* нам надлежит делать?

8

Мы должны прежде всего и больше всего крепить, растить и углублять русский национальный духовный характер в самих себе, и в других, и в наших детях. В этом залог спасения, *зная* спасения и утверждения на много десятков лет, на сотни лет вперед. В этом творческая *идея нашего будущего*, в этом критерий нашего успеха. Это мерило для нашего государственного и хозяйственного строя. Здесь источник расцвета русской науки, русского искусства, русской культуры.

И не «приступить» к этому мы должны, ибо мы к этому уже приступили, а сознательно, и планомерно, и неутомимо предаться этому.

Идея духовного характера должна стать и станет в России ведущей идеей, программой, мерой. Бесхарактерность будет мерою неудачи и стыда; характер — мерою успеха и почета. От людей, которые не любят ничего высшего и не верят ни во что божественное, будут сторониться, их будут обходить. С людьми, у которых нет очевидности, не будут разговаривать, — ибо с трупами не беседуют. Всюду будут искать людей совестных и верных. Люди, лишённые чувства собственного духовного достоинства, займут последний ранг в обществе. Люди, неспособные к автономному самообладанию, будут обуздываться и клеймиться. Россия вступит в эпоху орденских и рыцарских организаций.

Ибо русские люди поймут и продумают окончательно то, что начали понимать уже и в наши дни: а именно, что *один* человек с духовным характером есть уже целый остров в бушующем море; и что *два* таких человека, сговорившихся в крепком и верном жизненно-смертном единомыслии, образуют начало материка; а орденский союз, сплотившийся из таких людей, может все и для него нет *невозможного*.

И потому мы теперь же, сегодня же должны — каждый в себе самом, за себя и для себя, и в то же время для других и для России — ковать в себе этот духовный характер, измеряя себя и свои поступки этими мерилками: *любви, веры, очевидности, совести, чувства собственного духовного достоинства, автономного самообладания и смертной готовности*. И все это *перед лицом России* — ее исторических судеб, ее трагедии и ее возрождения, ее потребностей, ее грядущих путей; познавая ее через свою собственную душу и познавая себя в ее истории и ее духе.

Итак, спасение России — в воспитании и укреплении *русского национального рыцарства*. В этом все: идея, программа и путь борьбы. Это единственно верное и единственно нужное. Все остальное есть проявление, развитие и последствие этого.

Рыцарский дух; рыцарская дисциплина; рыцарское единение; рыцарская борьба! В мире раздор и смута потому, что люди ищут только «своего» и только «для себя». Смута и раздор потому, что в жадных сердцах нет престола Божия, нет служения и ответственности; и потому нет и спасительной творческой идеи, которая дала бы не только новую цель и новую программу, но указала бы и новое бытие, и новые формы бытия. Нет этой идеи — *христиански милосердной, социальной*’, и в то же время — *духовно-правовой, патристическо-государственной и грозной*. Да, *милосердной и грозной: рыцарственной*.

Оставим в стороне другие страны и другие народы. У них свои язвы, свои беды, свои нужды и свои опасности. Нельзя быть умным и сильным за других. Мы сами беспризорные дети; и потому не наша печаль чужих детей качать. Оставим до времени все эти общечеловеческие мечты и вселенские химеры. *Россия* перед нами.

А ей необходимо русское рыцарство: *новое служение по-новому служащих новых служилых кадров.*

Быть рыцарем — значит предстоять престолу Божьему; и в этом трепетном предстоянии почерпать бестрепетность для честного и грозного служения.

Быть рыцарем — значит свободно и цельно любить нечто Высшее и связаться с ним через очевидность до одержимости, через веру до волевых поступков.

Быть рыцарем — не значит иметь отвлеченный «идеал», но значит быть верным, сильным и бесстрастным орудием живой идеи, ее носителем до смерти, ее слугою на смерть.

Быть рыцарем — значит закалять свой характер; значит утопить свое малое «я» в великом, национально-патриотическом «Мы» и подчинить свое личное — общему спасению.

Быть рыцарем — значит построить свою жизнь на свободном повиновении Предмету и Вождю и поднять забрало навстречу врагу.

Быть рыцарем — не значит «отвергать собственность», но значит оплодотворять ее трудом и преобразовать щедростью.

Быть рыцарем — значит вносить во все дела дух неуравнивающей справедливости, нести своему народу братство, слабому — защиту, злему — грозу!..

...Невозможно? Неосуществимо? Утопическая мечта? Непосильный идеал?

Смотрите же: весь смысл переживаемой нами смуты в том, чтобы повсюду запылали очаги нового, национально-государственного рыцарства; чтобы разделились вода и огонь, чтобы не погибла Россия от теплоты и сырости, от плесени и грязи

И не говорите, что «нас мало» и что нельзя нам «переть против рожна». Тех, кто прав, силен и верен, всегда было на свете меньше; и все большие движения всегда начинались скудным меньшинством. Дело не в числе людей, а в их внутренней, духовной силе и в их спайке на жизнь и на смерть. Зверь гораздо сильнее укротителя, но не смеет броситься на него, пока дух укротителя собран и пока не дрогнула сила его взгляда.

Будем же твердо уверены в возрождении России. И доведем себя до очевидности в вопросе о необходимости для России национального духовного характера. И тогда все сложится само собою.

Знаем мы, что русскому человеку в массе нелегко дается сила характера. Но если характер дался и удался русскому человеку, то крепости его искони дивились другие народы.

Читайте историю России и убеждайтесь, что вся она создана силою русского духовного характера. От Феодосия Печерского до Сергия, Гермогена и Серафима Саровского; от Мономаха до Петра Великого, и до Суворова, Столыпина и Врангеля; от Ломоносова до Менделеева — вся история России есть победа русского духовного характера над трудностями, соблазнами, опасностями и врагами.

Так было. Так и еще лучше будет и впредь. В России зазияла бездна безбожия и жадности, бесчестия и порока. Россия отзовется на это и уже отзывается зарождением рыцарства. И Господь подаст нам и умудрения, и силы, и горения, и воли.

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

I. ВВЕДЕНИЕ.

Основы государственного устройства будущей России, излагаемые в дальнейшем, даны нам в трагическом опыте нашего времени. За ними долгие годы русского и общечеловеческого государственного кризиса и размышлений над ним. К сожалению, этого совершенно недостаточно для начертания хотя бы примерной конституции, ибо отсутствуют конкретные данные — пространства, времени, размера государства, состояния народного правосознания, политических, социальных, экономических и международных условий. Конституция явилась бы выводом из двух посылок: первая — принципиальные основы, вторая — конкретные данные; вывод — консти-

ми)

туция. При отсутствии второй посылки вывод невозможен. К тому же я ограничиваюсь тезированием первой посылки, т. е. принципиальных основ.

Однако в сплыве от дореволюционной русской общественной мысли, считавшейся с одними отвлеченными идеалами, наше поколение должно мыслить реалистически и исторически, для того чтобы не впасть в мечтательно-отвлеченные, нежизненные конструкции напоения идеалом к. д. партии (сравн. брош. Ф. Ф. Кокошкова «Республика», 1917 г.)¹. Мыслить реалистически значит исходить от учета русской исторической, национальной, державной и психологической данности в том виде, как она унаследована и поскольку она может быть ныне в общих чертах нами учтена. Поэтому излагаемые ниже «Основы» имеют в виду не только общие принципы права и государства, но основы *русского права и русского государства* в частности.

Мы должны исходить от того, что все государственные конструкции, идеи и лозунги за последние 20 лет омертвели, выветрились или исказились. Все подлежит пересмотру, новому рассмотрению, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народовластия, избирательного права республики, монархии и т. д. понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от национальной души и национальной проблематики. Считалось, а в Европе часто и ныне считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народовластие есть аксиома для всякого порядочного человека; что избрание всегда выше назначения; что монарх всегда хуже республики и т. д. Исходить из этого мы можем, как не можем исходить из бесспорности общепринятых положений. Мы обязаны быть *эмпириками*, эмпириками *духовно-правового* опыта и эмпириками *историко-политической* данности. Мы должны пересмотреть государственные идеалы предреволюционной интеллигенции и отбросить все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов *мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, отвлеченно-сверхнациональный, массово-утилитарный и интеллигентно-демагогический*.

Перед нами не идеал мечты или доктрины, а *конкретная задача воссоздания России*; не формальное, а живое, органически-историческое, русско-наследственное понимание Государства. Нам нельзя гоняться за чужими сверхнационально-отвлеченными формами жизни. Мы не имеем права строить государство на схеме классового интереса и классовой борьбы. Мы не можем исходить от избирательно-демагогических посулов.

Мы должны выговорить ныне основы русского национально-государственного бытия, не предвосхищая тех путей, на которых они *будут проводиться в жизнь*. Мы должны высказать то, без чего, по нашему мнению, Россию нельзя построить и России — не быть.¹ Политика будет это по-своему осуществлять; а история будет нас судить за наши воззрения. И мы должны им это представить.

Нет и не может быть единой государственной формы, столь совершенной, что она оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-зжидательное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа, не знающая Россию, не имеет ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы: ни «демократические», ни «фашистские». Россия не спасется никакими новыми видами западничества. Все политические формы и средства человечества должны быть нам известны и доступны. Но творческая комбинация из них и из других, еще не известных, должна быть избрана и создана самой Россией, должна быть подсказана ее собственной проблематикой, помимо всяких доктрин и предрассудков. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с Запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не интерес русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации. Придется или не придется России считаться с таким давлением — это вопрос будущей истории. Но *искать* и *хотеть* мы должны своего, русского, независимо от этих эвентуальных² давлений, преулавливать которые нам отнюдь не подобает.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

1. С исторически данной Россией, ее целями и интересами.

2. С верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, взращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живой и верной функцией русской истории и этих христианских бесспорных аксиом, воплощая эти аксиомы не в меру утопического максимализма, но в меру исторической востребованности их ныне в живую ткань русской народной жизни.

Я не могу дать здесь систематический обзор будущего русского государственного устройства. Могу наметить лишь некоторые общие идеи для тех, кто возьмется за этот великий труд. По целому ряду вопросов я не вношу никаких предложений (напр., о Сенате, о Государственном Совете, о второй палате, о делении и составе министерств) уже в силу одного того, что я говорю не о конституции, а о ее основных предпосылках, внося конкретные предложения только ограниченного и примерного характера.

2. ИСХОДНЫЙ ПУНКТ

Первое, что мы должны совершить, — это извлечь идею государства и политики из той *предреволюционной пошлости* и из той *революционной грязи*, в которую эти идеи незаметно совлеклись в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

1. Политика не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана, расчетливой интриги и массовой «наводки», честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса. Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник становится разбойником или вымогателем, а авантюрист или разбойник становится чиновником, то государство идет к гибели. Политика имеет совсем иные задания, совсем иной жизненный стержень, а именно: *властно внушаемая солидаризация народа'*, *авторитетное воспитание автономного правосознания; созидание национального будущего через эксплуата-*

цию национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Только на этом стержне и только в меру реальной необходимости допустимы и не гибельны все хитрости, все меры прямого насилия и все нравственные компромиссы обыденной политики. Эту меру необходимости народ чувствует чутьем и прощает мудрому политику многое во имя основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя и зарекаться. Но именно поэтому политика требует *большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.*

Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, но человека с *религиозно и нравственно сильным характером.* Она требует высокой — волевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия мыслится не по рождению и не по сословию, а *по качеству лица и воспитания.* Нельзя считать желательным и допустимым выдвижение политического прохвоста только потому, что он сумел стать угодным массе.

2. Демократия не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе ни целостности государства, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости, ни национального духовного расцвета. Демократия есть формальный механизм вовлечения масс в отправление власти. Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности. Демократия на Западе спасается именно своими противodemократическими упорами и коррективами (в душевном укладе, напр., английский традиционализм и консерватизм; и в государственной машине, напр., французский бюрократизм и правление префектов). Всякая демократия есть или средство для отбора и обновления качественного слоя политиков, или же, если она этой задачи не разрешает, она есть начало распыления, беспочвенного карьеризма и беспредметного честолю-

бия, начало распада и гибели. На самом деле всегда правит не большинство, а меньшинство. Вся задача в том, чтобы это меньшинство выделялось верно и обеспеченно. Демократия же всегда останется стабилизацией государственного распада.

Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. *Буржуазная особь* подорвана у нас революцией; мы получим в наследство *пролетаризованную особь*, измученную, ожесточенную и деморализованную. При таком положении дел строить государственную форму на изволении массы — значит готовить *правление черни, цезаризм и бесконечные гражданские войны с финансированием их из-за границы*. Россия или создаст волевой, государственно-предметный отбор людей, или же пойдет по стопам Китая.

3. Россия жила и созидалась доселе своим могучим и здоровым государственным *инстинктом*. Революция свидетельствует о том, что инстинкт этот ослаб, замутился и поколебался. Революция же и восстанавливает его, пробуждая и укрепляя его своим отрицательным опытом.

Наша задача в том, чтобы преобразить этот восстанавливающийся инстинкт религиозным углублением и воспитанием на его основе крепкого, аффективно-укорененного, волевого *правосознания*.

При этом мы должны жизненно исходить, во-первых, от столь обострившейся во время революции потребности *в порядке*. Порядок же есть строгое блюде-ние субъективного правового статуса (своего и чужого), взаимность этого блюдения, равновесие личных правовых ячеек, социальный мир и справедливость. Итак, в основе всего — христиански утвержденная и чтимая личность и ее права.

Во-вторых, мы должны исходить от всенародной потребности в сильной власти и в подчинении ей.

В-третьих, от биологической индивидуализации, обострившейся вследствие революции. Эта индивидуализация ограбленной, измученной, протестующей и помогающей правового и имущественного восстановления особи должна быть постепенно оформлена чувством собственного достоинства, волевой дисциплиной, потребностью во взаимном уважении и доверии. Все это

можно описать как волевую культуру христианского правосознания.

4. Государство тем прочнее, чем более оно приближается по духу к *братской корпорации*, а по форме — к *отеческому учреждению*.

Корпорация означает самоуправление; участие обслуживаемого гражданина в обслуживающей власти.

Учреждение означает опеку; обслуживаемый гражданин не участвует своим изволением во властном ведении дела.

Участие и соучастие гражданина в строительстве государства драгоценно, жизненно, необходимо. Но это участие не должно колебать и разлагать единство, авторитет и силу власти. Государство всегда останется учреждением и никогда не превратится в корпорацию; но оно должно *насытить формы учреждения духом корпорации*. Гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, но не посредством формального голосования и не под условием его. Общественный договор должен стать живой, всепокрывающей, молчаливой и непоколебимой *презумпцией* правосознания, а не внешней задачей всенародного сговора при помощи арифметического подсчета голосов.

Задание России и ее нового государственного устройства состоит в том, чтобы найти именно такую форму, при которой *дух братской корпорации насытил бы форму отеческого учреждения* при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших к власти. Это учреждение должно быть несомо тем корпоративным духом, который оно само насаждает, оставаясь, однако, учреждением.

5. Мы не можем мыслить государство по трафарету западных демократий как общение³ интереса и *равновесие конкурирующих классов*. Мы мыслим его как *общение братского служения, как единение веры, чести и жертвенности*. Такова древняя традиция русской государственности еще от эпохи татарского ига; традиция, внушенная нам православием и закрепленная пространством и суровым климатом. Россия выходила из всех своих исторических бед именно силой этой традиции; и сокрушалась внутренне и внешне, как только теряла ее и выхо-

дила из нее. Итальянский фашизм, выдвигая идеи «солдате» и «сакрифицино»⁴ как основные гражданственные идеи, выговорил по-своему, по-римски то, чем искони стояла и строилась Русь: идею Мономаха и Сергия Радонежского, идею русского миссионерства и русской колонизации, идею Минина и Пожарского, идею закрепощения сословий, идею Петра Великого и Суворова, идею русской армии и белого движения.

Государство не есть механизм состояющих корыстей, но организм братского служения, единение веры, чести и жертвенности; такова историко-политическая основа России. Россия стала отходить от нее и сокрушилась. Россия вернется к ней опять. Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую, национальную идею применительно к своим условиям.

Именно этой идеей определяется наше отношение к идее справедливости.

Идею социальной справедливости мы как христиане ценим очень высоко. Но утверждаем, что она требует не равенства, а предметного индивидуализированного неравенства неравных людей. Чем больше в общественной жизни социальной справедливости и чем глубже в душах людей уверенность, что *все* или по крайней мере *все властвующие* искренно хотят и ищут ее, тем совершеннее строй, тем прочнее государство. Но если оказывается, что бытие народа и отечества требует или потребует известной меры *несправедливости*, то эта несправедливость должна быть принята, понесена и покрыта духом *жертвенности*.

Таков исходный пункт наших соображений о будущем государственном устройстве России.

3. ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВА

Итак, будущее русское государство предносится нам как форма порядка и жизни не просто авторитетно предписанная, но *принятая живым правосознанием возможно большего числа русских граждан*. В этом мы, в противоположность формальной культуре права, свойственной Западу, верны завету христианства, связующего все с

внутренней жизнью духа и выращивающего все из этой внутренней жизни.

Государственная форма — и устройство, и управление, и законодательство — авторитетна и гетерономна⁵. Но этот авторитет жизнен и силен только тогда и именно тогда, когда он принят гражданами, народом в порядке внутренне-добровольного признания, уважения, доверия, самовменения. Это начало свободной лояльности, преданности за совесть, добровольного содействия, добросовестного соблюдения законов есть *крепчайший цемент государства, источник великой силы государства и власти*. На протяжении всей своей истории Россия гибла и распадалась, как только обнаруживался недостаток этого; она распадалась от «кривизны» и «воровства»; и спасалась именно свободной и жертвенной аккумуляцией прямых душ. Так будет и впредь. Посему то, что подрывает эту свободную лояльность, должно устраняться из государственной формы или обезвреживаться в государственной жизни; все то, что усиливает ее, должно утверждаться, укрепляться, культивироваться.

Русский человек отзывает свою свободную аккумуляцию от государственного авторитета и органов власти, если он считает властвующего иноземцем, иноверцем, безответственным, произволяющим самодуром, некомпетентным, своекорыстным, продажным, безвольным или трусом; возможно, что после революции к этому временно присоединится еще всякая партийность и даже интеллигентность. Революцию русский народ пережил как засилие чужого (инородцев и иноверцев), как прямое торжество безответственности, некомпетентности, произвола, своекорыстия, продажности, предательской трусости и партийности. Свободная лояльность установится тем легче, чем вернее народ почувствует *обратное течение и обратную стихию*. Это не значит, что инородцы и иноверцы должны быть лишены публичных прав, но это означает, что при назначении и при выборах с этим условием массового доверия придется считаться; таким гражданам придется ограничиться до поры до времени пределами местно-национального и иноверчески-вероисповедного самоуправления.

Согласно этому, будущее устройство России должно удовлетворять следующим требованиям:

1. Диктатором, вождем или монархом не должно быть лицо непопулярное, или с недоброй репутацией, или иноземное, или иноверное, или бесчестное, или безвольное.

2. Формы государства не должны сильно напоминать ни дореволюционный строй, ни строй революции; во всяком случае, они должны своей исторической национальностью и новизною своею, хотя бы новизною *наименования*, будить надежды и доверие.

3. Все органы должны быть признаны ответственными. Если это будет монарх, то ответственность должна быть организована в пределах династической корпорации перед лицом династического совета.

4. Ответственность неверховных органов должна быть актуальной, убедительной, всеобще наглядной.

5. Автономия национальных областей в смысле культурном должна быть утверждена принципиально и проведена на деле.

6. Принципу самоуправления должно быть уделено место всюду, где это осуществимо без особого вреда; в особенности же в сфере бытовой, культурной, религиозной и благотворительной.

7. Принцип законности должен проводиться неукоснительно и наглядно.

8. Неправый произвол должен караться демонстративно.

9. Равенство перед законом должно нарушаться только в сторону явной справедливости.

10. Всякое подрывание авторитета или доброй репутации органов власти должно караться в уголовном порядке, быстрым процессом. Всякая нелояльная агитация также.

4. ПРОБЛЕМА СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Есть государственная аксиома, согласно которой власть есть *волевая* сила. Слабая власть — не власть, а самообман и обман. Власть не импонирующая — не власть. Власть социально бессильная — источник крушения.

ми) Все это тем вернее и тем важнее, чем больше объем и размер государства (территория и население). Чем сложнее состав государства (нации, исповедания, социальные классы), чем грандиознее его задачи.

Поэтому организующий в России слабую власть подрывает бытие русского государства и полагает начало распадению страны. *Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе.*

Однако сильная власть не есть тем самым ни бюрократическая, ни централизованная, ни военная, ни полицейски brutальная. Бесспорно: легче всего создать сильную власть как произвольную, бюрократическую, централизованную, воинскую, полицейски brutальную. Но именно эти соблазны, эти легчайшие пути могут и должны быть избегнуты.

России нужна власть сильная, но дифференцированная. Сильная, но выдержанно-правовая. Сильная, но не просто и не только бюрократическая. Сильная, но децентрализованная. Воински закрепленная, но лишь в виде последнего аргумента. Полицейски огражденная, но не преувеличивающая компетенцию полиции.

Первая основа этой силы — духовно-психическая: властвующему необходим волевой заряд; сознание своей силы; сознание своей правоты и призванности; отсутствие страха перед массой; наличность творческого, национально-идейного замысла.

Вторая основа — политико-дипломатическая: независимость власти от международного или оккупационного давления; независимость власти от каких бы то ни было временщиков, закулисных группировок, тайных пленений, «внутренних линий»⁶ и т. п.

Третья основа — верность волеуправления; оно должно ликвидировать уродства и бессмысленности коммунизма, снять все преграды, созданные коммунистической революцией, развязать творческую инициативу народа. Отсюда — всенародное признание, все возрастающее с течением времени.

Четвертая основа — это искусство импонировать, политический такт, описанный на стр. 20 — 21 «Спутника христианина-националиста»⁷.

Пятая основа — это наличность достаточного, верного и предметно действующего принудительного (полицейского, воинского и судебного) аппарата.

Наконец, шестой основой силы является формально-государственное строение власти.

Сильная власть должна быть *свободна от внутренних противопоставлений*: верховная власть не должна противостоять никаким неверховным органам — ни действительным (вроде «ответственного министерства», «парламента», «федерального совета», «государственного совета»), ни фиктивным (вроде «народного суверенитета»). Всякие такие противопоставления вредны, ибо подрывают силу власти.

Не может и не должно быть вообще двух или трех *первоисточников* власти. Власть принадлежит главе государства, возглавляющему (лично или через своего представителя) всякую коллегию — законодательную, исполнительную, судебную, воинскую. Главе государства должны принадлежать все права английской короны в их юридически установленном, хотя политически почти не осуществляемом объеме (Сидней Люу, 219 — 221)⁸. Но в России эти права должны принадлежать главе государства *реально и эффективно*.

Согласно этому, верховную власть следует мыслить себе в будущей России не как подчиненную народу или законодательной палате, а как *самостоятельную правовую творческую реальность, пребывающую во главе государства*, возглавляющем весь строй государства.

Законодательная власть осуществляется им и теми органами, которые, согласно конституции, привлекаются им к этому делу. Так же обстоит и с другими властями — исполнительной и судебной.

Формально это явится «самодержавием», юридически присущим английской короне, — независимо от того, будет это самодержавие принадлежать вождю, диктатору, цезарю или наследственному легитимному монарху. Спасти Россию от внутреннего распада и внешнего расхищения сможет только такая власть, а потому она возникнет и создастся независимо от того, хотим мы этого или нет.

Но *дух и жизненный строй*, которые имеют насытить и наполнить собою эту диктаториальную форму, должны совместить в себе и осуществить все те черты, которые обычно восхваляются как якобы присущие демократии и которые в действительности сводятся к *творческой* самодетельности лучших народных сил, несущих лояльное и жертвенное служение государству. России нужна не подавляющая диктатура, а пробуждающая, воспитывающая и вовлекающая. Не просвещенный абсолютизм, а полновластие лица, оформляющего подлинно аристократический всенародный отбор людей: *диктаториальная аристо-демократия* или *всенародно несомое единовластие*.

Это означает, что русское государство не следует представлять себе как «дуалистический» строй. Нужно не две силы — власть палаты или народа и власть правящего главы, а одна сила — власть правящего главы, ведущего народ, страну и все учреждения. Не должно быть никаких установлений, тяготящихся о власти; если они возникнут, то это будет началом распада.

Нужно единство: глава, ведущий палату, глава, ведущий правительство, глава, ведущий армию, глава, ведущий суд, глава, ведущий самоуправление (местное и национальное). Нужно *дифференцированное единство*, а не *кое-как склеиваемое и балансирующее множество*.

Для жизненного усиления главы государства как в смысле авторитета, так и в смысле верности волеуправления необходимо создать при нем особый, вне учреждений стоящий Совет Неприкосновенных или Совет Старейшин в составе 30 человек, который должен существовать и при диктатуре, и при монархии. Он должен пополняться посредством особого сочетания из назначения (от главы) и избрания (от палаты) так, чтобы каждый Старейшина был и назначен, и избран. Полномочия Старейшины пожизненны; сместить его нельзя. Он может или сам сложить свое звание, или подвергнуться единогласному исключению из Совета (в случае особой важности — душевное заболевание или свершение позорящего поступка). Совместительствовать Старейшина не может. Каждый Старейшина и весь Совет имеют право независимого суждения обо всем происходящем в государстве; право обращения к главе государства с совета-

ми, докладами, указаниями, ходатайствами и законопроектами (эти обращения печатаются в журнале Совета). В особенности же Совет имеет право ревизии всех учреждений и публичных дел во всем государстве; это право осуществляется отдельными Старейшинами или целыми комиссиями Совета по особому поручению последнего; о всяком таком поручении доводится до сведения главы государства.

Воплощая ту идею, которая лежала в основе ведомства Патриарха Филарета по искоренению неправды на Руси, такой Совет явится в то же время защитником обиженных, живым оком главы государства, источником законодательных идей и починов, всероссийским авторитетом правды и справедливости, школой администрации, и наконец, персональным кадром кандидатов на посты министров и наместников. Помимо этого он явится живой отдушиной для предметно-политического общественного мнения. Тем самым он не ослабит, а усилит власть, обеспечивая и укрепляя доверие народа к ней.

Далее, сильная власть экономит во времени, в пространстве, в энергии, в составе лиц и в структуре учреждений. Власть полномочная и ответственная должна присутствовать на местах. Но система центральных учреждений не должна воспроизводиться на местах (как при федеративном и сов. строе). План учреждений должен быть ясен, прост, не обременен дроблением полномочий; полномочие должно восприниматься как обязанность и должно быть неразрывно связанным с ответственностью.

Россия должна быть разделена на ряд наместничеств (приблизительно в размере губерний или небольших «областей»). Наместник представляет главу государства в пределах своего наместничества, но работает с более простой системой учреждений. Он создает при себе Совет наместничества совещательного характера, посредством назначения, выборов и кооптации. Вначале выборы происходят от органически уцелевших, сколько-нибудь здоровых единиц, или таких, которые могут быть объединены без труда ад хок⁹, разумеется, с отпадением всех, имевших когда-нибудь членский билет компартии. Уце-

девшими единицами будут приходы, школьные и университетские советы, рабочие союзы, остатки кооперативов; быстро объединятся советы домовладельцев в городах, советы врачей, судебные коллегии, представители размежевывающихся колхозов, союзы лиц с высшим образованием. Выборные съезжаются по местам, образуют коллегию, выбирают нескольких лиц в Совет наместника (трех); наместник может пополнить этот список назначением или совместно с избранными кооптацией; он может привлечь и других со стороны. Слагается Совет наместничества; между членами его разделяются функции управления. Совет действует как *единство, ведомое наместником*; орган един, ответственность едина. Аналогично создаются и низшие (окружные, т. е. уездные) органы управления.

Об органах самоуправления (городских и земских) будет сказано ниже в главе об отборе правящего меньшинства. Таким образом, может и должна быть обеспечена в общих чертах сила государственной власти в будущей России. Эта сила будет столь же внешней, сколько и внутренней, имея гарантии и в государственной форме, и в народной психологии, и в волеуправлении власти.

5. О СПОСОБАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРАВЯЩЕГО МЕНЬШИНСТВА

Судьба русского государства зависит от того, удастся русскому народу или не удастся найти способ выделения к власти лучшего меньшинства.

Вопреки всем демократическим предрассудкам всегда и всюду правит меньшинство. И если демократический строй может сулить какие-нибудь преимущества — то только два: выделение правительства в процессе *народной самодеятельности* и привлечение к правящему меньшинству *сочувствия и поддержки* со стороны выделившего его большинства. Этому противостоят существенные недостатки демократического режима, а именно: отвлечение масс от творческого строительства и вовлечение их в самодовлеющее политиканство; связанная с этим растрата сил; общее голосование за пределами силы суждения; подмена публичных проблем частнопрововыми вопросами и интересами; переоценка голосования как сред-

ства решения политических вопросов; подмена народа совокупностью данных избирателей и т. д.

Это означает, что надо *найти новые способы* выделения к власти лучшего меньшинства, в которых народная самостоятельность была бы использована в ее благороднейших возможностях и при которых свободная лояльность и волевая аккумуляция на выделенное меньшинство слагалась бы легко, свободно и прочно.

Для этого необходимо прежде всего *переместить в народном сознании центр тяжести* с политики на жизнь духа, на строительство жизни, хозяйства, культуры; на качество жизни, труда и продукта. Римляне знали поговорку: «эдимус ут вивамус, нон вивимус ут эдамус» — «еда служит жизни, а не жизнь служит еде». Люди живут, трудятся и зарабатывают хлеб совсем не для того, чтобы заниматься политикой и тешить свое честолюбие. Политика по самому существу своему требует от человека повышенной квалификации; совершенно вредно и бессмысленно вовлекать в нее всех. Она требует знаний, воли, организационных способностей, такта, опыта. Так обстоит везде и всегда; и даже в тех государствах, которые строятся по принципу личного и классового интереса, исходя из двух несостоятельных предположений: 1. будто государственный интерес есть сумма или равнодействующая всех личных или классовых интересов и 2. будто каждый человек лучше всего знает и понимает свой интерес вообще и политически-государственный интерес в особенности.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность *мыслить от целого*, организовывать и править. Чтобы находить и воспитывать таких людей, политика должна быть уведена с улицы, от газетной, кулуарной, рыночной и митинговой черни. Политика должна быть облагорожена, ее уровень должен быть поднят. Здесь придется выдержать серьезную и острую борьбу и с домогательствами европейских демократов, и с претензиями своей послереволюционной черни, руководимой партийными демагогами, и с попытками русского черносотенства влить в новый, недемократический строй свое лично-карьерное тупое, злое, классовое содержание и

скомпрометировать этим весь новый поиск государственности. В этой борьбе государственно мыслящие и спасающие силы России должны победить; иначе Россию не спасти.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность организовывать и править, *мькля от целого*. Это умение должно добываться и проявляться за пределами политики и государственного дела, в предварительных жизненных упражнениях, протекающих в иных сферах. Эти предварительные упражнения должны быть перенесены в сферу негосударственной культуры: в кооперацию, в образовательные клубы, в спорт, в торговые компании, в мелкую земскую единицу, и особенно в церковную жизнь и в профессиональные союзы. Туда же должна быть отведена и борьба честолюбий, с которыми церковь, может быть, будет бороться особенно успешно. Вокруг государственного дела должна быть создана особая атмосфера, которую можно было бы описать так: *никаких преград* кроме требования качества: всем открыто, всем доступно, кто способен; но самое дело столь трудно и реальная ответственность, связанная с ним, так велика, что за это бремя *небезопасно браться* и его надо *скорее страшиться, чем добиваться*. Итак: строгость качественного отбора и повышение реальной ответственности — вот два оздоравливающих требования для политики. С политикой должна быть связана идея стажа. Размеры этого стажа будут немедленно после революции, вероятно, довольно элементарны: однако с течением времени они должны быть крепко повышены и удержаны на высоком уровне. С политикой должна быть связана *идея ранга*. Большевицкая революция сделала все, чтобы скомпрометировать отбор *худших*, реально осуществляя его в течение 20 лет. Она сделала все, чтобы вызвать в массе чувство *верного ранга*, чтобы заставить массу хотеть его, чужать его и искать надлежащих людей. Правление авантюриста, честолюбца, жадника, взяточника, доносчика, хама, садиста и рецидивиста извечны русским народом жизненно и до конца. Россия захочет верного ранга. Верный же ранг определяется не сословием, не богатством и даже не образованием, но способностью души верно и жертвенно служить, вести волею,

чувать жизненную справедливость, творчески организовывать. России нужны на всех поприщах *предметные политики*. И надо надеяться, что пробуждение и укрепление христианского чувства поможет этому сортированию и выделению людей *по предметности* их сердца и воли. Брение, возложенное русскому народу на глаза, исторически беспримерно; он промочит свои глаза и прозрит^{*6}.

Государственная форма должна помочь ему *осуществить* свое видение и выделить лучших. Обычная, формальная избирательная процедура этому требованию не удовлетворит и проблему не разрешит, ибо она отыскивает по принципу *личной заинтересованности* людей, *выгодных* и *удобных* массе, а не людей, *ценных* и *необходимых государству* и народу в целом. Она предоставляет гражданину голосовать из его собственного, в нем самом заключенного жадника и подлеца; к этому жаднику и подлецу обращаются демагоги с подходящими аргументами, карьерист апеллирует к деморализованному избирателю и конец венчает дело самым малодостойным образом.

Я думаю, что в России придется обратиться к новой системе выборов, в которой самый способ избрания будет обращаться к благородно-гражданственным сторонам участвующих в избрании людей.

Ввиду этого активное избирательное право не может быть всеобщим. Оно должно быть связано с известным стажем и рангом, критерии коего должны быть, с одной стороны, отрицательными (непорочность уголовная, политическая, по суду чести), с другой стороны, положительными — возрастной стаж (не моложе 30 лет); образовательный минимум; известный срок общественного (неполитического) стажа; наличность известной хозяйственной или общественной премированности; орденское отличие; или же простая корпоративная рекомендация, проведенная с повышенным кворумом (предоставление всем зарегистрированным корпорациям права выдвигать лучших людей в государственные избиратели, без права отвода сверху).

Имущественный ценз не должен иметь решающего значения по соображениям предметности и социальной

справедливости. Вопрос мужского и женского пола тоже должен быть снят. Вопрос вероисповедный и национальный должны быть учтены на местах в смысле процентной квоты, дабы ни одно вероисповедание и ни одна национальность не имели оснований жаловаться на засилие других.

В этих пределах активное избирательное право должно быть равным (один человек — один голос) по сообщениям предметности и социальной справедливости.

Выборы должны быть двустепенными, во-первых, для того, чтобы сосредоточить и усилить предметный отбор в избирательной коллегии первой ступени, которая должна иметь возможность изыскивать людей с повышенной и реальной квалификацией; во-вторых, для того, чтобы сократить демагогию; в-третьих, для того, чтобы придать особый вес заключительной процедуре, о коей ниже.

Голосование есть не только право, но и обязанность. Можно не принять права голоса, но, имея его, голосовать необходимо под страхом санкции. Абсентеизм¹¹ не предоставлен произволу избирателей.

Выборы в обеих инстанциях должны быть не тайными, а открытыми, за подписью. Всякое давление на избирателей сверху или снизу, в порядке подкупа или угрозы — уголовно наказуемо. Избирательный бюллетень должен быть непременно письменным и обоснованным, с указанием на достоинства избираемого лица. Бюллетени протоколируются, переплетаются и подлежат по окончании выборов напечатанию во всеобщее сведение. Голосующий необоснованно, продажно, криво или лукаво должен быть уверен с самого начала, что его поступок будет вынесен на суд общей гласности.

При выборах в избирательных коллегиях пассивное право должно быть связано с повышенным стажем (во всех отношениях).

Заключительная избирательная стадия должна протекать так. В каждом наместничестве наместник назначает полный состав членов государственной палаты по своему усмотрению, как из лиц, входящих в избирательную коллегию, так и из других; из этих лиц избирательная коллегия избирает от себя *половину*, утверждая и скрепляя назначение избранием. Избирательная же коллегия

выбирает помимо того от себя тоже полный состав членов палаты, но непременно из среды самих избирателей. Наместник обязан половину из них утвердить, отводя другую половину и подтверждая акты избрания своим утверждением.

Отсюда возникает соревнование между правительством и избирательной коллегией: обе стороны соревнуют в создании наитруднейше опорочиваемого другой инстанцией списка кандидатов. Это побуждает избирателей и наместника выбирать предметно, людей дела и служения; все уйдет в поиски объективно достойных, объективно убедительных кандидатов. Каждый кандидат проходит две инстанции, каждый получает две санкции. И таким образом разрыв государства на две стороны — власть и народ, — разрыв, углубляемый теорией и практикой народоправства, залечивается, срачивается, исчезает. Избирание перестает быть чисто арифметической игрой, прикрывающей лукавую, непредметную борьбу людей; тайна голосования отпадает и не укрывает ни интереса, ни обмана, ни продажности. Государственная форма ищет единства и солидарности: она побуждает и власть, и народ создавать единое общее дело и жить в атмосфере предметной политики, а не беспредметного политиканства.

Все это должно сопровождаться культивированием во всей стране, во всех отраслях жизни предметно-качественного ранга, выделяющего и венчающего достойных. Народу должно систематически внушать, что во всем есть лучше и хуже, объективно лучше и объективно хуже и что объективно лучшее премируется во всех отношениях — доходностью, отличием, уважаемостью и расширением публичных полномочий.

Особенное значение надо придать обновлению идеи политической партии и соответствующему регулированию партийной жизни.

Партия не может и не должна быть сговором частных лиц на предмет захвата государственной машины и эксплуатации ее в свою пользу.

1) Партии допускаются и регистрируются. Но не все партии. Регистрации подлежат только те, которые представляют программу, исходящую из идеи целого и на-

правленного ко благу целого. **Н**И одна классовая или профессиональная партия не подлежит регистрации: ни крестьянская, ни рабочая, ни торгово-промышленная. Должен быть представлен план общенародной политики и общенародного хозяйства, план компетентно продуманный и серьезно обоснованный, рассчитывающий на сочувствие всех граждан; ибо партия от партии отличается пониманием общенародного блага, а не предпочтением одного социального класса другому.

2) Никакая партия как таковая не может и не должна рассчитывать на захват власти по большинству голосов. Напротив, партийная принадлежность должна скорее затруднять политическую карьеру, чем облегчать ее: ибо назначению на ответственный пост должен предшествовать обязательный выход из партии — не в смысле изменения воззрений, а в смысле полного освобождения от партийной дисциплины и партийного образа действий. Выдвигать лучших людей в качестве публичной рекомендации правительству могут *все* зарегистрированные корпорации, а не только партии. Народное представительство мыслится нам как творчески-инициативное и совещательное установление. И наконец, самая система выборов такова, что партийные люди всегда будут рисковать отводом сверху или снизу. И потому мажоризирование избирательных коллегий или палаты утрачивает свой интерес: оно не ведет к власти, и это должно быть отчетливо оговорено в конституции. Вверх должно вести качество лица и его дел, предметность его воли, сила его духа, верность его совести; и не партиям дано распознавать эти свойства людей.

'России нужен не партийный политик, а предметный. И только он сумеет собрать вокруг себя социальную силу, на которую он мог бы опереться.

По-видимому, эта новая социальная опора русской государственности будет постепенно отбираться из следующих кругов:

1) духовенство и верующие члены общин, прошедшие борьбу за веру и религию при большевиках;

2) союзы раненых и комбатантов¹²;

3) домовладельцы, получившие свои дома или отстоявшие их;

- 4) торговцы, немедленно получившие право торговать;
- 5) учителя и профессора некоммунистического толка;
- 6) орденски организуемая интеллигенция;
- 7) рабочие, перестрадавшие последствия классовой политики;
- 8) оседающее на местах крестьянство и казачество и
- 9) медленно слагающаяся буржуазия.

ПРОЕКТ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(черновая схема)

Содержание

- Раздел первый.** О Российском Государстве
- Раздел второй.** О вере и религии
- Раздел третий.** О правах и обязанностях российских граждан
- Раздел четвертый.** О законах
- Раздел пятый.** О Главе Российского Государства
- Раздел шестой.** О законодательных учреждениях Российского Государства
- Раздел седьмой.** О Земском Соборе
- Раздел восьмой.** О Государственном Совете
- Раздел девятый.** Совет Министров
- Раздел десятый.** Совет Старейшин
- Раздел одиннадцатый.** Сенат
- Раздел двенадцатый.** Высший Церковно-Исповедный Суд
- Раздел тринадцатый.** Высшие Советы при Главе Государства
- Раздел четырнадцатый.** Дума Национального Единения
- Добавление к Основным Законам.** Управление на местах в переходное время

Раздел первый

О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ст. 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божиим Промыслом в веках вемое, Российское Государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов.

2. Российское Государство есть правовое единство — священное, исторически преемственное, властное и ответственное. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону.

3. Российское Государство *едино* и *нераздельно*. Оно имеет единый состав граждан, определенный законом; единую, законом очерченную территорию; единую государственную власть, строение коей устанавливается Основным Законом; единый свод законов, в который включаются и все местные своды.

Всякое произвольное выхождение граждан из состава государства, всякое произвольное расчленение территории, всякое образование самостоятельной или новой государственной власти, всякое произвольное создание новых, основных или обычных законов объявляется заранее недействительным и наказуется по всей строгости уголовного закона как измена или предательство.

4. Российское Государство есть *правовой* союз. Каждый русский гражданин имеет свои неприкосновенные права, свои установленные обязанности, свои ненарушимые запреты; все это устанавливается законами, ограничивается властью и судом. Всякое беззаконие, превышение власти, вымогательство и произвол преследуются. Праву подчинены все без исключения. Основы правопорядка обязательны для всех.

5. Российское Государство есть единство *священное*, ибо оно объединяет людей не токмо внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед Лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального

духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности.

6. Российское Государство есть единство *исторически преемственное*. Оно основано нашими предками; оно утверждено всенародными жертвами, приносившимися отечеству под водительством русских Князей и Государей; оно не может прекратиться и не прекращается никакими временными смутами, восстаниями, вторжениями и засилиями.

7. Российское Государство есть единство *властное*, то есть публично-правовое, и притом верховное. Оно само создает свою верховную власть, не подчиненную никакой внешней силе, никакой иной власти, никакой иной державе. Русская государственная власть призвана править и повелевать: она властвует по праву и обязана в пределах права опираться на силу.

8. Российское Государство есть единство *действенное*. Это означает, что русские граждане призваны к правовой свободе и самостоятельному творчеству, к верной, незасорной семейной жизни, к свободному труду и частной собственности. Они суть субъекты права — носители прав и обязанностей. Они повинны вкладывать в государственное дело свой почин, свое сердце, волю и разум. Они должны всеми способами, как лучше, промышленать о своем Отечестве и о пользе своего народа. Они обязаны содействовать всем благим и верным начинаниям своей власти.

9. Российское Государство связывает людей в *братский* союз. Русский русскому есть брат и помощник всегда, везде и во всем. Всякая взаимная неправда возбраняется. Всякое взаимное притеснение преступно. Всякая злостная эксплуатация наказуема по закону. Всякое оставление в беде предосудительно и позорно. Все за одного — один за всех.

10. Российское Государство связывает российских граждан с Отечеством и между собою *преимущественно*, а в случае столкновения с другими союзами — *исключительно*. Поэтому двойное подданство недопустимо; оно воспрещается и наказуется как измена. Также воспрещается всякая принадлежность граждан к каким бы то ни

было публично-правовым международным (интернациональным) объединениям.

11. Российское Государство связывает всех своих граждан единою патриотическою *солидарностью*: общим Отечеством, общею целью, общею властью, общим порядком. Общее выше частного. Частные интересы должны уступать, подчиняться, служить средством для высшей цели (ст. 4). Российский гражданин повинен своему Отечеству *служением и жертвенностью*; он повинен своим согражданам уважением, миролюбием и сотрудничеством.

12. Всякое деление российских граждан на враждебные политические станы объявляется вредным, предосудительным и в случаях, особо предусмотренных, — наказуемым срочною или бессрочною утратой публичной правоспособности. Борьбаться за классовые, партийные и корпоративные интересы позволительно лишь постольку, поскольку эти интересы соответствуют единому и общему благу народа и государства.

13. В Российское Государство входят граждане различных и многих народностей. Каждая из этих народностей имеет право на культурную самобытность и обязана России верностью. Российское Государство не знает бесправных наций в своем составе и требует от каждой народности братского единения с другими. Национальная вражда и ненависть объявляются разрушительными и преступными.

14. Российский суд призван быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в законе Божиим, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое совестное правосознание. Он не может ни крикнуть душою, ни угождать предержавшим властям.

15. Российский государственный чин есть звание честное и ответственное, милостивое и строгое. Творящий кривду или растрату разрушает Отечество и позорит себя. Российское чиновничество обязуется помнить, что оно призвано строить и украшать свою родину.

16. Солдатом именуется всякий военнослужащий от рядового до старшего генерала. Российский солдат есть звание высокое и почетное. Он представляет всероссий-

ское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь. Армия есть кость от кости народа, кровь от крови его, дух от его духа. Служащий в российской армии, — пожизненно или временно, — осуществляет почетное право верного за Отечество стояния и приобщается национальной славе. Воинское знамя есть священная хоругвь всего русского народа. Военный инвалид есть почетное лицо в государстве.

17. Русский язык есть язык общегосударственный. Он обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается только наряду с русским языком; оно обязательно во всех общинах с иноязычным большинством и определяется особыми законами и указами.

Раздел второй

О ВЕРЕ И РЕЛИГИИ

Ст. 1. Первенствующая в Российском Государстве вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания. Российский Государь или Верховный Правитель не может исповедовать никакой иной веры кроме православной. Российские граждане, принадлежащие к православной вере, обязаны воспитывать в ней своих детей. Во всех официальных, торжественных и воинских богослужениях моление отправляется православным духовенством по православному обряду.

2. Всем российским гражданам обеспечивается свобода веры, молитвы, исповедания и богослужения.

3. Эта свобода присваивается как христианам иных исповеданий, так и евреям, магометанам, язычникам и иным нехристианским общинам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя Российское Государство и его верховную власть и моля Творца Вселенной о умножении благоденствия и укрепления духовной силы русского народа.

4. Сия свобода не распространяется, однако, на верования безнравственные, противоестественные, изувер-

ские, противогосударственные и сатанинские. Подведение под эту статью закона совершается на основании приговора Высшего Церковно-Исповедного Суда. Такие общины не пользуются правами публичного лица и публичной свободы, имущество их конфискуется, а члены их могут быть высылаемы из пределов России в страну по собственному выбору без права возвращения.

5.

6. Все вероисповедные общества, существующие в России, подлежат обязательной регистрации в Высшем Церковно-Исповедном Суде. Общины, принадлежащие к запрещенным вероучениям, не должны быть регистрируемы.

7. Правами юридического лица публично-правового характера могут пользоваться только вероисповедные общества, имеющие свою высшую церковную юрисдикцию на территории Российского Государства (автокефальные) и обязательно возглавляемые кем-либо из российских граждан.

Все остальные вероисповедные общества могут пользоваться лишь правами юридического лица частного-правового характера.

8. Никто не может быть преследуем за исповедуемые им верования. Никто не может быть принуждаем к участию в обрядах иного вероисповедания. Однако присутствие на официальных, торжественных и воинских богослужениях обязательно для всех российских чиновников по принадлежности.

9. В течение первых 10 — 25 лет после восстановления в России законного порядка воспрещается всякая взаимная религиозная пропаганда среда христианских вероисповеданий. Это запрещение может быть распространено и на другие нехристианские исповедания.

10. Лицам, достигшим 25-летнего возраста, не возбраняется переход в иное исповедание.

11. Всякое безбожие есть личное духовное несчастье человека. За безбожие никто не подлежит ни суду, ни

осуждению. Однако всякая пропаганда безбожия воспрещается: она подлежит суду Высшего Церковно-Исповедного Суда и наказанию. Особый закон определит, к каким государственным и публично-общественным должностям безбожники вообще не могут допускаться.

12.

13. Государство и церковно оформленные религиозные союзы служат единой высшей цели — делу Божьему на земле, но разными способами и средствами (см. ст. 1 и 5 Раздела первого Осн. Зак.). Посему они призваны не к борьбе и соревнованию, но ко взаимной поддержке и творческому сотрудничеству. Этим устанавливается не отделение церкви от государства, а разделение сфер и творческое согласование целей и усилий, обоюдное уважение, обоюдная жизненная независимость при взаимном сотрудничестве, непосягании и невторжении. Это относится не только к Христианской Православной церкви, но и ко всем иным, христианским и нехристианским церковно оформленным религиозным союзам.

14. Посему все церковные общины и их члены повинны соблюдать законы государства. Никакие религиозные учения и никакие постановления церковной власти не освобождают ни религиозные союзы, ни верующих граждан от повиновения государству и его законам, доколе законы сии не посягают на заповеди Божии.

15. Каждый церковно оформленный и законно зарегистрированный религиозный союз является самостоятельной и канонически самозаконной организацией внутри Российского Государства и должен управляться единым главою, имеющим русское гражданство и постоянно пребывающим в России.

16. Российское Государство и его законная власть не призваны править церковью в сфере догмата, обряда, таинства и организации. Но они обязаны требовать от церкви и от верующих верности Отечеству и соблюдения законов.

17. Никакой церковный союз, состоящий из русских граждан, не имеет права вмешиваться в государственные дела и их законное течение. Однако высшие церковные органы имеют право обращаться к Государю иди Верховному Правителю со своими соображениями о пользах государства и нуждах церкви, с жалобами, просьбами и проектами законов.

18. Государственная власть не имеет права подчинять себе религиозные и церковные союзы, вовлекать их принудительно в светские дела, навязывать им свои меры и способы действия, привлекать их к уголовному сыску иди политическому доночеству, нарушать тайну исповеди, умалять свободу церковного слова и церковной печати, поскольку эти последние не вторгаются в государственные и политические дела.

19. Церковные и религиозные союзы не имеют права злоупотреблять своим влиянием и авторитетом в делах государственных и политических. Никакое принудительное оцерковление политики, жизни и духовной культуры недопустимо.

20. Церковные и религиозные союзы не пользуются никакими постоянными «субсидиями» или «дотациями» из средств государственной казны. Единоразные чрезвычайные ассигнования проводятся по особому ходатайству соответствующего вероисповедного общества в законодательном порядке. Такое ходатайство допустимо только со стороны вероисповедного общества, пользующегося правами юридического лица публично-правового характера и при том непременно условии, что Высший Церковно-Исповедный Суд поддерживает это ходатайство.

21. Средние и высшие духовные учебные заведения первенствующего вероисповедания содержатся на государственный счет, но стоят в заведовании Православной Патриархии, назначающей должностных лиц, учителей и профессоров. По сим назначениям Министерство Народного Просвещения имеет право отвода.

22. Во все высшие управления церковных союзов Российская государственная власть назначает своего постоянного члена для законного надзора, осведомления и согласования. По этим назначениям высшие

управления церковных союзов по принадлежности имеют право отвода.

23. Патриаршее Управление Православной церкви назначает в высшие государственные органы (в Земский Собор, в Государственный Совет, в Совет Старейшин и в Думу Национального Единения) своего постоянного члена с правом совещательного голоса. По сему назначению Глава Государства имеет право отвода.

24. Св. Патриарх Православной Церкви по должности имеет право лично участвовать с решающим голосом во всех коллегиальных высших государственных органах Российского Государства. Право назначать себе заместителя с теми же правами ему не предоставляется.

25. Высший Церковно-Исповедный Суд ведает регистрацией церковно-исповедных союзов и общин, согласованием и примирением деятельности различных церквей и исповеданий в пределах России, борьбой против безбожия, судом по делам о безбожниках и т. д. Предметы его ведения, его состав и действие определяются в Разделе двенадцатом Основных Законов.

Раздел третий

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Ст. 1. Российское гражданство есть звание почетное и обязывающее. Носящий сие звание повинен верною Отечеству и государству, верховной власти и законам страны.

2. Приобретение и утрата прав российского гражданства определяются особым законом. Во всех случаях перехода иностранцев в российское гражданство ими приносится торжественная и публичная присяга России как Отечеству, русским основным законам, русской верховной власти и русской армии. Сия присяга сопровождается подпиской о несостоянии в двойном подданстве. Подписка должна быть скреплена и удостоверена подписью пяти русских граждан, пользующихся доверием Министерства Иностранных Дел.

3. Право свободной веры есть право священное, неприкосновенное. Оно принадлежит всем российским гражданам и не умаляется ни при каких наказаниях, ни при каких ограничениях публичной правоспособности (см. Раздел второй Основных Законов).

4. Вооруженная защита Отечества и государства есть не токмо священная обязанность, но и почетное право каждого русского гражданина. Лишение этого почетного права по суду принадлежит к позорнейшим наказаниям и сопровождается утратою всякой публичной правоспособности (права голоса, права общественной и государственной службы и др.). Мужское население, без различия состояний, подлежит призыву в войска согласно установлениям закона. Права и обязанности женщин в деле обороны страны определяются особым законом.

5. Российские граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины. Сия обязанность есть по смыслу своему почетное право участия в создании и пополнении отечественной казны. Злостные недоимщики лишаются по суду и закону известных публичных прав. Налог, установленный государством, указывает каждому гражданину не наибольшую, а наименьшую долю его участия. Каждое превышение этой наименьшей доли составляет отечественную заслугу гражданина и влечет за собою почетные последствия, определяемые особым законом.

6. Российские граждане обязаны также отбывать все иные повинности, возлагаемые на них законом. Всякое проявление почина, добровольчества и жертвенности составляет и здесь отечественную заслугу и влечет за собою предусматриваемые особым законом почетные последствия.

7. Все русские граждане, не ограниченные в своих правах по закону или по суду, равны перед законом. Российский правопорядок не знает сословий, которые сообщали бы своим членам неосновательные преимущества или ограничения в правах или изымали своих членов из-под действия основных и общих законов.

8. Только российские граждане могут занимать военные и гражданские должности в России. Граждане иных

государств могут приглашаться на службу лишь временно, по договору найма, при условии подписания торжественного обязательства никак и ни в чем не вредить интересам Российского Государства.

9. В борьбе с политической смутою, разбоем, неприязненным вторжением или чрезвычайными народными бедствиями Глава Государства имеет право объявлять известные категории лиц как из российских граждан, так и из числа иностранцев вне закона. Объявление это печатается в газетах и расклеивается в присутственных местах. Оно действительно в течение одного месяца и должно быть возобновлено в таком же порядке.

Лица, объявленные вне закона, подлежат немедленному аресту и суровому, ускоренному порядку судопроизводства, определяемому особым законом. С момента объявления их вне закона они утрачивают все субъективные публичные права, кроме особо оговоренных (ст. 3 Раздела третьего).

10. Никто не может подлежать преследованию, суду и наказанию иначе, как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения поступка, и лишь в порядке, в законе определенном. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

11. Никто не может быть задержан, взят под стражу или иным образом лишен свободы иначе, как в случаях, в законе определенных и с соблюдением правил, им предписанных. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

12. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти должно быть в течение двадцати четырех часов, а в прочих местностях Государства не позднее, как в течение трех суток со времени задержания или освобождено, или представлено судебной власти; судебная же власть по рассмотрении обвинения или освобождает задержанного, или постановляет, с изложением оснований, о дальнейшем содержании его под стражей. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

13. Жилище каждого российского гражданина неприкосновенно. Производство в жилище обыска или

выемки без согласия хозяина допускаются не иначе, как в случаях и в порядке, определенных законом. Сие распространяется и на лиц, объявленных вне закона.

14. Никто не может быть судим иным судом кроме того, к которому дело его по закону подлежит. Изъятия из этого правила допускаются только в порядке закона о чрезвычайном и военном положении. Лица, объявленные вне закона, судятся особым судом, нарочито для сего в порядке закона составляемым.

15. Русские граждане, достигшие гражданского совершеннолетия (20 лет), могут в общих пределах, установленных законом, свободно избирать и менять местожительство и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы Государства. Ограничения в сих правах как для русских граждан, так и для иностранцев, устанавливаются особыми законами.

16. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимого и движимого имущества допускается только тогда, когда сие оказывается необходимым для какой-нибудь государственной пользы. Оно совершается только в законном порядке и притом за справедливое вознаграждение, учитывающее и особые, доказанные интересы лица.

17. Российские граждане имеют право устраивать собрания в целях, не противных религии, нравственности, Отечеству и законам (см. Раздел первый Основных Законов), мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно и ограничения мест для собраний. Всякое собрание, в котором произнесен призыв к неповиновению властям и законам или ко взаимной вражде граждан между собою, становится с этого момента противозаконным сборищем, участие в коем наказуемо по суду утратою публичных прав. Участие в собрании с огнестрельным или холодным оружием, без особого разрешения носить таковое, приравнивается к попытке начать вооруженное восстание.

18. В пределах, установленных Основными Законами (Раздел первый) и особым законом, каждый может

высказывать устно или письменно свои мысли, а равно распространять их в письменном или печатном виде.

19. Российские граждане имеют право образовывать неполитические общества и союзы в целях, не противных Основным и иным законам Государства. Каждое образуемое общество или союз должен быть зарегистрирован в законном порядке с предъявлением устава и с откровенным изложением целей. Тайные общества и союзы воспрещаются. Они, так же как и их участники, заранее объявляются вне закона. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как и порядок их закрытия, определяются особым законом.

20.

21. Российские граждане имеют право образовывать также и политические партии, подлежащие обязательной регистрации. Партии противообщественные, противогосударственные (Раздел первый Основных Законов) и революционные воспрещаются. Противозаконное образование их и участие в них наказуется по закону и суду; всякое судебное осуждение за это влечет за собою помимо наказания еще и полную утрату публичных прав. Членам партии воспрещается всякая государственная и общественно-публичная служба, а также избрание или назначение в законотворческие органы. Всякий, назначаемый на такую службу, избираемый или назначаемый в такие органы, должен выйти из партии и дать торжественное обязательство сообразоваться в своей деятельности не с указаниями своей бывшей партии, а с пользою Отечества и государства, а также с голосом своего независимого правосознания и своей совести.

22. Российские граждане имеют право единолично или совместно обращаться к государственным властям с письменным изложением своих просьб и пожеланий. Совместное обращение допустимо только от лиц зарегистрированного общества или союза через его правление или особую депутацию.

23. Тайна переписки неприкосновенна. Закон определяет, какие чиновники ответственны за нарушение тайны писем, доверенных почте. Почтовая тайна не распространяется на переписку лиц, умаленных по суду в публичных правах или объявленных вне закона.

24. За нарушение прав граждан должностные лица подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласия их начальства.

25.

26. Иностранцы, пребывающие в России, пользуются *гражданскими* правами на основании действующих законов международного частного права. Из *публичных* прав им предоставляются свобода веры (ст. 3), неприкосновенность личности (ст. 9, 10, 11), неприкосновенность жилища (ст. 13), неприкосновенность собственности (ст. 16) и право петиций (ст. 22). Их подсудность, право передвижения и промысла, право собраний, право слова и печати, право союзов подлежат особым законам и указам. В особенности им воспрещаются

под страхом высылки из страны публичное произнесение, письменное распространение или печатное опубликование суждений о России, о ее внутренних и внешних делах.

27. Действие сих постановлений о правах граждан не распространяется на граждан, состоящих на действительной военной и полицейской службе, а также на всех граждан, находящихся в местностях, объявленных на чрезвычайном или военном положении. Порядок этого объявления и сущность изъятия из этих постановлений определяются особым законом.

28. Все бывшие члены коммунистической партии, по каким бы основаниям и мотивам они в нее ни входили и сколько бы времени они в ней ни оставались, исключаются на 20 лет из политической жизни; в течение этого срока они не имеют права занимать какие бы то ни было должности на государственной и общественно-публичной службе, печататься, избирать и избираться. Отступления от этого возможны только в порядке личной аболации по личному прошению, поданному на имя Главы Государства.

29. Никто из российских граждан не имеет права принимать от иностранных правительств или правителей никаких назначений, отличий, титулов или пожалований.

30. Каждый российский гражданин, осведомленный о чьем-либо злом умысле против жизни, здоровья, чести или имущества кого-либо из своих сограждан, обязан предупредить угрожаемого об опасности. Оба вместе имеют право обратиться за защитой к органам полицейского управления. В случаях особой важности предупреждающий имеет право самостоятельно сообщить полиции об имеющейся опасности. Такие заявления протоколируются и подписываются сообщителем. Во всех случаях обнаруживающейся заведомой лжи, клеветы, шантажа и т. д. полиция обязана предать сей протокол гласности в порядке напечатания в полицейских ведомостях.

31. Каждый политический донос протоколируется, за подписью доносителя и с его точным адресом. Безымянные политические доносы воспрещаются. Они не могут

иметь никаких правовых последствий. Если автор такого доноса будет обнаружен, то он предается суду по обвинению в нарушении ст. 9 первого Раздела Основного Закона; в случае осуждения он лишается публичных прав на десять лет.

32. Каждый политический донос без исключения в течение трех дней предъявляется тому, против кого он направлен. Имя доносителя должно быть ему названо. Возражение его протоколируется. В случае его желания ему дается очная ставка с доносителем, по желанию — в присутствии трех избранных им свидетелей.

33. Бремя доказательства лежит на доносителе, а не на том, против кого донос направлен.

34. Если предметом доноса является деяние, юридически не предусмотренное и не наказуемое, то дело прекращается. Если же деяние предусмотрено или наказуемо, то в случае подтверждения доноса или недостаточного опровержения его дело передается мировому судье. Мировой судья судит не только о деянии и о содеявшем его, но и о доносителе. Донесший хотя бы и верно, но из личной вражды, или по злобе, или же заведомо ложно обвиняется в нарушении ст. 9 первого Раздела Основного Закона; в случае осуждения он лишается публичных прав на 10 лет.

Раздел четвертый

О ЗАКОНАХ

1. Российское Государство управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке.

2. Сила законов равно обязательна для всех российских граждан, поскольку в самих законах не установлено особых изъятий. Она обязательна и для всех пребывающих в России иностранцев, поскольку иное не указано в самих законах.

3. Никто не может отговариваться неведением закона, если последний был обнародован установленным порядком. Однако лицам, могущим доказать свою неграмотность удостоверением трех свидетелей, духовного отца и местного школьного учителя, дается снисхождение. Та-

кое же снисхождение дается российским гражданам, не владеющим русским языком, если российские законы не переведены на их родной язык.

4. На Министерство Национальностей и на Думу Национального Единения возлагается забота о переводе российских законов на все языки российских национальностей, признанные языками государственного значения.

5. Российское законоведение должно преподаваться во всех учебных заведениях России — высших, средних и низших; оно должно быть включено в качестве обязательного предмета в программу всех училищ и всех факультетов.

6. Закон не может быть отменен иначе, как только силою другого закона. Посему всякий закон сохраняет свою полную силу впредь до своей отмены в законодательном порядке.

7. Каждый закон имеет силу и применение только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе указано, что сила его распространяется и на предшествующее время или что он есть только подтверждение или изъяснение прежнего закона.

8. Указы, административные распоряжения, циркуляры и приказы могут издаваться только лицами, на сие уполномоченными, и только в порядке, установленном в законах; они не могут противоречить законам.

9. Обычное право восполняет закон, но не отменяет и не нарушает его.

10. Законы, особо изданные для какой-нибудь местности или части населения, не отменяются новым общим законом, если в нем об этой отмене не упомянуто.

11. Общее хранение законов полагается в Правительствующем Сенате. Поэтому все законы должны быть вносимы в заверенных списках в Правительствующий Сенат.

12. Законы обнародуются во всеобщее сведение Правительствующим Сенатом в установленном порядке и не применяются до обнародования.

13. Закон, изданный в порядке, не соответствующем Основным Законам, не подлежит обнародованию, а следовательно, и применению.

14. Закон вступает в действие и применяется или с того момента времени, который указан в самом законе, или же, если такого указания нет, со дня получения на месте соответствующим учреждением листа Сенатского издания, в коем закон напечатан. В самом законе может быть указано, что его надлежит применять до Сенатского обнародования на основании телеграфной или курьерской передачи на места.

15. Во всех случаях, не предусмотренных настоящими Основными Законами или обыкновенными законами новой эпохи, надлежит обращаться к Своду Законов Российской Империи по принадлежности и к другим источникам права, действовавшим в России на 1 января 1917 года, почерпая в них указания и решения для применения их на практике в качестве обязательных.

Раздел пятый

О ГЛАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Единство, мощь и процветание Российского Государства требуют единой и сильной государственной власти в центре, национальной по духу, внеклассовой и сверхсословной по направлению воли, доступной каждому гражданину во всех его справедливых притязаниях и нуждах.

Таковой может быть только власть единоличная, соединенная с народом живыми, отзывчивыми установлениями, а также должностными лицами, отобранными из лучших людей страны.

2. Верховная власть в России принадлежит единолично персональному Главе Государства, от лица коего исходит законодательство, управление, суд, командование и контроль.

3. Впредь до восшествия на Престол законно избранного Государя — Главою Государства является его временный заместитель в звании Верховного Правителя.

4. Особа Верховного Правителя неприкосновенна. Длительность его полномочий — 10 лет. В его распоря-

жение предоставляется цивильный лист в размере годовой сметы Совета Старейшин *in coprope*¹.

5. Супруга Верховного Правителя власти его не разделяет, члены его семьи и родичи его никакими преимуществами не пользуются и на высшие государственные должности назначаться не могут.

6. Всякое неповиновение законным велениям, указам и требованиям Верховного Правителя приравнивается нарушению Основных Законов и подлежит суду и наказанию по закону.

7. Верховный Правитель осуществляет законодательную власть в единении с Земским Собором и Государственным Советом. До первого образования этих законодательных учреждений и в периоды их роспуска он правит в порядке Чрезвычайных Указов.

8. Верховному Правителю принадлежит право почина по всем предметам законодательства. Это право почина не исключает почина Земского Собора, Государственного Совета, Сената и Совета Старейшин.

9. Основные Государственные Законы могут подлежать пересмотру и изменению только по почину Верховного Правителя. Докладные записки о необходимости такого пересмотра и изменения могут подаваться непосредственно Верховному Правителю Св. Патриархом, Земским Собором, Госуд. Советом, Сенатом, Советом Старейшин, а также Наместниками, Академией наук и Советами высших уч. заведений. Пересмотр Основных Государственных Законов совершается в Верховной Учредительной Палате.

10. Верховный Правитель утверждает законы. Без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения и обнародованию не •подлежит.

11. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному Правителю в пределах всего Российского Государства. В верховном управлении власть его действует непосредственно. В делах же подчиненного управления он вверяет согласно закону определенные властные полномочия и обязанности подлежащим местам и лицам, действующим от его имени и по его велениям.

12. В порядке верховного управления Верховный Правитель издает в соответствии с законами указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а также повеления, необходимые для поддержания законного правопорядка в стране.

13. Указы и повеления Верховного Правителя издаются в исполнение Основных и иных законов Российского Государства. Посему они должны быть согласованы с действующими законами и не могут им противоречить.

14. Указы и повеления Верховного Правителя, издаваемые им непосредственно в порядке верховного управления, скрепляются Председателем Совета Министров, или подлежащим Министром, или Главноуправляющим отдельной частью и препровождаются для хранения в Правительствующий Сенат.

15. Если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая ограничивает какой-либо закон или приостанавливает его действие, то Совет Министров представляет о ней Верховному Правителю, который имеет право издать в единении с Советом Министров и Советом Старейшин соответствующий чрезвычайный указ. Такие чрезвычайные указы не могут противоречить Основным Законам. Они должны вноситься подлежащим Министром или Главноуправляющим в течение двух месяцев в законообсуждающие инстанции (Земский Собор и Государственный Совет), где они и проходят обычным порядком. Действие такого чрезвычайного указа прекращается само собою, если сие требование не будет выполнено в установленный срок.

16. Верховный Правитель есть высший руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. В единении с Высшим Дипломатическим Советом он определяет направление международной политики Российского Государства.

17. Верховный Правитель объявляет войну и заключает мир, а также договоры с иностранными державами.

18. Верховный Правитель имеет российское воинское звание и воинский чин. Он есть вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное руководство

всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства, а также председательствование в Высшем Военном Совете.

19. Верховный Правитель в единении с Высшим Военным Советом определяет устройство армии и флота, а также издает указы и повеления о размещении войск в стране, о приведении их на военное положение, об обучении их, о прохождении службы чинами армии и флота и о всем вообще, относящемся к устройству вооруженных сил и обороны Российского Государства.

20. Верховный Правитель руководит в единении с Высшим Финансовым Советом финансовой жизнью Российского Государства.

21. Ему принадлежит право чеканки монеты и определение ее внешнего вида.

22. Верховный Правитель в единении с Советом Министров объявляет местности на военном и исключительном положении.

23. Верховный Правитель назначает и увольняет Председателя Совета Министров, Министров и Главнo-управляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для них не установлено законом иного порядка назначения и увольнения.

24. Верховный Правитель жалует ордена и другие государственные отличия и награды как по представлению Совета Министров, так и по собственному почину.

25. Судебная власть осуществляется во всей стране от имени Верховного Правителя независимыми судами, не подчиненными никакому другому авторитету кроме закона и личного совестного усмотрения. Организация судов определяется законом. Судьи назначаются от имени Верховного Правителя. Они могут быть уволены или временно отрешены от должности только путем судебного приговора, по основаниям, предусмотренным законами. Решения судов приводятся в исполнение от имени Верховного Правителя.

26. Верховный Правитель имеет право миловать осужденных, смягчать наказания и давать общее прощение совершившим преступные деяния, с прекращением судеб-

ного преследования против них и с освобождением их от суда и наказания.

27. Обращение к Главе Государства с просьбами, ходатайствами и проектами составляет неотъемлемое право каждого российского гражданина. Все такие обращения свободны от гербового сбора. Они должны быть изложены письменно, кратко, пристойно и подобающе, снабжены полной и разборчивой подписью подающего, а также его точным адресом. Для подачи таких обращений в каждом городском, уездном и губернском податном присутствии имеется особый стол, принимающий такие обращения как по почте, так и под личную расписку, и выдающий через определенный срок ответную справку.

28. Для разбора сих обращений при Главе Государства состоит особое ведомство, разбирающее все поступления, докладывающее о них Главе Государства и сообщаящее его ответы подателям. Докладу подлежат *все* обращения. Ответу — только те, которые удовлетворяют требованиям статьи 27.

29. В случаях истечения срока полномочий Верховного Правителя, его отречения или смерти, власть его немедленно и автоматически переходит в своем полном составе к Председателю Совета Старейшин, впредь до избрания нового Главы Государства.

30. Председатель Совета Старейшин в должности Верховного Правителя обязан созвать в течение одного месяца Верховную Учредительную Палату, в которую входят Св. Патриарх, члены Патриаршего Синода, члены Высшего Церковно-Исповедного Суда, все Министры и Главноуправляющие, члены Совета Старейшин, члены Земского Собора, Государственного Совета, Сенаторы, члены Высшего Посольского Совета, высшего Военного Совета, Высшего Земледельческого Совета, Высшего Финансового Совета, высшего Совета Промышленности и Торговли, Думы Национального Единения, Академии наук и Академии художеств.

31. Собрание Верховной Учредительной Палаты действительно только при наличии двух третей всех полномочных ее членов. В ней председательствует Председатель Совета Старейшин в должности Верховного Пра-

вителя. Все вопросы созыва, места, времени открытия и закрытия заседаний, порядка занятий, распорядка при голосовании и т. д. разрешаются им единолично, авторитетно и безапелляционно.

32. Верховная Учредительная Палата решает большинством голосов в две трети присутствующих на собрании членов, при тайной подаче голоса, надлежит ли избрать нового Верховного Правителя или перейти к монархической форме правления. В первом случае она немедленно приступает к избранию нового Верховного Правителя тайной подачей голосов: сначала предлагающих кандидата письменными заявлениями, а затем тайной подачей голосов, не записками, а шарами. Избранным считается кандидат, получивший не менее четырех пятых всего количества присутствующих членов ее.

33. В случае состоявшегося решения Верховной Учредительной Палаты о переходе к монархической форме правления Председатель Совета Старейшин в должности Верховного Правителя назначает новое заседание Верховной Учредительной Палаты, коим начинается порядок избрания Монарха и Династии. Этот порядок определяется особым законом.

34. В случае, если Верховный Правитель признает своевременным и необходимым возбудить вопрос о переходе к монархической форме правления независимо от срока истечения своих полномочий или от своего отречения, то он сам созывает Верховную Учредительную Палату согласно ст. 30 и сам руководит ее заседаниями и обсуждениями вместо Председателя Совета Старейшин, осуществляя все права последнего.

Раздел шестой

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Главой законодательства в Российском Государстве является Верховный Правитель (ст. 6, 7, 8 Раздела пятого).

2. Законодательными учреждениями Российского Государства являются Государственный Совет и Земский Собор.

3. Помимо сих учреждений к законодательному делу причастны Сенат и Совет Старейшин, имеющие права законодательного почина в издании обыкновенных законов (ст. 7 Раздела пятого).

4. Государственный-Совет и Земский Собор ежегодно созываются указами Верховного Правителя.

5. Продолжительность ежегодных занятий Государственного Совета и Земского Собора и сроки перерыва их занятий в течение года определяются указами Верховного Правителя.

6. Государственный Совет образуется согласно Разделу восьмому Осн. Зак. из российских граждан обоего пола в возрасте не моложе 50 лет, имеющих законченное высшее образование (русское или иностранное). Полномочия членов Государственного Совета имеют десятилетнюю длительность. До истечения десятилетнего срока Государственный Совет не может быть распущен и состав его может обновляться только в порядке законного пополнения, осуществляющегося в меру необходимости один раз в два года прежним или пополненным составом выборщиков.

7. Земский Собор образуется согласно Разделу седьмому Осн. Зак. из российских граждан мужского пола в возрасте не моложе 40 лет, умеющих свободно читать и писать. Полномочия членов Земского Собора имеют в первое десятилетие двухлетнюю длительность, а в дальнейшем пятилетнюю длительность.

8. Не могут быть членами законодательных учреждений: граждане, когда-либо приговоренные к уголовному наказанию приговором законного (не советского) суда или суда чести, исключенные когда бы то ни было из полковых объединений, имевшие когда-либо двойное подданство, принадлежавшие когда-либо к коммунистическим партиям или к союзу безбожников, служившие при советской власти явными или тайными агентами политической полиции,

Такие граждане обязаны отводить себя сами простым немотивированным отказом при выборе или назначении

под страхом общей утраты публичных прав и уголовного наказания по суду.

9. Государственный Совет проверяет полномочия своих членов. Земский Собор также проверяет полномочия своих членов. При проверке члены законодательных учреждений дают торжественную подписку в том, что они удовлетворяют требованиям, изложенным в статье 8 Раздела шестого.

10. Никто не может быть одновременно членом Государственного Совета и членом Земского Собора.

11. Земский Собор может быть распущен указом Верховного Правительства до истечения трехлетнего срока. Тем же указом назначаются новые выборы в Земский Собор и время его созыва.

12. В случае войны, смуты или других чрезвычайных обстоятельств Верховный Правитель имеет право распустить Земский Собор, не назначая ни новых выборов, ни времени его созыва. Длительность этого перерыва не должна превышать три года. В течение этого времени законодательная работа выполняется одним Государственным Советом, в состав коего приглашаются с равным, решающим голосом все члены Совета Старейшин.

13. Во всех остальных отношениях Государственный Совет и Земский Собор пользуются одинаковыми правами в делах законодательства.

14. Государственный Совет и Земский Собор имеют право законодательного почина во всем, что касается обыкновенных законов. Законопроект обсуждается и голосуется сначала тем из этих учреждений, которое проявило почин. Верховному Правителю, а также Совету Министров от его лица, Сенату и Совету Старейшин предоставляется право вносить свои законопроекты по усмотрению сначала в Государственный Совет или в Земский Собор.

15. Государственному Совету или Земскому Собору предоставляется право обращаться к Министрам и Главноуправляющим отдельными частями с запросами по поводу таких, совершенных ими или подведомственными им лицами и установлениями, действий, кои пред-

ставляются незакономерными или государственно бесполезными.

16. Государственный Совет и Земский Собор ведают те дела и в том порядке, которые указаны в Основном Законе и в наказах сих учреждений.

17. Законопроекты, не принятые Государственным Советом или Земским Собором, докладываются Верховному Правителю, который может предложить Совету или Собору вторичное обсуждение и голосование. Законопроект, дважды отвергнутый, ни дальнейшему обсуждению, ни утверждению не подлежит. Верховному Правителю принадлежит, однако, право провести соответствующие меры, намеченные в отвергнутом законопроекте в порядке Чрезвычайных Указов.

18. Законопроекты, одобренные и Земским Собором, и Государственным Советом, восходят на утверждение к Верховному Правителю.

19. Законопроекты, не утвержденные Верховным Правителем, не могут быть внесены вторично в законодательные учреждения в течение той же сессии.

20. Если государственная роспись не будет утверждена законодательными учреждениями к началу счетного периода, то она утверждается Верховным Правителем по его усмотрению в порядке чрезвычайного указа.

21. Все законы, срочно необходимые в деле государственного управления (законы о займах и их покрытии, законы о квоте призываемых новобранцев и другие) и не рассмотренные к сроку в законодательных учреждениях, могут проводиться Верховным Правителем в порядке чрезвычайного указа.

22. Чрезвычайные сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующие войне, открываются по всем ведомствам в порядке верховного управления на основаниях, в законе определенных.

23. Все члены Российских законодательных учреждений пользуются правом неприкосновенности во время сессии. Их суждения и мнения, высказываемые в законодательных учреждениях, свободны; преследование за них исключается. Во время сессии они не могут подвер-

гаться преследованию или лишению свободы иначе как с разрешения того законодательного учреждения, членом коего они состоят; это относится и к личному задержанию за долги. Вне сессии личное задержание может последовать только по постановлению суда, с немедленным извещением о том обоим законодательным учреждениям, Совета Министров и Совета Старейшин; последнее решение вопроса о продлении ареста принадлежит Главе Государства.

Раздел седьмой

О ЗЕМСКОМ СОБОРЕ

1. Земский Собор учреждается для обсуждения законодательных предположений, восходящих к Главе Государства. Он существует в силу Основных Законов Российского Государства и действует в порядке, установленном в этих законах.

2. Земский Собор есть учреждение государственное, а потому для него, также как и для каждого члена его, обязательны все те первоосновы Российского Государства, которые изложены в Разделе первом Основных Законов. Все члены Земского Собора, приступая к своим обязанностям, дают соответствующее торжественное обязательство, подкрепляемое религиозной присягою каждым, согласно его исповеданию.

3. Сие торжественное обещание гласит: «Мы, нижепоименованные, обещаем перед лицом Всемогущего Бога служить России как единому, нераздельному, правому, священному, исторически-преемственному, властному, действительному и братскому союзу русских людей на основах исключительности, солидарности и жертвенности. Мы обязуемся хранить нерушимую верность Главе Государства и российским Основным Законам. Мы обязуемся помышлять, голосовать и действовать не от своей личной корысти, не ради какого-либо класса или сословия и не от лица какой-либо партии или какой-либо тайной или международной организации, или одной из российских национальностей, но от лица всего Российского Государства в целом и ради всего Россий-

ского Народа в его совокупности, всегда во имя Божие, по чести и от совести. В удостоверение чего мы принесли каждый по обряду своего исповедания присягу и ныне своеручно подписуемся».

Текст сего обещания разъясняется членам Земского Собора до присяги и подписания председателем Совета Старейшин; после подписания каждый член Земского Собора получает бесплатно полный текст Основных Законов в личное владение.

4. Земский Собор призван к единению с Главою Государства. Посему он должен радеть об объединении вокруг Главы Государства всей России без различия национальности, класса и сословия. Члены Земского Собора не являются представителями сословий, классов или национальностей. Они не являются также и представителями «народа» в противоположность государственной власти или Главе Государства. Они облечены доверием не только «народа», но и Верховной Власти. Итак, Земский Собор является органом Российского Государства в его целом и члены его обязаны действовать согласно этому.

5. Посему члены Земского Собора не могут быть членами каких-либо политических партий. Гражданин Российского Государства, соглашающийся выставить свою кандидатуру в Земский Собор, обязан дать подписку о том, что он не состоит членом политической партии или какой-либо тайной, будь то политической или не политической, организации и не связан ее распоряжениями. Он призван говорить и действовать по совести и чести, на основании своего личного, партийно не связанного и никакими чужими велениями не ограниченного правосознания, помышляя о Божьей правде, о государстве в целом, о творческой силе российской государственной власти, жизненности и справедливости издаваемых ею законов. Член Земского Собора призван мыслить, исходя от целого, а не от частей.

6. Земский Собор образуется из российских граждан мужского пола. Впредь до возможного пересмотра Основных Законов по инициативе Главы Государства лица женского пола от участия в Земском Соборе устраниаются.

7. Членом Земского Собора может быть только российский гражданин, не умалишенный, не умаленный в своих публичных правах, достигший сорокалетнего возраста и умеющий свободно читать и писать по-русски.

8. Согласно статье 8 Раздела шестого Основных Законов, членами Земского Собора не могут быть: граждане, когда-либо приговоренные к уголовному наказанию приговором законного (не советского) суда или суда чести, исключенные из полковых объединений, имевшие когда-либо двойное подданство, принадлежавшие когда-либо к социалистическим или коммунистическим партиям или к союзу безбожников, служившие при советской власти явными или тайными агентами политической полиции,

Такие граждане обязаны отводить себя сами при выборе или назначении под страхом общей утраты публичных прав и уголовного наказания по суду. Отступления от этого правила возможны только согласно ст. 28 Раздела третьего Основных Законов в порядке личной аболитии по личному прошению, поданному на имя Главы Государства.

9. Член Земского Собора, изблеченный в действиях или состояниях, указанных в предыдущей статье, утрачивает свое звание, а вместе с тем теряет и публичные права, указанные в ст. , , , , Раздела третьего Основных Законов и предается уголовному суду по обвинению в нарушении Основных Законов.

10. Звание члена Земского Собора приобретается на основании особого порядка, в коем избрание и назначение сочетаются воедино. По общему правилу никто не может стать членом Земского Собора на основании только одного избрания или только одного назначения.

11. Избирательное производство начинается в уездах и городах, где на основании списков, составленных Уездным или Городским Избирательным Начальником, избирается определенное число *Губернских Выборщиков*, обязанных прибыть к определенному дню и часу на гу-

бернское собрание Выборщиков. В больших городах, насчитывающих свыше 10 000 жителей, избираются по участкам города *Городские Выборщики* в определенном заранее числе; они собираются на *городское собрание Выборщиков*.

12. Уездный или Городской Избирательный Начальник, получив назначение на сию должность от Губернского Наместника, составляет сам по собственному выбору в качестве председателя *Уездную или Городскую Избирательную Комиссию* из четырех лиц, политически не запятанных и нравственно уважаемых. Комиссия состоит, таким образом, из пяти человек; при разделении голосов голос председателя дает перевес. Список из четырех лиц вывешивается на одну неделю во всех присутственных местах уезда или города для возможного опротестования отдельных имен. Лицо, получившее свыше двадцати пяти лично подписанных и основательно мотивированных опротестований, должно быть снято со списка и заменено другим. Второй исправленный список опротестованию не подлежит и объявляется к сведению как окончательный.

13. Избирательные списки составляются в течение двух недель. В основу кладутся справки, получаемые от местных хозяйственных, торговых и административных объединений. В течение дальнейших двух недель они вывешиваются во всех присутственных местах уезда или города, а также в почтовых отделениях, в школах, при храмах, молитвенных домах и в кооперативных лавках, так, чтобы жители каждой волости имели доступ к списку своей волости по принадлежности. На исправление списка, обжалование и пополнение дается две недели. В течение месяца списки заканчиваются и дальнейшему обжалованию не подлежат.

14. В списки не вносятся и права голоса не имеют:

- 1) Все лица, отводимые ст. 8 Раздела шестого и ст. 8 Раздела седьмого Основных Законов;
- 2) Лица помешанные, по справке врача;
- 3) Иностранные подданные;
- 4) Лица женского пола;
- 5) Лица моложе 25 лет;

6) Обучающиеся в низших и средних учебных заведениях;

7) Чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе;

8) Лица, не имеющие оседлого жительства.

15. Право голоса не обусловливается никаким имущественным владением.

16. Никто не может иметь на выборах более одного голоса или голосовать по двум волостям, уездам или губерниям (или по волости и по городу).

17. Никто не может передать свой голос кому-либо другому.

18. Каждая волость выбирает одного губернского выборщика тайной подачей голосов.

19. Каждый город выбирает одного городского выборщика от каждых 10 000 своего населения, по участкам, тайной подачей голосов.

20. Быть избранным в губернские выборщики могут быть только лица, занесенные в списки, имеющие от роду не менее 30 лет и не состоящие ни в какой политической партии.

21. Подача заявлений и жалоб по делам о выборах не останавливает выборного производства.

22. Все необходимые и дополнительные распоряжения, относящиеся к составлению избирательных списков и производству выборов, возлагаются на Министра Внутренних Дел, который преподает общие указания Наместникам.

23. Губернские выборщики по своему избирательному удостоверению имеют бесплатный проезд по железным дорогам и суточные деньги в дни проезда и необходимого пребывания в губернском городе.

24. Избирательное производство в губернских собраниях Выборщиков распадается на два различных голосования.

В первом голосовании собрание Выборщиков избирает от себя, но не обязательно из своей среды, кандидатов в члены Земского Собора в количестве половины того числа, которое предусмотрено законом к избранию от данной губернии. Избранным считается тот, кто получил более половины числа голосов, при-

сутствующих на собрании. Список избранных лиц представляется Наместнику Губернии, который в единении со своим Советом в тот же день утверждает или не утверждает каждого кандидата в отдельности. Неутверждение должно быть непременно точно обосновано и вместе с обоснованием напечатано в губернских ведомостях. Утвержденные кандидаты становятся тем самым членами Земского Собора.

Таким образом, через избрание и утверждение составляется первая половина списка членов Земского Собора от данной губернии.

25. На следующий день после первого голосования составляется второе. В этот день Наместник предъявляет губернскому собранию Выборщиков список назначенных им кандидатов в члены Земского Собора в количестве половины того числа, которое предусмотрено законом к избранию от данной губернии. Это назначение Наместник производит в единении со своим Советом и скрепляет своею подписью.

Каждый из кандидатов этого списка в отдельности должен быть затем подтвержден избранием в собрании Губернских Выборщиков. Подтвержденным считается тот, кто получит простое большинство голосов, присутствующих на собрании. Подтвержденные кандидаты становятся тем самым членами Земского Собора.

Таким образом, через назначение и избрание, составляется вторая половина списка членов Земского Собора от данной губернии.

26. Если окажется, что вследствие неутверждения Советом Наместника необходимо произвести доизбрание кандидатов на место неутвержденных, собрание Губернских Выборщиков производит это доизбрание тем же порядком на третий день. Раз неутвержденные кандидаты не подлежат переизбранию в течение одного и того же избирательного производства. Вновь избранные кандидаты утверждаются Советом Наместника.

27. Точно так же, если окажется, что вследствие неподтверждения собранием Выборщиков необходимо произвести дополнительное назначение кандидатов на место неизбранных, — Совет Наместника производит это дополнительное назначение в тот же день. Раз не

подтвержденные кандидаты не подлежат новому назначению в течение одного и того же избирательного производства. Вновь назначенные кандидаты подтверждаются собранием Выборщиков тем же порядком на третий день.

28. На третий день избирательное производство заканчивается. Незаполненные избранием места объявляются свободными. Они заполняются по назначению от Главы Государства, который имеет право назначать лиц из всего состава публично правоспособных российских граждан, независимо от того, связаны они с данной губернией или не связаны.

29. Все избирательное производство в собрании Выборщиков совершается при тайной подаче голосов и притом не записками, а шарами, за исключением первого предложения или провозглашения кандидатов в члены Земского Собора. Это предложение совершается в письменной форме с обоснованием предложенной кандидатуры. Оно должно быть подписано не менее чем пятью выборщиками. Оно немедленно приобщается к делопроизводству, служит основанием для баллотировки и в дальнейшем подлежит обязательному опубликованию в губернских ведомостях или в избирательном отчете.

30. Все губернское избирательное производство (протоколы, предложения, протесты, постановления) приводится в полный порядок в течение ближайших трех дней. Оригинальные документы запечатываются печатью Наместника и сдаются в губернский архив, а копии препровождаются в Совет Старейшин и в Архив Земского Собора. Совет Старейшин поручает рассмотрение избирательного производства особой Контрольной Комиссии, заслушивает ее доклад и в течение месяца публикует свой отзыв о правильности или неправильности выборного производства по каждой губернии особо. Согласно этому отзыву, докладываемому Главе Государства, сей последний имеет право кассировать выборы по данной губернии и назначить новые. Члены Земского Собора, избранные на основании кассированных выборов, сохраняют свое звание и полномочие впредь до производства и завершения

новых. Новые выборы должны быть назначены и закончены в течение одного месяца.

31. Избирательное производство в городах, имеющих свыше 10 000 жителей, протекает на тех же основаниях и по тем же правилам, как и в губерниях, но отдельно от них и самостоятельно, причем голосующие на городских выборах не участвуют в губернских голосованиях и обратно.

32. Одно и то же лицо не может быть избрано в выборщики по разным губерниям или по городам.

33. Никто не может быть избран в члены Земского Собора дважды и иметь два голоса в Соборе. Избранный в двух или трех местах обязан немедленно отказаться от избрания всюду, кроме единого места.

34. Члены Земского Собора со дня своего избрания и назначения получают от казны довольствие в подобающем размере по определению Главы Государства и имеют бесплатный проезд по железным дорогам от места своего жительства до местонахождения Земского Собора, а также в пределах своей губернии. Эти права угасают в день выбытия члена Земского Собора из состава последнего или в день роспуска Земского Собора Главой Государства.

35. Права и обязанности члена Земского Собора определяются во всех остальных отношениях Основным Законом, а также Наказом, который будет выработан самим Собором.

36. Земский Собор проверяет полномочия своих членов согласно ст. 9 Раздела шестого Основного Закона.

37. Член Земского Собора не может быть одновременно членом Государственного Совета, или Совета Старейшин, или Сенатором, или Членом Высшего Церковно-Исповедного Суда, или Наместником. Однако член Земского Собора может быть в то же время Министром, или Главноуправляющим, или членом какого-либо одного из Высших Советов при Главе Государства, или членом Думы Национального Единения. Тройное совместительство не допускается. Ограничения эти не относятся к Св. Патриарху Православной Церкви.

38. В остальном деятельность Земского Собора подчинена всем определениям Раздела шестого Основного Закона.

Раздел восьмой

О ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

1. Государственный Совет учреждается для обсуждения законодательных предположений, восходящих к Главе Государства. Он существует в силу Основных Законов Российского Государства и действует в порядке, установленном этими законами.

2. Для Государственного Совета и членов его обязательны все первоосновы Российского Государства, изложенные в Разделе первом Основных Законов. Посему члены Государственного Совета, приступая к своим обязанностям, дают торжественное обязательство, подкрепляемое религиозною присягою, каждым согласно его вероисповеданию, — служить России как единому, нераздельному, правовому, священному, исторически преемственному, властному, действительному и братскому союзу русских людей на основах исключительности, солидарности и жертвенности. Текст сего обязательства совпадает с текстом, подписуемым членами Земского Собора.

3. Подобно Земскому Собору, Государственный Совет призван к единению с Главою Государства и к объединению вокруг него всей России. Государственный Совет состоит из русских граждан, отмеченных верностью, познаниями и государственной мудростью; он является органом Российского Государства в целом, хранителем священных традиций России, ближайшею опорой Главы Государства в законодательных делах, орудием верного правосознания, законности и всенародной братской справедливости.

4. Члены Государственного Совета не могут принадлежать к каким-либо политическим партиям или к иным тайным или международным организациям. Принимая свое звание, они выходят из состава партий и дают о сем соответствующую подписку.

5. Государственный Совет образуется из российских граждан как мужского, так и женского пола.

6. Членом Государственного Совета могут быть только российские граждане, не умалишенные, удовлетворяющие требованиям ст. 8 Раздела шестого, достигшие пятидесятилетнего возраста и окончившие высшее учебное заведение (в России или за границей). Последствия, возникающие от нарушения ст. 8 Разд. шестого, одинаковы в сем случае, как и у членов Земского Собора (ст. 9 Разд. седьмого). Отступления от этих условий и требований невозможны; личная аболиция не допускается.

7. Звание члена Государственного Совета приобретает на основании особого порядка, подробно указанного в нижеследующих статьях.

8. Каждый раз, как оказывается необходимость обновить весь состав Государственного Совета ввиду истечения десятилетнего срока полномочий или же пополнить состав его ввиду выбытия одного или нескольких членов вследствие отказа, отставки или смерти, — так собирается Всероссийское Собрание Выборщиков.

9. Это Всероссийское Собрание Выборщиков составляется следующим образом. В него входят:

1) Пять представителей от Православного Синода по назначению Святейшего Патриарха;

2) Пять представителей от Высшего Церковно-Исповедного Суда по избранию Общего Присутствия сего Суда;

3) По одному губернскому представителю от Православных епархий, избранному губернскими Епархиальными Советами;

4) Пять представителей от Академии наук по избранию Советом Академии;

5) Пять представителей от Академии художеств по избранию Советом Академии;

6) По два представителя от каждого русского высшего учебного заведения, по избранию Советами их;

7) По одному губернскому представителю от Всероссийского союза Георгиевских кавалеров по избранию Губернскими Советами этого союза;

8) По одному губернскому представителю от Всероссийского союза судебных деятелей по избранию Губернских Советов союза;

9) По одному губернскому представителю от Всероссийского союза деятелей торговли и промышленности по избранию Губернскими Советами этого союза;

10) По одному губернскому представителю от Всероссийского союза рабочих по избранию Губернского Совета этого союза;

11) По одному представителю от Всероссийского союза землевладельцев по избранию Губернского Совета этого союза;

12) По одному представителю от Городских Дум по избранию Думами в городах, насчитывающих более 20 000 жителей;

13) По одному губернскому представителю от Губернских Земских Собраний по избранию сими Собраниями;

14) По одному губернскому представителю от Всероссийского кооперативного союза по избранию губернскими кооперативными Советами.

10. Все эти выборщики должны удовлетворять требованиям, изложенным в статье 8 Раздела шестого Основных Законов. В состав выборщиков допускаются только лица мужского пола. Высшее образование не обязательно.

11. Выборщики получают с момента избрания и до возвращения к своему обычному местожительству пособия суточные деньги и имеют бесплатный проезд вторым классом по железным дорогам.

12. К назначенному дню они собираются в столичном городе на избирательное собрание под председательством Председателя Совета Старейшин, который ведет порядком избрания авторитетно и безапелляционно. В течение трех дней выборщики обязаны собираться в одной из зал Совета Старейшин для ознакомления друг с другом и составления единого списка кандидатов.

13. Избирательное производство распадается на два различных голосования.

В первом голосовании собрание Выборщиков избирает от себя, но не обязательно из своей среды, кандидатов в члены Государственного Совета в количестве одной трети того числа, которое составляет его численный пле-

нум. Избранным считается тот, кто получил более половины числа голосов, присутствующих на собрании. Список избранных лиц представляется Главе Государства, который собственноручно, безапелляционно и без указания своих мотивов и оснований утверждает или не утверждает каждого кандидата в отдельности. Утвержденные кандидаты становятся тем самым членами Государственного Совета. Места неутвержденных пополняются новыми выборами на третий день.

14. На следующий день после первого голосования составляется второе. В этот день Председатель Совета Старейшин предъявляет Всероссийскому Съезду Выборщиков от лица Главы Государства список назначаемых им кандидатов в члены Государственного Совета в количестве одной трети того числа, которое составляет его численный пленум. Этот список подписывается Главой Государства и скрепляется подписями Председателя Совета Министров и Председателя Совета Старейшин.

Каждый из кандидатов, занесенных в этот список, должен быть в отдельности подтвержден избранием со стороны Всероссийского Съезда Выборщиков. Подтвержденным считается тот, кто получит простое большинство голосов, присутствующих в собрании. Подтвержденные кандидаты становятся тем самым членами Государственного Совета.

15. Если окажется, что вследствие неутверждения Главою Государства необходимо произвести доизбрание кандидатов на место неутвержденных, тогда Всероссийский Съезд Выборщиков производит это доизбрание тем же порядком на третий день. Раз неутвержденные кандидаты не подлежат переизбранию в одном и том же съезде. Вновь доизбранные кандидаты утверждаются или не утверждаются Главою Государства согласно ст. 13.

16. Точно так же, если окажется, что вследствие неподтверждения Всероссийским Съездом Выборщиков необходимо произвести дополнительное назначение кандидатов на место неподтвержденных, — Глава Государства производит это дополнительное назначение в тот же день. Раз неподтвержденные кандидаты не предлагаются

Всероссийскому Съезду для нового подтверждения в течение той же сессии. Вновь назначенные кандидаты подтверждаются Всероссийским Съездом тем же порядком на третий день. Подтвержденные становятся тем самым членами Государственного Совета.

17. На третий день избирательное производство заканчивается. Места, не заполненные избранием, являются свободными. Они заполняются по назначению Главы Государства, который имеет право назначать, кого ему угодно, из состава российских граждан, удовлетворяющих требованиям, указанным в ст. 6 настоящего Раздела.

18. Все избирательное производство на Всероссийском Съезде Выборщиков совершается при тайной подаче голосов, и притом не записками, а шарами, за исключением первого предложения или провозглашения кандидата в члены Государственного Совета. Это предложение совершается в письменной форме, с обоснованием предложенной кандидатуры (оно должно быть подписано не менее чем десятью выборщиками). Оно приобщается к делопроизводству, служит основанием для баллотировки и в дальнейшем подлежит обязательному опубликованию как в правительственном вестнике, так и в протоколе съезда, выпускаемом отдельной брошюрой.

19. В течение дальнейших трех дней избирательное производство приводится в полный порядок. Оригинальные документы хранятся в Архиве Государственного Совета, а копии передаются в Совет Старейшин. Совет Старейшин поручает рассмотрение избирательного производства особой Контрольной Комиссии, заслушивает ее доклад, составляет свой отзыв и препровождает его на усмотрение Главы Государства.

20. В течение тех же трех дней Глава Государства назначает от себя, собственнлично и безапелляционно членов Государственного Совета как для замещения мест, оставшихся свободными, так и для замещения третьей трети общего числа членов Государственного Совета. В этих назначениях он связан требованиями ст. 6 настоящего Раздела Основных Законов.

21. Члены Государственного Совета получают со дня своего утверждения, подтверждения или назначения содержание, определяемое законом и обеспечиваемое им впредь до отказа их от должности, или смерти, или же до истечения десятилетнего срока. Они обязаны жить во время сессии Государственного Совета в месте его постоянного или временного пребывания.

22. Министры и Главноуправляющие суть члены Государственного Совета по их званию.

23. Все члены Совета Старейшин имеют право присутствовать в Государственном Совете с совещательным голосом.

24. Св. Патриарх считается членом Государственного Совета по своему званию, имеет в нем решающий голос, но присутствовать в заседаниях его не обязан.

25. Председательствует в Государственном Совете или Глава Государства, или же замещающий его Председатель по избранию в пленуме Совета.

26. Государственный Совет сам вырабатывает Наказ для распорядка своих работ и делопроизводства.

27. В остальном деятельность Государственного Совета подчинена всем определениям Раздела шестого Основного Закона.

Раздел девятый

СОВЕТ МИНИСТРОВ

1. Глава Государства назначает и увольняет министров Российского Государства, а также Главноуправляющих, их помощников и заместителей.

2. Министром Российского Государства может быть только российский гражданин, не умаленный в публичных правах и удовлетворяющий требованиям ст. 8 Раздела шестого Основных Законов. Личная аболиция со стороны Главы Государства допускается. Лицо, рожденное в иностранном подданстве или гражданстве, может быть назначено министром не раньше чем через 10 лет после принятия российского гражданства.

3. Министры служат благу Российского Государства в целом. Они не могут быть членами партии. Они не могут

представлять интересы какой-либо российской национальности, класса или сословия. Они не могут быть членами какой бы то ни было тайной организации и при назначении своем удостоверяют все сие торжественной подпиской и присягой.

4. Министры повинуются указаниям Главы Государства. Они обязаны давать ответы на всевозможные вопросы, обращаемые к ним в Земском Соборе, Государственном Совете и Совете Старейшин, поскольку эти вопросы и ответы не вредят интересам Российского Государства. Но ответственны они только перед Главою Государства.

5. Земский Собор, Государственный Совет и Совет Старейшин имеют право ходатайствовать перед Главою Государства об увольнении или смене отдельного министра или всего министерства в целом. Ходатайство это должно быть изложено письменно, с приведением всех оснований. Оно должно иметь за себя не менее двух третей голосов соответствующего учреждения и представляться Главе Государства председателями сих учреждений по принадлежности. Никакие подобные заявления, обращенные к министрам лично, — устно или письменно, — недопустимы. Глава Государства имеет право не удовлетворить такое ходатайство.

6. Министры и Главноуправляющие являются по должности и званию членами Государственного Совета с решающим голосом.

7. Министры и Главноуправляющие имеют право участия в Земском Соборе с решающим голосом только в том случае, если они состоят законными членами Земского Собора. В противном случае они имеют только право присутствия и право слова в Земском Соборе.

8. Министры имеют доступ во все собрания законодательных учреждений, Совета Старейшин, Высшего Церковно-Исповедного Суда и других Высших Советов при Главе Государства и должны быть заслушаны в них каждый раз, как они того пожелают.

9. В случае противозаконных действий или злоупотреблений какого-либо министра Земский Собор, Государственный Совет и Совет Старейшин имеют

право ходатайствовать перед Главою Государства о предании их суду. При этом соблюдаются правила, указанные в ст. 5 настоящего Раздела. Глава Государства обязан назначить следствие по сей жалобе, которое проводится особой следственной комиссией, состоящей из трех назначенных для сего Главою Государства Сенаторов и трех избранных Советом Старейшин членов сего последнего. Председательствует в такой комиссии Председатель Совета Старейшин. По его докладу Глава Государства решает вопрос о предании или не предании соотв. министра суду Сената. Доклад Председателя Совета Старейшин и резолюция Главы Государства подлежат обязательному опубликованию во всеобщее сведение.

10. Направление и объединение действий Министров и Главноуправляющих по предметам законодательства и управления возлагается на Совет Министров, действующий под руководством Министра-Председателя, который и отвечает перед Главою Государства за действия всего Совета в целом, как и за действия отд. Министров.

11. Всякое распоряжение или указ Главы Государства должно быть подписано кроме него еще Председателем Совета Министров или соответствующим Министром по принадлежности. Без этого оно не может быть направлено к исполнению.

12. Министр, скрепляющий распоряжение или указ Главы Государства, отвечает за то, что скрепляемое им не противоречит Основным и другим законам Российского Государства. В случае такого противоречия скрепляющий Министр обязан сделать об этом представление Главе Государства и имеет право отказаться от соответствующей скрепы. Министр, не отказавшийся от скрепы такого распоряжения, принимает на себя всю ответственность за нарушение закона, вплоть до суда и наказания по суду.

13. Председатель Совета Министров, Министры и Главноуправляющие отвечают перед Главою Государства за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности отвечает за свои действия и распоряжения.

14. Ни один родственник Главы Государства и, соответственно, ни один член Императорской Династии не может быть назначаем в Министры.

15. Глава Государства может помиловать министра, осужденного судом Сената, только по ходатайству Земского Собора, или Государственного Совета, или Совета Старейшин.

Раздел десятый

СОВЕТ СТАРЕЙШИН

1. Совет Старейшин есть учреждение, ведающее всем надзором и контролем в Российском Государстве. Ввиду такого задания Совету Старейшин подобает особое доверие со стороны Главы Государства и всего народа, а также особая независимость от всех государственных, как центральных, так и местных, учреждений, от всех частных корпораций и союзов в стране.

2. Совет Старейшин состоит при Главе Государства. Он исполняет его прямые поручения по надзору, контролю и ревизии. Наряду с этим он призван осуществлять надзор и ревизию и по своему собственному почину. Этот почин исходит как от Совета в целом и от отдельных Комиссий его, так и от каждого из его членов, и осуществляется по докладу в общем собрании Совета с его ведома и одобрения.

3. Старейшина есть звание не возрастное, а качественное: оно указывает на особую духовную и государственную зрелость его носителя, на его нравственную почтенность, на его чувство справедливости, на его независимую и беспристрастную силу суждения.

4. Звание Старейшины пожизненно. Оно угасает только в порядке добровольного отречения, смерти или единогласного исключения Общим Собранием Совета Старейшин.

5. Совет Старейшин состоит из тридцати членов. Все они пользуются правом неприкосновенности и ни при каких условиях аресту не подлежат. Привлечение их к суду или следствию возможно только с согласия Главы Государства и Общего Собрания Совета Старейшин.

6. Членом Совета Старейшин может быть только русский гражданин, рожденный в русском гражданстве и удовлетворяющий всем требованиям ст. 8 Раздела шестого Основных Законов. Далее. Старейшиной может быть только лицо мужского пола, достигшее 30-летнего возраста и имеющее диплом об окончании среднего учебного заведения (в России или за границей). Кандидат в члены Совета Старейшин до принятия назначения или избрания должен дать торжественную подписку в том, что он не состоит членом какой-либо политической партии, или какой-либо тайной организации. После принятия назначения член Совета Старейшин, подобно членам законодательных учреждений, дает торжественное обязательство о своем служении, скрепленное присягой.

7. Совет Старейшин пополняется в особом порядке, сочетающем выбор и назначение.

Половина его состава избирается в первый день выборов в Особом Избирательном Собрании, состоящем из членов Государственного Совета и членов Земского Собора и утверждается Главой Государства. Собрание это созывается по Указу Главы Государства в присутствии Св. Патриарха, под председательством его самого или замещающего его Митрополита, который и руководит ходом выборов авторитетно и безапелляционно. После молебствия кандидаты провозглашаются в письменных мотивированных предложениях за подписью не менее тридцати членов Особого Избирательного Собрания. Предложению и избранию подлежат все российские граждане, удовлетворяющие требованиям ст. 8 Раздела шестого и ст. 6 Раздела десятого. Эти предложения, на основании коих кандидаты ставятся на баллотировку, подлежат в дальнейшем обязательному опубликованию. Выборы производятся шарами в тайном порядке. Избранным считается получивший не менее 2/3 голосов присутствующих.

Список избранных кандидатов представляется Председателем Главы Государства, который в тот же день утверждает или не утверждает каждого кандидата в отдельности без указания на мотивы или основания своего ре-

шения. Утвержденные им становятся тем самым членами Совета Старейшин.

8. На второй день выборов Председатель Особого Избирательного Собрания предъявляет последнему от лица Главы Государства список назначаемых им кандидатов в Совет Старейшин в составе 15 имен. Этот список подписывается Главой Государства и скрепляется Председателем Совета Министров и Председателем Особого Избирательного Собрания.

Каждый из кандидатов, занесенных в этот список, должен быть подтвержден избранием со стороны Особого Избирательного Собрания. Подтвержденным считается тот, кто получит не менее 2/3 голосов, присутствующих на собрании. Подтвержденные кандидаты становятся тем самым членами Совета Старейшин.

9. Если окажется, что, вследствие неутверждения Главой Государства, необходимо произвести доизбрание кандидатов на место неутвержденных, — Особое Избирательное Собрание производит это доизбрание тем же порядком на третий день. Раз неутвержденные кандидаты не подлежат переизбранию в одной и той же сессии. Вновь избранные кандидаты утверждаются или не утверждаются Главой Государства согласно ст. 6.

10. Точно так же, если окажется, что, вследствие неподтверждения Особым Избирательным Собранием, необходимо произвести дополнительное назначение кандидатов на место неутвержденных, — Глава Государства производит это дополнительное назначение в тот же день. Раз неподтвержденные кандидаты не предлагаются вторично в течение той же сессии. Вновь назначенные кандидаты подтверждаются тем же порядком. Подтвержденные становятся тем самым членами Совета Старейшин.

11. Места, не заполненные в течение этой трехдневной процедуры, объявляются свободными и замещаются в порядке назначения Главой Государства в согласии со Св. Патриархом. В этих назначениях назначающие ограничены только требованиями ст. 8 шестого Раздела и ст. 6 настоящего Раздела Основных Законов.

12. В течение дальнейших трех дней избирательное производство приводится в полный порядок. Оригиналь-

ные документы передаются в Архив Совета Старейшин, а копии препровождаются в Сенат. Общее Собрание Сената поручает рассмотрение избирательного производства особой контрольной комиссии, заслушивает ее доклад, составляет свой отзыв и препровождает его на усмотрение Главы Государства.

13. Имеющий звание и пост Старейшины не может совместительствовать. Принимая сей пост, он должен сложить с себя все и всякие иные общественные и государственные должности, как оплачиваемые, так и не оплачиваемые, за исключением военного и гражданского чина, ученого звания и государственных орденов.

14. Совет Старейшин в первом же собрании своим избирает из своего состава абсолютным большинством голосов своего Председателя. Этими выборами руководит возрасти о старейший в Собрании. Выборы производятся закрытой баллотировкой, шарами; по его, старейшего руководителя, докладу избранный в председатели утверждается Главою Государства. В случае неутверждения первого кандидата выборы производятся еще один раз.

15. Совет Старейшин, его комиссии и его члены не имеют никакой распорядительной или исполнительной власти по отношению к другим российским учреждениям и корпорациям. Они могут только требовать, чтобы им были беспрекословно предоставляемы и открываемы все пути и возможности, необходимые для надзора и контроля.

16. Совет Старейшин имеет право надзора за всеми проявлениями государственной деятельности на всем протяжении Российского Государства для суждения *об их государственной целесообразности*. Все суждения свои по сему предмету он излагает письменно и препровождает в виде доклада Главе Государства и в виде копии с этого доклада в Совет Министров.

17. Совет Старейшин имеет право контроля и ревизии всех проявлений государственной деятельности на всем протяжении Российского Государства для суждения *об их законности*. Все свои суждения по сему предмету он излагает письменно и препровождает в виде доклада

Главе Государства и в виде копии с этого доклада в Совет Министров и в Сенат.

18. В порядке выводов из своих суждений о целесообразности и о законности государственных проявлений Совет Старейшин имеет право законодательного почина, подавая свои законопроекты одновременно Главе Государства, Совету Министров и в одно из законодательных учреждений по своему усмотрению — в Государственный Совет или в Земский Собор.

19. Для осуществления своего надзора Совет Старейшин и его члены имеют все права, обычно присущие Государственному Контролю. На основании полномочия от Общего Собрания Совета Старейшин им принадлежит право посещения всех присутственных мест, право расспроса, просмотра ведомственных отчетов, входящих и исходящих, балансов, смет, документов, дел и т. д. Им принадлежит право проверки показаний и ответов, право хозяйственных осмотров, осмотра помещений, изъятия материальных и товарных образцов, пробы пищевого довольствия и т. д. Все ведомства, учреждения, корпорации и частные лица обязуются всемерно идти им навстречу, помогать им и показывать им чистосердечно и откровенно обо всем всяческую правду. Изобличенный во лжи, показанной Совету Старейшин или кому-либо из его членов, а также в сокрытии чего-либо, привлекается к уголовной ответственности.

20. Такому контролю и такой ревизии с точки зрения законности подлежат целиком только те дела, которые закончены отчетностью; в текущих делах лишь по истечении двух месяцев.

21. В распоряжении Совета Старейшин имеется для сего штат чиновников как на месте его постоянного пребывания, так и для разъезда.

22. Совет Старейшин имеет право и обязанность представлять Главе Государства три раза в год, а также и во всех особо важных и неотложных случаях, в виде доклада свое суждение об общем направлении внешней и внутренней политики, высказывая в обоснованной форме свое мнение о целесообразности и законности всех мероприятий как верховной государственной власти, так и подчиненных ей органов. Доклады эти не пуб-

ликуются, но остаются государственной тайной и содержание их не подлежит оглашению. Оригинальный текст их за собственноручной подписью всех членов Совета Старейшин или, соответственно, за подписью членов, разделяющих приложенное особое мнение, остается у Главы Государства; удостоверенная копия — в Тайном Государственном Архиве.

23. Во всех своих суждениях, высказанных в докладе Главе Государства, все Старейшины остаются по существу совершенно свободными; они не подлежат ни ответственности, ни наказанию. Если форма изложения почему-либо не удовлетворяет Главу Государства, то он имеет право вернуть доклад или особое мнение Совету Старейшин и потребовать нового, исправленного изложения. Это требование должно быть бесприкословно удовлетворено Советом Старейшин, который отвечает и за форму всех особых мнений. В Тайном Государственном Архиве хранятся все доклады, как принятые Главой Государства, так и возвращенные им, с его отзывом или требованием исправления.

24. В случае истечения срока полномочий Главы Государства, в случае его безвестного отсутствия или душевного заболевания, а также в случае кончины его при отсутствии династического закона о престолонаследии, Председатель Совета Старейшин немедленно созывает Особое Совещание в составе Св. Патриарха, Председателя Государственного Совета и Председателя Совета Старейшин. Единогласное письменное постановление этого совещания подтверждает, что все права и обязанности Главы Государства перешли временно к Председателю Совета Старейшин, который и созывает в течение одного месяца Верховную Учредительную Палату (ст. 25, 29 Раздела пятого Осн. Зак.) для дальнейшего выяснения вопроса о форме правления.

25. Председатель Совета Старейшин в должности Верховного Правителя председательствует в Верховной Учредительной Палате и руководит ее действиями.

26. При наличии династического закона о престолонаследии инициатива созыва Особого Совещания в случае малолетства Монарха, или безвестного отсутствия, или душевного заболевания принадлежит совершенно-

летнему Наследнику Престола или Наследнику Наследника. Наследник Престола созывает по своему усмотрению и решению Особое Совещание в составе тех же (указано в ст. 23) лиц и по соглашению с ними приводит в движение закон об опеке и равенстве.

27. Члены Совета Старейшин получают оклад вознаграждения, соответствующий окладу Министра. Они имеют бесплатный проезд первым классом по всем государственным путям сообщения, конной тягой, железнодорожным, речным, морским и воздушным. По делам службы они пользуются безвозмездно почтой, телеграфом и телефоном. В их распоряжении всегда имеются десять почтовых аэропланов. Во время своих должностных разъездов они получают суточное вознаграждение по ставкам министра. Сверх сего они не имеют права получать откуда бы то ни было какое бы то ни было добавочное вознаграждение.

Раздел одиннадцатый

СЕНАТ

1. Сенат есть высшее государственное учреждение, состоящее при Главе Государства, ведающее правом и законом, а также верховным правосудием в пределах Российского Государства.

2. Призвание Сената состоит в собирании, хранении, согласовании, приведении в единство, толковании и приведении в жизненное действие тех начал права, на которых строится Российское Государство. Сенат призван беречь, укреплять, углублять и насаждать русское национальное правосознание. Именно поэтому он призван также блюсти достоинство, справедливость и законность российского суда, его беспристрастие и нелицемерность.

3. Все дела Сената производятся от лица Главы Государства. Председатель Общего Собрания Сената, также как и председатели отдельных Департаментов Сената, является заместителем Главы Государства. Когда Глава Государства присутствует в заседаниях Сената или его Департаментов, то он, если ему угодно, принимает на себя председательствование в них.

4. Сенатором может быть только лицо, рожденное в российском гражданстве, удовлетворяющее всем требованиям ст. 8 Раздела шестого, имеющее законченное высшее образование и достигшее сорокалетнего возраста.

5. Сенаторы назначаются Главой Государства. Наряду с этим состав Сената пополняется лицами, избираемыми: по одному от каждого юридического факультета страны, двумя членами от Академии наук, двумя членами от Православного Синода при Св. Патриархе и двумя членами от Высшего Церковно-Исповедного Суда. Лица, избранные к присутствию в Сенате, утверждаются Главой Государства.

6. Назначенные члены Сената имеют пожизненные полномочия. Они не подлежат смещению или увольнению, но имеют право просить об отставке в обычном порядке. Избираемые члены Сената имеют трехлетние полномочия.

7. Назначенные Сенаторы не могут занимать должности в других государственных установлениях.

8. Все Сенаторы при вступлении в должность дают торжественное письменное обязательство о служении и скрепляют его религиозно-исповедною присягою.

9. Все Сенаторы пользуются невозбранною свободой слова в заседаниях Сената и депутатской неприкосновенностью везде и повсюду.

10. Все Министры и все члены Совета Старейшин имеют право присутствия и право совещательного голоса в Общих Собраниях Сената.

11. Распределение назначенных и избранных Сенаторов по отдельным Департаментам производится указами Главы Государства.

12. Общее Собрание Сената вырабатывает наказ для работ Сената, prepares и вносит законопроекты, принимает общие и чрезвычайные доклады от Департаментов, распределяет между ними поступающие дела, объединяет их деятельность, принимает указания от Главы Государства и передает их по принадлежности Департаментам, судит Министров, преданных Главою Государства суду Сената, заслушивает письменные доклады от Совета Старейшин, вынося по ним свое суждение, а также вырабатывает ежегодно смету Сената

для внесения ее через Совет Министров в законодательные органы.

13. Сенат разделяется на восемь Департаментов, не подчиненных друг другу, но соподчиненных Общему Собранию Сената.

14. Первый Департамент Сената ведает общие основы права, на коих строится Российское Государство.

Ему принадлежит установление и хранение общих начал права, правопорядка и правосудия, формулируемых и преподаваемых им в порядке циркуляров всем ведомствам, учреждениям и установлениям Российского Государства. Для сего он поддерживает организованные и постоянные сношения с законодательными органами, с Советом Старейшин, с Думою Национального Единения и со всеми установлениями Российского Государства, с коими сие заблигорассудится. Он командирует своих членов в законодательные учреждения, где они выступают с совещательным голосом по каждому законопроекту. Он подготавливает законопроекты, внося их в Общее Собрание Сената. Он наблюдает за преподаванием права и законоведения во всей стране, а также за надлежащим воспитанием правосознания. Он имеет право основывать исследовательские институты по сим вопросам, подготавливать в них преподавателей законоведения.

15. Второй Департамент Сената ведает русские государственные *законы*.

Ему принадлежит: соби́рание законов, хранение их, согласование их, кодификация, внесудебное толкование их, а также опубликование, приводящее их в жизненное действие. Все законы вносятся в заверенных списках во Второй Департамент Сената. Второй Департамент Сената издает комментированные и не комментированные, общие и частичные кодексы Российских Законов.

16. Третий Департамент Сената ведает *указную* часть русского права.

Ему принадлежит: соби́рание всех указов и административных распоряжений российских государственных установлений, как высших, так и подчиненных, хранение их, суждение о соответствии и несоответствии их

законам, согласование их, систематизация, толкование и опротестование.

17. Четвертый Департамент Сената ведает *обычную* часть русского права.

Ему принадлежит: собрание юридических обычаев русского народа, хранение их, изложение их, приведение в единство и в согласие с законами Российского Государства.

18. Пятый Департамент Сената ведает высшую ревизию всех судебных дел страны по вопросам гражданского права и по вопросам межевания.

19. Шестой Департамент Сената ведает верховную кассацию по вопросам гражданского судопроизводства.

20. Седьмой Департамент Сената ведает ревизию всех судебных дел страны по вопросам уголовного права.

21. Восьмой Департамент Сената ведает верховную кассацию по вопросам уголовного судопроизводства.

22. Судебные решения Сената как в порядке апелляционном, так и в порядке кассационном, не подлежат никакому дальнейшему обжалованию. Допустимы только мотивированные прошения, подаваемые Главе Государства и рассчитывающие не на изменение правового приговора Сената, но лишь на исключение в порядке христианской любви или особого снисхождения.

23. Все Департаменты Сената имеют право созывать по своей специальности совещания и всероссийские съезды, издавать научные исследования, специальные журналы, кодексы, собрания своих решений и особые популярные периодические и непериодические издания для правового просвещения российских народностей и развития в них здорового правосознания. Все сии дела предварительно проводятся через Общие Собрания Сената.

Раздел двенадцатый

ВЫСШИЙ ЦЕРКОВНО-ИСПОВЕДНЫЙ СУД

1. Высший Церковно-Исповедный Суд есть всероссийское государственное учреждение, состоящее при Главе Государства и ведающее общерелигиозными и

междуисповедными делами в пределах Российской Империи.

2. Задача его: создание и упрочение междуисповедного мира в стране; обеспечение религиозных прав и надлежащей религиозной свободы всем российским гражданам; водворение законности и справедливости во взаимных отношениях различных церквей, исповеданий и религиозных обществ в России; взаимное ограждение исповеданий от всяческих религиозных соображений и недобросовестной религиозной пропаганды; совместная борьба всех признанных исповеданий с вероучениями безнравственными, противоестественными, изуверскими, противогосударственными и сатанинскими; совместная борьба всех признанных исповеданий с безбожием и безбожниками; взаимная поддержка всех исповеданий в воспитании российских граждан к религиозной вере, к добродетели, отечественной верности и духовному характеру.

3. Членами Высшего Церковно-Исповедного Суда состоят избранные соответствующими синодами или назначенные соответствующими возглавителями религиозных обществ (в зависимости от канонического устройства каждого из них) представители всех зарегистрированных, автокефально организованных церквей и исповеданий Российского Государства, в количестве не свыше тридцати, в зависимости от численного преобладания каждого из них в стране.

Религиозные общества, не зарегистрированные (ст. 6 Раздела второго) или не организованные в России автокефально (ст. 7 Раздела второго), — не имеют права делегировать своих представителей в состав Высшего Церковно-Исповедного Суда.

Примечание. Ввиду того, что, согласно закону, регистрация церковных обществ производится Высшим Церковно-Исповедным Судом, предварительная регистрация передается в ведение особого Исповедного Присутствия, назначаемого Главой Государства.

4. К этим тридцати представителям, пользующимся в заседаниях и решениях суда равным голосом, присоединяются по назначению Св. Патриарха Православной

Церкви пять членов Православной Церкви в составе одного епископа, двух иереев и двух светских лиц.

5. Св. Патриарх является по своему званию Председателем Высшего Церковно-Исповедного Суда. Он имеет право назначить себе заместителя, который пользуется в его отсутствие решающим голосом. При разделении голосов голос Св. Патриарха или его заместителя дает перевес.

6. Все выбранные или назначенные члены Высшего Церковно-Исповедного Суда должны быть утверждены Главой Государства.

7. Все Члены Высшего Церк.-Исповедного Суда дают при вступлении в должность обычную торжественную подписку о своем служении, скрепленную исповедною присягою или клятвою. Они получают содержание от Российского Государства и обязаны пребывать в том месте, где постоянно находится Суд.

8. Полномочия каждого члена Высшего Церк.-Исп. Суда имеют пятилетнюю длительность.

9. Высший Церковно-Исповедный Суд ведает:

а) регистрацией и перерегистрацией религиозных обществ и исповеданий;

б) надзором за их автокефальностью;

с) надзором за лояльным отношением всех вообще религиозных обществ к российскому государству и его основным и общим законам;

д) надзором за соблюдением всеми религиозными обществами всех постановлений о вере и религии, изложенных во втором Разделе Основных Законов;

е) примирительным разбирательством по всем спорам и столкновениям между различными религиозными обществами и исповеданиями;

ф) а также всеми делами, вытекающими из указанных в ст. 2 настоящего Раздела задач.

10. Высший Церковно-Исповедный Суд представляет все свои решения на утверждение Главы Государства через Совет Министров. Утвержденные Главой Государства решения Суда имеют силу Указа Главы Государства; в случаях примирительного разбирательства и приговора — силу судебного решения.

11. Высший Церковно-Исповедный Суд имеет право ходатайства перед Главою Государства о пользах и нуждах веры как через Совет Министров, так и непосредственно.

12. Он имеет также право ходатайствовать перед Главою Государства об издании того или иного признанного необходимым закона. Сие право не есть, однако, право законодательной инициативы.

13. Высший Церковно-Исповедный Суд имеет право создавать при себе исследовательские институты по истории религии, по изучению религиозных учений и обрядов; он имеет право издавать исследования, журнал и свои ведомости.

14. Члены Высшего Церковно-Исповедного Суда пользуются полной свободой суждений в заседаниях суда и депутатской неприкосновенностью вне заседания.

15. К ведению Высшего Церковно-Исповедного Суда принадлежит также рассмотрение ходатайств отдельных религиозных обществ и исповеданий о чрезвычайных, единоразных денежных субсидиях, выдаваемых государством. Для поддержания такого ходатайства необходимо две трети голосов присутствующих членов.

16. Брачные и разводы, а также метрические книги ведаются каждым религиозным обществом отдельно и самостоятельно. Общие государственные суды ведают только гражданской стороной сих актов, поскольку Российские Государственные законы допускают заключение гражданского брака помимо и сверх церковного таинства или прямо требуют его.

17. Постановления общего кодекса российского семейного права обязательны для всех российских граждан, поскольку в самом кодексе не сделано исключение для отдельных национальностей и исповеданий.

Раздел тринадцатый

ВЫСШИЕ СОВЕТЫ ПРИ ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА

1. Для соображения всенародных нужд и государственных потребностей, для собирания сведений и подготовки законов и распоряжений при Главе Государства

образуются по его назначению особые Высшие Советы в количестве шести:

Высший Посольский Совет,
Высший Военный Совет,
Высший Финансовый Совет,
Высший Совет Народного Воспитания,
Высший Земледельческий Совет и
Высший Совет Торговли и Промышленности.

2. Эти Высшие Советы исполняют прямые поручения Главы Государства каждый в своей отрасли; сотрудничают с соответствующими Министерствами и Министрами; проводят всенародные обследования во всей стране или в ее отдельных частях; создают и поддерживают соответствующие научные и исследовательские институты по своей специальности; издают соответствующие журналы и исследовательские труды; заботятся о подборе качественных кадров в стране по своей специальности.

3. Министры и Главноуправляющие являются по званию своему непременно членами сих Советов.

4. Советы сии пополняются по назначению Главы Государства, а также по выборам на местах; порядок этих выборов имеет быть установлен особым распоряжением Главы Государства по усмотрению целесообразности.

5. Св. Патриарх или его заместитель имеет право участвовать во всех этих Советах с решающим голосом.

6. Члены Совета Старейшин имеют право приписываться по собственному желанию в качестве членов с решающим голосом во все эти Советы.

7. Главе Государства предоставляется право распустить каждый из этих Советов и пополнить его новыми членами.

8. К участию в сих Советах допускаются только лица, удовлетворяющие требованиям статьи 8 Раздела шестого. Личная аболиция допускается.

9. Все члены этих Советов при вступлении в должность дают торжественное письменное обязательство, скрепленное присягою, соответствующее по содержанию и тексту обязательству членов законодательных учреждений.

10. Каждый из этих Советов вырабатывает для себя наказ, определяющий круг его деятельности и порядок его работ. Наказ этот утверждается Главою Государства.

11. Размер вознаграждения членам сих Советов, также как и бюджет каждого из них, проводится в общем законодательном порядке. Для первого состава, имеющего приступить к работам до образования Земского Собора и Государственного Совета, вопросы сии разрешаются в порядке чрезвычайного указа.

Раздел четырнадцатый

ДУМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ

1. Дума Национального Единения есть всероссийское государственное учреждение, состоящее при Главе Государства и ведающее делом духовного и государственного единения всех российских национальностей.

2. Задачи ее: создание и упрочение межнационального мира и братского сожительства всех народностей Российского Государства; обеспечение национально-культурной свободы граждан всех российских национальностей; водворение законности и справедливости во взаимных отношениях российских народностей; совместная борьба всех верных народностей России с нелояльными, сепаратистскими и противогосударственными течениями в их среде; взаимная поддержка всех национальностей в воспитании российских граждан в духе веры, чести, отечественной верности и духовного характера.

3. Членами Думы Национального Единения состоят избранные на основании особого закона представители 30 численно крупнейших народностей Российского Государства. Избираться могут только лица, удовлетворяющие требованиям ст. 8 Раздела шестого Основных Законов, мужского пола, не моложе 40 лет, свободно владеющие русским языком, умеющие читать и писать по-русски, а также и на своем языке.

4. К этим 30 представителям, утверждаемым Главою Государства и пользующимся в заседаниях и решениях Думы равным голосом, присоединяются по назначению Главы Государства двадцать членов Думы, пользующихся таким же голосом.

5. Глава Государства назначает Председателя Думы; общее собрание Думы выбирает двух товарищей Председателя и двух секретарей.

6. Все члены Думы Национального Единения дают при вступлении в должность обычную торжественную подписку о своем служении, скрепленную исповедной присягой или клятвой. Они получают содержание от Российского Государства и обязаны пребывать в том месте, где обретається Дума Национального Единения.

7. Полномочия каждого члены Думы Национального Единения имеют трехлетнюю длительность.

8. Дума Национального Единения ведаёт:

а) точным и справедливым выяснением национально-го состава Российского Государства, а также его географическо-территориальным распределением;

б) точным и справедливым выяснением вопроса о языке, вере, образовании, занятиях, промыслах, богатствах, нуждах и потребностях каждой национальности в отдельности;

в) вопросом о желательности и необходимости культурной и правовой автономии каждой из народностей как представленных в Думе Национального Единения, так и не представленных;

г) примирительным разбирательством в столкновениях отдельных народностей между собою;

е) а также всеми делами, вытекающими по смыслу из ст. 2 настоящего Раздела.

9. Дума Национального Единения представляет все свои решения на утверждение Главы Государства через Совет Министров. Утвержденные Главой Государства решения имеют силу Указа Главы Государства; в случае примирительного разбирательства — силу судебного решения.

10. Дума Национального Единения имеет право ходатайствовать о пользах и нуждах национального единения перед Главою Государства как через Совет Министров, так и непосредственно.

11. В особенности она имеет право ходатайства перед Главой Государства об издании того или иного признанного необходимым закона. Сие право не есть, однако, право законодательной инициативы.

12. Члены Думы Национального Единения пользуются полной свободой суждения в заседаниях Думы и депутатской неприкосновенностью вне заседаний.

13. Дума Национального Единения имеет право создавать при себе исследовательские институты по истории народностей России и по изучению их языков и культур. Она имеет право издавать исследования, журнал и свои ведомости.

14. Бюджет Думы Национального Единения, а также размер вознаграждения членам ее, проводится в общем законодательном порядке. В переходное время — в порядке чрезвычайного указа.

15. Дума Национального Единения вырабатывает свой наказ, определяющий подробно круг ее ведения и порядок ее работ. Наказ этот утверждается Главою Государства.

16. Святейший Патриарх имеет в Думе Национального Единения право решающего голоса. Заместитель его, им назначенный, имеет лишь совещательный голос.

17. Все Министры являются членами Думы Национального Единения с решающим голосом.

18. Все члены Земского Собора, Государственного Совета и Совета Старейшин имеют право присутствовать в общих собраниях Думы Национального Единения с правом совещательного голоса.

Добавление к основным законам

УПРАВЛЕНИЕ НА МЕСТАХ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

1. Имея в виду первоосновы Российского Государства, изложенные в Разделе первом Основных Законов, устанавливается, что все проявления народной жизни и все потребности и нужды русского народа, которые могут быть без вреда для народа и Государства удовлетворены самодеятельностью и самоуправлением населения, — должны быть предоставлены этому самоуправлению. Государственная власть России имеет доверие к здоровым, творческим силам русского народа и удовлетворяется государственным надзором за всей сферой, предоставленной ведению народного самоуправления.

2. Новые формы народного самоуправления в России не могут и не должны возникать самочинно и стихийно. Они должны быть введены на основании закона и протекать в законных формах и пределах.

3. Ввиду этого все и всякие самочинно в переходное время возникающие формы самоуправления на местах объявляются временными, допускаемыми и терпимыми лишь впредь до законной организации управления на местах.

4. Посему на переходное время строжайше воспрещаются все меры и всякие решения, которые рассчитываются на длительное или окончательное существование временных форм самоуправления. Российские граждане предупреждаются, что все правоотношения, избрания, назначения, организационные меры, договоры, соглашения и иные юридические акты временно-переходного периода окажутся упраздненными и угасшими с момента законного введения окончательных форм управления и самоуправления на местах.

5. Административное деление Российского Государства на «области», «автономные республики», округа и т. под., остающееся в наследство от революционно-коммунистической эпохи, временно сохраняется. Все такие административные деления переименовываются в Наместничества и объявляются все одинаково неотделимыми частями единой России равноподчиненными Российской Государственной Власти.

6. Во главе каждого Наместничества становится назначаемый Верховным Правителем *Наместник его*.

7. Наместник представляет Главу Государства в пределах своего Наместничества. Он пользуется в его пределах временно всею полнотою власти, присущую Верховному Правителю в объеме всего Государства, подчиняясь всем законам, указам и распоряжениям, исходящим от Верховного Правителя. Сия полнота власти передается Наместникам лишь для правовой и государственной организации жизни в пределах Наместничества и будет ограничиваться и убывать по мере успешного разрешения им его основной задачи.

8. Помимо сего Главе Государства предоставляется право в меру необходимости объединять отдельные На-

местничества в целые области и ставить во главе каждой такой области особого Правителя, непосредственно подчиненного Главе Государства и подчиняющего себе всех Наместников данной области.

9. Наместник имеет три основные задачи:

1) Неукоснительное и всемерное поддержание мира и порядка в пределах своего Наместничества.

2) Всяческое поощрение населения к возобновлению и ведению мирного, творческого труда, хозяйства, промысла и службы.

3) Организацию управления и самоуправления в пределах своего Наместничества на основании Основных Законов страны, а также на основании законов, указов и распоряжений, исходящих от Главы Государства.

10. Для этого Наместник должен обеспечить себе прежде всего достаточную по количеству, дисциплинированную и верную воинскую силу, которая могла бы оградить население от всякого нарушения порядка и подавить в зародыше всякие междоусобия, стычки, разгромы, погромы, расправы и кровопролития. Все эти формы гражданской войны объявляются совершенно недопустимыми, кем бы они ни организовывались и против кого бы они ни были направлены. Против подстрекателей и виновников их надлежит неумолимо принимать строжайшие меры.

Все преступные лица, арестуемые населением или организациями самоохранны, должны немедленно передаваться воинским отрядам и препровождаться в распоряжение Наместника.

11. Наместник немедленно назначает полновластных Уездных Начальников из верных и волевых лиц, кои подчиняются Наместнику так же, как Наместник подчиняется Верховному Правителю.

12. Наместник немедленно назначает главу городской полиции и создает при себе Совет Наместничества совещательного характера, сочетая начало назначения с началом избрания.

13. Выборы происходят так. Каждая уцелевшая общественная единица — приход, школа, кооператив, рабочий союз и т. д. исключает из своей среды всех бывших коммунистов и членов союза безбожников и выбирает

по главному городу Наместничества одного представителя в Избирательное Собрание при Наместнике.

В пределах главного города Наместничества немедленно созываются собрания домовладельцев, врачей, судей, ремесленников, лиц с высшим образованием, лиц со средним образованием и лиц возрастом свыше 50 лет. Каждое такое собрание исключает из своей среды всех бывших коммунистов и членов союза безбожников и выбирает по одному представителю в Избирательное Собрание при Наместнике.

14. По вызову Наместника избранные сходятся на Избирательное Собрание и выбирают трех лиц в Совет Наместничества и трех лиц в состав Городской Управы. Наместник имеет право утверждать или не утверждать выборы, потребовать доизбрания или переизбрания. Вслед за тем он может пополнить список избранных назначением, назначая до трех лиц в состав Совета и до двух лиц в состав Городской Управы.

15. Утвержденные и назначенные немедленно приступают к действию и с этого дня получают содержание по ставкам, указанным Наместником. Члены Городской Управы выбирают из своей среды Городского Голову и принимают от бывших советских органов все городское хозяйство по предварительно-временной описи.

16. Уездные Начальники совершают то же самое в пределах уездных городов и затем приступают, согласно инструкции Наместника, к организации административных органов в пределах уезда. При этом они обязаны по волостям сочетать выборы с назначением так, как это указано в ст. 13 настоящего Добавления.

17. Совет Наместничества распределяет между собою дела наместнического управления. Он действует как единство, ведомое Наместником. Члены его могут быть уволены Наместником, с тем что избранные члены будут замещаться по избранию и утверждению, а назначенные — непосредственным назначением от Наместника.

18. Выборы Совета и Городской Управы, а также выборы по уездам, должны быть непременно произведены заново через шесть месяцев.

19. Органы финансового, продовольственного, полицейского, почтового, воинского, народно-образовательного и

иных отделов назначаются сроком на год или впредь до увольнения Наместником по соглашению с Советом Наместничества, или по представлению сего последнего.

20. Полное восстановление органов самоуправления, размежевание их ведения от ведения органов государственного центра, а также их правовое взаимоотношение может быть установлено только на основании государственного закона.

21. Всякое образование политических партий и связанная с ними партийная агитация воспрещаются сроком на один год. Заявляемые партии не подлежат регистрации в течение этого времени. Этот срок запрета может быть в дальнейшем продолжен по усмотрению Главы Государства.

22. Наместники, их Советы, Уездные Начальники и все назначенные и избранные должностные лица должны неустанно внушать населению, что ввиду общей спорности всех прав, возникшей вследствие коммунистической революции, никакие временные владения и захваты не имеют бесспорного и окончательного значения; что спасение страны зависит от количества и качества производимых продуктов всех видов; что созданный продукт будет принадлежать создавшему его даже и в том случае, если в дальнейшем выяснится, что орудие производства ему не принадлежало на праве собственности; что посему труд и продукт бесспорны, а владение имуществом спорно; что новая Российская Государственная Власть обеспечивает каждому отыскание его справедливых прав в наискорейшем времени; и что поэтому необходимо отложить спор о правах и отдать свои силы хозяйственному труду.

23. Для этого в каждом городе и в каждом уезде организуются при Наместнике и Уездных Начальниках особые *Примирительные Камеры*, члены коих распределяют между собою все спорные дела для предварительного, но безапелляционного разрешения их. Решение их обязательно в городах на три месяца, а в сельских местностях на год. По истечении сего срока оно может быть пересмотрено, исправлено, отменено или утверждено судебными органами, если они сложатся к тому времени, или же членами той же Примирительной камеры.

24. Обязательность и срочность решений, вынесенных членами примирительных камер, объявляется авторитетно во всеобщее сведение.

25. Члены Примирительных Камер должны быть назначены Наместниками и Уездными Начальниками из лиц, особо уважаемых; авторитет их должен быть бесспорным. Наместники снабжают их общими инструкциями, в пределах коих они и решают все вопросы по совести.

26. Главным предметом ведения Примирительных Камер являются вопросы и споры временного пользования имуществом, представляющим хозяйственную или хозяйственно-производительную ценность.

27. Член Примирительной Камеры, избовленный в криводушных, своекорыстных или подкупных решениях, предается военному суду, который должен вынести свой приговор в течение недели. Приговор утверждается в течение трех дней Наместником.

КОММЕНТАРИИ

В предлагаемой книге собраны брошюры и лекции И. А. Ильина, посвященные большевизму и коммунизму. Он рассматривает эти явления не только как конкретные политические и идеологические реалии новейшей истории России, но как *духовную болезнь* всечеловеческого масштаба, вызванную безбожием и посягательством на естественное, созданное Богом устройство мира и человека. Носители бацилл, или, по Ильину, ядов этой болезни не только не соглашались (и до сих пор не соглашаются) с таким замыслом Бога о мире и человеке, но с сатанинским упорством пытались «изменить его»: покорить природу, по-своему, своевольно переделать общественное и государственное устройство и, главное, «создать нового человека» — «творца истории». Безумные коммунистические идеи (насильственная революция, отмена частной собственности, разрушение семьи, а в будущем и государства, упразднение религии, любыми способами воплощение в жизнь смертоносной социалистической и коммунистической доктрины и т. д.) охватили многие страны и народы. Особенно трагично и разрушительно осуществлялись они в Советской России. Работы Ильина возвращают нас мысленно к тем скорбным временам и во многом объясняют то, что совершается на наших глазах сегодня.

Однако великий русский философ не ограничивается лишь «отрицательным одолением коммунизма», т. е. разоблачением и обличением его противоестественной, богоборческой, античеловеческой сущности, но предлагает положительный путь преодоления и изживания «внутри нас самих» этих ложных идей, путь духовного обновления и религиозного выздоровления человека и общества. И этим он нам особенно ценен сегодня, когда мы вновь переживаем период общественного разлада и государственного неустойства. Он также указывает на пагубность соблазнительных идей для современной России и предлагает во всей полноте своей (вплоть до конституции постбольшевистской России) «творческую идею нашего будущего».

Часть этих работ была написана Ильиным на немецком языке. Все цитируемые им по-немецки русские тексты даются в обратном переводе, за исключением «Послания Совету Народных Комиссаров» Патриарха Тихона, которое приводится по русскому первоисточнику.

Составитель и издательство выражают благодарность и признательность д-ру Хайнцу Харбаху, приват-доценту факультета

социологии Билефильдского университета (Германия), за предоставление практически неизвестных и уникальных ильинских брошюр, выпущенных издательством немецкого общества «Помощь русским братьям».

БОЛЬШЕВИЗМ И КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

В основу работы легла лекция И. А. Ильина, прочитанная им по-русски в 1923 г. в Берлине при открытии Русского научного института. Впоследствии она была дополнена и в 1925 г. опубликована на немецком языке в сборнике статей «Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus. Darstellung und Wertung seiner geistigen Grundlagen» («Государство, право и хозяйство большевизма. Отображение и оценка его духовных основ»), вышедшем в Берлине и Грюневальде.

На русском языке печатается впервые по указанному изданию. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ *civitas* (лат.) — общество.

² *principium individualionis* (лат.) — принцип индивидуальности; *principium inaequalitatis* — принцип неравенства.

³ *Kakisiokratie* (от гр. каких — нравственная негодность и краток — сила) — власть худших.

⁴ *vindicatio rei alienae* (лат.) — присваивание чужой собственности.

⁵ *bellum omnium* (лат.) — война всех.

⁶ *animus sibi habendi* (лат.) — чувство своей собственности.

⁷ *corpus* (лат.) — тело, плоть.

⁸ *res habilis* (лат.) — пригодное действие.

⁹ *titulus* (лат.) — почетное звание.

¹⁰ *fides* (лат.) — доверие.

¹¹ С учетом перевода немецких слов фраза в скобках звучит так: «общее» означает «общее для всех», для каждого «меня».

КОММУНИЗМ ИЛИ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ?

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Работа была написана на немецком языке («Kommunismus oder Privateigentum? Eine Problemstellung») и вышла в 1929 г. в Берлине отдельной брошюрой в серии «Труды Центрального союза немецких домовладельцев и земельных собственников» (№ 2).

На русском языке публикуется впервые по указанному изданию. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ Перевод с немецкого З. Г. Антипенко.

² *Rat* (нем.) — совет. *Arbeiter-Rat* — рабочий совет; *Soldaten-Rat* — солдатский совет.

³ *sine fide et titulo* (лат.) — без права и гарантий.

⁴ Буквальная фраза из Евангелия (см.: Ин. 5, 8).

РАЗРУШЕНИЕ СЕМЬИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Настоящая работа была написана И. А. Ильиным на немецком языке («Die Zernurbung des Familienlebens im Sowjetstaate») для сборника статей под названием «Das Notbuch der russischen Christenheit» («Книга бедствий русского христианства»), в котором участвовали профессор Н. Глубоковский, Н. Арсеньев, приват-доцент Ганс Кох, лицензиат Фриц Либ и пастор Д. Крамер. Сборник вышел в Берлине и Стеглице в 1930 г.

На русском языке публикуется впервые. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ *Ларин Ю.* (Лурье Михаил Зальманович) (1882 — 1932) — российский революционер, экономист, публицист. Автор работ по истории РСДРП, проблемам строительства советского государства, экономике. Занимал ряд постов в системе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА ИЗ ДУХОВНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

Эта работа была написана И. А. Ильиным по-немецки («Die Entstehung des Bolschewismus aus der geistigen Krise der Gegenwart») под псевдонимом «д-р Юлиус Швейкерт». Она вошла в книгу «Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschland» («Разнуздание черни. Обзор большевизации Германии»), изданную им тоже на немецком языке совместно с доктором Адольфом Эртом в Берлине и Лейпциге в 1932 г. Здесь следует заметить, что в немецком языке слово «Unterwelt» имеет и другое значение — «ад», «преисподняя». С учетом этого в русском переводе книги смещаются акценты, появляется как бы второй, более впечатляющий и глубокий смысл: «Разверзание преисподней. Обзор большевизации Германии».

Публикуется впервые по указанному изданию. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ Перевод З. Г. Антипенко.

² *Гebbель* Кристиан Фридрих (1813 — 1863) — немецкий драматург и теоретик драмы.

³ Полное название книги «Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate» — «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве». Издание Эккарта. — Берлин; Стеглиц, 1931.

⁴ Соавтор книги.

⁵ *Бауэр* Бруно (1809 — 1882) — немецкий философ младогегельянец. Критик христианства, не признававший достоверность Евангелия. Считал движущей силой истории самосознание «критических личностей».

ЯД

Дух • сущность большевизма

Работа была написана И. А. Ильиным по-немецки «Gift. Geist und Wesen des Bolschewismus» и вышла отдельной брошюрой в 1932 г. в Берлине и Стеглице. Это переработанный вариант брошюры на русском языке «Яд большевизма» (Женева, 1931), предназначенный для западного читателя. Брошюра была переведена на многие европейские языки и издавалась в различных странах. По-русски печатается впервые. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ *vee victus* (лат.) — прощай, жизнь!

² По этому вопросу отсылаем читателя к современному обширному исследованию: П е т р е н к о Н. Ленин в Горках — болезнь и смерть (Источниковедческие заметки)// Минувшее. - Т. 2. - М., 1990. - С. 143 - 287.

³ *Марий* Гай (ок. 157 — 86 до н. э.) — римский полководец, неоднократный консул, противник Суллы. В 87 году взял Рим и жестоко расправился со своими врагами.

Сума (138 — 78 до н. э.) — римский полководец, консул в 88 году. Победив Мария в гражданской войне, стал в 82 году диктатором, проводил массовые репрессии.

⁴ *Апаш* (фр. *apache* — от названия индейского племени *апачи*) — деклассированный элемент во Франции, вор.

⁵ *Ллойд Джордж* Дэвид (1863 — 1945) — английский политический деятель, лидер Лейбористской партии, в 1916 — 1922 гг.

премьер-министр Великобритании. Первый на Западе выступил за сотрудничество с Советской Россией.

⁶ *Шиканой* называется в юриспруденции пользование своим правом исключительно во вред другому.

⁷ «Ein treu Vormahnung zu alien Christen, sich zu vorhiiten für Aufruhr und Empörung» (нем.) — «Истинное увещание всем христианам остерегаться смут и возмущения».

⁸ В немецком наборе очевидный пропуск текста. Мы восстанавливаем его по русскому варианту.

⁹ В русской брошюре в этом месте Ильин употребляет слово «идеи», а в немецком намеренно усиливает негативный смысл термина придуманным им неологизмом «Unidee» — «не-идея», т. е. «отрицательная идея». Любопытно сравнить это с термином немецкого философа-мистика Якова Беме «Ungrund» («лишенный основания», «первичный хаос») или с отрицательным греческим «ΟΥΚΟΝ» — ничто», широко вошедшим в философский оборот.

¹⁰ Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878 — 1943) — советский партийный и государственный деятель, главный организатор антирелигиозной пропаганды в Советской России и СССР. Руководитель «Союза воинствующих безбожников», газеты «Безбожник», журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник».

¹¹ «Wider die Gottlosigkeit* — «Против безбожия». Эта работа в переводе с немецкого помещена в настоящем томе.

«Разнуздание черни. Поперечный разрез большевизации Германии». Русский перевод работы см. в настоящем томе.

¹³ Полное название книги: «Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen staate» — «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве». Издана в Берлине в 1931 г.

¹⁴ «Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы». Русский перевод см. выше в настоящем томе.

КОММУНИЗМ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Это лекция на немецком языке «Kommunismus und internationale Ordnung» за подписью И. А. Ильина, изданная в качестве препринта «Учебным отделом экуменического совета по практическому христианству (под патронажем Предварительного совета Экуменического совета Церквей)». Ее экземпляр хранится в мичиганском архиве философа. На нем имеется пометка: «Конфиденциально. Март 1940. № 4 G/40. Мировой порядок. Коммунизм и мировой порядок».

В другом виде никогда не издавалась. На русском языке публикуется впервые по переводу с архивного экземпляра.

Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

Первоначально здесь стояло «как Россия или Германия». Потом Ильин вычеркнул это своей рукой.

² Имеются в виду следующие книги. «Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen staate» («Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве»). Издана в Берлине и Стеглице в 1931 г. Уже знакомая нам «Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschlands» («Разнузданные черни. Обзор большевизации Германии»), изданная совместно с д-ром Адольфом Эртом в Берлине и Лейпциге в 1932 г. И «Bolschewistische Weltmachtpolitik. Die Plane der III Internationale zur Revolutionierung der Welt» («Мирово-владычественная политика большевиков. Планы III Интернационала по революционизированию мира»), вышедшая под псевдонимом Ильина «д-р Альфред Норманн» в 1935 году.

³ Это пояснение в первоначальном тексте Ильин зачеркнул.

⁴ См. также: И л ь и н И. А. Собр. соч. — Т. 2. — Кн. II. — М., 1993. — С. 9.

⁵ В рукописи зачеркнуто следующее слово «осужденный».

⁶ Выделенные Ильиным слова в рукописи зачеркнуты.

⁷ Расстреляны руководили венгерский интернационалист Бела Кун и большевичка Розалия Землячка (Залкинд). Подробнее о Бела Куне см. коммент. 15 к работе «Советский Союз — не Россия. Памятные тезисы».

⁸ В рукописи зачеркнуто следующее слово «критический».

⁹ Греческое *crKavSatov* означает «соблазн», «повод ко греху».

¹⁰ Лк. 17, 1 - 2 .

ПРОТИВ БЕЗБОЖИЯ

Эта работа была написана И. А. Ильиным по-немецки («Wider die Gottlosigkeit») и вышла отдельной брошюрой в 1931 г. в Берлине и Стеглице в «Серии трудов о сущности и деяниях большевизма». С 1931 по 1934 г. она выдержала пять изданий.

Работа состоит из трех частей: «Die Christenverfolgung im Sowjetstaate» («Преследование христиан в советском государстве»), «Der Sinn der Gottlosigkeit» («Смысл безбожия») и «Der Bund der Gottlosen» («Союз безбожников»). В основу двух первых легли речи Ильина; третью он написал специально для брошюры.

На русском языке публикуется впервые по изданию 1931 г. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ *audiat et altera pars* (лат.) — слушаем и другую сторону.

² См. комменг. 6 к работе «О Церкви в СССР».

³ *casus* (лат.) — случай, возможность.

⁴ *concubinatum* (лат.) — сожительство.

⁵ На этом съезде его переименовали в Союз воинствующих безбожников.

⁶ *Древе* Артур (1865 — 1935) — немецкий историк и философ, специалист по истории раннего христианства, последователь так называемой мифологической школы в религиоведении.

⁷ *Promiscuitat* (нем.) — от фр. *promiscuity*, означающего «скуоченность», «ужасающая теснота». В данном контексте ему соответствует русский термин «коммуналка».

⁸ *ecclesia militans* (лат.) — воинствующая церковь.

МУЧЕНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ В РОССИИ

Настоящая работа — это брошюра на немецком языке «Das Martyrium der Kirche in Russland», которая была издана в 1937 г. в германском городе Лемго при поддержке общества «Russischen Bruderhilfe» («Помощь русским братьям») — организацией, созданной евангелическим пастором К. Эвербеком для помощи русским православным священникам. Ее помощь распространялась также и на патристически настроенную православную русскую эмиграцию. Ильин сотрудничал с этой организацией и напечатал в ее издательстве несколько брошюр. Позже это сотрудничество прекратилось.

С тех пор данная работа не переиздавалась. В основу ее легла лекция И. А. Ильина, прочитанная им по-немецки в декабре 1936 г. в Штутгарте на собрании евангелистов.

На русском языке печатается впервые. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

В начале брошюры имеется предисловие, которое мы полностью приводим ниже.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Большевизм! Борьба с большевизмом.» — всем нам известны эти лозунги и та серьезность, которая стоит за ними. Далее по этому кругу вопросов выскажется человек, который смотрел в

лицо смертельной опасности большевизма, пострадал от него и на собственном опыте познал весь его бесовский ужас.

Для профессора Ильина большевизм — проблема религиозная, большевизм для него — решительная, фанатичная попытка борьбы против Господа Бога. Поэтому окончательно преодолеть его можно лишь изнутри, силою веры во Христа и истинно живой, нравственно очищенной страданиями, испытаниями, лишениями и смертью церковной общиной.

Проф. Ильин в сотрудничестве с проповедником Орловым и Русским церковным хором из Берлина прочитал в ноябре — декабре 1936 года в целом ряде вюртембергских церковных приходов, в переполненных Божьих храмах с большой благодарностью воспринятые слушателями лекции о тяжелой судьбе, постигшей его русскую Родину и русскую церковь, о страшных материальных и душевных страданиях, о страстотерпении русского народа, о русских христианах, противостоящих всем преследованиям, и о победе Господа нашего Христа над всеми сатанинскими силами.

Лектор как человек, «спасшийся живым из огня», считает своим долгом предостеречь остальной мир, напомнить христианской церкви о Даре Божиим в ипостаси Иисуса Христа, о ее миссии, ее призвании стать свидетельницей происходящего и призвать всех христиан, обладающих доброй волей, к заступничеству и действенной помощи.

Штутгарт, 30 декабря 1936 г.

В. Прессель, член Высшего церковного совета.

¹ Выдержки взяты из «Послания Совету Народных Комиссаров» Патриарха Тихона, датированного 13 (26) октября 1918 г. Текст приводится не в обратном переводе с немецкого, а по первоисточнику.

² Все эти чудовищные факты были приведены в книгах А. А. Валентинова «Штурм небес» (1925) и Михаила Польского «Новомученики Российские», в 2-х томах (1937). Сейчас обнародованы новые данные. См.: *И е р о м о н а х Д а н а с - к и н (О р л о в с к и й) . Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. — Т. I. — Тверь, 1992; Т. 2. - Тверь, 1996.*

³ Реомюр Рене Антуан (1683 — 1757) — французский естествоиспытатель. В 1730 году предложил свою шкалу температуры, названную его именем. 1 градус по Реомюру равен 3/4 градуса по Цельсию.

ХРИСТИАНСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ

Это брошюра на немецком языке «Christentum und Bolschewismus», вышедшая в издательстве организации «Помощь русским братьям» в Лемго в 1937 г. Она имела подзаголовок: «Откуда появились преследования христиан в XX веке». С тех пор не переиздавалась.

На русском языке публикуется впервые по указанному изданию. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

В брошюре имеется предисловие, которое мы полностью приводим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже много лет подряд «Помощь русским братьям», Лемго, как ответвление духовной миссии Германской евангелической церкви, из христианских побуждений и на христианско-евангелической основе ведет борьбу с призраком большевизма и коммунизма.

В духе фюрера она давно пытается внести полную ясность в сущность большевистско-коммунистического безбожия и в коротких, простых, предельно ответственных статьях и брошюрах донести правду до братьев и сестер во Христе.

Прежде всего следует недвусмысленно подчеркнуть глубочайшее противоречие между христианством и большевизмом, в связи с чем мы предоставляем слово опытному и сведущему приверженцу этой борьбы профессору Ивану Ильину.

Эта брошюра не ставит своей целью исчерпывающе осветить все трудности и всю глубину теологической проблематики, она предполагает предметно отразить те противоречия, в которых большевизм находится по отношению к Евангелию.

*Председатель «Помощи русским братьям»
пастор К. Эвербек, Лемго.*

НАСТУПЛЕНИЕ
НА ВОСТОЧНУЮ ХРИСТИАНСКУЮ ЦЕРКОВЬ

Это брошюра на немецком языке «Der Ungriff auf die Christliche Ostkirche», изданная организацией «Помощь русским братьям» в Лемго в 1937 г. в количестве 35 000 экземпляров, причем за год разошлось 20 000 экз. С тех пор она не переиздавалась. В основу ее легла лекция, прочитанная И. А. Ильиным 1 ноября 1937 года в Берлине перед пасторами окрестной общины Дюссельдорфа.

На русском языке публикуется впервые. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

В брошюре имеется предисловие, которое мы полностью приводим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра представляет собою несколько измененный вариант лекции, прочитанной автором по поручению организации «Помощь русским братьям» в разных местах — чаще всего на конференциях религиозных деятелей. Мы убеждены в том, что эта лекция должна стать достоянием гораздо большего круга людей, об этом нас просили многие из них. Принадлежа к православной церкви России, профессор Ильин разделил ее судьбу как в пределах, так и вне своей страны; он внимательно следил за неимоверными усилиями большевиков по уничтожению веры в Бога живого во всем мире, размышлял о корнях этого чудовищного явления, исследовал его. В данной лекции он излагает значительную часть результатов своих исследований, показывая христианам Европы, что у нас нет никаких оснований чувствовать себя сторонними наблюдателями гигантской битвы, происходящей на Востоке, что мы сами являемся непосредственными участниками этой битвы, ибо источники этого духовного явления надо искать здесь, у нас. В битве сторон «за» или «против» Бога и Сына Его Христа, разворачивающейся сегодня во всем мире, эта лекция может послужить тому, чтобы встряхнуть людей и вывести их из состояния самоуверенности и косности, открыть им глаза на их «братьев в беде». Пожелаем же ей побольше читателей!

*По поручению «Помощи русским братьям»
инспектор миссии Ф. Шнайдер.*

Точнее, одному петроградскому благочинному священнику-²

См.: Цыпин В. Русская Церковь (1917 — 1925). — М., 1996. - С. 207.

³ **Перевод с немецкого З. Г. Антипенко.**

⁴ **См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 14. - Л., 1976. - С. 100.**

О ХРИСТИАНСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ГОСПОДСТВУ

Это нигде не публиковавшаяся рукопись на немецком языке «über christliche Auflehnung gegen die kommunistische Herrschaft», хранящаяся в мичиганском архиве философа.

Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной. Текстологическая работа проведена З. Г. Антипенко.

¹ У Ильина имеется серия статей на эту тему под общим заголовком: «О Богоустановленности советской власти» в парижской газете «Возрождение» в № 3972, 3977, 3979 за 1939 г. Эти статьи вызвали полемику с митрополитом Елевферием.

² Здесь косые скобки поставлены в рукописи самим Ильиным.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ - НЕ РОССИЯ

ПАМЯТНЫЕ ТЕЗИСЫ

Работа впервые была издана в 1947 г. анонимно в виде брошюры. Издание ротаторное. Место и год не указаны. В 1948 году также анонимно брошюра вышла на немецком языке («Der Sowjet-Staat ist nicht Russland. Thesen pro memoria»). Впоследствии несколько глав из нее, например, «О русском народе» и «О русской национальной лояльности», подписанных «проф. И. А. Ильин», печатались в нью-йоркском журнале «Русское дело» (1959, № 3 и № 4).

В России работа публикуется впервые. Печатается по первому изданию, по экземпляру, находящемуся в архиве Бориса Николаевского в США: Hoover Institution, Boris Nikolaevsky Collection, Box 763, foldec 8.

¹ Младороссы — крайне правое течение в среде русской эмиграции, объединившееся в «Союз младороссов». Они поддерживали двоюродного брата Николая II — князя Кирилла Владимировича как претендента на российский престол. В качестве программного младороссы провозгласили лозунг «Царь и Советы» и говорили о необходимости установления в России «надклассовой монархии». В 30-х гг. они обещали вернуть русскую революцию на «национальный путь». Самораспустились в 1939 г.

² В 1915 г. в Циммервальде (Швейцария) проходила международная социалистическая конференция для выработки позиции социалистов по отношению к мировой войне. На ней левые во главе с Лениным предложили резолюцию, призывающую рабочих воюющих стран к гражданской войне против своих правительств для завоевания власти. И хотя этот вариант не

прошел, в итоговом документе признавался империалистический характер войны и осуждался лозунг защиты своего отечества.

³ *Мельгунов* Сергей Петрович (1880 — 1957) — историк и литератор. В 1920 году по делу так называемого «Тактического центра» в Москве он был приговорен к смертной казни, замененной десятью годами тюрьмы. В октябре 1922 года выслан из России и лишен советского гражданства. В эмиграции — редактор журнала «На чужой стороне» и «Голос минувшего на чужой стороне» (1926 — 1928). Автор ряда книг о большевиках и большевистском перевороте: «Красный террор в России» (1924), «Трагедия адмирала Колчака» (3 тома, 1930 — 1931), «На пути к дворцовому перевороту» (1931), «Как большевики захватили власть» (1939), «Золотой немецкий ключ большевиков» (1940), «Судьба императора Николая II после отречения» (1951), «Легенда о сепаратном мире» (1957). Посмертно издана его книга «Мартовские дни 1917 г.» (1961).

⁴ Приказ № 1 был издан в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Петроградским Советом, олицетворявшим власть «низов». Касался войск Петроградского гарнизона и узаконивал создание в войсках солдатских комитетов, наделял солдат вне службы равными гражданскими и политическими правами, отменял титулование при обращении к офицерам, запрещал выдавать офицерам оружие и т. д. Со временем приказ получил силу закона в большинстве частей русской армии и на флоте. Сформированное 2 марта Временное правительство не рискнуло отменить его. Фактически это было началом кампании гонений на офицеров и разложения русской армии изнутри.

⁵ *Гаагские конференции* — международные мирные конференции 1899 и 1907 гг. в Гааге, на которых были приняты конвенции, регламентирующие ряд вопросов, связанных с ведением боевых действий, о законах и обычаях ведения войны, о мирном разрешении международных споров и др.

⁶ *Густав IV Адольф* (1778 — 1837) — король Швеции в 1792 — 1809 гг. Вел войну с Россией (1808 — 1809), которую проиграл.

⁷ *Каре* — город на северо-востоке Турции. В 1878 — 1918 гг. входил в состав России; с 1921 г. — в составе Турции.

⁸ *Китченер* Горацио Герберт (1850 — 1916) — британский фельдмаршал. Его имя стало широко известно после подавления махдистского восстания в Судане (1895 — 1898) и англо-бурской войны (1900 — 1902): в обоих случаях он командовал английскими войсками. В 1914 — 1916 гг. был военным министром Великобритании.

⁹ Имеется в виду нашумевшее дело военного министра России Сухомлинова Владимира Александровича. В 1916 г. его сняли с должности, арестовали и судили по обвинению в неподготовленности русской армии к войне. В 1917 г. он был осужден на пожизненное заключение, но в 1918 г. выпущен в связи с преклонным возрастом.

¹⁰ *Милютин* Николай Алексеевич (1818 — 1872) — русский экономист, товарищ министра внутренних дел. Руководил крестьянской реформой 1864 г. в Польше.

¹¹ *Миних* Бурхард Кристоф (1683 — 1767) — русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал.

¹² *Шмурло* Евгений Францевич (1853 — ?) — русский историк. Большая часть его трудов посвящена исследованию эпохи Петра I и культурных и политических связей с границей.

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890 — 1969) — американский генерал, с 1943 г. — верховный главнокомандующий войсками экспедиционного корпуса союзников в Западной Европе, в 1950 — 1952 гг. — верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО, в 1953 — 1961 гг. — президент США.

¹⁴ Видимо, опечатка. Восстание крестьян в Тамбовской губернии под руководством А. С. Антонова имело место в 1920 — 1921 гг.

¹⁵ *Кун* Бела (1886 — 1938) — венгерский социал-демократ. В 1916 г. как военнопленный попал в Россию, где вступил в РСДРП. В 1918 — 1919 гг. — один из организаторов компартии Венгрии, член правительства Венгерской советской республики. После ее падения возвратился в Россию, входил в состав Реввоенсовета Южного фронта Красной Армии. В конце 1920 — начале 1921 г. организовывал расстрелы тысяч военнопленных солдат разбитой армии генерала Врангеля.

О ЦЕРКВИ В СССР

Впервые эта работа, озаглавленная «О советской церкви», появилась в 1947 г. в двух номерах нью-йоркской газеты «Россия» — от 28 февраля (части 1 и 2) и 1 марта (части 3 — 7) за подписью «Старый Политик». В том же году она была издана отдельной брошюрой в Париже с некоторым сокращением (в частности, выпущена почти вся 5 главка) под названием «О Церкви в СССР» (именно с таким названием — со строчной первой буквой «о») под ильинским псевдонимом «С<тарый> П<олитик>» с предисловием профессора А. В. Карташева.

В России эта работа не публиковалась. Печатается впервые по тексту парижской брошюры со вставками сокращенного текста из первого издания.

¹ *Качалов* (Шверубович) Василий Иванович (1875 — 1948) — советский актер, народный артист СССР (1936), с 1900-го играл на сцене МХАТа.

² Планы Ватикана по уничтожению православия с помощью большевиков действительно имели место. Личный друг папы Пия XI католический епископ иезуит д'Эрбиньи в 20-е годы трижды (последний раз в августе — сентябре 1926 года) посещал Советскую Россию и, пользуясь гонениями на Патриарха Тихона, пытался склонить к Риму «живоцерковников» (одно из направлений оппозиционного Тихону обновленческого движения в церкви, сторонники которого открыто поддерживали большевиков и активно сотрудничали с ними). Затем перенес свои усилия на тихоновский епископат в надежде добиться избрания на патриарший престол епископа, принесшего присягу Риму. Им должен был стать Варфоломей, в миру Николай Федорович Ремов, тайно принятый в католическую церковь 10 ноября 1932 г. и нареченный папою епископом 25 февраля 1933 г. с титулом «Сергиевский». Однако этим планам не суждено было сбыться. Подробнее об этом см.: Д и а к о н А н д р е й К у р а е в . Тайный католик. О католической миссии в большевистской России в 20-х и 30-х гг.//Москва. — 1996. — № 8.

³ *Вениамин* (в миру Василий Павлович Казанский) (1874 — 1922) — митрополит Петроградский и Гдовский, возглавлявший с 1917 г. Петроградскую епархию.

⁴ *Петр* (в миру Петр Федорович Полянский) (1862 — 1937) — митрополит Крутицкий, местоблюститель патриаршего престола. 10 декабря 1925 г. был арестован органами ГПУ и провел 12 лет в полной изоляции в одиночной камере. Его жизнь и мученическая смерть подробно описаны в книге иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (Кн. 2. - Тверь, 1996. - С. 314 - 369).

⁵ «Веси*» (церк.-сл.) — знаешь.

⁶ *Сергий* (в миру Иван Николаевич Страгородский) (1867 — 1944) — с 1917 г. митрополит Владимирский, с 1925 г. заместитель патриаршего местоблюстителя и с 1937 г. патриарший местоблюститель. С 1934 г. одновременно митрополит Московский и Коломенский, с 1943 года Патриарх Московский и всея Руси.

⁷ *Алексий I* (в миру Сергей Владимирович Симанский) (1877 — 1970) — с 1943 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1945 — 1970 гг. Патриарх Московский и всея Руси.

⁸ Книга называлась «Правда о религии в России» (издательство Московской Патриархии, М., 1942).

⁹ В этом месте, видимо, пропуск текста; восстановлен нами по первому, газетному, изданию.

¹⁰ Наша вставка из первого издания.

¹¹ Далее в угловых скобках мы восстанавливаем газетный текст, опущенный в брошюре, ввиду его важности.

¹² По другим источникам год убийства Митрополита Сергия — 1944-й. См.: Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви (1917 — 1990). — М., 1994. - С. 113.

¹³ Дмитрий Донской был канонизирован Русской православной церковью 9 июня 1988 года.

¹⁴ *Гебраист* — специалист по древнееврейскому языку.

¹⁵ Здесь Ильин поступает как опытный конспиратор, выдавая себя за жителя Италии, хотя сам проживал в Швейцарии. Правда, он часто бывал в Италии, и его последующий рассказ правдив.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ПРИЗВАНИИ РОССИИ (ОТВЕТ НА КНИГУ ШУБАРТА)

Это лекция на русском языке, с которой И. А. Ильин впервые выступил в 1940 г. в Цюрихе. Автограф ее хранится в архиве философа в Мичигане, док. MQ 63. На титуле рукою Ильина проставлено: «1940. 4 ноября. Цюрих (Видоизменение для Женева. 1942. 31 мая)». На второй странице рукописи стоит пометка: «Редакция позднейшая (Женева). Отмежевание от католичества». На третьей странице рукописи еще одна пометка: «Редакция первоначальная (Цюрих). Тема — секуляризация культуры в России, идущая от Петра, правильна, но не завершена еще в Иоанновском духе».

Имеется немецкий вариант этой лекции: «Die Seele des Ostens in neuer Beleuchtung. Über das Buch Schubarts» («Душа Востока в новом освещении. О книге Шубарта»), написанный в 1942 г. Он также находится в архиве Ильина, док. Nii 107.

Вальтер Шубарт (1897 — 1941?) — немецкий писатель, философ и культуролог. Родился в Зоненберге, в Тюрингии. Учился в университетах Йены, Гейдельберга и Мюнхена; получил ученую степень доктора юридических наук; работал адвокатом. О Шубарте, невзирая на значительность его творчества, как у нас, так и на Западе мало что известно. Поэтому мы

воспользуемся ниже новейшими биографическими данными, приведенными М. Назаровым в его предисловии к первому полному русскому изданию книги «Европа и душа Востока» (М., 1997). В. Шубарт начинал свою писательскую деятельность как публицист. Одной из первых его работ была брошюра «Идеал разрушения мира» («Das Ideal der Weltzerstörung», Лейпциг, 1919 — 1920)... В 1929 г. Шубарт женился на русской эмигрантке Вере Марковне Энглерт (ур. Берман; по семейному преданию, она была внебрачной дочерью кн. Долгорукова); от первого брака (с погибшим немецким летчиком) у нее было двое детей — Максимилиан и Инга. В 1931 г. у Шубартов рождается сын Александр, в 1934 г. — дочь Нора. Видимо, жена в значительной мере повлияла на его отношение к русскому человеку и к христианству; с ее помощью он начинает изучать русский язык. (Она владела несколькими языками и тоже изучала право.)

После прихода к власти нацистов Шубарт не скрывает своего неприятия их идеологии — и уже в 1933 г. вынужден покинуть Германию; вместе с семьей он переезжает в Латвию, сначала в Вентспилс, к родственникам Веры Марковны, а с 1935 г. — в Ригу. Там он приступает к изучению философии, получает еще одну докторскую степень, начинает читать лекции в институте им. Гердера и государственном университете.

Рижский период был для Шубарта плодотворным и в публицистическом плане. Он печатает философские статьи в австрийских, швейцарских, голландских, венгерских и прибалтийских журналах. В 1938 г. в швейцарском издательстве «Вита Нова» («Vita Nova», Люцерн) выходит его первая большая книга — «Европа и душа Востока» («Eigora und die Seele des Ostens»). (Одним из руководителей этого издательства был католический теолог Отто Карер, издавший по-немецки книги В. Соловьева и Н. Бердяева, в частности его работу «Истоки и смысл русского коммунизма».) За первой книгой следуют: «Достоевский и Ницше» («Dostojewski und Nietzsche», 1939), «Духовный поворот от механики к метафизике» («Geistige Wandlung von der Mechanik zur Metaphysik», 1940), «Религия и эрос» («Religion und Eros», Мюнхен, 1941). Все эти книги после войны неоднократно переиздавались по-немецки, а также в переводах — в Голландии, Англии, Франции и США.

В 1940 г., после присоединения Латвии к СССР, Шубарт прекращает преподавательскую деятельность, надеясь переехать в Швейцарию или Венгрию. Однако советские власти предлагают ему работу в одном из московских институтов (по теме «западно-восточного примирения»). После отказа Шубар-

та следует арест его приемного сына Максимилиана и обыск на квартире, при котором конфискуется писательский архив, в том числе почти законченная рукопись новой книги «Культура и техника» (с тех пор она не разыскана). Лишь заступничество немецкого посла в Москве графа фон дер Шуленбурга, который в эти дни оказался в Риге, способствовало освобождению Максимилиана: ему было предписано в 24 часа выехать в Германию — в декабре 1940 г. В начале 1941 г. уехали и другие дети, но родители разрешения на выезд не получили.

22 июня 1941 г. началась война между Германией и СССР. За два дня до сдачи Риги немцам Вальтер и Вера Шубарт были арестованы и, по слухам, отправлены в Сибирь; дальнейшая их судьба неизвестна. Многократные запросы в современные архивы КГБ в Риге и в Москве оказались безрезультатны: «сведения в отношении Вальтера Шубарта выявить не удалось».

Интересно отметить, что книга В. Шубарта «Европа и душа Востока» практически посвящена русскому народу и России, хотя там много говорится о других народах Европы, но всегда это дается в сравнении с русским народом. Шубарт прекрасно знает русскую литературу и упоминает невероятное количество разных авторов, кроме... И. А. Ильина. Этот удивительный феномен трудно объяснить, так как брошюры Ильина о России не могли пройти мимо такого эрудита, как Шубарт. Что касается самого Ильина, то он одним из первых среди русских философов заметил книгу Шубарта и ответил на нее интереснейшей лекцией. Впервые она была опубликована в альманахе М. Назарова «Русская идея» сразу после данного там первого полного русского перевода книги Шубарта «Европа и душа Востока» (М., 1997).

Мы публикуем лекцию по автографу мичиганского архива философа.

¹ *Салтыков* Петр Семенович (1696 — 1772/73) — русский генерал, фельдмаршал. Во время Семилетней войны (1756 — 1763), командуя русской армией, разбил войска прусского короля Фридриха II при Кунерсдорфе (1759) и Пальциге (1760).

² «В память о кампании против России при содействии префекта Жюля Доазана» (*фр.*).

³ «Увидено и одобрено нами, русским комендантом города Кобленца, 1 января 1814» (*фр.*).

⁴ «*die Russland Kennen* (нем.) — «знатоки России».

⁵ «Путеводитель для дураков по русской литературе».

⁶ «Залив все нервы ядом эпилепсии, Достоевский пишет, корчась в падучей, Евангелие Всечеловечества с пеною у рта, как набитый дурак. Вся жизнь он хрипит, скрежещет, визжит,

буйствует, яростно фыркает, топает ногами, царапает, кусается, тавкает, утверждая Всечеловечество против этой ненавистой границы, в которой он потерянно блуждает, ничего не видит, ничего не слышит, ничему не учится, кроме игры в рулетку».

⁷ «Моей жене и другу Вере Марковне Шубарт посвящая».

⁸ Издательство «Vita Nova Verlag Luzern». Оно же осуществило 2-е и 3-е издания в 1943 году.

⁹ *Яковенко* Борис Валентинович (1884 — 1948) — русский философ, близкий к неокантианству. Написал, в частности, «Очерки русской философии» (Берлин, 1922).

На полях пометка Ильина: — «107». Здесь и ниже он приводит соответствующие страницы первого издания книги Шубарта 1938 г. Из-за обилия таких ссылок в дальнейшем в подобных случаях для удобства мы будем указывать автора и страницы, не оговаривая, что это пометки Ильина. В скобках для удобства мы приводим соответствующие страницы русского полного перевода книги Шубарта.

¹¹ Шубарт. 102 - 103.

¹² Он.: «Русский колокол». Берлин, 1928. — № 5. — С. 53 — 77.

¹³ *Платонов* Сергей Федорович (1860 — 1933) — русский историк, академик Российской Академии наук (1920). Написал «Лекции по русской истории», выдержавшие с 1899 по 1917 г. десять изданий.

¹⁴ Шубарт. 15 (10).

¹⁵ На полях пометка Ильина: «согласованность человека с миром».

¹⁶ На полях пометка Ильина: «господство человека над миром, жажда власти».

¹⁷ На полях пометка Ильина: «бегство от мира».

¹⁸ На полях пометка Ильина: «человек освящает мир».

¹⁹ Шубарт. 15 - 16 (11).

²⁰ Шубарт. 16 (11 - 12, 13).

²¹ Шубарт. 25 (21).

²² Шубарт. 26 (22).

²³ Шубарт. 26 (22).

²⁴ Шубарт. 67 (59).

²⁵ Шубарт. 69 (61).

²⁶ Шубарт. 72 (64).

²⁷ Шубарт. 74, 75 (66, 67).

²⁸ Шубарт. 76 (68).

²⁹ Шубарт. 76 (68).

³⁰ Слово «истина» в русском языке происходит от слова «естина», т. е. «бытие». «Истина» то, что «есть на самом деле», т. е. действительность.

³¹ Шубарт. 77 (69).

- ³² Шубарт. 79 (71).
³³ Шубарт. 79 (71).
³⁴ Шубарт. 80, срв. 116 - 117 (71, срв. 11).
³⁵ Шубарт. 81 (72).
³⁶ Шубарт. 86 (76).
³⁷ Шубарт. 88 (79 - 80).
³⁸ Шубарт. 89 (80 - 82).
³⁹ «Дрожать за каждый пфеннинг» — не признак благородной души».
- ⁴⁰ Шубарт. 90 (83).
⁴¹ Шубарт. 91 (84).
⁴² Шубарт. 95 - 96 (87).
⁴³ Шубарт. 105 (98).
⁴⁴ Шубарт. 95 (87).
⁴⁵ Шубарт. 97 (89).
⁴⁶ Шубарт. 98 - 99 (90 - 91).
⁴⁷ Шубарт. 00 (93).
⁴⁸ Шубарт. 02 (95).
⁴⁹ Шубарт. 03 (96).
⁵⁰ Шубарт. 04 (97 - 98).
⁵¹ Шубарт. 06 (99).
⁵² Шубарт. 08 (101).
⁵³ Шубарт. 08 (101).
⁵⁴ Шубарт. 09 (102).
⁵⁵ Шубарт. 10 (103).
⁵⁶ Шубарт. 09 - 110 (102 - 103).
⁵⁷ Шубарт. 12 (105).
⁵⁸ Шубарт. 13 (106).
⁵⁹ Шубарт. 15 (109).
⁶⁰ Шубарт. 16 (110).
⁶¹ Шубарт. 17 (111).
⁶² Шубарт. 18 (112).
⁶³ Шубарт. 18 (112).
⁶⁴ Шубарт. 19 (113).
⁶⁵ Шубарт. 20 (114).
⁶⁶ Шубарт. 21 (115).
⁶⁷ Шубарт. 24 - 125 (118).
⁶⁸ Шубарт. 29 (123).
⁶⁹ Шубарт. 29 (123).
⁷⁰ Шубарт. 30 (124).
⁷¹ Шубарт. 31 (125).
⁷² Шубарт. 32 (126).
⁷³ Шубарт. 33 (127).

⁷⁴ Шубарт. 133 (127). Ильин, по-видимому, переводит цитату по тексту из книги Шубарта. Это цитата из письма Ф. М. Достоевского к С. А. Ивановой от 25 января 1869 г. из Флоренции: «Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь». См. : Д о с т о е в с к и й Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 29, кн. I. — Л., 1986. - С. 10.

⁷⁵ Шубарт. 134 (128).

⁷⁶ Шубарт. 135 (129).

⁷⁷ Шубарт. 136 (131).

⁷⁸ Шубарт. 137 (132).

⁷⁹ Шубарт. 138 (132).

⁸⁰ Шубарт. 139 (133 - 134).

⁸¹ Шубарт. 141 (135).

⁸² Шубарт. 143 (138).

⁸³ Шубарт. 144 (138).

⁸⁴ Шубарт. 144 - 145 (140).

⁸⁵ Шубарт. 148 (143).

⁸⁶ Шубарт. 154 (149).

⁸⁷ Шубарт. 162 (157).

⁸⁸ Шубарт. 164 (159).

⁸⁹ Шубарт. 172 (166).

⁹⁰ Шубарт. 174 (169).

⁹¹ Шубарт. 175 (169).

⁹² Шубарт. 175 (169).

⁹³ Шубарт. 182 (177).

⁹⁴ Шубарт. 199 (194).

⁹⁵ Шубарт. 200 (195).

⁹⁶ Шубарт. 158 (153).

⁹⁷ Шубарт. 203 (197).

⁹⁸ Шубарт. 316 (307).

⁹⁹ Шубарт. 317 (301).

¹⁰⁰ Шубарт. 317 (308).

¹⁰¹ На титуле рукописи «Второго часа» проставлено Ильиным: «Цюрих 1940. XI. 4; Женева 1942. V. 31».

¹⁰² В этом месте рукописи эта строка и предыдущий абзац зачеркнуты.

¹⁰³ «Немцы», «Ненависть к немцам как культурная проблема Запада», «Англосаксы», «Французы».

¹⁰⁴ *Foxtel de Kulandj* Ньюма Дени (1830 — 1880) — французский историк. Его работа «Древняя община» («La cite antique») была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге в 1906 г.

См.: П у ш к и н А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — Т. 7. — С. 100.

- ¹⁰⁶ См.: П у ш к и н А. С. Поли. собр. соч. — Т. 8. — С. 92 - 93.
- ¹⁰⁷ См. там же.
- ¹⁰⁸ См.: П у ш к и н А. С. Поли. собр. соч. — Т. 7. — С. 100.
- ¹⁰⁹ См.: П у ш к и н А. С. Поли. собр. соч. — Т. 8. — С. 93.
- ¹¹⁰ *ex cathedra* (лат.) — с кафедры. Т. е. непогрешимо все, что папа произносит с кафедры.
- ¹¹¹ Чемберлен Хьюстон Стюарт (1855 — 1927) — философ-неокантеанец, англичанин по происхождению, перешедший во время первой мировой войны на сторону Германии. Известен своими трудами по теории рас, в которых он отстаивает превосходство арийцев над всеми другими народами, в особенности же над семитами.
- Кайзерлинг Герман (1880 — 1946) — немецкий писатель и философ-иррационалист, проповедовал возвращение к целостности бытия через обращение к восточной мудрости.
- Шпенглер Освальд (1880 — 1936) — немецкий историк, философ, представитель философии жизни. Автор известного двухтомного труда «Закат Европы».
- ¹¹² *mania grandiosa* (лат.) — мания величия.
- ИЗ ЭТОГ абзаца зачеркнут, и текст обрывается.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ ШАЛЯПИНА

Это лекция на русском языке, с которой И. А. Ильин выступал в Цолликоне и Цюрихе. Автограф ее находится в архиве философа в Мичигане, пакет № 72. На титуле пометка Ильина: «1940. сент.-окт. Цолликон-Цюрих».

Печатается впервые.

По техническим причинам лекция не вошла в том 6 книгу III настоящего собрания сочинений в раздел «Гении России». Помещая ее в раздел «О национальном призвании России», мы как бы усиливаем негативный акцент лекции, указывая на «неверные и соблазнительные пути русского таланта», на опасность растраты божественных даров, данных человеку, на пагубу большевизма в душе человеческой.

¹ Известный афоризм Гегеля (Берлинского периода): «Великий человек осуждает людей на то, чтобы они его объяснили». См.: Г. В. Ф. Г е г е л ь. Работы разных лет: В 2 т. — М., 1971. - Т. 2. - С. 557.

² Дуэ Элеонора (1858 — 1924) — итальянская актриса. Выступала с огромным успехом во многих странах мира, в том числе и в России.

³ См.: К о р о в и н К. А. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. — Париж, 1939. Здесь и далее страницы приводятся по «данию: К о р о в и н К. А. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. - М., 1993. - С. 34.

⁴ *His master's voice* (англ.) — букв, «голос своего хозяина». Такая надпись присутствовала на этикетках пластинок известной фирмы грамзаписи RCA («Radio Corporation of America»). На этикетках была изображена собака, слушающая старомодный граммофон. Символ исчез с пластинок RCA в 1970 г., теперь фирма не является ведущей. Однако в 30 — 50-е года лучшие музыкальные записи делались на пластинках с надписью «His Master's Voice», что воспринималось как знак качества.

⁵ См.: Ш а л я п и н Ф. И. Страницы из моей жизни//Собр. :оч.: В 3 т. Т. 1. - М., 1976.

⁶ См.: Ш а л я п и н Ф. И. Маска и душа//Собр. соч. — Г. 1. — М., 1976. Далее страницы приводятся по этому изданию.

⁷ На полях пометка Ильина: «Кор. 94». См.: К о р о в и н К. А. - С. 68.

⁸ Пометка Ильина: «Кор. 203». См.: К о р о в и н К. А. — С. 135.

⁹ Пометка Ильина: «Маска 285».

¹⁰ Пометка Ильина: «Маска 294 — 300».

¹¹ Пометка Ильина: «Кор. 162». См.: К о р о в и н К. А. — С. 110 — 111.

¹² Пометка Ильина: «Мааса 44 — 46». СМШ Ш а л я п и н Ф. И — С. 226.

¹³ Пометка Ильина: «Маска 46». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 227.

¹⁴ Лентовский Михаил Валентинович (1843 — 1906) — русский антрепренер, актер, режиссер. До 1894 г. занимался развитием опереточного искусства. С 1898 г. — режиссер московской русской оперы.

¹⁵ Пометки Ильина: «Кор. 5 — 7, 132, 18, 20, 205, 20». СМШ К О ? о в и н К. А. - С. 11, 90, 16, 20, 21, 140.

¹⁶ Пометка Ильина: «Кор. 213». См.: К о р о в и н К. А. — С. 142.

¹⁷ Котурны (греч. коборуоц лат. cothurni) — род сандалий на очень толстой подошве у древнегреческих и римских актеров для увеличения роста исполнителя роли, придания ему зольшей значительности. Это слово стало нарицательным для

обозначения показного величия. В данном случае ильинский «котури» можно понимать как действие.

Пометка Ильина: «Кор. 104». См.: К о р о в и н К . А . -

С. 74.

¹⁹ Авраиек Ульрих Иосифович (1853 — 1937) — хормейстер и дирижер. По национальности чех, с 1874 г. работал в России. В 1882 г. — хормейстер Большого театра. Позже народный артист РСФСР.

²⁰ Пометка Ильина: «Кор. 8, 9». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 13.

²¹ Пометка Ильина: «Кор. 58». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 44.

²² Пометка Ильина: «Кор. 116». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 81.

²³ Пометка Ильина: «Маска 261».

²⁴ Пометка Ильина: «Кор. 117». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 81.

²⁵ Пометка Ильина: «Маска 47». См.: Ш а л я п и н Ф. И. —

С. 227.

²⁶ Пометка Ильина: «Маска 340».

²⁷ Пометка Ильина: «Кор. 190». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 127.

²⁸ Пометка Ильина: «Маска 331».

²⁹ Пометка Ильина: «Кор. 125». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 85.

³⁰ Пометка Ильина: «Кор. 6». См.: К о р о в и н К . А . —

С. 12.

³¹ Усатое Дмитрий Андреевич (1847 — 1913) — русский певец и педагог. В 1880 — 1889 гг. работал в Большом театре. У него брал уроки Шаляпин.

³² Пометка Ильина: «Маска 97.351». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 253, 301.

³³ Пометка Ильина: «Маска 89». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 249.

³⁴ Пометка Ильина: «Маска 69». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 239.

³⁵ Пометка Ильина: «Маска 7». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 252.

³⁶ Пометка Ильина: «Маска 48». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 228.

³⁷ Пометка Ильина: «Маска 69». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 239.

³⁸ *chef d'oeuvre* (фр.). — шедевр, образцовое произведение, мастерски исполненная вещь.

- ³⁹ От глагола *изражать* — выражать, изъяслять, произносить.
- ⁴⁰ Пометка Ильина: «Маска 38». См.: Шаляпин Ф. И. — С. 223.
- ⁴¹ Пометка Ильина: «Кор. 196». См.: Коровин К. А. — С. 131.
- ⁴² Пометка Ильина: «Кор. 123». См.: Коровин К. А. — С. 84.
- ⁴³ Пометка Ильина: «Кор. 105». См.: Коровин К. А. — С. 75.
- ⁴⁴ *Алыпани* Ипполит Карлович (1846 — 1919) — дирижер и хормейстер. В 1882 — 1906 гг. — главный дирижер Большого театра.
- ⁴⁵ Пометка Ильина: «Кор. 124». См.: Коровин К. А. — С. 84.
- ⁴⁶ Пометка Ильина: «Срв. Кор. 106». См.: Коровин К. А. — С. 75.
- ⁴⁷ Пометка Ильина: «Маска». См.: Шаляпин Ф. И. — С. 242.
- ⁴⁸ *Труффи* Иосиф Антонович (1850 — 1925) — русский оперный дирижер, итальянец по происхождению.
- ⁴⁹ Пометка Ильина: «Кор. 6, 202». См.: Коровин К. А. — С. 135.
- ⁵⁰ Пометка Ильина: «Кор. 202». См.: Коровин К. А. — С. 135.
- ⁵¹ *Мейербер* Джакомо (Бер Якоб Либман) (1791 — 1864) — композитор, пианист и дирижер; представитель французской большой оперы.
- ⁵² Пометка Ильина: «Кор. 33». См.: Коровин К. А. — С. 29.
- ⁵³ Пометка Ильина: «Маска 81». См.: Шаляпин Ф. И. — С. 245.
- ⁵⁴ *Бойто* Арриго (1842 — 1918) — итальянский композитор и поэт.
- ⁵⁵ *фуриозный* (англ. *furious*) — разъяренный, взбешенный.
- ⁵⁶ Пометка Ильина: «Греч. 76». Видимо, ссылка на книгу А. Т. Гречанинова «Моя жизнь». — Нью-Йорк, 1951.
- ⁵⁷ Пометка Ильина: «Маска 97 и сл.». См.: Шаляпин Ф. И. — С. 253.
- ⁵⁸ Пометка Ильина: «99», т. е. «Маска», 99. См.: Шаляпин Ф. И. — С. 254.
- ⁵⁹ Пометка Ильина: «103», т. е. «Мааса», 103. См.: Шаляпин Ф. И. — С. 256.

⁶⁰ Пометка Ильина: «103», т. е. «Маска», 103. См.: Ш а л я п и н Ф. И. — Там же.

⁶¹ Пометка Ильина: «103», т. е. «Маска», 103. См.: Ш а л я п и н Ф. И. — Там же.

⁶² Пометка Ильина: «Маска 63». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 265.

⁶³ Пометка Ильина: «Кор. 81». См.: К о р о в и н К. А. — С. 28.

⁶⁴ Пометка Ильина: «Кор. 195 — 6». См.: К о р о в и н К. А. — С. 131.

⁶⁵ Мф. 5, 19.

⁶⁶ *Trattato delta pittura (um.)* — трактат о живописи.

⁶⁷ *Альберти* Леон Баттиста (1404 — 1472) — итальянский ученый, архитектор, теоретик искусства, живший в эпоху раннего Возрождения.

⁶⁸ Пометка Ильина: «Кор. 75.109.111.».

⁶⁹ Пометка Ильина: «Маска 353». См.: Ш а л я п и н Ф. И. — С. 302.

⁷⁰ *Теляковский* Владимир Аркадьевич (1861 — 1924) — русский театральный деятель. В 1898 — 1901 гг. — управляющий Московской конторой императорских театров, в 1901 — 1917 гг. — директор императорских театров.

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО

Это публичная речь, произнесенная И. А. Ильиным в 1934 г. в Риге, Берлине, Белграде и Праге. Впервые частично опубликована в 1934 г. в парижской газете «Возрождение» в № 3415 и 3459. В 1937 г. вышла отдельной брошюрой в Нарве (издание Национально-трудового союза нового поколения, издательство «За Россию», отпечатано в типографии М. Н. Минис).

Публикуется по тексту этой брошюры.

¹ Имеется в виду период внутривосточной борьбы в Китае, начало которому положила Синьхайская революция 1912 г. Этот длительный и тяжелый период, сопровождавшийся борьбой за власть различных политических сил, расколом страны, вспышками гражданской войны и широкомасштабными боевыми действиями, закончился лишь в 1949 г. установлением власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном.

² Из стихотворения А. С. Пушкина «Ворон к ворону легит...» (1828).

³ См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. — М., 1989. — С. 195.

⁴ Мф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27; ср. Втор. 6, 5.

⁵ Из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828 — 1829).

⁶ Из стихотворения А. С. Пушкина «Еще одной высокой, важной песни...» (1829).

⁷ Этот афоризм принадлежит самому И. А. Ильину. Впервые в его брошюре «Духовный смысл войны» (1915). См.: Ильин И. А. Родина и мы. — Смоленск, 1995. — С. 73.

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Это доклад И. А. Ильина на русском языке, с которым он выступил в Женеве в начале декабря 1937 г. на съезде Русского христианского движения на вилле де Бюдэ. Рукопись его хранится в мичиганском архиве философа (док. 51, Nb 3).

Часть доклада в переработанном виде Ильин издал в 1952 г. под названием «Надо готовить грядущую Россию» (см.: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. - Т. 2, кн. II. - С. 70 - 74.)

Публикуется впервые по архивному экземпляру.

¹ *Кокошицин* Федор Федорович (1871 — 1918) — один из основателей и лидеров кадетской партии. Депутат I Государственной думы. В 1917 г. — государственный контролер Временного правительства.

² *Эвентуальный* (от лат. *eventus* — случай, исход) — возможный при случае, при соответствующих обстоятельствах.

³ Слово «общение» здесь следует понимать как обеспечение общего интереса.

⁴ «солдате» и «сакрифицио» (ит.) — «солдат» и «жертвенное служение».

⁵ *гетерономна* — т. е. она выступает как нечто внешнее, чужое по отношению к данному обществу.

⁶ «Внутренняя линия» — секретная контрразведывательная организация, созданная в Русском общевойсковом союзе (РОВС) в 20-е годы с ведома его руководства для противодействия советской агентуре. По имеющимся данным, инициаторами «Внутренней линии» и ее руководителями были чины РОВСа в Болгарии (капитан К. А. Фосс, Д. Н. Закржевский, генерал П. Н. Шатилов). Однако секретность способствовала развитию негативных тенденций в ее деятельности (собственная система шпионажа во многих эмигрантских организациях; беспринципность в выборе средств, свойственная всем разведкам), что вызвало возмущение, разоблачение «Внутренней ли-

Ини» и необоснованное приписывание ей связи с советскими изведорганами (см. книги Б. В. Прянишникова «Незримая паутина». — Нью-Йорк, 1979; «Новопоколенцы». — Нью-Йорк, 1986; «Силвер Спринт». — Нью-Йорк, 1986). Деятельность «Внутренней линии» подверглась расследованию внутри РОВСа (комиссией под руководством генерала И. Г. Эрдели, осудившей методы ее действий), и она была распущена. Тем не менее ее давние стали нарицательными в эмигрантских кругах. Более подробно см. об этом в книге М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» (М., 1994).

⁷ Брошюра «Спутник русского христианина-националиста» вышла в 1937 г. в Женеве без подписи автора и представляла собой сокращенный вариант работы И. А. Ильина «Основы юрбды за национальную Россию». Переиздана в Женеве в 1939 г. Понятно, что в 1937 г. Ильин ссылается на брошюру, а не на основную работу, которая появилась только в 1938 г.

⁸ Сведений об этом английском юристе-законодателе найти не удалось.

⁹ *ad hoc* (лат.) — букв.: к этому; для данного случая, для той цели, кстати.

¹⁰ Ср.: Ин. 9, 6-7.

¹¹ *Абсентеизм* (от лат. *absens* (*absentis*) — отсутствующий) — массовое уклонение избирателей от участия в голосовании при выборах представительных органов власти, главы государства и

Д.¹² *Комбатанты* (от фр. *combattant*) — лица, входящие в состав вооруженных сил.

ПРОЕКТ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Это отпечатанная на машинке рукопись, датированная 1938 г. и хранящаяся в мичиганском архиве Ильина (док. 50). На титуле его рукой проставлено: «Авторский, 1938, авг.».

На первой странице стоит пометка: «Примечание к документу 50» и далее помещен текст:

«При сличении настоящего экземпляра машинописи с другим оттиском той же машинописи было обнаружено, что в том другом экземпляре были сделаны рукой автора следующие изменения и дополнения:

в статье 8 Раздела первого — слово «правым» зачеркнуто и аменено словом «верным»;

в статье 14 Раздела первого — слово «грозное» зачеркнуто [заменено словом «строгое»;

в ст. 16 Раздела первого — вставлена новая начальная фраза: «Солдатом именуется всякий военнослужащий от рядового до старшего генерала».

Настоящая машинопись исправлена соответственно этим изменениям и дополнениям автора».

На самом деле в этой машинописи больше исправлений, которые, возможно, были сделаны Ильиным позже. Мы публикуем исправленный текст.

Два отрывка из этого труда: «Кое-что об основных законах будущей России» и «О правах и обязанностях российских граждан» — были изданы в трех бюллетенях РОВСа под номерами 157, 158, 159 (последний от 15 августа 1952 г.) и после смерти И. А. Ильина вошли в его знаменитый двухтомник «Наши задачи».

Впервые полностью с дополнительными подготовительными материалами опубликовано в издательстве «Рарогъ» (М., 1996). Здесь печатается по архивной рукописи.

¹ *In copiose* (лат.) — в полном составе.

СОДЕРЖАНИЕ

О большевизме и коммунизме

Большевизм и кризис современного правосознания	7
Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы.	27
Разрушение семьи в советском государстве.	85
Возникновение большевизма из духовного кризиса современ- ности.	116
Яд. Дух и сущность большевизма.	141
Коммунизм и мировой порядок.	188

Мученичество. Церковь в советском государстве

Против безбожия.	223
Мученичество церкви в России.	269
Христианство и большевизм.	282
Наступление на Восточную Христианскую Церковь	294
О христианском сопротивлении коммунистическому господству.	310

Советский Союз — не Россия

Советский Союз — не Россия. Памятные тезисы	323
О Церкви в СССР.	358

О национальном призвании Россия

О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта).	373
Художественное призвание Шаяпина.	415

Творческая идея нашего будущего

Творческая идея нашего будущего. . . . . "	453
Основы государственного устройства.	488
Проект Основного Закона Российской Империи.	509
КОММЕНТАРИИ.	573

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений
• 10 томах

Том 7

Редактор В. Н. Шимши
Художественный редактор Г. Л. ИИ «у»
Технический редактор И. И. Павлом
Корректор» А. З. Лазуткина, Н. Д. ВГМfOM
Компьютерный набор О. В. Лисят*
Компьютерная аерсгка В. В. Горакoа», А. М. ToKf

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23.10.96.
[олшеано • печать с оригинала-макета 09.02.98. формат 84х108/32. Бумага газетная. На
• п. - офсетная. Гарнитура Тайме. Печать офсетная. Уса. печ. л. 32,03 (• т. ч. п.л. 0,11).
L-га. л. 31,00 (• т. ч. пел. 0,03). **Тираж** 14 000 экз. Заказ № 87063 . С-009. Изд. инд. НА - 54.

Набор а аерст выполнены • издательстве «Русская пап»
Каапета Росуіеіmt Фелераан по печати. 123557, Моема, Б. Тишинский пер, 38.

Отпечатано в АО «Молодая парпш». 103030, Москва, Суцеская ул., 21.